Библейско-богословская коллекция
Серия «БОГОСЛОВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Голубцов А.П.

ПРЕНИЯ О ВЕРЕ, ВЫЗВАННЫЕ ДЕЛОМ КОРОЛЕВИЧА ВАЛЬДЕМАРА И ЦАРЕВНЫ ИРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (**www.axion.org.ru**), 2011

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2011

АЛЕКСАНДРЪ ГОЛУБЦОВЪ.

ПРЕНІЯ О ВѢРѢ,

ВЫЗВАННЫЯ ДѢЛОМЪ

КОРОЛЕВИЧА ВАЛЬДЕМАРА И ЦАРЕВНЫ ИРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ.

Дозволено цензурою. Москва, 1юля 5 дня, 1891 года.
Цензоръ *Архимандритъ Арсеній.*

Время московскаго патріарха Іосифа, представляющее по своимъ событіямъ глубокій интересъ для церковнаго историка, до сихъ поръ весьма мало разъяснено въ литературѣ и продолжаетъ вызывать о себѣ различныя до-противоположности сужденія ученыхъ. Въ то время, какъ одни считаютъ правленіе патр. Іосифа временемъ господства въ русскомъ народѣ самыхъ грубыхъ пороковъ, временемъ полнаго умственнаго застоя и страшнаго невѣжества, породившаго въ русской церкви расколъ старообрядства, другіе, наоборотъ, находятъ его свѣтлымъ, прогрессивнымъ, временемъ улучшеній всякаго рода во всей русской жизни, подготовившимъ почву для великаго патріарха Никона съ разными его церковными исправленіями. Рѣшить вопросъ: на чьей сторонѣ правда? можетъ лишь тщательное и детальное изученіе всѣхъ событій, происходившихъ въ русской церкви въ правленіе патр. Іосифа. Не имѣя возможности заняться рѣшеніемъ такой сложной и, нужно замѣтить, весьма нелегкой задачи и представить полную характеристику даннаго времени, авторъ предлагаемаго изслѣдованія взялъ на себя трудъ изучить такъ называемыя пренія о вѣрѣ православныхъ богослововъ съ лютеранами въ связи съ дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, ихъ вызвавшимъ.

Важность изученія избраннаго имъ предмета изслѣдованія для разъясненія царствованія Михаила Ѳеодоровича и патріаршествованія Іосифа съ давняго времени сознавалась учеными. Не видя надобности перечислять здѣсь лицъ, занимавшихся дѣломъ королевича Вальдемара случайно, какъ говорится, мимоходомъ, назовемъ тѣхъ, чьи работы по данному вопросу доселѣ не утратили своего значенія. С. М.

Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи (IX. стрр. 315 — 341 М. 1866; X, стр. 122 — 123 СПБ. 1860), на основаніи *датскихъ* документовъ главнаго московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, въ существенныхъ чертахъ изложилъ исторію сватовства королевича Вальдемара за царевну Ирину, пріѣзда жениха въ Москву и пребыванія его въ ней. Н. И. Костомаровъ, воспользовавшись разсказомъ Соловьева, въ своихъ историческихъ монографіяхъ (Русск. истор. въ жизнеописаніяхъ, отд. II, вып. 4, стрр. 50—56 СПБ. 1874) кратко и *весьма живо* изобразилъ событіе съ женихомъ царской дочери, чему много способствовало, помимо таланта автора, датское «Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара Христіяна Гильденлеве», на которое Соловьевъ обратилъ весьма мало вниманія. Въ 1884 году г. Дм. Цвѣтаевъ въ статьѣ: «Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода» (Русск. Вѣстн. т. 172, стрр. 754—793) расширилъ и въ одномъ мѣстѣ исправилъ извлеченія С. М. Соловьева изъ датскихъ дѣлъ московскаго архива и первый изъ писателей сдѣлалъ небольшія выдержки изъ русской «Повѣсти о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича, случившейся по безуспѣшному дѣлу супружества княжны Ирины Михайловны съ Валдемаромъ королевичемъ». Названные нами авторы въ своихъ работахъ имѣли въ виду гражданскую сторону событія, собственно дѣло королевича Вальдемара, весьма любопытное по отношенію къ тогдашнимъ русскимъ нравамъ и понятіямъ. Церковная сторона событія, обращавшая на себя вниманіе еще преосвящ. Евгенія Болховитинова (Словарь, подъ слов. Михаилъ, протопопъ Черниговскій) и имѣющая важное значеніе для сужденія о состояніи просвѣщенія на Москвѣ въ половинѣ XVII вѣка, менѣе счастлива была въ своей научной обработкѣ. Въ 1861 году г. Никольскій въ статьѣ: „Матеріалы для исторіи русско-церковной полемики противъ лютеранства въ первой половинѣ XVII столѣтія (Прав. Соб. 1861 г., ч. 2 стрр. 241—276. 391—418), далъ общее, не совсѣмъ вѣрное представленіе о ходѣ преній, довольно подробно изложилъ содержаніе одного сочиненія, вызваннаго полемикой, и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній касательно его

характера. Къ сожалѣнію, авторъ соединилъ, вслѣдствіе неисправности рукописи Соловецкой библіотеки (№ 604), которою пользовался, въ одно сочиненіе три разнородныхъ памятника и, разумѣется, допустилъ погрѣшности въ своихъ сужденіяхъ. Въ 1862 году А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ были обстоятельно описаны три сборника Синодальной библіотеки (№№ 279—281, отд. II, ч. 3), содержащіе въ себѣ большую часть памятниковъ интересующихъ насъ преній о вѣрѣ. И. И. Соколовъ въ своемъ сочиненіи: „Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“ представилъ краткій и недостаточно отчетливый очеркъ содержанія посланій, которыми въ самомъ началѣ полемики обмѣнялись патр. Іосифъ съ королевичемъ Вальдемаромъ, и попытался опредѣлить значеніе дѣла королевича Вальдемара и вызванныхъ имъ преній о вѣрѣ для своего времени. На основаніи главнымъ образомъ трехъ послѣднихъ работъ передано содержаніе преній преосвящ. Макаріемъ въ его Исторіи Русской Церкви (XI, 105—114) и вышеупомянутымъ г. Цвѣтаевымъ (Литер. борьба съ протестантствомъ, стр. 110—122; сл. Протестантство и протестанты въ Россіи, стр. 649—670).

Изъ представленнаго краткаго обзора литературы вопроса легко видѣть, что предметъ настоящаго изслѣдованія не новый и не разъ былъ изучаемъ, но далеко не можетъ считаться вполнѣ изученнымъ и окончательно выясненнымъ. Работы, посвященныя преніямъ о вѣрѣ, не обнимаютъ собою и трети памятниковъ данной полемики, носятъ на себѣ разрозненный характеръ, не свободны отъ крупныхъ недостатковъ и вообще оставляютъ желать многаго. Цѣльной, основанной на изученіи всѣхъ относящихся сюда рукописныхъ матеріаловъ исторіи преній о вѣрѣ въ связи съ событіемъ, ихъ вызвавшимъ, до сихъ поръ нѣтъ. Восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей церковно-исторической наукѣ, воспроизвести преніи о вѣрѣ въ порядкѣ слѣдованія ихъ одного за другимъ, въ связи съ явленіями, имъ предшествовавшими и за ними слѣдовавшими, опредѣлить характеръ религіознаго спора и значеніе его для своего времени и составляетъ задачу предлагаемаго труда.

Матеріалы, служащіе къ выполненію поставленной авторомъ задачи, довольно разнообразны и многочисленны. Памятники преній о вѣрѣ и документы, относящіеся къ дѣлу Вальдемара, сохранились въ большомъ числѣ, частію въ подлинникахъ, частію въ копіяхъ и спискахъ, разсѣянныхъ по разнымъ отечественнымъ и заграничнымъ рукописнымъ собраніямъ. Авторъ имѣлъ возможность пользоваться документами главнаго московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и рукописными сборниками библіотекъ Московской Синодальной, Императорской Публичной, гр. Румянцева, В. М. Ундольскаго, Общества исторіи и древностей россійскихъ, всѣхъ четырехъ духовныхъ Акедемій, Архангельской духовной Семинаріи, Флорищевой пустыни и Е. В. Барсова. Трудами своихъ предшественниковъ по работѣ авторъ пользовался не иначе, какъ провѣривши ихъ напередъ первоисточниками. Въ полемику съ учеными онъ почти не входилъ, всегда противопоставляя ихъ ошибочнымъ сужденіямъ и выводамъ факты, которые сами говорятъ за себя.

Обиліемъ и полнотой источниковъ опредѣлился основной пріемъ изслѣдованія. Сравнительно рѣдко, въ изложеніи преній и дѣла Вальдемара, авторъ вставлялъ свои сужденія, говорилъ отъ себя; въ большинствѣ случаевъ ему представлялась полная возможность судить обо всемъ словами дѣятелей, игравшихъ роль въ событіяхъ, выводить на сцену самихъ дѣйствующихъ лицъ съ ихъ взглядами, убѣжденіями и даже съ ихъ собственными рѣчами. Простосердечный разсказъ современниковъ описываемыхъ событій и участниковъ въ нихъ не всегда, быть можетъ, удовлетворяетъ теперешнимъ литературнымъ требованіямъ, но онъ лучше вводитъ въ то время и въ то общество, съ которыми авторъ поставилъ себѣ цѣлію познакомить читателя.

Чтобы дать возможность каждому занимающемуся русскою церковною исторіей продолжать въ томъ или другомъ направленіи работу по данному вопросу, пересмотрѣть и исправить предлагаемое сочиненіе, авторъ послѣдняго счелъ нужнымъ напечатать часть рукописнаго, далеко не для всѣхъ въ одинаковой степени доступнаго матеріала, изученіемъ котораго онъ занимался, именно *памятники преній о вѣрѣ*,

возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара. Изданіе памятниковъ благоволило принять на себя Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, за что авторъ приноситъ ему глубокую благодарность.

Пренія о вѣрѣ, вызванныя сватовствомъ королевича Вальдемара за царевну Ирину.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Забота ц. Михаила Ѳеодоровича о пріисканіи жениха царевнѣ Иринѣ.— Стремленіе велл. князей и царей московскихъ вступать въ браки съ иноземными владѣтельными домами; попытки въ этомъ отношеніи Іоанна III, Грознаго, Годунова и Михаила Ѳеодоровича, ихъ безуспѣшность и причины ея.—Историческія явленія, способствовавшія возникновенію и развитію національной и религіозной розни между православною Русью и латинскимъ Западомъ. — Перемѣна въ положеніи вел. князя московскаго вызванная флорентійскою уніей и паденіемъ Константинополя, и одно изъ послѣдствій ея.—Усилія напр. католической Польши въ XVI и началѣ XVII в. подчинить русскую церковь римскому престолу; соборное постановленіе 1620 г. о перекрещиваніи латинянъ и его значеніе въ рѣшеніи вопроса о бракахъ православныхъ съ католиками и лютеранами. — Характеръ отношеній къ послѣднимъ русскаго правительства и общества во второй четверти XVII ст.—Рѣшеніе Михаила Ѳеодоровича вызвать жениха для своей дочери изъ—за границы.

Въ апрѣлѣ 1640 г. царевнѣ Иринѣ, старшей дочери царя Михаила Ѳеодоровича, исполнилось тринадцать лѣтъ (родил. 22 апр. 1627 г.); по тогдашнимъ понятіямъ это было уже время позаботиться родителямъ о пріисканіи ей жениха. Послѣ ряда войнъ съ сосѣдними государствами и разныхъ хлопотъ объ исправленіи русской земли, подъ конецъ царствованія, многосемейный царь и занялся преимущественно устройствомъ судьбы своей любимицы.

Рѣшеніе брачнаго вопроса сдѣлалось къ тому времени въ царской семьѣ дѣломъ если не невозможнымъ, то во всякомъ случаѣ весьма затруднительнымъ.

Въ удѣльный періодъ русской исторіи великіе князья въ данномъ отношеніи были много счастливѣе Михаила Оеодоровича, какъ и всѣхъ вообще самодержавныхъ государей московскихъ, потому что совсѣмъ не знали тѣхъ стѣсненій и препятствій, которыя обнаружились потомъ, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ явленій. Сами они женились и сыновей своихъ женили на княжнахъ своего же рода, на дочеряхъ удѣльныхъ князей и знатныхъ бояръ; дочерей своихъ выдавали за тѣхъ же князей и бояръ. Отношенія равенства и независимости, въ какихъ стояли между собой и къ своимъ дружинникамъ — боярамъ князья, какъ нельзя болѣе благопріятствовали подобнымъ родственнымъ связямъ. Съ другой стороны, до порабощенія Руси монголами, при частыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ нашихъ князей съ сосѣдними государями по дѣламъ житейской надобности, представлялась имъ полная возможность вступать въ браки съ иноземцами. Исторія показываетъ, что князья широко пользовались этою возможностію и состояли въ родствѣ почти со всѣми извѣстными въ то время владѣтельными домами [1]).

Со временемъ, когда „разнесенная розно“ земля собралась и объединилась подъ властію князя московскаго, условія для заключенія брачныхъ союзовъ въ семьѣ послѣдняго существенно измѣнились. У в. кн. московскаго было теперь не мало причинъ избѣгать браковъ съ своими князьями и боярами и заключать ихъ на сторонѣ съ иноземными *государскими* домами. Но мѣрѣ того, какъ московское княжество подчиняло себѣ всѣ остальныя, а его хозяинъ изъ равнаго между князьями становился первымъ между ними, *государемъ всея Руси*, независимые ранѣе удѣльные князья и бояре дѣлались служилыми людьми, *холопами* послѣдняго. Вступать въ родственныя отношенія со своими слугами вел. князю московскому уже было не пригоже, не говоря о томъ, что

1) Карамзинъ, И. Г. Р. кн. I, т. I, столбб. 77—78, 120, 126—131; т. II, 18—21, 60, 64, 85, 99, 119, 159, 184; т. III, 39, 50, 56; т. IV, 69—70, 95, 110, 165, изд. Эйнерлинга.

подобнаго рода браки шли въ разрѣзъ съ его политикой. Всѣ стремленія в. князя направлялись къ тому, чтобы выдѣлиться изъ князей и бояръ и привести ихъ всѣхъ въ свою волю; между тѣмъ, вступая въ бракъ съ дочерью кого-либо изъ нихъ, онъ завѣдомо унижалъ бы свое царственное достоинство и давалъ бы средства для борьбы съ собою боярской средѣ, то-есть, въ сущности лѣвою рукою разрушалъ бы то, что созидала его правая. Поэтому великіе князья московскіе, проникнутые идеею самодержавія, заботятся объ устраненіи представившагося имъ затрудненія, усердно стараются найти себѣ и своимъ сыновьямъ невѣстъ *„въ иныхъ государствахъ у короля или у царя котораго“* и не прежде, какъ испытавъ полную неудачу заграницею, женятся на дочеряхъ своихъ служилыхъ людей. Въ послѣднемъ случаѣ, по примѣру византійскихъ владыкъ [1]), наши в. кн. московскіе избираютъ себѣ невѣстъ изъ дѣвицъ всей русской земли, свое личное, семейное дѣло хотятъ превратить въ событіе общее, всенародное, въ полномъ смыслѣ государственное, и придумываютъ особый обрядъ *нареченія въ царевны* обранной невѣсты, чтобы поставить свою личность выше всѣхъ въ глазахъ подданныхъ. Бракъ царской дочери съ тѣмъ или другимъ подданнымъ не могъ имѣть такого значенія, какое хотѣли усвоить женитьбѣ царя или его сына на дочери князя или боярина. Выдавая дочь за своего слугу, государь тѣмъ самымъ возвышалъ послѣдняго до несвойственной ему высоты въ ущербъ чести своего рода. Здѣсь именно нужно искать главнаго объясненія тому явленію, почему в. князья московскіе, начиная съ Іоанна III, не допускаютъ браковъ своихъ дочерей съ подданными и стремятся выдавать ихъ за иноземныхъ государей и за государскихъ дѣтей [2]). Не нужно забывать впрочемъ, что князья наши, вступая въ брачныя связи съ иноземными владѣтельными домами, за весьма немногими исключеніями, руководились еще политическимъ разсчетомъ или желаніемъ тѣхъ или другихъ выгодъ своему государству.

---

1) И. Е. Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царицъ, т. II, стрр. 214—217.
2) Котошихинъ, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 12 изд. 2-го.

Великій князь Іоаннъ III, ставши послѣ своего брака съ Софіею Палеологъ еще болѣе самодержавнымъ, чѣмъ прежде, считалъ весьма желательнымъ повѣнчать своихъ сыновей на иноземкахъ изъ владѣтельныхъ домовъ. Онъ успѣлъ, не безъ политическаго разсчета, старшаго сына женить въ 1482 году на дочери молдавскаго господаря Стефана IV, а дочь Елену выдать въ 1495 году за литовскаго короля и в. кн. Александра. Чрезъ послѣднюю, жившую въ Литвѣ и имѣвшую возможность узнать, у кого изъ иностранныхъ государей есть дочери невѣсты, Іоаннъ пытался найти и для остальныхъ своихъ сыновей знатныхъ дѣвицъ. „Сынъ мой Василій, а твой братъ, писалъ онъ Еленѣ, мои дѣти, Юрій и Дмитрей, а твоя братья, далъ Богъ, того доросли, что ихъ пригоже женити, *гдѣ будетъ пригоже;* и ты бы, дочка, отвѣдала: у которыхъ государей греческаго закона или римскаго закону будутъ дочери, гдѣ бы пригоже мнѣ сына своего Василія женити, или у которыхъ и не у великихъ государей будутъ дочери или у государскихъ дѣтей, которыя будутъ на государствѣ..., гдѣ взвѣдаешь, и ты намъ пришли сказать съ нашими бояры“ [1]). Іоаннъ справлялся у дочери: нѣтъ ли невѣстъ у деспотовъ сербскихъ, засылалъ сватовъ въ Германію и Данію и, наконецъ, женилъ ихъ на дочеряхъ своихъ служилыхъ людей. Вел. князь Василій Ивановичъ выдалъ сестру свою Евдокію за казанскаго царевича Куйдакула, а самъ, разведшись съ Соломоніей за ея бездѣтность, женился на Еленѣ Глинской, воспитывавшейся *въ знатномъ владѣтельномъ* домѣ. Первою мыслію Іоанна IV было искать себѣ невѣсты *въ иныхъ царствахъ, у короля или у царя котораго*; и только совѣтъ митрополита — взять жену изъ русскихъ,—да личныя опасенія не сойтись нравомъ съ иноземкой заставили молодаго царя позабыть на время о своемъ намѣреніи. Была избрана въ невѣсты царю Анастасія Романовна, со смертію которой Грозный хотѣлъ было стать зятемъ королей сначала польскаго Сигизмунда I, потомъ шведскаго Густава I Вазы. Мысль о знатной, царственной невѣстѣ не покидала потомка кесаря Августа до самой его

[1]) **Забѣлинъ, т. II, стр. 212.**

смерти. Въ 1582 году при своей живой женѣ Маріи Нагой онъ сватался къ племянницѣ англійской королевы Елизаветы Маріи Гастингсъ. Дворянинъ Ѳ. А. Писемскій, отправленный для этой цѣли въ Англію, долженъ былъ повидать невѣсту, накрѣпко высмотрѣть ее и разузнать все, касающееся Маріи и ея родственниковъ. „Буде королева скажетъ, говорилось въ наказѣ послу, что у государя есть супруга, отвѣчать: государь нашъ по многимъ государствамъ посылалъ, чтобъ ему, государю великому, *по себѣ пріискать невѣсту*, да не случилось: и государь взялъ за себя въ своемъ государствѣ боярскую дочь не по себѣ; и будетъ королевнина племянница дородна и того великаго дѣла достойна, государь нашъ царь и великій князь, свою оставя, сговоритъ за королевнину племянницу“ [1]). Еще задолго до своего послѣдняго сватовства, въ апрѣлѣ 1573 года, Грозный выдалъ свою двоюродную племянницу Марью Владиміровну за датскаго принца Магнуса. У Бориса Годунова было несравненно болѣе, чѣмъ у Грознаго, причинъ домогаться брачныхъ связей съ иноземными княжескими домами; помимо государственной пользы, онѣ могли возвысить значеніе его рода въ глазахъ многихъ русскихъ князей и бояръ, еще такъ недавно видѣвшихъ и считавшихъ Годуновыхъ гораздо ниже себя, и упрочить престолъ въ его домѣ. Любящій отецъ и умный государственный мужъ прекрасно понималъ это и потому все время усиленно хлопоталъ дочь свою Ксенію выдать за иноземнаго принца, а сына Ѳеодора, которому предназначалъ престолъ, женить на знатной иностранкѣ.

Бѣдственныя времена, наставшія со смутой для царскаго престола, имѣли немаловажное значеніе въ рѣшеніи брачнаго вопроса для послѣдующихъ царей и в. князей московскихъ. Гибель двухъ царственныхъ особъ, сначала Бориса Ѳеодоровича, потомъ Василія Ивановича, по суду лучшихъ людей XVII вѣка, учинилась *отъ вельможъ лукавыхъ*, все еще помнившихъ о своей удѣльной равноправности съ князьями московскими и продолжавшихъ бороться съ ними уже не открыто,

[1]) Дм. Цвѣтаевъ, Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода, въ Русск. Вѣстн. т. 172, стр. 156—157, ср. Карамзина кн. 3, т. IX, ст. 248.

какъ бывало прежде, а путемъ тайныхъ заговоровъ и измѣны. Вступать въ близкія родственныя отношенія съ крамольничавшими боярами первому послѣ смутнаго времени царю нужно было крайне осторожно. Въ цѣляхъ личной безопасности, упроченія престола за домомъ Романовыхъ и успокоенія государства, Михаилу Ѳеодоровичу даже лучше было поискать себѣ невѣсты на сторонѣ. Подобныя соображенія, конечно, могли не прійти въ голову молодому и неопытному царю, но ихъ не могъ обойти государевъ отецъ, умный, осторожный, болѣе своего сына знакомый съ причинами смуты патр. Филаретъ Никитичъ. Недаромъ въ то время, какъ молодой царь все еще продолжалъ помнить разъ облюбованную имъ невѣсту Марью Ив. Хлопову и не покидалъ мысли о бракѣ съ нею, въ обществѣ пронесся слухъ, который приписывали патр. Филарету, о женитьбѣ Михаила Ѳеодоровича на литовской княжнѣ. Хотя *великіе государи* отказались отъ этого брака, не обѣщавшаго при тогдашнихъ натянутыхъ отношеніяхъ къ Полько-Литовцамъ ничего хорошаго, однако мысль о женитьбѣ на иноземкѣ продолжала жить въ царской семьѣ. Михаилъ Ѳеодоровичъ по совѣту своего отца и противъ воли матери, не разъ засылалъ пословъ за границу поразвѣдать: нѣтъ-ли у кого изъ государей дочери или сестры, которая годилась бы ему въ жены. Въ 1621—1622 г. онъ сватается чрезъ своихъ пословъ за Шлезвигъ-Голштинскую принцессу Доротею-Августу, племянницу датскаго короля Христіана IV-го. Получивъ отказъ подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣвица уже сговорена за князя цесарской области, Михаилъ Ѳеодоровичъ въ генварѣ 1623 года посылаетъ гонца къ шведскому королю Густаву Адольфу съ предложеніемъ жениться на его свояченицѣ Бранденбургской маркграфинѣ Екатеринѣ [1]).

Къ началу сороковыхъ годовъ XVII ст., то-есть, ко вре-

---

[1]) Дм. Цвѣтаевъ, Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ, Русск. Вѣстн. т. 172, стрр. 156 – 199. 736—754; Карамзинъ, кн. 2 т. VI, стб. 9. 37—45. 149. 154 — 162 207; т. VII, стб. 7. 83, т. VIII, 55—58; кн. 3 т. IX, 20. 110. 114. 162. 100—104. 246—255; т. XI, стб. 21. 28—34; С. М. Соловьевъ, Ист. Р. т. IX, стр. 169—172, Москва 1866.

мени замужества Ирины Михайловны вызывать *„изъ чужихъ земель и ордъ царевичей или королевичей“* для царевенъ вошло въ обычай у великихъ князей и царей московскихъ. Строго сообразуясь съ этимъ обычаемъ, Михаилъ Осодоровичъ могъ выдать свою любимицу единственно за иноземнаго государскаго сына. Но если когда, такъ именно послѣ смутной эпохи у московскаго царя было всего менѣе возможности отдать свою *православную* дочь за *иновѣрнаго* принца. По мѣрѣ того, какъ увеличивалась потребность у нашихъ князей и царей въ брачныхъ связяхъ съ иноземными владѣтельными домами, возможности къ ея удовлетворенію у нихъ становилось все меньше и меньше. Въ объясненіе этого изъ нѣсколькихъ причинъ, мѣшавшихъ заключенію смѣшанныхъ браковъ въ московской великокняжеской семьѣ, согласно съ предметомъ своего изслѣдованія, мы укажемъ лишь на прогрессивно возраставшую непріязнь православной Руси къ иновѣрному западу и на обязанность московскихъ государей стоять во главѣ охраны православія и благочестія.

Въ продолженіе всего кіевскаго періода нашей исторіи браки русскихъ князей съ западно-европейскими государями, какъ замѣчено выше, были довольно обычнымъ явленіемъ. Не раздѣляя всецѣло враждебнаго взгляда на латинянъ, какъ на злѣйшихъ еретиковъ, переданнаго новообращенной Руси ея духовными наставниками, и даже забывая вслѣдствіе близкаго сосѣдства и постояннаго общенія свою вѣроисповѣдную рознь съ папежанами, они свободно приводили себѣ невѣсть отъ иновѣрцевъ и отдавали за нихъ своихъ дочерей, при чемъ иноземки, выходя за нашихъ князей, принимали православіе, наоборотъ, наши княжны, нужно думать, католичество [1]). Съ нашествіемъ монголовъ, брачные союзы нашихъ князей съ латинянами становятся, наоборотъ, очень рѣдки. Это вполнѣ естественно и понятно. Татарское иго разобщило Русь съ Западомъ; какъ бы отодвинутые монголами еще дальше на востокъ, наши предки прекратили прежнія постоянныя сношенія съ латинянами и

[1]) **Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц. т. I, полов. 2, стрр. 689—698. 711—718; пр. Макарій, И. Р. Ц. т. II, стрр. 255 — 260 изд. 1855 г.; „О бракѣ православныхъ съ неправославными“ въ Прав. Собес. 1863 г. ч. I стрр. 57—86.**

зажили своею особою, замкнутою жизнію. Эта изолированность заключала въ себѣ благопріятныя условія для успѣшнаго усвоенія Русскими того крайняго взгляда на латинянъ, который въ періодъ домонгольскій былъ достояніемъ немногихъ, преимущественно лицъ духовныхъ и людей грамотныхъ. Чувство нерасположенности избраннаго меньшинства ко всему иновѣрному, обусловливаемое крайними воззрѣніями на латинянъ, подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ явленій, постепенно росло и незамѣтно отъ однихъ передавалось другимъ. Поведеніе латинскаго запада въ отношеніи къ Руси не только не уменьшало, напротивъ усиливало въ послѣдней непріязнь къ первому и самымъ дѣломъ оправдывало тѣ понятія, какія внушены были нашимъ предкамъ о латинахъ православною Византіей. Съ конца перваго и въ продолженіе всего втораго періода происки папскаго престола — подчинить себѣ нашу церковь не на шутку безпокоятъ нашихъ предковъ, принимаютъ по временамъ довольно серіозный и настойчивый характеръ. Не говоря подробно объ отношеніяхъ католицизма къ Россіи и о попыткахъ папъ установить унію, достаточно упомянуть для XIII в. о посланіяхъ Иннокентія III, Гонорія III, Григорія IX, о небезъуспѣшной пропагандѣ Доминиканскаго ордена въ Кіевѣ и Галиціи и усиленной дѣятельности Иннокентія IV, для XIV—XV вѣка о преслѣдованіи православія въ предѣлахъ великаго княжества литовскаго. Вѣковая и ожесточенная политическая борьба московской Руси съ сосѣдними латинскими народами — поляко-литовцами едвали не болѣе всего содѣйствовала развитію вражды въ нашихъ предкахъ къ западу. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что наши князья XIII—XIV и начала XV в. предпочитали жениться на русскихъ княжнахъ, на дочеряхъ или сестрахъ ханскихъ, принимавшихъ православіе, чѣмъ на латинянкахъ. Характеръ отношеній западныхъ сосѣдей къ православной вѣрѣ и русской землѣ мало по-малу убѣждалъ ихъ въ справедливости той мысли, что *„православнымъ христіанамъ своихъ дщерей не достоитъ давать за нихъ* (латинянъ), *ни поймати у нихъ за себе, ни брататися съ ними, ни кумитися, ни*

цѣлованія съ ними имѣти и не ясти съ ними, ни пити изъ единаго сосуда“ [1])...

Флорентійская унія, возбудившая сильную ненависть въ грекахъ къ латинянамъ, понятно, не могла пройти безслѣдно въ сознаніи нашихъ предковъ. Новая и въ нѣкоторомъ смыслѣ успѣшная попытка римскаго престола подчинить себѣ весь православный міръ, съ одной стороны напоминала русскимъ, что латиняне продолжаютъ оставаться злѣйшими врагами православія, съ другой — она давала понять имъ, что на Грековъ, „злата ради въ латинство предавшихся“, и на митр. Исидора, „великаго папина помощника“, полагаться въ дѣлахъ вѣры дальше никакъ не слѣдуетъ. Неудивительно поэтому, что какъ только возвратился послѣдній въ Москву, такъ сейчасъ же послѣ первой службы, совершенной имъ въ Успенскомъ соборѣ, былъ объявленъ латинскимъ прелестникомъ и еретикомъ, осужденъ соборомъ епископовъ и заключенъ въ Чудовъ монастырь. В. кн. Василій Васильевичъ, прежде другихъ познавшій и изобличившій пагубную Исидорову прелесть, само собою разумѣется, становился въ глазахъ всѣхъ и особенно людей книжныхъ избавителемъ царствующаго града отъ развратника вѣры православныя, замѣтнѣе своихъ предковъ выступалъ въ роли перваго въ государствѣ блюстителя чистоты православія и до нѣкоторой степени замѣнялъ собою византійскаго императора, вмѣстѣ съ цареградскимъ патр. Іосифомъ измѣнившаго православію [2]). Паденіе Константинополя, слѣдовавшее вскорѣ за флорентійской уніей, невольно наводило нашихъ благочестивыхъ предковъ на мысль, что в. князю московскому самимъ Промысломъ суждено быть теперь преемникомъ греческихъ царей, ревнителемъ и поборникомъ православной вѣры. Понятно, что подобныя мысли не могли не прійти въ голову вел. князя московскаго, котораго прежде всего касались.

[1]) Преосв. **Макарій**; Ист. Р. Ц. т. III, стрр. 236—245 изд. 1857 г., т. V, стрр. 308—338 изд. 1866 г.; Е. Е. **Голубинскій**. Ист. Р. Ц. т. I пол. 2, стрр. 700—702; гр. Д. **Толстой**, Римскій Католич. въ Россіи, т. I, гл. I.

[2]) А. **Поповъ**, Историко-литер. обзоръ, стрр. 340 — 395; пр. Макарій, т. V стрр. 339—367; Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, стр. 54—56. С.-Петерб. 1889 г.

Іоаннъ III, овдовѣвшій в 1467 году, не преминулъ воспользоваться случаемъ вступить во второй бракъ съ племянницей послѣдняго греческаго императора и съ рукою царевны на самомъ дѣлѣ унаслѣдовать права православныхъ византійскихъ царей.

Новое положеніе вел. кн. московскаго въ православномъ мірѣ немнуемо должно было сказаться въ рѣшеніи брачнаго вопроса въ его семьѣ. Если ранѣе родственныя связи съ католиками казались московскимъ князьямъ дѣломъ недостойнымъ православныхъ христіанъ, то теперь подобные браки должны были представляться имъ преступнымъ нарушеніемъ своей прямой и священной обязанности — стоять во главѣ охраны православія. Здѣсь, то есть въ перемѣнѣ положенія велл. князей московскихъ въ православномъ христіанскомъ мірѣ, думаемъ, слѣдуетъ прежде всего искать объясненія тому явленію, почему самодержцы московскіе, сватаясь и выдавая дочерей своихъ за иновѣрныхъ, каждый разъ подробно и заботливо договариваются съ ними касательно вѣры жениха и невѣсты. Вступая въ бракъ съ Софіею Палеологъ, ѣхавшей изъ Италіи, въ сопровожденіи агента римскаго престола, Іоаннъ III слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не похулить православной вѣры какимъ-либо неосторожнымъ своимъ дѣйствіемъ. Когда возникъ вопросъ о встрѣчѣ въ Москвѣ папскаго легата Антонія, ѣхавшаго въ преднесеніи латинскаго крыжа, царь, не желая вводить въ соблазнъ москвичей, совѣтуется съ своими боярами и посылаетъ къ митрополиту спросить: можно ли допустить шествіе по Москвѣ посла съ его распятіемъ? Отвѣтъ митрополита Филиппа, сдѣлавшійся въ своемъ родѣ классическимъ, и вполнѣ согласное съ нимъ распоряженіе царя извѣстны теперь всякому.

Выдавая Елену Ивановну за литовскаго короля Александра, латинянина по вѣрѣ, в. князь усиленно хлопоталъ предъ будущимъ зятемъ о свободѣ вѣроисповѣданія своей дочери Чрезъ пословъ литовскихъ онъ дважды бралъ слово и обязательство съ в. кн. Александра, что онъ никакъ не будетъ принуждать своей жены къ перемѣнѣ вѣры и позволитъ ей построить православную церковь. Въ *памяти*, врученной в. княжнѣ Еленѣ при прощаніи, Іоаннъ наказывалъ

своей дочери „въ божницу латинскую не ходить, а ходить въ греческую церковь; изъ любопытства можешь видѣть первую или монастырь латинскій, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будетъ въ Вильнѣ и прикажетъ тебѣ идти съ собою въ божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь въ свою церковь". Кн. С. Ряполовскому, вмѣстѣ съ прочими провожавшему невѣсту, велѣно было настаивать, чтобы Елена Ивановна вѣнчалась въ греческой церкви, въ русской одеждѣ, и на вопросъ епископа о любви ея къ Александру отвѣчала: „любъ ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болѣзни, кромѣ закона; держать мнѣ греческій, а ему не нудить меня къ римскому". Елену повѣнчали съ Александромъ въ церкви св. Станислава, церкви греческаго закона ей не позволили имѣть, стали даже удалять отъ нея русскихъ. Обманувшійся въ своихъ ожиданіяхъ Іоаннъ III тайно уговаривалъ дочь не держать при себѣ чиновниковъ и слугъ латинской вѣры и не отпускать отъ себя своихъ бояръ, а отъ вѣроломнаго зятя требовалъ исполненія условій брачнаго договора; „у тебя супруга православной вѣры, гнѣвно напоминалъ онъ Александру, и ты обѣщалъ ей свободу въ богослуженіи" [1]).

Не успѣвши ввести уніи чрезъ митр. Исидора, католицизмъ неутомимо продолжалъ свое дѣло на Руси. Въ XVI ст. посольства изъ Рима въ Москву разнаго рода агентовъ и уполномоченныхъ были довольно часты; папы при каждомъ удобномъ случаѣ предлагали русскимъ государямъ соединеніе церквей на началахъ флорентійскаго соглашенія. Во второй половинѣ XVI в. протестантская и католическая пропаганда, одна за другою, осмѣливаются даже путемъ богословскихъ разсужденій повліять на русскаго царя, а вслѣдъ за нимъ и на его подданныхъ. Наша давняя борьба на юго-западѣ Руси съ польско-литовскимъ королевствомъ, ранѣе возбуждавшая и поддерживавшая въ нашихъ предкахъ вражду къ латинянамъ, приняла во второй поло-

[1]) Карамзинъ, т. VI, 37—45. 154—162; Пр. Макарій, т. VIII, 374 — 378, изд. 1877.

вплѣ XVI в. широкіе размѣры; римскій дворъ, неоднократно и прежде пользовавшійся въ цѣляхъ религіозной пропаганды пособіемъ польско-литовскихъ королей, теперь успѣлъ чрезъ нихъ увлечь въ унію (1595 г.) большую часть южной Россіи и уже простиралъ свои виды на сѣверную. Все это въ сильной степени вооружало православныхъ противъ католиковъ; рѣзкое осужденіе иновѣрнаго запада, проникнутое въ греческихъ и древне-русскихъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ латинянъ духомъ крайней непріязни, становилось всеобщимъ и рѣшительнымъ образомъ обнаруживалось въ народныхъ массахъ. Иноземцы становятся въ глазахъ нашихъ предковъ нечистыми, погаными, безбожными, окаянными; правительство церковное и гражданское всячески удаляетъ иновѣрцевъ отъ православныхъ и запрещаетъ послѣднимъ входить въ какія бы то ни было сношенія съ первыми. Общеніе съ латинами и нѣмцами не только въ церковно-религіозномъ, но и просто-житейскомъ быту почитается осквернеіемъ. Путешественники, посѣщавшіе Русь въ XVI в., единогласно свидѣтельствуютъ сколько о преданности русскихъ православной вѣрѣ, столько же о ненависти къ иновѣрцамъ, отъ которыхъ они бѣгаютъ, точно отъ чумы, и не хотятъ имѣть съ ними ничего общаго [1]). Разумѣется, что такой крайній взглядъ на иновѣрцевъ и враждебныя отношенія къ нимъ обязывали нашихъ в. князей и царей XVI в. ревнивѣе своихъ предшественниковъ оберегать православную вѣру въ сношеніяхъ съ западомъ по брачному вопросу. И нужно сказать къ чести нашихъ государей того времени, что даже тѣ изъ нихъ, о которыхъ иноземцы отзывались какъ о своихъ друзьяхъ, способныхъ уважать ихъ религіозныя вѣрованія, прекрасно давали чувствовать католикамъ и протестантамъ, на сколько выше ставятъ они свою вѣру по сравненію съ ихнею. Грозный, про котораго Шрафферъ, духовникъ Магнуса, говорилъ жителямъ Ревеля, что онъ любитъ латинскую церковь больше греческой и легко можетъ пристать къ Аугсбургскому ис-

---

1) Пр Макарій, т. VIII, стр. 370—412; гр. Толстой Римскій Католиц., т. I, стрр. 16—27.

повѣданію, присутствуя въ апрѣлѣ 1573 г. въ Новгородѣ, на свадьбѣ своей племянницы съ королемъ Ливонскимъ, чтобы не осквернить православной Димитріевской церкви, не пустилъ въ нее послѣдняго вмѣстѣ съ невѣстой. Въ то время, какъ православный священникъ вѣнчалъ въ самой церкви Марью Владиміровну, на паперти придворный пасторъ совершалъ надъ Магнусомъ лютеранскій обрядъ [1]). Сватаясь за Марію Гастингсъ, тотъ-же Іоаннъ IV, не считавшій беззаконіемъ жениться у себя дома до шести или семи разъ, считалъ однако необходимымъ условиться съ Елизаветой относительно вѣры ея племянницы. „Государь нашъ, сообщалъ Писемскій королевѣ, велѣлъ говорить: какъ судомъ Божіимъ сговоришь за него свою племянницу, *быть ей за нимъ въ одной съ нимъ христіанской вѣрѣ*, равно какъ боярамъ и боярынямъ, которые пріѣдутъ съ нею и захотятъ жить у ней на государскомъ дворѣ“... 13-го декабря 1583 года, на представленіи Боуса, посла Елизаветы, пріѣхавшаго для окончательнаго рѣшенія вопроса о сватовствѣ, Грозный призналъ нужнымъ освѣдомиться у него о вѣрѣ своей невѣсты. „Хотимъ мы, судомъ Божіимъ, княжну Марью, племянницу Елизаветъ—королевы, за себя взять, и княжна Марья будетъ-ли со мной въ одной вѣрѣ, и какимъ обычаемъ тому дѣлу совершиться?“ Боусъ отвѣчалъ, что Марія едвали согласится перемѣнить вѣру, потому что христіанство вездѣ одно. „Я не о вѣрѣ съ тобой говорить хочу, замѣтилъ царь; *княжнѣ, которой быть за нами, слѣдуетъ сперва креститься въ нашу христіанскую вѣру*. Вижу, что ты пріѣхалъ не дѣло дѣлать, а отказывать; мы больше съ тобой о немъ и говорить не станемъ“... Даже Годуновъ, руководившійся въ рѣшеніи брачнаго вопроса болѣе всего династическими соображеніями, не пренебрегалъ интересами церковными. Принцу Густаву Борисъ предложилъ руку Ксеніи съ условіемъ, если онъ приметъ православіе; вызвавши потомъ изъ Даніи Іоанна, онъ не спѣшилъ бракомъ въ пред-

[1]) Подробнѣе о семъ у. г. Цвѣтаева въ статьѣ: Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ, Русск. В. т. 172 стрр. 163—166.

положеніи, что женихъ надумаетъ перемѣнить свою вѣру. [1]).

Смутная эпоха, принесшая съ собою множество бѣдствій нашей церкви и отечеству, обнаружила всю силу религіозной и національной розни православной Руси съ латинскимъ Западомъ и сопровождалась немаловажными послѣдствіями для рѣшенія брачнаго вопроса въ царской семьѣ. Въ началѣ XVII в. давнишнія стремленія римскихъ папъ подчинить себѣ русскую церковь и исконная вражда поляко-литовцевъ съ Москвою достигли самаго высшаго развитія. Не приводя подробно общеизвѣстныхъ фактовъ объ отношеніяхъ католицизма къ Русской церкви въ данное время, считаемъ достаточнымъ напомнить, что Лжедимитрій былъ признанъ русскимъ царемъ со стороны польскаго короля и римскаго папы лишь послѣ того, какъ далъ письменное обязательство за себя и за Россію присоединиться къ латинской вѣрѣ, что второй самозванецъ былъ также поддерживаемъ польскими войсками и окруженъ іезуитами, составившими для него инструкцію, какъ ввести унію въ Россіи, и что, наконецъ, польскій король Сигизмундъ III, подъ видомъ сохраненія государственной власти и общественнаго порядка въ Россіи, открыто все время мѣшавшійся въ дѣла послѣдней и потомъ начавшій съ нами опустошительную войну, въ сущности хотѣлъ не только овладѣть русскимъ государствомъ, но и распространить въ немъ римско-католическую вѣру. Лжедимитрій, присоединенный іезуитами къ латинству, не успѣлъ, правда, „распространить вѣры костела римскаго“ между своими подданными; зато онъ возбудилъ въ послѣднихъ негодованіе противъ себя. Его предшественники, вел. князья и цари Московскіе, строго соблюдали интересы церковные и были вѣрными охранителями и выразителями всего роднаго, чисто русскаго, а первый самозванецъ, къ соблазну и ужасу москвичей, пренебрегалъ церковными уставами и отеческими обычаями, во всемъ образѣ жизни скорѣе слѣдовалъ полякамъ-еретикамъ, чѣмъ своимъ предшественникамъ на тронѣ московскомъ. Стрѣльцы начали говорить въ на-

[1]) Карамзинъ, кн. 3, т. IX, 102. 248. 254; т. XI, 21. 31, Дм. Цвѣтаевъ, Русск. Вѣст. т. 172, стрр. 172. 176; Рущинскій, Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностр. писат., стр. 233.

родѣ, что царь намѣренно разоряетъ православную вѣру и хочетъ учинить вмѣсто нея латинскую. Женитьба самозванца на сретицѣ Маринкѣ, *„латинской вѣры дѣвкѣ, люторкѣ и кальвинкѣ“*, и кощунственное поведеніе при этомъ ляховъ и нѣмцевъ съ православною святынею вывели, наконецъ, изъ терпѣнія русскихъ. Не было еще случая, чтобы иновѣрка, не крестившаяся въ православную вѣру, была русскою царицею, а Лжедимитрій, не обративши вниманія на примѣры прежнихъ лѣтъ и законы церковные, обвѣнчался съ „ворухою“ подъ Николинъ день, за что вскорѣ и убитъ былъ народомъ вмѣстѣ съ своими римскими и нѣмецкими учителями. Низринутъ былъ съ своего престола свящ. соборомъ и угодникъ Лжедимитріевъ патр. Игнатій, допустившій Марину вмѣстѣ съ Разстригою къ таинству брака и причащенія [1]). Равнымъ образомъ второй самозванецъ и Сигизмундъ III, хотя не достигли своихъ цѣлей, не менѣе Лжедимитрія причинили зла православной церкви и русской землѣ, обративши въ груды пепла и развалинъ Москву и уморивши голодомъ ея первосвятителя [2]). Нашимъ благочестивымъ предкамъ въ первый разъ пришлось испытать на себѣ, до какихъ ужасающихъ размѣровъ можетъ дойти фанатизмъ иновѣрцевъ въ своемъ кощунственномъ обращеніи съ русскою святынею; они своими глазами видѣли теперь, какъ латины и лютеране обращали ихъ храмы въ стойла для лошадей, въ алтаряхъ кормили собакъ, священные ризы и сосуды обращали на постыдное употребленіе; мѣстныя иконы и царскія врата дѣлали ложемъ для непотребства или столами для игръ въ кости, или кололи ихъ на дрова; какъ латины позорили священный санъ, заставляли духовныхъ исправлять для нихъ самыя черныя работы, какъ они безчестили православныхъ женъ, дѣвицъ и инокинь, какъ безчеловѣчно убивали и увѣчили всякаго, кто ни попадалъ имъ

1) Преосв. Макарій, И. Р. Ц. т. X, стр. 89—163, гр. Дм. Толстой, Римскій Католицизмъ въ Россіи, т. I, стрр. 77—94; Мірск. Потребн 1639 г., л. 399 об.-400; Карамз., XII, ст. 6, прим. 9; Изъ славянск. перев. хроники Перемышльскаго бискупа Павла Пясецкаго въ Памятн. древн. письм. LXVIII, стрр. 6—9. 11. 55—56, и Предисловіе арх. Леонида.

2) Пр. Макарій, X стрр. 143, 153.

въ руки. Словомъ, куда ни являлись поляки и нѣмцы, всюду они оставляли за собою горы могилъ, развалины храмовъ, монастырей, селеній и городовъ [1]).

Нужно читать древне-русскія сказанія и повѣсти о смутѣ, чтобы знать тѣ впечатлѣнія, которыя испытывали наши предки отъ страшныхъ событій ея, и хотя до нѣкоторой степени представлять себѣ тѣ чувства, которыя пережили они. Люди набожные, а такихъ тогда было подавляющее большинство, смотрѣвшіе на смуту какъ на борьбу православія съ иновѣріемъ, полагали, что настали послѣднія времена и пришелъ конецъ русскому православію. О. Иванъ Насѣдка, яркими красками обрисовавшій намъ ужасы московскаго разоренія [2]), благодаря близкимъ отношеніямъ къ преп. Діонисію лучше многихъ своихъ современниковъ понимавшій ближайшія причины и сущность смуты, вполнѣ раздѣлялъ скорбныя думы своихъ соотечественниковъ. При видѣ пролитія крови христіанской отъ поганыхъ онъ невольно приводилъ себѣ на память: „како въ прежняя времена латыни отъ православія отлучишась, а послѣ и вся западныя страны въ люторскую ересь уклонишась, отъ православія-жъ быша отступницы“; о. Иванъ шелъ дальше въ своихъ мысляхъ: ему казалось, что очередь отпадать въ еретичество „и до насъ дойде“, что латиняне одолѣютъ Русь, и тогда уже не будетъ на ней православія. Плодомъ этихъ размышленій, закончившихся видѣніемъ, обрадовавшимъ и убѣдившимъ Насѣдку въ томъ, что православіе и благочестіе останутся по прежнему на Руси была небольшая полемическая статья: *„О россійстѣй святѣй великѣй церкви, юже Иванъ Богословъ во откровеніи видѣ“* [3]), въ которой русскій богословъ

---

1) Палицынъ, гл. VI, стр. 29—50 М. 1714.

2) Житіе преп. Діонисія въ ркп. сборн. б-ки Сергіевой лавры № 700, лл. 84—97, ср. лл. 46—53.

3) Рукопи. М. Д. Акад. № 177 л. 335—336 и № 178 л. 246—247. Названная статья въ первый разъ, сколько намъ извѣстно, встрѣчается въ Изложеніи на лютеры — *сборникѣ*, составленномъ Насѣдкой. Въ виду компилятивнаго характера Изложенія на лютеры естественно возникаетъ вопросъ касательно статьи „О россійстѣй церкви“: не заимствована-ли она о. Иваномъ откуда либо готовою или же написана имъ самостоятельно? Слѣдующія соображенія даютъ осно-

не усумнился извѣстное апокалипсическое видѣніе жены, гонимой зміемъ въ пустыню (Апокал. гл. XII), приложить къ своей православной церкви и истолковать въ мыслѣ преслѣдованія послѣдней католиками и протестантами въ смутное время. Только при сознаніи глубокаго превосходства православія предъ латинствомъ и крайней ненависти къ послѣднему могъ приравнять о. Иванъ свою церковь къ апокалипсической женѣ, облеченной въ солнце и увѣнчанной звѣздами, а римскаго папу—къ страшному дракону [1]).

ваніе утвердительно отвѣчать на послѣдній вопросъ. Симонъ Азарьинъ, бывшій въ очень близкихъ отношеніяхъ съ о. Иваномъ, со словъ послѣдняго, дважды подробно разсказывалъ о томъ, какъ разъ, вскорѣ послѣ окончанія осады Сергіева монастыря, Насѣдка, сидя въ своей келіи, *„въ мысли своей размышляше пророчество Ивана Богослова отъ апокалипсиса, разсуждая о женѣ и о зміи“* (Житіе пр. Діонисія въ ркп. Сергіевой Лавры № 700 л. 74 — 75; см. сказаніе о новоявленныхъ чудесахъ пр. Сергія въ Памяти. древн. письменн. 1880. LXX, стр. 23—26). Самъ о. Иванъ, по написанія Симономъ Азарьинымъ житія пр. Діонисія, повѣрявшій и исправлявшій его, не только не устранилъ изъ житія вышеизложеннаго разсказа, но косвеннымъ образомъ даже подтвердилъ его въ своей запискѣ о жизни Діонисія, присоединенной къ труду Азарьина (№ 700 л. 94 об., ср. печатн. житіе пр. Діонисія, изд. 1834 г. стр. 84—85), и въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ на катихизисъ Будного. „Асіи пытанія“, заключаетъ Насѣдка свое разсмотрѣніе предисловія къ послѣднему, „еже вопросы, и то бѣси, въ человѣцѣхъ всельшеся, да спрашивали сатанина духа, и онъ имъ божественная вся писанія не исправлялъ, но толковалъ имъ, искривливая всякую правду Божію. И сей есть духъ звѣря лютого, его же Іоаннъ, великій Богословъ, во откровеніи видѣ изо устъ зміевыхъ, и изо устъ звѣриныхъ, и изо устъ лжего пророка антихриста три духи нечисты, яко жабы, исходяща смутити на земли царей и всѣхъ живущихъ на ней. Первый духъ нечистый Моамеѳъ, Огаряномъ учитель, вторый же Мартинъ Люторь—нѣмцомъ, а послѣдней, третій духъ самъ антихристъ будетъ; а еже отъ устъ звѣря, то отъ папина ученія изшедый дьяволь, смущая правовѣрныхъ человѣкъ“ (Рук. М. Д. Ак. № 223, л. 6) Сходство этого замѣчанія со статьею *„О россійстѣ церкви“* со стороны содержанія и слововыраженія настолько близко, что не можетъ быть сомнѣнія въ принадлежности ихъ одному автору. Любопытно въ данномъ разѣ сравнить толкованіе на 12-ю главу апокалипсиса Насѣдки съ объясненіемъ ея у извѣстнаго старца Филоѳея (Ж. М. Н. Пр. ч. CCXXI, стр. 224—245). О. Иванъ писалъ свою полемическую статью подъ вліяніемъ послѣдняго, но разошелся съ нимъ въ деталяхъ объясненія.

[1]) Мистико-апокалипсическій взглядъ на папу, какъ на антихриста, усвоенный и освященный потомъ нашимъ расколомъ, въ значительной мѣрѣ былъ

Сколь сильное нерасположеніе къ иновѣрному западу вынесли наши предки изъ смутнаго времени, это до нѣкоторой степени можно видѣть изъ извѣстнаго постановленія 1620 года о перекрещиваніи католиковъ. Утративъ послѣ Московскаго собора 1667 года каноническую силу, соборное изложеніе патр. Филарета продолжаетъ сохранять за собою значеніе памятника, въ которомъ, съ одной стороны, нашла свое завершеніе практика предшествующаго времени по вопросу о присоединеніи къ православію инославныхъ христіанъ, съ другой—отразились взгляды нашей іерархіи на иновѣрцевъ и отношенія къ нимъ.

Опредѣляя на будущее время принимать въ православную церковь латинянъ чрезъ крещеніе въ три погруженія, патр. Филаретъ Никитичъ замѣчаетъ, что онъ „не новое преданіе вводитъ, но древнее укрѣпляетъ и поновляетъ, слѣдуя заповѣдямъ св. апостоловъ и св. отцевъ, какъ они заповѣдали объ еретикахъ, раскольникахъ и всѣхъ тѣхъ, кои хотя отчасти пріобщаются папежскому ученію“ [1]). Такое заключеніе собора 1620 г. о глубокой древности узаконеннаго имъ чинопріятія не лишено доли правды. Не будучи святоотеческимъ, тѣмъ болѣе апостольскимъ установленіемъ, обычай присоединять къ православію латинянъ чрезъ крещеніе вошелъ однако въ нашу церковную практику не со времени патр. Филарета и не съ XVI ст., какъ это неоднократно было заявлено въ нашей историко-канонической литературѣ, но существовалъ, рядомъ съ чинопріятіемъ католиковъ чрезъ миропомазаніе, въ теченіе всего древняго періода нашей исторіи. — Ни въ моментъ раздѣленія церквей, ни долгое время спустя, въ православной церкви не было издано для всѣхъ равнообязательнаго предписанія касательно способа присоединенія къ православію отдѣлившихся отъ него католиковъ; пастырямъ церкви приходилось руководствоваться

развитъ юго-западными полемистами конца XVI и начала XVII ст.; особенно ясно и рѣшительно онъ высказанъ былъ Стефаномъ Зизаніемъ въ толкованіи 15-го слова св. Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ (изд. въ 1596 г.).

1) Соборное изложеніе при Мірск. потребн. 1639 г., л. 429.

постановленіями относительно прежде появлявшихся еретиковъ. Но такъ какъ каноническія правила различали между послѣдними болѣе тяжкихъ, менѣе тяжкихъ и совсѣмъ не тяжкихъ, повелѣвая присоединять первыхъ чрезъ крещеніе, вторыхъ чрезъ муропомазаніе, третьихъ — чрезъ отреченіе отъ своихъ мнѣній и анаѳему на своихъ лже-учителей [1]), то оставалось нерѣшеннымъ: къ какому разряду еретиковъ должно относить латинянъ, не объявленныхъ даже законнымъ путемъ еретиками? Открывалось такимъ образомъ мѣсто произволу въ рѣшеніи вопроса и разнообразію въ способѣ присоединенія католиковъ къ православію. Въ нашей церкви до 20-хъ годовъ XVII стол., за отсутствіемъ прямаго русскаго узаконенія [2]), католиковъ присоединяли или чрезъ муропомазаніе или чрезъ крещеніе, при чемъ въ первое время, можно предполагать, не преобладалъ тотъ или другой способъ принятія, но, съ усвоеніемъ нашими предками крайнихъ взглядовъ на латинянъ, послѣднихъ чаще стали перекрещивать, чѣмъ муропомазывать [3]). Послѣ смутной эпохи

1) Іоаннъ, Курсъ церк. законов., В. 1 стрр. 300—303. 319 — 321. 510—514; В. 2 стр. 495—497.

2) Соборное узаконеніе о пріятіи латинянъ и именно чрезъ муропомазаніе въ греческой церкви было постановлено въ 1484 году.

3) Въ половинѣ XII в. Нифонтъ, еп. Новгородскій, слѣдуя вѣроятно примѣру константинопольской церкви, отвѣчалъ Кирику, что желающій изъ латинянъ присоединиться къ православію долженъ быть муропомазанъ послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ дѣйствій. Краковскій епископъ Матѳей, современникъ нашего Нифонта, папы Гонорій III и Григорій XI въ своихъ грамотахъ 1222—1223 г.г. писали, что русскіе перекрещиваютъ латинянъ. Въ XV вѣкѣ Иванъ Фрязинъ, родомъ изъ Венеціи, пріѣхавшій на Русь съ Софіею Палеологъ и служившій у насъ монетчикомъ, при обращеніи въ православіе, былъ крещенъ вновь. „О латыни безумніи“! читаемъ въ разсказѣ псковскаго пресвитера Василія о мученичествѣ юрьевскаго священника Исидора съ прихожанами, „пріимате христіанскую вѣру и *креститеся* во имя Отца и Сына и св. Духа... „Въ XVI в. случаи присоединенія католиковъ и протестантовъ чрезъ перекрещиваніе были весьма нерѣдки. Переводчикъ Грознаго Каспаръ Эверфельдъ *„принялъ крещеніе по русскому обряду“*. Чаще другихъ обращались въ православіе плѣнные ливонцы, изъ которыхъ *„многіе были перекрещены, а многіе добровольно согласились перекреститься...“* Изъ иностранныхъ писателей о перекрещиваніи въ XVI в. ясно засвидѣтельствовали Одерборнъ, Ф.-Бухау, Варкочъ и Флетчеръ. Маржеретъ, служившій Годунову и первому самозванцу, наоборотъ утверждалъ, что въ его время русскіе *„увольняли католиковъ отъ втораго крещенія“*. Е.

присоединеніе западныхъ иновѣрцевъ чрезъ перекрещеніе сдѣлалось въ сознаніи нашихъ предковъ единственно-возможнымъ и правильнымъ. Патр. Игнатій, присоединившій Марину вторымъ чиномъ, чрезъ миропомазаніе, былъ объявленъ *„бѣсовскимъ сыномъ, новымъ іудою,* предавшимъ себя пагубному костелу и зловѣрнымъ езуитамъ...“ Казанскій митр. Гермогенъ, Коломенскій епископъ Іосифъ и нѣкоторые протоіереи говорили прямо Игнатію, что Марину должно крестить, иначе бракъ царя на ней будетъ беззаконіемъ [1]). Приглашая къ себѣ на царство, по сверженіи Шуйскаго, сначала польскаго королевича Владислава, потомъ Филиппа, брата Шведскаго короля Густава Адольфа, патр. Гермогенъ, бояре и народъ первымъ условіемъ поставляли, чтобы тотъ и другой приняли крещеніе по греческому закону. *„Будетъ-де крестится“*, говорилъ Сигизмунду III о Владиславѣ Филаретъ Никитичъ, тогда еще митр. Ростовскій, *„и онъ нашъ государь, а будетъ не крестится, и намъ онъ не надобенъ“* [2]). Вологодскій архіеп. Сильвестръ на вопросъ священника: какъ принимать въ православіе Поляковъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ? грамотой отъ 1613 года отвѣчалъ: „иноземцамъ сначала говѣть, а потомъ *крестить* ихъ по правиламъ св. апостолъ и отецъ, а на отреканьѣ бы свою вѣру проклинали, отрицалися отъ *бесерменства*“ [3]).

Послѣ того, какъ перестала для русскихъ людей существовать разница между *бесерменами* и западными иновѣрцами, понятно, чѣмъ должна была закончиться церковная практика, цѣлыя столѣтія колебавшаяся между крещеніемъ и миропомазаніемъ. Когда два московскихъ священника, Иванъ и Евоимій, отъ церкви рождества Богородицы въ Столечникахъ донесли патр. Филарету, что Іона, митр.

Е. Голубинскій, т. I полов. 2., стр. 699—700: пр. Макарій, И Р. Ц. т. VIII, стрр. 371. 380—381; Карамзинъ, IX. 261, гр. Ю. Толстой, Россія и Англія, стр. 383; Сбор. матер. и стат. по ист. Прибалт. края Ш, 321, Прав. Соб. 1888 г. іюль, стр. 188—192.

1) Гр. Толстой, Римск. католиц. т. I, стр. 96; Макарій. X, 115.

2) Гр. Толстой, Римск. кат. стр. 86—94; пр. Макарій, X, 146 и слѣд.

3) Лѣтоп. занат. археогр. комм. 1862—1863, II, 63—64.

Сарскій и Подонскій, не велѣлъ имъ крестить двухъ ляховъ, пожелавшихъ перейти въ православіе, а только помазать ихъ муромъ, онъ взглянулъ на распоряженіе митрополита, какъ на *нововеденіе*, несогласное съ божественными правилами и опасное для цѣлости и чистоты православія. Призвавъ къ себѣ Іону, Филаретъ напоминалъ ему и о лженатріархѣ Игнатіи, подобно Іудѣ предателю, поругавшемся Христу и зато отъ престола низринутомъ, и о великомъ Гермогенѣ, новомъ исповѣдникѣ, требовавшемъ и писавшемъ „на укрѣпленіе всѣмъ намъ“ крестить еретиковъ совершеннымъ крещеніемъ и, наконецъ, о себѣ самомъ: сколько бѣдъ и напастей пришлось потерпѣть ему вмѣстѣ съ прочими отъ Поляковъ, „царствующій градъ Москву огню и мечу предавшихъ и всю землю русскую отъ красоты благолѣпія неповергшихъ“. Іона вмѣстѣ съ немногими другими своими современниками не раздѣлялъ вполнѣ естественнаго раздраженія патр. Филарета противъ Поляковъ и вообще иновѣрцевъ и продолжалъ утверждать, что крестить послѣднихъ не слѣдуетъ, что такъ написано въ 95 правилѣ VI вселенскаго собора и въ Кириковомъ вопрошеніи. Видя не преклонность Іоны, патріархъ, наконецъ, замѣтилъ ему: „почему ты велишь принимать латинянъ, *сущихъ аки псовъ и вѣдомыхъ враговъ Божіихъ*, не чрезъ крещеніе въ три погруженія, а только чрезъ муропомазаніе? Не желая быть единомышленнымъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ русской церкви, не слѣдуя совѣту моему, ты прельстился умомъ и ищешь хвалы и чести у отверженныхъ отъ церкви Христовой. Я же, смиренный, о нововводимой тобою еретической прелести и слышать не хочу и по правиламъ св. апостолъ и отецъ запрещаю тебѣ служить божественную литургію до большаго собора“ [1]). 16 октября 1620 года былъ созванъ послѣдній; на немъ въ первый разъ было издано въ нашей церкви нарочитое узаконеніе относительно присоединенія къ православію латинянъ и прочихъ иновѣрцевъ.

Доводы, приведенные на соборѣ въ защиту перекрещива-

1) Мірскій потребникъ 1639 года, лл. 398–403.

нія латинянъ и въ опроверженіе основаній, на которыхъ опирался въ своемъ мнѣніи митр. Іона, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что наша церковная іерархія продолжала находиться подъ впечатлѣніемъ страшныхъ событій смутнаго времени. „Ты, Іона, разсуждалъ предсѣдатель собора, говорилъ мнѣ, будто въ шестомъ соборѣ написано, что латинъ не слѣдуетъ крестить; мы читали то правило и въ немъ написано не то, что ты сказалъ". Митрополитъ Сарскій думалъ, что католики отступили отъ православнаго ученія не болѣе аріанъ, македоніанъ и новаціанъ, которыхъ 95 правило повелѣваетъ присоединять чрезъ муропомазаніе; патр. Филаретъ и соборъ напротивъ причисляли латинствующихъ къ разряду павліанъ, евноміанъ, монтанистовъ, манихеевъ, валентиніанъ и маркіонитовъ, которыхъ трульское правило предписываетъ принимать чрезъ крещеніе, потому что у латинянъ, утверждалъ патіархъ, „*вся тъ ереси есть—суть*". Что касается отвѣта Ипфонта Новгородскаго Кирику, продолжалъ Филаретъ, то „такого указу нигдѣ, ни въ какихъ правилахъ, ни въ апостольскихъ, ни въ соборныхъ, ниже у иныхъ святыхъ не написано". Отцы собора не пожелали знать ни о времени, ни о мѣстѣ происхожденія правила, на которое сослался Іона въ свое оправданіе, и въ видѣ оговорки прибавили отъ себя: „да если и было такое правило въ древнія времена, то оно не можетъ имѣть силы теперь, ибо послѣди того у латинянъ многія ереси учинилися, и послѣ седми вселенскихъ соборовъ Сергій патріархъ со всѣми вселенскими патріархи и со всѣмъ освященнымъ соборомъ папежевъ, римскихъ еретиковъ, изъ помяновенія извергоша и конечному проклятію предаша. Въ нашемъ московскомъ государствѣ съ самаго его основанія никогда не бывало, чтобы латинянъ и прочихъ еретиковъ не крестили". Отвергнувъ основанія, на которыхъ утверждался митр. Іона, Филаретъ Никитичъ заставилъ читать на соборѣ довольно обширную выписку или *собраніе* изъ правилъ св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцевъ, которое составилъ патр. Гермогенъ [1]) и дополнилъ самъ онъ. Сущест-

[1]) Соборн. излож. при Мірск. потр. л. 405. Отправляя Ростовскаго митр. Филарета вмѣстѣ съ другими къ Сигизмунду III для переговоровъ о воцареніи

венная мысль собранія заключается въ томъ, что римская церковь содержитъ въ себѣ всѣ тѣ древнія ереси, обращающіеся отъ которыхъ, по церковнымъ правиламъ, должны быть принимаемы въ православную церковь чрезъ крещеніе. Изъ записки оказывалось, будто латиняне заимствовали: 1) у мелхиседекіанъ, жидовъ и армянъ постъ въ субботы св. четыредесятницы, разрѣшеніе на сыръ и яйца по воскреснымъ днямъ великаго поста и празднованіе субботы; 2) у монтанистовъ запрещеніе брака духовенству и празднованіе пасхи одновременно съ іудеями; 3) у манихеевъ волхвованіе по теченію звѣздъ и воспрещеніе брака духовенству; 4) у евноміанъ обливаніе въ крещеніи вмѣсто погруженія; 5) у аріанъ крещеніе въ едино погруженіе во имя Іисуса Христа, запрещеніе молиться за умершихъ, несоблюденіе поста въ среду и пятокъ св. четыредесятницы и разрѣшеніе монахамъ ѣсть мясо; 6) наконецъ, у мессаліанъ и василіанъ принятіе кающихся грѣшниковъ въ общеніе съ церковію безъ епитемій. Кромѣ ересей, будто бы заимствованныхъ латинянами отъ древнихъ еретиковъ, патр. Филаретъ указываетъ и опровергаетъ собственно латинскія ереси, именно Filioque, неправильное совершеніе таинствъ крещенія и муропомазанія, опрѣсноки, ученіе о чистилищѣ и употребленіе новаго календаря [1]). Въ концѣ *собранія изъ правилъ* Филаретомъ Никитичемъ приведены изъ древне-русскихъ полемическихъ *сказаній и словъ о латинахъ* повѣсти о проклятыхъ римскихъ папахъ: Формозѣ и Петрѣ Гугливомъ [2]) и извѣстная статья *„о Фрязѣхъ и о прочихъ латинахъ“*, [3]) въ которой изложены ереси римской церкви въ 27 пунктахъ.

Все, что только успѣла собрать древнѣйшая греко-русская

сына его Владислава въ Москвѣ, патр. Гермогенъ далъ ему „писаніе изъ правилъ“.

1) Ibid. лл. 403—421.

2) Ibidd. лл. 421 об.-423, см. Историко-литер. обзоръ древне-русскихъ полемич. сочиненій противъ латинянъ. А. Попова, стрр. 142-145. 183. 388—389; Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русск. полемики противъ латинянъ. А. Павлова. стр. 12—13.

3) А. Поповъ, стр. 58—69.

полемика противъ латинянъ, всѣ заблужденія послѣднихъ, дѣйствительныя и совершенно чуждыя имъ, всѣ малѣйшія особенности въ обрядахъ и чисто мѣстныхъ обычаяхъ, всѣ злоупотребленія и пороки, которые римская церковь, подобно греческой, всегда осуждала и преслѣдовала у себя, было сгруппировано теперь въ *соборномъ изложеніи* оскорбленнымъ національнымъ и религіознымъ чувствомъ русскихъ и поставлено въ вину католикамъ. По суду патр. Филарета, митрополитовъ, архіепископовъ и епископа, присутствовавшихъ на соборѣ, латиняне-папежницы суть *„сквернѣйшіе, лютѣйшіе и злѣйшіе изъ всѣхъ еретиковъ, сущихъ подъ солнцемъ*, потому что всѣхъ древнихъ эллинскихъ, жидовскихъ, агарянскихъ и еретическихъ вѣръ проклятыя ереси и преданія въ законъ свой приняли, и совѣми погаными язычниками и преклятыми еретиками сообща дѣйствуютъ и мудрствуютъ“; латинское и вообще еретическое крещеніе по 46—47 правилу св. апостоловъ не есть крещеніе, но *оскверненіе*, и потому латинянъ, равно какъ и всѣхъ, приходящихъ къ православію отъ различныхъ еретическихъ вѣръ, *подобаетъ крестить совершеннымъ крещеніемъ въ три погруженія.* [1]).

Чувство вражды къ иновѣрцамъ, развившееся до nec plus ultra въ нашихъ предкахъ подъ гнетомъ ужасныхъ событій смутнаго времени, исключало всякую мысль о близкихъ, родственныхъ связяхъ съ ними. Обстоятельство это должно было самымъ неблагопріятнымъ образомъ отозваться на рѣшеніи брачнаго вопроса въ царской семьѣ. Царь, вступая въ бракъ съ иновѣрною дѣвицею, рисковалъ теперь утратить народное расположеніе къ себѣ. Отправляя въ 1610 году къ Сигизмунду ростовскаго митр. Филарета, кн. Вас. Вас. Голицына и другихъ—просить на Московскій престолъ Владислава, патр. Гермогенъ, русскіе бояре и народъ просили чрезъ пословъ, чтобы королевичъ, достигши совершеннолѣтія женился *въ Московскомъ государствѣ на дѣвицѣ греческаго закона*. Если бы Сигизмундъ не согласился на это, посламъ наказывалось условиться съ нимъ такимъ образомъ,

---

[1]) Соборн. изложен. при Мірск. потребн., лл. 400 об.-401, 415 об.

чтобы Владиславъ, когда настанетъ ему время жениться, приступалъ къ этому не иначе, какъ посовѣтовавшись съ патріархомъ и всею землею [1]). На соборѣ 1620 г. Филаретъ Никитичъ ставилъ въ вину митр. Іонѣ, что онъ присоединенныхъ изъ латинянъ чрезъ одно муропомазаніе позволялъ вѣнчать на православныхъ русскихъ [2]). Бракъ православной съ иновѣрцемъ былъ возможенъ теперь лишь подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, если послѣдній принималъ православіе или перекрещивался. Государь, какъ первый ревнитель и поборникъ вѣры въ государствѣ, болѣе всѣхъ своихъ подданныхъ обязанъ былъ помнить объ этомъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ дѣйствительно не забывалъ этого и не разъ въ теченіе своей жизни жертвовалъ своими семейными интересами во имя высшихъ церковно-государственныхъ соображеній. Отправляя въ 1621 году кн. А. М. Львова и дьяка Ждана-Шипова въ качествѣ своихъ сватовъ къ датскому королю Христіану IV, онъ и отецъ его Филаретъ Никитичъ признали необходимымъ пунктъ о вѣрѣ будущей русской царицы изложить въ наказѣ посламъ съ большею опредѣленностію, рѣшительностію и подробностію, чѣмъ какъ это дѣлалось прежде. „Если спросятъ: останется ли Августа Доротея при своей лютеранской вѣрѣ“, посламъ предписывалось отвѣчать: „королевской племянницѣ быть въ одной съ государемъ вѣрѣ, въ истинной православной христіанской греческаго закона и, пріѣхавъ въ Россійское государство, *ей перейти и креститься*, а иначе дѣлу статься нельзя: то противно нашему христіанскому закону и *ото всѣхъ людей Росеййскаго государства* великому государю и ей, государынѣ, *будетъ поносно и нелюбительно*, да и непригожее дѣло быть мужу съ женой разныхъ вѣръ; когда же высокорожденная племянница ради благороднаго супруга своего и своего душевнаго спасенія приступитъ къ нашей вѣрѣ, отъ Бога ей будетъ милость и ото всѣхъ людей честь и слава. Если скажутъ, что королевская племянница для любви супруга

---

[1]) Макарій, X. 148—149; гр. Толстой, Римск. Кат. т. I, стр. 91.

[2]) Мірск. потребн. л. 402 об.

своего къ русской вѣрѣ приступитъ, но креститься ей въ другой разъ не пригоже, потому что она и такъ христіанской вѣры и уже крещена по своему закону, то настаивать: приступя къ православной вѣрѣ, не креститься во св. купели св. крещенія ей никакъ не возможно, потому что у насъ въ томъ со всѣми вѣрами розпь не малая, у инныхъ вмѣсто крещенія обливаютъ и муромъ не помазуютъ противъ постановленія Христа и преданія апостоловъ, такъ король бы свою племянницу на то наводилъ и отпустилъ ее съ тѣмъ, чтобы ей принять св. крещеніе. Буде же король станетъ указывать: какъ племянница выйдетъ за государя, и государь бы ее самъ къ тому приводилъ, а они у ней воли не отнимаютъ, или чтобы послы говорили съ ней сами, а онъ пошлетъ съ ними своихъ думныхъ людей, посламъ не соглашаться, ссылаясь на то, что дѣвическое дѣло стыдливо, и имъ съ королевскою племянницей, для остереганья ея высокорожденной чести, много говорить не пригоже; это дѣло королевское и ближнихъ ему лицъ". Родственникамъ и вообще близкимъ людямъ невѣсты кн. Львовъ и дьякъ Шиповъ должны были хвалить свою вѣру, государя и его государство, и тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ склонять Доротею выйти за государя и принять для него крещеніе, дарить и впредь обнадеживать государевымъ жалованьемъ. Договорныя статьи предписывалось посламъ скрѣпить крестнымъ цѣлованіемъ и въ одной изъ нихъ непремѣнно написать, чтобы королевской племянницѣ, по приходѣ въ Москву, креститься и быть съ государемъ въ одной вѣрѣ. Этотъ наказъ въ пунктѣ о вѣрѣ позднѣе не разъ повторяли съ незначительными добавленіями и сокращеніями, примѣнительно къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. „Похотя быть за нашимъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ въ сочетаніи законнаго брака и *сообща съ нимъ, государемъ, всѣмъ его великимъ государствамъ царицею и великою княгинею*", писали наши бояре въ генварѣ 1623 года къ шведскому королю Густаву Адольфу, „княжна Екатерина произнолила бы быть съ нимъ въ одной православной вѣрѣ, привяла бы св. крещеніе. Безъ этого *начальнаго и главнаго* дѣла ихъ государскому законному супружеству статься не

возможно, потому что двухъ вѣръ великіе государи наши съ супругами своими никогда не бывали *и впредь то быть не можетъ*... И какъ по милости Божіей такое великое дѣло совершится, и то будетъ къ лучшей ихъ государской любви, а родителямъ и родственникамъ ихъ то будетъ къ славѣ, похвалѣ и премногому утѣшенію, государствамъ ихъ къ расширенію, прибавленію, радости и благой надеждѣ, непріятелямъ къ страху и отомщенію, потому что тѣмъ ихъ государскимъ брачнымъ соединеніемъ многіе великіе государи будутъ между собою въ ссылкѣ, любви и на всякаго недруга въ соединеньи". На этотъ разъ наши сочли нужнымъ оговориться даже относительно свиты и слугъ, которые пріѣдутъ съ невѣстою въ Москву: „въ вѣрѣ имъ быть, если похотятъ, православной греческаго закона; ближнимъ людямъ при государѣ и царицѣ иновѣрцамъ быть не пригоже". [1]).

Въ сороковыхъ годахъ XVII стол. брачный вопросъ въ царской семьѣ находился въ томъ-же положеніи, что и въ двадцатыхъ. Принятіе православія чрезъ перекрещеніе, вошедшее къ этому времени въ полную силу, продолжало имѣть значеніе необходимаго условія, безъ соблюденія котораго не могъ состояться смѣшанный бракъ въ простой русской, тѣмъ болѣе царской семьѣ [2]). Духъ крайняго нерасположенія къ латинянамъ и нѣмцамъ не переставалъ жить и дѣйствовать въ нашихъ предкахъ 30-40 гг. XVII ст. Событія даннаго времени, если не содѣйствовали развитію вражды русскихъ къ иновѣрцамъ, то во всякомъ случаѣ и не способствовали къ умиротворенію ея между ними. Правда, попытки римскаго престола олатынить Русь на долго прекратились со смутной эпохой; за то продолжавшіяся интриги католической Польши и въ особенности протестантская пропаганда между русскими, принявшая на сѣверо-западѣ государства систематическій и принудительный харак-

[1]) Русск. Вѣстн. 1884, т. 172, стрр. 740—742. 750—751, цитов. выше статья Дм. Цвѣтаева.

[2]) Пр. Макарій, XI, стр. 33—34; А. Олеарій, Подробное описаніе путешествія въ Московію и Персію, стрр. 316—324.

теръ, [1]) поддерживали нашу исконную вражду ко всему иновѣрному западу. Цѣлый рядъ церковно-правительственныхъ распоряженій, сдѣланныхъ во второй четверти XVII стол. по разнымъ случаямъ, служитъ подтвержденіемъ сказаннаго. Въ 1629 году французскій король Людовикъ XIII присылалъ въ Москву посольство, чтобы исходатайствовать своимъ подданнымъ дозволеніе вести свободную и безпошлинную торговлю съ Россіей и построить въ Москвѣ костелъ для французовъ, но эта просьба была несочувственно встрѣчена боярскою думою [2]). Отправляя заграницу (въ началѣ 1631 года) полковника Лесли, для найма ратныхъ людей въ русскую службу, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ ему принимать всякихъ солдатъ, за исключеніемъ французовъ и иныхъ людей *римской* вѣры. Когда среди иноземнаго войска оказалось на повѣркѣ въ Москвѣ нѣсколько католиковъ, ихъ тотчасъ, вознаградивши за пріѣздъ, отправили обратно. Съ помощію иноземной рати царь и его совѣтники желали *„отомстить неправды польскому и литовскому королю* и города, которые отданы Польшѣ и Литвѣ, за саблею поворотить по прежнему къ Московскому государству“ [3]). Въ договорѣ, заключенномъ въ 1634 г. нашимъ правительствомъ съ голштинскою компаніей о дозволеніи ей вести торговлю чрезъ Россію съ Персіей и имѣть у насъ по разнымъ городамъ складочные торговые дома, прямо было сказано: „а костеловъ имъ своей вѣры на тѣхъ мѣстахъ не ставитъ и пѣнье по ихъ вѣрѣ совершать въ домахъ, а не въ костелахъ, а римскія вѣры поповъ и учителей и никакихъ латинскія вѣры людей съ собою имъ въ Московское государство не привозить и тайно у себя не держать, а кто приведетъ и учнетъ держать тайно, и тѣхъ казнить смертію“ [4]). Удаляя отъ себя всѣми мѣрами католи-

---

[1]) См. объ этомъ у А. П. Смирнова: Святѣйшій патр. Филаретъ Н—чъ, ч. II, стр. 68—76; Цвѣтаева: Протестантство въ Россіи до Петра В., стрр. 588—599; пр. Макарія, т. XI, стр. 20—23.

[2]) Гр. Толстой, Римскій кат., т. I, стр. 98. Русск. Обозр. 1891 г. янв. стр. 211—214.

[3]) Собран. госуд. грам. и догов. III, № 83, стр. 317; Цвѣтаевъ, Протестантство въ Россіи до Петра В., стр. 373—375.

[4]) Акт. ист. III, № 181, стр. 322.

ковъ, какъ злѣйшихъ своихъ враговъ, правительство вынуждено было терпѣть у себя нѣмцевъ, пособниковъ и споспѣшниковъ въ дѣлѣ государственнаго образованія. Смутная эпоха, когда нашимъ предкамъ впервые такъ близко пришлось встрѣтиться съ иновѣрнымъ западомъ, сильно дала почувствовать передовымъ изъ нихъ культурное превосходство надъ собою иноземцевъ и всю невозможность обойтись безъ нихъ въ военномъ, торгово-промышленномъ и т. п. дѣлахъ. Приходилось чаще прежняго призывать изъ нѣмецкихъ земель разныхъ знатцевъ—военныхъ, мастеровыхъ, художниковъ, лекарей, ученыхъ—и предоставлять имъ разныя льготы. Впрочемъ, жалуя по необходимости нѣмцевъ, наше правительство смотрѣло на нихъ, какъ на поганыхъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда видѣло отъ нихъ какой-либо вредъ русскимъ людямъ, не стѣснялось открыто въ своихъ распоряженіяхъ заявлять свой низкій взглядъ на нихъ. Новгородскимъ воеводамъ въ 1624 году крѣпко наказывалось московскимъ правительствомъ не пускать въ православныя церкви и новгородскій кремль некрещеныхъ нѣмцевъ [1]). Олеарія и его спутниковъ, заходившихъ во время путешествія въ 1634 г. въ православныя церкви, немедленно выводили вонъ и выметали за ними полъ. Въ 1628 году Михаилу Ософоровичу и патр. Филарету „сдѣлалось извѣстно, что на Москвѣ и въ городахъ у невѣрныхъ некрещеныхъ иноземцевъ служатъ православныя христіане, и тѣмъ христіанамъ чинится отъ иноземцевъ тѣснота и осквернепіе, многіе безъ покаянія и духовныхъ отцевъ помираютъ и по постамъ неволею ѣдятъ мясо и всякій скоромъ“. Царь и патріархъ приказали „взять православныхъ христіанъ съ иноземскихъ дворовъ и впредь имъ тамъ не жить, чтобы христіанскимъ душамъ осквернепія не было и безъ покаянія не помирали бы“ [2]). Усиленная лютеранская пропаганда среди православныхъ, уступленныхъ по Столбовскому договору Швеціи, вызвала со стороны нашего правительства (31 генв. 1629 г.) распоряженіе Новгородскимъ воеводамъ Пожарскому и Глѣбову от-

---

1) А. А. Э. III № 184, стр. 266.
2) П. С. З. I, XX. 70, стр. 129.

носительно православныхъ шведскихъ подданныхъ, которые будутъ пріѣзжать въ Новгородъ и изъявлять желаніе помолиться тамошнимъ чудотворцамъ. Воеводамъ предписывалось тщательно развѣдывать про тѣхъ людей: не пошатались-ли въ своей вѣрѣ и не пристали-ли къ лютерской? и тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся твердыми въ вѣрѣ, повелѣвалось пускать къ церквамъ, которыя на посадѣ, и недопускать въ соборную Софійскую церковь; приставшихъ къ лютеранству строго воспрещалось пускать и въ посадскія церкви, *и объ нашей православной вѣрѣ поруганья не было* [1]). Въ 1632 году одна изъ лютеранскихъ кирокъ (въ Бѣломъ городѣ), вслѣдствіе происшедшей въ ней драки женщинъ изъ за первенства мѣстъ во время богослуженія, случайно услышанной, по словамъ Олеарія, русскимъ патріархомъ, была стравлена съ землей по приказанію послѣдняго [2]). Въ 1638 году нашему правительству подана была, за нѣсколькими сотнями подписей, челобитная московскихъ и иногородныхъ купцовъ съ жалобой на торговыхъ нѣмцевъ, которые, при своей національной предпріимчивости, съ ловкостію жидовъ захватывали торговые дома въ бойкихъ мѣстахъ Москвы и, пользуясь правомъ безпошлинной торговли, дешевле русскихъ продавали всякіе товары, чѣмъ наносили значительные убытки нашимъ купцамъ; въ началѣ сороковыхъ годовъ жалобы на нѣмцевъ повторились съ большею силой. Формальный допросъ и простой выговоръ, сдѣланый нѣмцамъ правительствомъ царя Михаила, разумѣется, не только не удовлетворилъ, но еще болѣе возбудилъ наше купечество противъ торговыхъ иноземцевъ. Съ купцами соединилось тогда московское духовенство и перенесло челобитную изъ сферы торговой на почву нравственно-религіозную, сдѣлавшуюся послѣ смуты особенно ненадежною и опасною для иновѣрцевъ въ Московскомъ государствѣ. [3]).

1) А. А. Э. III, № 179, стр. 261—262.

2) Олеарій, 369—370, см. статью г. Цвѣтаева въ Русск. В., т. 172, стр. 764 примѣч.

3) А. И. III, № 92 XXXVI, стр. 114—115; г. Цвѣтаевъ, Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вв., стрр. 57-62.

Въ это именно время общаго недовольства иноземцами, когда чувство вражды къ нимъ хотя нѣсколько и утратило уже свою страстность, но все еще съ силою продолжало заявлять себя, Михаилъ Ѳеодоровичъ задумалъ пригласить иновѣрнаго принца въ женихи своей старшей дочери. Помимо главнаго затрудненія—убѣдить пріѣхать иноземнаго государскаго сына въ варварскую Московію для перекрещенія и женитьбы на совсѣмъ неизвѣстной русской княжнѣ, [1]) царю волей неволей приходилось еще считаться съ крайнимъ нерасположеніемъ къ иновѣрцамъ своихъ подданныхъ, начиная съ патріарха и ближнихъ бояръ. Сватовство православной царевны за иновѣрнаго принца, сулившее хлопоты церковно-гражданскому правительству царя и внушавшее опасенія простымъ людямъ, было весьма многимъ не по душѣ. Старики, все еще помнившіе ужасы московской разрухи и боявшіеся ея повторенія, не сочувствовали дѣлу, замышляемому царемъ,

---

[1]) Заставить иновѣрнаго принца перемѣнить свою вѣру на православіе, да къ тому-же черезъ перекрещиваніе, было весьма не легко. Въ то время, какъ великіе князья и цари Московскіе, вступая въ брачныя связи съ инославцами, ревниво оберегали православную вѣру, противная сторона, въ свою очередь охраняла свою религію и всякій разъ въ брачныхъ контрактахъ выговаривала себѣ свободу вѣроисповѣданія. Магнусъ датскій, супругъ Марьи Владиміровны, умеръ протестантомъ. Шведскій принцъ Густавъ, первый женихъ Ксеніи, по иностраннымъ извѣстіямъ, подвергся опалѣ Годунова не за разгульную будто-бы жизнь, какъ это значится по даннымъ русской исторіи, а за отказъ измѣнить своей вѣрѣ. Христіанъ IV отпустилъ въ Москву своего младшаго брата принца Іоанна съ условіемъ, что королевичу и его людямъ помѣхи въ ихъ вѣрѣ не будетъ, его пасторы будутъ совершать свою службу по датской религіи (аугсбургскому исповѣданію), что онъ можетъ строить въ Москвѣ дворъ и кирку и совершенно свободенъ дѣлать то-же самое въ Твери, предназначенной въ его владѣніе. Министры шведскаго короля Густава Адольфа, въ отвѣтъ на письмо русскихъ бояръ отъ 15 янв. 1623 г. писали Михаилу Ѳеодоровичу, что княжна Екатерина можетъ согласиться на бракъ съ нимъ только въ томъ случаѣ, если ей будетъ дозволено остаться въ своей вѣрѣ и крещеніи, держаться той службы, въ которой она съ дѣтства воспитана, и имѣть при себѣ лютеранскую кирку и все, чего требуетъ евангелическая вѣра (Карамз. VI, 162; Рущинскій, Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вв., прим. 725; Русск. Вѣстн. 1884 іюль стрр. 180. 183—184, августъ, 753). Желанія сторонъ въ пунктѣ о вѣрѣ были различны такимъ образомъ до противоположности и могли осуществиться лишь при взаимныхъ уступкахъ.

и не вѣрили, чтобы нечестивый королевичъ могъ искренно обратиться въ православіе. Никто изъ нихъ, сколько намъ извѣстно, не осмѣлился прямо высказать самодержавному царю своихъ нѣдовольствъ и опасеній, но многіе изъ лицъ, причастныхъ дѣлу, сознательно или ненамѣренно тормозили его успѣшный исходъ. Государь, съ проницательнымъ умомъ и твердымъ характеромъ, принявши въ соображеніе безуспѣшность попытокъ къ заключенію брачныхъ союзовъ съ иноземными владѣтельными домами своихъ предшественниковъ и взвѣсивши всю силу ископной отчужденности и религіозной вражды православной Руси къ иновѣрному западу, особенно со смутнаго времени, оставилъ бы сватовство своей дочери за невѣрнаго принца и попытался бы рѣшить брачный вопросъ не согласно съ существовавшимъ въ тѣ времена обычаемъ вызывать для русскихъ царевенъ знатныхъ чужеземныхъ женіховъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ, по отзыву своихъ современниковъ и позднѣйшихъ о немъ писателей, не выдѣлялся дарованіями изъ длиннаго ряда велл. князей московскихъ и не отличался способностію идти на перекоръ установившимся понятіямъ. Живя въ такой періодъ Московской жизни, когда русскіе люди жили по старинѣ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, семейныхъ и общественныхъ, считали необходимымъ справляться и сообразоваться съ поведеніемъ своихъ предковъ, онъ рѣшилъ съ своими совѣтниками послѣдовать примѣру Грознаго и Годунова—поискать жениха для царевны Ирины Михайловны *„въ иныхъ государствахъ у царя или короля“*. Сильная любовь къ дочери, которую не хотѣлось нѣжно любящему отцу оставлять „пустынницей“ [1]) и надежда какимъ бы то ни было образомъ убѣдить пріѣхать жениха и креститься въ православіе, въ виду частныхъ въ то время случаевъ принятія послѣдняго иновѣрцами разныхъ званій и исповѣданій, въ значительной мѣрѣ мѣшали царю предвидѣть всѣ тѣ хлопоты и огорченія, которыя потомъ привезъ съ собой въ Москву *доброродный и высокорожденный*, но иновѣрный женихъ.

---

[1]) Котошихинъ, гл. I ст. 25, стр. 21.

ГЛАВА II.

Разспросы Марселиса и Рутца о дѣтяхъ датскаго короля; посольство въ Данію Ѳомина для освѣдомленія о сыновьяхъ Христіана IV. Пріѣздъ въ Москву королевича Вальдемара въ качествѣ датскаго посла. Посольство Проестева и Патрикѣева въ Данію для сватовства; опала на нихъ царя. Посольство для той-же цѣли Петра Марселиса, который улаживаетъ дѣло въ Даніи. Разрушеніе лютеранскихъ кирокъ въ Москвѣ и быстрое возобновленіе одной изъ нихъ. Условія брака и разспросныя рѣчи Марселиса, который въ третій разъ ѣдетъ въ Данію, встрѣчаетъ тамъ новыя препятствія, устраняетъ ихъ и возвращается въ Москву. Пріѣздъ сюда же Вальдемара въ качествѣ жениха, представленіе его царю и разговоръ съ нимъ о Шведахъ. Предложеніе королевичу принять православіе и поговорить отъ книгъ съ духовными людьми. Переходъ къ послѣдующему.

9-го іюня 1640 года въ посольскій приказъ были позваны два прикащика датскаго короля Петръ Гавр. Марселисъ и Давидъ Никол. Рутцъ и разспрашиваны, у кого есть дѣти изъ окрестныхъ государей, сколько ихъ числомъ и какихъ они лѣтъ? Марселисъ сказалъ, что у датскаго короля Христіана IV отъ первой *большой* жены два сына: Христіанъ 37 лѣтъ, наслѣдникъ престола, уже женатый, но бездѣтный, и Фридрихъ 27 лѣтъ, помолвленный на дочери князя Юрія Люнебургскаго, но есть еще третій сынъ Вольмеръ отъ другой вѣнчальной-же жены; да у Христіана есть два сына отъ невѣнчальныхъ женъ: Христіанъ и Гансъ, изъ нихъ первый былъ сначала въ дворецкихъ у отца, а теперь командуетъ полками въ Испаніи, а другой адмираломъ флота въ Даніи. У англійскаго короля Карла три сына, но всѣ они малолѣтніе; есть у него два родныхъ племянника—дѣти чешскаго короля, одинъ двадцати пяти лѣтъ, другой годомъ моложе. Давидъ Николаевъ объявилъ, что у датскаго короля всего два сына—Христіанъ и Фрид-

рихъ—отъ прямой жены, да четыре *незаконнорожденныхъ*: Христіанъ Ульрихъ Гильденлеве, Гансъ Ульрихъ Гильденлеве, четвертый невеликъ, третій графъ Вальдемаръ Христіанъ, а сколько ему теперь лѣтъ и въ какихъ чинахъ, того онъ не вѣдаетъ. Въ виду такихъ разнорѣчивыхъ показаній правительству ничего не оставалось дѣлать, какъ послать гонца къ одному изъ названныхъ королей и на мѣстѣ собрать нужныя свѣдѣнія.

Михаилъ Ѳеодоровичъ предпочелъ уже извѣстнаго ему Христіана IV чешскому королю. 5 декабря 1640 года отъ имени царя было объявлено посольскаго приказа англійскаго и датскаго языка переводчику иностранцу Ивану Ѳомину [1]) ѣхать въ Данію съ государевой грамотой, заключавшей въ себѣ жалобу на герцога голштинскаго, который не исполнилъ своего договора съ Россіей касательно торговли съ Персіей. Но помимо оффиціальнаго порученія Ѳомину данъ былъ секретный наказъ, въ бытность свою въ Даніи, подлинно провѣдать: сколько дѣтей у датскаго короля отъ прямыхъ вѣнчальныхъ женъ, отъ королевъ, и сколько не отъ прямыхъ женъ, и въ какихъ чинахъ у него тѣ дѣти? Провѣдать до-пряма про королевича Вольмера: отъ прямой ли и вѣнчальной онъ жены, сколькихъ лѣтъ, каковъ собою, возрастомъ, станомъ, лицемъ, глазами и волосами, гдѣ живетъ, какимъ наукамъ, грамотамъ и языкамъ умѣетъ, каковъ въ умѣ и обычаѣ, нѣтъ ли въ немъ какой болѣзни или увѣчья, не сговоренъ ли гдѣ жениться, какъ давно и у кого, чья дочь его мать, жива ли, и какъ живетъ? Промышлять, чтобы королевича Вольмера видѣть ему самому и персону его написать подлинно на листъ или доску, безъ приписи, и промышлять тѣмъ, подкупя писца, хотя бы для этого понадобилось помѣшкать въ Даніи недѣлю или двѣ,

---

[1]) Іоанну Бекеру фонъ-Дельдену, копенгагенскому уроженцу, какъ это значится въ датскомъ „*Извѣстіи о поѣздкѣ въ Россію Вальдемара Христіана Гильденлеве*“. Чтен. въ общ. истор. и др. 1867. кн. 4, IV стр. I. Въ 1621 году вмѣстѣ съ кн. А. М. Львовымъ и дьякомъ Жданомъ Шиповымъ онъ ѣздилъ въ Данію сватать за Михаила Ѳеодоровича одну изъ племянницъ короля Христіана IV. Датскія дѣла главнаго московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ 1621 г. № 5.

прикинувъ на себя болѣзнь, только бы высмотрѣть подлинно и написать прямо, во что ни станетъ, давать не жалѣя, а для прилики, чтобъ не догадались, велѣть написать персоны самого короля Христіана и двухъ сыновей его, Христіана и Фридриха, что̀ отъ первой королевы. Если королевича почему либо не будетъ дома, Ивану предписывалось подождать его; въ томъ только случаѣ Оомину не велѣно было дожидаться, если подлинно узнаетъ, что королевичъ Вольмеръ не отъ прямой, не отъ *вѣнчальной* королевы родился. Гонцу строго внушалось провѣдывать обо всемъ этомъ тайно, отъ русскихъ людей и отъ нѣмцевъ, бывавшихъ на Москвѣ, укрываться и говорить съ ними осторожно, чтобъ того дѣла никто не свѣдалъ и помѣшки-бъ ему не учинилъ. На вопросъ датчанъ: нѣтъ-ли съ нимъ приказа о какихъ нибудь другихъ дѣлахъ, Оомипъ долженъ былъ отвѣчать, что опричь грамоты царской съ нимъ ничего не наказано. 14 декабря Иванъ выѣхалъ изъ Москвы, а 28 февраля 1641 года былъ уже въ Копенгагенѣ. Проговорился ли онъ здѣсь своимъ знакомымъ, или вовсе не счелъ нужнымъ секретно вести свои дѣла, только датскій дворъ узналъ настоящую цѣль его посольства и обошелся съ нимъ весьма предупредительно и любезно. Самъ Христіанъ IV, истощивши государственныя средства въ тридцатилѣтней войнѣ, и все болѣе и болѣе тѣснимый Шведами, далеко не прочь былъ породниться съ Михаиломъ Оеодоровичемъ и въ лицѣ московскаго царя пріобрѣсть себѣ лишняго военнаго союзника. Престарѣлый и многосемейный отецъ кромѣ того желалъ при себѣ устроить королевича Вальдемара, своего побочнаго сына, котораго къ тому же горячо любилъ. Датскіе вельможи, приближенные короля и, какъ увидимъ сейчасъ, самые близкіе рòдственники его, также весьма рады были удалить изъ Даніи королевича Вальдемара „остракизмомъ по благочестивому русскому дѣлу, чтобы только у себя въ отечествѣ *не имѣть въ немъ соискателя перваго въ государствѣ вице-королевскаго сана, на который по праву онъ сильно мѣтилъ*[2]). 23 марта прислалъ за Оомипымъ копенгагенскій держа-

[2]) Аделунга Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи № 80, стрр. 193—194.

вецъ Ульфельтъ [3]), за которымъ была дочь Христіана IV и родная сестра Вальдемара, и сказалъ: „слухъ до меня дошелъ, что ты подкупаешь написать тебѣ портреты короля и королевичей подлинно, безъ приписи, но ты самъ знаешь, что это невозможное дѣло, потому что живописецъ долженъ стоять передъ королемъ и королевичами и на нихъ глядѣть; но государь нашъ на то соизволилъ, велѣлъ себя и королевичей своихъ написать и послать къ вашему государю. Зачѣмъ это царскому величеству понадобились портреты?" Ѳоминъ отвѣчалъ: „государевы мысли въ рукахъ Божіихъ: мнѣ невѣдомо". 5 апрѣля королевскій секретарь Фридрихъ Хонтеръ отъ имени Христіана, въ отвѣтъ на царскую жалобу, говорилъ гонцу: „герцогъ Фридрихъ въ своемъ голштинскомъ княжествѣ живетъ и владѣетъ особо, дѣлаетъ все своимъ изволеніемъ, королевскаго величества не спрашиваясь, а королевское величество къ тому дѣлу (т. е. нарушенію договора съ Россіей) думы и мысли своей не давывалъ". Королевскій секретарь въ тотъ же день вторично спросилъ Ивана о портретахъ и добавилъ: „и про королевича Вольмера ты спрашиваешь: каковъ онъ разумомъ и обычаемъ и къ чему навыченъ? Король велѣлъ мнѣ сказать тебѣ,—только пусть останется это тайной,—если государю вашему королевичъ Вольмеръ для воинскаго дѣла надобенъ, то онъ отпуститъ его къ царскому величеству". „Государь нашъ, отвѣчалъ Ѳоминъ, живетъ въ миру со всѣми окрестными государями, никакихъ недруговъ у себя не знаетъ". На отпускѣ 22 апр. Ѳоминъ получилъ въ подарокъ три серебряныхъ кубка отъ короля и королевича и съ своей стороны пожаловалъ сорокъ соболей въ 60 рублей копенгагенскому державцу.

---

3) Державецъ Ульфельтъ, котораго намъ неоднократно придется касаться, былъ ни кто другой, какъ Корфицъ Улефельдъ—государственный совѣтникъ и великій казначей, назначенный въ 1643 году Христіаномъ IV государственнымъ гофмейстеромъ. Онъ былъ женатъ на дочери Христіана IV отъ графини Христины Мункъ—морганатической супруги короля. О значеніи, которымъ пользовалась эта личность при датскомъ дворѣ, обстоятельныя свѣдѣнія сообщаются Шлоссеромъ, Всеміри. истор. т. V, стрр. 428 — 429. 521 — 523 изд. Вольфа 1871 года.

Возвратясь изъ Даніи, Иванъ Ѳоминъ доносилъ царю, что у короля Христіана отъ первой вѣнчальной жены три сына: Христіанъ, Фридрихъ, нынѣ бискупъ Бременскій, не сговоренъ и не думаетъ жениться, третій убитъ въ Цесарской землѣ, да отъ другой прямой и вѣнчальной же жены Христины пять дочерей и три сына [4]). Изъ послѣднихъ двое умерло, а третій, Вольмеръ королевичъ, живъ, двадцати лѣтъ, волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ, пригожъ лицемъ, здоровъ и разуменъ, умѣетъ по латыни, по-французски, по-италіански, знаетъ верхне-нѣмецкій языкъ, искусенъ въ воинскомъ дѣлѣ; сказываютъ, что онъ у цесаря на войнѣ былъ, да и самъ онъ, Ѳоминъ, видѣлъ, какъ королевичъ пушку къ цѣли приводилъ и стрѣлять велѣлъ. Король Христіанъ королевича любитъ, держитъ его у себя на дворѣ въ особыхъ хоромахъ и ѣстъ часто съ нимъ вмѣстѣ. Вѣнчалъ королеву Христину съ Христіаномъ IV бискупъ Андрей въ Копенгагенѣ. Отецъ Христины, по имени Лудвигъ Мункъ, а мать ея, Елена Марсвей, были бояре большаго родства. Кромѣ того гонецъ привезъ царю королевскую грамоту (отъ 5 апр. 1641 г.), въ которой Христіанъ IV изъявлялъ сожалѣніе по поводу неисполненія его племянникомъ, герцогомъ голштинскимъ, торговаго договора съ Россіей и настойчиво просилъ, какъ можно скорѣе, дать письменный отвѣтъ на то, что онъ, король, „*изустно царскому посланному повѣрилъ*“. На вопросъ бояръ, что съ нимъ, Иваномъ, король изустно приказалъ, Ѳоминъ передалъ свои рѣчи съ Ульфельтомъ и Фридрихомъ Хонтеромъ, предупредивъ также насчетъ намѣренія Христіана IV прислать къ царю своего посла съ дарами. [5]).

---

[4]) Законность своего брака съ Христиной Христіанъ IV засвидѣтельствовалъ актомъ, подписаннымъ 23 авг. 1615 г., а другимъ актомъ отъ 9 сент. 1629 года призналъ законными дѣтей отъ этого брака. Государственный совѣтъ обнародовалъ этотъ второй актъ тотчасъ по смерти Христіана. Шлоссеръ, Всем. И. т. V, стрр. 520—521.

[5]) Дѣла Датскія Глав. Моск. А. Ин. Д. 1640 г. ноябр. 22—1641 г. № 1; ср. Сборникъ Императ. Публ. библ. изъ древне-хранилища Погодина № 1952 лл. 108 об.—111, гдѣ также находится разсказъ о законныхъ и незаконныхъ женахъ и дѣтяхъ короля Христіана IV и о порядкѣ престолонаслѣдія въ Даніи. Ист. Россіи С. М. Соловьева т. IX, стрр. 315—317 изд. 1866 г.

Слова Ѳомина не замедлили исполниться. Въ іюлѣ 1641 года въ Москвѣ узнали, что ѣдетъ къ государю изъ Даніи въ послахъ королевичъ Вальдемаръ, графъ Шлезвигъ-Голштинскій, а съ нимъ вторымъ посломъ Григорій Краббе. Въ Москвѣ пословъ предположено было помѣстить въ Китай-городѣ, на дворѣ думнаго дьяка Ивана Грамотина; при чемъ отдано было распоряженіе всѣ хоромы, поварню, конюшню и колодезь осмотрѣть и вычистить, худыя мѣста починить, столы, скамьи и окончины поставить, навозъ и щепы со двора свезти и на дворѣ посыпать пескомъ, въ двухъ палатахъ да въ деревянной покоевой горницѣ, гдѣ стоять графу Вальдемару, одинъ столъ покрыть ковромъ, а три остальные, всѣ лавки и скамьи сукнами червчатыми багрецовыми. По городамъ, чрезъ которые приходилось проѣзжать посламъ, принимали ихъ съ особенными почестями: воеводы ѣздили къ графу Вальдемару челомъ ударить. Въ самой Москвѣ впрочемъ посольство было принято обычнымъ образомъ, безъ особаго вниманія, такъ какъ въ королевской грамотѣ Вальдемаръ значился посломъ, а не королевичемъ; даже просьба его представиться царю въ шпагѣ не была уважена, хотя онъ и поставлялъ на видъ, что это послужитъ для него вѣчнымъ позоромъ. Въ отвѣтѣ съ нашими боярами датчане просили повольной торговли для своихъ купцовъ по всему московскому государству, монополіи по торговлѣ въ Россіи кожами и юфтью, позволенія устроить прядильню для канатнаго дѣла, имѣть въ Москвѣ агентовъ и прикащиковъ, вывозить сжегодно изъ Россіи въ Данію и Норвегію по тысячѣ ластовъ хлѣба для каждой, *строить по городамъ дворы и кирки*, обѣщая съ своей стороны увеличеніе пошлинъ и т. п. Соглашаясь съ одними требованіями пословъ и уклончиво отвѣчая на другія, наши бояре лишь на пунктъ о киркахъ въ Россіи сочли нужнымъ категорически отказать: дворъ у датскихъ купцовъ въ Москвѣ есть, а въ Новгородѣ, Псковѣ и Архангельскѣ пусть купятъ или поставятъ на посадѣ, „*а киркамъ на Москвѣ и ни въ какомъ городѣ московскаго государства не быть*“. Послѣ этихъ переговоровъ приступили было къ написанію бѣловой докончальной грамоты, но тутъ по обычаю заспорили:

чье имя, царское или королевское, писать прежде? Королевичъ требовалъ, чтобы въ датской грамотѣ королевское имя было написано прежде царскаго; русскіе не согласились, а послы не уступили. Послѣ (въ декабрѣ 1642 года) наши бояре узнали отъ Истра Марселиса, что помимо торговой миссіи королевичъ имѣлъ при себѣ тайный наказъ отъ своего отца на случай, если бы въ Москвѣ стали сватать его за царевну Ирину Михайловну. Христіанъ IV приказывалъ сыну принять предложеніе, если царь обезпечитъ ему свободу вѣроисповѣданія. Вальдемаръ показалъ наказъ, скрѣпленный королевскою печатью и подписью и будто бы неизвѣстный даже Краббе, Марселису, тотъ прочиталъ, но до свѣдѣнія русскихъ по какимъ то соображеніямъ не довелъ. Послы такимъ образомъ должны были вернуться назадъ, ничего не добившись.

Тяжелое чувство вызвали въ королевичѣ Вальдемарѣ русскіе люди и та непривычная обстановка, среди которой ему пришлось прожить на Москвѣ всего три съ небольшимъ мѣсяца; за то самъ онъ, уѣзжая, оставлялъ по себѣ весьма пріятное впечатлѣніе въ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: *„онъ сильно былъ любъ царю“*. Самодержавнаго и глубоко религіознаго государя безпокоило лишь серіозное сомнѣніе на счетъ законности происхожденія намѣченнаго жениха и дѣйствительнаго почета ему среди Датчанъ. Приставамъ, назначеннымъ состоять при Вальдемарѣ, было наказано разсмотрѣть всякими мѣрами и въ разговорахъ тайно развѣдать: какъ графа Вальдемара посолъ Краббе, дворяне и посольскіе люди почитаютъ: *государскимъ обычаемъ или рядовымъ*? Пристава доносили, что Краббе передъ графомъ шляпу временемъ снимаетъ и въ шляпѣ съ нимъ говоритъ, за обѣдомъ съ нимъ сидитъ вмѣстѣ; думные и дворяне говорятъ съ графомъ всѣ, снявши шляпы, и въ разговорѣ съ нимъ называютъ его *королевичемъ, а не посломъ*, и во всемъ почитаютъ его государскимъ обычаемъ. Но и этого повидимому было недостаточно для устраненія сомнѣнія, зародившагося въ царѣ. 14 авг. 1641 года позвали въ приказъ дворянъ: Ивана Баклановскаго и Бориса Приклонскаго, дьяка Григорья Протопопова и переводчика Ульфа Яковлева, ѣздив-

шихъ въ Данію въ 1631 году съ посломъ Вас. Гавр. Коробинымъ и дьякомъ Иваномъ Грязевымъ, и предложили имъ тѣ же вопросы, что и Марселису съ Рутцемъ. Изъ предосторожности или просто по невѣдѣнію всѣ четверо не дали опредѣленнаго отвѣта: „отъ прямой-ли вѣнчальной жены родился графъ Вальдемаръ, того они не знаютъ и ни отъ кого не слыхали“. Одинъ только переводчикъ Матвѣй, родомъ норвежецъ, показалъ въ этотъ разъ, что у Христіана IV было двѣ вѣнчальныхъ жены и отъ второй изъ нихъ родился Вальдемаръ [6]).

Сомнѣнія Михаила Оеодоровича на счетъ законнорожденности Вальдемара разрѣшились, наконецъ, въ благопріятномъ смыслѣ. 12 апр. 1642 года велѣно было ѣхать въ Данію въ послахъ окольничему Степану Матвѣевичу Проестеву и дьяку Ивану Исаковичу Патрикѣеву для заключенія вѣчнаго докончанія Россіи съ Даніей и съ предложеніемъ Христіану IV брачнаго союза между его сыномъ, королевичемъ Вальдемаромъ, и царевною Ириною Михайловною. Посламъ предписывалось добиться согласія Христіана не только на означенный бракъ, но и на принятіе его сыномъ черезъ перекрещеніе православной вѣры. Если бы король или думные люди предложили самимъ Русскимъ убѣждать къ тому королевича, послы должны были замѣтить, что такъ поступать не пригоже, потому что королевичъ Вальдемаръ „по его высокорожденной чести во всемъ его королевскому величеству покоренъ и во всякой его королевской новольности повиненъ, и король бы самъ сына своего на то наводилъ и своимъ ближнимъ людямъ наводить велѣлъ“. Послы обязывались лично видѣться съ Вальдемаромъ, поднести ему царскіе подарки, хвалить передъ нимъ государя и русскую вѣру; съ людьми, которые бы стали помогать имъ, должны были обходиться ласково, а въ случаѣ надобности и подарить, для чего дано было Проестеву съ Патрикѣевымъ запасныхъ соболей на

[6]) Дѣла Датскія М. А. Ин. Д. 1641 г. №№ 2 и 3; 1640—1641 г. № 1; Датск. грам. М. А. Ин. Д. № 21; Соловьевъ. Ист. Р. т. IX, стрр. 203—204. 317—319; Цвѣтаевъ. Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода. Русск. Вѣстн. т. 172, стр. 754—758.

2000 рублей. Настоящій наказъ въ своей существенной части былъ такимъ образомъ дословнымъ повтореніемъ уже извѣстнаго намъ наказа Львову и Шипову. Допущено было лишь одно маленькое измѣненіе въ пунктѣ о свитѣ королевича: „*...и креститься бы ей въ православную христіанскую вѣру греческаго закона*, а которые креститься не похотятъ, и тѣмъ въ ближнихъ и дворовыхъ людяхъ быть не пригоже, а видаютъ такіе люди государскія очи временемъ“. То, что въ 20-хъ годахъ только подразумѣвалось, о чемъ говорилось условно, теперь откровенно и рѣшительно было высказано нашими боярами. Наказъ оканчивался приказаніемъ радѣть и промышлять о добромъ совершеніи государскаго дѣла накрѣпко и въ случаѣ какихъ либо непредвидѣнныхъ препятствій обослаться поскорѣе съ московскимъ правительствомъ.

Пословъ приняли въ Даніи довольно холодно, въ торжественной аудіенціи, когда они правили Христіану поклонъ отъ своего государя, король не хотѣлъ даже исполнить обычнаго въ подобныхъ случаяхъ приличія—не всталъ, не снялъ шляпы и не спросилъ про царское здоровье; лишь по настоянію С. М. Проестева принужденъ былъ сдѣлать все это. 18 іюля приступили къ разсужденіямъ о вѣчномъ докончаніи, но опять кончили ничѣмъ, такъ какъ никто не хотѣлъ уступить въ вопросѣ о титулахъ. „Этому дѣлу, говорилъ канцлеръ, по вашему не быть: государь нашъ во всей Европѣ никакому государю своей чести не уступитъ и такою дорогою цѣною ни у котораго государя дружбы купить не захочетъ“. Перешли къ вопросу о сватовствѣ. „Государь нашъ хочетъ быть съ его королевскимъ величествомъ въ пріятельствѣ, крѣпкой дружбѣ, любви и соединеньи свыше всѣхъ великихъ государей“, говорили послы наши королевскимъ ближнимъ людямъ, „и для того велѣлъ объявить, что его государской дщери, царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ, приспѣло время сочетаться законнымъ бракомъ, а вѣдомо ему учинилось, что у Датскаго короля Христіана есть доброродный сынъ королевичъ Вальдемаръ Христіанусовичъ. Если королевское величество хочетъ быть съ нимъ, великимъ государемъ, въ братской дружбѣ на вѣки, и онъ

бы позволилъ своему сыну взять къ сочетанію законнаго брака государскую дщерь Ирину Михайловну"... „И мы о такомъ великомъ и добромъ дѣлѣ, отвѣчали датчане, рады слышать... Только государь нашъ велѣлъ сказать вамъ, что, не рѣшивъ начальнаго дѣла о королевской чести, никакихъ другихъ дѣлъ нельзя дѣлать, потому что во всякомъ дѣлѣ, на чемъ станетъ рѣчь, слѣдуетъ укрѣпляться и на письмѣ, а вы по указу царя своего захотите писать низко имя нашего короля". Послы настаивали, что одно дѣло другому не мѣшаетъ; датчане наконецъ согласились и съ своей стороны спросили: „какъ государь вашъ графа Вальдемара хочетъ имѣть у себя въ присвоеньи и въ какой чести? какіе именно города и села дастъ ему на содержаніе?" „Государь нашъ царь и вел. князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, отвѣчалъ Проестевъ съ Патрикѣевымъ, православной христіанской вѣры греческаго закона, Самимъ Спасителемъ и святыми Его учениками и апостолами преданной, и доселѣ нерушимо сохраняемой. Если королевское величество позволитъ сыну своему взять у царскаго величества благородную дщерь и благовѣрную царевну Ирину Михайловну, и ему, королевичу Вальдемару, съ нею государынею быть одной вѣры и, пріѣхавъ въ Россійское государство, креститься въ купѣли св. крещенія водою и духомъ. Какъ только онъ, королевичъ, отъ своей вѣры къ нашей истинной, православной приступитъ и св. крещеніе приметъ для благовѣрной супруги своей и для своего душевнаго спасенія, и ему въ томъ будетъ отъ Бога милость и отъ всѣхъ людей честь и слава..., и тогда даны будутъ графу Вальдемару, по милости и жалованью царскаго величества, города, села и деревни многія, и казну государь укажетъ ему не скудную, по его достоинству, и доходы у него будутъ особые, чѣмъ жаловать ему своихъ ближнихъ и дворовыхъ людей, а какіе именно города и села пожалуетъ царское величество королевичу, безъ повелѣнія государя нашего сказать не вѣдаемъ". „Государь нашъ, отвѣчалъ на это канцлеръ, сына своего графа Вальдемара научилъ и укрѣпилъ въ вѣрѣ неподвижно, въ коей самъ пребываетъ, въ иную вѣру не позволитъ креститься. И такія рѣчи у

васъ, царскаго величества пословъ, намъ и всѣмъ подданнымъ королевскаго величества слышать страшно".

Королевича Вальдемара во время этихъ переговоровъ не было въ Копенгагенѣ; онъ пріѣхалъ 5 августа, въ ночь, и остановился на томъ самомъ дворѣ, на которомъ стоялъ въ то время королевскій прикащикъ Петръ Марселисъ [7]). Получивъ отъ пословъ царскій подарокъ—пять сороковъ соболей, королевичъ пришелъ къ нимъ бить челомъ и сказалъ: „теперь милость государя вашего къ себѣ незабытную я вижу, потому что пожаловалъ меня своимъ государскимъ многимъ жалованьемъ". Послы просили королевича сѣсть, но онъ отказывался: когда вы послы сядете, тогда и я съ вами сяду". „Ты *государскій* сынъ, мы по приказу государя нашего тебя почитаемъ, тебѣ по твоему достоянью добро пожаловать сѣсть, и мы съ тобою сядемъ". Сѣвши посреди стола, королевичъ замѣтилъ о сватовствѣ: „Отецъ все мнѣ разсказалъ объ этомъ дѣлѣ; съ вами мнѣ говорить не позволено, да и нечего: *во всемъ положился я на волю отца своего*".

Потерпѣвши неудачу, С. М. Проестевъ съ Патрикѣевымъ поспѣшили выѣхать изъ Копенгагена. Вѣсть о томъ, что ихъ *„мало не выслали изъ датской земли"* и король на отрѣзъ отказалъ имъ въ королевичѣ, пришла на Москву прежде, чѣмъ послы успѣли вернуться въ нее. „И

---

[7]) Помимо торговыхъ цѣлей въ эту свою поѣздку въ Данію Марселисъ несомнѣнно имѣлъ тайное порученіе провѣдывать о ходѣ брачныхъ переговоровъ въ Копенгагенѣ. 4 декабря 1642 г., когда Петру самому предложено было оффиціально ѣхать въ Данію сватать королевича за царевну, онъ сообщилъ боярамъ, что онъ уже былъ по этому дѣлу въ Копенгагенѣ одновременно съ Проестевымъ и Патрикѣевымъ. Прося у государя позволенія, въ награду за службу, въ теченіе десяти лѣтъ скупать въ Россіи и вывозить за границу ежегодно 25 тысячъ четвертей ржи, Марселисъ въ письмѣ отъ 14-го генв. 1644 года писалъ Михаилу Ѳеодоровичу: „Вашему царскому величеству извѣстно, что въ томъ великомъ дѣлѣ, которое милостиво было мнѣ повѣрено, *о которомъ я трожды ѣздилъ съ великимъ конечнымъ радѣньемъ*, не разъ подвергался погибели и учинилъ себя у короны Свейской въ великомъ ненавидѣньѣ". Трехкратной поѣздки Марселиса въ Копенгагенъ по дѣлу Вальдемара не выйдетъ, если не считать разсматриваемаго случая бытности его, Петра, въ Копенгагенѣ одновременно съ Проестевымъ и Патрикѣевымъ. Датскія дѣла М. А. М. Ин. Д. 1642 г. №№ 3 и 8.

о томъ, государь, доносили послы царю въ сентябрѣ 1642 года, королевскіе думные люди многажды докладывали королю и намъ, холопамъ твоимъ, сказывали, что изволеніе твоего царскаго величества о присвоеніи королевича Вальдомара король почитаетъ для себя высокою честію, но чтобы велѣть сыну своему, оставя свою вѣру, креститься въ православную, той страховитой статьи и смѣлаго хотѣнья онъ и слышать не радъ. И отказали намъ, холопамъ твоимъ, королевскіе думные люди во всемъ томъ впрямь и больше того о дѣлѣ съ нами говорить не стали". Въ письмѣ отъ 2 августа, поданномъ при этомъ Проестевымъ царю, Христіанъ IV благодарилъ государя за намѣреніе породниться съ нимъ, а про перемѣну сыномъ вѣры и закона выражался какъ про *„страховитую"* статью, кажущуюся ему *„нетерпимою и жестокою"*.

Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, царь разгнѣвался на Проестева съ Патрикѣевымъ и приказалъ подвергнуть строгому допросу прямодушныхъ и непаходчивыхъ пословъ. Первый бояринъ въ государствѣ О. Ив. Шереметевъ, царскій печатникъ О. О. Лихачевъ и думный дьякъ Григорій Львовъ дважды, сначала вмѣстѣ (30 декабря 1642 г.), потомъ по одиночкѣ (12 мая 1643 г.), разспрашивали пословъ и бывшихъ съ ними переводчиковъ: Ульфа Яковлева и Бориса Борисова и, наконецъ, обвинили Проестева съ Патрикѣевымъ въ томъ, что они, будучи въ датской землѣ, „дѣлали и говорили не по государеву наказу, а на отпускѣ у Христіана IV не остерегали государской чести, промолчали, когда король, приказывая поклонъ царю, не произнесъ полнаго государскаго именованья. Въ наказѣ было сказано: радѣть и промышлять всякими мѣрами, уговаривать и дарить, кого надобно, а послы, услыхавши первый отказъ, сейчасъ же уѣхали, не обославшись съ царскимъ величествомъ; для государева дѣла послана была съ ними казна, запасные соболи, давать было что, а они раздавали соболей для своей чести, а не для государева дѣла [8]); съ

[8]) „А про запасъ дьякъ Иванъ говорилъ: государево-де жалованье—запасу онъ не взялъ для того, что онъ въ запасѣ передъ своею братьею оскорбленъ..., а исполнился и на его государеву службу поднялся тѣмъ, что ему дано государ-

королевскими ближними людьми говорили самыми короткими словами, что къ дѣлу не пристало, самыхъ надобныхъ дѣлъ не говорили, королевскимъ ближнимъ людямъ во многихъ статьяхъ противъ ихъ рѣчей были безотвѣтны, государевымъ дѣломъ не промышляли и во всемъ дѣлали нерадѣньемъ". Но главная, самая тяжкая вина пословъ, за которую государь положилъ на нихъ свою опалу, заключалась въ томъ, что они *„сильно о вѣрѣ говорили, а царскаго величества изволенья на то не было"*, на вопросъ королевскихъ ближнихъ людей: „какъ великій государь царь и вел. князь Михаилъ Ѳеодоровичъ графа Вальдемара хочетъ имѣть у себя въ присвоеньи и въ какой чести?" отвѣта, по государеву указу, не дали, а говорили ближнимъ людямъ не противъ ихъ вспроса о вѣрѣ и крещеніи, чтобы королевичъ Вальдемаръ отъ своей вѣры отсталъ и къ нашей истинной православной вѣрѣ приступилъ, принялъ св. крещеніе и ко св. причастію Тѣла и Крови Христовыхъ приступалъ обще съ царевною". Посламъ нужно было говорить про вѣру и крещеніе въ ту пору, когда король съ своими совѣтниками началъ бы утверждать, что королевичу не пригоже отступать отъ своей вѣры и креститься въ православную, — *„говорить гладко и пословно, а не отказывать*; имъ слѣдовало радѣть всякими мѣрами и говорить ближнимъ боярамъ накрѣпко, чтобъ они обоимъ государямъ послужили и такое великое дѣло въ доброе совершенье привели, *а королевича уговаривать гладкими и пословными словами"*.

На второмъ, майскомъ допросѣ отъ пословъ допытывались, чтобъ они сказали правду: по какой причинѣ, будучи въ Даніи, они говорили о вѣрѣ и крещеніи не противъ вспроса королевскихъ ближнихъ людей? по чьему совѣту они то дѣлали и не было-ли имъ отъ кого-нибудь приказа на то? Кто ихъ провожалъ, какъ они поѣхали съ Москвы? У царя и его *старѣйшаго и тайнѣйшаго совѣтника*, быть можетъ, подъ вліяніемъ новыхъ какихъ вѣстей изъ Даніи, возникло подозрѣніе, какъ увидимъ не безъосновательное: не дѣйствовалъ

рева годового жалованья и подмоги деньгами". Датскія дѣла М. А. М. Ин. Д. 1644 года, № 3.

ли чрезъ Проестева и Патрикѣева кто-либо другой, чтобы разстроить предполагаемый бракъ благовѣрной царевны съ невѣрнымъ принцемъ? „*Дѣлали мы*, будучи въ Датской землѣ, *все собою*, отвѣчалъ Проестевъ, а ни по чьему совѣту и ни отъ кого намъ про то приказа не бывало..., а провожали меня кн. А. Мих. Львовъ, Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ, кн. Алексѣй Трубецкой, Никифоръ Собакинъ да два зятя кн. Данило Гагинъ и Никита Зюзинъ“. Дьякъ Патрикѣевъ сказалъ, что онъ поѣхалъ съ Москвы одинъ. Пословъ разспрашивали: не писали-ли они чего съ дороги какимъ-либо своимъ совѣтникамъ? и отъ кого въ Москвѣ узнали объ отказѣ въ королевичѣ раньше ихъ пріѣзда? С. М. Проестевъ показалъ, что объ этомъ онъ никому не писалъ и не приказывалъ.

Статейный списокъ пословъ также подвергнули на Москвѣ безпощадной критикѣ даже со стороны литературной. Одного въ немъ не находили, напримѣръ, упоминанія о томъ, какъ король приказывалъ царю поклонъ, какъ послы встрѣчали у себя и провожали королевича, какъ здоровались съ нимъ, не витались-ли? Другое было написано не такъ, не въ обычныхъ выраженіяхъ; „а что написано у пословъ, будто присланы были къ нимъ королевскіе поминки, и то написано не пригожу: поминки бываютъ отъ государя къ государю, а подданнымъ и посламъ сказываютъ *государевымъ жалованьемъ*, *а не поминки*“. Напрасно послы, извиняясь, увѣряли, что о вѣрѣ и крещеніи они говорили по государеву наказу, только написали объ этомъ въ статейномъ спискѣ не на мѣстѣ, что не обослались съ царемъ и уѣхали въ Москву, не выразумѣвши тайнаго наказа; напрасно они твердили, что все они учинили безхитростно или грѣшною мѣрою и не упомнятъ, какъ слово поминки очутилось въ ихъ спискѣ; тщетно Патрикѣевъ пытался всю отвѣтственность сложить на Проестева, заявляя, что онъ, Иванъ, никогда у великаго посольскаго дѣла не бывалъ: если вѣрить датскому извѣстію [9]), Проестева и Патрикѣева наказали и отправили

9) Не довѣрять этому извѣстію нѣтъ основаній; авторъ русской „*Повѣсти о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича*“... также говоритъ, что *единъ отъ двою оньхъ посланныхъ вельми пострада*“. Рукоп. В. М. Ундольскаго

подъ опалой въ ссылку за то, что въ бытность свою въ Даніи *„поступали спроста и отвѣчали ужъ очень честно“* [10]).

Въ то время, какъ на Москвѣ судили Проестева съ Патрикѣевымъ, въ Даніи шло усиленное сватовство королевича Вальдемара за царевну Ирину. Отказъ датчанъ не остановилъ царя въ его намѣреніи, а лишь заставилъ его правительство озаботиться пріисканіемъ болѣе ловкаго и искуснаго свата. Такой человѣкъ скоро нашелся; то былъ уже не разъ названный нами датскій коммисаръ Петръ Гавриловичъ Марселисъ (Petrus Marselius)—лицо далеко небезъизвѣстное въ торгово-промышленной исторіи нашего отечества. Какъ истый протестантъ, онъ конечно уже не могъ сильно говорить о православной вѣрѣ своему королю, а какъ изворотливый торговый человѣкъ, прекрасно знакомый съ московскимъ и копенгагенскимъ дворомъ, съ ихъ желаніями и дѣйствительными нуждами, и отчасти съ самымъ сватовствомъ королевича Вальдемара за царевну Ирину, онъ могъ безъ особенныхъ затрудненій услужить той и другой сторонѣ съ большою выгодою для себя. 4 дек. 1642 года Марселиса позвали въ посольскій приказъ; напомнивши о прежнихъ службахъ его, Петра, и отца его Гаврилы и дарованныхъ имъ за то царскихъ милостяхъ, О. Ив. Шереметевъ отъ имени государя предложилъ ему взять на себя поправить дѣло Проестева и Патрикѣева, будто бы говорившихъ королю объ одномъ только крещеніи и не объявившихъ иныхъ статей касательно брака. Марселисъ отвѣчалъ, что радъ служить царю, промышлять и радѣть объ этомъ дѣлѣ, сколько есть силъ, и поѣдетъ въ Данію, если только государь позволитъ королевичу быть въ прежней своей вѣрѣ; но если статьи о вѣрѣ не опустятъ въ договорѣ, то лучше его не посы-

---

въ Румянц. муз. № 1327 л. 5. Въ 1644 году С. М. Проестева, состоявшаго въ родствѣ со знатными московскими боярскими домами, мы видимъ уже при дворѣ царя Михаила (Дворц. разр. II, 743); предполагаемъ, что не онъ, а Патрикѣевъ всего больше пострадалъ.

10) Датскія дѣла А. Ин. Д. 1642—1643 г.г. №№ 1 и 3—4; Историч. дѣла Главн. М. Арх. Ин. Д. 1642 г. окт. 28; ср. Собр. грам. и договор. III, № 117; Датск. грам. Моск. Арх. Ин. Д. № 22. Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вальдемара, стрр. 1—2; Соловьевъ. Ист. Р. IX, 319—321.

лать: король и его сынъ никогда не согласятся на перемѣну вѣры, что бы не быть въ безчестьи у всѣхъ окрестныхъ государей. Бояре всячески упрашивали Петра постараться уговорить короля съ королевичемъ на перекрещенье, но тотъ наотрѣзъ отказался, сообщивъ, что Христіанъ проклятіемъ угрожалъ графу Вальдемару за переходъ въ православіе еще въ томъ наказѣ, который онъ привозилъ съ собою въ Москву въ качествѣ посла въ 1641 году. Боярамъ оставалось уступить Марселису; царь Михаилъ Ѳеодоровичъ чрезъ Ѳ. Ив. Шереметева указалъ ему ѣхать въ Данію.

Быстрое согласіе со стороны благочестиваго царя на устраненіе изъ брачнаго договора столь существеннаго условія, какъ вѣра, возбудило подозрѣніе въ Марселисѣ; отъ Шереметева, сказавшаго ему службу по государеву дѣлу, онъ тотчасъ же пошелъ къ думному дьяку Григорію В. Львову и спросилъ его: *„знаетъ-ли о томъ патріархъ, такъ какъ это дѣло духовное?“* Что ты заботишься о томъ?— отвѣчалъ уклончиво находчивый дьякъ; ап. Павелъ пишетъ, что „вѣрнымъ мужемъ невѣрная жена спасется, а вѣрною женою невѣрный мужъ“... Повѣрилъ-ли Марселисъ словамъ Львова, желаніе-ли наживы взяло въ немъ перевѣсъ надъ сомнѣніемъ, только онъ больше не возражалъ, а сталъ лишь просить государева жалованья больше, чѣмъ давали ему прежде, привилегіи себѣ на желѣзный промыселъ въ теченіи двадцати лѣтъ и защиты своей семьѣ, остававшейся въ Москвѣ. Просьба его была немедленно исполнена: дано соболей на 2500 рублей для раздачи въ Даніи и 500 рублей деньгами въ вознагражденіе за службу. 4 генв. 1643 года Марселисъ тайно былъ на отпускѣ у царя; Михаилъ Ѳеодоровичъ просилъ Петра послужить ему, а тотъ *„опасаясь всякаго дурна“*, хлопоталъ передъ царемъ о томъ, чтобы никто не зналъ пути, куда ему ѣхать.

Въ наказѣ, составленномъ дьякомъ весьма умѣло, Марселису предписывалось объявить Христіану IV, что царь по прежнему желаетъ брака его сына съ своею дочерью, такъ какъ это послужитъ къ крѣпкой дружбѣ и любви между ними, къ покою, тишинѣ и вѣчной славѣ ихъ государствъ,—что они оба государя великіе и государства имѣютъ подъ собою многолюдныя и обширныя

и сообща могутъ поискать своему государскому имени чести и повышенья, государствамъ своимъ прибавленья и расширенья, а на враговъ своихъ навести страхъ, трепетъ и ужасъ. Всѣ друзья ихъ, великіе окрестные государи, порадуются, услыхавъ о такомъ союзномъ дѣлѣ, а недруги будутъ отъ того въ сѣтованьи и печали. О Проестевѣ и Патрикѣевѣ нужно было сказать королю, что они вопреки царскому наказу и не противъ думныхъ людей вопроса о вѣрѣ и крещеньѣ говорили, во всемъ поступали нерадиво, на вопросъ о чести и земляхъ для королевича отвѣчали не по государеву указу. Королевича государь станетъ держать въ ближнемъ пріятельствѣ и большой чести, какъ государскаго сына и своего зятя; ближніе и всякихъ чиновъ люди Россійскаго государства будутъ его почитать большою честію, и будетъ одаренъ онъ всѣмъ: города, села и денежная казна будетъ у него многая, получитъ онъ большіе города, Суздаль и Ярославль, съ уѣздами, волостями и всякими доходами, и иные города и села, которые ему королевичу будутъ годны. А что касается вѣры, то въ ней королевичу *„неволи не будетъ, а въ православную христіанскую вѣру греческаго закона всѣмъ людямъ даръ Божій: кого Богъ приведетъ, тотъ и приметъ, а воля Божія свыше всѣхъ человѣческихъ мыслей и дѣлъ“*. Ближнимъ и дворовымъ людямъ, которые пріѣдутъ съ королевичемъ и захотятъ служить при немъ, будетъ оказана всѣмъ государская милость по ихъ достоинству, неволить ихъ ни въ чемъ не будутъ.

Запасшись столь благопріятнымъ для себя и Датчанъ наказомъ, вечеромъ 14 генваря 1643 года Марселисъ выѣхалъ изъ Москвы, въ сопровожденіи шурина своего Вильгельма Ивана Бернзли и своихъ людей, числомъ до двадцати.

По дорогѣ въ Данію въ Глюкштадтѣ Марселисъ случайно встрѣтился съ Вальдемаромъ, пріѣхавшимъ навѣстить своего больнаго зятя графа Ренца. Узнавши отъ посла о цѣли его поѣздки, королевичъ выразилъ сомнѣніе въ серіозности сватовства. Еслибы царь вправду хотѣлъ имѣть его своимъ зятемъ, то въ бытность его посломъ въ московскомъ государствѣ почитали бы его несравненно больше, чѣмъ это было. Вальдемаръ разсказалъ при этомъ послу, какъ

дурно обращались съ нимъ въ дорогѣ пристава, какъ неласково встрѣтили и проводили его въ Новгородѣ, а въ одномъ мѣстѣ даже ударили его по щекѣ. Раньше еще, можетъ быть, онъ согласился-бы на бракъ, но теперь всякую мысль о томъ онъ совершенно оставилъ. Марселисъ *„всѣмъ изможсніемъ своимъ“* при этомъ радѣлъ, чтобы графскую милость *„опять къ тому дѣлу привратить“*, доказывалъ, что безчестье учинилось ему, королевичу, безъ вѣдома царя. 14 марта сватъ былъ уже въ Копенгагенѣ, гдѣ его встрѣтили, по приказанію короля, весьма любезно и сочувственно. Отъ двухъ своихъ братьевъ, проживавшихъ въ Копенгагенѣ и пользовавшихся будто бы довѣріемъ при дворѣ, нашъ сватъ узналъ, что безъ королевскаго державца и еще одного-двухъ думныхъ людей ему ничего не сдѣлать. Неразборчивый на средства посолъ послѣдовалъ совѣту братьевъ, обѣщавшихся всячески помогать ему. Вечеромъ 15 марта онъ былъ уже въ квартирѣ Ульфельта и о дѣлѣ тайно говорилъ, а онъ, замѣчаетъ Петръ о своемъ собесѣдникѣ, *„ближній и вѣрный думный, безъ совѣта котораго король ничего не дѣлаетъ*, и королевскаго величества дочь, а графа Вальдемара сестра за нимъ“. Ловкій сватъ просилъ державца порадѣть и помочь ему въ дѣлѣ, увѣряя, что въ случаѣ успѣшнаго окончанія сватовства царь не забудетъ его службы добрымъ вознагражденіемъ. Ульфельтъ отвѣтилъ на это, что онъ съ своей стороны, сколько возможно, радъ промышлять, но что не мѣшаетъ ему, Петру, съ канцлеромъ да еще съ однимъ вѣрнымъ человѣкомъ объ этомъ дѣлѣ поговорить и *„друзьями ихъ имѣть“*. Королю очень пріятно и любо будетъ тебя видѣть, говорилъ державецъ Марселису, но что онъ, Ульфельтъ, не знаетъ, какъ отнесется Христіанъ къ предложенію царскаго величества. Въ прежнихъ разговорахъ съ королемъ и съ графомъ Вальдемаромъ онъ мало видѣлъ въ нихъ подвижности къ этому дѣлу, а теперь король даже больше склоненъ женить сына на дочери чешскаго короля. Познакомивши державца со своимъ наказомъ, Марселисъ побывалъ и у другихъ, нужныхъ для него и сильныхъ у Христіана людей, и ихъ точно также упросилъ помочь ему въ сватовствѣ. Заручившись содѣйствіемъ, кого слѣдуетъ,

20 марта Марселисъ представлялся королю, при чемъ изложилъ предъ нимъ статьи брачнаго договора.

Пункты, бывшіе причиной безуспѣшности посольства Протестева и Патрикѣева, теперь не только были устранены, но и замѣнены новыми, какъ разъ имъ противоположными; у Христіана IV уже не было болѣе поводовъ опасаться за свободу вѣроисповѣданія своего сына, за матеріальное обезпеченіе и дѣйствительный почетъ ему на Москвѣ, не было серіозныхъ основаній не соглашаться на бракъ Вальдемара съ царевной Ириной. Мысль о политическомъ союзѣ съ русскимъ царемъ, столь ясно высказанная посломъ на представленіи, также не могла не произвести желаемаго впечатлѣнія на короля, владѣнія котораго не сегодня—завтра должны были подвергнуться нападенію со стороны побѣдоносныхъ Шведовъ. Король Христіанъ IV, уговоренный своими всесильными министрами и старшимъ сыномъ Христіаномъ, наслѣдникомъ престола [11]), согласился, наконецъ, отпустить Вальдемара въ Москву и желалъ только получить отъ

[11]) „... Да и у другихъ людей (послѣ Ульфельта) онъ, Петръ, былъ же", говорилъ Марселисъ нашимъ боярамъ 19 іюня 1643 „и тѣхъ къ тому привелъ, что и они реклися въ томъ дѣлѣ помогать, да потомъ они и промышляли и радѣли и хъ тому привели, что его королевское величество на то изволенье свое далъ... Да онъ же де Петръ еще другомъ промышлялъ, которой хъ королевскому старшему сыну Христьянусу пятому писалъ и тѣмъ писмомъ его на то дѣло гораздо воздвигъ, а какъ лучилося королевскому величеству и его старшему сыну Христьяну въ городѣ Фредриксборхѣ вмѣстѣ быть, *и онъ, Христьянусъ, со отцемъ своимъ много о томъ дѣлѣ говорилъ*, и то короля много хъ тому дѣлу привратило, что онъ на то изволилъ„. Датскія дѣла М. А. Ин. Д. 1643 г., № 8. Причина, заставившая начальныхъ думныхъ людей Христіана IV хлопотать объ удаленіи графа Вальдемара въ Москву, намъ уже извѣстна: они видѣли въ немъ законнаго кандидата и вмѣстѣ своего конкуррента на вицекоролевскій санъ въ имѣвшее скоро наступить правленіе Христіана V и заблаговременно старались отъ него отдѣлаться. Аналогичными, предполагаемъ, соображеніями руководился и старшій сынъ Христіана IV, уговаривая отца отпустить брата, *незаконнорожденнаго* Вальдемара, въ Москву. Христіанъ V хотя и *обранъ былъ на королевство*, но, какъ *бездѣтный* и вовсе лишенный надежды когда либо имѣть дѣтей, могъ всегда опасаться, по суду Марселиса (Датскія д. 1640 г., № 1), за престолонаслѣдіе и усматривать въ любимцѣ Христіана IV Вальдемарѣ претендента на королевское званіе. Иванъ Ѳоминъ, воротившись изъ Даніи въ 1641 году, между прочимъ сообщалъ русскому правительству: „Въ Датской землѣ по уложенію ведется: которые королевичи родятся отъ первой вѣнчальной королевы, тѣ наслѣдуютъ на королевство, а которые родятся

царя письменное разъясненіе на тѣ пункты брачнаго договора, которые казались ему не вразумительными и не достаточно ясно изложенными въ наказѣ Марселиса. Оставалось такимъ образомъ склонить на бракъ самого жениха, продолжавшаго сохранять непріятное воспоминаніе о Москвѣ и не хотѣвшаго даже слышать о вторичной поѣздкѣ туда для женитьбы; но это должны были сдѣлать воля отца и первые датскіе вельможи, которымъ Вальдемаръ, какъ законный кандидатъ на первое мѣсто послѣ короля, продолжалъ стоять поперегъ дороги. Извѣщая Михаила Осодоровича письмомъ отъ 22 марта, что графъ Вальдемаръ, не желая разставаться съ родственниками, „*мало подвиженъ*“ на бракъ, тѣмъ болѣе, что прошлой осенью и весной сватали его за дочь чешскаго короля, Марселисъ писалъ царю, что безъ вѣдома и участія королевскихъ думныхъ людей ему „ничего не сдѣлать и не установить“. Онъ высказывалъ въ письмѣ опасеніе, какъ бы дѣло, въ виду его важности, не стали обсуждать на имѣвшемъ открыться 17 апрѣля сеймѣ; „до того времени, замѣчаетъ о себѣ посолъ, я не стану *плошиться*, а буду промышлять какъ бы тѣхъ людей, которые могутъ помощь оказать, на свою сторону привлечь“. Конецъ марта и начало апрѣля Марселисъ склонялъ на свою сторону королевскихъ думныхъ людей, а эти послѣдніе уговаривали Вальдемара согласиться на бракъ. Находя неприличнымъ ежедневно самому выходить изъ посольской квартиры, онъ сносился съ королевскими людьми чрезъ своихъ родныхъ братьевъ и какого-то вѣрнаго своего друга I. Б.; отъ нихъ онъ узнавалъ, что думаютъ и говорятъ король съ сыномъ, какъ ведетъ себя въ интересующемъ его вопросѣ Ульфельтъ, съ ними же онъ всегда тайно совѣтовался. 24 марта братья донесли Марселису, что король трижды посылалъ къ Вальдемару канцлера съ державцемъ уговаривать его и что королевичъ далъ, наконецъ, свое согласіе на все, что король съ Ульфельтомъ уложатъ. Самъ Марселисъ не упускалъ также

отъ другой вѣнчанной королевы, тѣ живутъ по удѣламъ своимъ для того, чтобы спору межъ ими не было“ (Датск. д. 1643 г., № 1). Удаливши Вальдемара совсѣмъ изъ Даніи, Христіанъ V навсегда освобождалъ себя отъ всякихъ споровъ и опасеній.

случая видѣться съ королевичемъ и склонять его къ тому, *„чтобъ онъ всецѣло изволеніе и мысль свою въ волю отца своего положилъ“*. и въ концѣ концовъ добился своего.

„Вижу я, что отецъ мой уговоренъ и согласился на бракъ, говорилъ Вальдемаръ счастливому послу; идти противъ него значитъ мнѣ быть въ немилости“. Боясь разсердить короля-отца, женихъ болѣе уже не возражалъ и просилъ лишь объ одномъ Марселиса, что-бы все дѣлалось честно. Петръ обнадеживалъ жениха, что все будетъ хорошо. „Если вамъ будетъ лихо, то и мнѣ будетъ не хорошо: моя голова будетъ въ отвѣтѣ“. „А какая мнѣ польза въ твоей головѣ, когда мнѣ будетъ худо“? отвѣчалъ королевичъ и прибавилъ: „видно Богу угодно, что король и его думные люди такъ уложили; много я на своемъ вѣку пострaнствовалъ, и такъ выросценъ, что умѣю съ людьми жить, уживусь и съ лихимъ человѣкомъ, а такому добронравному царю какъ не угодить?“ „И десять пословъ не сдѣлали бы столько, говорилъ Ульфельтъ Марселису, сколько сдѣлалъ ты; король увѣренъ, что помимо наказа ты ничего не говоришь“. Въ самомъ концѣ апрѣля, незадолго до своего отъѣзда, Петръ усиленно просилъ державца порадѣть у короля, чтобъ онъ не отказался потомъ отпустить Вальдемара въ Москву. „За нашимъ радѣньемъ не станемъ, отвѣчалъ временщикъ Христіана IV [12]), лишь бы только вашъ царь объ этомъ дѣлѣ не передумалъ“. Заручившись вѣрющей грамотой короля отъ 8 апр. 1643 г., обнадеженный въ успѣшномъ исходѣ сватовства со стороны королевскихъ довѣренныхъ лицъ, Марселисъ 1-го іюня возвратился въ Москву и встрѣченъ былъ здѣсь какъ полномочный датскій посолъ, пріѣздъ котораго былъ какъ нельзя кстати [13]).

---

[12]) О значеніи, которымъ пользовался Ульфельтъ у Христіана IV, могутъ отчасти дать понять слѣдующія слова изъ статейнаго списка Марселиса: „Апрѣля во 2 день, въ свѣтлое воскресеніе, его королевское величество господина державца королевственнымъ дворецкимъ учинилъ: *и то начальный чинъ во всемъ королевствѣ, и онъ нынѣ безъ королевскаго величества полномочно владѣетъ и указываетъ*“. Датскія дѣла 1643 г., № 8 ср. Шлоссера Всемірн. Ист. т. V стр. 428—429.

[13]) Датскія дѣла М. А. Ин. Д. 1642—1643 г., № 8. Соловьевъ, Ист. Россіи. IX, 321—324; Цвѣтаевъ, Русск. Вѣстн. 172 т., 759—762.

Въ то время, какъ Марселисъ въ Копенгагенѣ употреблялъ всѣ усилія и средства уладить дѣло, въ Москвѣ чья-то искусная рука старалась разстроить предполагавшійся бракъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ началѣ сороковыхъ годовъ XVII стол. московское духовенство взяло подъ свою опеку интересы мѣстнаго купечества, тѣснимаго торговыми иноземцами. 2 марта 1643 года причты одиннадцати московскихъ церквей, въ томъ числѣ церкви Николая Чудотворца и церкви Козьмы и Даміана, били челомъ Михаилу Ѳеодоровичу на нѣмцевъ, что „они въ ихъ приходахъ на своихъ дворахъ, близь церквей, поставили ропаты и русскихъ людей держатъ у себя, и всякое осквернѣніе русскимъ людямъ отъ нихъ бываетъ; а тѣ нѣмцы, не дождався государева указа, покупаютъ дворы въ ихъ приходахъ вновь, и вдовыя нѣмки держатъ у себя всякія корчмы въ своихъ домахъ и блудницъ; и многіе прихожане, которые въ ихъ приходахъ живутъ, хотятъ свои дворы продавать нѣмцамъ, потому что они покупаютъ дворы и дворовыя мѣста дорогою цѣною, вдвое и больше передъ русскими людьми, и отъ тѣхъ нѣмцевъ приходы ихъ пустѣютъ [14]). Слѣдствіемъ этой челобитной, въ которой нѣмцы выставлялись ослушниками царскихъ указовъ (1628 г.), подрывающими духовное и матеріальное благосостояніе народа, было распоряженіе нашего правительства, что-бы „на Москвѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ и за городомъ, въ слободахъ, дворовъ и дворовыхъ мѣстъ нѣмцамъ и вдовымъ нѣмкамъ у русскихъ людей не покупать и купчихъ и закладныхъ на то время въ земскомъ приказѣ не записывать, а *ропаты*, которыя у нѣмцевъ поставлены на дворахъ, *близъ русскихъ церквей*, *сломать* [15]). Изъ приказа Большаго дворца 4 марта прислана была память въ земскій приказъ, чтобъ исполнена была царская воля; тѣмъ русскимъ людямъ, которые послѣ этого осмѣлились бы свои дворы и дворовыя мѣста продавать нѣмцамъ, угрожалось царской опалой. Не видя возможности совершенно предупредить исполненіе царскаго указа, ино-

14) А. И. III, № 92. XXXVI, стр. 114—115; см. П. С. З. I, Уложеніе, XX. 70.
15) А. И. III. № 92. XXXVI, стр. 115.

земцы, основываясь на буквальномъ смыслѣ послѣдняго, пытались сохранить отъ разрушенія по крайней мѣрѣ одну кирку, находившуюся на окраинѣ города, за Фроловскими воротами, близъ Земляного вала. 4 мая 1643 г. придворный докторъ Бѣлоу (Бѣловъ) съ товарищами черезъ О. И. Шереметева, вѣдавшаго тогда антекарскій приказъ, обратился къ царю съ челобитной, въ которой говорилось, что иноземцы, которые въ Бѣломъ городѣ поставили себѣ кирку и скупили много дворовъ и на которыхъ жаловались попы, новопріѣзжіе; у нихъ же, докторовъ, въ Бѣломъ городѣ богомолья нѣтъ и никогда не бывало, изстари сходились они со служилыми иноземцами, переводчиками и торговыми людьми, за Фроловскими воротами, близъ Земляного города, гдѣ они молились и молятся Богу, проповѣдуютъ Евангеліе и въ своихъ службахъ отъ чистаго сердца молятъ Бога за государское здоровье и процвѣтаніе великаго россійскаго государства. О томъ дворѣ челобитчиковъ и близъ его русскихъ храмовъ нѣтъ, кругомъ все огороды; далѣе того мѣста имъ, докторамъ, ѣздить изъ города нельзя, потому что всякій часъ, рано и поздно, имъ нужно быть непремѣнно готовыми для сбереженія царскаго здоровья. Доктора умоляли царя позволить имъ вмѣстѣ съ другими служилыми иноземцами продолжать сходиться для богомолья у Земляного вала, какъ то приказано было еще при патр. Филаретѣ Никитичѣ [16]). Какъ ни умѣло была составлена челобитная, докторамъ въ просьбѣ было отказано, такъ что ко времени возвращенія Марселиса въ Москву у московскихъ протестантовъ не осталось ни одной кирки. Невольно спрашиваешь себя: что послужило ближайшимъ поводомъ къ жалобѣ духовенства на иноземцевъ? какъ могло правительство Михаила Ѳеодоровича, усиленно хлопотавшаго о вызовѣ въ Москву королевича Вальдемара, лютеранина по вѣрѣ, издать несвоевременно столь нетолерантный въ отношеніи къ протестантству законъ? Нельзя дать, за отсутствіемъ данныхъ, положительнаго отвѣта на эти вопросы; но есть нѣкоторое основаніе предполагать, что въ томъ и другомъ случаѣ, то есть, какъ

---

[16]) Ibid. № 225, стр. 385—386; **см. Собран. госуд. грам.** III, № 116, **стр.** 40.

въ жалобѣ духовенства, такъ и въ сломкѣ кирокъ, дѣло не обошлось безъ участія лицъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ старавшихся *„учинить помѣшку государевой радости“*—женидьбѣ Вальдемара на царевнѣ Иринѣ. Во главѣ поповъ-челобитчиковъ на нѣмцевъ не случайно, намъ кажется, стоятъ причты Никольской, что у Столпа, и *Космо-Даміанской* церквей; не подалеку отъ послѣдней стоялъ домъ, въ которомъ жилъ тогда Петръ Марселисъ. Челобитной духовенства и распоряженіемъ правительства по поводу ея какъ будто хотѣли задѣть прежде всего этого послѣдняго. Уѣзжая въ Данію, Марселисъ, опасаясь всякаго дурна, какъ мы видѣли, усердно просилъ царя *„беречь и не давать въ обиду его жены и дѣтей“* въ его отсутствіе, пытался всячески скрыть цѣль своей поѣздки и выѣхать изъ города не замѣченнымъ. Очевидно, что онъ зналъ и имѣлъ въ виду недовольныхъ его поѣздкой лицъ, но напрасно ожидалъ отъ нихъ дурна себѣ или своей семьѣ: хотѣли повредить не ему лично, а тому дѣлу, за которое онъ теперь взялся. Разсчеты партіи, не желавшей брака царской дочери съ иноземнымъ принцемъ, оказались вѣрными. Молва о разрушеніи кирокъ на Москвѣ, при чемъ виновниками выставлялись бояре, дошла до Копенгагена и если не помѣшала сватовству, то исключительно благодаря находчивости и изворотливости свата, съумѣвшаго услужить и московскому двору, и датскому королю и протестантской колоніи въ Москвѣ.

Лишившись вмѣстѣ съ прочими права открытаго богослуженія, Марселисъ не преминулъ воспользоваться выгодой своего настоящаго положенія, что-бы снова поднять вопросъ о возобновленіи въ Москвѣ кирки и рѣшить его въ положительномъ смыслѣ. Въ концѣ мая или въ самомъ началѣ іюня одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ протестантской общины въ Москвѣ Андрей Келлерманъ съ ротмистромъ Андреемъ фонъ-Менгденомъ (Оменданъ) подалъ царю челобитную, въ которой, ссылаясь на неизвѣстно когда вышедшій царскій указъ о пріисканіи новаго мѣста подъ богомолье, извѣщалъ, что онъ нашелъ удобное мѣсто для кирки на пахатномъ полѣ за Земляннымъ городомъ, промежъ Фроловскихъ и Покровскихъ воротъ, и просилъ царя отдать озна-

ченный участокъ, на которомъ они могли бы „впредь прочно избу съ комнатой поставить и съѣзжаться для богомолья по своей вѣрѣ и евангельскаго чтенія[17]). Какъ торговый человѣкъ, самъ неоднократно исполнявшій различныя порученія русскаго правительства къ иностраннымъ дворамъ, Келлерманъ, конечно, хорошо знакомъ былъ съ Петромъ Марселисомъ, имѣлъ представленіе о дѣлѣ[18]), по которому послѣдній ѣздилъ въ Данію, и едвали могъ дѣйствовать безъ вѣдома и всякаго участія Марселиса. Если даже будетъ доказано, что послѣдній не участвовалъ въ подачѣ челобитной, то во всякомъ случаѣ дѣло не обошлось безъ его вліянія при разсмотрѣніи ея правительствомъ; такимъ или инымъ изложеніемъ обстоятельствъ сватовства онъ всегда могъ оказать давленіе на наше правительство, дать почувствовать царю и его совѣтникамъ, что только въ томъ случаѣ Москва увидитъ въ своихъ стѣнахъ королевича Вальдемара, когда возвратитъ религіозную свободу его единовѣрцамъ.

Какъ бы то ни было, 8 іюня, въ день торжественнаго представленія Марселиса царю, велѣно было мѣсто, о которомъ просили Менгденъ и Келлерманъ, осмотрѣть, измѣрить, узнать, кто имъ владѣетъ, и обо всемъ доложить государю. 10 іюня посолъ былъ въ отвѣтѣ съ бояриномъ О. П. Шереметевымъ и думнымъ дьякомъ Лихачевымъ. Напомнивши имъ, что сватать царевну Ирину Михайловну ѣздили раньше его послы, которые „того дѣла не совершили или *за нѣкоторыми мѣрами не хотѣли его отлать*“, Марселисъ объявилъ, что король согласился, наконецъ, на бракъ сына съ царской дочерью и хотѣлъ было написать въ брачномъ договорѣ много статей, но что они, Петръ, оттворилъ чрезъ королевскаго державца Христіана IV отъ этого. Дѣйствительно, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ царю датскій король изъявлялъ полную готовность, въ цѣляхъ обоюдной государственной пользы, содѣйствовать браку своего

17) Собр. госуд. гр. III, № 116, ср. съ Челобитною доктора Бѣлоу: А. И. III, № 225.

18) Отъ своего сына,—ѣздившаго съ Иваномъ Ѳоминымъ въ 1640 г. въ Данію. Датск. дѣла М. А. М. Ин. Д. 1640—1641 г.г. № 1.

сына съ царскою дочерью и просилъ у государя письменнаго отвѣта на пять пунктовъ, изъ которыхъ состоялъ весь брачный договоръ [19]).

Въ первомъ изъ нихъ объявлялось, что въ вѣрѣ и законѣ королевичу, всему двору и слугамъ его никакой неволи быть не должно и будетъ отведено мѣсто для постройки кирки и обычнаго богослуженія. На это въ Москвѣ отвѣчали, что „королевичу графу Вальдемару, его всему двору и слугамъ въ вѣрѣ и въ законѣ неволи никакой не будетъ, а о томъ, чтобы повелено было мѣсто, гдѣ кирку поставить, договоръ будетъ съ послами королевскаго величества, которые пріѣдутъ съ его королевскимъ сыномъ къ нашему царскому ве-

[19]) Одновременно съ письмомъ Христіана IV царь Михаилъ Ѳеодоровичъ получилъ чрезъ Марселиса еще другое письмо изъ Даніи отъ своего лейбъ-медика Венделина Сибелисты (Wendelin Sybelista). Этотъ послѣдній, пользовавшійся довѣріемъ царя и особенною дружбою своего непосредственнаго начальника Ѳ. И. Шереметева, былъ посланъ вслѣдъ за Марселисомъ въ Копенгагенъ; подъ видомъ отпуска за границу для свиданія съ престарѣлымъ отцомъ и для закупки врачебныхъ матеріаловъ Сибелистѣ поручено было *„провѣдывать объ извѣстномъ дѣлѣ“* и важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ при другихъ западноевропейскихъ дворахъ. Въ письмѣ своемъ Сибелиста сообщилъ своему державному паціенту, что по пріѣздѣ своемъ въ Копенгагенъ онъ узналъ отъ проживавшаго тамъ своего друга, что король Христіанъ и сынъ его графъ Вальдемаръ „еще подвижны въ вѣрной дружбѣ съ его царскимъ величествомъ и въ присвоеніи быти, толькобъ-де статья о вѣрѣ отставлена была, потому что то супротивъ королевскаго величества и его государскаго сына совѣсти и высокой чести; а только-де въ иномъ розни не будетъ, и вѣра не помѣшка, потому что у здѣшнихъ и иныхъ земель у государей много бываетъ, что великіе люди разныхъ вѣръ законному браку сочетаются, и однако законной любви и доброму владѣнію отъ того порухи нѣтъ“. Сибелиста сожалѣлъ, что Ѳ. И. Шереметевъ отказалъ ему въ выдачѣ письменнаго наказа по настоящему дѣлу и высказывалъ съ своей стороны соображеніе, что переговоры продлились главнымъ образомъ потому, что слишкомъ поторопились присылкою великихъ пословъ, поставившихъ вопросъ о вѣрѣ ребромъ, но что слѣдовало сначала послать рядоваго человѣка, который переговорилъ бы обо всемъ этомъ втай, глазъ на глазъ съ королемъ и его сыномъ. (Рихтеръ. Исторія медицины въ Россіи. М. 1820. ч. 2. Прибавленіе № 9; Аделунгъ. Критико-литер. обзоръ путеш., № 80). Можно судить по приведенному письму Сибелисты, въ какомъ величайшемъ секретѣ держалось на Москвѣ сватовство царевны Ирины за королевича Вальдемара. Даже такіе люди, какъ Сибелиста, не знали не только объ условіяхъ предполагавшагося брака, но и настоящей цѣли посольства Марселиса въ Данію въ началѣ 1643 года.

личеству, къ Москвѣ. А у предковъ нашихъ, у великихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ и нынѣ у насъ, великаго государя, многихъ окрестныхъ государствъ иноземцы, *разныхъ вѣръ люди*, которые у насъ, великаго государя, и въ подданствѣ, и мы, великій государь, и у тѣхъ въ ихъ вѣрахъ и въ законѣ воли не отнимаемъ, и кирки по ихъ вѣрамъ есть, и моленье свое совершаютъ по своимъ вѣрамъ и по закону". Второй пунктъ касался положенія Вальдемара въ государствѣ и царской семьѣ, чтобъ ему отъ всѣхъ, высокаго и низкаго, духовнаго и мірскаго-чина почитаему быть царскимъ зятемъ, чтобъ ему надъ со, бою никакого начальства не имѣть, кромѣ царя и царевичаа которыхъ ему слѣдуетъ почитать великими государями, - больше никого. На этотъ пунктъ, равно какъ и на остальные три, въ которыхъ опредѣлялось содержаніе королевич и всего его двора, наше правительство отвѣчало полнымъ согласіемъ. Обѣщанные ранѣе города, Суздаль и Ярославль, съ ихъ уѣздами, оно отдавало королевичу и его прямымъ наслѣдникамъ во вѣки безъ помѣшки, съ обѣщаніемъ прибавить къ этому приданаго утварью и деньгами на 300,000 рублей и нѣсколько иныхъ городовъ и селъ, если доходовъ съ назначенныхъ двухъ городовъ не будетъ хватать Вальдемару на дворовое содержаніе. Царь предоставлялъ также королевичу полное право одѣвать свой дворъ и управлять имъ по своему усмотрѣнію; съ своей стороны Михаилъ Ѳеодоровичъ желалъ только, чтобы королевичъ Вальдемаръ взялъ съ собою изъ Даніи слугъ триста человѣкъ и непремѣнно удержалъ за собою и своими наслѣдниками всѣ тѣ *имѣнія, которыя принадлежатъ ему въ датской землѣ* [20]).

19 іюня государь тайно позвалъ къ себѣ Марселиса и благодарилъ его за службу. Узнавши отъ посла, что женихъ думаетъ отправиться въ Москву на Польшу, царь выразилъ сомнѣніе: можно-ли такъ ѣхать и „есть-ли чему

[20]) Нѣмецкій переводъ грамоты ц. Михаила Ѳеодоровича Христіану IV отъ 9 іюля 1643 г., въ которой содержатся условія брака принца Вальдемара съ царевной Ириной, съ несущественными пропусками и сокращеніями напечатанъ Бюшингомъ въ Magazin für die neue Historie und Geographie, Th. VII, Ss. 331—335.

вѣрить?“ Отъ имени короля и королевича Марселисъ увѣрялъ Михаила Ѳеодоровича, что Владиславъ Польскій съ честью и безъ всякой помѣхи пропуститъ Вальдемара чрезъ свои владѣнія. Познакомившись кратко съ дѣломъ, государь приказалъ Ѳ. И. Шереметеву и дьяку Лихачеву обо всемъ подробно допросить Марселиса, заявившаго предъ тѣмъ царю, что у него многихъ словъ и дѣлъ въ статейномъ спискѣ не записано. Въ допросѣ Петръ сказалъ, что съ самимъ королемъ Христіаномъ у него мало рѣчей было, особенно про царское величество; разъ только на обѣдѣ король спросилъ его: *„есть ли вамъ на Москвѣ повольность въ вѣрѣ вашей“?* и послѣ того, какъ я отвѣтилъ, что *„повольно службу Божію имѣемъ“*, король и всѣ, бывшіе тутъ, люди сказали: „великая слава великому государю! если бы римскій цесарь также поступалъ, то и въ нѣмецкой землѣ много лучше нынѣшняго было бы“. Больше ему, Марселису, пришлось говорить съ графомъ Вальдемаромъ; при этомъ посолъ подлинно разсказалъ, какими людьми у самого короля и обоихъ королевичей о государевомъ дѣлѣ онъ промышлялъ. Отпуская меня, королевичъ велѣлъ сказать царю, что онъ радъ быть опорой ему въ старости, готовъ служить добрымъ совѣтомъ царевичу Алексѣю Михайловичу и жить въ дружбѣ со всѣми боярами царскаго величества. Марселисъ передалъ при этомъ просьбу Вальдемара снять опалу съ Проестева и Патрикѣева, не понявшихъ своего наказа и преступившихъ царскую волю. Посолъ сообщилъ Шереметеву и Лихачеву вѣсти, слышанныя имъ въ Копенгагенѣ и на обратномъ пути въ Москву. Польскій посолъ, пріѣзжавшій при немъ, Петрѣ, къ Христіану IV для заключенія союза между Даніей и Польшей, совѣтовалъ графу Вальдемару ѣхать на Польшу, а не чрезъ шведскія владѣнія. Шведы не пропустятъ королевича, увѣрялъ Польскій посолъ моего брата, или что-нибудь другое учинятъ, чтобы дѣлу помѣшать. Да и резидентъ датскаго короля, живущій въ Стокгольмѣ, писалъ мнѣ, что у великихъ шведскихъ людей *„немалое сумнѣнье“* изъ-за брака датскаго королевича на русской царевнѣ. Своими дорожными наблюденіями Марселисъ усиленно пытался оправдать это извѣстіе. Въ Ругодивѣ и вообще на

рубежѣ, говорилъ онъ, со всѣхъ товаровъ, привозимыхъ на Русь и вывозимыхъ изъ нея, берутъ большую пошлину, чтобы подданныхъ царскаго величества *тѣснить и убытчить;* стали дѣлать это года два тому назадъ. Въ Ижорской землѣ, въ Ямѣ городѣ и по другимъ мѣстамъ *великое насильство* чинятъ шведы надъ русскими людьми, а все для того, чтобы больше было перебѣжчиковъ на русскую сторону, изъ-за которыхъ можно было бы имъ, Свеянамъ, *„впередъ ссориться и войну вчинать“*.

Въ разныхъ мѣстахъ ему приходилось слышать угрозы; въ Штетинѣ, принадлежащемъ теперь шведскому королю, слышалъ онъ отъ хорошихъ людей, что его хотятъ побить и грамоты отнять. Въ бытность свою въ Ригѣ онъ провѣдалъ, что туда пріѣхалъ шведскій инженеръ Янъ Корниловъ, хорошо знающій русскую землю; ему приказано поставить крѣпкіе шанцы на русской границѣ. Изъ всего этого царскому величеству можно знать, заключилъ Марселисъ свой дипломатическій разсказъ, что у сосѣдей его, шведовъ, противъ него замышлено. Трудно сказать: повѣрили-ли Шереметевъ съ Лихачевымъ донесенію Марселиса? Извѣстно только, что на другой день послѣ допроса послѣдняго, т. е. 20 іюня, бояре докладывали царю, что мѣсто, указанное нѣмцами подъ кирку, огородное, тридцати саженъ въ длину и ширину и принадлежитъ Никитѣ Зюзину; государь приказалъ отдать мѣсто. 8 іюля Михаилъ Ѳеодоровичъ позвалъ къ себѣ въ комнату Марселиса тайно, говорилъ ему, что на Владислава короля онъ не надѣется, потомучто вѣчнаго докончанья съ царемъ онъ не сдержалъ, во многихъ статьяхъ его нарушилъ, и королевичу Вальдемару чрезъ Польскую и Литовскую землю ѣхать опасно, чтобы не случилось съ нимъ какого дурна. Когда посолъ замѣтилъ Михаилу Ѳеодоровичу, что на Швецію ѣхать еще рискованнѣе, онъ указалъ путь на Архангельскъ. Отпуская Петра съ отвѣтомъ къ датскому королю, царь обѣщалъ никогда не забывать его службы и велѣлъ выдать ему 1100 рублей деньгами, а немного спустя всѣмъ московскимъ протестантамъ возвращена была свобода открытаго общественнаго богослуженія. 13-го іюля изъ земскаго приказа вышла дан-

ная, по которой „старымъ служилымъ иноземцамъ разныхъ чиновъ—посольскаго приказа переводчикамъ, золотаго и серебрянаго дѣла мастерамъ и старымъ московскимъ торговымъ нѣмцамъ“, — разрѣшалось между Фроловскими и Покровскими воротами, въ двадцати саженяхъ ото рва, „избу съ комнатой для богомолья поставить и дворъ для своего пріѣзда отъ Земляного города огородить“ [21]).

Въ то время, какъ Марселисъ ѣздилъ за отвѣтомъ въ Москву, въ Даніи возникли новыя препятствія къ поѣздкѣ Вальдемара. Лица, не желавшія брака по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, употребили теперь послѣднія усилія, чтобъ его разстроить. Шведы и Голландцы распускали слухъ изъ своихъ земель, а иные изъ Москвы въ Данію писали и въ вѣдомостяхъ печатали, что русскій государь велѣлъ сломать на Москвѣ тѣ хоромы, въ которыхъ сходились и съѣзжались иноземцы по своей вѣрѣ молиться. Шведы и Голландцы присоединяли къ тому, что *„сломать хоромы придумали и царя на то навели нѣкоторые бояре“* съ цѣлію устрашить короля Христіана и удержать Вальдемара отъ поѣздки въ Москву. Вѣсть о сломкѣ кирокъ дѣйствительно дошла, до кого слѣдуетъ. „Для какихъ причинъ тѣ хоромы у иноземцовъ сломали? допытывался у Марселиса Христіанъ IV; прежде сего у царя, блаженныя памяти, Ивана Васильевича въ докончательной грамотѣ съ отцемъ его, королемъ Фридрихомъ, было именно написано, чтобы датчанамъ въ Иванъ-городѣ и вездѣ кирки держать и Богу служить вольно по своей вѣрѣ. Шведамъ и до сихъ поръ позволено на Москвѣ, въ городѣ, въ ихъ дворѣ держать свою службу и въ докончальной грамотѣ между царскимъ величествомъ и шведскимъ королемъ то укрѣплено и утверждено. Какъ на это смотрѣть, когда оно положено и учинено при началѣ такого великаго дѣла“? Марселисъ отвѣчалъ королю: „какъ онъ началъ жить на Москвѣ у царскаго величества, назадъ тому тринадцать лѣтъ, сколько ни запомнитъ, всѣмъ иноземцамъ вольно было держать свою вѣру. Нынѣ тѣхъ хоромъ не стало отъ того, что нѣкоторые русскіе

---

21) Госуд. Собр. г. III, № 116.

попы били челомъ государю, будто иноземцы русскихъ людей прельщаютъ въ свою вѣру, и иныя нѣкоторыя неправыя дѣла умыслили и въ челобитной своей написали, и для того, по ихъ челобитью, царь велѣлъ сломать тѣ хоромы и вмѣсто того пожаловалъ, приказалъ имѣть хоромы или иныя поставить за городомъ, гдѣ имъ съѣзжаться для моленья. Только царское величество пожалуетъ, велитъ сыскать вправду про то, что русскіе попы били челомъ ему ложно, и они всѣ иноземцы надѣются, что тогда царь велитъ имъ хоромы въ городѣ поставить по прежнему". Многіе Шведы и Голландцы внушали также королю и его ближнимъ людямъ, что сперва королевичу Вальдемару будетъ у царя великая честь, чтобы отвести его отъ лютеранской вѣры, а если онъ этого не сдѣлаетъ, то и почитать его перестанутъ. Марселисъ отвѣчалъ: „царскаго величества слово крѣпко и неподвижно; Шведы и Голландцы тѣ слова вмѣщаютъ и говорятъ, ненавидя такого великаго дѣла; начато оно съ добрымъ разсужденіемъ, изволеніемъ Божіимъ, добромъ и кончится". Про самого Марселиса тѣ-же Шведы и Голландцы разглашали, что онъ взялся не за свое дѣло и потому ему не сдѣлать его. „Королевскому величеству, отвѣчалъ посолъ, достаточно извѣстно, что онъ, Петръ, ничего не дѣлалъ помимо государева наказа, да и грамоты о томъ отъ царскаго величества у него есть". Датскій резидентъ въ Стокгольмѣ Петръ Вибь снова доносилъ королю, его ближнимъ совѣтникамъ и Марселису о Шведахъ, что они страшатся брака Вальдемара на русской царевнѣ, „ожидаютъ многихъ умысловъ отъ того на ихъ Шведское королевство", тѣмъ болѣе,—что Шведскаго агента въ Москвѣ Петра Крузбіорна стали мало почитать. Они надѣются только на то, что бракъ не состоится и случится съ Вальдемаромъ тоже, что прежде было съ Магнусомъ, котораго выгнали, или съ принцемъ Іоанномъ, котораго окормили. Послѣднюю клевету на русскихъ Марселисъ весьма легко и удачно устранилъ; что Іоаннъ умеръ своею смертію, въ свидѣтели онъ призвалъ секретаря Винта, одного изъ близкихъ къ принцу лицъ, ѣздившаго съ нимъ въ Москву. Помимо Шведовъ, всячески старавшихся предупредить воз-

можный, вслѣдствіе брака Вальдемара, военный союзъ Россіи съ Даніей, при датскомъ дворѣ образовалась многочисленная партія, которой хотѣлось помѣшать браку графа на царевнѣ Иринѣ и женить его на дочери Чешскаго короля Фридриха Пфальцкаго. Эти говорили: „Какъ это королевичу ѣхать въ Москву? тамъ люди дикіе: въ чемъ пообѣщаются, и того не сдержатъ; какъ графская милость по ихъ хотѣнью не станетъ дѣлать, его испортятъ и будутъ держать въ холопствѣ. Можно прожить ему и отцовскимъ жалованьемъ“. Марселисъ отвѣчалъ на это: „Еслибы въ Москвѣ были люди дикіе, то я столько лѣтъ тамъ не жилъ бы и впредь не искалъ бы тамъ жить; хорошо, если бы въ датской землѣ былъ такой же порядокъ, какъ и въ Москвѣ; въ холопахъ Вальдемара держать не станутъ, и никто не докажетъ, чтобы царь не исполнялъ того, что обѣщалъ, слово свое онъ держитъ крѣпко не только христіанскимъ государямъ, но и бусурманскимъ“. Наконецъ, многіе внушали королю и королевичу, что русскіе бояре сами желаютъ быть въ присвоеніи у царскаго величества и не хотятъ того видѣть, чтобы онъ выдавалъ своихъ дѣтей, за сыновей или дочерей другихъ великихъ государей. „Русскій царь, кратко замѣтилъ на это посолъ, *самодержецъ и дѣлаетъ все по своему изволенью*, а вѣдаютъ про то великое дѣло его ближніе большіе бояре“. Устранивши такимъ образомъ непредвидѣнныя затрудненія, увѣривши Христіана IV въ религіозной свободѣ, почетѣ и богатствѣ, ожидавшихъ будто бы его сына въ Москвѣ, успокоивши, наконецъ, Вальдемара, все еще продолжавшаго опасаться за свою будущность, счастливый сватъ могъ считать свое дѣло оконченнымъ. Ни самъ король, ни тѣмъ болѣе его приближенные не обратили должнаго вниманія на то, что въ отвѣтной царской грамотѣ прямо говорилось, что окончаніе дѣла будетъ совершено и крестнымъ цѣлованіемъ скрѣплено лишь тогда, когда королевскіе послы пріѣдутъ въ Москву; они не придали также серіознаго значенія тѣмъ разнымъ слухамъ, которые носились тогда въ копенгагенскомъ обществѣ и въ значительной мѣрѣ были вѣрнымъ отголоскомъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ на Москвѣ въ то время.

Не подозрѣвая задних мыслей въ русскомъ правительствѣ, ожидая отъ послѣдняго себѣ лишь скорой военной помощи противъ своихъ враговъ, Христіанъ IV отпустилъ сына въ Москву. 23 окт. 1643 года, въ сопровожденіи пословъ: Олава Пасбирга и Стрено Биллена, Петра Марселиса, произведеннаго королемъ за службу въ потомственные дворяне, и громадной знатной свиты, Вальдемаръ выѣхалъ изъ Копенгагена, держа путь свой въ Москву на Гданскъ, Пруссію и владѣнія Польско-литовскаго короля [22]).

28 окт. въ Москвѣ царь и весьма немногіе его совѣтники, посвященные въ тайну великаго государева дѣла, сочли нужнымъ оффиціально дать знать патр. Іосифу и всѣмъ боярамъ о сношеніяхъ съ Даніей и имѣющемъ въ скоромъ времени пріѣхать въ Москву сынѣ датскаго короля, графѣ Шлезвигъ-Голштинскомъ Вальдемарѣ, для сочетанія законнымъ бракомъ съ царевною Ириной Михайловной; „и великому бъ господину святѣйшему Іосифу патр. Московскому про то вѣдать, заканчивалось объявленіе, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ молити Бога и Пречистую Богородицу, чтобъ то великое дѣло Господь къ доброму совершенію привелъ“ [23]). Самъ набожный царь Михаилъ Осодоровичъ, получа 20 ноября извѣстіе, что женихъ находится уже на пути въ Москву, въ тотъ же день отправился въ свое любимое село Покровское помолиться въ тамошнемъ храмѣ Покрова пресв. Богородицы объ успѣшномъ окончаніи начатаго дѣла. Въ концѣ ноября выѣхали изъ Москвы на встрѣчу королевича кн. Ю. А. Сицкій, дьяки Шипулинъ и Углевъ и нѣсколько Московскихъ дворянъ; первому наказано было: „королевичу Вальдемару береженье и честь держать великую, здоровье его отъ Русскихъ и отъ всякихъ людей остерегать накрѣпко“.—Съ русской границы королевичъ Вальдемаръ послалъ впередъ себя къ царю своего казначея Петра Марселиса, который 26 декабря былъ встрѣченъ въ Москвѣ

---

22) О путешествіи Вальдемара отъ Копенгагена до Москвы см. въ *Извѣстіи о поѣздкѣ въ Россію* стр. 5—8; о составѣ его свиты въ Русск. Вѣстн. т. 172 стрр. 768—769 примѣч., гдѣ напечатанъ документъ, изъ котораго видно, что при королевичѣ ѣхало 269 человѣкъ, да при послахъ 60.

23) Собр. госуд. гр. III, № 171.

въ качествѣ королевичева посла [24]). 28—29 дек. на допросѣ у дьяка Михаила Волошенинова и переводчика Ивана Ѳомина Марселисъ разсказалъ, съ какою честью и роскошью встрѣчали графа Вальдемара во всѣхъ Польско-Литовскихъ городахъ, какъ на балахъ, данныхъ въ честь королевича въ Вильнѣ, поразилъ послѣдній польскихъ придворныхъ отличнымъ знаніемъ французскаго и итальянскаго языковъ. На вопросъ: почему такъ долго онъ, Марселисъ, пробылъ въ Копенгагенѣ и почему королевичъ поѣхалъ на Польшу, а не на Швецію? Посолъ подробно передалъ о томъ, какъ Шведы, Голландцы и многіе другіе „мутили и искали тому дѣлу помѣшку учинить“, и на Москвѣ Шведскій резидентъ говорилъ иноземцамъ: лишь только поѣдетъ королевичъ чрезъ Лифляндскую землю, и тамъ его задержатъ. Между тѣмъ польскій король писалъ къ Христіану и просилъ послать сына на его владѣнія, да и потому еще датскій король отправилъ королевича на Польшу, что желалъ совершенно помирить Владислава съ царскимъ величествомъ и прекратить между ними давнишній споръ о „порубежномъ“ дѣлѣ. Марселисъ понималъ, что дѣло его уже кончено; черезъ нѣсколько дней женихъ будетъ въ Москвѣ и, не считая болѣе нужнымъ играть роли дипломата передъ русскимъ правительствомъ, откровенно объяснилъ, чего собственно хотятъ отъ русскаго царя два короля—Датскій, заставившій сына ѣхать жениться въ Москву и польскій, настоявшій на поѣздкѣ Вальдемара именно на Польшу и оказавшій ему всевозможные знаки вниманія. Возвращаясь во второй разъ изъ Даніи, разсказывалъ о себѣ Марселисъ въ приказѣ, мнѣ дважды часа по два и больше приходилось бесѣдовать съ королемъ Владиславомъ, и онъ мнѣ говорилъ: „теперь царь вашъ съ датскимъ королемъ въ ближнемъ пріятельствѣ, дружбѣ и любви, да скоро будетъ и въ родствѣ; я также съ царскимъ величествомъ состою въ братской дружбѣ, любви и вѣчномъ докончаньи. Если Шведы учинятъ теперь какую неправду, или начнутъ войну съ какимъ-либо госу-

[24]) Въ пристава ему были назначены Богданъ Тушинъ да дьякъ Степанъ Кудрявцевъ. Датск. д. № 8. 1642 г.

дарствомъ, „и на нихъ стоять бы всѣмъ тремъ государямъ“, царскому величеству за одно съ датскимъ и польскимъ королемъ, и имъ бы въ томъ утвердиться и укрѣпиться. Какъ такое соединенье станетъ между тремя великими государями, можно будетъ всякому изъ нихъ своихъ земель у Шведовъ поискать и назадъ взять. Польскій и датскій короли, заключилъ свою рѣчь посолъ, хотятъ начать войну противъ Шведовъ и съ царскимъ величествомъ о томъ сослаться, чтобы въ нынѣшнее время Шведовъ одолѣть и всѣ неправды имъ отомстить, потому что они стали теперь безсильны, безлюдны и, ведя войну съ цесаремъ, оскудѣли“. Марселисъ передалъ при этомъ еще двѣ просьбы Вальдемара. Послѣдній наказывалъ съ нимъ, чтобы на томъ дворѣ, гдѣ ему стоять придется, въ хоромахъ печей не было, а были бы по-польски и по-нѣмецки камины, отъ которыхъ угару не бываетъ и къ которымъ онъ привыкъ. Королевичъ просилъ будто бы также, „чтобы ему, Петру, быть у него безотступно, для чего-де отецъ его, Вальдемара, учинилъ его, Петра, думнымъ, такъ какъ онъ русскіе обычаи и чины всѣ знаетъ и царское величество ему вѣритъ, и онъ можетъ учинить на обѣ стороны всякое добро“. За усердную службу, помимо богатаго жалованья, оплаты всѣхъ издержекъ и повольности въ торговлѣ хлѣбомъ, Марселиса удостоили двухкратнаго и торжественнаго представленія царю (2 и 15 генв. 1644 г.), все вниманіе котораго занято было теперь предстоявшимъ пріѣздомъ Вальдемара.

Правительство Михаила Ѳеодоровича усиленно хлопотало о томъ, чтобы какъ можно пышнѣе принять королевича въ Москвѣ, чтобы на встрѣчѣ жениха царской дочери было „людно и стройно“; въ своихъ наказахъ: приставамъ, конюхамъ, санникамъ и т. п. оно хотѣло предусмотрѣть каждый шагъ гостей и хозяевъ, предупредить всѣ непріятныя случайности, и отъ всѣхъ безъ исключенія встрѣчниковъ требовало „дороги не перѣзжать и никакихъ задоровъ ни съ кѣмъ не чинити“. Встрѣченный съ большимъ почетомъ Псковичами, Новгородцами и Тверяками [25]), 21 генваря

[25]) Въ Тверь былъ посланъ царемъ для встрѣчи кн. С. Ив. Шаховской, который и представленъ былъ здѣсь королевичу Вальдемару дьякомъ Шипулинымъ.

1644 года высокорожденный королевскій сынъ съ царскою пышностью въѣхалъ въ Москву и съ великою честью препровожденъ былъ въ отведенный ему старый Царево-Борисовскій дворъ. Поселивши датскихъ пословъ на дворѣ дьяка Грамотина [26]), а всѣхъ остальныхъ во множествѣ пріѣхавшихъ иноземцевъ, размѣстивши по разнымъ уголкамъ Москвы, не исключая даже монастырскихъ подворій, правительство опасалось враждебныхъ столкновеній между своевольными, заносчивыми гостями и хозяевами, все еще помнившими ужасы Московской разрухи и не простившими совсѣмъ виновникамъ послѣдней своего оскорбленія. По указу царя „для всякаго береженія“ тридцать стрѣльцовъ отправлено было на Посольскій дворъ, а 22 генваря наши сочли нужнымъ чрезъ приставовъ Б. И. Пушкина, С. И. Елагина и дьяка Григорія Углева предупредить посольскаго маршалка, чтобъ онъ изъ своихъ людей не пускалъ никого, особенно ночью, безъ стрѣльцовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что у царскаго величества въ Московскомъ государствѣ много иноземцевъ: турокъ, татаръ и иныхъ вѣръ людей, „которые могутъ какую тѣсноту или досаду учинить посольскимъ людямъ, а взять и сыскать послѣ будетъ не на комъ“. На представленіи Вальдемара царю (28 генв.) датскіе послы подали Михаилу Ѳеодоровичу отвѣтную грамоту Христіана IV (отъ 29 сент. 1643 г.), въ которой тотъ, ни слова не говоря о своемъ сынѣ и цѣли его поѣздки, называлъ царя „своимъ любительнымъ братомъ, сосѣдомъ и другомъ“, и говорили рѣчь: „его королевское величество во имя св. Троицы послалъ своего любительнаго сына графа Вальдемара-Христіана къ его царскому величеству, чтобъ ему, по царскаго величества хотѣнью и прошенью, „законъ принять“ съ царскаго величества дочерью великою княжною Ириною Михайловною“. Отъ имени короля послы просили государя для большей вѣрности скрѣпить при нихъ договоръ о сватовствѣ крестнымъ цѣлованіемъ и подписью, такъ же принять

[26]) Приставами при датскихъ послахъ состояли: Борисъ Пушкинъ, Степанъ Елагинъ и дьякъ Григорій Углевъ, а при самомъ королевичѣ: кн. Ю. А. Сицкій, окольничій Стрѣшневъ и дьякъ Григорій Вас. Львовъ.

и почитать королевича какъ своего сына, и зятя, „а король накрѣпко наказалъ сыну своему царское величество, какъ отца, почитать, достойную честь воздавать и службу исправлять“. Въ удостовѣреніе своихъ словъ послы подвели принца къ царю, который обнялъ его и посадилъ рядомъ съ собою. Думный дьякъ между тѣмъ, умолчавъ о крестномъ цѣлованіи, увѣрялъ пословъ о желаніи царя имѣть королевича въ ближнемъ присвоеніи и добромъ пріятельствѣ, почитать и достойную честь ему воздавать какъ есть своему родному сыну и зятю. 3 февр. патр. Іосифъ, по указу государя, послалъ къ королевичу съ дарами своего боярина Василія Янова, приказавъ ему поклониться, спросить о здоровьи и пожелать счастливаго совершенія добро начатаго великаго государева дѣла. Одновременно съ этимъ датскіе послы разсуждали съ нашими боярами П. Ив. Одоевскимъ, Ю. А. Сицкимъ, В. Ив. Стрешневымъ и съ дьяками Волошениновымъ и Гр. Львовымъ о вѣчномъ докончаньѣ, предлагая утвердить статьи, не докончепныя за спорами о титулахъ въ первую поѣздку Вальдемара въ Москву, и нѣсколько новыхъ касательно брака послѣдняго, согласно договору Марселиса. Остановившись преимущественно на вопросѣ о безпрепятственной торговлѣ датскихъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ и матеріальномъ обезпеченіи королевича, послы упомянули и о повольности въ вѣрѣ, чтобы Датчанамъ дозволено было имѣть свои кирки въ Новгородѣ, Псковѣ, Москвѣ, Архангельскѣ, Холмогорахъ и другихъ городахъ. „Его королевское величество желалъ бы также знать: на какомъ мѣстѣ будетъ кирка поставлена для королевича, которому въ вѣрѣ и законѣ никакой супротивности со всѣми его слугами быть не должно? Что же касается церковныхъ чиновъ при вѣнчаніи принца съ царевною, то они, послы, увѣрены, что все будетъ устроено къ чести и славѣ Бога вышняго“. Датскіе послы предложили между прочимъ посредничество своего короля между царемъ и польскимъ королемъ въ ихъ ссорахъ и спорахъ о порубежныхъ дѣлахъ. „Если государю вашему вмѣшательство и радѣнье нашего короля будетъ угодно, онъ готовъ все дружбой между ними помирить“.

Михаилъ Ѳеодоровичъ вовсе не желалъ вплетать политическихъ вопросовъ въ брачное дѣло. 4 февр. онъ посѣтилъ королевича, который попытался было воспользоваться добрымъ настроеніемъ въ этотъ разъ царя и разсказалъ ему о томъ, какъ Шведы, забывъ благорасположеніе къ себѣ короля Христіана, преступя свою клятву и вѣчный мирный договоръ наруша, неожиданно съ 20-тысячнымъ войскомъ вторгнулись въ его родную Голштинію и много мѣстъ въ ней пограбили. „Поэтому, говорилъ Вальдемаръ, всѣмъ государямъ можно знать правду Шведовъ и отъ нихъ беречься, особенно же надобно крѣпко беречься отъ нихъ царскому величеству; объ этомъ онъ, королевичъ, напоминаетъ царю потому, что пріѣхалъ быть съ нимъ въ родственномъ союзѣ; онъ государю и всему Россійскому государству добра хочетъ, потому что если государю будетъ хорошо, то и ему хорошо“. Предупрежденный еще Марселисомъ на счетъ политическихъ стремленій датскаго и польскаго двора, умѣло замаскированныхъ дѣломъ Вальдемара, царь прекрасно понялъ, къ чему клонится рѣчь и потому сухо замѣтилъ: „есть такъ, что правды въ Шведахъ мало и вѣрить имъ нечего; только до сихъ поръ ко мнѣ отъ нихъ задору не бывало и у меня съ Шведскимъ королемъ заключенъ вѣчный миръ“. Вальдемаръ замѣтилъ на это: „а какую неправду они сдѣлали Московскому государству? призваны были на помощь царемъ Василіемъ и объявились злыми врагами, и про это ему, государю, больше извѣстно, нежели ему, королевичу, сказать можно. Да и у самого Густава Адольфа не добро жъ было задумано; только Богъ того не попустилъ и его умертвилъ“. Входить въ распрю съ Швеціей изъ-за Даніи и безъ того утомленному войнами царю не было ни охоты, ни интереса, и онъ остался вѣренъ своимъ словамъ, не смотря на то, что королевичъ „многажды государю воспоминалъ, что Шведамъ вѣрить нечего и землю свою отъ нихъ нужно беречь“. За неосуществленіемъ главной, хотя и затаенной, цѣли поѣздки послѣдовала новая неудача, возникло великое затрудненіе, послужившее благовиднымъ предлогомъ для жениха отказаться отъ предположеннаго брака.

7 февр., по государеву указу, патр. Іосифъ прислалъ

къ королевичу Дмитрію Францбекова [27]), крещенаго иноземца, съ такими словами: „великій святитель со всѣмъ освященнымъ соборомъ великою радостью обрадовался, что васъ, великаго государскаго сына, Богъ принесъ къ государю нашему для сочетанья законнымъ бракомъ съ царевною Ириною Михайловною... Великій государь нашъ со всѣмъ своимъ домомъ православной христіанской вѣры греческаго закона, также благовѣрная и христолюбивая царевна и вел. княжна Ирина Михайловна; и вамъ бы, государскому сыну съ государемъ нашимъ, съ царицею и съ благородными ихъ дѣтьми и съ нами, богомольцами своими, вѣрою соединиться. Какъ вы, государь королевичъ, вѣрою соединитесь, и то превеликое дѣло будетъ Богу угодно и государю нашему и всѣмъ радостно, а намъ бы богомольцамъ вашимъ за васъ и за ваше многолѣтное здоровье обще Бога молить". Францбекову наказывалось: если спроситъ королевичъ, для чего онъ, Дмитрій, отъ вѣры своей отступилъ? говорить и подлинно обо всемъ разсказать, какова истинная православная христіанская вѣра. Понятно, королевичъ не спросилъ Францбекова о перемѣнѣ имъ вѣры, а на предложеніе патріарха отвѣчалъ, что во всякомъ дѣлѣ онъ радъ быть за одно съ царемъ и приказаніе его исполнять, но соединиться въ вѣрѣ ему никакъ нельзя: не будетъ онъ дѣлать ничего мимо договора, заключеннаго Марселисомъ. Если послѣдній обѣщалъ царю на словахъ, что онъ, королевичъ, перемѣнитъ вѣру, а королю Христіану и ему, Вальдемару, про то утаилъ, то онъ солгалъ, обманулъ, и за это ему, Петру, отъ отца его и отъ него не пробудетъ. Если бы

27) Это былъ служилый иноземецъ, вышедшій вмѣстѣ съ прочими изъ города Бѣлы; настоящее его имя: Алуферкъ (Алферій) Фаренсбахъ. Въ 1628 г. онъ принялъ православное крещеніе, причемъ получилъ довольно богатое государево жалованье. Въ 1635 г., быть можетъ, не безъ содѣйствія своего крестнаго отца дьяка Ивана Грязева, отправленъ былъ нашимъ правительствомъ въ Стокгольмъ въ качествѣ перваго русскаго *пребывательнаго агента*. Здѣсь онъ заявилъ себя крайнею неуживчивостію и, какъ безполезный слуга государевъ, въ апрѣлѣ 1636 г. царскою грамотою былъ отозванъ назадъ въ Москву. Строевъ. Описаніе рукоп. Царскаго, № 461 л. 219 обор.; Извѣстіе о поѣздкѣ Вальдемара въ Россію, стр. 18; Соловьевъ, И. Р. IX, 268 — 271; Цвѣтаевъ. Протестанство въ Россіи до эпохи преобразованій, стр. 379.

онъ, королевичъ, зналъ, что съ нимъ о вѣрѣ станутъ говорить, онъ изъ своей земли не поѣхалъ бы. Если царь не изволитъ дѣлать по статьямъ Марселисова договора, то пусть отпуститъ его обратно съ честію. Петру Марселису, отвѣчалъ Францбековъ, говорить о вѣрѣ съ отцомъ его и съ нимъ, королевичемъ, не наказано было; равно какъ нигдѣ— ни въ вѣрющихъ грамотахъ, ни въ наказѣ Петру, ни въ отвѣтномъ письмѣ царя къ Христіану не написано, чтобъ тебѣ, королевичу, не соединясь въ вѣрѣ съ царемъ, въ законъ вступить съ царевною. „И нынѣ ему, королевичу Вальдемару, ѣхать назадъ къ отцу своему нечестно, и онъ бы нынѣ не оскорблялся и о томъ себѣ гораздо помыслилъ. „а будетъ изволитъ, ино бы о вѣрѣ поговорить отъ книгъ царскаго величества съ духовными людми, или кого о томъ царское величество и святѣйшій Іосифъ патріархъ пришлютъ [28]). Королевичъ запальчиво отвѣчалъ: „я самъ лучше

28) Предложеніе русскихъ Вальдемару присоединиться къ православію было настолько неожиданно для него, что онъ счелъ его сначала за недоразумѣніе со стороны русскихъ. 9 февр. онъ позвалъ къ себѣ чрезъ Вильгельма Верхля переводчика Ульфа Яковлева и спросилъ: вѣрно-ли онъ перевелъ письмо съ брачными условіями, присланное съ Петромъ Марселисомъ царю отъ Датскаго короля? Получивъ утвердительный отвѣтъ, королевичъ замѣтилъ: стало быть царю извѣстно, что мнѣ и всему моему двору въ вѣрѣ перемѣны и никакой не воли быть не должно. За день до этого, именно 7 числа послѣ обѣда Вальдемаръ призывалъ къ себѣ самого Марселиса и говорилъ ему „сердитымъ обычаемъ“, что не ожидалъ онъ встрѣтить въ немъ такого обманщика. Когда испуганный Марселисъ спросилъ: въ чемъ онъ обманулъ его? Королевичъ разсказалъ ему о томъ, какъ были у него дьякъ Григорій Львовъ и Дмитрій Францбековъ и отъ имени царя и патріарха говорили ему о перемѣнѣ вѣры. Королевичъ допытывался у Марселиса: тѣ-ли статьи, которыя были посланы съ нимъ въ Данію царемъ, объявилъ онъ его отцу Христіану? Потерявшій голову женихъ высказывалъ предположеніе, что рѣчь о перемѣнѣ вѣры заведена была съ нимъ помимо царя, который, надѣется онъ, не отпуститъ-же его назадъ и не обезчеститъ тѣмъ его, королевича, и его отца, короля. Обо всемъ этомъ разсказалъ въ Посольскомъ приказѣ на другой день, т. е. 8 февр., Петръ Марселисъ. Изъ показаній послѣдняго мы узнаемъ, что кромѣ Францбекова съ предложеніемъ присоединиться къ православію былъ посланъ къ королевичу отъ царя дьякъ Львовъ, что подтверждается отчасти и датскимъ Извѣстіемъ о поѣздкѣ Вальдемара (стр. 12). Рѣчи, которую при этомъ говорилъ Львовъ королевичу, въ нашихъ архивныхъ документахъ не сохранилось.

всякаго попа грамотѣ умѣю, библію прочелъ пять разъ и всю помню, а „если царское величество и святѣйшій патріархъ изволятъ со мной поговорить отъ книгъ, то я говорить и слушать готовъ“ [29]).

Съ этого времени вопросъ объ отпускѣ и вѣрѣ совершенно заслоняетъ собою брачный вопросъ и вызываетъ длинный рядъ устныхъ и письменныхъ объясненій и препирательствъ между Русскими и Датчанами. Королевичъ Вальдемаръ и пріѣхавшіе съ нимъ послы настойчиво требуютъ отъ царя или совершить бракъ по статьямъ Марселисова договора или же съ честію отпустить ихъ обратно въ Данію. Михаилу Оеодоровичу ни подъ какимъ видомъ не хотѣлось разстаться съ до-чрезвычайности полюбившимся ему женихомъ. Оставаясь вѣрнымъ тогдашнимъ нашимъ воззрѣніямъ, въ силу которыхъ его дочь могла быть выдана за иновѣрца не иначе, какъ если послѣдній приметъ православіе и притомъ непремѣнно чрезъ перекрещеніе, государь рѣшается добиться отъ Вальдемара послѣдняго. Вслѣдствіе этого началась небывалая до того времени у насъ на Руси и не повторившаяся потомъ исторія усиленныхъ полутора-лѣтнихъ стараній убѣдить королевича согласиться на перекрещеніе. Въ ней приняли участіе не одни только лица близко заинтересованныя въ дѣлѣ: за нею слѣдили изъ Копенгагена, Вильны, Константинополя, Кіева и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ городовъ. Дѣло шло объ обращеніи въ православіе не простаго человѣка, а королевскаго сына, будущаго царскаго зятя, шло въ то время, когда почти весь западъ объятъ былъ ожесточенной борьбой изъ-за религіозныхъ убѣжденій, а Россія только что вышла побѣдительни-

29) О послѣдней поѣздкѣ Марселиса въ Данію, пріѣздѣ въ Москву Вальдемара и первыхъ дняхъ его пребыванія въ Москвѣ см. въ Датск. дѣлахъ М. А. И. Д. 1642—1643 г.г. № 8; 1643—1644 г.г. №№ 2—5; 1644 г. № 1, въ Портфелѣ Миллера № 133, Портф. 3, дѣло 222: *Грамоты и церемоніальное описаніе о принятіи въ Москвѣ Датскаго королевича Вальдемара*; Дворц. разр. т. 2, стр. 714—729; у Соловьева И. Р. IX, 322—328, Цвѣтаева, *Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ*, въ Русск. Вѣстн. т. 172, стр. 762—776; въ Извѣстіи о поѣздкѣ Вальдемара, стр. 9—13.

цей изъ столкновенія съ католицизмомъ и отчасти съ протестантствомъ. Разумѣется, сколько различны были по своему характеру и общественному положенію лица, принимавшія участіе въ обращеніи Вальдемара въ православіе, столь же неодинаковы были и средства, употребленныя ими для достиженія одной и той-же цѣли. Въ то время какъ одни пытаются добиться согласія королевича на перекрещеніе путемъ невѣрнаго толкованія статей брачнаго договора и разнаго рода ухаживаній за нимъ, другіе хотятъ подѣйствовать на него богословскими разсужденіями, вслѣдствіе чего вся исторія обращенія Вальдемара въ православіе представляетъ изъ себя двѣ различныя стороны: „житейскую, мірскую“, оставшуюся неизмѣнною до нашихъ дней въ свадебномъ вопросѣ [30]), и чисто „церковную“, любопытную и весьма важную для характеристики духовнаго просвѣщенія на Руси въ половинѣ XVII в. Коснувшись первой стороны дѣла королевича Вальдемара, насколько она уясняетъ собою вторую, въ дальнѣйшемъ своемъ изслѣдованіи мы остановимся преимущественно на этой послѣдней, то есть, на преніяхъ о вѣрѣ и св. крещеніи православныхъ съ лютеранами. Но прежде, чѣмъ займемся самыми преніями—ихъ ходомъ, содержаніемъ и характеромъ, познакомимся хотя отчасти съ тою почвой, на которой они выросли, подобно всякому другому историческому явленію. Всякій, знакомый съ низкимъ сравнительно уровнемъ образованія нашихъ предковъ XVI и начала XVII стт., съ естественною вслѣдствіе этого въ нихъ робостію и даже

---

30) Эта сторона сватовства довольно подробно и правдиво, хотя по мѣстамъ не безъ явной насмѣшки надъ русскими людьми и всѣмъ русскимъ, изображена въ датскомъ „*Извѣстіи о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара Христіяна Гилье денлеве*“... Замѣчанія о ней можно найти также въ „*Повѣсти о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича, случившейся по безуспѣшному дѣлу супружества княжны Ирины Михайловны съ Вальдемаромъ королевичемъ*“, написанной въ Москвѣ неизвѣстнымъ по имени авторомъ. Матеріалы по этому вопросу въ громадномъ количествѣ сохранились въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, именно среди Датск. дѣлъ 1644—1645 г.г.

страхомъ предъ всякаго рода „стязаніями и словопреніями“ [31]), спроситъ: откуда взялась теперь смѣлость у русскихъ людей спорить больше года съ датчанами, несомнѣнно превосходившими ихъ въ образовательномъ отношеніи? Если царь Михаилъ Оеодоровичъ и патр. Іосифъ рѣшились предложить королевичу, въ цѣляхъ его обращенія въ православіе, „поговорить о вѣрѣ отъ книгъ съ духовными людьми“, значитъ они надѣялись на свои силы, имѣли у себя хорошія средства и вполнѣ надежныхъ борцовъ съ лютеранами. Для разъясненія этихъ вопросовъ мы оглянемся нѣсколько назадъ и посмотримъ: въ какомъ состояніи находилось наше отечественное полемическое богословіе въ 20—40-хъ годахъ XVII ст., предъ началомъ нашихъ преній о вѣрѣ.

---

31) Всячески сторонясь иновѣрцевъ, какъ нечистыхъ и поганыхъ, наши предки XVI и начала XVII в. избѣгали не только споровъ и состязаній о вѣрѣ съ католиками и лютеранами, но и обычныхъ бесѣдъ съ ними. Они уклонялись отъ религіозныхъ преній нестолько потому, что сознавали ихъ безполезность, сколько потому, что считали ихъ положительно вредными для спасенія души. Правительство церковное и гражданское запрещало спорить съ иноземцами о дѣлахъ вѣры; отправляя пословъ въ чужія страны, оно неоднократно предписывало имъ не вступать ни въ какія богословскія пренія съ иноземцами. Оно дозволяло разсуждать о вѣрѣ съ иновѣрцами лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, обращенія иновѣрца въ православіе, и притомъ дозволяло лишь лицамъ *крѣпко прочитавшимъ божественная писанія*. Наши образованные предки, въ родѣ кн. Курбскаго, старца Артемія Троицкаго, Ивана Насѣдки, сознавая недостаточность образованія своихъ современниковъ, также совѣтовали имъ избѣгать стязаній о вѣрѣ съ католиками, уніатами и протестантами, и не читать еретическихъ и богохульныхъ книгъ. См. Послѣсловіе Псалтири, напечат. въ Москвѣ въ 1615 г., у Строева, въ Описан. кн. Царск. стрр. 56—63; Сказан. князя Курбскаго т. 2, стр. 224. Изд. 1833; Олеарій, Описан. путешеств. въ Московію и Персію, русск. пер. стр. 309. Гр. Толстой, Католицизмъ въ Россіи. т. 1 стр. 91; Русск. Историч. Б—ка, т. IV стт. 1333, 1420, 1435 и др.; Рущинскій, Религіозн. бытъ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностр. писателей, стр. 183—186.

ГЛАВА III.

Литературное движеніе, вызванное событіями смутнаго времени.—Посольство Насѣдки въ Данію и знакомство его съ катихизисомъ Буднаго. Замѣчанія о. Ивана на послѣдній, ихъ содержаніе и оцѣнка.—Время составленія *Изложенія на лютеры;* личность его составителя; достоинства, недостатки и послѣдующая судьба сборника. Значеніе *Изложенія на лютеры* для чина присоединенія лютеранъ къ православію и въ исторіи полемической литературы конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ XVII ст.—*Соборникъ о чести св. иконъ и о поклоненіи* Кириллова книга и ея характеръ. Чѣмъ было вызвано ея появленіе и кто были ея составители-издатели?

Подобно всякому явленію, выдающемуся въ жизни народной, смута возбудила къ себѣ особенное вниманіе московскаго общества первой половины XVII в. и вызвала со стороны его прямо или косвенно длинный рядъ литературныхъ произведеній. Большинство послѣднихъ историческаго характера, посвящено изображенію и объясненію событій смутнаго времени, но есть между ними и богословскіе, апологетико-полемическіе трактаты. Таковы сочиненія князей Ив. Андр. Хворостинина [1]), С. Ив. Шаховскаго [2]) и свящ.

[1]) „На иконоборцы и на вся злыя ереси, иже въ наша лѣта явленна быша, иже нарекошася и отъ ересей своихъ проименовашеся Лютры, Новокрещенцы, Кольвины и протчіе блядословцы, иже, дарзающе на церковь Божію, и вся церковные законы похулиша неуставными своехотными своими обычаи и словесы, иже дерзнувше хулити божественный крестъ Христовъ, имже избави насъ отъ смерти вѣчныя, еще и вся святые угодники Божія, иже отъ вѣка благоугодиша вѣчному царю, вся та похулиша, еще же и святыя иконы, и молитвы святыхъ, и святые благовоздержные посты, и памяти усопшихъ не повелѣваютъ творити: здѣ же имать свидѣтельство отъ божественнаго писанія противу всѣхъ ересей, иже блядословиша и пререкующе безъ истинны христіяномъ. Списано же бысть сіе собраніе многогрѣшнымъ и не потребнымъ рабомъ Божія восточныя церкви

Ивана Вас. Насѣдки[3]). За утратою антилютеранскаго труда Хворостинина, познакомимся съ *Изложеніемъ на лютеры* о. Ивана и значеніемъ его въ исторіи сѣверно-русской полемики 20—40 хъ гг. XVII ст. Изучивши происхожденіе, характеръ и послѣдующую судьбу этого замѣчательнаго полемическаго сборника, мы будемъ имѣть довольно вѣрное представленіе о состояніи церковно-богословской противолютеранской полемики на Москвѣ предъ началомъ нашихъ преній съ Датчанами, будетъ знать тотъ источникъ, къ которому всего чаще обращались православные богословы въ письменныхъ и устныхъ своихъ спорахъ съ Вальдемаровымъ пасторомъ *Фельгабромъ* [4]).

дуксомъ Иваномъ". Указаніе на это полемическое сочиненіе Хворостинина противъ протестантовъ находится въ Библіологическ. Слов. Пав. М. Строева, стр. 283. Замѣтивши, что сочиненіе состоитъ изъ 22-хъ главъ, Строевъ, къ крайнему сожалѣнію, не упомянулъ о мѣстѣ его нахожденія; въ описаніяхъ разныхъ отечественныхъ ркп. собраній мы также не нашли указанія на него. Полемическій трактатъ Хворостинина, обнимающій собою почти всѣ пункты обрядоваго разногласія между протестанствомъ и православіемъ, долженъ быть очень любопытенъ; самъ авторъ его, какъ извѣстно, былъ сосланъ въ концѣ 1622 или началѣ 1623 г. патр. Филаретомъ въ Кирилловъ монастырь за то, что не вѣрилъ воскресенію мертвыхъ, людей своихъ не пускалъ въ церковь, отрицалъ посты и праздники, предпочиталъ иконы латинскаго письма, отвергалъ VI вселенскій соборъ, читалъ еретическія латинскія книги писалъ про христіанскую вѣру многія непригожія слова. Трактатъ Хворостинина интересенъ для насъ и въ томъ отношеніи, что съ помощію его, быть можетъ, объяснилось бы многое въ составѣ полемическихъ сочиненій о. Ивана Насѣдки, умѣвшаго пользоваться въ широкихъ размѣрахъ трудами своихъ современниковъ.

2) „Повѣсть преславна, сказуема о пренесеніи многочудесныя ризы Спаса Христа отъ Персидъ въ царствующій градъ Москву, въ ней же убо и на Христоразрушники, во еже неправо мудрствующихъ о вочеловѣченіи Божія Слова, вкупѣ же и на Латыня, отметающихся истиннаго Христова преданія, вмѣсто совершеннаго хлѣба опрѣснокъ въ жертву приносятъ и Духа Святаго исхожденіе отъ Отца и Сына исповѣдуютъ, во всѣхъ и вездѣ супротивляющеся Христу. Списано дуксомъ Семіономъ Шаховскимъ". Свѣдѣніе о слав. рукописяхъ наход. въ дб—кѣ М. Д. Академіи, арх. Леонида, вып. II стр. 249; сн. Строева, Библ. слов. стр. 294.

3) „Изложеніе извѣстно отъ божественныхъ писаній ветхаго закона и новыя благодати на окаянные и злоименитые лютеры, на многія ихъ ереси отвѣты возразительные ко иконоборцомъ православнымъ христіяномъ", Рукопп. М. Д. Ак. №№ 177 и 178.

4) Названіе придворнаго проповѣдника королевича Вальдемара, которое намъ

Появленію въ свѣтъ Изложенія на лютеры, по сознанію самого Насѣдки, предшествовали поѣздка его въ Данію и предварительное знакомство съ катихизисомъ Лютера [5]).— Разсмотрѣвши на соборѣ 1619 года іюля 2 дня дѣло пр. Діонисія Троицкаго и другихъ лицъ, вмѣстѣ съ нимъ трудившихся надъ исправленіемъ потребника, п. Филаретъ Никитичъ, конечно, не безъ вліянія на него Іерусалимскаго патріарха Ософана, окончательно оправдалъ всѣхъ справщиковъ, осужденныхъ митр. Іоною. Насѣдкѣ возвращено было право священнослуженія и общенія съ церковію, лишеніемъ которыхъ онъ былъ наказанъ вмѣстѣ съ прочими [6]). Надобно думать, что на патр. Филарета находчивый и начитанный въ божественномъ писаніи о. Иванъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе. Въ виду неустройства церковныхъ дѣлъ разсудительный патріархъ не могъ не замѣтить и по достоинству не оцѣнить обширныхъ познаній и умѣнья Насѣдки вести письменную и устную борьбу съ внутренними и внѣшними врагами церкви. Вслѣдъ за окончаніемъ дѣла прен. Діонисія, о. Иванъ, разумѣется, по волѣ патріарха переведенъ былъ изъ своего роднаго подмонастырнаго села Клементьева въ Москву, къ церкви Благовѣщенія пресв. Богородицы, „что у государей на сѣняхъ“, сдѣлался крестовымъ попомъ, лицомъ близкимъ къ царю и патріарху. Въ концѣ 1621 года снаряжено было довольно многочисленное посольство (болѣе 60-ти человѣкъ) въ Данію между прочимъ съ цѣлію сватовства Михаила Осодоровича за одну изъ племянницъ Христіана IV-го; благовѣщенскій

приходилось встрѣчать въ документахъ нашего Моск. архива министерства иностранныхъ дѣлъ и въ сочиненіяхъ русскихъ ученыхъ, различно. Онъ называется: Фильгоберомъ, Фильхаберомъ, Ѳелаберомъ, Велгаберомъ и др. Адамъ Селлій именуетъ его: Math. Velhaberus (Schediasma litterarium de Scriptoribus, p. 36 и 152), Фехнеръ—Matheas Welhaber (Chronik Ewangelischen Gemeinden in Moscau, B. I. S. 258). Мы будемъ называть его Матѳеемъ или Матвѣемъ Фельгаберомъ.

5) См. челобитную о. Ивана Насѣдки къ патр. Филарету, издаваемую нами во второй разъ, въ приложеніи къ сочиненію ср. Прибавл. къ твор. св. отцевъ за 1888 г., кн. III стрр. 158—160.

6) Дѣян. собор. по рук. Сахарова въ Сѣверн. Пчелѣ 1842 г. № 198.

попъ Иванъ былъ отправленъ патріархомъ вмѣстѣ съ послами. Ему, какъ довѣренному лицу, наказано было заинтересованнымъ въ иновѣріи патр. Филаретомъ представить, по возвращеніи въ Москву, описаніе своей поѣздки въ нѣмецкую землю съ обличеніемъ, надо полагать, всѣхъ ересей, содержимыхъ лютеранами. Эта миссія, поставившая Насѣдку лицомъ къ лицу съ протестантами, опредѣлила направленіе и характеръ его послѣдующей литературной дѣятельности. Вручивъ 1 марта 1622 года королю свою вѣрительную грамоту, кн. Львовъ на другой же день началъ переговоры съ ближними королевскими людьми. Христіанъ IV чрезъ своихъ совѣтниковъ не разъ пытался убѣдить нашихъ пословъ, что онъ не можетъ распоряжаться судьбой своей племянницы Шлезвигъ-Голштинской принцессы Доротеи Августы, что послѣдняя зависитъ отъ матери и брата; король совѣтовалъ Львову и Шипову отправиться въ Шлезвигъ-Голштинское герцогство и лично переговорить съ родственниками невѣсты. Послы настаивали, чтобы Христіанъ самъ снесся съ родственниками княжны Доротеи. Дѣло о сватовствѣ такимъ образомъ затягивалось; наши принуждены были прожить въ Даніи февраль, мартъ, апрѣль и начало мая. Смолоду привыкши пользоваться случаемъ, находчивый посольскій священникъ не тратилъ времени даромъ; при всемъ своемъ нерасположеніи къ иновѣрцамъ онъ входитъ теперь въ возможно-близкія съ ними сношенія, ко всему присматривается и прислушивается среди нѣмцевъ, заводитъ съ ними бесѣды о вѣрѣ лютеранской и кальвинской, заглядываетъ въ частную семейную и въ общественную церковную ихъ жизнь и отовсюду выноситъ свѣжія свѣдѣнія о протестанствѣ. Не разъ вмѣстѣ съ послами о. Иванъ приглашаемъ былъ (28—29 апр.) къ королевскому столу въ Копенгагенѣ и въ пригородномъ Христіанборгѣ, причемъ, въ сопровожденіи королевскихъ думныхъ людей, осматривалъ дворецъ и дворцовую лютеранскую кирку [7]). На обратномъ ли пути изъ Даніи или еще до поѣздки въ нее—въ самой

7) Русск. Вѣсти т. 182. 74 — 747, статья г. Цвѣтаева: „Изъ истор. брачныхъ дѣлъ“...

Москвѣ Насѣдка обзавелся катихизисомъ Симона Буднаго [8]) и познакомился съ нимъ. Перечитывая листъ за листомъ кальвинскій катихизисъ, ошибочно принятый нашимъ богословомъ за *Лютеровъ* [9]), о. Иванъ дѣлалъ на поляхъ его критическія замѣчанія [10]). Не въ одинаковомъ числѣ сдѣланы

---

8) Въ библіотекѣ М. Д. Академіи подъ № 223 сохранилась копія съ катихизиса, принадлежавшаго о. Ивану. Подъ одной изъ замѣтокъ, находящихся на поляхъ ея, читаемъ: „сія припись была на подлинной книгѣ, *которую давалъ священникъ Иванъ Насѣдка*“ (л. 149 об.), кажется, своему пріятелю Симону Азарьину для списыванія. Нашъ академическій экземпляръ былъ собственностію келаря, который далъ его вкладомъ въ 1665 году въ Троице-Сергіевъ монастырь. Мы имѣли возможность сличить экземпляръ Симона Азарьина съ катихизисомъ, изданнымъ въ Несвижѣ въ 1562 г. *„для простыхъ людей языка рускаго“* Матѳеемъ Ковечинскимъ, Симономъ Буднымъ и Лаврентіемъ Кришковскимъ, и нашли, что первый есть не что иное, какъ церковно-славянскій переводъ послѣдняго, написаннаго на западно-русскомъ нарѣчіи. Въ немъ недостаетъ противъ оригинала лишь *посвященія* издателей кн. Радивиламъ, такъ называемаго *выхода* книги и самаго конца катихизиса. Рук. М. Д. Акад. № 223 л. 233 ср. Катихизисъ 1562 г. л. 248 об. — 251 (послѣдній имѣется въ нашей академической библіотекѣ за № 639 Синод. Типогр.).

9) Винить за это о. Ивана не слѣдуетъ: современные изслѣдователи повторяютъ ту же самую ошибку.

10) Слѣдуетъ замѣтить, что не всѣ замѣтки, сохранившіяся на поляхъ рукописи № 223, вышли изъ подъ пера о. Ивана, достаточно взглянуть на нихъ, чтобы сказать, что онѣ появились *разновременно* и принадлежатъ двумъ лицамъ. Замѣтки позднѣйшаго критика, въ числѣ 16-ти, сдѣланы имъ *собственноручно* на нашей академической рукописи № 223, крайне неискусно въ каллиграфическомъ отношеніи, пожелтѣвшими отъ времени чернилами (№ 223 лл. 1. 8 об. 31 об. 59. 127 об. 128. 145 об. 149 об. 157 об. 158. 160. 163. 170. 202. 204 и 3-й бѣлый листъ, въ началѣ рукописи). Этихъ замѣтокъ не было на экземплярѣ Насѣдки. Кто ихъ сдѣлалъ? неизвѣстно. Несомнѣнно одно, что этотъ позднѣйшій критикъ въ своихъ замѣчаніяхъ на катихизисъ стоялъ въ сильной зависимости отъ своего предшественника. Въ однихъ онъ до буквальности повторяетъ его (см. замѣч. 3-го незапис. листа и перваго съ замѣчанн. 8-го л., 157 об. ср. л. 145 об.), въ другихъ лишь добавляетъ его (см. № 223 л. 145 об. 158. 163. 170). Всѣ остальныя замѣтки были, утверждаемъ, *на экземплярѣ* катихизиса *о. Ивана Насѣдки и сдѣланы имъ самимъ*. Что они были въ книгѣ Насѣдки и изъ нея перешли въ нашу академическую рукопись, это видно изъ того, что почти всѣ замѣтки переписаны тою же самою рукой, что и текстъ противъ нихъ. Три замѣчанія (на листахъ 6. 8 и 107 обор.) вошли даже въ текстъ катихизиса по ошибкѣ писца. О томъ же свидѣтельствуетъ также замѣтка на обор. 149 л. Что всѣ критическія замѣтки, бывшія въ спискѣ Насѣдки, вышли изъ

были послѣднія на ту или другую часть катихизиса; больше возраженій и поправокъ со стороны критика вызвали предисловіе къ катихизису и трактаты о I—III и V заповѣдяхъ, „*о исповѣданіи вѣры*“ и „*о таинѣ Христовѣ*“, меньше-третья часть „*о молитвѣ Господни*“; противъ IV и VI—X

подъ его пера, за это говорятъ, во-первыхъ, содержаніе и характеръ самыхъ замѣтокъ, въ которыхъ прекрасно отразились и крайній взглядъ о. Ивана на протестанство и его грубые полемическіе пріемы. Многія изъ замѣчаній о. Ивана на катихизисъ дословно вошли въ „*Изложеніе на лютеры*“ и въ другія позднѣйшія полемическія сочиненія его (Рук. № 223 лл. 33 об. 204. 6 и 23 сл. *съ рукоп.* М. Д. Академіи: № 177 л. 94 об. и № 178 глав. 15. л. 231 об.; Казанск. Д. Акад. № 604 лл. 103 об.—104). Во-вторыхъ, привычка Насѣдки прежде, чѣмъ писать возраженіе или отвѣтъ на какой либо богословскій трактатъ дѣлать для себя на поляхъ послѣдняго краткія критическія помѣты, съ этою литературною манерою Насѣдки мы не разъ встрѣтимся въ изложеніи нашихъ преній. Что касается времени появленія замѣчаній на поляхъ катихизиса, то полагаемъ, что они сдѣланы Насѣдкой послѣ собора 1620 года о перекрещиваніи иновѣрцевъ, быть можетъ даже по возвращеніи его изъ Даніи. Такъ думать заставляетъ насъ содержаніе самыхъ замѣтокъ. Члены собора 1620 г. пришли, какъ мы сказали, къ тому заключенію, что св. отцы особенно перваго вселенскаго собора „*еретическое крещеніе не въ крещеніе полагаютъ*“, какъ то утверждено и св. апостолами въ 46 — 47 ихъ правилл. (Соборн. Изложен. 1620 г. л. 415 об.). Это сужденіе патр. Филарета и русскихъ архіепископовъ о. Иванъ повторилъ, какъ намъ кажется, въ слѣдующемъ своемъ замѣчаніи на катихизисъ: „*На первомъ соборѣ* (Каѳары и Новаціане осуждены, какъ еретики, за то, что не принимали падшихъ по крещеніи); *а на томъ же первомъ соборѣ еретическое крещеніе не въ крещеніе уставлено, якожа и во апостольскихъ правилѣхъ писано есть* (№ 223 л. 213 об.). Противъ того мѣста, гдѣ говорится о трехкратномъ погруженіи человѣка при крещеніи, о. Иванъ замѣчаетъ: „*зри прилѣжно о погруженіи*“ (ibid. л. 204), и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о своей заинтересованности въ вопросѣ, занимавшемъ русскихъ богослововъ преимущественно въ 1620 году. Нѣкоторыя замѣчанія могли быть сдѣланы человѣкомъ, лишь непосредственно знакомымъ съ протестантскою обрядностію. Выясняя плоды искупительной смерти Богочеловѣка, Будный говоритъ: „*Той бо* (Христосъ), *якоже во церкви Его поютъ, смертію смерть попра или потопта*“... „*А того и не поютъ у васъ*“, замѣчаетъ Насѣдка противъ послѣдняго слова (л. 139). Давая понятіе о таинствѣ вообще, Будный разсуждаетъ: „Аще ли бы хотя столъ и убрусъ кто приготовилъ и на томъ бы хлѣбъ и вино на святый престолъ положилъ, молитву и благодареніе бы совершилъ, а не было бы причащенія, яко нынѣ есть во обычаѣ, не можетъ онъ хлѣбъ съ виномъ и съ молитвами быти тайна“. Противъ всѣхъ этихъ словъ о. Иванъ пишетъ: „*Такъ Кальвины*“ (л. 198 об. сн. л. 23).

заповѣдей о. Иванъ не сдѣлалъ никакихъ помѣтъ. Попытаемся резюмировать здѣсь содержаніе многочисленныхъ замѣтокъ Насѣдки, не безъинтереснихъ какъ въ критическомъ отношеніи, такъ и для характеристики взглядовъ о. Ивана, а вслѣдъ за нимъ и громаднаго большинства русскихъ людей первой четверти XVII вѣка на протестантство.

Лютеръ, по словамъ критика, новый законоположникъ, самовольно отвергшійся отъ римскаго папы-антихриста, сбросившій съ себя черпечество и кардинальство и женившійся на дѣвкѣ. Не Христосъ открылъ ученіе Мартину, а самъ сатана, который всѣялъ его межъ людьми и толковалъ чрезъ него всѣ догматы. Онъ—волкъ, хищникъ и тать; самъ выдумалъ свое ученіе и не предложилъ его, какъ бы слѣдовало, для исправленія на соборѣ св. отцамъ. Лютеръ возносится надъ евангеліемъ и всѣми святыми, жившими до него въ теченіи 1500 лѣтъ, исправляетъ ихъ, какъ будто бы они были слѣпы или несмысленны. Писаніямъ св. отцевъ онъ не вѣритъ: то ссылается, то плюетъ на нихъ; онъ насмѣхается надъ св. Діонисіемъ, не принимаетъ Златоуста, довѣряетъ только Павлу и ратуетъ противъ грековъ. Лютеръ—явный бѣсъ и духъ нечистый, а всѣ, умирающіе за ученіе его, суть враги Божіи и ратники на Него [11]). Онъ жидовскій законникъ, отводящій всѣхъ отъ Христа въ законъ Моисеевъ и десятословіе. Изъ словъ Христовыхъ: „*не пріидохъ разорити законъ*“ (Мато. V, 17) ясно видно, говоритъ Лютеръ, что Христосъ не оставлялъ и не отмѣнялъ закона, какъ многіе неразумно толкуютъ слова, сказанныя Имъ на горѣ. Но въ такомъ случаѣ что будутъ означать слова: „*яко законъ Моусеемъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христосъ бысть*“ (Іоанн. 1, 17)? Св. Павелъ и прочіе апостолы что дѣлали, какъ не разоряли законъ Моисеевъ? Смотри объ этомъ въ Дѣяніяхъ да въ посланіи къ Галатамъ. Субботство миновало, вмѣсто того узаконенъ день недѣльный. Въ законѣ сказано было: „*проклятъ всякъ*,

---

[11]) Рук. М. Д. Ак. № 223, лл. 2—6.14—16. 32. 56 107—108, 152. 177 об. 201—202 об.

иже не возставитъ семени во Израили", а въ евангеліи написано: „*Если кто не оставитъ отца и матери, жены и дѣтей...*, *тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ* (Лук. XIV, 26) [12]).

У лютеранъ нѣтъ ни освященія церквей, ни поставленія священниковъ въ чинъ священства. Людямъ простымъ и неосвященнымъ Мартинъ позволяетъ быть попами и святителями. Обѣдню служить, причащать и крестить можетъ, по его словамъ, всякій мало маля ученый, способный научить другихъ вѣрѣ. Онъ велитъ жечь церкви христіанскія и все настаиваетъ на томъ, чтобы совершать вечерю въ простомъ дому, безъ всякихъ правилъ, какъ совершилъ ее Самъ Господь; отъ того у лютеранъ нѣтъ ни ризъ, ни кадилъ, ни масла, всѣ молитвы оставлены. Но если церковь не освящена и священникъ не посвященъ, какъ дѣйствовать таинство? Хотя кто премудръ учитель, но не поставленъ, — не можетъ крестить; самъ будучи не крещенъ, какъ я могу говорить: „*крещается рабъ Божій..?* Кто безъ освященія дерзаетъ творить священное, тотъ долженъ помнить о праведномъ царѣ Озіи, наказанномъ Богомъ проказой за кажденіе въ алтарѣ (2 Паралип. XXVI, 16 — 21 сн. Левит. X, 1—2). Вечеря Господня сначала совершалась по простомъ яденіи и питіи, но на соборахъ это было исправлено и постановлено приступать къ св. причащенію съ говѣніемъ, покаяніемъ и многими слезами. Лютеранамъ нужно помнить также о мощахъ мучениковъ и антиминсахъ. Говоря, что діаконы прежде обѣдни съ попами не служили, не кадили и „иныхъ таковыхъ *безлѣпицъ* не творили", Мартинъ забываетъ про Захарію, отца Предтечева, ходившаго въ храмъ Господень для кажденія [13]). По его словамъ, Богъ запретилъ дѣлать чей-либо образъ или подобіе и покланяться ему. Образъ Божій Лютеръ приравниваетъ къ тельцу, которому покланялись Израильтяне при горѣ Синай (Исх. XXXII, 1—9); указываетъ также на благочестивыхъ царей Езекію

---

[12]) Ibid. лл. 3 об. 9 обор. 26. 39.

[13]) Ibidd. 23. 63. 152. 163 об. 168 об. 204. 211 об. 212 об. 224 об. 226. 229—231.

и Осію, истребившихъ идоловъ и мѣднаго Моисеева змія (IV Царств. XVII, 4 и сл.) и за это награжденныхъ отъ Бога. Справедливо названные цари погубили то, что сдѣлано было во славу бѣсовъ, что боготворили безумные люди, но не нужно смѣшивать изображенія Христова съ идолами. Не говоритъ ли часто Псалмопѣвецъ: „*возносите Господа Бога нашего и покланяйтеся подножію ногу Его, яко свято есть*“ (Псал. 98, 6) и еще пишетъ: „*войду въ домъ Твой, поклонюсь святому храму Твоему въ страхѣ Твоемъ*“ (Псал. V, 8). Прор. Даніилъ, живя въ Вавилонѣ, три раза въ день преклонялъ колѣна противъ Іерусалима и молился Богу своему (Дан. VI, 10, 13 сн. Исаіи XXVII, 13; LXVI, 23). Изъ какой нужды и кто велѣлъ ему? Онъ кланялся церкви, ибо зналъ, что Богъ вездѣ Сый. Мартинъ пишетъ, что напрасно указываютъ на еван. Луку, будто онъ былъ иконописецъ и написалъ образъ Богоматери: ап. Павелъ и Софроній называютъ его лишь врачемъ. Софроній—не нѣмчинъ, а грекъ, и не вашъ, но нашъ; въ житіи Маріи Египетской онъ написалъ, что отъ образа Богородицы былъ голосъ къ Маріи, чтобы идти ей въ пустыню и спастись тамъ [14]). По словамъ Лютера, ап. Павелъ запретилъ будто бы христіанамъ бѣгать въ пустыню и скитаться среди звѣрей, подобно нынѣшнимъ инокамъ, впавшимъ въ нечистоту и похоти сердца своего (Римл. 1, 24); будто онъ заповѣдалъ всѣмъ жить въ мірѣ и служить спасенію людей. Но кого восхваляетъ апостолъ, говоря: „тѣ, которыхъ весь міръ былъ недостоинъ, скитались въ милотяхъ и козьихъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли“ (Евр. XI, 34—38)? Когда еретики смущали церковь своимъ ученіемъ, иноки, оставивши пустыню, приходили въ города, утверждали въ православіи народъ и часто сами умирали въ лютыхъ мукахъ за Христово ученіе. Лютеране нынѣ пожгли всѣ монастыри и посѣкли всѣхъ иноковъ, забывая, что черничество есть образъ плача, сѣтованія и покаянія, что не всѣ пустынники согрѣшаютъ и многіе изъ нихъ донынѣ въ чистотѣ живутъ. Мар-

14) Ibidd. лл. 9 15 об. 19—21. 60. 150 об.

тинъ, толкуя то или другое, часто приводитъ Василія Великаго и святымъ его называетъ, а Василій чернецъ былъ, обѣдню написалъ и монашество узаконилъ, какъ инокамъ жить, монастыри и пустыни строить. Утаилъ также Лютеръ и старыхъ лѣтописцевъ, живших за 1500 лѣтъ до него и писавшихъ о всякомъ строеніи чинахъ церковныхъ и строителяхъ пустынныхъ на востокѣ, западѣ и полуднѣ [15]). Призывать на помощь усопшихъ святыхъ, молиться имъ, разсуждаетъ Мартинъ, значитъ быть идослужителемъ; ихъ должно имѣть въ чести, но не дѣлать изъ нихъ ходатаевъ, потому что одинъ у насъ ходатай предъ Отцемъ Іисусъ Христосъ (1 Іоанн. II, 1). Нечестиво смѣшивать, замѣчаетъ на это критикъ, сыновъ Божіихъ съ еллинами. Богородица превыше херувимовъ и серафимовъ: всѣ святые Ей молились. Апостолы, мученики, равно какъ и другіе святые творили чудеса, изгоняли бѣсовъ, какъ то засвидѣтельствовано семью вселенскими и девятью помѣстными соборами, постановившими ничего не перемѣнять въ вѣрѣ, ни прилагать, ни убавлять чего-либо изъ нея [16]).

О. Иванъ не ограничился коротенькими возраженіями на отдѣльныя мѣста катихизиса; въ началѣ послѣдняго, какъ бы въ видахъ предостереженія неопытнаго и несвѣдующаго читателя, въ сравнительно обширномъ замѣчаніи онъ высказалъ свой взглядъ на всю книгу. „Книга, глаголемая катихизисъ, слогъ Мартина Лютора, имже прелсти многихъ нѣмецкихъ людей въ западныхъ странахъ, въ королевствѣ Французскомъ, и въ Польскомъ, и въ Свейскомъ, и въ княжствѣ Галанскомъ, во многихъ волныхъ городѣхъ. Сію же книгу истиннымъ православнымъ христіяномъ, которые не читали божественнаго писанія довольно, и таковымъ людемъ не подобаетъ въ сію книгу приницати, ни чести, попеже сія книга не Святымъ Духомъ сложена, но самъ сатана въ Мартинѣ Люторѣ дѣйствовалъ, и исполнена сія книга всякіе прелести бѣсовскіе. А кто станетъ по сей книгѣ мудрствовати или людей учити, и тотъ человѣкъ, по святыхъ отецъ

15) Ibidd. лл. 32 об. 33—34. 35 об. 61—62. 145 объ.
16) Ibidd. лл. 4 об. 13. 22 об. 56. 107. 137 об. 163.

правиломъ, будетъ проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ“ [16]).

Легко видѣть, что о. Иванъ въ своихъ замѣчаніяхъ на катихизисъ коснулся далеко не всѣхъ пунктовъ разногласія между протестантствомъ и православіемъ. Самые важные изъ нихъ, напримѣръ, ученіе объ оправданіи одною вѣрою, о священномъ писаніи, какъ единственномъ и достаточномъ источникѣ послѣдней, о Filioque, отверженіе протестантами церковнаго преданія, седмеричнаго числа таинствъ, молитвъ за умершихъ, обязательности постовъ имъ почти совсѣмъ обойдены. Критикъ видимо избѣгалъ разсуждать о возвышенныхъ богословскихъ предметахъ. Нельзя сказать, чтобы Насѣдка не сознавалъ слабости нѣкоторыхъ изъ названныхъ пунктовъ протестантской догмы, но онъ не входилъ въ обстоятельный ихъ разборъ, не доказывалъ ихъ несостоятельности, а ограничивался лишь однимъ-двумя краткими замѣчаніями, больше свидѣтельствующими о горячей преданности его православной церкви и ненависти къ протестантству, чѣмъ о разсудочномъ, критическомъ отношеніи къ лютеранскому ученію. Въ томъ случаѣ, когда о. Иванъ затрогивалъ отвлеченный догматическій вопросъ, онъ обнаруживалъ свою слабость и высказывалъ не совсѣмъ вѣрный взглядъ на предметъ. Разсматривая, напримѣръ, ученіе Лютера объ отношеніи ветхозавѣтнаго закона къ новозавѣтному, Насѣдка, вслѣдъ за царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ [18]), явно склоненъ былъ отрицать всякое значеніе закона Моисеева въ христіанствѣ. Не получивши правильнаго образо-

---

17) Ibidd. л. 8. А въ челобитной къ патр. Филарету Насѣдка писалъ: „самъ сатана первыхъ научилъ начальниковъ злобѣ ихъ такъ выложити (книгу), юже отнюдь православнымъ не подобаетъ ни зрѣти въ ню, ниже мало что слышати отъ нея: есть бо премести исполнена великія. Прилож. къ соч.

18) О. Иванъ въ ученіи о десятословіи столь сильно напоминаетъ Грознаго, что невольно возникаетъ мысль о литературной зависимости перваго отъ „*Отвѣта государева*“ Яну Рокитѣ. Чтен. въ общ. истор. и древн. 1878, кн. 2 стр. 7—9. Отвѣтъ царя Ивана Васильевича Грознаго Яну Рокитѣ изданъ также въ *Памятникахъ древней письменности и искусства* за 1886 г. подъ заглавіемъ: „*Посланіе къ неизвѣстному противъ Люторовъ*“. Издатель ошибочно приписалъ его перу какого-то Пареенія Уродиваго.

ванія, не привыкши къ діалектическимъ тонкостямъ, нашъ богословъ съ большимъ вниманіемъ и охотою останавливался, при чтеніи катихизиса, на самомъ Лютерѣ и протестантскомъ священствѣ, на храмѣ и его принадлежностяхъ, на монашествѣ и почитаніи св. иконъ, вообще на вопросахъ болѣе для него доступныхъ въ силу своего болѣе обрядоваго, чѣмъ догматическаго характера. Въ разсужденіи объ этихъ предметахъ о. Иванъ обнаруживаетъ знаніе дѣла и совершенно вѣрный взглядъ на вещи. Разбирая ученіе Лютера по тому или другому названному вопросу, онъ отмѣчаетъ въ немъ внутреннее противорѣчіе [19]), дѣлаетъ существенныя возраженія противъ катихизиса [20]), а по мѣстамъ обнаруживаетъ находчивость въ доказательствахъ [21]). Объясняя успѣхъ Лютеровой реформы тѣмъ, что Лютеръ, съ одной стороны, отвергнулъ всю почти церковную обрядность, съ другой—возвысилъ свой голосъ въ защиту подчиненныхъ и угнетенныхъ классовъ общества противъ правящихъ и притѣсняющихъ сословій, о. Иванъ обнаруживаетъ пониманіе смысла событій своего рода историческое чутье [22]). Если что нужно ставить въ недостатокъ критику въ изслѣдованіи означенныхъ предметовъ, такъ это необычайную краткость [23]), а нерѣдко и неудобовразумительность [24]) многихъ его замѣчаній. Приходится доискиваться отношенія послѣднихъ къ тексту катихизиса, рискуя иногда совсѣмъ не понять, что хотѣлъ сказать Насѣдка той или другой своей замѣткой. Въ объясненіе и отчасти въ извиненіе этого слѣдуетъ помнить, что о. Иванъ дѣлалъ помѣтки на поляхъ катихизиса

19) Рук. М. Д. Акад. № 223, лл. 163 об. 174, 201. 168 об. и др.

20) Ibid. лл. 2. 15 об. 20 об. 60—62. 163 об. 168 об. 204. 211 об. 212 об. 226: 229 об.

21) Ibidd. л. 19 и др.

22) Ibidd. л. 62—63.

23) У Насѣдки не рѣдко попадаются такого рода замѣчанія: зри; опись; зри еретичество: еретическіе гаголы: какая ложь; а ты явной бѣсъ; ту убо дѣломъ обличеніе; се на обличеніе лютеромъ; а ты отъ тѣхже діаволъ бѣсъ и т. д. Рук. М. Д. Ак. № 223. лл. 2 об. 3. 4. 9 об. 14 об. 212 об. 206 об. 216 об. 224 об. и др.

24) Ibid. лл. 14—16. 18. 26 об. 149 об.—151. 177 обор.

для себя, а не для другихъ. Онъ не столько критиковалъ въ нихъ катихизисъ, сколько выражалъ свои впечатлѣнія отъ прочтенія книги, какъ это имѣютъ обыкновеніе дѣлать весьма многіе читатели. Не стѣснялся критикъ употреблять въ своихъ замѣчаніяхъ и довольно *сильныя выраженія* по отношенію къ Лютеру особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ издатели катихизиса: Кавечинскій Будный и Кришковскій не одобрительно или явно презрительно отзывались о русскихъ, ихъ обрядахъ и обычаяхъ [25]). Замѣчанія о. Ивана на катихизисъ Буднаго представляютъ изъ себя лишь черновую, подготовительную работу по отношенію къ изложенію на Лютеры, по крайней мѣрѣ самъ Насѣдка такъ смотрѣлъ на нихъ, считая *отвѣтомъ* на катихизисъ [26]) свое „*Изложеніе извѣстно отъ божественныхъ писаній стараго закона и новыя благодати на окаянныя и злоименитые лютеры, на многія ихъ ереси отвѣты возразительные на иконоборцы православнымъ христіяномъ*“ [27]).

---

25) Ibid. лл. 2 обор.—3. 21 и др.

26) Приложен. къ сочин. № 1.

27) *Изложеніемъ на лютеры* занимались г. Никольскій: Матеріалы для исторіи противолютеранской полемики южно-русской церкви 16 и 17 столѣтій (Труд. Кіевск. Д. Акад. 1862, т. 2, стрр. 151—171), матеріалы для исторіи противолютеранской богословской полемики сѣверо-восточной Русской церкви 16 и 17 столѣтій (ibid. 1864. т. 1, стрр. 128 — 158); И. Соколовъ: Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ (стрр. 72—77. 87—93) и Дм. Цвѣтаевъ: Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ стрр. 96—72. 78 — 89). Помимо указанныхъ статей и краткихъ замѣчаній въ печатныхъ описаніяхъ славянскихъ рукописей, мы пользовались, при изученіи Изложенія на лютеры, экземплярами сборника М. Д. Академіи (№№ 177—178). Оба списка первой половины XVII в., одинъ (№ 177) написанъ въ маѣ 1646 года въ Якутскомъ острогѣ (лл. 262 и 264 об.); другой въ 1665 году поступилъ вкладомъ въ Троице-Сергіевъ монастырь отъ извѣстнаго келаря Симона Азарьина. Послѣдній экземпляръ по двумъ причинамъ заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователя. Во-первыхъ онъ принадлежалъ лицу, бывшему въ литературныхъ связяхъ и пріятельскихъ отношеніяхъ съ о. Иваномъ. Старецъ Симонъ, самъ авторъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ произведеній, извѣстенъ, какъ любитель книгъ; въ его значительномъ рукописномъ собраніи, отчасти сохранившемся до нашихъ дней, были почти всѣ сочиненія Насѣдки. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ мы имѣли и будемъ имѣть случай замѣтить, были списаны съ автографовъ о. Ивана и сохранили драгоцѣнныя для насъ разнаго рода замѣтки послѣдняго. Во-вторыхъ, экземпляръ Азарьина много полнѣе списка № 178. Въ послѣднемъ

Когда началъ и окончилъ Насѣдка составленіе своего обширнаго полемическаго *сборника*[28]), на это нельзя отвѣтить съ математическою точностью. Судя по указаніямъ челобитной о. Ивана къ патр. Филарету, самаго сборника, и слѣдуя, наконецъ, нѣкоторымъ сторонним соображеніямъ, можно обозначить лишь предѣлъ, дальше котораго никакъ нельзя отодвигать окончанія Изложенія на лютеры, равно какъ отмѣтить время изготовленія нѣкоторыхъ его главъ. Мы не знаемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ челобитную, въ которой о. Иванъ констатируетъ фактъ принадлежности его перу сорокасемиглаваго антилютеранскаго сборника; извѣстно только, что челобитная написана и подана патр. Филарету Насѣдкою еще въ бытность его *„попомъ Благовѣщенія пр. Богородицы, что у государей на сѣняхъ“*. Неизвѣстно, когда и за что о. Иванъ былъ переведенъ изъ Благовѣщенскаго собора въ большой Успенскій. Предположеніе, что Насѣдка сдѣланъ

совсѣмъ опущена обширная 14 глава *„о иноцѣхъ“*; въ главахъ: 18, 25, 37, 42 и 43 не достаетъ обширныхъ выдержекъ изъ Іосифа Флавія (№ 177 лл. 146 об.—159. 224 об.—237. 265—269. 292 об.—293. 298 об.—299). Въ № 177 конецъ 44 главы (л. 311—318) и вся 45-я (л. 318—321) помѣщены переписчикомъ не на мѣстѣ, въ срединѣ 46 главы. Совершенно одинаковъ, даже въ добавочныхъ статьяхъ, съ нашимъ академическимъ спискомъ № 177 экземпляръ Изложенія на лютеры Соловецкой б—ки № 607; описан. ркп. Соловецк. монаст. ч. 1, стрр. 518—526, ср. Свѣдѣніе о славян. ркпп. библ. М. Д. Акад. архим. Леонида, вып. II, стрр. 211—214.

28) Въ челобитной къ патр. Филарету самъ о. Иванъ называетъ свой трудъ *собраніемъ отъ божественныхъ писаній* (см. также № 177 л. 98 об. № 178 л. 122 и др.), хотя по обычаю писателей того времени и не говоритъ, какихъ именно. Въ большинствѣ сохранившихся доселѣ списковъ Изложеніе на лютеры состоитъ изъ сорока семи главъ и только въ трехъ (Моск. син. № 275, С.-Петерб. Дух. Ак. № 79 и Е. В. Барсова № 18) послѣ 47 главы слѣдуютъ еще двѣ, отчего всѣхъ главъ въ нихъ 49-ть. Глава 48: *„Поученіе отъ святителей о крестномъ цѣлованіи“*... не имѣетъ никакого отношенія къ содержанію сочиненія, но послѣдняя: *„О Христовыхъ тайнахъ“* разсуждаетъ объ агнцѣ въ евхаристіи и носитъ тотъ же противолютеранскій характеръ, что и первыя 47 главъ. Главы эти, судя по челобитной Насѣдки къ патр. Филарету, не принадлежатъ ему и составляютъ, полагаемъ, позднѣйшую прибавку: ихъ видимъ въ спискахъ второй половины XVII в. Экземпляръ Петербургск. Дух. Ак. № 79 изготовленъ въ 1673 г. „тщаніемъ и снисканіемъ государева духовника, благовѣщенскаго протопопа Андрея Савиновича“, а синодальный № 275 принадлежалъ справщику іерею Ни-

ключаремъ послѣдняго за свое посольство въ Данію[29]), опровергается тѣмъ, что въ февралѣ 1626 г. онъ продолжалъ состоять благовѣщенскимъ попомъ и принималъ участіе въ свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой [30]). Въ слѣдующемъ году мы видимъ его уже въ причтѣ Успенскаго собора. 3 ноября 1627 года соборный ключарь священникъ Іоаннъ Васильевъ Шевелевъ (Насѣдка), по приказу царя и патріарха, въ сообществѣ игумена Богоявленскаго, въ Китай-городѣ, монастыря Иліи, разсматривалъ учительное евангеліе Транквилліона-Ставровецкаго [31]). Если слѣдовать сейчасъ сказанному въ рѣшеніи вопроса о времени составленія Изложенія на лютеры, то нужно будетъ прійти къ заключенію, что оно не могло появиться позднѣе 1627 года. Но есть основанія предполагать, что сборникъ изготовленъ былъ значительно ранѣе. О своемъ посольствѣ въ Данію и о написаніи 47-главаго сборника о. Иванъ говоритъ въ своей челобитной, какъ о событіяхъ прошлыхъ, близкихъ по времени между собой и какъ бы непосредственно одно вслѣдъ за другимъ слѣдовавшихъ. Кн. А. М. Львовъ и дьякъ Жданъ Шиповъ возвратились въ Москву 14 іюня 1622 года и вслѣдъ затѣмъ подали въ приказъ *статейный списокъ своей бытности* въ Даніи. Естественно было и Насѣдкѣ одновременно съ послами и во всякомъ разѣ не въ долгихъ, по своемъ пріѣздѣ, представить на разсмотрѣніе и судъ патріарха Изложеніе на лютеры, въ которомъ онъ совмѣстилъ свои наблюденія изъ поѣздки въ Данію съ имѣвшимися у него и отчасти вновь изготовленными обширными опроверженіями Лютеранскаго ученія. Конечно, нѣтъ данныхъ рѣшительно настаивать на этомъ, но нѣтъ и причинъ отрицать того, что главный трудъ

кифору Симеонову, начавшему работать на печатномъ дворѣ въ 1664—1665 гг. Любопытно, къ какому времени относится списокъ Е. В. Барсова № 18?

29) „Село Клементьево, нынѣ часть Сергіевскаго посада, составляющая одинъ изъ его приходовъ“ І. А., стр. 32.

30) Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 году февр. 5, при бракосочетаніи п. Михаила Ѳеодоровича, изд. Бекетова, стр. 44.

31) Ркп. Моск. Синод. № 294 л. 4 об.

по написанію Изложенія на лютеры, именно составленіе главъ, заключающихъ въ себѣ очевидные слѣды пребыванія о. Ивана въ Даніи, падаетъ на 1622 годъ. Въ 18-й главѣ сборника читаемъ: „И глаголютъ намъ (нѣмцы) сице: ничто намъ бесѣды съ вами и рѣчей нѣсть, понеже вы, Русь съ Греки, и малаго дѣла у себя не вѣдаете, иже колико лѣтъ отъ Адама даже доселѣ есть. У васъ убо *нынѣ лѣто пишется 7130* [32]), у насъ же еще шестая тысяща идетъ. И у васъ убо въ книгахъ вашихъ написано, яко Христосъ родился въ лѣто 5500, у насъ же не въ шестой тысящѣ родился Христосъ, но въ четвертой... *а отъ Рождества Христова по се время 1621*“ [33]). Слова эти даютъ право утверждать, что 18-я глава, въ которой Насѣдка воспроизводитъ и опровергаетъ одно изъ возраженій, дѣлавшихся по вопросу о лѣтосчисленіи лютеранами православнымъ, *составлена* имъ въ 1622 году [34]). Не ранѣе и вѣроятно не позд-

---

32) Въ нѣкоторыхъ спискахъ Изложенія на лютеры, по словамъ г. Цвѣтаева, именно въ 49-ти главыхъ (Литературная борьба съ протестантсвомъ, стр. 97 прим.) вмѣсто 7130-го лѣта читается „у васъ убо нынѣ лѣто пишется 7147“. Въ соотвѣтствіи съ этой датой, надо полагать, стоитъ 1637 годъ отъ Р. Хр., упоминаемый въ 47-главомъ сборникѣ Изложенія на лютеры М. Д. Академіи; именно, въ концѣ 18-й главы послѣдняго читаемъ, „...Да къ тому же приложити отъ Рождества Христова 1637 лѣтъ“... (№ 177 л. 148). Такъ какъ 1621 г. отъ Рождества Христова, поставленный въ однихъ спискахъ послѣ 7130 лѣта, въ другихъ послѣ 7147-го, во всѣхъ экземплярахъ Изложенія на лютеры остается неизмѣннымъ, и такъ какъ ему не соотвѣтствуетъ 7147 лѣто, то въ замѣнѣ 7130 года 7147-мъ естественнѣе всего видѣть позднѣйшую работу. Немного ниже мы попытаемся указать поводъ, вызвавшій замѣну 7130-го лѣта 7147-мъ.

33) Ркпп. М. Д. Акад. № 177 л. 134. № 178 л. 93.

34) Что 18-я глава, собственно *начало ея* (№ 178 лл. 92 об.—100 об.), составлена Насѣдкой, въ этомъ увѣряютъ насъ ея содержаніе, языкъ и полемическіе пріемы. Въ началѣ ея раскрывается излюбленная мысль Насѣдки о близкой кончинѣ міра; въ ней нашли также мѣсто мнѣніе его о полномъ согласіи правосл. русской церкви съ восточною, похвальный отзывъ Насѣдки о сочиненіяхъ Флавія и ошибочное толкованіе имъ имени: *Герасимъ*. Средину 18-й главы (№ 178 лл. 100 об.—105; № 177 лл. 141 об. -146) Насѣдка заимствовалъ изъ дополнительныхъ статей къ *Толковой псалтири*, переведенной съ латинскаго на слав. языкъ въ 1536 году Димитріемъ Сколастикомъ въ Новгородѣ при митр. Макаріи (о составѣ ея см. въ Каталогѣ россійскихъ рукописныхъ книгъ, находящихся въ б-кѣ Новгородскаго Софійскаго собора, въ Памятн. древн. письменности и искусства

нѣс этого года появились въ настоящемъ видѣ и всѣ тѣ главы Изложенія на лютеры (15—17. 19. 21. 46—47), въ которыхъ съ рѣдкимъ для того времени знаніемъ о. Иванъ передастъ о семейной жизни лютеранъ, ихъ обычаяхъ, объ устройствѣ у нихъ частныхъ домовъ, кирокъ и о поведеніи въ послѣднихъ молящихся [35]). Если не въ Даніи, то во вся-

1881 г XII, стрр. 2—3), а конецъ (№ 177 лл. 146 об—159) изъ *нѣмецкихъ переводовъ*, быть можетъ, пріобрѣтенныхъ о. Иваномъ на пути въ Данію или при возвращеніи изъ нея (ibid лл. 149. 151). Отъ себя Насѣдка сдѣлалъ на означенныя выписки лишь нѣсколько краткихъ, частію критическихъ, частію пояснительныхъ замѣчаній. По характеру своему послѣднія ничѣмъ не отличаются отъ замѣчаній Насѣдки на катихизисъ Буднаго, напримѣръ: *„явная ложь; и до тѣхъ временъ было; и то все ложь“* и т. п. Замѣчанія сдѣланы были о. Иваномъ по обыкновенію на поляхъ и потомъ уже переписчиками внесены были въ текстъ. Въ спискѣ Излож. на лютеры М. Ак. № 177 часть замѣчаній, сдѣланныхъ киноварью, находится на поляхъ (143 об. 145 об. 146); по сравненію со спискомъ № 178 ихъ здѣсь больше и они пространнѣе.

35) Мы далеки отъ мысли утверждать, что названныя главы всецѣло написаны о. Иваномъ. Работы послѣдняго въ нихъ нельзя не видѣть (№ 178 лл. 81 об.—82. 84 об.—85. 86. 89 об. 105 об.—106 об. 119. 231 об.—232. 243 об.—244 246 об.—248. 253 об.—258), но какъ далеко она простиралась, на это не легко отвѣтить въ виду слишкомъ ограниченнаго числа сохранившихся и извѣстныхъ теперь памятниковъ нашей церковной полемики XVI—XVII в. съ протестантствомъ. При составленіи означенныхъ главъ, Насѣдка несомнѣнно пользовался извѣстными въ его время полемическими сочиненіями южно-русской и сѣверно-русской церкви. Говоря о вселенскихъ соборахъ въ 46 главѣ, онъ ссылается (№ 178, 233 об.—234) *на первое слово въ книгѣ кн. Константина Острожскаго*, то есть на сочиненіе острожскаго священника Василія: *О единой вѣрѣ* (Руск. И. Б. VII, стт. 604—662), напечатанное въ 1588 г. въ типографіи упомянутаго князя и по въ его приказанію. Конецъ этой главы (№ 178 лл. 240—243) взятъ изъ сочиненія противъ Антонія Подольскаго. Въ началѣ 47 главы (№ 178. л. 244. 246), доказывая авторитетъ православной восточной церкви, нашъ составитель прямо заявляетъ, что предметъ этотъ раскрытъ въ книгѣ того-же священника Василія, и что онъ съ своей стороны *„мало нѣчто приложилъ къ словесемъ собранія кн. Острожскаго“*. Средина этой главы взята изъ *Соборнаго изложенія* 1620 года (№ 178 лл. 248 об.—253; ср. Мірск. потр. 1639 года лл. 413 об.—418). Въ 15 главѣ, средина которой написана вновь Насѣдкой, есть мысли сходныя съ сочиненіемъ свящ. Василія Острожскаго (Р. И. Б. VII, 915—916; см. *Посланія старца Артемія*: ibid. IV ст. 1280). 16-я глава: *„О женитвѣ поповъ у люторей“*, въ которой также о. Иванъ сдѣлалъ нѣсколько вставокъ отъ себя, своимъ построеніемъ и аргументаціей изъ апостольскихъ посланій и правилъ Павловыхъ много напоминаетъ 41 главу: *„о женитвѣ поповъ“* изъ *„Вопросовъ и отвѣтовъ православному съ папежникомъ“* (Р. И. Б. VII, 84—88) Въ 17 главѣ одно мѣсто повторено изъ 14 главы (№ 177 л. 132 об. ср. 111—112),

комъ случаѣ вскорѣ по возвращеніи изъ нея занесъ Насѣдка въ свой полемическій трактатъ эти точныя свѣдѣнія о жизни еретиковъ нѣмцевъ. Что касается прочихъ главъ Изложенія на лютеры, то однѣ изъ нихъ (1—12. 14. 24—25) несомнѣнно заимствованы о. Иваномъ готовыми изъ сочиненій, написанныхъ до поѣздки въ Данію[36]), другія,—

другое: *о Троицѣ нераздѣльной, лицы несмутной* (№ 178 л. 89 об.—90)—изъ сочиненія противъ Антонія Подольскаго. 19 глава, составляющая съ 20-й неразрывное цѣлое, повторяетъ нѣкоторыя мысли 17-й (№ 178 л. 105 об. 106 об. сн. л. 89 об). Въ обширной 21 главѣ, тѣсно связаной съ 22-ю, помимо наблюденій изъ поѣздки въ Данію, работа Насѣдки сказывается во множествѣ его выраженій, замѣчаній и излюбленныхъ идей (ibid лл. 119 об. 125 об. 131 об. 133 об. 136. 145 и др.); съ другой стороны въ ней есть одно мѣсто, несомнѣнно заимствованное изъ южно-русской полемики (ibid. л. 141 об.—142; сн. Р. И. Б. IV. 1250).—Главы 13 и 23 не заключаютъ въ себѣ слѣдовъ пребыванія Насѣдки въ Даніи; начало первой сходно съ началомъ 35 главаго сочиненія Насѣдки противъ Антонія Подольскаго (№ 178 л. 77 об. сн. рук. Сергіевой лавры № 700 л. 213 об.; ср. также Р. И. Б. IV, 1294. 1415. 1437), одно мѣсто второй буквально взято изъ 18-й главы (№ 178 л. 151 об.—152 сн. 93 об.—94).

[36]) Первыя 12-ть главъ Изложенія на лютеры, самый лучшій отдѣлъ сборника, не принадлежатъ Насѣдкѣ, а представляютъ собою переводъ на московскій церковно-славянскій языкъ южно-русскаго сочиненія: „*О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіи, о хвалѣ и молитвѣ святыхъ, и о иныхъ артыкулѣхъ вѣры единое, правдивое церкви Христови*“. Названный трактатъ, по совершенно вѣрному заключенію нашихъ библіографовъ, дважды былъ изданъ: въ Вильно 1602 года одновременно съ книжкою *О Пресвятой Троицѣ*, хотя и особо отъ нея, и въ Кіевѣ 1619 года совмѣстно съ нею, въ видѣ третьей части „*Книги о вѣрѣ единой, святой, соборной, апостольской церкве, которая подъ розсудокъ церкве всходней поддается*“. Съ какого изданія сдѣланъ переводъ сочиненія *О образѣхъ*? Съ кіевскаго изданія,—отвѣчаютъ нѣкоторые изслѣдователи. Сличая великорусскій переводъ сочиненія *О образѣхъ* (по рук. Моск. д. Акад. № 174) съ Книгою о вѣрѣ *кіевской* печати, именно съ *третьей* частью ея, дѣйствительно находимъ громадное сходство между ними. Восемь главъ перваго (1—6. 9. 12). съ незначительными измѣненіями, преимущественно въ началахъ и концахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (1—4), входятъ въ соотвѣтствующіе имъ по предмету трактаты послѣдней, но не исчерпываютъ ихъ, не совпадаютъ съ ними всецѣло.

Нѣкоторые трактаты кіевской книги о вѣрѣ, по сравненію съ великорусскимъ переводомъ, заключаютъ въ себѣ значительные лишки, представляютъ изъ себя иную распространенную редакцію (всего того, что говорится въ кіевской книгѣ о вѣрѣ на стрр. 1. 3—4. 7—8. 18—30. 74—81. 163—179 и 113—120, нѣтъ въ велико-русскомъ переводѣ *О образѣхъ*; ср. Рук. М. Д. Ак. № 174. л. 5—130). Три главы (7—8 и 11) сочиненія *О образѣхъ* совершенно отличаются отъ ста-

при своемъ общемъ, сколько антилютеранскомъ, столько же и противолатинскомъ содержаніи, появились не въ одно опре-

---

тей, посвященныхъ тѣмъ-же вопросамъ въ кіевской книгѣ о вѣрѣ (Рк. М. Д. Ак. № 174 лл. 72 об.—92 и 116—122; ср. съ книгою о вѣрѣ кіевск. изд., ч. II. стрр. 185—233; ч. III. лл. 91—105 и 113—120 и др.), а 10-й перваго (*объ исповѣди*) совсѣмъ нѣтъ въ послѣдней. Все это рѣшительно говоритъ противъ мнѣнія, что велико-русскій переводъ трактата „*О образѣхъ*“ сдѣланъ съ *кіевскаго* изданія книги о вѣрѣ. Всѣ двѣнадцать главъ сочиненія: „*О образѣхъ*“ цѣликомъ переложены на велико-русское нарѣчіе съ книжки „*О образѣхъ*“ *виленскаго* изданія 1602 г., *состоящей именно* изъ 12-ти главъ (Ср. велико-русскій переводъ сочиненія *О образѣхъ* по рук. М. Д. Ак. № 174 съ рукопп. Царскаго №№ 392 и 461, въ которыхъ трактатъ „О образѣхъ“ на бѣло-русскомъ нарѣчіи. Рк. № 392 писана въ 1615, стало быть, до кіевскаго изд. *книги о вѣрѣ*. Объ отношеніи кіевской книги о вѣрѣ 1619 г. къ двумъ книжкамъ Виленскаго изданія 1602 года: „*О пресвятой Тройцѣ*“ и „*О образѣхъ*“ см. у Завитневича, Палинодія Захаріи Копыстенскаго, стрр. 276—280).—Нельзя также согласиться, что переводъ сочиненія о Образѣхъ сдѣланъ самимъ о. Иваномъ Насѣдкой. Онъ не зналъ южно-русскихъ нарѣчій и, пользуясь произведеніями юго-западныхъ ученыхъ, обыкновенно опускалъ мѣста, переполненныя непонятными для великоросса словами и выраженіями. Особенно ясно обнаружилъ Насѣдка свое незнакомство съ книжнымъ южно-русскимъ языкомъ XVI—XVII ст. въ замѣчаніяхъ на Евангеліе учительное Кирилла Транквилліона—Ставровецкаго (Рук. сборникъ М. синод. б—ки № 294 лл. 15. 41 обор. 37 обор. и др.). Трактатъ *О образѣхъ* переведенъ въ Новгородѣ. На экземплярѣ велико-русскаго перевода виленской книжки „О образѣхъ“ библіотеки Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря, въ концѣ рукописи, на листѣ 101 замѣчено: „*пріиде же здѣ сія книжица изъ литовскія земли, изъ Бѣлыя Руси; выдрукованна была, сирѣчь напечатана польскимъ (?) языкомъ. Переведена жъ съ того польскаго языка на нашъ русскій здѣ въ нашей великій Россіи, въ великомъ Новѣградѣ*, нѣкоторымъ нашимъ доброразсуднымъ и смысленнымъ мужемъ добрѣ и изрядне и явственнѣ зѣло, *якоже зрится*“. Въ началѣ рукописи два предисловія, изъ которыхъ первое написано виршами. Начальныя буквы его составляютъ слѣдующій акростихъ: „*Многогрѣшный попъ Стефанъ славяномъ радоватися*“. Подъ послѣднимъ нельзя разумѣть сочинителя книги *О образѣхъ*, потому что въ тѣхъ же виршахъ онъ упоминается въ третьемъ лицѣ; подъ акростихомъ скрывается, должно думать, велико-русскій переводчикъ книги. Кто такой „многогрѣшный попъ Стефанъ“? Есть основаніе разумѣть подъ нимъ Стефана Вонифатьева, извѣстнаго царскаго духовника. Въ 1644 году игуменомъ кіевскаго Михайловскаго монастыря Наѳанаиломъ изъ сочиненій Захаріи Копыстенскаго, священника Василія Острожскаго, Христофора Филалета, Синопсиса 1632 года и рукописныхъ полемическихъ сборниковъ была составлена *Книга о вѣрѣ*—полемическое сочиненіе противъ уніатовъ и протестантовъ. Въ маѣ 1648 года „*повелѣніемъ царевымъ и тщательствомъ* благаго духовника его *Стефана Вонифатьевича*“ эта компиляція была напечатана. Какъ на любопытную въ данномъ случаѣ особенность слѣдуетъ указать на присутствіе

дѣленное время, а составлялись исподоволь, постепенно, по мѣрѣ ознакомленія Насѣдки съ богословско-полемической,

---

въ книгѣ о вѣрѣ Наѳанаила значительнаго числа главъ изъ книжки *О образѣхъ*, переведенной много ранѣе въ Новгородѣ. Не потому ли Стефанъ Вонифатьевичъ и хлопоталъ такъ о напечатаніи въ Москвѣ книги о вѣрѣ Наѳанаила, что видѣлъ въ ея составѣ бо́льшую часть сочиненія, надъ переводомъ котораго самъ нѣкогда трудился? (Самыя важныя, относящіяся сюда, указанія у Сильвестра Медвѣдева въ *Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ*, № 33; дьякона Ѳедора—Матер. для истор. раск. т. VI, 143; А. Н. Попова въ Описан. б-ки Хлудова № 90 и въ самой книгѣ о вѣрѣ 1648 г. лл. 1—5. 288 об.—289).—Обширная 14 глава изложенія на лютеры *о монашествѣ* взята Насѣдкой изъ *Просвѣтителя* Іосифа Волоцкаго (см. рук М. Ак. № 177 лл. 74—112 и Просвѣт. стр. 451—513). Отецъ Иванъ лишь измѣнилъ заглавіе и начало 11-го слова пр. Іосифа примѣнительно къ *нѣмецкимъ* (вм. новгородскихъ) еретикамъ, лютеранамъ и кальвинистамъ, сдѣлалъ отъ себя нѣсколько незначительныхъ вставокъ въ немъ (напр. л. 77 об. № 177), по адресу этихъ послѣднихъ, и опустилъ совсѣмъ конецъ, гдѣ говорится о прот. Алексѣѣ, попѣ Денисѣ и дьякѣ Ѳедорѣ Курицынѣ (стрр. 513—514).—Главы 24—25: *„О апостольскомъ крещеніи, яко при самомъ Христѣ крестишася„и о священствопріятіи и о поставленіи апостолъ и о рукоположеніи ихъ съ небесе въ проповѣдники и исповѣдники*... Насѣдка заимствовалъ съ небольшими пропусками изъ своего раннѣйшаго *тридцатипятигилаваго* сочиненія противъ Антонія Подольскаго (Рук. М. А. № 177 лл. 210 об.—224; см. Рук. Сергіев. Лавры № 700 лл. 263 об.—268. 270. 274—276. 280—283. 284—293—главы: 18. 21. 24, конецъ 27. 28—29. 31—34). При составленіи этихъ послѣднихъ главъ о. Иванъ, помимо библейскихъ книгъ и толкованій на нихъ, пользовался Діонисіемъ Ареопагитомъ, Епистоліей на Римлянъ изъ Кормчей книги, Хожденіями апостоловъ, Синаксаріями на Вознесеніе и Духовъ день Епифанія Кипрскаго, молитвами, читаемыми на вечерни въ день Пятидесятницы. Обширная выписка изъ сочиненія Флавія De bello judaico объ Ессеяхъ, Фарисеяхъ и Саддукеяхъ, составляющая конецъ 25 главы, какъ и всѣ остальныя выдержки изъ этого автора, встрѣчающіяся въ Изложеніи на лютеры, взяты конечно о. Иваномъ изъ *славянскаго* перевода этого довольно извѣстнаго въ то время іудейскаго писателя (Ркп. М. Ак. № 177 лл. 224 об.—237; см. Рук. М. Д. Ак. № 12 л. 468—471 и др.). Правда, упомянутая цитата изъ Іосифа встрѣчается въ южно-русскихъ полемическихъ сборникахъ XVI—XVII в. противъ лютеранъ; таково, напр., *„Обличительное списаніе противъ ученія протестантовъ“*, изданное А. Н. Поповымъ въ чтен. Общ. Ист. и Др. за 1879 г., кн. 2. Но здѣсь выписка изъ Флавія объ *Ессеяхъ* (стр. 53—54) короче, чѣмъ въ Изложеніи на лютеры, и притомъ же на западно-русскомъ нарѣчіи. Ни откуда не видно, чтобы Насѣдка пользовался указаннымъ *Списаніемъ обличительнымъ*; при значительномъ сходствѣ съ Изложеніемъ на лютеры со стороны раскрываемыхъ предметовъ, послѣднее имѣетъ и отличія отъ него; напр., авторъ его разсматриваетъ (стрр. 52—53 и др.) вопросъ *объ оправданіи*, котораго о. Иванъ почти не касается въ Изложеніи на лютеры.

отечественной и переводной—византійской, литературой [37]). Думаемъ, что въ 1623 году обширный апологетико-полеми-

[37]) Имѣемъ въ виду главы 26—45. По признанію самого автора (№ 177 лл. 239 об.—240. 256) онѣ составляютъ цѣльный длинный трактатъ объ отношеніи В. Завѣта къ Новому, въ частности объ употребленіи квaснаго хлѣба въ евхаристіи. 26 глава служитъ къ нему введеніемъ и отвѣчаетъ, хотя недостаточно опредѣленно, на вопросъ: кѣмъ и на основаніи чего написанъ этотъ отдѣлъ Изложенія на лютеры. „И о семъ (объ опрѣснокахъ въ причащеніи) подлинный отвѣтъ собранъ въ книзѣ князя Константина Острожскаго зело добрѣ и пространно противъ папежниковъ и противъ люторей и инѣхъ; *къ тому же и мы грѣшніи обрѣтохомъ отъ божественныхъ писаній отвѣтъ еретикомъ, якоже инди инди до насъ убогихъ кѣсть писано, и къ тому сіе приложихомъ разумѣти*“ (№ 178 л. 169 об. сн. л. 216 об.; № 177 л. 293). Показаніе это мы понимаемъ въ томъ смыслѣ, что о. Иванъ хорошо знакомъ былъ съ обширной литературой, отечественной и переводной, по вопросу объ опрѣснокахъ и, пользуясь этими знаніями, составилъ *Списанейцо* въ такомъ видѣ, въ какомъ до него оно не существовало. Основная мысль трактата, что сѣнь законная прошла и Господь „возненавидѣлъ, осквернилъ, омерзилъ и запретилъ всѣ іудейскія приношенія и жертвенчики съ опрѣсноками, которые Самъ нѣкогда заповѣдалъ“, взята, по нашему, изъ *Просвѣтителя* Іосифа Волоцкаго (см. слово 3, стрр. 148—167. 219 и др.); Насѣдка при своемъ увлекающемся характерѣ только довелъ ее до крайности. Помимо заимствованій, по мѣстамъ буквальныхъ, изъ преп. Іосифа и свящ. Василія Острожскаго (Р. И. Б. т. VII, столб. 800—837), онъ пользовался *Вопросами и отвѣтами православному съ папежникомъ* (ibid. 43—47. 48—51; сн. Рук. М. Ак. № 177 лл. 257—277), *Посланіями старца Артемія* (Р. И. Б. IV, стбб. 1203. 1205—1209. 1231. 1247. 1268. 1303. 1332. 1349. 1309. 1314), памятниками древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ (ibid. примѣч. 6, стрр. 3—8; Поповъ, Историко-литер. обзоръ, 42—43 и др.), а можетъ быть и трудами своихъ современниковъ. 26—45 главы Насѣдка началъ составлять до поѣздки своей въ Данію, вслѣдъ за тѣмъ, предполагаемъ, какъ взведено было на него вмѣстѣ съ прочими исправителями Потребника страшное въ тѣ дни обвиненіе въ ереси. По примѣру Діонисія Троицкаго, Арсенія Глухаго и др. о. Иванъ для исправленія своей репутаціи взялся за перо и сталъ писать противъ латинянъ, которыхъ тогда русскіе люди не безъ основанія всей душей ненавидѣли. Въ 30 главѣ Изложенія на лютеры, находящейся въ тѣсной связи съ предшествующею и послѣдующею главами, есть указаніе на время составленія о. Иваномъ 26—45 главъ, но къ сожалѣнію неопредѣленное. „Нынѣ же, говорится въ ней, егда отрину Господь и уничижи всего Израиля и развѣя ихъ во всю поднебесную, по Данилову видѣнію, и всю славу святыни ихъ въ мерзость претвори и яже въ законѣ реченно: всякъ необрѣзанный да не ястъ пасхи агнеца ни опрѣснока съ нимъ (Исх. XII, 48), и *уже мѣсто оно, идѣже дано бѣ обрѣзанію быти, се уже 1600 лѣтъ и больши совсѣмъ погибе*, и гдѣ тіи будутъ, иже необрѣзавшеся ѣдятъ хлѣбъ прѣсный въ память Египетскія злобы? (Ркпп. М. Д. Ак. № 178 л. 180; № 177 л. 249 об.—250). Рѣчь идетъ здѣсь

ческій трактатъ былъ уже готовъ. Въ дополненіяхъ къ дворцовымъ разрядамъ замѣчено: „Ноября въ 30 день (7132—1623), по Государеву указу, по памяти за приписью діака Савы Раманчюкова (выдано) Государева жалованья Благовѣщенскому попу Ивану Насѣдкѣ 5 арш. сукна лундышу вишневого, по рублю по 8 алт. по 2 деньги аршинъ; а *пожаловалъ Государь его за службу, что онъ былъ посыланъ* съ государевыми послы, со княземъ Олексѣемъ Львовымъ да съ діакомъ со Ждапомъ Шиповымъ *въ Дацкую землю*“ [38]). Не будь Изложеніе на лютеры въ ноябрѣ 1623 года въ рукахъ патр. Филарета, Михаилъ Ѳеодоровичъ, во всемъ дѣйствовавшій съ вѣдома и совѣта своего отца, не сталъ бы награждать къ этому времени о. Ивана за его въ сущности не оконченную службу въ Даніи. Наконецъ за появленіе сборника *въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ XVII в.* говорятъ, на нашъ взглядъ, и тѣ прикровенныя слова, которыми заканчиваетъ Насѣдка свою челобитную къ патріарху: „Да у меня, Государь, грѣшнаго есть и *иные отвѣты* противъ ихъ (Люторей и Кальвинъ) закона и злаго ученія [39]), *но за*

очевидно объ окончательномъ разрушеніи Іерусалима Римлянами, но счетъ лѣтъ ведется Насѣдкою не съ этого событія, какъ бы слѣдовало, а отъ Рожества Христова.

38) Чтен. въ общ. истор. и др. 1882, кн. 3, ст. 357.

39) Неизвѣстно, о какихъ отвѣтахъ говоритъ здѣсь Насѣдка. Въ своемъ „Списаніи отъ божественнаго писанія обличительномъ на королевичева нѣмчина Матвѣя“ о. Иванъ въ 1644 году писалъ между прочимъ: „....И о томъ я, попъ Иванъ, знаю, что Мартинъ въ катихизисѣ о десятословіи къ Моисею все розвелъ на укоризну Грекамъ и намъ, на святыя иконы, иноческій чинъ, на церковное строеніе и на святую службу, и тотъ розводъ Мартинова ученія есть у меня грѣшнаго, и патріарху государю про то вѣдомо, да въ люди ту книгу казать не для чего, потому что то толкованіе Мартиново бѣсовское ученіе. А буде положитъ Матвѣй то ученіе предъ людьми явно, и той вражей книгѣ *отвѣтъ* у меня готовъ“ (см. Рук. М. Синод. библ. № 857 лл. 254—255). „*Отвѣтовъ*“ челобитной нельзя отожествлять съ „*отвѣтомъ списанія обличительна*“... Подъ послѣднимъ Насѣдка очевидно разумѣлъ свое „Изложеніе на лютеры“, о которомъ онъ имѣлъ случай замѣтить въ челобитной къ Филарету: „Списаньецожъ се, яже у тебе великого Государя, яже твоимъ Государевымъ святительскимъ повелѣніемъ и ученіемъ намороковалъ, во всемъ той еретической книгѣ катихизису противится и обличаетъ“. Не эти ли не дошедшіе до насъ „иные *отвѣты* противъ закона и злаго ученія“ люте-

настоящую нужду, яже къ тебѣ, Государь, отъ всей земли, отъ всего народа россійскаго исправленія, не могу, Государь, времени улучити, чтобъ тебѣ, Государь, таковые отвѣты самому извѣстны были, и мнѣ бы безъ твоего Государева исправленія не погрѣшити и не погибнути душевнѣ и тѣлеснѣ“ [40]). Въ нихъ естественнѣе всего видѣть указаніе на самые первые годы патріаршества Филарета Никитича, когда два великіе государя, путемъ всеобщей поземельной переписи государства и тому подобныхъ мѣръ, усиленно хлопотали объ устраненіи разныхъ неустройствъ изъ разоренной и опустошенной земли и „промышляли, чтобы *во всемъ поправить*, какъ лучше“ [41]),

Когда бы впрочемъ ни было написано Изложеніе на люторы, въ 1622 году или немногимъ позднѣе, это нисколько не умалитъ заслугъ о. Ивана и нимало не мѣшаетъ сборнику занимать самое видное мѣсто въ ряду дошедшихъ до насъ памятниковъ сѣверно-русской противолютеранской полемики XVII столѣтія [42]). Краткій, не всегда понятный и повидимому необладающій обширными свѣдѣніями въ замѣчаніяхъ на катихизисъ Буднаго, Насѣдка выступаетъ въ Изложеніи на люторы во всеоружіи своихъ знаній, является просвѣщеннымъ пастыремъ русской церкви первой четверти XVII в. Судя по одному Изложенію на люторы, по тѣмъ именно главамъ сборника, составленіе которыхъ принадлежитъ самому Насѣдкѣ, нельзя не видѣть, что послѣдній достаточно знакомъ былъ со священнымъ писаніемъ ветхаго и новаго завѣта и толкованіями на него въ видѣ обычныхъ въ то время Маргаритовъ, Златоструевъ, Торжественниковъ и т. п., церковно-богослужебными книгами, съ твореніями: Діонисія Ареопагита, Аоанасія и Василія Великихъ, Ефрема Сирина, Епифанія Кипрскаго, Іоанна Дамаскина и другихъ,

---

ранскаго имѣлъ въ виду о. Иванъ, замѣтивъ въ 47 главѣ Изложенія на люторы: „*и къ нимъ* (протестантамъ) убо и *о иномъ мѣстѣ*, отъ Бога искони проувѣданномъ, *да скажемъ*“? Рукк. М. Д. Ак. № 178 л. 247; № 177 л. 336.

40) Приложен. къ сочин. № 1.

41) Собран. госуд. грам. и догов. III, № 47, стр. 210.

42) Передавать здѣсь содержаніе Изложенія на люторы считаемъ не нужнымъ послѣ того, какъ это прекрасно сдѣлано г. Никольскимъ.

съ агіографической, апокрифической и историко-канонической литературой своего времени. Ему извѣстны были не только *„божественная писанія“*, но и сочиненія Іосифа Флавія и другихъ, по его словамъ, *премудрыхъ* мужей. Но ничѣмъ такъ не обращаетъ на себя вниманіе читателя о. Иванъ, какъ своими свѣдѣніями въ протестантствѣ. Послѣднее наши предки долго смѣшивали съ католичествомъ. Не терпя и чуждаясь латинянъ, Русскіе второй половины XVI и начала XVII стол. одинаково несочувственно относились къ нѣмцамъ. Держась вдали отъ тѣхъ и другихъ, естественно, весьма немногіе изъ русскихъ того времени были знакомы и желали знакомиться съ лютеранствомъ. Люди, подобные Грозному, составляли рѣдкое исключеніе. Даже царь Иванъ Васильевичъ, многознающій богословъ своего времени, изучавшій лютеранство путемъ чтенія и личныхъ бесѣдъ съ нѣмцами, не зналъ всѣхъ догматическихъ особенностей лютеранства, а тѣмъ болѣе разныхъ сектъ, въ немъ образовавшихся. Ведя споръ съ Рокитою, проповѣдникомъ изъ общины Чешскихъ братьевъ, онъ принялъ его за лютеранина и въ преніи съ нимъ обличалъ ученіе Лютера. Не считая лютеранства вѣроисповѣдною крайностью, совершенно противоположною папству, не зная точно догматики и морали ихъ, наша церковная іерархія, не говоря уже о XVI ст., въ началѣ XVII в., присоединяя лютеранъ къ православной церкви, заставляла ихъ проклинать тѣ-же ереси, обряды и обычаи, что и католиковъ. Мы не преувеличимъ дѣла и не погрѣшимъ противъ исторіи, если отнесемъ Пасѣдку къ числу первыхъ на Москвѣ знатоковъ протестантства. Не изъ книгъ, надобно думать, получилъ онъ первоначальныя понятія о протестантствѣ. Ужасы Московскаго *разоренія*, виновниками котораго были иновѣрцы, не прошли, какъ мы видѣли, безслѣдно въ сознаніи о. Ивана. Изъ кощунственнаго обращенія ихъ съ православною святынею, помимо чувства ненависти къ иноземцамъ, онъ могъ вынести наглядное представленіе о томъ, что такое лютеране, какъ они относятся къ храму со всѣми его принадлежностями, какъ смотрятъ на его предстоятелей, какъ ведутъ себя въ отношеніи къ монашеству, постамъ и другимъ учрежденіямъ и вѣрованіямъ

русскихъ. Обстоятельства послѣдующей жизни Насѣдки, сначала книжная справа, въ сообществѣ съ просвѣщенными людьми того времени, затѣмъ обширная апологетико-полемическая дѣятельность, вызванная первою, представили ему удобный случай и полную возможность, съ одной стороны, основательнѣе изучить ученіе своей православной церкви, глубже вникнуть въ смыслъ ея вѣрованій и обрядовъ, съ другой — провѣрить впечатлѣнія, вынесенныя въ смутное время самозванцевъ изъ враждебныхъ столкновеній съ католиками и лютеранами. Защищая свое дѣло исправленія Потребника, вступивъ потомъ въ богословскій споръ *„объ огнѣ просвѣтительномъ“* съ Антоніемъ Подольскимъ, своимъ главнымъ противникомъ и, нужно замѣтить, весьма образованнымъ человѣкомъ того времени, о. Иванъ, въ интересахъ успѣшнаго окончанія завязавшейся литературной борьбы, долженъ былъ перечитать и изучить письменность, вращавшуюся въ то время на Москвѣ. Въ послѣдней, кромѣ своей домашней литературы, преимущественно въ видѣ большихъ и малыхъ сборниковъ разнообразнѣйшаго содержанія, въ первой четверти XVII вѣка постепенно начала пріобрѣтать значеніе заносная, югозападная литература.

Брестская унія 1595 года съ ея послѣдствіями и появленіе въ южно-русскихъ областяхъ проповѣдниковъ лютеранства и различныхъ религіозныхъ сектъ Запада вызвали на усиленную борьбу ревнителей православія. Реакція со стороны послѣднихъ все болѣе и болѣе усиливавшемуся въ краѣ вліянію католичества и лютеранства всего осязательнѣе сказалась въ возникновеніи ученыхъ братствъ, школъ и типографій при нихъ. Необычайное религіозное броженіе сопровождалось подъемомъ въ умственной жизни: типографіи выпустили массу всякаго рода книгъ—церковно-богослужебныхъ, руководственныхъ въ вопросахъ вѣры и христіанской нравственности и др.; братскія училища, въ сравнительно короткое время достигшія значительной извѣстности, стали твердымъ оплотомъ православія и воспитали въ своихъ стѣнахъ нѣсколько славныхъ борцовъ съ католичествомъ и лютеранствомъ. Умственное движеніе юго-западной Руси не прошло безслѣдно для сѣверо-восточной. Москва, вышедши

побѣдительницею изъ борьбы съ католицизмомъ и протестантствомъ въ эпоху самозванцевъ, по естественному порядку вещей, постепенно, сначала робко, потомъ болѣе смѣло становилась въ покровительственное отношеніе ко всему тѣснимому тогда отъ латинянъ и уніатовъ юго-западу. Но какъ бы въ уплату за свою защиту практичное московское правительство и находчивыя частныя лица не гласно и осторожно не преминули воспользоваться плодами южно-русскихъ типографій и учености, именно тѣмъ, чего пока не имѣли у себя, но въ чемъ нуждались по обстоятельствамъ времени. Насѣдка принадлежалъ, сколько намъ извѣстно, къ числу самыхъ раннихъ эксплуататоровъ южно-русской полемической письменности. Въ сочиненіяхъ противъ Антонія Подольскаго онъ приводитъ уже обширныя выписки изъ книги свящ. Василія Острожскаго: „*О единой истинной православной вѣрѣ и о святѣй соборной апостольской церкви, откуду начало приняла и како повсюду распростреся* [43]). Чтеніе этого, равно какъ и другихъ антилютеранскихъ сочиненій южно-русскихъ и отчасти сѣверно-русскихъ авторовъ и было, полагаемъ, первоначальнымъ книжнымъ знакомствомъ о. Ивана съ протестантствомъ, провѣркой тѣхъ элементарныхъ знаній, которыя онъ вынесъ о лютеранахъ изъ смутнаго времени. Излишне говорить, что изученіе о. Иваномъ катихизиса Буднаго и поѣздка его въ Данію съ цѣлію ознакомленія съ лютеранствомъ внесли въ познанія его ту полноту, сравнительную вѣрность и точность, которыя характеризуютъ *Изложеніе на лютеры*. Хотя въ своихъ сочиненіяхъ о. Иванъ утверждалъ, что лютеране „*единъ духъ съ папежницы*“, и потому иногда называлъ ихъ латинниками, однако онъ чуждъ былъ мысли, подобно многимъ своимъ современникамъ, смѣшивать

---

[43]) Отсюда взяты Насѣдкой съ незначительными пропусками и вставками 12 и 13 главы его *тридцатипятилиственнаго* сочиненія объ огнѣ просвѣтительномъ: см. Рукоп. Сергіевой Лавры № 700 лл. 246—об. 257 и Р. И. Б. VII, 691—695. 728—734. То-же сочиненіе Насѣдки противъ Антонія можно видѣть и въ Рук. Моск. Акад. № 177 лл. 356—417, только главы въ ней расположены не въ порядкѣ, а именно: 28. 33. 32. 31. 34—35. 18—26. 3. 5—15...

протестантство съ католичествомъ. Ученіе Лютера въ болѣе рѣзкихъ и выдающихся его особенностяхъ отъ православія онъ зналъ, какъ нельзя лучше для великорусскаго богослова начала XVII в.; даже о Кальвинѣ и другихъ западныхъ реформаторахъ XVI стол. о. Иванъ имѣлъ нѣкоторыя, хотя не особенно полныя и ясныя, представленія. Съ протестантскою моралью ему пришлось познакомиться не въ теоріи только, но и на практикѣ. У себя на дому и въ бытность свою въ Даніи Насѣдка имѣлъ полную возможность наблюдать и изучать жизнь нѣмцевъ и при томъ не съ одной только показной стороны, но во всей ея непосредственности и непривлекательности. Въ нашемъ богословѣ соединялось такимъ образомъ все необходимое, если не для основательнаго разбора и опроверженія всѣхъ положеній катихизиса Буднаго, то во всякомъ разѣ для успѣшнаго составленія антилютеранскаго руководства для православныхъ чадъ русской церкви.

Разсуждать о томъ, что *Изложеніе на лютеры* обладаетъ качествами удовлетворительнаго противо-протестантскаго сборника, не потерявшаго въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ *значенія для современной полемики съ лютеранами*, распространяться о внутреннихъ его достоинствахъ, какъ-то: разнообразіи и обиліи доказательствъ, приводимыхъ въ немъ въ защиту вѣрованій и учрежденій православной церкви и въ опроверженіе мнѣній и возраженій противниковъ, равно какъ о твердости и глубинѣ убѣжденій о. Ивана въ истинѣ православія и лживости протестантства, считаемъ излишнимъ. Достаточно сказать, что обширному объему Изложенія на лютеры, какого не имѣетъ ни одинъ изъ извѣстныхъ доселѣ памятниковъ церковно-богословской полемики противъ лютеранства 16—17 вѣковъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ его содержательность. Насѣдка употребилъ въ дѣло всѣ свои знанія, чтобы старательнымъ выполненіемъ даннаго ему приказанія угодить Филарету Никитичу и вмѣстѣ снабдить современниковъ вполнѣ надежнымъ оружіемъ на случай борьбы съ лютеранами и папежниками. Онъ видимо хотѣлъ дать готовые и обстоятельные отвѣты на вопросы послѣднихъ, старался исчерпать и устранить заранѣе всѣ возможныя воз-

раженія противной стороны [44]). Его сборникъ обнимаетъ своимъ содержаніемъ многія вѣроисповѣдныя разности между православіемъ и лютеранствомъ и заключаетъ въ нѣкоторыхъ главахъ долю цѣннаго матеріала для наступательной полемики. Передавая видѣнное и слышанное въ Даніи своимъ соотечественникамъ, о. Иванъ со свойственнымъ ему умѣніемъ, въ яркихъ и непривлекательныхъ краскахъ описываетъ распущенность нѣмецкихъ нравовъ, ни мало не щадя, бичуетъ порочную жизнь лютеранскихъ поповъ, кощунственное обращеніе еретиковъ со святыней; изъ оборонительнаго положенія онъ переходитъ въ нападеніе, горячая, увлекающаяся защита православной церкви съ ея догматами и обрядами у него нерѣдко смѣняется ироніей надъ иновѣріемъ.

„*Собирая многіе отвѣты отъ божественныхъ писаній*“ на все, „*о чемъ нѣмцы лютори или папежники вопросятъ православныхъ или посмѣютъ по своей ереси*“, Насѣдка, можно догадываться, не упускалъ изъ виду и другой цѣли —изобличенія и опроверженія лютеранскаго катихизиса. Нѣкоторые изъ вопросовъ и возраженій, приведенныхъ имъ въ Изложеніи на лютеры отъ лица послѣднихъ, по содержанію и со стороны выраженія напоминаютъ соотвѣтствующія мѣста изъ катихизиса Буднаго и заставляютъ предполагать, что Насѣдка отсюда, а не изъ готовыхъ антилютеранскихъ сочиненій, заимствовалъ ихъ въ свой сборникъ [45]). Равнымъ образомъ отвѣты на эти вопросы и возраженія, данныя о. Иваномъ въ Изложеніи на лютеры, суть не болѣе, какъ дальнѣйшее раскрытіе замѣчаній его на катихизисъ. Разница между послѣдними и соотвѣтственными главами сборника болѣе количественная, чѣмъ качественная; въ послѣднихъ Насѣдка какъ бы продолжаетъ свою рѣчь, прерванную ранѣе на полусловѣ [46]). Въ нѣкоторыхъ главахъ своего Из-

44) Приложеніе къ сочинен. № 1.

45) См. для примѣра Рукоп. М. Д. Акад. № 223 лл. 26. 32 об.—33. 161 об. съ № 177 лл. 301 об. 105. 161.

46) Ср. № 178 лл. 120 об.—121. 179 и № 223 лл. 60 обор. 61 об:, ср. также сужденія о. Ивана о Лютерѣ и значеніи Моисеева закона въ христіанствѣ, высказанныя имъ въ замѣткахъ на катихизисъ и въ Изложеніи на лютеры.

ложенія Насѣдка старается какъ бы пополнить пробѣлы, допущенные имъ въ замѣчаніяхъ на катихизисъ. Вопросы догматическаго характера: объ источникахъ христіанскаго вѣроученія, таинствахъ и другіе, ранѣе едва затронутые, теперь онъ нарочито поднимаетъ, хотя въ рѣшеніи ихъ остается вѣренъ себѣ, не пускается въ тонкія богословскія соображенія, а старается взглянуть на спорный предметъ съ внѣшней стороны. Говоря, напримѣръ, о таинствахъ, онъ не доказываетъ седмеричнаго числа ихъ, не выясняетъ неправильности самаго понятія, даннаго о нихъ въ катихизисѣ Буднаго [47]), а трактуетъ больше объ обрядовой ихъ сторонѣ. Посвятивъ цѣлый отдѣлъ своего сборника вопросу объ евхаристіи, что ее должно совершать на квасномъ хлѣбѣ, а не на опрѣснокахъ, о. Иванъ не счелъ нужнымъ однако доказывать, вопреки лютеранскому катихизису [48]), что она есть дѣйствительная умилостивительная жертва. Догмата объ оправданіи или ученія о томъ, что человѣкъ спасается вѣрою, а не дѣлами, и потому знаніе вѣры, слова Божія, необходимо для спасенія,—ясно высказаннаго (ученія) въ предисловіи и самомъ текстѣ катихизиса 1562 года [49]), нашъ богословъ не только не разбираетъ, но почти не касается [50]). Объясненія этихъ и другихъ недостатковъ Изложенія на лютеры, нужно искать въ практическомъ складѣ ума и въ характерѣ образованности о. Ивана.

Насѣдка былъ человѣкъ многосвѣдущій или, какъ онъ самъ даетъ понять о себѣ, *„довольно потрудившійся въ ширинѣ божественнаго писанія, много читавшій божественныхъ книгъ и крѣпко выразумѣвшій ихъ смыслъ“* [51]); это былъ талантливый самоучка, хорошій начетчикъ, себѣ

---

47) Ркп. М. Д. Ак. 223 л. 197 и слѣд.

48) Ibid. лл. 225 об.—229.

49) Ibid, л. 1—5. 152—153.

50) Изъ многочисленныхъ замѣчаній на катихизисъ лишь въ одномъ говорится о томъ, что *„добро вѣру соединять съ добрыми дѣлами“*, но и оно принадлежитъ не Насѣдкѣ, а позднѣйшему критику (Ркп. М. Д. Ак. № 223 л. 202); а въ Изложеніи на лютеры, въ 21 главѣ (№ 178 л. 138), говорится объ этомъ мимоходомъ, въ 4—5 строкахъ.

51) Рукопи. М. Д. Ак. № 177 л. 84 об.; № 223 л. 8; № 178 л. 94. 190 обор.

самому больше всего обязанный своими знаніями. Но какъ человѣкъ не прошедшій средней и высшей школы, онъ не обладалъ достаточно правильнымъ умственнымъ развитіемъ, не выработалъ въ себѣ привычки провѣрять и систематизировать знанія, пріобрѣтавшіяся имъ не всегда изъ чистаго источника. Эти крупные недостатки въ образованіи о. Ивана замѣтно отозвались на всѣхъ его литературныхъ работахъ. Изъ слишкомъ довѣрчиваго отношенія нашего богослова къ разнаго рода сочиненіямъ, слывшимъ въ то время, далеко не всегда заслуженно, подъ общимъ именемъ *„божественныхъ писаній“*, и неправильнаго или даже превратнаго пониманія текста священныхъ книгъ [52]), при горячемъ, увлекающемся характерѣ, произошла большая часть тѣхъ крайностей и положительныхъ невѣрностей въ сужденіяхъ, съ которыми нерѣдко приходится встрѣчаться въ разсматриваемомъ трудѣ о. Ивана. Изъ того, напримѣръ, что папежники, а вслѣдъ за ними и лютеране, употребляютъ въ евхаристіи опрѣснoки, нашъ богословъ выводитъ, что у нихъ совершенное жидовство и нѣтъ христіанства, что они исповѣдуютъ Христа, *„пріемша плоть бездушну и безумну“*, и потому часть ихъ съ армянами, Аріемъ, Несторіемъ, Аполлинаріемъ и другими древними еретиками [53]). Нельзя думать, чтобы Насѣдка, ссылаясь въ подтвержденіе своихъ странныхъ мнѣній на разныя *Хожденія апостоловъ по вселенной*, *Епистолію на Римляны* изъ Кормчей книги и другія свидѣтельства сомнительной достовѣрности, не имѣлъ никакого представленія объ ихъ исторической цѣнности. *„Ина книга лѣтописецъ и ина Дѣянія св. апостолъ“*, заявляетъ о. Иванъ въ своемъ Изложеніи на лютеры. „Есть же обрѣтается въ торжественныхъ словесѣхъ“, читаемъ у него же въ 35-ти главомъ сочиненіи противъ Антонія Подольскаго, „яко по воскресеніи Господни вси, со Адамомъ сущіи во адѣ, воскресше, крестившася во Іерданѣ рѣцѣ и паки почиша; но се свидѣтельство *не отъ всѣхъ пріемлется*. Иже кто разумъ правя и истинно свидѣтельство, той да вѣсть о семъ; *мы же сего*

52) Рукоп. М. Д. А. № 178 лл. 90—92. 128—129 и др.

53) Рукопп. М. Д. Ак. № 178, лл. 197—199. 242—243; № 177 л. 273 об.—274.

не вѣмы: истинна ли или ложь, покоряемъ же ся паче всѣхъ Григорію Богослову; онъ бо написа, яко всего Адама Господь Самъ во Іерданѣ омылъ, егда погрузися рукою Крестителя“ [54]). Различеніе *божественныхъ писаній* со стороны ихъ фактической подлинности было присуще такимъ образомъ и нашему богослову; къ сожалѣнію его историческая критика была настолько снисходительна, что на дѣлѣ, особенно въ апологетико-полемическихъ сочиненіяхъ, ничѣмъ почти не заявила себя. Скепсисъ Насѣдки нисколько не мѣшалъ ему при защитѣ православія, которому горячо онъ былъ преданъ, и изобличеніи латинства и лютеранства, которыхъ всей душой ненавидѣлъ, рядомъ съ священнымъ писаніемъ и твореніями: Златоустаго, Василія и Аѳанасія великихъ, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина, съ правилами апостольскими и соборными во вредъ защищаемой истинѣ дѣлать выписки: изъ *Первоевангелія Іакова, Хожденія* того или другаго апостола по вселенной, и т. п. источниковъ [55]). Конечно весьма много тутъ значили естественное въ полемикѣ увлеченіе и плохое состояніе полемическаго богословія на Руси въ то время. При неразработанности на Москвѣ православной догматики, о. Ивану въ полемикѣ нечѣмъ было взяться, приходилось прибѣгать къ первому попавшемуся сочиненію, написанное противъ однихъ еретиковъ направлять не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ противъ другихъ, первую правдоподобную догадку выдавать за несомнѣнное положеніе [56]).

Еще сильнѣе выступаютъ недостатки самообученія Насѣдки во внѣшней сторонѣ Изложенія на лютеры. Нельзя сказать, чтобы о. Иванъ, начитанный въ произведеніяхъ южно-русской школьной образованности, незнакомъ былъ съ самыми элементарными правилами въ отношеніи къ формальной обработанности сочиненія, чтобы онъ не чувствовалъ своихъ погрѣшностей противъ подобныхъ требованій. Въ 26 главѣ, составляющей введеніе къ самому обширному и менѣе

---

54) Рукоп. М. А. № 177 лл. 157 об. 369 обор.; Рук. Сергіевой лавры № 700 л. 270 об.

55) Гл. 23 и др. 56) гл. 24—25 и др.

другихъ обработанному отдѣлу Изложенія на лютеры: *Объ опрѣснокахъ*, онъ прямо сознается въ растянутости изложенія и проситъ читателя „не отвергать списанейца его *за продолженіе* чиновъ и мѣста и обычаевъ жидовскихъ“... [57]). Подражая южно-русскимъ писателямъ, Насѣдка заботился также и о литературной отдѣлкѣ своихъ произведеній, хотя усилія его въ этомъ отношеніи сопровождались не всегда одинаковымъ успѣхомъ. Въ небольшихъ своихъ сочиненьецахъ *повѣствовательно-описательнаго* характера Насѣдка не всегда правиленъ, но всегда простъ и послѣдователенъ, читается легко и съ интересомъ [58]); нельзя сказать того-же про обширные богословскіе трактаты о. Ивана, требовавшіе отъ него непосильнаго напряженія въ области богословствующей мысли, писанные, за немногими исключеніями, наспѣхъ.

Изложеніе на лютеры не составляетъ исключенія. Въ немъ нашъ богословъ хотѣлъ по своему обыкновенію изъ различныхъ авторовъ составить одно по возможности связное, стройное и вполнѣ законченное богословско-полемическое сочиненіе противъ протестантства и католичества [59]). Въ этихъ

---

57) Рукоп. М. Д. Ак. № 178 л. 170.

58) Для примѣра можно указать на дополнительныя статьи Насѣдки къ житію пр. Діонисія Троицкаго, написанному келаремъ Симономъ Азарьинымъ, и на описаніе датскихъ кирокъ въ 47 главѣ Изложенія на лютеры (№ 178 лл. 253 об.—257).

59) Въ своихъ первыхъ по времени апологетико-полемическихъ сочиненіяхъ, вызванныхъ исправленіемъ Требника, Насѣдка не былъ оригиналенъ. *Тридцати главая* рѣчь его къ патр. Филарету, по совершенно-справедливому замѣчанію преосвящ. Макарія (И. Р. Ц. XI, стр. 11), съ незначительными вставками (см. Рукоп. Сергіев. лавр. № 700 (551) лл. 144. 168. 211 и др.), пропусками (ibid. л. 206 и об., сн. 316—321 и др.) и замѣною однихъ примѣровъ и разсужденій другими (ibid. лл. 208—209; сн. 322 об.—323 и др.), составлена изъ *Рѣчи Троицкаго старца Арсенія Глухово*“ и Рѣчи арх. Діонисія ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Изъ первой рѣчи или посланія старца Арсенія къ боярину Салтыкову о. Иванъ заимствовалъ главы: 1—2, конецъ 13-й, 14, конецъ 15, 16—17, начало 20, 25, начало 26, 27—29 (№ 700 лл. 142 об.—150. 167—169. 171—176. 180—182. 198 об.—203. 206—211; сн. 297 об.—300. 303 об.—316. 321—324); *остальное*— изъ рѣчи пр. Діонисія. Сочиненіе Насѣдки въ 40 главъ или „изысканное отъ многихъ божественныхъ книгъ свидѣтельство о прикладѣ огня“ есть также компиляція. 33—40 главы въ „свидѣтельствѣ о прикладѣ

цѣляхъ онъ далъ сборнику общее заглавіе и помимо этого чисто внѣшняго объединенія замѣтно пытался сообщить ему внутреннюю связь чрезъ помѣщеніе рядомъ статей, одинаковыхъ по содержанію [60]), а еще чаще посредствомъ краткихъ прибавленій въ концѣ нѣкоторыхъ главъ и разныхъ соединительныхъ частицъ въ началѣ ихъ [61]). Статьи, заимствованныя въ Изложеніи на лютеры готовыми, какъ написанныя по разнымъ поводамъ, не въ одно время и не однимъ лицомъ, о. Иванъ пытался всячески, съ одной стороны, приспособить къ своей задачѣ, съ другой—ассимилировать ихъ между собой и согласовать съ главами собственнаго сочинительства. Слѣды этой работы въ видѣ разныхъ замѣчаній и выраженій, принадлежащихъ безспорно Насѣдкѣ, сохранились во многихъ мѣстахъ разсматриваемаго сочиненія [62]). Но всѣ усилія Насѣдки придать своему труду характеръ цѣльнаго сочиненія не увѣнчались успѣхомъ, ему не удалось устранить изъ Изложенія на лютеры всѣхъ разногласій, которыя вполнѣ понятны въ статьяхъ разныхъ сочинителей и разнаго времени, но не естественны въ трактатѣ одного и того-же автора [63]). Мы не можемъ также ука-

---

огня" суть дословное повтореніе 18 — 25 главъ изъ тридцатиглавой рѣчи Насѣдки противъ Антонія Подольскаго. (Рук. Сергіев. Лавры № 700 лл. 386 об.—401; сн. лл. 263—277); остальныя главы (1—32-я) заимствованы изъ Рѣчи преп. Діонисія (Рук. Сергіев. Лавры № 700 лл. 331—386 сн. Рук. Импер. Публ. библ. изъ собран. Погодина № 1574 лл. 84—114 об.). За исключеніемъ начала (Рук. Публ. библ. № 1574 л. 83—84) Рѣчь пр. Діонисія цѣликомъ вошла въ 40 главое сочиненіе о. Ивана. Послѣднему принадлежитъ лишь дѣленіе на главы Рѣчи пр. Діонисія. Больше самостоятельности Насѣдка обнаружилъ въ своемъ тридцатипятиглавомъ сочиненіи противъ Антонія Подольскаго, хотя и въ немъ, какъ мы видѣли, встрѣчаются буквальныя заимствованія изъ произведеній южно-русскихъ авторовъ.

60) См. главы: 15 и 16, 19 и 20, 21 и 22, 29 и 30, 39—44 и др.

61) Рук. М. А. № 178 лл. 84 об. 154. 170. 105. 147. 183 об. 158. 225 об.—226 и др.

62) Ркпп. М. Д. А. № 177 лл. 74 об. 76. 83 об. 106. 144 об. 146 об.—148. 155 об.—156; № 178 л. 77 об. 81. 91 об. 94. 98 об. 100.—103 об. 151 об.—152. 93 об.—94. 118.—119. 122. 131 об. 133 об. 136 145. 169—170. 181 об. 187. 293. 216 об. 221. 234. 236 об. 244. 246.

63) Ркп. М. А. № 177 лл. 98 об.—99 и 257 об.—271.

зать въ Изложеніи на лютеры и трехъ-четырехъ вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ о. Иванъ занялся бы въ одномъ мѣстѣ; въ большинствѣ случаевъ, особенно предметы почему-либо любимые, онъ разсматриваетъ въ четырехъ-пяти и даже болѣе главахъ, и потому чуть ли не на каждой страницѣ замѣчаетъ: *„якоже прежде речеся о семъ“*, или *„якоже напреди явлена будетъ“* [64]). Статьи, одинаковыя по содержанію, у него не всегда стоятъ рядомъ, но раздѣлены большимъ или меньшимъ количествомъ главъ, трактующихъ совсѣмъ о другомъ [65]). Связь одной главы съ другою искусственная, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ ея совершенно нѣтъ. Самое раздѣленіе сборника на главы не всегда основано на различіи содержанія: во многихъ главахъ говорится объ одномъ и томъ-же [66]), и, наоборотъ, есть такія, въ которыхъ рѣшаются разные вопросы [67]). Встрѣчаются, наконецъ, главы, въ которыхъ представлены одни факты и посылки, а объясненія первыхъ и выводы изъ послѣднихъ заключаются въ послѣдующихъ особыхъ главахъ [68]). Весьма неумѣло также обозначено содержаніе главъ: нѣкоторыя заглавія не даютъ представленія о дѣлѣ [69]).

Наконецъ, въ числѣ недостатковъ Изложенія на лютеры слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что оно далеко не вездѣ написано спокойнымъ тономъ. Не рѣдко, гдѣ приходится составителю говорить о папѣ, Лютерѣ и Каль-

---

64) Рукопи. М. Д. Ак. № 177 лл. 84. 87. 95. 151 об.—152. 111; № 178 лл. 91. 119. 133 об.—134. 141 об. 171. 182 об. 184. 186. 191 об.—192. 208. 205. 218. 221. 228. об. 246 и др.

65) Главы: 1—3 и 19—20 сл. съ глл. 4—18; 7–8, 12—13 и 17 съ 9—11, 14—16 и др.

66) Главы: 19 и 20, 21 и 22, 29 и 30, 39—44.

67) Главы: 21. 46—47 и др.

68) Главы: 28, 33—34 сл. съ послѣдующими.

69) Гл. 41, 45 и др. Изъ произвольнаго подраздѣленія сборника на главы и неумѣлаго обозначенія содержанія послѣднихъ и нужно, кажется, объяснять то обстоятельство, почему въ рукописи Царскаго № 690 Изложеніе на лютеры, не представляя ничего особеннаго по составу сравнительно съ другими списками, раздѣлено на пятьдесятъ главъ, а въ рукописи М. Д. Ак. № 177 нѣкоторыя главы не имѣютъ надъ собой ни дѣленія, ни заглавій (см. гл. 25. 29. 38, 42 и др., лл. 271. 285 обор. 213 об. 246 обор.).

винѣ, разбирать ихъ лжеученія, онъ прибѣгаетъ къ бранным словамъ и рѣзкимъ выраженіямъ. Лютеръ и Кальвинъ, по его словамъ, суть духи нечистые, исшедшіе изъ устъ сатанинскихъ и взбѣсившіеся на св. православную церковь; въ ихъ послѣдователяхъ естествомъ живетъ духъ антихристовъ, ихъ вѣра *бѣсовская*; премудрыхъ люторей и кальвинъ онъ считаетъ худшими псовъ и свиней и потому не стѣсняется употреблять въ отношеніи къ нимъ всякіе эпитеты. Все это впрочемъ недостатки съ нашей точки зрѣнія; современники о. Ивана, менѣе его образованные, при томъ жившіе въ отношеніи къ иновѣрцамъ одинаковыми съ нимъ чувствами крайняго нерасположенія, не судили такъ строго его произведенія и не видѣли недостатка въ нетерпимомъ тонѣ, какимъ послѣднее по мѣстамъ изложено. Напротивъ, чѣмъ больше полемическій сборникъ заключалъ въ себѣ элемента, способнаго подогрѣвать чувство вражды православныхъ къ латинству и протестантству, чѣмъ больше онъ соотвѣтствовалъ тогдашнему настроенію общества, тѣмъ скорѣе могъ достичь своей цѣли, прійтись по вкусу тѣмъ, для которыхъ предназначался. Наши книжники XVII вѣка нашли Изложеніе на лютеры *„книгой мудрой и удобной“* [70]), съ охотой его читали и потому много разъ въ теченіе всего XVII в. переписывали [71]). Мы не знаемъ, какъ отнесся къ новому полемическому труду Пасѣдки главный виновникъ его появленія, патр. Филаретъ Никитичъ: разсматривалъ-ли онъ Изложеніе на лютеры и сдѣлалъ-ли изъ него то практическое примѣненіе, на какое указалъ въ челобитной къ нему самъ составитель сборника?

---

[70]) Въ экземплярѣ Изложенія на лютеры Моск. Синод. б—ки № 274 на послѣдней страницѣ подписано: книга мудра и удобна многогрѣшна инока Саватія (справщика на московскомъ печатномъ дворѣ въ 30—40-хъ годахъ XVII ст.); Описан. А. В. Горскаго и К. Невостр. II, 3, стр. 365.

[71]) На что указываетъ множество списковъ Изложенія на лютеры, сохранившихся, сколько намъ извѣстно, въ слѣдующихъ собраніяхъ древнихъ рукописей: Моск. Дух. Акад. №№ 177—178, Моск. Синод. №№ 274—276, Казанск. Дух. Ак. № 607, С.-Петерб. Дух. Ак. № 79, Н. И. Царскаго №№ 394. 690, графа Ѳ. А. Толстаго № 306, Е. В. Барсова № 18, Д. В. Пискарева № 80, Арханг. дух. Семин. № 578 и Петрозав. архіерейск. дома № 215.

велѣлъ-ли патріархъ держать Изложеніе на лютеры въ посольскомъ приказѣ для русскихъ людей, въ частности, для крестовыхъ поповъ, чаще прежняго посылавшихся теперь по дѣламъ государственной надобности въ чужія страны и сталкивавшихся тамъ съ иновѣрцами? Можно съ увѣренностію только сказать, что практичный Филаретъ Никитичъ, положивши своимъ *Соборнымъ изложеніемъ* начало обличительнымъ сочиненіямъ на ереси запада, хотѣлъ и отъ о. Ивана получить одно изъ такихъ произведеній. Мудрый патріархъ, познакомившись въ Польшѣ съ опасностію, грозившею тогда православію со стороны многочисленныхъ ересей и раціоналистическихъ сектъ запада, заблаговременно готовилъ надежное оружіе для борьбы съ нею, заранѣе хотѣлъ оградить свою паству и чистоту православія отъ опасныхъ приражений [72]). Практическое употребленіе изъ Изложенія на лютеры суждено было сдѣлать двумъ ближайшимъ его преемникамъ.

Въ 1638 году наше правительство нашло нужнымъ для церковнаго обихода переиздать *Потребникъ*. Патр. Іоасафу I, по словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, *„особенно преслѣдовавшему реформатовъ“* [73]), угодно было напечатать въ немъ *Соборное изложеніе* 1620 г. вмѣстѣ съ *чиномъ присоединенія* къ православной вѣрѣ лицъ къ ней не принадлежащихъ. Издать послѣдній весь *полностію*—въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ излагался въ нашихъ требникахъ, кормчихъ, уставахъ и литургико-каноническихъ сборникахъ XVI—XVII в., было невозможно, такъ какъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ чинъ присоединенія къ православію иновѣр-

---

72) Въ 1632 году протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, по распоряженію царя и патр. Филарета, переводилъ въ Москвѣ съ греческаго языка на славянскій на латинскія ереси (Н. Ѳ. Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, стрр. 482—483). Ранѣе этого, именно, въ 1627 году, съ благословенія патр. Филарета, былъ напечатанъ въ Москвѣ катихизисъ Лаврентія Зизанія, въ которомъ нѣсколько главъ направлено противъ католиковъ и лютеранъ.

73) И. Снегиревъ, О началѣ и распространеніи лютеранск. и реформатск. церквей въ Москвѣ, Прав. обозр. 1862 г., т. IX, стр. 37.

цевъ устарѣлъ и не отвѣчалъ потребностямъ современной церковной жизни. Въ означенныхъ церковно-богослужебныхъ книгахъ весьма нерѣдко помѣщались „*чины и уставы, како достоитъ пріимати къ нашей христіанской вѣрѣ приходящихъ отъ Мелхиседекіанъ, Ѳеодотіанъ, Афинганъ и Манихеевъ*“, непримѣнимые къ церковной практикѣ, за отсутствіемъ случаевъ обращенія къ православію подобныхъ еретиковъ. Съ другой стороны въ русской церкви стали весьма нерѣдко повторяться случаи присоединенія къ православію разныхъ своихъ домашнихъ инородцевъ и послѣдователей появившейся на западѣ реформаціи. Просвѣщенные пастыри русской церкви не могли не замѣтить указаннаго недостатка въ разсматриваемомъ чинѣ; они сознавали, что новоприсоединяемые должны публично проклинать свои прежнія религіозныя заблужденія, и по мѣрѣ силъ своихъ старались удовлетворить новой потребности церковной жизни. Въ нѣкоторыхъ потребникахъ конца XVI и начала XVII в. „*Чинопослѣдованіе соединяемымъ изъ иновѣрныхъ*“ уже встрѣчается въ измѣненномъ видѣ, въ новой *сводной* редакціи. Упомянутыхъ неприложимыхъ къ церковной практикѣ уставовъ въ ней мы не видимъ, все послѣдованіе озаглавливается: „*Чинъ и уставъ, како достоитъ пріимати, иже отъ латынъ, или отъ жидовъ или отъ срацинъ, или отъ черкасъ приходящихъ ко святѣй Божіи церкви, къ нашей непорочнѣй христіанской вѣрѣ православной*“ [74]). Присоединяющійся къ православію отъ латинской ереси проклинаетъ въ концѣ „и новѣйшаго, иже въ латынскихъ странахъ, злѣйшаго преступника, богостуднаго законоучителя, втораго антихристова предотечу, окаяннаго Лютора Мартина, именуема лютѣйшаго иконоборца, церковнаго отметника и разрушителя, и всякія благодати лишенного, и многія страны латынскія своимъ скверножительствомъ погрузившаго во глубинѣ прелести своего беззаконного начинанія“ [75]). Издатели

---

[74]) Одинъ изъ такихъ чиновъ изданъ по ркп. Софійск. б—ки (№ 1071 л. 224 об.) Н. Ѳ. Красносельцевымъ въ его „Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки“, стр. 126—133.

[75]) Рукопи. М. Д. Ак. № 188 л. 35, ср. № 175 лл. 446 об.—447; Рукоп.

Мірскаго и *Иноческаго* потребниковъ 1639 года, стремившіеся къ единообразію въ обрядѣ присоединенія иновѣрцевъ къ православію, помѣстили въ нихъ одно изъ такихъ *компилятивныхъ* чинопослѣдованій припятія еретиковъ, сдѣлавъ отъ себя къ нему лишь нѣкоторыя дополненія. Самое существенное изъ нихъ касалось чина присоединенія лютеранъ, точнѣе говоря, *анаѳематизмовъ*, которые они должны были произносить при вступленіи въ православную церковь [76]). Ранѣе 40-хъ годовъ XVII ст. послѣдователи Лютера и Кальвина, присоединяясь къ православію, отрекались отъ тѣхъ-же лжеученій, обрядовъ и обычаевъ, что и латиняне. Анаѳематизмы тѣхъ и другихъ были одинаковы и оканчивались, какъ мы выше замѣтили, краткимъ и довольно общимъ цо содержанію проклятіемъ Лютера. Это послѣднее въ Мірскомъ и Иноческомъ потребникахъ 1639 года разростается въ довольно обширный отдѣлъ [77]), въ цѣлый рядъ анаѳематизмовъ, числомъ до 35-ти, съ такого рода заглавіемъ: „Аще будетъ приходящій креститися отъ люторскія ереси къ нашей православной христіянской вѣрѣ, то и сіе глаголетъ“ [78]). Это дополненіе въ чинопослѣдованіи присоединенія лютеранъ, то есть, составленіе для послѣднихъ анаѳематизмовъ, было послѣднимъ словомъ нашей антилютеранской литературы того времени и можетъ служить прекраснымъ показателемъ состоянія нашего полемическаго богословія въ 40-хъ годахъ XVII стол.

Мы не станемъ разсматривать анаѳематизмовъ съ догматической стороны, а коснемся ихъ лишь съ историко-литературной и попытаемся отвѣтить на вопросы: на основаніи чего, когда и кѣмъ они составлены?

Анализируя для послѣдней цѣли содержаніе анаѳематиз-

библ. общ. истор. и др. № 190 л. 17 обор., Описаніе церк.-слав. ркпп. Импер. публ. библ., стр. 285.

76) Другое дополненіе касалось способа принятія разныхъ инородцевъ, какъ-то: черемисовъ, мордвы, чувашей и др. Мірск. Потребн. 1639 г., лл. 513—514.

77) Мірскій потребникъ 1639 г. лл. 445—448.

78) Выше помѣщены анаѳематизмы обращающихся изъ латинства, которые точно также должны были произноситься лютеранами, какъ удержавшими у себя нѣкоторыя римскія ереси.

мовъ, мы пришли къ тому заключенію, что почти всѣ они, за исключеніемъ четырехъ-пяти [79]), составлены по *Изложенію на лютеры*. Вторая глава послѣдняго: *„Отъ коего времени начатъ быти иконоборство“*..., съ опущеніемъ начала и конца, послужила матеріаломъ для первыхъ анаѳематизмовъ [80]); остальные же изъ нихъ представляютъ незначительную передѣлку заглавій однѣхъ или resumé содержанія другихъ главъ названнаго сборника [81]).

---

79) Одинъ изъ нихъ составленъ по Соборному изложенію патр. Филарета (Мірск. потр. 1639 г. л. 447 ср. л. 407. 410); другой есть не что иное, какъ сокращеніе одного изъ анаѳематизмовъ, произносимыхъ обращающимся изъ латинства (ibid. л. 447 обор. ср. 443); третій заимствованъ изъ Книги о вѣрѣ кіевск. изд. 1619 г. (ср. л. 447 об. и вторую главу „Азаріевой“ вѣры), или Просвѣтителя литовскаго (гл. 22—23. Рук. В. М. Ундольскаго № 426, по Описан. ст. 306—309); два остальные общаго характера лл. (445—446) и едвали откуда взяты. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что всѣ анаѳематизмы составлены въ духѣ Соборнаго изложенія 1620 года и по образцу отреченій, произносимыхъ латинянами при вступленіи въ православную церковь.

80) Рук. М. Д. Ак. № 178 л. 14 об. — 16, ср. съ Мірск. потр. 1639 г. л. 445—446.

81) Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго, сравнимъ здѣсь нѣсколько анаѳематизмовъ съ соотвѣтствующими имъ мѣстами изъ Изложенія на лютеры.

Мірскій потребникъ 1639 г.

Л. 445—446. Проклина по Серветѣ восташихъ, наслѣзниковъ Серветовыхъ, злыхъ презлѣйшихъ иконоборцовъ: Георгіуса Бляндрата, Павла Алштатуса, Леліуса Соцынуса, Ѳранцешка и Давидовычевъ, и министровъ семиградскихъ, и Буднаго и Чеховича, и всѣхъ послѣдствовавшихъ и пріемшихъ ихъ ученіе и инѣхъ всѣхъ еретикъ.

л. 446. Проклинаю всѣхъ учениковъ и стаибниковъ Мартина Лютора и Кальвиновыхъ, яко Цвика и гліяна и иныхъ многихъ, иже сквернное ученіе свое простроша и люди Божія развратиша отъ правовѣрія и въ ровъ пагубный ввергоша.

л. 448. Проклинаю всѣхъ еретикъ, иже не вѣруютъ молитвамъ святыхъ, еже нынѣ святіи вси молятся о насъ.

— Проклинаю всѣхъ еретикъ мудрованіе, возбраняющихъ о отшедшихъ свѣта сего, о преставльшихся памяти творити и милостыня даяти.

— Еще проклинаю и ино еретичес-

Изложеніе на лютеры по списку М. Д. Ак. № 177.

л. 15 об.—16. По сожженіи же Михаила Сервета, восташа наслѣдницы Серветовы, иконоборцы же: Георгіусъ Бляндрата, Павелъ Алштатусъ, Леліусъ Соцынусъ, Ѳранцышекъ Давидовичъ, нѣціи министрове въ семиградской землѣ, и въ Литвѣ тогда же воста Будный, а въ Люблинѣ Чеховичъ.

л. 16 об. Инѣхъ же учениковъ и стаибниковъ Мартина Лютера и Кальвиновыхъ, яко Цвикъгліана и иныхъ, иже скверненѣ ученіе свое простроша и люди Божія развратиша отъ правовѣрія и въ ровъ пагубный ввергоша, ихъ по ряду писати продолженія ради нѣсть потреба.

л. 49. обор. О молитвѣ святыхъ, еже нынѣ святіи молятся о насъ.

л. 67. О отшедшихъ свѣта сего и о еже о нихъ память творити и милостыня даяти старого и новаго закона писаніе святое повелѣваетъ и показуетъ.

Сходство между анаѳематизмами и ихъ первоисточникомъ не общее только, но во многомъ буквальное; дѣло составителя ограничилось лишь тѣмъ, что готовому заимствованному содержанію онъ придалъ форму анаѳематизмовъ, вмѣсто повѣствовательно-положительной — отрицательную.

Указавъ источникъ анаѳематизмовъ въ Изложеніи на люторы, мы тѣмъ самымъ предрѣшили вопросъ о времени ихъ составленія. Послѣдніе не могли появиться ранѣе начала 20-хъ годовъ XVII ст.; есть даже основаніе предполагать, что они составлены въ 1638 году, незадолго до того, какъ понадобились для напечатанія [82]). Въ числѣ заблужденій лютеранинъ долженъ былъ проклинать свое „ложное исповѣданіе и прелестное отъ лѣтописцовъ указаніе, *яко Господь нашъ Іисусъ Христосъ воплотися не въ лѣто 5500, но въ лѣто 3970*“. Отреченіе это есть не болѣе, какъ resumé 18 главы Изложенія на люторы [83]), небезъинтересной для насъ въ данномъ случаѣ со стороны двойственности хронологическихъ датъ, въ ней находящихся. Замѣна въ ней 7130 лѣта отъ сотворенія міра 7147 и упоминаніе о 1637 годѣ, какъ *прошедшемъ*, отмѣченныя нами много выше на основаніи разныхъ списковъ Изложенія на люторы, теперь до нѣкоторой степени объясняются [84]). То и другое сдѣлано было, по на-

---

кое мудрованіе люторъ и кальвинъ, иже глаголютъ, яко не могутъ праведніи ничтоже помощи намъ молитвами своими, аще не Самъ Богъ кого помилуетъ.

— Проклинаю всѣхъ еретикъ, иже учатъ кромѣ святыхъ Божіихъ церквей *въ простыхъ домѣхъ службу жертвоприношенія возносити*.

— Проклинаю всѣхъ еретикъ, иже, не очистився грѣхъ отъ беззаконія блуднаго, и пріемлютъ опрѣснокъ скверный ради очищенія своего.

л. 71. об. Отвѣтъ люторемъ, иже глаголютъ, яко не могутъ праведніи ничтоже помощи намъ, аще не Самъ Богъ кого помилуетъ.

л. 113. Отвѣтъ латынникомъ и люторемъ и прочимъ еретикомъ, иже кромѣ *святыхъ Божіихъ* церквей въ простыхъ домѣхъ *службу* свою жертву приношенія возносятъ, еще же и не очистився отъ грѣхъ беззаконія блуднаго, и пріемлютъ опрѣснокъ очищенія ради своего.

82) Иноческій и Мірскій потребники начали печататься 1-го ноября 1638 года, а вышли изъ печати 20 іюля 1639 года.

83) Ср. Мірск. потребн. 1639 г. л. 447 об. и рукк. М. Д. Ак. № 178 лл. 93. 105, № 177 лл. 134. 146.

84) Рукопп. Моск. Д. Ак. № 177 л. 148 об.; С.-Петерб. Д. Ак. № 79 л. 110 об., Е. Б. Барсова № 18 лл. 131—132, Моск. Синод. № 275. Невольно обращаютъ здѣсь на себя вниманіе послѣдній списокъ (№ 275), принадлежавшій

шему мнѣнію, тѣмъ самымъ лицомъ, которое составляло приведенный анаѳематизмъ и для сей цѣли перечитывало 18-ю главу Изложенія на лютеры и сдѣлало въ ней указанныя хронологическія поправки. Лицомъ этимъ, по нашему мнѣнію, былъ не кто другой, какъ самъ составитель Изложенія на лютеры, которому, какъ извѣстному въ то время знатоку протестантства, поручено было правительствомъ написать анаѳематизмы для лютеранъ и кальвинистовъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ содержаніе и языкъ послѣднихъ, въ особенности того изъ нихъ, въ которомъ новоприсоединяемый отрекается отъ лютеранскаго катихизиса [85]). Въ немъ тѣ-же слова и грамматическія формы, что и въ челобитной о. Ивана къ патр. Филарету и въ полемическихъ его сочиненіяхъ. Не случайнымъ также намъ представляется совпаденіе начала *справщической* дѣятельности Насѣдки на московскомъ печатномъ дворѣ со временемъ изданія тамъ-же Иноческаго и Мірскаго потребниковъ. Мы не видимъ о. Ивана среди справщиковъ начала тридцатыхъ годовъ, даже въ іюнѣ 1638 года онъ не состоялъ еще въ этой должности; но 19 генваря 1640 года вмѣстѣ съ прочими справщиками онъ получаетъ обычное государево жалованье—*Евангеліе напрестольное* [86]).

справщику іерею Никифору Симеонову, и первый, бывшій собственностью С. Азарина, пріятеля Насѣдки.

85) Проклинаю ученіе первое малымъ дѣтемъ ихъ, книгу глаголемую катитихисисъ. Мартиномъ написанную, четверочастную, иже по прелести лютерстѣй и кальвинстѣй, нарицаемая оглашенія ,ея же вси паче устъ Христовыхъ отъ юности учатъ на развращеніе правовѣрнымъ и на росказаніе десятословія, еже люди ввести въ жидовство. Потребн. 1639 г. л. 446, ср. приложеніе къ сочин.

86) *Приходо-расходныя записи въ Московск. Типографск. библ.*, № 18 *л.* 1, № 21, № 25 *л.* 2 об. — 3, № 29 *лл.* 2. 32. 64 об. 104 об., № 31 *лл.* 1—3. Трефолой (іюнь—августъ), начатый печатаніемъ 1 ноября 1636 г. и оконченный 1-го іюня 1638 г. данъ былъ слѣдующимъ справщикамъ: богоявленскому игумену Варлааму, Арсенію Глухому и старцу Савватію (№ 30). 15 іюля 1639 г. начали печатать Евангеліе напрестольное; вышло оно изъ печати 19 генв. 1640 г. и въ качествѣ государева жалованья" дано справщикамъ благовѣрнаго князя Михаила Черниговскаго собору протопопу Михаилу, да благовѣрнаго князя Александра Невскаго собору протопопу Іоакиму, ключарю Ивану, старцу Савватію, вдовому дьякону Ивану Селезневу и Шестоку". № 35 *лл.* 24 *об.* 51 об. 73 об.—74. 96 об. 127. 165 об. 167 об. 200 об.. №35 лл. (втораго счета) 6. 12.

Дѣятельность Насѣдки въ московской правильнѣ началась или во второй половинѣ 1638 года или первой—1639-го, началась, по нашему мнѣнію, именно редактированіемъ стараго нашего чинопослѣдованія присоединенія къ православной церкви разныхъ еретиковъ.

Изданіе анаѳематизмовъ было какъ бы началомъ общеизвѣстности Изложенія на лютеры и замѣтнаго оживленія въ нашей полемической литературѣ того времени. Насѣдка смѣлѣе могъ пустить теперь во всеобщее употребленіе свой антилютеранскій сборникъ, какъ одобренный въ извѣстной части самимъ правительствомъ; частныя любознательныя лица, сколько можно заключать по отрывочнымъ даннымъ, въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ XVII в. въ большихъ противъ прежняго размѣрахъ стали пользоваться Изложеніемъ на лютеры, равно какъ южно-русскими трактатами, вошедшими въ составъ его. Они не только его покупаютъ, читаютъ и переписываютъ [87]), но и пробуютъ при пособіи и по образцу его сами составлять новые полемическіе сборники. Изъ послѣднихъ два невольно обращаютъ на себя вниманіе: *Православная христіянская вѣра* [88]) и такъ называемая *Кириллова книга*. Оба сборника представляютъ изъ себя какъ бы цѣлыя сочиненія о православіи, появились неподалеку другъ отъ друга, однородны по своему характеру и составу и едва ли не одними и тѣми же условіями были вызваны въ свѣтъ. Остановимся на послѣднемъ изъ нихъ.

---

17. 18. 90 об. 140 об. 150 об. и др. Указаній на то, какимъ справщикамъ даны были Мірскій и Иноческій потребн. 1639 г., въ дошедшихъ до насъ Приходо-расх. книгахъ Печатнаго двора мы не нашли.

87) Рукоп. М. Д. Ак. № 178 л. 263—264, Рукоп. Царскаго № 394 л. 503 об.

88) Ркп. Общ. истор. и древн. россійск. № 195; въ ней есть помѣта, указывающая на мартъ 1644 года. Въ другихъ спискахъ, напримѣръ, Каз. Д. Ак. №№ 317—319 (Опис. ркп. ч. 1, стрр. 508—517), тотъ же полемическій сборникъ озаглавливается Изложеніемъ о вѣрѣ; на № 317 дата: генварь 1642 года, на № 319—1638 годъ. Въ третьихъ—онъ же называется „Литовскимъ Просвѣтителемъ; см. ркпп. Ундольскаго № 426 и Царскаго № 461. Какъ на неизмѣнную принадлежность всѣхъ указанныхъ сборниковъ слѣдуетъ указать на присутствіе въ нихъ книжки о вѣрѣ виленскаго изданія 1602 года (т. е. трактатовъ: „О образѣхъ и о Пресв. Тройцѣ“).

Еще въ августѣ 1642 года повелѣніемъ царя Михаила Ѳеодоровича и по совѣту незадолго предъ этимъ поставленнаго патр. Іосифа была напечатана въ Москвѣ книга: *Соборникъ, слова избранныя о чести св. иконъ и поклоненіи* [89]). Самое названіе показываетъ, что это есть изборникъ статей изъ разныхъ авторовъ, писавшихъ въ защиту иконопочитанія, а не цѣльное оригинальное произведеніе [90]). Неизвѣстно, что послужило ближайшимъ поводомъ къ напечатанію словъ объ иконопочитаніи, нерѣдко помѣщавшихся въ рукописныхъ сборникахъ того времени [91]); нельзя сомнѣваться лишь въ томъ, что какъ церковно-гражданское правительство, такъ и лица, непосредственно трудившіяся надъ составленіемъ и изданіемъ *Соборника*: протопопъ Михаилъ Роговъ, ключарь Иванъ Насѣдка, старецъ Савватій, Шестой Мартемьяновъ и Захарій Аоанасьевъ [92]) хотѣли дать въ немъ всѣмъ православнымъ христіанамъ надежное духов-

---

89) Строевъ, Опис. старопеч. кн. Царскаго № 125, стрр. 182—185; Расх. книга Моск. Печатн. двора № 36.

90) Составъ Соборника слѣдующій: слово Константина Порфирогенита о нерукотворенномъ образѣ Христовомъ, два посланія Григорія Двоеслова къ императору Льву Исаврянину о честныхъ иконахъ, слово Германа патр. Константинопольскаго о крестѣ и св. иконахъ, слово Іоанна Дамаскина къ Константину Ковалину о св. икопахъ, три слова его-же изъ книги „Небеса", сказаніе о чести и поклоненіи св. иконъ, избранное изъ многихъ писаній, многосложное посланіе къ императору Ѳеофилу о св. иконахъ патріарховъ: александрійскаго Христофора, антіохійскаго Іова и Василія іерусалимскаго, сказаніе о чудесахъ отъ иконы Богородицы, „нарицаемой Римлянина" и, наконецъ, Зиновія Отенскаго „слово обличительное на ересь новыхъ развратниковъ православныя христіанскія вѣры, Лютера, глаголю, и Кальвина и на Ѳеодосія черница рекомаго Косаго и еретика". Въ послѣднемъ словѣ нашего замѣчательнаго отечественнаго мыслителя XVI вѣка неудачно сдѣланы измѣненія, именно мнѣнія Косаго приписаны Лютеру, Кальвину и другимъ новымъ иконоборцамъ.

91) Такъ, напримѣръ, половина ихъ есть въ рукоп. сборникѣ археограф. комиссіи № 212 лл. 356—506, Барсуковъ, Рукоп. археогр. комм., стрр. 118—119. Не мѣшаетъ здѣсь упомянуть о томъ обстоятельствѣ, что царь указалъ печатать Соборникъ 26 апр. 1642 г., т. е, вслѣдъ за тѣмъ, какъ отправилъ Проестева съ Патрикѣевнымъ (12 апр.) къ Христіану IV съ предложеніемъ брака царевны съ королевичемъ Вальдемаромъ.

92) Всѣмъ имъ дано государева жалованья по книгѣ. Соборникъ выпущенъ въ количествѣ 1200 экземпляровъ. Государь велѣлъ продавать по 30 алтынъ безъ гривны книгу, стоившую себѣ 15 алтынъ 4 деньги. Расх. кн. № 36 л. 136 обор.

ное оружіе *„на посрамленіе и обличеніе новыхъ развратниковъ православной христіанской вѣры*: Лютера, Кальвина и Ѳеодосія Косаго“.

Нельзя не признать удачнымъ начала, положеннаго печатной полемической литературѣ 40-хъ годовъ нашими московскими богословами. Иконопочитаніе, столь рѣзко и доселѣ отличающее православныхъ русскихъ людей отъ всѣхъ западныхъ иновѣрцевъ, особенно отъ протестантовъ, больше всего бросалось въ глаза этимъ послѣднимъ и прежде всего оспаривалось и осмѣивалось ими. Напечатаніемъ однако одного Соборника, въ цѣляхъ успѣшной борьбы съ западнымъ иновѣріемъ, ограничиваться было нельзя; послѣднее, въ лицѣ лютеранъ, кальвинистовъ и разныхъ раціоналистическихъ сектъ, отрицало не одинъ догматъ иконопочитанія, не одну церковную обрядность, но и многое другое изъ христіанскаго вѣроученія. Болѣе образованными и передовыми людьми московскаго общества сознавалась потребность въ такого рода печатномъ изданіи, которое представляло бы изъ себя по возможности цѣльную догматико-полемическую систему. Какъ бы отвѣтомъ на отмѣченный запросъ общественнаго сознанія и былъ указъ царя Михаила Ѳеодоровича *„объ учиненіи отъ св. писаній и различныхъ св. отецъ“* такой книги, при помощи которой всякій желающій могъ бы и *„божественные догматы вѣдать и еретическія уста заграждать“* [93]). Въ исполненіе этого царскаго указа была составлена и напечатана въ московской типографіи всѣмъ извѣстная теперь *Кириллова книга* [94]), въ которой съ большими противъ прежняго подробностями повторены были тѣ крайніе взгляды на иновѣрцевъ и отношенія къ нимъ, съ которыми вышли наши предки изъ смутной эпохи и которые были выражены въ первый разъ въ мистико-апокалипсической повѣсти Пасѣдки и въ соборномъ дѣяніи 1620 года.

Считаемъ излишнимъ подробно говорить здѣсь о несоотвѣтствіи названія содержанію книги [95]), равно какъ оста-

---

93) Кирилл. кн. л. 560 об.

94) Печатаніе ея начато 24 августа 1643 года, а кончено 21 апрѣля 1644 г.

95) Въ посланіи дьякона Ѳедора къ Максиму сказано: „А яже печатная Московская Кириллова книга глаголется, и та нѣсть Кириллова, но собиралъ ее чер-

навливаться на источникахъ ея [96]). Замѣтимъ только, что тринадцать главъ Изложенія на лютеры съ самыми незначительными измѣненіями [97]) вошли въ Кириллову книгу [98]) и составили лучшую часть ея *противолютеранскаго* отдѣла. Собиратели и издатели сборника не ограничились впрочемъ означенными главами и помѣстили въ немъ еще столько же главъ противъ лютеранъ, кальвинистовъ, социніанъ и другихъ раціоналистическихъ сектъ, стоявшихъ въ такой или иной связи съ западной реформаціей [99]). Даже въ трактатахъ, направленныхъ противъ латинянъ [100]), можно встрѣтить у нихъ не мало матеріала для полемики съ протестантствомъ. Послѣднее видимо всего болѣе интересовало составителей Кирилловой книги; желая дать своимъ современникамъ руководство для борьбы съ различными еретиками, они прежде всего имѣли въ виду Лютера, Кальвина и ихъ

виговскій протопопъ Михаилъ Роговъ съ прочими избранными мужи, по повелѣнію царя и патріарха, на многія ереси латинскія, и арменскія, и нѣмецкія, и прочія. Начаша они писать отъ тоя самыя Кирилловы книги, потому и слыветъ Кириллова, и тѣхъ словъ святаго Кирилла нѣсть въ ней ни единаго, но два листа *токмо*"; Матер. *для истор. раскола* т. VI, стрр. *152—153 изд. Братства* св. Петра. Книгой Кирилла Ерусалимскаго разсматриваемый полемическій сборникъ началъ называться *однако со времени* своего появленія. Приходо-расходн. книга № 34 л. 77.

96) Они указаны отчасти г. Лиловымъ въ его изслѣдованіи: О такъ называемой Кирилловой книгѣ и Н. Ѳ. Каптеревымъ: Патріархъ Никонъ и его *противники*, стрр. 12—16.

97) Собиратели и издатели только соединили въ десятой главѣ Кирилловой книги первую и девятнадцатую главы Изложенія на лютеры, какъ сходныя между собою *по содержанію*, *поставили* надъ однимъ отдѣломъ своего печатнаго сборника новое заглавіе (Кир. кн. л. 83), замѣнили въ нѣкоторыхъ предложеніяхъ личныя обращенія безличными (вмѣсто: „ты противишься, вы глаголете, вы ругаетеся", поставили: „противится, глаголютъ, ругаются" и т. п.), рѣзкія выраженія—болѣе мягкими и приличными, да въ статью о крестѣ и крестномъ знаменіи (въ *Излож. на лютеры гл.* 5, а въ Кириловой кн. 14.) внесли Ѳеодоритово слово о двуперстіи и сказаніе о Мелетіи патр. Антіохійскомъ; Кирилл. кн. лл. 180 об.—181. 183, сн. Стоглавъ гл. 31 стрр. 134—135. изд. Каз.

98) Кирилл. книг. главы: 10—18 и 21—23.

99) Ibid. главы. 1—9. 19—20. 24. 28—29.

100) Противъ латинянъ направлены: Сказаніе Кирилла Іерусалимскаго на осьмый вѣкъ и главы: 25—27 и 34—46; остальныя главы Кирилловой книги посвящены армянской ереси.

послѣдователей. И нужно замѣтить, что противолютеранскій отдѣлъ въ Кирилловой книгѣ самый богатый и самый пригодный для полемики; нельзя сказать того-же о другихъ отдѣлахъ разсматриваемаго сборника. Немногимъ, напримѣръ, можно воспользоваться изъ послѣдняго въ преніяхъ о вѣрѣ съ латинянами. Противокатолическій отдѣлъ Кирилловой книги теперь имѣетъ и во времена патр. Іосифа имѣлъ значеніе болѣе историко-теоретическое, чѣмъ полемико-практическое. Такія статьи, какъ о *Римскомъ отпаденіи*, посланія патріарховъ: Мелетія Александрійскаго и Фотія Константинопольскаго, кн. Константина Острожскаго, или *Сказаніе на осьмый вѣкъ Кирилла Іерусалимскаго* съ толкованіями на него Стефана Зизанія, имѣютъ громадный интересъ и существенное значеніе для историка, занимающагося раздѣленіемъ церквей и Брестлитовской уніей, но не для полемиста, и во всякомъ случаѣ не могутъ идти въ сравненіе съ трактатомъ *О образѣхъ*, доселѣ не потерявшимъ своего значенія въ борьбѣ съ протестантами. Что при составленіи и изданіи Кирилловой книги больше всего заботились о томъ, чтобы дать въ ней вполнѣ надежное оружіе для борьбы съ послѣдними, объ этомъ можно судить по предисловію и въ особенности двоестрочію, приложеннымъ къ сборнику [101]). Авторъ

---

[101]) Предисловіе, двоестрочіе и послѣсловіе къ Кирилловой книгѣ (лл. 6—15 и 558—561) написаны, намъ кажется, однимъ лицомъ и обнаруживаютъ въ немъ человѣка, не получившаго систематическаго образованія, но знакомаго съ правилами входившей тогда въ моду теоріи стихосложенія, не лишеннаго познаній въ протестантствѣ и враждебно расположеннаго къ нему. Изъ „Записки о жизни протопопа Ивана Неронова“... (Матер. для истор. раск. т. 1 стр. 155) извѣстно, что патр. Никонъ „Черниговскаго протопопа Михайла проклялъ дерзостно и скуфью съ него снявъ за то, что онъ въ книгѣ Кирилла Іерусалимскаго въ двоестрочи не дѣломъ положилъ, что христіаномъ мученія не будетъ“... Но наказанъ ли былъ Михаилъ Роговъ, какъ авторъ въ собственномъ смыслѣ слова или какъ главный издатель, въ своемъ родѣ цензоръ Кирилловой книги? Предполагаемъ послѣднее и думаемъ на основаніи внутреннихъ признаковъ разсматриваемыхъ статей, что если не составителемъ, то участникомъ въ составленіи послѣднихъ былъ и Насѣка. Помимо содержанія, предисловіе и особенно двоестрочіе въ Кирилловой книгѣ напоминаютъ произведенія Насѣдки своимъ языкомъ. Въ нихъ нѣсколько излюбленныхъ фразъ Насѣдки (напримѣръ: „лютори и кальвини *псы наречены, злiи сосуди, возмутиша всю вселенную*, самосмышленіемъ божественное писаніе *развратиша*, въ нашу православную вѣру

двоестрочія неоднократно даетъ знать читателю, что предлагаемый сборникъ напечатанъ *„для хотящихъ о вѣрѣ прѣтися съ латинами, лютеранами и кальвинистами“*. Нескрываемый интересъ, съ которымъ онъ говоритъ объ этихъ еретикахъ, и необычная настойчивость, съ которою онъ убѣждаетъ своихъ единовѣрцевъ *„вооружаться на люторцевъ и кальвинцовъ“* и заграждать имъ уста предлагаемою книгою, невольно заставляютъ предполагать тѣсную внутреннюю связь между появленіемъ Кирилловой книги въ печати и тѣмъ, что происходило въ то время въ царскихъ хоромахъ и на старомъ Царево-Борисовомъ дворѣ. Трудно допустить, чтобы царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, отдавая приказаніе о составленіи и напечатаніи полемическаго сборника въ то самое время, когда всецѣло самъ занятъ былъ мыслію о томъ, какъ бы залучить въ Москву жениха и здѣсь обратить въ православіе, не преслѣдовалъ своихъ частныхъ, семейныхъ интересовъ, чтобы онъ съ своими ближними совѣтниками опустилъ изъ вида одно изъ средствъ къ достиженію цѣли въ подобныхъ случаяхъ.

Ближайшимъ поводомъ къ изданію Кирилловой книги, по нашему мнѣнію, было дѣло королевича Вальдемара. Отправивши въ концѣ іюля 1643 года Марселиса въ Данію сказать Христіану IV, чтобы онъ не опасался за свободу вѣроисповѣданія своего сына, что послѣднему въ вѣрѣ и законѣ никакой неволи не будетъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ долженъ былъ подумать объ исполненіи своего царскаго слова и заблаговременно приготовиться на тотъ случай, если бы пришлось ему силою слова убѣждать Вальдемара въ превосходствѣ православія надъ лютеранствомъ. 24 августа того же года вслѣдствіе царскаго указа началось печатаніе Кирилловой книги — полемическаго руководства для борьбы съ латинами, лютеранами и кальвинистами, чтобъ *„заградить имъ уста, глаголющія неправду“*. Не безъ основанія также составители Кирилловой книги неоднократно и настойчиво заявляютъ, что она *„государскимъ велѣніемъ и ра-*

не внцаютъ, *широтою божественнаго писанія* просвѣщаетъ“ и т. п.). Мѣсто, въ которомъ авторъ двоестрочія говоритъ, что лютори и кальвины во время поклоновъ *нагибаются*, *отметая свою ногу*, какъ будто прямо взято изъ 21 главы Изложенія на лютеры. Кир. кн. л. 13 ср. Рук. М. Д. А. № 178 л. 129 об·

ченіемъ учинена и напечатана“ [102]). Издатели ни единымъ словомъ не обмолвились о *совѣтѣ или благословеніи* патр. Іосифа, вопреки всегдашнему обычаю московскихъ справщиковъ упоминать объ этомъ въ послѣсловіяхъ издаваемыхъ книгъ [103]). Если они умолчали о патріархѣ и представили напечатаніе книги дѣломъ исключительно одного царя, значитъ, этотъ послѣдній всего болѣе хлопоталъ о полемическомъ сборникѣ и заинтересованъ былъ его появленіемъ. Невозможно объяснить заинтересованность Михаила Ѳеодоровича въ Кирилловой книгѣ лишь однимъ идеальнымъ стремленіемъ царя искоренить ереси и насадить благовѣріе и благочестіе среди своихъ подданныхъ; другое дѣло, если поставить въ связь напечатаніе книги съ преніями о вѣрѣ по дѣлу королевича Вальдемара. Изложеніе преній подтвердитъ это предположеніе; послѣ мы увидимъ, что прежде, чѣмъ спорить съ лютеранами по вопросамъ религіознымъ, осторожное правительство царя Михаила усердно готовится къ преніямъ, отыскиваетъ людей, способныхъ для этого, и

---

102) Кирил. кн. лл. 7, 558, 560—561.

103) Есть основаніе полагать, что патр. Іосифъ не сочувствовалъ сватовству царской дочери за иновѣрнаго принца. Въ концѣ іюля или самомъ началѣ августа 1643 года, въ то самое время, когда Михаилъ Ѳеодоровичъ отправлялъ Марселиса въ Данію для окончательнаго рѣшенія вопроса о бракѣ, патр. Іосифъ хлопоталъ предъ царемъ о напечатаніи своего *Поученія*. „Въ нынѣшнемъ во 151 году августа въ 9 день“, читаемъ въ *записной книгѣ книжнымъ выходомъ и продажѣ* московской типографской библіотеки (№ 36 л. 224), по государеву цареву и вел. кн. Михаила Ѳеодоровича указу, *приказалъ боярин и дворецкой кн. Алексѣй Мих. Львовъ* великому господину святѣйшему патріарху Іосифу Московскому и всея Русіи печатать *поученіе священническое* для раздачи 1200 *книгъ*“. Въ *исполненіе* этого, думаемъ, царскаго указа въ томъ же „151 году августа въ 9 день начаты печатать книги: *Патріаршее поученіе* въ три станы, а въ заводѣ 1200 книгъ, а изъ дѣла тѣ книги вышли нынѣшнего же 151 году августа въ 24 день“. (Тамъ же, книга № 34 л. 70 об.). Въ этомъ *Поученіи*, печатаніемъ котораго почему-то спѣшили, патр. Іосифъ, обращаясь къ *христолюбивымъ княземъ и судіямъ*, рѣшительно высказывается противъ заимствованія какихъ бы то ни было обычаевъ изъ другихъ странъ, *въ общеніи съ послѣдними указываетъ вину всѣхъ золъ своего отечества* (л. 23). Изъ письма кн. С. Ив. Шаховскаго къ царю Михаилу Ѳеодоровичу прямо видно, что *„патріархъ со всѣмъ соборомъ не произволялъ быти браку“* некрещенаго королевича съ благовѣрною царевною; Рукоп. Импер. публ. библ. № 1604 л. 437 об. О письмѣ Шаховскаго скажемъ въ пятой главѣ своего сочиненія.

запасается литературными средствами для борьбы. Что и при самомъ началѣ преній имѣло мѣсто то-же самое явленіе, то-есть, подготовка къ нимъ, въ этомъ отчасти убѣждаетъ насъ слѣдующее обстоятельство. Составителями и издателями Кирилловой книги были: протопопъ *Михаилъ Роговъ*, ключарь *Иванъ Наседка*, старецъ Савватій, *Шестой Мартемьяновъ и Захарій Аѳанасьевъ* [104])—справщики московскаго печатнаго двора почти за все время управленія русскою церковію патр. Іосифа (27 марта 1642—15 апрѣля 1652 г.) [105]).

---

104) Что означенныя лица были собирателями и издателями Кирилловой книги, за это говоритъ то обстоятельство, что имъ, а не кому-либо другому, пожаловано отъ государя по экземпляру новоотпечатанной книги (Рукоп. типогр. библ. № 34 лл. 77, 82 об., сн. показаніе дьякона Ѳеодора). Обыкновенно послѣдняя въ томъ или другомъ количествѣ экземпляровъ подносилась государю, патріарху, иногда членамъ царской семьи; по книгѣ или по двѣ безденежно давали книжнымъ справщикамъ и болѣе никому. Единственное исключеніе, которое намъ извѣстно, составляетъ царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ; напримѣръ, ему поднесено было *Евангеліе престольное*, выходя 7162 г. окт. 25 дня, и *двадцать книгъ Минеи общей*, вышедшей 7162 г. декабря 9 (кн. № 53 лл. 34 об. 81). Да и книжные справщики не всегда получали по экземпляру или по два новоизданной книги; въ томъ случаѣ, когда напечатаніе послѣдней обходилось безъ особенно дѣятельнаго ихъ участія, имъ не давалось. Изъ приходо-расходныхъ книгъ Моск. типогр. библ. не видно, чтобы справщики получили *Поученіе патр. Іосифа* (№ 34 л. 70 об.; сн. № 36 л. 224), *Символъ, рекше исповѣданіе о вѣрѣ*, выхода 7156 г., *Харатоньи* 7157 г., *Азбуки* 7157 г., *Каноны митр. Алексію и Николаю Чудотворцу* 7155 г. (Кн. № 34 лл. 201, 232 об. 239, 312, 329).

105) Говоримъ это на основаніи *приходо-расходныхъ записей* бывшаго Московскаго печатнаго двора, сохраняющихся въ рукописяхъ въ библіотекѣ Московской синодальной типографіи. Матеріалъ для исторіи исправленія книгъ во время патріаршества Іосифа заключается здѣсь въ семнадцати номерахъ приходо-расходныхъ книгъ (№№ 34—50); для рѣшенія вопроса о справщикахъ времени патр. Іосифа имѣютъ особенно важное значеніе №№: 34, 36—38, 40—43, 46, 49—50. Изъ № 34 видно, что 15 ноября 1641 года, т. е. за четыре мѣсяца до вступленія на патріаршій престолъ Іосифа, книжными справщиками состояли: *Черниговскій* (собора черниговскихъ чудотворцевъ въ Москвѣ) *протопопъ Михаилъ Роговъ, ключарь большаго Успенскаго собора Иванъ Наседка, старецъ Савватій Шестой Мартемьяновъ* (=Шестакъ=Шестачко Мартиніановъ; № 37 л. 2 об., № 40 л. 240 об. № 42 л. 333 об. и др.) *Верещагинъ и Захарій Аѳанасьевъ Подосеновъ* (№ 34 л. 32 об.; ср. 31 об. 21, 15 об. 14 об. 9 об.— листы втораго счета; ср. листы 1-го счета: 6, 12, 17 и 18). Всѣ пятеро остаются книжными справщиками при патр. Іосифѣ (№ 34 лл. 44, 53, 58, 62, 66, 82 об.

По изданіи Кирилловой книги, всѣ они, за исключеніемъ старца Савватія, больше года по указу царя принимали самое близкое участіе въ преніяхъ съ лютеранами. Поручая

98, 102—103, 107, 110, 115, 118 об. 123 об.—124, 131 об. 137, 146, 150, 155 об. 160, 165, 176, 180, 185 об. 190, 195, 200, 207, 212 об. 223 об.—224, 228 об. 240, 245 об. 261, 278 об. 283, 291, 306, 316—317, 325, 341 об. 346, 356 об. 251, 331 об. 332, 325, 317 и др. № 36 лл. 103, 110 об. 136, 183, 215 об. № 37 лл. 2 и др. № 42 л. 335 и др. № 43 л. 4—5, № 46 л. 7 об. 93, 174, 238 об. 335, 422, 494 об. 670, № 49 л. 92—93) вплоть до 19 *іюля* 1651 года. Въ концѣ этого мѣсяца или началѣ августа изъ числа ихъ выбываетъ прот. Михаилъ Роговъ; его мѣсто заступаетъ архимандритъ Андроньевскаго монастыря *Сильвестръ* (№ 50 лл. 4 об. 5, 51 об. 123, 211). Не задолго до смерти патр. Іосифа, именно въ мартѣ 1652 года въ числѣ прежнихъ справщиковъ мы видимъ новаго, именно *Захарія Новикова*, бывшаго ранѣе *книжнымъ чтецомъ* (№ 50 л. 591, 685 об. № 43 л. 7). На 161 г. (1652 сент.—1653 авг.), слѣдовательно въ самомъ началѣ патріаршества Никона, государева жалованья въ качествѣ *книжныхъ справщиковъ* получили: *старецъ Іосифъ* (Насѣдка) 50 руб., *архим. Сильвестръ* 30 руб., *старецъ Савватій* 35 руб. *Шестой Мартемьяновъ* 40 руб. 13 алт. 2 деньги, *Захарій Аѳанасьевъ* 50 руб., *Захарій Новиковъ* 40 руб. и *Сила Григорьевъ* 30 руб. (Кн. № 51 л. 2 обор.). Что таковъ именно былъ составъ книжныхъ справщиковъ на Московскомъ печатномъ дворѣ, во время патріаршества Іосифа, въ этомъ не оставляютъ никакого сомнѣнія съ одной стороны дачи государева жалованья въ видѣ одного—двухъ экземпляровъ новоотпечатанной книги книжнымъ справщикамъ, съ другой—собственноручныя росписки послѣднихъ въ полученіи государева *денежнаго* жалованья за годъ или за половину его. Правда, въ расходныхъ книгахъ печатнаго двора мы не видимъ росписокъ *за все время прот. Михаила Рогова и до 22 марта 1649 года ключаря Ивана Насѣдки*—явный знакъ, что они денежнаго жалованья не получали; но это не значитъ, что они не были справщиками. Съ своей стороны мы объясняемъ это явленіе тѣмъ, что оба они, будучи справщиками, проходили другія должности и получали вознагражденіе за отправленіе своихъ непосредственныхъ обязанностей. Въ доказательство ссылаемся на то, что какъ только Иванъ Насѣдка пересталъ быть ключаремъ Успенскаго собора (въ началѣ 1649 г.; см. № 34 лл. 317, 325, 331 об. 332 и др.), такъ сейчасъ же пошло ему, какъ справщику, государево жалованье въ размѣрѣ 50 рублей, и онъ сталъ расписываться въ ихъ полученіи (№ 42 л. 335, 484 об., № 49 л. 92, № 43 л. 4 и др.). Кстати замѣтимъ здѣсь объ о. Иванѣ Насѣдкѣ, что въ серединѣ 1651 г. онъ принялъ монашество съ именемъ *Іосифа* (№ 50 лл. 4 об. 5 л. 51 об. 123 и др.). 28 *ноября* 1652 года вмѣстѣ съ прочими справщиками онъ получилъ *Каноникъ*, а 11 февр. 1653 года мы уже не видимъ старца Іосифа среди справщиковъ (№ 52 лл. 322, 479 об. 546), изъ чего заключаемъ, что въ это время его уже не было въ Московской правильнѣ. Въ разсказахъ изъ исторіи старообрядства по раскольничьимъ рукописямъ" г. С. Максимова, именно въ „Повѣсти душеполезной

упомянутымъ лицамъ приводить королевича въ православную вѣру, царь увѣренъ былъ, что они не ударятъ себя лицемъ въ грязь передъ нѣмцами, не учинятъ порухи великому государеву дѣлу; зналъ ихъ за опытныхъ борцовъ, путемъ составленія полемическаго руководства достаточно подготовленныхъ для предстоявшаго религіознаго спора. Этихъ самыхъ издателей Кирилловой книги и имѣли, надо полагать, прежде всего въ виду царь и патріархъ, когда предлагали Вальдемару *„поговорить о вѣрѣ отъ книгъ съ духовными людьми“*.

ГЛАВА IV.

Письмо Вальдемара отъ 12 февр.; бесѣда съ нимъ царя; письма королевича къ царю отъ 16 и 26 февр. съ отвѣтами на нихъ нашего правительства.— Обращеніе Вальдемара къ помощи Ѳ. И. Шереметева.—Грамота Христіана къ ц. Михаилу.—Разспросныя рѣчи Николая Гольмера.—Elogium hospitale Serenissimo principi Daniae.—Бесѣда бояръ съ датскими послами; письмо послѣднихъ въ посольскій приказъ. — Первое посланіе патр. Іосифа къ Вальдемару; его содержаніе, источники и характеръ. — Отвѣтное письмо Вальдемара, его содержаніе и замѣчанія о характерѣ его. — Анонимное письмо по адресу царя; неудачная попытка жениха бѣжать изъ Москвы и объясненія по этому поводу русскихъ съ датчанами. — Второе посланіе патр. Іосифа къ королевичу и содержаніе его. Кѣмъ и на основаніи чего оно было составлено? Замѣчанія о достоинствахъ и недостаткахъ посланія.—Письмо Вальдемара къ царю и послѣдствіе его.

Изъявивъ готовность чрезъ Францбекова бесѣдовать о вѣрѣ лишь съ царемъ или патріархомъ, Вальдемаръ разрушилъ планы Русскихъ, по мысли которыхъ оглашеніе жениха въ истинахъ православія должны были начать *избранные на то духовные люди*. 12 февр. 1644 г. королевичъ

о житіи и жизни преп. отца нашего Корнилія“ говорится (стр. 13—14 изд. Кожанчикова 1861 г.): „Иванъ Насѣтка и дьякъ Ѳедоръ, книжный справщикъ у патр. Іосифа, были *первыми противниками* Никона. Вскорѣ за тѣмъ, въ 1657 (?) году умеръ патр. Іосифъ и на его мѣсто избранъ былъ Никонъ...“ Сообщеніе г. Максимова о Насѣдкѣ весьма важно, но на него нельзя полагаться. Въ *Разсказахъ* г. Максимова великое множество всякаго рода погрѣшностей, зависѣвшихъ или отъ самого г. Максимова, или отъ тѣхъ раскольничьихъ писателей, на основаніи которыхъ онъ писалъ свои разсказы.

прислалъ письмо, въ которомъ, напомнивъ Русскимъ отвѣтъ, данный два года назадъ въ Копенгагенѣ Проестеву съ Патрикѣевымъ, какъ они заговорили о вѣрѣ, разсказывалъ, очевидно, со словъ Марселиса, подробности посольства Петра въ Данію въ качествѣ свата. „Ѳ. Пв. Шереметевъ, писалъ Вальдемаръ, отпуская Марселиса въ Данію, не только согласился съ послѣднимъ, что не слѣдуетъ говорить съ королемъ Христіаномъ о вѣрѣ, но еще замѣтилъ, что *и царскаго величества мысль такова-же. И не моя вина, что царь не призывалъ тогда къ дѣлу людей, которые нынѣ ему противятца. Еслибы только я зналъ, что кн. А. М. Львовъ ранѣе тому сопротивлялся, я сюда бы не пріѣхалъ*“. Но раскаиваться было поздно; на другой день царь позвалъ къ себѣ Вальдемара и говорилъ ему: „Прислалъ тебя къ намъ отецъ твой, Христіанъ король, и велѣлъ тебѣ, какъ передавали намъ его послы, быть во всемъ въ нашей государской волѣ и послушаньѣи дѣлать то, что намъ угодно, а намъ угодно, чтобъ ты, королевичъ, съ нами вѣрою соединился. *Королевичъ*: Приказанье отца своего я исполнилъ, къ твоему царскому величеству въ присвоеніе пріѣхалъ, радъ быть въ твоей волѣ и готовъ кровь свою за тебя пролить, но соединиться съ вами вѣрою не могу, потому что боюсь нарушить клятву отца моего, а въ нашихъ государствахъ ведется, что мужъ держитъ свою вѣру, жена — другую; если вашему царскому величеству по договору совершить неугодно, отпустите меня назадъ къ отцу. *Царь*: Не принявши православной вѣры греческаго закона, нельзя сочетаться законнымъ бракомъ съ нашей дочерью: у насъ не бываетъ, чтобы мужъ съ женою держалъ разную вѣру. Марселисъ давно живетъ въ московскомъ государствѣ и знаетъ подлинно, что не только въ нашихъ государскихъ чинахъ, но и въ простыхъ людяхъ того не повелось. Отпустить тебя назадъ непригоже, и нечестно, и во всѣхъ окрестныхъ государствахъ будетъ стыдно, если ты уѣдешь отъ насъ, не соверша добраго дѣла; и тебѣ бы, королевичъ, о томъ помыслить и наше прошенье исполнить. Какъ учинишь такое превеликое дѣло, будетъ надъ тобою милость Божія, наша государская любовь и отъ всѣхъ нашихъ подданныхъ честь

и слава. Да и почему ты не хочешь быть въ нашей истинной православной вѣрѣ и про то знаешь ли, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ всѣмъ православнымъ христіанамъ Собою образъ спасенія показалъ и погрузился въ три погруженія? *Королевичъ*: И у насъ въ лютеранской вѣрѣ погруженіе было же, и тому лѣтъ съ тридцать, какъ не стали погружать; я крещенія въ три погруженія не хулю, только нынѣ въ другой разъ креститься мнѣ никакъ нельзя, потому что боюсь клятвы отца своего: надъ кѣмъ бываетъ родительское проклятіе, надъ тѣмъ и Божіе. Да и прежде сего, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, было же, что его государева племянница была за королевичемъ Магнусомъ. *Царь*: Царь Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ такъ, не жалуя и не любя своей племянницы, а я хочу быть съ тобою въ одной вѣрѣ и въ ближнемъ присвоеньѣ, любя тебя, какъ роднаго сына и зятя. Передъ этимъ ты, королевичъ Вальдемаръ, говорилъ Дмитрію Францбекову, чтобы тебѣ о вѣрѣ поговорить и о духовномъ дѣлѣ побесѣдовать? Королевичъ не отвѣтилъ на это и просилъ царя сойтись и поговорить съ нимъ о дѣлѣ въ другое время.

Разсуждать о вѣрѣ не входило въ планы жениха; онъ хотѣлъ достигнуть своего, т. е. свадьбы или отпуска, держась строго брачнаго договора, и съ этою цѣлію въ письмѣ отъ 16 февраля выставлялъ на видъ царю главное условіе, на которомъ послѣдовалъ его пріѣздъ въ Москву. „Ваше царское величество на томъ стоите-ли, что вы присылали къ отцу моему Петра Марселиса, который, по вашему наказу, говорилъ, что мнѣ въ вѣрѣ никакой неволи и помѣшки не будетъ? Мы не думаемъ, чтобъ ваше царское величество, государь повсюду славный и извѣстный, рѣшились по совѣту злыхъ людей сдѣлать что-либо вопреки своему обѣщанію и договору, что̀ приведетъ нашего отца и всѣхъ государей въ великое размышленіе, и вашему царскому величеству недобрая заочная рѣчь отъ того будетъ“. Въ заключеніе письма Вальдемаръ выражалъ надежду, что царь послѣдуетъ своему разуму и не дастъ совратить себя съ пути инымъ людямъ.

На это 22 февр. царь отвѣчалъ: „и нынѣ мы вамъ тоже

объявляемъ, что вамъ, королевичу, никакой неволи нѣтъ, а говоримъ и просимъ, чтобъ вамъ по любви соединиться съ нами въ вѣрѣ; въ разныхъ вѣрахъ вашему браку съ нашей дочерью быть никоимъ образомъ нельзя. Въ нашемъ государевомъ наказѣ Петру Марселису и въ отвѣтномъ письмѣ, посланномъ съ нимъ къ вашему отцу, не написано, чтобы вамъ, королевичу, въ законный бракъ вступить съ нашей дочерью, оставаясь въ своей вѣрѣ; нигдѣ также не написано, чтобъ намъ васъ къ соединенью въ вѣрѣ не призывать. Мы хотимъ начатое дѣло дѣлать такъ, какъ Богу и нашему царскому величеству угодно, и васъ къ тому всякими мѣрами приводимъ и молимъ съ прошеньемъ, чтобы вамъ поискать душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія. Совѣта злоподвижныхъ людей мы не слушаемъ, а его королевскому величеству, другимъ христіанскимъ государямъ и вамъ мимо дѣла и правды говорить не пригоже; про наше царское величество недобрыхъ заочныхъ рѣчей быть не въ чемъ, а ссорѣ бы вамъ впредь ничьей не вѣрить. Намъ, великому государю, никто въ нашемъ царскомъ и ни въ какомъ дѣлѣ не противится и съ пути наше царское величество совратить не можетъ, потому что мы, *великій государь*, самодержавный царь и въ вѣрѣ православной христіанской греческаго закона начало въ Московскомъ государствѣ, *никто съ ссорными и смутными* словами приходить къ намъ не смѣетъ и никакихъ затѣйныхъ рѣчей мы не слушаемъ. Если кто вамъ про то говорилъ, сказывалъ на ссору, не хотя васъ видѣть у насъ въ ближнемъ присвоеніи и сердечной любви".

„*Мы ясно выразумѣли*, писалъ въ отвѣтъ на это 26 февр. Вальдемаръ, „что ваше царское величество не по явнымъ словамъ, какъ водится во всей Европѣ у великихъ государей, поступаете, но единственно по своему толкованію и мысли обо всемъ этомъ дѣлѣ становите. Никогда еще не бывало такого договора, въ которомъ бы его королевскаго величества, отца нашего, всю основную мысль такъ превратили и изложить хотѣли, какъ теперь въ этой странѣ дѣлается. *И вправду сбывается здѣсь надъ нами все то, отъ чего насъ разные сосѣдніе государи и великаго чина люди ранѣе предостерегали*". Заявивъ, что онъ вовсе не намѣренъ дѣлать

чего-либо противнаго приказанію отца и своей совѣсти, королевичъ просилъ отпустить его обратно съ королевскими послами. 3 марта чрезъ Ю. А. Сицкаго царь отвѣчалъ, что онъ „во всемъ велъ себя такъ, какъ принято между великими государями, и король Христіанъ ничѣмъ съ пути не сведенъ, развѣ что статью о вѣрѣ въ датской землѣ переводчики неладно перевели и растолковали, и донесли вамъ и отцу вашему не такъ, какъ написано въ нашемъ отвѣтѣ". Объ отпускѣ королевича и пословъ, выражавшихъ готовность ѣхать безъ Вальдемара, было умолчано. Не надѣясь путемъ договора добиться чего-либо окончательнаго, Вальдемаръ рѣшилъ съ послами, противъ желанія русскихъ, отправить гонцевъ къ Христіану съ вѣстью обо всемъ ходѣ дѣла, а самъ обратился за содѣйствіемъ къ *старшему и тайнѣйшему* боярину Михаила Ѳеодоровича — Ѳ. Ив. Шереметеву. Пригласивъ его къ себѣ 21 марта, королевичъ говорилъ: „вижу, что дѣлу моему не статься; а между тѣмъ мнѣ извѣстно, что отцу моему теперь я надобенъ и могу добрую службу ему оказать. Такъ какъ я знаю, что ты начальнѣйшій боярин въ царствѣ, ближній, справедливый, великій, и потому усердно бью тебѣ челомъ: помоги мнѣ, чтобъ царское величество пословъ и меня отпустить велѣлъ". Шереметевъ, всей душой преданный своему государю, отвѣчалъ: „хорошо было бы тебѣ съ царскимъ величествомъ вѣрою соединиться, а ѣхавъ такую дальнюю дорогу, ѣхать назадъ непригоже". „Тому статься нельзя, возражалъ женихъ, а когда царское величество меня честно отпуститъ, я буду громко его прославлять". Шереметевъ обѣщалъ Вальдемару сообщить объ этомъ царю.

Михаилъ Ѳеодоровичъ не только не думалъ объ отпускѣ Вальдемара, но имѣлъ даже теперь лишній поводъ удержать его при себѣ. Отъ капитана Николая Гольмера, пріѣхавшаго въ Москву 19 марта, царь, и ранѣе зорко слѣдившій за войной Швеціи съ Датчанами по разнымъ *нѣмецкимъ грамоткамъ*, приходившимъ въ Москву изъ Риги, Гамбурга, Бреславля и другихъ западно-европейскихъ городовъ, получилъ вѣсти, сколько благопріятныя для себя, столько же печальныя для гостившаго у него жениха. Въ грамотѣ отъ

10 генв. 1644 г., присланной съ Гольмеромъ, Христіанъ IV извѣщалъ царя о наступательныхъ дѣйствіяхъ Шведовъ и возраставшемъ успѣхѣ ихъ оружія, напоминалъ ему о прежнихъ обѣщаніяхъ и просилъ немедленной помощи противъ общаго опаснаго врага. О графѣ Вальдемарѣ и послахъ, о томъ, чтобъ они нужны были въ Даніи, въ грамотѣ не было и помину. Гольмеръ въ распросѣ сначала въ Вязьмѣ предъ тамошнимъ воеводой кн. О. И. Лыковымъ (16 марта), потомъ въ Москвѣ предъ дьяками Львовымъ и Волошениновымъ (23 марта) разсказалъ, изъ-за чего Шведы напали на Голштинію и Данію, какъ они хвалятся завладѣть цѣлою Европою, возбуждаютъ турокъ и крымскихъ татаръ идти войной на Россію и Литву и печатаютъ въ газетахъ, что русскій государь вошелъ въ союзъ противъ нихъ съ датскимъ и польскимъ королемъ. *„И царскому бы величеству пригоже Шведовъ остерегаться, чтобъ они чего также безвѣстно не учинили“*, закончилъ свои показанія королевскій гонецъ. „У царскаго величества съ Густавомъ Адольфомъ заключено вѣчное докончаніе, отвѣчали дьяки, и царь держитъ его крѣпко и нерушимо. Тебѣ, Николаю, самому вѣдомо, какъ прежде сего въ безгосударное и междуусобное время наступили на Московское государство польско-литовскій король, крымскій царь съ турецкимъ султаномъ да тѣже шведскіе люди, и всесильный Богъ отъ всѣхъ тѣхъ недруговъ оборонилъ, и всѣ люди московскаго государства за себя стали; а какъ вступилъ на царство государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, и онъ всѣ тѣ войны успокоилъ и смирилъ. Ничья гроза и похвальба московскому государству не страшна, а хотѣнье и мысли человѣческія часто не исполняются“.

Свѣдѣнія, полученныя отъ Гольмера о критическомъ положеніи Христіана IV, замѣтно пріободрили правительство ц. Михаила Ѳеодоровича и еще болѣе укрѣпили послѣдняго въ мысли не спѣшить отпускомъ Вальдемара. Царь съ своими совѣтниками не обратилъ даже особеннаго вниманія на Elogium hospitale serenissimo principi Daniae [106]), которымъ при-

[106]) Оно изложено въ стихахъ и напечатано было въ 1643 г. въ Брунсбергѣ въ типографіи Каспара Вейнгертнера, въ два столбца на лѣстѣ большаго фор-

вѣтствовали Вальдемара, при проѣздѣ чрезъ Брунсбергъ (Датск. изв. стр. 6), воспитанники тамошней іезуитской коллегіи. Въ рѣчи своей питомцы братьевъ Іисуса отборною латынью восхваляли доблести будущаго зятя в. кн. московскаго и въ то-же время со свойственнымъ іезуитамъ умѣньемъ выражали надежду, что графъ Вальдемаръ, по исполненіи возложенной на него миссіи, вернется во свояси цѣлъ и невредимъ.

29 марта бояре Одоевскій и Спицкій и дьяки Львовъ и Волошениновъ были въ отвѣтѣ съ датскими послами и рѣшительно объявили имъ, что дѣло промедлилось и впередъ не двигается единственно изъ-за королевичева упрямства, что безъ соединенія въ вѣрѣ съ царемъ никоимъ образомъ не можетъ послѣдовать брака. „Въ нашей вѣрѣ греческаго закона искони не бывало, да и впредь не можетъ быть, чтобы мужъ съ женою держали разныя вѣры; если бы что-либо подобное случилось,—это было бы нарушеніемъ нашей православной вѣры, неизмѣнно пребывающей отъ Самого Спасителя. И вамъ бы посламъ“, уговаривали наши датчанъ, „королевича на то навести, чтобъ онъ великаго государя нашего волю исполнилъ, съ нимъ вѣрой соединился“. „Вѣры своей королевичу никакъ нельзя перемѣнить, да и самъ онъ того не захочетъ, отвѣчали послы; имъ посламъ

мата, украшенномъ виньеткою. 26 марта 1644 г. экземпляръ Elogii hospitalis былъ доставленъ въ стрѣлецкій приказъ пятидесятникомъ Якушкой Герасимовымъ, получившимъ его отъ извощика Ивашки Ѳедорова. Послѣдній разсказывалъ, что нашелъ письмо у себя въ саняхъ послѣ того, какъ отвезъ въ Китай-городъ съ королевичева двора (изъ Кремля) трехъ нѣмцевъ; „а хто у него тотъ листъ въ саняхъ выронилъ или подкинулъ, и онъ того не вѣдаетъ“. Письмо просилъ у Ивашки нѣмецъ съ посольскаго двора, чтобы показать переводчику, но онъ отказалъ ему. Въ стрѣлецкомъ приказѣ не съумѣли перевести письма и послали въ посольскій; „и посольскаго приказу переводчики, смотря листа, сказали, что въ томъ листу *слова печатныя мудрыя, писаны разными языки, а перевесть ихъ по русски не умѣютъ*, а есть переводчикъ въ аптекарскомъ приказѣ“. Послѣдній, полагаемъ, и перевелъ Elogium, но перевелъ такъ несовершенно, что наше правительство мало что могло понять изъ его перевода кромѣ похвалъ по адресу *наияснѣйшаго князя*. Изъ Elogii hospitalis можно усматривать, что іезуиты были заинтересованы дѣломъ королевича, зорко слѣдили за каждымъ шагомъ послѣдняго и непрочь были помочь ему своимъ совѣтомъ.

дѣлать и говорить о томъ отъ короля не наказано, и если имъ хоть одно слово молвить Вальдемару о соединеніи въ вѣрѣ, король велитъ съ нихъ головы снять. Да хотя бы королевичъ съ царемъ вѣрою соединился, то ему не сойдется въ иныхъ мѣрахъ: постахъ, ѣствахъ, питьѣ и платьѣ". *Бояре*: „ни за чѣмъ этимъ не станетъ, только бы королевичъ съ нами вѣрой соединился", а что это дѣло вполнѣ возможное и даже необходимое, въ примѣръ наши указывали на Сигизмунда III, какъ онъ, будучи королемъ въ Швеціи, „держалъ люторскую вѣру, а какъ сдѣлался польскимъ,— такъ сейчасъ же перемѣнилъ на папежскую, въ которой и оставался до конца своей жизни. А нашъ государь проситъ королевича принять истинную христіанскую вѣру, которая, какъ солнце, сіяетъ подъ небомъ и начало всѣмъ вѣрамъ". „Мы и сами, отвѣчали послы, почитаемъ православную вѣру, только спорить о ней намъ не наказано, да и говорить много о вѣрѣ не годится... Теперь мы ясно видимъ, что нашему начальному дѣлу статься никакъ нельзя, королевичъ вѣрѣ своей не измѣнитъ, а больше говорить не о чемъ: такъ царское величество пожаловалъ бы, велѣлъ насъ отпустить назадъ". На другой день послы снова просили отпуска и письменнаго отвѣта на статьи договора, предъявленныя ими боярамъ еще 3 февраля. Отвѣтъ былъ данъ 1 апрѣля [107]), но объ отпускѣ даже не было упомянуто. Въ письмѣ отъ 4 апр. выходившіе изъ терпѣнія послы выражали усердное желаніе исполнить все согласно съ договоромъ Марселиса и съ цѣлію наглядно показать, что свобода вѣры Вальдемара и всей его свиты была главнымъ условіемъ, напоминали русскому правительству исторію сватовства. „Со статей, присланныхъ царемъ съ Петромъ Марселисомъ къ нашему королю, съ нами списокъ есть... Въ нихъ ясно писано, что графу Вальдемару держать свою вѣру *безъ всякой досады, супротивности и помышки*; и нынѣ вамъ, царскаго величества почтеннымъ господамъ, можно разумно

[107]) Содержаніе его, не представляющее чего-либо новаго для насъ, приведено у г. Цвѣтаева; Русск. Вѣстн. т. 172 стр. 778—779.

разсудить: не противно-ли то писанію и явственнымъ словамъ, чтобы королевичъ принялъ греческую вѣру или соединился?.. А его княжеской милости на волю царя мы не отдавали, только по особенной просьбѣ царскаго величества его *въ верхъ* проводили. И можно всякому разумному человѣку разсудить, что всѣ слова, сказанныя нами у царя на посольствѣ, говорены были по той мѣрѣ: буде крестное цѣлованіе совершится, и тогда принять и почитать царю королевскаго сына, какъ роднаго своего сына и зятя. Уговаривать намъ князя, чтобъ онъ вѣру свою перемѣнилъ и вмѣсто нея греческую принялъ, мы не можемъ и не хочемъ, потому что это противно нашей совѣсти и королевскому наказу. Царскому величеству хорошо извѣстно, что князь желаетъ умереть честнымъ государемъ и никогда не захочетъ снова креститься". Послы настойчиво и неоднократно просили себѣ отпуска (апр. 4, 5, 14 и 17); Вальдемаръ письменно жаловался царю, что съ нимъ уже начали обращаться не какъ съ другомъ, но какъ со врагомъ, людей его держатъ на запорѣ [108]), томятъ голодомъ и поносятъ бранными словами. Царь не обращалъ вниманія на частыя просьбы объ отпускѣ и питалъ надежду, что королевичъ скоро или долго соединится съ нимъ въ вѣрѣ. Средства, которыя онъ готовилъ съ своими совѣтниками для обращенія жениха въ православіе и на которыя преимущественно разсчитывалъ, не только не были израсходованы, но и не пущены въ ходъ. Духовные люди, которыхъ ближе всего касалось присоединеніе иновѣрца къ православной церкви, до сихъ поръ еще не выступали съ словомъ наставленія и убѣжденія.

21 апрѣля пришелъ, наконецъ, къ Вальдемару посланный отъ патріарха съ письмомъ [109]) и держалъ такую рѣчь: „Го-

---

108) Въ объясненіе этого слѣдуетъ замѣтить, что 25 марта, наканунѣ отправленія Датчанами гонцовъ къ Христіану IV, русскіе усилили стражу около двора королевича, опасаясь, чтобы послѣдній не выѣхалъ изъ Москвы тайно вмѣстѣ съ первыми.

109) Посланія патр. Іосифа болѣе, чѣмъ другіе памятники занимающей насъ полемики, были распространены между нашими предками XVII и начала XVIII в., составляли ихъ любимое чтеніе и дошли до насъ во множествѣ списковъ. Сколько

сударь королевичъ, Вальдемаръ Христіанусовичъ! послалъ меня къ тебѣ государевъ отецъ и богомолецъ святѣйшій Іосифъ патріархъ, велѣлъ спросить о твоемъ здоровьѣ и извѣстить тебя: слухъ до него дошелъ, что ты, королевичъ, у царскаго величества отпрашивался къ себѣ, а великаго любительнаго дѣла, для чего пріѣхалъ, не хочешь совершить; такъ святѣйшій патр. Іосифъ о томъ къ твоему величеству совѣтное, за своею печатію, письмо прислалъ, чтобъ тебѣ пожаловать вычесть и любительно отвѣтъ учинить".

„Пріими, королевичъ, писалъ въ своемъ посланіи патріархъ, сіе писаніе и прочти и, уразумѣвъ его любительно, не упрямься, послушайся государя Михаила Ѳеодоровича, который хочетъ и ищетъ тебѣ всего добраго теперь и въ будущій вѣкъ; да и отецъ твой, Христіанъ король, отпустилъ тебя жениться на его дочери и быть во всей его волѣ: такъ тебѣ надобно его царскаго величества послушать и соединиться съ нами въ православной христіанской вѣрѣ.

Знаемъ, что вы называетесь христіанами, но не во всемъ вѣру Христову держите прямо и во многихъ статьяхъ отдѣляетесь отъ насъ. Сначала, безъ малаго не пятьсотъ лѣтъ отъ Рождества Христова, римляне и самъ папа были во единой вѣрѣ съ греками; принявши символъ вѣры отъ самихъ апостоловъ, на всѣхъ седьми вселенскихъ соборахъ они одно преданіе, также какъ и многія правила о церков-

---

намъ извѣстно, послѣдніе имѣются въ собраніяхъ рукописей: Моск. Синод. б-ки №№ 279 и 281, Румянц. Муз. № CCVII, Ундольск. № 1327, Общ. истор. и древн. № 13, Хлудова № 110, Царскаго №№ 398 и 447, Барсова № 19, Моск. дух. Акад. № 338, Кіевск. дух. Акад. №№ 119 (о. л. 47) и 120 (муз. № 56), Архангельской дух. семинаріи № 580, Антоніева Сійскаго монаст. №№ 1888 и 1920, Спасо-Ярославскаго м—ря № 796, Флорищевой пустыни № 88 (118) б—ки Моск. главн. архива М. Ин. дѣлъ. Подлинника перваго посланія патр. Іосифа не сохранилось въ нашемъ архивѣ М. Иностр. дѣлъ; въ копенгагенскомъ королевскомъ архивѣ имѣется лишь нѣмецкій переводъ съ него. Мы имѣли подъ руками пять списковъ перваго посланія патр. Іосифа: Моск. Синод. б—ки №№ 279 и 281, Кіевской дух. Акад. №№ 119—120 и Моск. дух. Акад. № 338. Первый изъ нихъ, самый старшій, въ 1665 году былъ пожертвованъ въ Троице-Сергіевъ м -рь Симономъ Азарьинымъ; остальные списки конца XVII и XVIII вв. Существенное отличіе ихъ отъ перваго (№ 279) состоитъ въ томъ, что имъ недостаетъ конца, гдѣ патріархъ беретъ на себя грѣхъ, если королевичъ считаетъ для себя грѣхомъ креститься вторично чрезъ погруженіе.

ныхъ чинахъ, церкви предали, одно крещеніе и одно приношеніе Тѣла и Крови Христовы укрѣпили. Потомъ папа и страны, прилежащія къ Риму: Италія, Ломбардія и Германія, въ исповѣданіи вѣры приложили св. Духу исхожденіе *и отъ Сына*, на божественной службѣ стали дѣйствовать и причащать опрѣснοками, древнее преданіе о поклоненіи св. образамъ отринули и многое другое въ церковныхъ чинахъ крещенія, священства и другихъ таинъ нарушили. Наконецъ въ 1517 году въ вашихъ нѣмецкихъ странахъ явились Мартинъ Лютеръ, Кальвинъ и другіе учители, своимъ ложнымъ ученіемъ смутили царей и королей, много противъ евангелія писали, отвергли соборы, преданіе и посты, и самого римскаго папу съ его каѳолическою вѣрою ни во что поставили. Одна восточная церковь, согласно пророчеству Исаіи (II, 3), до нынѣ ненарушно во всемъ содержитъ вѣру и св. крещеніе въ три погруженія". Сообразуясь съ задачей своего письма, авторъ останавливается на образѣ совершенія таинства крещенія въ православной русской церкви и доказываетъ его правильность. „Мы не обливаемся во св. крещеніи по папежски, а во образъ трехдневной смерти Христовой погружаемся трижды въ водѣ во имя трехъ Ипостасей св. Троицы: Отца, Сына и св. Духа (Римл. VI, 3—4; Матѳ. XXVIII, 19), на каждомъ погруженіи возглашая: *аминь*. Самого Спасителя нашего Іоаннъ Предтеча не обливалъ водою, но погрузилъ во Іорданѣ; также ап. Петръ, когда крестилъ народъ въ Римѣ, велѣлъ ему войти въ рѣку и погрузиться трижды, какъ пишетъ о томъ Климентъ Римскій. Если кто хочетъ подлинно знать о церковныхъ преданіяхъ и чинахъ: крещеніи, поставленіи епископовъ, какъ Самъ Господь поставилъ Іакова епископомъ Іерусалимскимъ, также объ употребленіи въ причащеніи квасnаго хлѣба, какъ засвидѣтельствовалъ ап. Павелъ (1 Кор. 11, 23—25), о томъ у насъ много есть книгъ греческихъ, русскихъ и старыхъ римскихъ учителей, особенно папы Климента и Діонисія Ареопагита.

„И тебѣ бы, государь королевичъ, безъ всякаго спора избрать лучшее, присвоиться къ восточной церкви и принять св. крещеніе въ три погруженія, а о томъ не сомнѣ-

ваться, что ты уже крещенъ: не совершенно вашей вѣры крещеніе, требуетъ истиннаго исполненія, и такимъ образомъ будетъ едино крещеніе во св. соборную и апостольскую церковь, а не второе; и у насъ втораго крещенія, по слову апостола (Еф. IV, 5), нѣтъ, но недостаточное восполняемъ. А буде, государь, ставишь себѣ въ грѣхъ во второй разъ креститься, то я, смиренный патріархъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ принимаю твой грѣхъ на себя. Какъ роднаго любимаго своего сына умоляю тебя, государь: пріими нашу православную вѣру греческаго закона и будь съ нами единомысленъ. И когда сподобишься великаго дара, тогда самъ совершенно познаешь въ сердцѣ своемъ благодать св. Духа, станешь сыномъ свѣта и наслѣдникомъ царства небеснаго".

Трудно сказать: кѣмъ написано первое посланіе патріарха къ королевичу—самимъ Іосифомъ или другимъ какимъ лицомъ [110]). Содержаніе посланія говоритъ лишь о томъ, что авторъ его писалъ подъ впечатлѣніемъ тогдашнихъ кремлевскихъ событій и достаточно былъ начитанъ въ полемическихъ сочиненіяхъ противъ латинянъ и протестантовъ. Ему хорошо извѣстны были не только рѣчи царя и бояръ съ королевичемъ и датскими послами, но и *посланіе митр. Іоанна 2-го* къ антипапѣ Клименту, статья *„о Фрязѣхъ и о прочихъ латинахъ"*, *Изложеніе на лютеры*, *„Епистонія на Римляны"*, древнѣйшая греко-русская полемика по вопросу объ опрѣснокахъ и другія произведенія богословскаго характера [111]). Сравнивая посланіе съ его источниками, нельзя не видѣть, что сочинитель его не рабски, а довольно самостоя-

---

110) Принимая во вниманіе, что второе посланіе патр. Іосифа къ тому же королевичу составлено не имъ самимъ, а другими, думаемъ, что та-же исторія была и съ первымъ. Начало его, предполагаемъ, если не всецѣло написано, то во всякомъ случаѣ исправлено посольскимъ дьякомъ, б. м. Григорьемъ Львовымъ; средина и конецъ составлены лицемъ духовнымъ, предполагаемъ, о. Иваномъ Насѣдкой.

111) Посланіе митр. Іоанна у А. С. Павлова: Критическ. опыты по ист. древн. полемики противъ латинянъ, стрр. 170—171, 180; *Епистолія на Римляны* издана А. Н. Поповымъ: Историко-литерат. обзоръ, стрр. 196, 204, 208—209, 225; Епистоліей нашъ авторъ пользовался вѣроятно въ спискѣ XVII в., какъ она излагалась въ кормчихъ книгахъ того времени (Румянц. № 238, Царск. № 214). Статьей о *Фрязѣхъ* онъ могъ пользоваться по *Соборному Изложе.* 1620 г., Мірск. потребн. 1639 г. л. 423 об.—424; см. Попова Обз., стрр. 58—60; Изложеніе на лютеры по Рук. Моск. дух. Ак. № 178 л. 231.

тельно относился къ послѣднимъ, выбиралъ изъ нихъ лишь то, что прямо отвѣчало его задачѣ. Свободно владѣя перомъ, заимствованное онъ передѣлывалъ по своему, всего чаще сокращалъ и излагалъ въ иномъ порядкѣ, хотя не всегда послѣдовательно; за то тонъ его письма, отъ начала до конца, сдержанно-спокойный, по мѣстамъ даже замѣчательно-кроткій и смиренный. Съ разу чувствуешь, что имѣешь дѣло съ самымъ умѣреннымъ полемистомъ XVII в. и сторонникомъ интересовъ царской семьи. Желая познакомить королевича съ православной вѣрой греческаго закона, нашъ авторъ указываетъ лишь главнѣйшія съ его точки зрѣнія заблужденія католиковъ и лютеранъ, а не вдается въ длинный перечень всѣхъ ихъ отступленій и винъ, какой онъ легко могъ бы составить на основаніи задорныхъ полемическихъ статей, бывшихъ у него подъ рукою. Изъ преданности къ своему царю онъ дважды любовно уговариваетъ жениха креститься въ православіе и охотно беретъ на себя отвѣтственность за это. При всемъ томъ нашъ авторъ—не человѣкоугодникъ, подслуживающійся къ царю, а ревностный сынъ своей церкви. Желая присоединить къ послѣдней королевича, въ письмѣ къ нему онъ не замалчиваетъ и не сглаживаетъ разностей православнаго ученія отъ латинскаго и лютеранскаго, тѣмъ болѣе не поддѣлывается подъ нихъ, а прямодушно заявляетъ, что ученіе, содержимое нѣмецкими землями, *нововымышленное, слабое и легкое*. Самъ онъ глубоко убѣжденъ въ цѣлости и неповрежденности лишь православнаго ученія, въ одной восточной церкви онъ видитъ спасеніе, и отъ этого, надобно думать, въ большинствѣ случаевъ высказываетъ свои положенія, какъ аксіомы, не нуждающіяся въ провѣркѣ и аргументаціи; лишь для таинствъ крещенія, священства и евхаристіи онъ сдѣлалъ исключеніе, представивъ въ защиту ихъ рядомъ съ текстами свящ. Писанія нѣсколько доказательствъ изъ *апокрифической* статьи, чѣмъ обнаружилъ слабость своей исторической критики и далъ лишнее оружіе для борьбы съ собою своему противнику.

Королевичъ Вальдемаръ не замедлилъ отвѣтомъ на весьма небольшое по объему посланіе Іосифа; 23 апрѣля—на второй день по полученіи письма отъ своего переводчика —

съ думнымъ дьякомъ Григорьемъ Львовымъ онъ прислалъ патріарху свою обширную, въ 21-й главѣ, отповѣдь [112]). Подтвердивъ справедливость слуха, дошедшаго до патріарха, Вальдемаръ писалъ Іосифу: „такъ какъ намъ извѣстно, смиренный патріархъ, что у царскаго величества вы много можете сдѣлать, то бьемъ вамъ челомъ: попросите государя, чтобъ онъ отпустилъ меня и пословъ такъ-же честно и дружно, какъ и принялъ. Въ своемъ письмѣ вы вините насъ въ упрямствѣ, но постоянства въ истинной вѣрѣ нельзя называть такъ; въ дѣлѣ, касающемся спасенія души, слѣдуетъ слушаться больше Бога, чѣмъ людей. Изъ того, что вы часто говорите намъ о перемѣнѣ вѣры изъ любви къ царю, мы разумѣемъ, что перемѣна вѣры у васъ считается дѣломъ маловажнымъ, но у насъ такое дѣло чрезвычайно великимъ почитаютъ и людей, перемѣняющихъ вѣру для временныхъ благъ или угожденія людскаго, бездѣльниками и измѣнниками признаютъ. Подумайте: если мы Богу станемъ невѣрны, то какъ же мы можемъ быть вѣрными царю? Мы готовы вести себя предъ царскимъ величествомъ, какъ сынъ предъ отцемъ, и слушаться его во всемъ, что Богу не гнѣвно, нашему отцу не досадно, нашей совѣсти не противно, но никогда не откажемся отъ своей вѣры для того

---

[112]) Это письмо королевича: Antwort auf des Russischen Patriarchen Joseph Religionspuncte, написанное его придворнымъ проповѣдникомъ Матѳеемъ Фельгабером, сохранилось въ подлинникѣ въ нашемъ Моск. А. М. И. Д. (Датск. дѣла 1644 г. № 3); копій съ него имѣются въ *Копенгагенскомъ королевскомъ и Стокгольмскомъ* архивахъ. Отвѣтъ Вальдемара былъ дважды переведенъ на русскій языкъ: въ первый разъ тотчасъ по полученіи отъ Вальдемара, во второй—въ 1732 году *„для пользы читающимъ* изданную преосвященнымъ Стефаномъ Яворскимъ, архіепископомъ Рязанскимъ и Муромскимъ, противо оной (лютеранской) и другихъ ересей книгу: *камень вѣры, да удобьѣ свойство оныхъ познать и во истинѣ утвердиться возмогутъ*“ (Румянц. № 208; Ундольск. № 429; Хлудова № 93; библіотеки Моск. главн. арх. М. И. Д. № 144/211). Позднѣйшій переводъ отвѣтнаго письма королевича много отличается по языку отъ стариннаго. Послѣдній ближе къ подлиннику и во многихъ мѣстахъ темнѣе перваго. Подлинникъ перевода 1644 года, на 112-ти столбцахъ, сохранился въ нашемъ московскомъ архивѣ среди Россійскихъ духовныхъ дѣлъ 1644 (7153 г.), но къ сожалѣнію сильно пострадалъ отъ времени: начало совсѣмъ истлѣло, а въ срединѣ и концѣ многихъ словъ нельзя прочитать. Письмо Вальдемара помимо подлинниковъ мы имѣли еще въ спискахъ: Моск. Акад. № 338, Кіевск. Акад. № 56, Московск. Синод. б—ки №№ 565 и 857. Весьма существенныхъ разностей въ нихъ нѣтъ.

только, чтобы вступить въ бракъ. Хотя намъ отъ отца нашего наказа нѣтъ спорить о духовномъ дѣлѣ, но чтобы вамъ не думать, что мы не знаемъ своей вѣры, мы рѣшились отвѣчать, какъ заведено у людей, на ваше письмо [113]).

Вы пишете, что римляне вмѣстѣ съ другими окрестными народами свою вѣру измѣнили, испортили. За напежанъ — *людей грѣха и чадъ беззаконія* мы не отвѣтчики; до Кальвина, отрицавшаго Тѣло и Кровь Христову во св. причастіи, намъ также дѣла нѣтъ, а до Сервета, не вѣрившаго въ божественность Христа и справедливо сожженнаго за то, и *еще меньше*. Что *касается* Лютера, то онъ гораздо зналъ греческихъ писателей и не безъ великихъ причинъ уличалъ *папу съ его стриженымъ соборомъ за* неправое ученіе о почитаніи иконъ, молитвахъ святыхъ, отпущеніи грѣховъ, *чистилищѣ, безженствѣ священниковъ; и хотя* онъ былъ мужъ по св. библіи, только не въ него мы крещены и желаемъ называться *христіанами, а не лютеранами*. Наша вѣра зачалась не въ нѣмецкихъ земляхъ, мы Христова ученія держимся и больше васъ вправѣ хвалиться, что наша вѣра отъ Сіона. Въ вашемъ ученіи есть много такого, чего апостолы не проповѣдали изъ Іерусалима, что, спустя сотни лѣтъ, установили нѣкоторые соборы и отцы, а мы сполна и неизмѣнно содержимъ евангельскія и апостольскія писанія. Мы знаемъ, что евангеліе вамъ, Русскимъ, возвѣстилъ ап. Андрей, но вы не долго тогда оставались христіанами и снова приняли крещеніе при в. княгинѣ Ольгѣ и в. кн. Владимирѣ отъ грековъ, уклонившихся къ тому времени отъ апостольской вѣры. По словамъ Іеронима, намъ также проповѣдалъ евангеліе ап. Ѳома, но мы не приняли его и оставались язычниками, пока Карлъ В. не крестилъ насъ въ христіанство. Вѣра намъ досталась тогда не самая чистая, да и въ нее римскіе папы день ото дня соблазнъ вводили, доколѣ мы сами не взялись за св. библію и не научились изъ нея старой пророческой и апостольской вѣрѣ. Основаніемъ послѣдней мы почитаемъ одно слово Божіе и

---

113) У Фельгабера изложеніе не отличается послѣдовательностію; при передачѣ содержанія его отвѣта мы будемъ держаться предметнаго порядка и постараемся наблюсти нѣкоторую систему.

вполнѣ увѣрены, что въ нашемъ ученіи нѣтъ ни одной статьи, которая не подтверждалась бы св. библіей. Наравнѣ съ словомъ Божіимъ мы принимаемъ и высоко цѣнимъ символы *апостольскій*, который у насъ даже семилѣтніе знаютъ наизусть, *Аѳанасіевъ* и *Никейскій*. Слушаемся мы и древнихъ церковныхъ учителей: Василія В., Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и др., пока они согласны съ библіей; если же что въ сочиненіяхъ ихъ окажется несогласнымъ съ библіей, того по совѣсти нельзя принять: всякій человѣкъ можетъ погрѣшать, одинъ Богъ безъ грѣха. Пророки предсказывали, движимые Духомъ Святымъ, апостолы и евангелисты видимымъ образомъ получили Его; былъ Духъ Божій и на другихъ св. отцахъ, но не въ той мѣрѣ, въ какой дарованъ былъ апостоламъ. Мы хвалимъ вселенскіе соборы, хорошо знаемъ ихъ постановленія и готовы принимать ихъ, такъ какъ они строго содержали апостольскій символъ и, по свидѣтельству Евагрія, Аѳанасія В., Іоанна Златоустаго и Епифанія Кипрскаго, заимствовали свои мысли и опредѣленія изъ самой библіи и ученія Павлова; но ихъ не должно ставить выше библіи". Пасторъ кратко излагаетъ при этомъ исторію вселенскихъ соборовъ; на третьемъ, говоритъ онъ, прокляли еретиковъ, признававшихъ во Христѣ *„двѣ природы и двѣ персоны"*, на седьмомъ постановили быть образамъ въ церквахъ, *„не для молитвы*, чтобъ молиться имъ, *но для памяти святыхъ"*.

Высказавъ общій взглядъ на католичество, лютеранство и *источники вѣроученія послѣдняго*, Фельгаберъ переходитъ къ болѣе частнымъ вопросамъ догматики. Онъ не останавливается на ученіи о Троичности лицъ въ Богѣ, объ Іисусѣ Христѣ замѣчаетъ, что Онъ воплотился отъ Пресв. Дѣвы и пострадалъ ради нашего спасенія, а о Духѣ св. нарочито говоритъ, что Онъ *„исходитъ отъ Отца*, но чтобъ Онъ исходилъ *и отъ Сына*, въ божественномъ писаніи не написано, и мы этого не принимаемъ". Перемѣшавъ предвѣчное исхожденіе св. Духа отъ Отца съ временнымъ ниспосланіемъ Его отъ Сына, пасторъ замѣчаетъ, что препирательства по этому вопросу Римской церкви съ греческою продолжались цѣлыя столѣтія и примиреніе произошло лишь на Флорентійскомъ соборѣ.

Съ особенною подробностію разсуждаетъ Фельгаберъ въ своемъ письмѣ о таинствѣ крещенія. „Ваше крещеніе, котораго мы не отвергаемъ, во многомъ несогласно съ заповѣдью Христовою (Матѳ. XXVIII, 19). У васъ, смиренный патріархъ, все тѣло въ воду погружаютъ, проще сказать, *втыкютъ*, а Христосъ заповѣдалъ ученикамъ Своимъ идти и крестить не всего человѣка, а только главу одну. Хотя подлиннаго указанія нѣтъ объ этомъ, но греческое слово βαπτίζειν значитъ не только погружать, но и обливать или омывать не всего человѣка, а лишь часть его; въ смыслѣ омовенія рукъ употребляли это слово евангелисты Маркъ (VII, 3—4) и Лука (XI, 38). У васъ, смиренный патріархъ, во имя Отца погружаютъ, потомъ во имя Сына погружаютъ и, наконецъ, во имя св. Духа погружаютъ и каждый разъ произносятъ: *аминь*, а Христосъ сказалъ ученикамъ: *крестите ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа;* слова: *крестить* (погрузить) *и во имя*, Онъ произнесъ однажды, а не три раза, а слова *аминь* Онъ вовсе не употребилъ. Вы трижды въ воду погружаете, потому что Христосъ былъ мертвъ три дня, а всѣ христіане *крещаются въ смерть* Его (Римл. VI, 3). Ваша мысль не согласна съ библіей, въ которой ясно говорится, что Христосъ умеръ вечеромъ въ пятницу, а въ воскресенье рано утромъ воскресъ, пробывъ такимъ образомъ во гробѣ не болѣе тридцати девяти часовъ; и потому вамъ слѣдовало бы погружать въ крещеніи не болѣе полутора разъ. Справедливо вы говорите, что всѣхъ христіанъ крестятъ въ смерть Христову, но ап. Павелъ сказалъ это не для того, чтобы намъ трижды въ воду погружаться, но чтобы умереть для грѣха, какъ самъ онъ ниже поясняетъ. Вы указываете на Предтечу, что онъ, взявши Спасителя за пречистый верхъ главы Его, погрузилъ во Іорданѣ. Ев. Матѳей объ этомъ написалъ только: *„тогда Іоаннъ допускаетъ* (ко крещенію) *Его“*; сами разсудите: возможно ли было одному Іоанну, по вашему обычаю, въ быструю рѣку совать и потомъ изъ нея извлекать совершеннаго возрастомъ человѣка, когда тысячи приходили креститься отъ Него? Изъ евангелія; не видно, чтобы Христосъ и другіе снимали съ себя платье

крестившись, Іисусъ вышелъ изъ воды и сталъ молиться, а не платье надѣвать. Отсюда можно разумѣть, что Предтеча черпалъ воду своею рукой и обливалъ ею крещаемыхъ, какъ потомъ крестилъ ап. Петръ около трехъ тысячъ человѣкъ въ день пятьдесятницы, ап. Филиппъ—евнуха, Ананія—Савла въ Дамаскѣ. Въ оправданіе своего крещенія вы ссылаетесь на разсказъ Климента папы о крещеніи Римлянъ ап. Петромъ, но мы не знаемъ такой книги и будемъ рады, если вы дадите намъ почитать ее. Климентъ написалъ одно посланіе къ Коринѳянамъ на греческомъ языкѣ, но есть нѣсколько латинскихъ подложныхъ книгъ съ его именемъ. Наше крещеніе вы считаете *оскверненіемъ*, а мы увѣрены, что оно одинаково съ вашимъ. Чтобы совершить крещеніе правильно, для этого попъ или въ случаѣ нужды другой вѣрующій христіанинъ долженъ взять воды, погрузить въ нее или облить ею крещаемаго съ произнесеніемъ словъ: *„я крещаю тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа“*. Все это ясно заповѣдалъ Христосъ ученикамъ своимъ, но объ елеѣ, свѣчахъ, хризмѣ, проклятіи діавола и вѣнцахъ Онъ нигдѣ намъ не далъ повелѣнія, и потому такія дѣйствія при крещеніи можно совершать и не совершать. Мы ихъ не хулимъ, но и не приписываемъ имъ отпущенія грѣховъ. Крещеніе, по нашему, есть духовный союзъ человѣка съ Богомъ, въ немъ мы снова раждаемся, очищаемся отъ грѣховъ, становимся чадами Божіими и причастниками вѣчной жизни; сила его не въ водѣ заключается, а въ словахъ Христовыхъ: *„я тебя крещаю во имя Отца и Сына и Св. Духа“* и въ вѣрѣ самого крещаемаго (Марк. XVI, 16). Нѣтъ разности въ томъ, если на однихъ было больше воды, на другихъ меньше; все равно: будетъ ли кто погруженъ въ водѣ, или облитъ ею. Еще въ ветхомъ завѣтѣ Самъ Богъ, говоря чрезъ пророка о новозавѣтномъ крещеніи, называлъ его *окропленіемъ* (Іезек. XXXVI, 25); ветхозавѣтное *обрѣзаніе крайней плоти* (Быт. XVII, 11) было прообразомъ нашего крещенія; ап. Петръ сравниваетъ послѣднее съ *окропленіемъ кровію* (1 Петръ 1, 2), св. Павелъ называетъ крещеніе *банею водною* (Еф. V, 26), а вы сами прекрасно знаете, что, когда парятся, всѣмъ тѣломъ въ

воду не погружаются. Наконецъ, вы утверждаете, что ваше погруженіе съ соборами и древними отцами церкви согласно, но вѣдь и наше обливаніе тоже. Старый греческій отецъ Кипріанъ и за нимъ Августинъ пишутъ, что въ ихъ время одни были погружаемы, другіе обливаемы, что оба крещенія совершенны.

Изъ библіи и отцевъ мы показали вамъ, смиренный патріархъ, что наше крещеніе правильно, и надѣемся, что, какъ разумный человѣкъ, вы не станете принуждать насъ еще разъ креститься въ три погруженія; тѣмъ болѣе мы сами не захотимъ того. Крещеніе, по апостолу (Еф. IV, 5), должно быть одно, какъ единъ Господь или едина вѣра; какъ отъ матери своей мы раждаемся одинъ разъ, такъ и нашему рожденію отъ воды и Духа слѣдуетъ быть однажды; обрѣзаніе у Евреевъ совершалось всего одинъ разъ, и надъ нами крещеніе не должно повторяться. Въ библіи и у отцевъ нельзя найти примѣра, чтобы одинъ и тотъ-же былъ дважды крещенъ; зачѣмъ-же намъ затѣвать такое великое дѣло и всю жизнь потомъ каяться?

Ко св. причащенію мы приготовляемся постомъ и молитвою, чтобъ св. Тѣло и Кровь Христовы принять во спасеніе. Вы правду говорите, что причастіе должно совершать на квасномъ хлѣбѣ, а не опрѣснокахъ; на *уставной* тайной вечери Іисусъ взялъ *хлѣбъ* и, благословивши, преломилъ .. (Мато. VVVI, 26). Теперь не слѣдуетъ ѣсть старой пасхи; но такъ какъ въ библіи не запрещено въ случаѣ нужды вкушать опрѣсноки, то мы отдаемъ на волю каждаго употреблять квасный или прѣсный хлѣбъ, только вино предпочитаемъ не смѣшанное съ водою, согласно словамъ евангелиста (Мато. VVVI, 29; Лук. VVII; 18). Мы согласны также съ вами, что ап. Іакова Самъ Господь рукоположилъ во епископа, но всѣ другіе послѣ того поставлялись людьми. Въ священный чинъ мы избираемъ ученыхъ и честныхъ людей, епископы и попы возлагаютъ на нихъ руки и заповѣдуютъ имъ учить другихъ слову Божію, совершать таинства по Христову повелѣнію и жить по-христіански, чтобы служить примѣромъ для всѣхъ. Духовные люди у насъ носятъ особую смиренную одежду и ведутъ строгую и трезвую

жизнь; если кто изъ нихъ хотя разъ пьянъ напьется, того отъ службы у насъ удаляютъ. Слово Божіе учитъ (1 Тим. III, 2), что попу нужно быть мужемъ одной жены, но мы думаемъ, что ему лучше вовсе удержаться отъ жены, чтобъ заботиться о духовномъ (1 Кор. VII, 32). Монашескихъ уставовъ мы не отрицаемъ, лишь бы только монахи усердно молились, честно жили и старательно учились, чтобъ изъ нихъ можно было взять къ церквамъ и школамъ. Нынѣшніе черницы и черницы все время проводятъ въ праздности и тяжкихъ грѣхахъ, не соблюдаютъ прежнихъ монастырскихъ правилъ, и потому мы беремъ доходы ихъ для содержанія церквей, школъ и бѣдныхъ людей.

Вы сказываете, что мы древнее преданіе о св. иконахъ, какъ и многое другое въ божественной службѣ, оставили; но мы готовы принимать и исполнять всѣ чины, лишь бы они были не противны слову Божію и служили къ благочинію христіанскаго собранія. Жениха и невѣсту мы вѣнчаемъ во имя св. Троицы съ великой честью и молитвами, въ присутствіи всего христіанскаго собранія. На молитвѣ стоимъ съ непокрытыми главами или преклоняемъ колѣна. Св. образа мы не только допускаемъ въ своихъ домахъ и церквахъ, но и воздаемъ имъ честь, ставимъ ихъ, какъ и библейскія книги, на приличныхъ мѣстахъ, по временамъ съ умиленіемъ взираемъ на нихъ и строго воспрещаемъ кощунствовать надъ ними. Самъ Богъ повелѣлъ Моисею сдѣлать двухъ херувимовъ надъ ковчегомъ, мѣднаго змія—въ пустыни (Исх. XXV, 18—19; Числ. XXI, 8), Соломонъ украсилъ храмъ различными образами; но молиться или покланяться иконамъ Іегова запретилъ и назвалъ такую службу идолослуженіемъ (Втор. V, 7—9; Исаіи XLII, 8; Суд. XVII, 3, и др.). Онъ строго наказалъ Евреевъ, когда тѣ поклонились золотому тельцу. Нельзя указать ни одного апостола или пророка, который воздавалъ бы честь Богу чрезъ образъ.—Иконопочитаніе началось не со временъ Христа и учениковъ Его. Первый образъ сдѣлала исцѣленная Христомъ кровоточивая жена и поставила его, по словамъ Евсевія, въ воротахъ Кесаріи; тотъ же историкъ видѣлъ иконы Христа и святыхъ у многихъ благочестивыхъ

людей. Послѣ 380 года, особено когда стали христіане праздновать памяти своихъ мучениковъ, иконами начали украшать храмы; онѣ существовали тогда лишь для напоминанія о святыхъ и ихъ подвигахъ, какъ объясняетъ Златоустъ Григорій Великій и VI вселенскій соборъ, позволивши держать образа въ домахъ и церквахъ, накрѣпко запретили молиться имъ; но на VII соборѣ произвольно, вопреки свящ. Писанію, всѣмъ прежнимъ соборамъ и св. отцамъ, уложили цѣловать иконы и покланяться имъ. Послѣднему вмѣстѣ съ Римлянами послѣдовали и вы, Русскіе, и начали креститься предъ иконами, чая получить отъ нихъ спасеніе. Сами разсудите: чья вѣра старѣе—ваша или наша?

Вы пишете, что Лютеръ посты отвергъ. Согласно съ словомъ Божіимъ (Лук. XXI, 34; Галат. V, 21; Еф. V, 5. 18) постъ мы полагаемъ въ воздержаніи отъ объяденія и пьянства или же въ совершенномъ удаленіи въ дни гнѣва Божія отъ всякой пищи и питья, какъ дѣлала Есоирь съ Іудеями (Есф. IV, 16) и царь Ниневійскій съ своими подданными (Іона III, 5 и др.). По примѣру ихъ и мы постимся; нашъ государь въ знакъ скорби и печали не разъ учреждалъ постъ въ своихъ земляхъ. По смыслу Писанія, постъ долженъ быть отъ вѣры, смирять похоти плотскія, возбуждать покаяніе, вести къ молитвѣ и состоять въ уклоненіи отъ зла и дѣланіи добра; иначе онъ—грѣхъ, мерзость предъ Богомъ и непріятенъ Ему, какъ тщеславное лицемѣріе (Ис. LVIII, 3 и сл.; Лук. XVIII, 12. 14). Не должно полагать различія въ кушаньяхъ: одно ѣсть, а другаго не ѣсть, какъ это во многихъ мѣстахъ теперь дѣлается. Мясо запрещаютъ ѣсть, а больше того лакомыя блюда кушаютъ; масла и молока коснуться не хотятъ, а елея довольно кладутъ. Не оскверняетъ человѣка входящее въ уста, но исходящее изъ устъ (Мато. XV, 11; Кол. II, 16). Въ христіанствѣ не установлено для поста опредѣленныхъ дней, недѣль и мѣсяцевъ, такъ какъ это несогласно съ новозавѣтной свободой (Гал. IV, 10—11). Никому не запрещается этимъ совершенно воздерживаться отъ пищи и питья или жить умѣренно и трезво, напримѣръ, въ дни приготовленія ко св. причащенію, чтобы лучше разсудить о своихъ грѣхахъ и о силѣ страданій Христовыхъ; только

никоимъ образомъ не слѣдуетъ такого поста ставить себѣ въ заслугу или надѣяться путемъ его достигнуть спасенія: оправданіе и спасеніе милосердый даръ Божій. Высказавши свой взглядъ на постъ, Фельгаберъ кратко излагаетъ его исторію. На тридцатомъ году Своей жизни Христосъ не ѣлъ 40 дней и ночей, но потомъ какъ Самъ Онъ не постился, такъ и ученикамъ Своимъ не приказалъ поститься. Спустя двѣсти лѣтъ по Р. Хр., при Иринеѣ, Кипріанѣ и Оригенѣ, христіане хотя не различали мяса отъ рыбы, новоздержно проводили среду, пятокъ и св. четыредесятницу и совсѣмъ не вкушали пищи передъ поновленіемъ. Въ IV в. Василій, Амвросій и Епифаній, а вслѣдъ за ними VI вселенскій соборъ думали уже постомъ достигнуть спасенія. Теперь можно вамъ знать, какъ постъ измѣнялся и исподоволь прибавлялся. Мы держимся Христа, апостоловъ и древнихъ отцевъ и въ соединеніи съ вами быть не хотимъ.

Изъ всего сказаннаго вамъ можно видѣть, что вѣра наша вся сполна основана на словѣ Божіемъ; отказаться отъ нея значитъ поступить вопреки совѣсти и ясному указанію божественнаго писанія. Вы, смиренный патріархъ, со всѣмъ священнымъ соборомъ берете на себя грѣхъ, если мы видимъ его въ присоединеніи къ вашей вѣрѣ чрезъ крещеніе; отвѣчаемъ на это: всякій самъ несетъ свои грѣхи. Если вы убѣждены, что по своему смиренію и святительству можете взять на себя чужіе грѣхи, то сдѣлайте милость, возьмите на себя грѣхъ царевны Ирины Михайловны и позвольте ей вступить съ нами въ бракъ. Мы хорошо знаемъ, что послѣдній возможенъ между лицами разныхъ вѣръ: „святится мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ“ (1 Кор. VII, 14; ср. I Петр. III, 1—2). Въ ветхомъ завѣтѣ самъ Богъ позволилъ вѣрнымъ вступать въ законъ съ невѣрными (Быт. XXXVIII, 2; XLI, 45; Втор. XXI, 11 и сл.): тѣмъ скорѣе могутъ быть браки между тѣми, которые въ вѣрѣ сходятся. И нашъ любительный отецъ, говоритъ пасторъ отъ лица Вальдемара, не послалъ бы насъ къ царю, если бы изъ библіи подлинно не зналъ, что двумъ персонамъ разныхъ вѣръ весьма возможно въ законный бракъ вступить.

Въ виду втораго посланія патр. Іосифа, въ которомъ подробно разсматриваются и опровергаются лютеранскія положенія изложеннаго нами письма королевича, считаемъ излишнимъ входить въ детальную оцѣнку послѣдняго и ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями касательно характера и автора данной отповѣди. Сопоставивъ послѣднюю съ первымъ посланіемъ патр. Іосифа, весьма легко замѣтить, что авторъ ея ни одной строки въ послѣднемъ не оставилъ безъ вниманія и отвѣта, хотя съ другой стороны не пошелъ дальше патріаршаго посланія, не только не исчерпывавшаго, но и не затрогивавшаго основныхъ положеній лютеранскаго ученія. Пообѣщавшись въ самомъ началѣ своего письма выяснить основанія и сущность своей вѣры и опредѣлить особенности лютеранства отъ православія, Фельгаберъ лишь на половину исполнилъ свое слово; въ его богословскомъ трактатѣ выдвинута и раскрыта несравненно больше внѣшняя сторона протестантской догмы, чѣмъ внутренняя, формальный принципъ протестантства, говоря языкомъ новѣйшихъ протестантскихъ богослововъ, но не матеріальный. Ученіе о словѣ Божіемъ, заключенномъ въ св. Писаніи, какъ единственномъ источникѣ вѣроученія, ясно и неоднократно выраженное, красной полосой проходитъ чрезъ все письмо и составляетъ основной догматъ всего вѣроученія въ глазахъ Фельгабера. Отстаиваетъ-ли послѣдній справедливость своихъ лютеранскихъ вѣрованій и учрежденій, опровергаетъ-ли мнѣнія своихъ противниковъ, онъ прежде всего обращается къ библіи и въ ней ищетъ подтвержденія или отрицанія, вслѣдствіе чего весь трактатъ его переполненъ библейскими цитатами. Наоборотъ ученіе объ оправданіи вѣрою, дѣйствительный исходный пунктъ лютеранства, не только не раскрыто, но совершенно оставлено въ тѣни; авторъ письма три-четыре раза, и то лишь мимоходомъ, говоря о совершеніи крещенія и постахъ, замѣчаетъ о вѣрѣ, спасающей человѣка, и совершенно умалчиваетъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя вытекали отсюда въ отношеніи къ ученію о церкви, таинствахъ и христіанскомъ подвижничествѣ. Объясненія этому обстоятельству, придающему письму Вальдемара односторонній и даже тен-

денціозный характеръ, слѣдуетъ искать прежде всего въ состояніи протестантскаго богословія во второй четверти XVII в. На ученіе объ оправданіи вѣрою, какъ на основной, исходный догматъ лютеранства, весьма недавно стали настойчиво указывать католики и протестанты,—столѣтіемъ позднѣе нашихъ преній о вѣрѣ; во время послѣднихъ лютеранскіе богословы несправедливо признавали исходнымъ началомъ своего вѣроисповѣданія свое ученіе о свящ. Писаніи, какъ нормѣ вѣры. Нашъ авторъ не составлялъ исключенія и въ своемъ разсужденіи неуклонно слѣдовалъ современной ему протестантской догматикѣ [114]). Не слѣдуетъ упускать также изъ вниманія обстоятельствъ, среди которыхъ находился авторъ разсматриваемаго письма. Онъ писалъ отвѣтъ патріарху съ цѣлію показать, что крестить во второй разъ Вальдемара не слѣдуетъ; прямой интересъ при этомъ заставлялъ его возможно рѣзче поставить на видъ Русскимъ ту сторону лютеранства, которою оно нѣсколько соприкасалось съ православіемъ. Разсужденія о вѣрѣ въ посланіи патріарха, за исключеніемъ простаго упоминанія о Filioque, соборахъ и преданіи, были чисто церковно-обрядоваго характера, въ немъ съ особеннымъ интересомъ и подробностію говорилось о внѣшнихъ дѣйствіяхъ таинства

---

114) Трудно сказать, какими сочиненіями пользовался Фельгаберъ при написаніи своего трактата; что у него было не мало книгъ, это видно изъ того, что передъ отъѣздомъ Вальдемара изъ Москвы въ 1645 г. Московскій пасторъ Иванъ Ивановъ увезъ со двора королевича цѣлый сундукъ съ *нѣмецкими* книгами, при чемъ заявилъ русскимъ, что онъ давалъ ихъ *королевичеву попу* и нѣмцамъ на подержаніе (Датск. дѣла 1645 г. св. 24). Были вѣроятно у пастора и свои книги. Въ отвѣтномъ письмѣ его патр. Іосифу встрѣчаются ссылки на сочиненія: Иринея, Кипріана, Оригена, Евсевія, Златоуста, Аѳанасія В., Епифанія Кипрскаго, Іеронима, Созомена, Евагрія, Никифора Каллиста и др. Мы не думаемъ впрочемъ, чтобы пасторъ заимствовалъ цитаты прямо изъ названныхъ историковъ и отцевъ церкви, такъ какъ въ его распоряженіи было времени менѣе сутокъ. Всего вѣроятнѣе, что у него подъ руками находилось какое-либо протестантское богословское сочиненіе, изъ котораго онъ могъ брать щедрою рукою; особенно, намъ кажется, это можно утверждать про главы объ иконопочитаніи и постахъ (8 и 11), испещренныя святоотеческими свидѣтельствами. Въ 18 главѣ помѣщена покаянная молитва изъ лютеранскаго обрядника (Rituale).

крещенія, опрѣснокахъ, постахъ и иконахъ. Авторъ письма королевича, быть можетъ, до поѣздки своей въ Москву имѣвшій нѣкоторыя свѣдѣнія о характерѣ религіозной жизни русскихъ, безъ особеннаго труда, подъ впечатлѣніями живой дѣйствительности, могъ отмѣтить указанную черту патріаршаго посланія. Примѣняясь къ послѣднему и вообще къ показной набожности русскихъ людей половины XVII в., онъ дѣйствительно съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ можно было ожидать отъ лютеранина, останавливается на религіозной обрядности протестантства и замѣтно старается сблизить ее съ богослужебными формами православной церкви. Разсуждая о таинствахъ, онъ нигдѣ не высказываетъ своего взгляда на нихъ, ни однажды не заявляетъ, что протестанты отвергаютъ дѣйствительность пресуществленія хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христовы въ евхаристіи, что покаянія, муропомазанія, священства, брака и елеосвященія они совсѣмъ не признаютъ таинствами, а говоритъ лишь о благоговѣйномъ и благочинномъ совершеніи всѣхъ этихъ священнодѣйствій у протестантовъ. Трактуя подробно объ иконопочитаніи, постахъ и монашествѣ, нашъ авторъ пытается увѣрить, что все это существуетъ въ лютеранствѣ, охотно принимается и допускается имъ, и совершенно умалчиваетъ о томъ, что все это не только плохо мирится съ кореннымъ догматомъ лютеранства, но и въ существѣ дѣла отрицается имъ. Желаніе автора сгладить особенности протестантства отъ православія по мѣстамъ переходитъ у него въ прямую уступку послѣднему. Вмѣстѣ съ Русскими онъ готовъ, напримѣръ, признать незаконность прибавленія въ символѣ вѣры Filioque и, наоборотъ, законность монашескаго института, въ своемъ длинномъ трактатѣ онъ гораздо чаще заявляетъ о своемъ согласіи съ Русскими по тому или другому вѣроисповѣдному пункту, чѣмъ противорѣчитъ имъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ льститъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, возводя его родъ къ славному дому византійскихъ императоровъ, въ нѣсколькихъ другихъ, къ удовольствію русскихъ, называетъ римскаго папу антихристомъ (2 Солун. II, 4), а всѣхъ папежанъ чадами грѣха и погибели. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ нашъ авторъ какъ бы забывается, довольно сильно даетъ чувствовать

противной сторонѣ свое превосходство въ образовательномъ отношеніи и тонко намекаетъ на нетрезвость русскихъ поповъ, темныя стороны русскаго пощенія и пристрастіе русскихъ людей къ банямъ; въ концѣ письма онъ даже явно смѣется надъ простодушною готовностью патр. Іосифа взять на себя отвѣтственность за грѣхъ королевича, если тотъ считаетъ для себя грѣхомъ креститься вторично въ три погруженія. Эта невыдержанность въ тонѣ письма, свидѣтельствующая о невоспитанности характера его автора, нимало не мѣшаетъ намъ видѣть въ послѣднемъ человѣка, который хорошо знакомъ былъ съ протестантствомъ, съумѣлъ до нѣкоторой степени войти въ религіозныя понятія русскихъ людей и примѣнительно къ нимъ начать диспутъ о вѣрѣ. Въ виду всего сказаннаго, понятно, мы далеки отъ мысли считать авторомъ разсматриваемаго письма самого королевича Вальдемара—двадцатилѣтняго жениха, думавшаго вовсе не о богословскихъ преніяхъ, а о томъ, какъ бы пріятнѣе провести время и затѣмъ поскорѣе выбраться изъ Москвы, въ которую пріѣхалъ лишь по настоянію отца. Отвѣтъ на посланіе патріарха несомнѣнно написанъ придворнымъ проповѣдникомъ Вальдемара Матѳеемъ Андреевымъ Фельгаберомъ, „подданственнымъ слугою въ словѣ“, какъ самъ онъ подписался на донесеніи графу Вальдемару отъ 4 іюня 1644 г. о своемъ спорѣ съ русскими и греками. За это говоритъ прежде всего поразительное сходство посланія королевича съ названнымъ отчетомъ пастора со стороны ихъ содержанія, языка, литературныхъ и полемическихъ пріемовъ. Православные богословы, участвовавшіе въ преніяхъ съ датчанами, а вмѣстѣ съ ними и наше правительство, не считали самого Вальдемара въ числѣ своихъ оппонентовъ и все время имѣли въ виду его придворнаго проповѣдника, который былъ, по ихъ мнѣнію, самымъ опаснымъ борцомъ, поддерживавшимъ упрямство въ королевичѣ. О. Иванъ Насѣдка, которому больше всѣхъ пришлось имѣть дѣло съ „отповѣдью“ королевича, въ преніи 4 іюля 1645 года, прямо заявилъ Фельгаберу, что „онъ — Матвѣй прислалъ письмо

святѣйшему патр. Іоспфу", и пасторъ не сталъ оспаривать справедливости этихъ словъ [115]).

Отвѣтивши на посланіе патріарха, датчане на бѣду себѣ сами затягивали дѣло Вальдемара; письмо послѣдняго, послужившее завязкой горячихъ преній, не могло, конечно, рѣшить окончательно вопроса, т. е., заставить Русскихъ согласиться на бракъ безъ перекрещиванія или же прекратить богословскій споръ въ самомъ его началѣ и отпустить жениха обратно въ Данію. Судя по слѣдовавшимъ за тѣмъ событіямъ, самъ королевичъ, а тѣмъ болѣе датскіе послы, несочувственно все время относившіеся къ религіознымъ преніямъ, не возлагали особенныхъ надеждъ на ученый трактатъ Фельгабера и разсчитывали добиться отпуска инымъ путемъ.

2 мая 1644 г. княземъ А. М. Львовымъ, стоявшимъ, по словамъ Вальдемара, во главѣ партіи, противившейся царю въ брачномъ дѣлѣ, въ посольскій приказъ было прислано затѣйное, письмо съ надписью на конвертѣ: „подать государю въ верху". Неизвѣстный по имени нѣмецъ писалъ въ немъ царю: „Государь и вел. кн. Михаилъ Ѳеодоровичъ! пріѣхалъ въ твое московское царство воистину не королевичъ, пріѣхалъ на обманъ, хочется ему обмануть тебя и не креститься. Самъ онъ говорилъ: какъ возьму-де за себя московскаго царя дочь, тогда по неволѣ и въ мою станетъ вѣровать вѣру, будетъ терпѣть великую нужду, а я чаще стану ѣздить гулять; хочется мнѣ также уѣхать тайкомъ, изъ московскаго государства, пріѣхалъ по молодому своему разуму, мнѣ на Москвѣ не жить, какъ меня

---

[115]) По словамъ Адама Селлія, „*Матвей Фельгаберъ*, датскаго графа Вальдемара придворный проповѣдникъ, *мужъ весьма свѣдущій въ греческомъ и еврейскомъ языкахъ*, въ 1644 и 45 годахъ бывшій въ Россіи, *написалъ* Antwort auf des Russischen Patriarchen Josephi Religions—Puncte..., который и находится въ рукописи"; Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt, p. 36. 1735 г., см. *Каталогъ писателей*, стр. 25. Москва 1815 г. Мнѣніе Селлія, знаменитаго ученаго своего времени, заслуживаетъ, на нашъ взглядъ, особеннаго вниманія: онъ былъ родомъ *Тондеро-Цимбро-Датчанинъ*, слѣдовательно, соотечественникъ Фельгабера, сравнительно съ нами, близко стоялъ ко времени описываемыхъ событій и потому лучше насъ могъ знать ихъ.

ни утѣшай“ [116]). Входить въ разслѣдованіе вопроса: былъ-ли Вальдемаръ королевичемъ или въ сущности только графомъ было уже поздно; царь повидимому не обратилъ даже вниманія на слухъ о бѣгствѣ жениха, не замедлившій исполниться. Письмомъ отъ 6 мая послы настойчиво требовали себѣ и Вальдемару отпуска и назначили день, въ который имъ быть у царской руки на прощаньѣ; королевичъ заявлялъ, что, если просьбы не уважатъ, онъ уѣдетъ на своихъ. Чрезъ приставовъ Пушкина и Углева 8 мая русскіе отвѣчали, что указывать срокъ и вообще такъ писать полномочнымъ посламъ къ великимъ государямъ непригоже и не годится; что же касается королевича, котораго они сами, по королевскому приказу, отдали на всю царскую волю, то отпуска ему съ ними не будетъ, а какъ время придетъ, государь велитъ отпустить къ королю Христіану пословъ его однихъ [117]). „А что станете дѣлать мимо нашего государского велѣнья своимъ упрямствомъ, оканчивался отвѣтъ, и какое вамъ въ томъ безчестье или дурно сдѣлается, тѣ вамъ и вашимъ людямъ будетъ отъ себя, а безъ отпуска послы не ѣздятъ“. Послы просили отпустить ихъ поскорѣе на Смоленскъ.

Узнавши о такомъ намѣреніи царя, Вальдемаръ рѣшился самъ другъ бѣжать изъ Москвы. Оставивши нѣсколько писемъ на имя царя, Сицкаго, Стрѣшнева, датскихъ пословъ, Петра Марселиса и главнаго своего чашника,—въ которыхъ однихъ иронически благодарилъ за вниманіе къ себѣ, другихъ извѣщалъ о своемъ побѣгѣ,—королевичъ 9 мая, въ третьемъ часу ночи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ пѣшихъ и конныхъ, направился къ Тверскимъ воротамъ. Осиливши ближайшій къ своему двору караулъ и

---

116) Въ концѣ письма замѣчено: „*Писалъ нѣмчинъ словеса розныхъ языковъ*“ и затѣмъ слѣдуетъ помѣта дьяка: „*принесть ко царю*“.

117) Мысль отпустить однихъ пословъ безъ королевича подана была русскому правительству самими послами. Еще въ письмѣ отъ 6 марта они писали:.. „Мы хотимъ съ Божіею помощію ѣхать одни съ нашими посольскими дворяны и людьми, потому что невозможно съ столькими людьми ѣхать, и *намъ до графа Вальдемара персоны дѣла нѣтъ*, развѣ намъ о томъ особый приказъ отъ его королевскаго величества будетъ“; Датск. дѣла 1644 г., № 2, св. 18.

многихъ изъ стрѣльцовъ перераненши, датчане добрались до Тверскихъ воротъ, откуда принуждены были вернуться назадъ. Одинъ изъ нѣмцевъ взятъ былъ въ плѣнъ, но когда караульные привели его въ Кремль и поравнялись съ соборомъ Николы Гостунскаго, то съ королевичева двора прибѣжали пѣшіе нѣмцы и начали колоть стрѣльцовъ шпагами, одного убили до смерти, шесть человѣкъ изранили и товарища у нихъ отняли. На утро кн. Сицкій и дьякъ Львовъ потребовали отъ королевича разыскать „кто изъ датчанъ произвелъ такое буйство, и убійцу казнить смертію, чтобы другимъ, смотря на то, было не повадно царскихъ людей напрасно убивать; если королевичевы люди и впредь такъ будутъ вести себя, русскіе терпѣть больше не станутъ“. Оправдываясь, что все произошло безъ его вѣдома, Вальдемаръ обѣщалъ разслѣдовать дѣло. 11 числа Марселисъ отъ чашника королевичева узналъ, кто именно и зачѣмъ былъ у Тверскихъ воротъ, и обо-всемъ донесъ царю; [118]) сообщеніе Петра пополнилъ и подтвердилъ князь Л. А. Шляковъ-Чешскій [119]), извѣщавшій между прочимъ о послахъ, что они сильно кручинятся и рады бы безъ королевича уѣхать изъ Москвы. Запираться королевичу послѣ этого было невозможно, и онъ 12 мая объявилъ боярину Сицкому, что хотѣлъ уѣхать и убилъ стрѣльца самъ. Глубоко огорченный поступкомъ Вальдемара, царь велѣлъ сказать посламъ, что и простымъ людямъ такъ дѣлать не годится и королю Христіану такое дѣло не честно, а ему царю слышать про это стыдно. Послы отвѣчали, что у нихъ съ Вальдемаромъ было условлено выѣхать изъ Москвы всѣмъ

---

118) Документъ, заключающій въ себѣ разсказъ Марселиса о бѣгствѣ королевича, довольно подробно приведенъ у Соловьева, И. Р. т. IX стрр. 334—336, см. Датск. дѣла 1644 г. № 4.

119) См. объ этой загадочной личности у г. Дм. Цвѣтаева: Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, стрр. 355—370. По словамъ Олеарія (перев. стр. 317), кн. Л. А. Шляковъ, по пріѣздѣ изъ Даніи въ Москву, „такъ держалъ себя здѣсь, что *нѣкоторые полагали, будто онъ имѣлъ виды на вел. княжну Ирину Михайловну*“, но разузнавъ, что царевну уже сватаютъ за иноземнаго принца, „помирился и на томъ, что ему дали въ жены дочь богатаго и знатнаго боярина“.

вмѣстѣ явно днемъ; если же королевичъ поѣхалъ одинъ тайкомъ ночью, то они не виноваты, не отъ нихъ все случилось, а отъ напраснаго задержанья.

Въ письмѣ отъ 12 мая Вальдемаръ писалъ царю: „мы неразъ чрезъ Ю. А. Сицкаго и канцлера Львова просили себѣ отпуска у вашего царскаго величества, и вы обѣщались, по прошествіи поста и великаго дня, съ нами обо всемъ переговорить, но вмѣсто отвѣта вашъ патріархъ прислалъ намъ извѣтное и встрѣчное письмо о вѣрѣ съ цѣлію отвлечь насъ отъ главнаго дѣла и подольше задержать напрасными спорами. Мы легко все это могли сметить и отвѣтили лишь въ угодность вашему царскому величеству; съ патріархомъ спорить здѣсь не хотѣли и впредь отъ него на нашъ краткій и простой отвѣтъ ничего не желаемъ“. Королевичъ просилъ отпуска, увѣрялъ, что никогда не измѣнитъ своей вѣрѣ, а слѣдовательно и жить на Москвѣ ему незачѣмъ. Іосифъ, патр. Московскій, отвѣчалъ Вальдемару дьякъ Львовъ, пришедшій къ нему 15 мая съ строгимъ выговоромъ отъ царя, послалъ вамъ письмо о вѣрѣ по указу великаго государя, чтобы вамъ, королевичу, узнать нашу православную вѣру греческаго закона и къ ней приступить. Въ письмѣ своемъ къ святѣйшему патріарху, объявляя изъ св. библіи о вѣрѣ своей, на чемъ она основана, вы, королевичъ Вальдемаръ, приказывали: если васъ уличатъ въ вѣрѣ изъ св. Писанія, то вы станете слушать и принимать. Іосифъ патріархъ пришлетъ письменный отвѣтъ на ваше письмо, и вамъ бы, королевичу, его принять, выразумѣть и учинить во всемъ такъ, какъ будетъ написано, а прежнее свое несходство оставить... Неволи вамъ никогда не бывало, и потѣхами, какія вамъ годны, царь позволялъ тѣшиться и гулять васъ, королевича, отпускали. „Что патріархъ хочетъ скоро отвѣтъ прислать на наше письмо, писалъ королевичъ на другой день царю, то мы считаемъ совершенно негоднымъ, такъ какъ отъ своей мысли мы не откажемся и вопреки совѣсти поступать ни въ чемъ не будемъ“. Дурное поведеніе датчанъ за послѣднее время, буйство Вальдемара и его рѣзкіе непригожіе отвѣты царю и боярамъ невольно про-

буждали въ русскихъ людяхъ старыя непріязненныя чувства къ иноземцамъ [120]) и производили тяжелое впечатлѣніе на самого Михаила Ѳеодоровича; одно время онъ готовъ былъ даже разстаться съ королевичемъ.

19 мая наши бояре позвали къ отвѣту датскихъ пословъ на государевъ дворъ и здѣсь отъ имени царя потребовали, чтобы вмѣстѣ съ королевичемъ они дали письмо за своими руками и печатями и поцѣловали крестъ, что дѣло о бракѣ королевича съ обѣихъ сторонъ „полагается на судъ Божій“, и чтобы впредь царю съ королемъ быть въ крѣпкой дружбѣ, любви и въ вѣчной ссылкѣ, послѣ чего королевичъ и они, послы, будутъ тотчасъ отпущены въ Данію [121]); вѣчному же докончанью быть по договору царя Ивана Васильевича съ королемъ Фридрихомъ. На такое уступчивое и миролюбивое предложеніе съ нашей стороны послы, какъ видно, не желавшіе возвращенія королевича въ Данію, заносчиво отвѣчали: „если главное дѣло, законный бракъ, стало, то имъ помимо государя своего наказу дѣлать ничего не смѣть,

---

120) Важно и въ высшей степени характерно въ данномъ случаѣ показаніе Петра Марселиса, данное имъ въ посольскомъ приказѣ вечеромъ 14 мая 1644 г. „Говорилъ-де ему (Петру) королевичъ Вальдемаръ (со словъ своего золотыхъ дѣлъ мастера): посылалъ-де къ Свейскому агенту боярин Ѳ. Ив. Шереметевъ, чтобъ ему, агенту, съ двора не съѣзжать и людемъ бы своимъ съ двора сходить не велѣлъ для того, *какъ-де учнутъ въ большой колоколъ въ набатъ бить, и въ то время будетъ большое смятенье надъ нѣмцы, сойдутся мірскіе люди многіе и учнутъ надъ нѣмцы великую бѣду и кровопролитье.* И королевичъ-де отъ того учалъ быть гораздо сумнителенъ, и про то-бъ сыскать; и онъ-де Петръ говорилъ, что то дѣло не статочное, отнюдь того не будетъ, сказывалъ то агентовъ писарь или иной кто на ссору“ (Датск. дѣла 1644 г., № 4, св. 20). Хотя поименованныя здѣсь лица отказались на допросѣ отъ своихъ словъ, тѣмъ не менѣе разсказъ Марселиса не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что общественное настроеніе было враждебное по отношенію къ датчанамъ, что послѣдніе побаивались взрыва народнаго негодованія.

121) Что эти слова князей Одоевскаго и Сицкаго не были однимъ обѣщаніемъ, это видно изъ дошедшей до насъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича къ королю Христіану (Датск. д. 1644 г., № 2, въ концѣ 18 св.), въ которой объ отпускѣ Вальдемара и пословъ говорится какъ о фактѣ совершившемся (...„*положили то дѣло на волю Божію и сына вашего и пословъ отпустили*“). За несговорчивостью пословъ отпуска не послѣдовало, и царская грамота не была отправлена.

хотя бы еще десять лѣтъ на Москвѣ жить. Они не могутъ даже закрѣпить, чтобы нынѣшнее дѣло обоюдно оставить, впредь не всчинать, и не мыслить, и не дѣлать ничего дурнаго“ [122]). Послы и королевичъ требовали отпуска, но вмѣсто того, къ крайнему своему неудовольствію, 23 мая чрезъ думнаго дьяка Григорья Львова послѣдній получилъ обширное посланіе патр. Іосифа. [123])

„Изволило твое благородіе прислать на мое малое къ тебѣ писаніе отвѣтъ“, писалъ патріархъ королевичу послѣ обычнаго привѣтствія, „и въ немъ прежде всего помянуть о пришествіи своемъ по письму государя нашего къ его королевскому величеству. О томъ вѣдаетъ его царское величество и ваше благородіе; моему же смиренію слѣдуетъ привесть тебя къ восточной церкви греческаго закона. Обязанность моя заботиться не о твоемъ только спасеніи, но и о всемъ мірѣ (Іоанн. X, 16); ради этого я хочу еще немного побесѣдовать о томъ, въ чемъ у насъ рознь и несогласіе съ вами, и желаю быть тебѣ съ нами и царскимъ величествомъ въ единомъ стадѣ о Христѣ.

Вы истинно исповѣдуете воплощеніе Сына Божія, исхожденіе Св. Духа отъ Единаго Отца и символъ апостольскій; но во многихъ другихъ статьяхъ: крещеніи, причащеніи, поставленіи епископовъ и поповъ, постахъ, ваша вѣра несовершенна и превратна Вы сами сознаетесь, что не приняли ученія ап. Ѳомы и только при королѣ Карлѣ обратились въ христіанство; потому ваша вѣра не отъ апостоловъ и Сіона, а изъ Рима. Вы говорите, что вамъ дѣла нѣтъ до

---

122) См. подробнѣе объ этой бесѣдѣ бояръ съ послами у г. Цвѣтаева: Протестантство и протестанты въ Россіи стрр. 501—503.

123) Въ Моск. Главн. Арх. М. Иностр. Д. (Датск. дѣла 1644 г., № 3, св. 19) сохранился, къ сожалѣнію, безъ начала (дошло 86 столбцовъ), *подлинникъ* втораго посланія п. Іосифа, озаглавленный: *„Отвѣтъ патріарховъ королевичу“*. Возлѣ него находится и нѣмецкій переводъ, сдѣланный тогда же для королевича. Помимо подлинника, вторымъ посланіемъ Іосифа мы пользовались еще въ спискахъ: Моск. дух. Акад. № 338 лл. 62—112, Моск. Синод. б—ки №№ 857 лл. 86—180 и 565 лл. 84—152 (по прежн. кат.), Обществ. истор. и древн. Россійск. № 13 лл. 1 об.—46, В. М. Ундольскаго № 1327 лл. 42—82 и Кіевск. дух. Акад. № 56 (Муз.) лл. 79 об.—144. Объ особенностяхъ этихъ списковъ

папы, нарушившаго вѣру Христову въ Италіи, Ломбардіи и Германіи,—все это хорошо и пріятно, но ваше паденіе похоже на Римское. Сначала Римляне вмѣстѣ съ папою при Карлѣ Великомъ возненавидѣли правила св. апостоловъ и отцевъ, впали въ ереси и по гордости своей не стали каждогодно приходить на соборы къ греческимъ патріархамъ для исправленія вѣры и церковныхъ чиновъ, какъ то изначала завѣщано и уложено, ни ссылаться съ ними посланіями; потомъ вы съ Мартиномъ, отдѣлившись отъ папы — врага Христова, тоже по гордости не присоединились къ грекамъ, не обослались съ ними письменно и не поискали тѣхъ мѣстъ, гдѣ былъ Христосъ съ своими апостолами, гдѣ впервые ученики Его назвались христіанами, и откуда пришло спасеніе людямъ. Лютеръ справедливо возсталъ на папу, но не такъ, какъ слѣдовало-бы; истинные пастыри, святые отцы, ради правды вмѣстѣ съ царями собирались на соборы. Мартина Лютера, самозваннаго учителя и своего законоположника, вы хвалите и называете святымъ и праведнымъ мужемъ, но совершилъ ли онъ у васъ хотя одно чудо? Мы ученія его не принимаемъ и другимъ не велимъ. Онъ явился въ нынѣшнемъ осмотысящномъ вѣкѣ отъ безсупружнаго закона, былъ единъ отъ странныхъ мнихъ, чиномъ кардиналъ; но потомъ оставилъ свой обѣтъ и взялъ жену, приказавши поступить такъ-же всѣмъ латинскимъ инокамъ. Онъ не только апостольское преданіе и отеческое ученіе обидѣлъ, но Христовы законоположенія ни во что вмѣнилъ; думая утвердить свой вредоумный законъ, онъ похулилъ литургію, развращенно своимъ разумомъ толковалъ все свящ. Писаніе и Моисеево десятословіе, отринулъ постъ, поклоны и всякій подвигъ, и вмѣсто совершеннаго священства установилъ рукополагаться отъ простыхъ людей. Но дѣломъ обличая новоизмышленные латинскіе законы, онъ возненавидѣлъ и православныхъ Россіянъ вмѣстѣ съ греками, хотя мы сами оплеваемъ и проклинаемъ папежское мудрованіе и во всемъ держимся главы своей—Христа съ четырьмя евангелистами, и исповѣдуемъ вѣру, предсказанную пророками, проповѣданную апостолами и утвержденную святыми отцами. Принявши православную вѣру на апостольскомъ и отеческомъ

преданіи отъ восточной церкви при св. Владимирѣ, мы до сего дня согласны и сносимся о православіи съ четырьмя вселенскими патріархами.

Въ основаніе своей вѣры вы полагаете пророческій ветхій законъ, что во св. Библіи; и мы послѣднюю также принимаемъ и почитаемъ все, что Моисей и пророки предсказали объ Іисусѣ Христѣ, пришествіи св. Духа и престатіи закона или наступленіи новаго завѣта на мѣсто обветшавшаго прежняго (Іерем. XXXI, 31—33). Господь, по словамъ евангелиста (Іоанн. II, 24), не ввѣрялъ Себя іудеямъ; но если Самъ Христосъ законъ заповѣдей упразднилъ и въ ничто обратилъ Своимъ ученіемъ, то и вамъ не подобаетъ хвалиться ветхимъ закономъ и вся дѣемая въ немъ отрѣвати (2 Кор. V, 17; Евр, VII, 18 — 19. VIII, 7. X, 1). Вы неправы также, когда одно въ писаніяхъ древнихъ учителей: *Василія В., Григорія Богослова*, Іоанна Златоуста и другихъ принимаете, а другое нѣтъ, потому что тѣмъ самымъ не только преданіе, но и самихъ ихъ отрицаете. Если же вы хотите истинно почитать ихъ, то вамъ слѣдуетъ вѣровать имъ во всемъ, ибо въ нихъ дѣйствовалъ Духъ Св. (Еф. IV, 11; 1 Кор. XII, 27—28), а не полагать различія между апостолами и св. отцами въ томъ, будто первые больше получили св. Духа, вторые— меньше. Несогласно съ писаніемъ вы раздѣляете благодать св. Духа и забываете, что св. отцы сотворили много великихъ чудесъ, иные, быть можетъ, больше самихъ апостоловъ (Іоанн. XIV, 12). Мы тщательно обсудили ваше писаніе о соборахъ и нашли, что вы наполовину ихъ принимаете, признаете лишь то, что̀ они взяли изъ библіи и что постановили объ еретикахъ, а прочаго всего преданія, ими изложеннаго, равно также уставовъ и правилъ, устно и и письменно ими преданныхъ, вопреки словамъ апостольскимъ (1 Кор. XI, 2; 2 Сол. II, 15; Тит. I, 5), вы не принимаете. Древніе св. отцы многое устно пріяли отъ св. апостоловъ и другъ по другѣ предавали въ церкви, какъ засвидѣтельствовалъ о томъ Василій В. въ посланіи своемъ къ Амфилохію Иконійскому. Вы прельщаетесь и зѣло погрѣшаете, когда преданное апостолами письменно допускаете,

а неписанное преданіе отвергаете; изслѣдуйте прилежно писанія, и вы увидите, что о седьми вселенскихъ соборахъ и св. отцахъ, бывшихъ на нихъ, говорили Исаія, Даніилъ, Захарія, Соломонъ и Іоаннъ Богословъ въ Откровеніи своемъ.

Вы говорите, что наше крещеніе несогласно съ словами Христовыми (Мато. XXVIII, 19), апостольскими и крещеніемъ Іоанновымъ. Мы справедливо слова апостола (Римл. VI, 3—4) приводимъ во свидѣтельство того, что наше крещеніе совершается въ образъ смерти Христовой: „какъ Іона былъ во чревѣ кита три дня и три ночи, такъ и Сынъ человѣческій былъ въ сердцѣ земли три дня и три ночи“ (Мато. XII, 40). Дни и ночи такъ слѣдуетъ понимать: въ пятокъ, по словамъ евангелистовъ, отъ шестаго часа была тьма (ночь) до девятаго и потомъ былъ день,—разумѣй первое пощеденство, по пророчеству Захаріину (XVI, 6—8); ночь субботняя и день ея—второе пощеденство, третьяго же пощеденства—ночь свѣтозарнаго дня воскресенія Христова, согласно обѣщанію Его: *въ третій день воскресну*. Приходившіе къ Іоанну крестились въ рѣкѣ Іорданѣ; если бы онъ обливалъ, то *поставлялъ* бы крестившихся „на край брега, но онъ самъ засвидѣтельствовалъ: „Азъ убо крестихъ вы въ водѣ“. Что въ крещеніи должно погружать, а не обливать, объ этомъ мы имѣемъ извѣстныя свидѣтельства и прообразы: въ В. Завѣтѣ Нееманъ погрузился въ Іорданѣ, въ Новомъ разслабленные погружались при овчей купѣли. Да и въ вашихъ нѣмецкихъ и латинскихъ библіяхъ, напечатанныхъ лѣтъ за полтораста, сказано *погрузить*, гдѣ у насъ написано крестить. Св. апостолы и ихъ наслѣдники также крестили въ три погруженія, а не обливали, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ великій и премудрый въ богословіи Діонисій Ареопагитъ во второй главѣ своей книги: „О церковномъ священноначаліи“. Это истинное апостольское преданіе мы крѣпко и твердо держимъ, и, если кто дерзнетъ творить не по нашему, то „не вмѣняемъ въ крещеніе, но во оскверненіе“. По правилу апостольскому (50), епископъ или пресвитеръ, крестившій не въ три погруженія, долженъ быть извергнутъ. Ап. Павелъ крестилъ въ Ефесѣ

во имя І. Христа крещенныхъ ранѣе неполнымъ Іоанновымъ крещеніемъ (Дѣян. XIX, 1—5). Не ясно ли, что крестившіеся не въ три погруженія должны снова креститься, такъ какъ ложное крещеніе не сообщаетъ св. Духа?

Вопреки словамъ Христовымъ и апостольскимъ (Матѳ. XXVI, 26; 1 Кор. XI, 23—24), вы отдаете на произволъ каждаго совершать великое таинство—св. литургію на квасномъ хлѣбѣ или опрѣснокѣ, ходите по своей волѣ. Лучше вамъ покориться Христу и божественному писанію и соединиться съ нами въ приношеніи кваснаго хлѣба. Научая учениковъ Своихъ молиться, Христосъ сказалъ: „*хлѣбъ* нашъ насущный“, а не опрѣснокъ. 11-е правило шестаго вселенскаго собора строго запрещаетъ общеніе съ жидами въ ядѣніи опрѣсноковъ. Опрѣсноки—это ветхая, жидовская жертва, а не евангельская. Христосъ о хлѣбѣ сказалъ: „Сіе есть тѣло Мое, ломимое за вы“. Богъ совершенъ, а совершенному слѣдуетъ приносить жертву совершенную; но и слѣпой можетъ знать, что квасный хлѣбъ, имѣющій жизнь въ себѣ, совершеннѣе мертваго опрѣснока. Ядущіи послѣдній вкушаютъ не живую плоть и впадаютъ въ ересь Аполлинарія. Что вину нужно быть смѣшанному съ водою въ приношеніи, объ этомъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ Богословъ въ своемъ посланіи (1 Іоанн. V, 6) и евангеліи (XIX, 34); прочіе евангелисты, сказавши о чашѣ винограднаго вина, не упомянули о водѣ, потому что Христосъ въ то время еще не былъ распятъ и прободенъ копіемъ.

Вы пишете, что Самъ Христосъ одного ап. Іакова хиротонисалъ, а всѣ другіе епископы людьми поставлены; но со времени Іакова, получившаго власть вязать и рѣшить, архіереи по преемству поставляли другъ друга; неосвященный лишь безъ преосвященнаго не можетъ быть поставленъ, по словамъ Діонисія Ареопагита и еп. Іероѳея Аѳинскаго. Сей чинъ рукоположенія дошелъ и до нашего русскаго царства. По крещеніи Руси при св. Владимирѣ, присланъ былъ къ намъ, съ благословенія цареградскаго патріарха, первый митрополитъ Михаилъ, и съ тѣхъ поръ русскіе митрополиты, рукополагая другихъ въ священный чинъ, ходили сами поставляться въ Царьградъ, пока патр. Іеремія, при-

ходившій къ намъ, не поставилъ въ Россіи патріарха Іова и не благословилъ его поставляться своими епископами. Унижая нашъ, вы хвалите свой священный чинъ, который недостоинъ называться такъ, потому что начальнаго архіерея не имѣетъ надъ собою. Ваши бискупы поставлены мірскими людьми, и потому какъ сами они не освящены, такъ не можетъ освящаться и все, совершаемое ими. Вы хвалитесь также своими пригожими церковными чинами, какихъ будто бы нигдѣ нѣтъ... Но возможно ли, не принявши церковнаго чина отъ апостоловъ и ихъ намѣстниковъ, самимъ изъ одной библіи научиться божественной службѣ?

Св. иконы, по вашимъ словамъ, слѣдуетъ имѣть въ чести, но не поклоняться имъ... Въ В. Законѣ Моисей, по повелѣнію Божію, сотворилъ подобія двухъ херувимовъ; потомъ кіотъ завѣта, крышка надъ нимъ, скрижали и жезлъ Аароновъ не суть-ли образы, какъ свидѣтельствуетъ о томъ великій Хризостомъ? Моисей, Ааронъ и Давидъ, а за ними всѣ люди покланялись предъ скиніей и кіотомъ; Соломонъ молился въ храмѣ, имъ построенномъ; Даніилъ, живя въ Вавилонѣ, трижды въ день преклонялъ свои колѣна къ Іерусалиму. Если въ В. Завѣтѣ приказано было дѣлать образа, если пророки и праведники съ воздѣяніемъ рукъ покланялись церкви и видимымъ вещамъ, тѣмъ паче въ новой благодати подобаетъ писать и почитать образъ воплотившагося Сына Божія и животворящій Его крестъ, предсказанный пророкомъ (Псалм. 131, 7; 98, 5). Иновѣрцы, не покланяющіеся иконамъ, указываютъ на заповѣдь Господа къ Моисею (Исх. XX, 3—5); но Іегова запретилъ дѣлать изображенія языческихъ боговъ, которымъ іудеи покланялись, напримѣръ, въ пустынѣ, при Ахавѣ, Манассіи, Іероваомѣ и Навуходоносорѣ, и въ писаніи Своемъ велѣлъ различіе показалъ между кіотомъ славы Своея и идоломъ Дагона (1 Царств. V, 1 — 8). Какъ Моисей и всѣ іудеи чтили не вещество кивота, скрижалей и херувимовъ, но Бога, „вчинившаго сія“, такъ и мы вѣрные не говоримъ св. иконамъ: „боги наши!“ но возносимся умомъ къ первообразному и воздаемъ хвалу и честь святымъ, на нихъ написаннымъ. Первый образъ, по словамъ многихъ церковныхъ учителей, греческихъ и

латинскихъ хроникъ, сотворилъ Самъ Христосъ, приложивъ убрусъ къ лицу Своему. Этотъ нерукотворенный образъ, бывшій сначала въ Ефесѣ, находится теперь въ Римѣ. Еней, исцѣленный ап. Петромъ (Дѣян. IX, 34), построилъ храмъ близъ города Лиды, въ которомъ на западной странѣ была нерукотворенная икона Богородицы. По вознесеніи Господнемъ, св. Лука написалъ образъ Божіей Матери и вмѣстѣ съ своими евангеліемъ и книгою Дѣяній послалъ его Ѳеофилу Александрійскому. Какъ не поклоняться образамъ ангеловъ, Предтечи, апостоловъ и св. угодниковъ? Мы не боготворимъ ихъ, но поклоняемся, какъ друзьямъ Божіимъ и нашимъ молитвенникамъ. На VII вселенскомъ соборѣ было не запрещено, а заповѣдано имѣть иконы, поклоняться имъ и лобызать устами и душею.

О св. постахъ вы пишете и приводите многія свидѣтельства не по преданію св. апостоловъ и вселенскихъ соборовъ. Въ В. Завѣтѣ Богъ чрезъ пророка (Іоил. 1, 14; 2, 12), въ Новомъ Самъ Христосъ (Іоанн. XIII, 15 сн. Матѳ. IX, 14—15) и ап. Павелъ (1 Кор. VII, 5) повелѣли поститься. Слѣдуя сему, Моисей, Илія, Даніилъ, Ниневитяне, Предтеча, Анна пророчица, Корнилій, апостолы и другіе праведники сами постились и каждому *по силѣ завѣщали поститься*. *По вознесеніи* Господнемъ, въ исполненіе пророчества Захаріи (VIII, 19), св. церковь установила въ году четыре поста: великій, упоминаемый въ 69 правилѣ апостольскомъ, Петровъ, Успенскій и Филипповъ. Какъ четыре части въ году: весна, лѣто, осень и зима, такъ и мы четырежды постимся и тѣмъ одолѣваемъ противника душъ нашихъ по примѣру Господа. Постъ въ среду и пятокъ преданъ апостолами (прав. 69) и засвидѣтельствованъ св. Игнатіемъ въ посланіи къ Филиппійцамъ. Мы постимся въ дни, преданные намъ св. церковію, чтобы поработить тѣло свое духу, не соблазнять братій своихъ яденіемъ мяса въ постные дни и не быть нарушителями уставовъ церковныхъ. Христосъ грозитъ наказаніемъ тому, кто преслушаетъ церковь и соблазнитъ вѣрующаго въ Него; вы же не соблюденіемъ постныхъ дней соблазняете не одного и не двухъ, но многихъ.

Въ своемъ письмѣ вы неправильно толкуете слова апостола: „святится мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ“ (I Кор. VII, 12—14). Св. Павелъ писалъ это къ Коринѳянамъ уже находившимся въ бракѣ, запрещалъ имъ оставлять послѣдній, а не поучалъ ихъ вмѣстѣ съ нами впредь такъ творить. Сами разсудите: какъ могутъ мужъ и жена составлять едину плоть, по слову Господа, если не будутъ одной вѣры? Если всѣмъ людямъ ап. Павелъ желаетъ быть въ единой вѣрѣ и единомъ крещеніи, тѣмъ больше мужу съ женою не подобаетъ быть разныхъ вѣръ и крещеній. Въ В. Завѣтѣ Богъ повелѣлъ Израилю брать за себя лишь плѣнныхъ женъ (Втор. XXI, 11), а не свободныхъ, и притомъ въ теченіе мѣсяца, пока не очистятся по закону окропленіемъ воды, запретилъ входить къ нимъ. Если въ В. Законѣ, бывшемъ прообразомъ Новаго, Богъ запрещалъ совокупляться съ иноязычными, тѣмъ паче теперь, не крестившись въ одну вѣру, нельзя вступать въ бракъ“.

Разсказавъ подробно Вальдемару объ обстоятельствахъ и образѣ крещенія князей Константина В. и св. Владимира, патріархъ заканчиваетъ: „весьма удивляюсь благородію твоему, не вѣмъ, кая боязнь возмущаетъ умъ твой, что и по сіе время не хочешь быть сообщникомъ въ царствіи Христовомъ благочестивому Константину и в. кн. Владимиру, который, когда восхотѣлъ поять сестру греческихъ царей, скоро крестился. Въ своемъ отвѣтѣ, государь, ты писалъ, что если бы мы свои статьи доказали изъ св. библіи, то вы съ радостію приняли бы ихъ. Мы много свидѣтельствъ показали тебѣ, государь, изъ божественнаго писанія: св. библіи, евангелія, апостола и св. вселенскихъ соборовъ, какова наша православная вѣра греческаго закона, и потому тебѣ можно повѣрить и къ свѣту благочестія прибѣгнуть. Послушай, государь, нашего смиренія, о Христѣ молю тебя и все говорю къ твоей пользѣ, прими св. крещеніе въ три погруженія, просвѣтись душой и тѣломъ, и самъ уразумѣешь истину и станешь сыномъ свѣта“.

Содержаніе втораго посланія патріарха мы изложили по архивному подлиннику. Сравнивая съ послѣднимъ списки посланія, бывшіе у насъ подъ руками, нашли, что одни

изъ нихъ (Моск. Син. № 565, Моск. дух. Акад. № 338 и Кіевск. Акад. № 56) совершенно одинаковы съ нимъ, другіе же (Моск. Синод. № 857; Общ. истор. и др. № 13 и В. М. Ундольскаго) отличаются отъ него содержаніемъ и въ особенности характеромъ своего изложенія и представляютъ изъ себя особую, черновую редакцію. Планъ, которому слѣдовалъ авторъ посланія Іосифа при разборѣ отповѣди Фельгабера, заключался въ слѣдующемъ: критикъ приводилъ сначала болѣе или менѣе дословно, въ порядкѣ главъ, возраженія пастора на первое посланіе патріарха, а потомъ уже дѣлалъ на нихъ свои замѣчанія, вслѣдствіе чего почти всѣ главы въ его письмѣ состоятъ изъ двухъ замѣтно различающихся половинъ. Въ спискахъ черновой редакціи возраженія лютеранъ и замѣчанія на нихъ русскихъ отличаются по мѣстамъ большею подробностію и обстоятельностію, чѣмъ въ архивномъ подлинникѣ и въ спискахъ къ нему примыкающихъ, бѣловыхъ, такъ сказать, по отношенію къ первымъ [124]). Въ послѣднихъ, какъ и въ архивномъ подлинникѣ, сокращенія возраженій пастора и отвѣтовъ на нихъ сдѣланы иногда не совсѣмъ умѣло, съ явнымъ нарушеніемъ смысла рѣчи и въ ущербъ аргументаціи православной стороны [125]). Принявъ во вниманіе содержаніе и характеръ всѣхъ недостающихъ мѣстъ въ бѣловыхъ спискахъ по сравненію съ черновыми, весьма не трудно видѣть, что сокращенія сдѣланы въ стилистическихъ видахъ и съ цѣлію придать посланію Іосифа ровно-спокойный характеръ. Различныя впечатлѣнія выносишь, читая второе посланіе патріарха по архивному подлиннику и по одному изъ списковъ, неодинаковыхъ съ нимъ. Во второмъ случаѣ чув-

---

[124]) Съ неодинаковою подробностію *возраженія лютеранъ* выписаны въ *первой* и *восьмой* главахъ; сокращенія въ *замѣчаніяхъ или отвѣтахъ русскихъ* всего значительнѣе въ главахъ: *первой* (въ изложеніи причинъ, недопускающихъ брака между иновѣрными), *восьмой*, *одиннадцатой*, *двѣнадцатой* (въ разсужденіи о крещеніяхъ Христовомъ и Іоанновомъ) и *двадцатой* (въ отзывѣ о лютеранствѣ). Ср. архивный подлинникъ съ рукоп. В. М. Ундольскаго № 1327 лл. 59—60. 45 об.—47. 75—76; Моск. Синод. № 857 лл. 158—159. 166, и Кирилл. книги главы: 10 и 16, лл. 145 об.—159. 189 об.—198).

[125]) Особенно замѣтно это въ главахъ: *первой*, *восьмой* и *двѣнадцатой*.

ствуешь, что составитель письма старается отмѣтить и разобрать по возможности всѣ упреки и возраженія Фельгабера по тому или другому вѣроисповѣдному вопросу, преслѣдуетъ преимущественно критическія задачи и весьма мало обращаетъ вниманія на внѣшнюю сторону своего богословскаго трактата. Неспокойный, по мѣстамъ явно раздраженный тонъ изложенія посланія сразу выдаетъ въ авторѣ человѣка, крайне нерасположеннаго къ лютеранамъ, писавшаго подъ живымъ впечатлѣніемъ рѣзни, произведенной Датчанами у Тверскихъ воротъ въ ночь на 10 мая, и потому не стѣснявшагося употреблять весьма рѣзкія и оскорбительныя выраженія по отношенію къ нимъ [126]). Совсѣмъ другое дѣло въ первомъ случаѣ, когда имѣешь предъ глазами тоже второе посланіе въ подлинникѣ или точной копіи съ него. Редакторъ посланія здѣсь идетъ какъ бы наперекоръ сочинителю его, ставитъ критику на второмъ планѣ и хлопочетъ всего болѣе о томъ, чтобы придать патріаршему письму литературную отдѣлку. Онъ пытается представить въ сжатомъ видѣ изложенное растянуто, опускаетъ все, не относящееся прямо къ дѣлу, замѣняетъ грубыя слова и выраженія болѣе мягкими и устраняетъ изъ посланія всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ рѣзко порицается самъ Лютеръ, его послѣдователи, вкушающіе опрѣснокн, приравниваются къ „богоубійцамъ жидамъ и ко псамъ, ядущимъ падаль“, осмѣивается и осуждается лютеранство со всѣми его учрежденіями [127]). Благодаря этимъ передѣлкамъ и сокращеніямъ, второе посланіе Іосифа существенно измѣняется въ своемъ характерѣ и уступчивостію своего тона весьма много напоминаетъ первое письмо патріарха къ королевичу. Первосвятитель по прежнему въ началѣ своего письма мирно привѣтствуетъ своего заносчиваго противника, кротко и безъ гнѣва все время бесѣдуетъ съ нимъ, а въ заключеніе на оскорбительныя остроты Вальдемарова пастора отвѣчаетъ отеческими увѣщаніями и усиленной просьбой къ короле-

---

126) Рукоп. Синод. № 857 лл. 105 об.—106. 158—159. 166; Ундольск. № 1327 лл. 45 об.—47. 55 об.—56. 58 об. и др.

127) Ibidem.

вичу, чтобы онъ, наконецъ, послушался царя и принялъ крещеніе въ три погруженія.

Въ виду отмѣченныхъ особенностей списковъ втораго посланія Іосифа, намъ кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ однихъ (спискахъ) мы имѣемъ письмо патріарха въ черновомъ видѣ, какъ оно вышло первоначально изъ рукъ составителя, въ другихъ — въ бѣловомъ, исправленномъ видѣ, *въ какомъ оно и было отослано* съ дьякомъ Львовымъ къ королевичу. Возможно, конечно, допустить, что составителемъ и редакторомъ втораго посланія было одно и тоже лицо: написавши сначала пространно и запальчиво отвѣтъ пастору, оно потомъ передѣлало его и исправило неровности въ изложеніи; но, принимая во вниманіе значительную разность въ характерѣ и содержаніи письма, въ бѣловой и черновой редакціяхъ, считаемъ болѣе вѣроятнымъ думать, что сочиненіе и редижированіе посланія были дѣломъ нѣсколькихъ лицъ [128]). Кто былъ авторомъ втораго патріаршаго письма? прямыхъ указаній на это не сохранилось; присутствіе имени Іосифа въ самомъ заглавіи письма, какъ увидимъ, не можетъ быть признано таковымъ. Въ рѣшеніи поставленнаго вопроса весьма важное значеніе должна имѣть, на нашъ взглядъ, рукопись Моск. Сиод. библіотеки № 857 [129]), заключающая въ себѣ самое полное собраніе памятниковъ интересующей насъ полемики. Въ ней на поляхъ противъ письма или отповѣди королевичева пастора патр. Іосифу находятся краткія, но характерныя критическія замѣтки [130]). Онѣ сдѣланы несомнѣнно до написанія вто-

---

[128]) Кому принадлежала окончательная редакція посланія? трудно сказать вѣроятнѣе думать, что дьяку посольскаго приказа, чрезъ который шла почти вся переписка Русскихъ съ Датчанами.

[129]) Подробно описана А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ; Описан. II, 3, стрр. 370—378.

[130]) Онѣ слѣдующія: „зри (повторена 39 разъ); зри о Ѳомѣ апостолѣ; спросить (№ 857 *л.* 36. 45); *ложь* (*л.* 46 об.); непротивъ патріарха (*л.* 61); за то и *держатися* хотятъ, а *сами-же ниже отперлися* (*л.* 59); *худо! добро стоять* въ одномъ разумѣ (36 об.); греческой надобно (л. 35); Въ 6-мъ соборѣ правило 72-е, а въ Никоновѣ въ первой книгѣ глава 13 (л. 24 обор.)“. Всѣ замѣчанія сдѣланы тѣми-же чернилами и рукою, что и текстъ *противъ нихъ*, слѣд. были въ оригиналѣ, съ котораго списана Рук. № 857-й.

раго посланія патріарха, такъ какъ почти на всѣ тѣ мѣста отповѣди Фельгабера, противъ которыхъ онѣ находятся, въ послѣднемъ обращено бо́льшее или меньшее вниманіе—нѣкоторыя изъ замѣчаній, можно сказать, прямо вошли в; посланіе Іосифа. Покажемъ это на примѣрахъ. Противъ того мѣста отповѣди королевича, гдѣ Фельгаберъ словамъ ап. Павла (1 Кор. VII, 14) доказываетъ возможность смѣи шанныхъ браковъ, въ синодальной рукописи замѣчено: „Въ шестомъ соборѣ правило 72-е, а въ Никоновѣ въ первой книгѣ глава 13-я“; въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ втораго посланія Іосифа, въ изложеніи основаній, недопускающихъ браковъ между разновѣрными, приведены именно 72-е прав. Трулльскаго собора и выдержка изъ Никона Черногорца [131]). На слова пастора: „Мы отдаемъ на волю каждаго принимать въ причащеніи кислый или прѣсный хлѣбъ“, замѣчено: „Худо! добро стоять въ одномъ разумѣ“; мысль, высказанная здѣсь, проходитъ чрезъ всю пятую главу патріаршаго посланія. На заявленіе Фельгабера, что лютеране „содержатъ писанія апостольскія и евангельскія“, хотя они и не приняли въ свое время ученія ап. Оомы, замѣчено: „За то и держатися хотятъ, а сами же ниже отперлися: зри о Ѳомѣ апостолѣ“; то-же внутреннее противорѣчіе въ разсужденіяхъ Фельгабера и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ повторено и раскрыто въ началѣ 12-й главы втораго посланія патріарха. Изъ сопоставленія критическихъ замѣтокъ съ содержаніемъ послѣдняго не трудно видѣть, что онѣ представляютъ изъ себя черновую, подготовительную работу въ отношеніи къ написанію посланія патріарха, что составитель послѣдняго и авторъ замѣчаній одно и то-же лицо. Видѣть въ этомъ лицѣ патр. Іосифа нельзя. Противъ начальныхъ словъ 13-й главы письма королевича, въ которомъ Фельгаберъ неправильно воспроизводитъ совершитель-

131) Рук. В. М. Ундольск. № 1327 лл. 45 об. 47. Въ архивномъ *подлинникѣ* и въ спискахъ, къ нему примыкающихъ, это мѣсто опущено. Редакторъ втораго посланія патріарха къ королевичу нашелъ неумѣстною ссылку на 72-е правило *пято-шестаго вселенскаго собора*, въ которомъ ясно выражена мысль, что сочетавать браком православныхъ съ неправовѣрными значило бы *совокупляти съ овцею волка и съ частію Христовою жребій грѣшниковъ*.

ныя слова крещенія у православныхъ, въ Синодальной рукописи помѣчено: „Не противъ патріарха“, то-есть не такъ, какъ сказано объ этомъ въ первомъ посланіи патр. Іосифа. Если бы послѣдній былъ авторомъ замѣтокъ, то онъ никогда не выразился бы о себѣ такимъ образомъ. Мы увѣрены, что замѣчанія на отповѣдь пастора и составленіе втораго посланія патріарха принадлежатъ о. Ивану Насѣдкѣ [132]). Первыя также отрывочны, не вполнѣ понятны и даже выражены приблизительно въ тѣхъ-же словахъ, что̀ и замѣтки о. Ивана на катихизисъ Симона Буднаго, нѣмецкіе переводы, вошедшіе въ составъ 18-й главы Изложенія на лютеры, и на журналъ преній Русскихъ съ Датчанами 2—3 іюня 1644 года, составленный пасторомъ для Вальдемара [133]). Въ патріаршемъ посланіи весьма замѣтно отразились грубые полемическіе пріемы Насѣдки и всѣ его литературные достоинства и недостаки; но что особенно замѣчательно, въ немъ нашла себѣ мѣсто излюбленная мысль нашего богослова „О Россійстѣй святѣй велицѣй церкви, юже Іоаннъ Богословъ во откровеніи видѣ“.

Приписывая составленіе посланія о. Ивану, мы не отрицаемъ совершенно участія въ этомъ дѣлѣ другихъ лицъ; на основаніи нѣкоторыхъ рукописныхъ замѣтокъ положительно можно сказать, что онъ не только обращался къ стороннему содѣйствію въ рѣшеніи весьма нелегкой для того времени задачи, но имѣлъ у себя прямыхъ помощниковъ. Фельгаберъ, говори въ своей отповѣди объ авторитетѣ Библіи и объ иконопочитаніи, не разъ цитируетъ Евагрія, Евсевія, Григорія Вел. и Никифора Каллиста; противъ всѣхъ этихъ ссылокъ въ Синод. рукописи № 857 составителемъ патріаршаго посланія замѣчено: „спросить“. Къ несчастію нашего автора, не нашлось человѣка, который могъ бы на-

---

132) При такомъ утвержденіи весьма легко объясняется присутствіе замѣтокъ лишь въ Синод. рукописи № 857, принадлежавшей келарю Симону Азарьину, что видно изъ подписи по ея листамъ. Какъ пріятель Насѣдки, онъ могъ безъ особеннаго труда достать автографъ послѣдняго и съ него сдѣлать свой списокъ.

133) О замѣчаніяхъ на журналъ Фельгабера, несомнѣнно сдѣланныхъ о. Иваномъ, скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

вести для него необходимую справку, и онъ вынужденъ былъ пройти молчаніемъ въ своемъ разборѣ отмѣченныя цитаты научно-образованнаго пастора. Повторивши возраженія Фельгабера противъ иконопочитанія, другими словами, написавъ лишь самое начало 8-й главы, составитель патріаршаго посланія дѣлаетъ замѣтку: „Здѣ писати слово о иконномъ поклоненіи изъ книги Кирилла Іерусалимскаго“. Точно также онъ поступилъ и при написаніи 11-й главы посланія; сдѣлавши общее замѣчаніе на разсужденія пастора о постахъ, сочинитель говоритъ: „И подъ сію 11-ю главу писати изъ Кирилловы книги главу 16, листъ 190“ [134]). Полагаемъ, что помощниками о. Ивана, на которыхъ лежала обязанность вписать, согласно указаніямъ послѣдняго, въ посланіе патріарха 10-ю и 16-ю главы Кирилловой книги и, быть можетъ, передѣлать ихъ примѣнительно къ случаю, были товарищи его по службѣ на печатномъ дворѣ, какъ разъ въ это время покончившіе съ изданіемъ названнаго сейчасъ полемическаго сборника. Среди архивныхъ документовъ по дѣлу королевича Вальдемара сохранился одинъ такого содержанія: „Лѣта 7152 (1644) мая въ 3 день, по государеву цареву и великаго князя Михаила Осодоровича всеа Русіи указу память Тимоѳею Дмитріевичу Лодыгину да дьякомъ Григорью Волкову да Игнатью Лукину, велѣти имъ дати государева жалованья книжного дѣла справщикомъ: Шестаку Мартемьянову да Захарью Ооонасьеву да гостиные сотни торговому человѣку Ооонасью Ѳедосееву поденного корму на недѣлю, по гривнѣ человѣку на день“ [135]). Аоанасій Ѳедосѣевъ, предполагаемъ, получалъ жалованье за такое или иное свое участіе въ печникѣ перилъ въ крыльцѣ

---

134) Въ рук. Моск. Синод. № 857 дѣйствительно за началомъ, сдѣланнымъ Насѣдкой для 8-й главы, непосредственно слѣдуетъ 10-я глава Кирилловой книги, за началомъ 11-й—16 я оттуда-же (л. 132), при чемъ на полѣ замѣчено, откуда сдѣлано заимствованіе. Но въ рукоп. В. М. Угдольскаго № 1327 и Общ. истор. и древн. № 13 главы 10 и 16 изъ Кирилловой книги писцомъ онѣ вписаны во второе послaвіе патр. Іосифа, и на мѣстѣ ихъ находятся лишь приведенныя нами замѣтки составителя посланія.

135) *Датскія дѣла 1644 г. № 4, св. 20.*

на дворѣ королевича[136]); но какое отношеніе имѣли книжные справщики къ дѣлу Вальдемара? Годъ спустя, по такой же памяти и въ такомъ же количествѣ платили упомянутымъ лицамъ за участіе ихъ вмѣстѣ съ прочими богословами въ написаніи сочиненій противъ лютеранъ; вѣроятно, что и въ началѣ мая 1644 года Мартемьяновъ и Лоаласьевъ получали по гривнѣ въ день за свои труды по изготовленію втораго посланія патр. Іосифа. Время написанія послѣдняго вполнѣ совпадаетъ съ временемъ уплаты имъ жалованья.

Что составителемъ втораго письма патр. Іосифа къ королевичу былъ Насѣдка съ нѣкоторыми издателями Кирилловой книги, косвеннымъ подтвержденіемъ того могутъ служить источники посланія. Послѣднее не представляетъ изъ себя оригинальнаго произведенія, цѣликомъ написаннаго о. Иваномъ въ отвѣтъ на отповѣдь Фельгабера, но въ большей части своей есть компиляція изъ Кирилловой книги, Изложенія на лютеры, Соборнаго изложенія 1620 г. и нѣкоторыхъ другихъ сочиненій богословскаго и историческаго характера[137]). Правительство царя Михаила Осодоровича, усердно

---

136) *Память* объ этомъ тому-же Лодыгину находится рядомъ съ вышеприведеннымъ документомъ.

137) Одни мѣста въ патріаршемъ посланіи заимствованы почти буквально, съ незначительными пропусками и перестановками, другія — въ болѣе или менѣе значительной передѣлкѣ. Къ первымъ относятся: начало 1-й главы *о престатіи В. закона* (изъ Кирилл. кн. л. 278 и Излож. на лютер. по рук. М. дух. Ак. № 177 л. 267), пятая глава *объ опрѣснокахъ въ евхаристіи* (Кирилл. кн. *лл.* 254—256, *см.* Соборн. излож., *лл.* 418 об.—421 Мірскаго Потребн. 1639 г.), десятая *о Лютерѣ* и 11-я *о постахъ* (Кир. кн. лл. 263—265. 189 об.—198), вторая половина 12-й гл. (Излож. на Лют., рук. М. Ак. № 177 лл. 331 об. 336) и средина 20-й главы о крещеніи царя Константина и в. кн. Владиміра (изъ Хронографа русск. редакціи; см. П. Барсукова: Рукописи археографич. коммиссіи, № 140 лл. 178—180. 310. 406 об.—410). Ко вторымъ—принадлежатъ: 4-я глава *о вселенскихъ соборахъ* (Излож. на лют. по рук. М. д. Ак. № 178 лл. 232 об.—239). шестая (Рук. № 177 л. 331 об.—332) и восьмая *объ иконопочитаніи* (Кирилл. кн. *лл.* 189 *об.*—198; *Соборникъ или слова избранныя о чести св. иконъ и о поклоненіи* 1642 г.). Все остальное въ посланіи, а именно: предисловіе къ нему, средина и конецъ 1-й главы, 2-я, 3-я и 7-я главы, начало 12-й, 13—19-я главы о крещеніи, начало 20-й и самый конецъ посланія, составлено вновь о

хлопотавшее предъ пріѣздомъ жениха въ Москву о духовномъ оружіи для борьбы съ иновѣрцами, не обманулось въ своихъ разсчетахъ. Кириллова книга съ изданными ранѣе ея: Изложеніемъ патр. Филарета и „Словами избранными о чести св. иконъ“ давали если не вполнѣ достаточный, то все-же значительный матеріалъ для начала полемики съ лютеранами. Задача и трудъ составителя втораго посланія Іосифа сводились главнымъ образомъ къ тому, чтобы изъ готовыхъ полемическихъ сочиненій выдѣлить то, что прямѣе и лучше всего отвѣчало на вопросы и возраженія Вальдемарова пастора, и изложить это въ систематическомъ порядкѣ. Насѣдка, литературная дѣятельность котораго, за рѣдкими исключеніями, состояла въ компиляціи, выполнилъ эту работу вполнѣ удовлетворительно для своего времени. Ученый трактатъ Фельгабера не смутилъ нашего богослова; онъ смѣло вступилъ въ полемику съ пасторомъ, несравненно выше его стоявшимъ по образованію, и съ помощію раннѣйшей полемической литературы, надъ созданіемъ которой самъ болѣе всѣхъ потрудился, разобралъ отъ начала до конца посланіе Вальдемара. О. Иванъ охотно соглашался съ пасторомъ, когда тотъ высказывалъ правильный взглядъ по тому или другому догматическому вопросу, и на оборотъ совершенно расходился съ Фельгаберомъ тамъ, гдѣ послѣдній училъ не по православному. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашъ необразованный богословъ весьма основательно уличалъ придворнаго графскаго проповѣдника во внутреннемъ противорѣчіи. Мимоходомъ касаясь предметовъ, едва затронутыхъ пасторомъ, нашъ критикъ съумѣлъ отличить въ письмѣ послѣдняго существенное отъ второстепеннаго, основанія отъ вытекавшихъ изъ нихъ слѣдствій и сосредоточить свое вниманіе на главномъ. Разсужденіямъ Фельгабера о священномъ писаніи, какъ единственномъ источникѣ вѣроученія, русскій богословъ противопоставляетъ православное ученіе о церковномъ преданіи, святоотеческихъ твореніяхъ и постановленіяхъ вселенскихъ соборовъ. Если па-

---

Иваномъ на основаніи свящ. писанія, сочиненій Златоустаго, Діонисія Ареопагита, Изложенія на лютеры и др.

сторъ всѣ положенія свои стремится обосновать на словѣ Божіемъ и лишь между прочимъ прибѣгаетъ къ свидѣтельствамъ церковныхъ писателей, то Насѣдка, наоборотъ, рядомъ съ священнымъ писаніемъ пользуется преданіемъ, какъ доказательствомъ одинаковаго достоинства съ первымъ; по его словамъ, тѣ или другія особенности въ вѣрованіяхъ и учрежденіяхъ лютеранства неправильны и незаконны единственно потому, что несогласны съ ученіемъ святоотеческимъ и правилами соборными. Положивъ въ основу своихъ сужденій свящ. писаніе съ церковнымъ преданіемъ, нашъ богословъ въ аргументаціи сравнительно рѣдко высказываетъ свои личныя соображенія и весьма неохотно пускается въ отвлеченныя разсужденія о догматической сторонѣ спорныхъ предметовъ. Говоря о ветхомъ Моисеевомъ законѣ, о. Иванъ не дѣлаетъ разграниченія между нравственною и обрядовою его стороною; разсужденія о таинствахъ въ его трактатѣ по прежнему остаются обрядовыми или культовыми пререканіями, ученіе объ оправданіи вѣрою, весьма осторожно выраженное въ письмѣ Вальдемара къ патріарху, равно какъ дѣйствительный взглядъ Фельгабера на таинства, понятно, совсѣмъ ускользнули отъ вниманія критика. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда придворный пасторъ Вальдемара прямо вызывалъ Насѣдку на разсужденія по существу, послѣдній воздерживался отъ умствованій. Фельгаберъ, давши понятіе о крещеніи, какъ духовномъ благодатномъ возрожденіи человѣка, вывелъ отсюда, что все равно: будетъ-ли кто крещенъ чрезъ погруженіе или обливаніе, и представилъ нѣсколько доказательствъ въ пользу своего положенія. Вопросъ о томъ, что законнѣе въ крещеніи—погруженіе или обливаніе, былъ самымъ важнымъ и существеннымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ; съ рѣшеніемъ его былъ связанъ интересъ царской семьи. Естественно потому ожидать, что православный богословъ остановится на немъ и подвергнетъ тщательному разсмотрѣнію возраженія и доводы противной стороны. О. Иванъ дѣйствительно подробно, но нельзя сказать, чтобы вполнѣ обстоятельно, трактуетъ о крещеніи; рядомъ съ доказательствами неоспоримаго достоинства у него находятся крайне-

натянутыя толкованія евангельскаго текста и высказываются произвольныя догадки; на большую часть доказательствъ пастора Наєдка вовсе не отвѣтилъ, ограничившись лишь голословнымъ заявленіемъ, что крещеніе, совершаемое не въ три погруженія, онъ считаетъ осквернсніемъ. Причина, почему аргументація нашего богослова въ данномъ случаѣ вышла слабою сравнительно съ остальными его разсужденіями, крылась главнымъ образомъ въ неразработанности вопроса о крещеніи въ нашей предшествующей полемической литературѣ. Мнѣніе о недѣйствительности обливательнаго крещенія, узаконенное соборомъ 1620 г., которое пришлось отстаивать русскимъ богословамъ въ спорѣ съ лютеранами, оставалось въ послѣдней, сколько намъ извѣстно, нераскрытымъ и необоснованнымъ. Изъ самаго „соборнаго изложенія о крещеніи латынъ“ и 24-й главы Кирилловой книги: „о понуреніи новокрещенцовъ“ составитель втораго посланія патріарха весьма не многимъ могъ воспользоваться и вынужденъ былъ самостоятельно трудиться надъ разрѣшеніемъ нелегкой задачи—опровергать догматически правильный взглядъ своего противника на дѣйствительность и, слѣдовательно, неповторяемость совершаемаго у лютеранъ и лютеранами крещенія.

Какъ и слѣдовало ожидать, второе посланіе патріарха не только не достигло своей цѣли, но даже не измѣнило прежняго взгляда Вальдемара на задачу религіознаго спора, преслѣдуемую будто-бы русскимъ правительствомъ. „Вчерашній день, писалъ онъ царю 24 мая, съ канцлеромъ Львовымъ вы прислали къ намъ отвѣтное письмо патріарха, въ надеждѣ, что оно заставитъ насъ отказаться отъ своей вѣры. Вашему царскому величеству желательно конечно получить на него отвѣтъ. Мы охотно на первыхъ же дняхъ прислали бы его къ вамъ, если бы только заранѣе не знали, что тѣмъ самымъ хотятъ лишь время протянуть и насъ подольше здѣсь задержать; но если вы обнадежите и напередъ объявите, что напрасными спорами задерживать насъ не станете и тотчасъ же отпустите вмѣстѣ съ послами къ королевскому величеству, то мы велимъ перевести письмо патріарха и отвѣтить на него на основаніи слова Божія“.

Второму письму патріарха суждено было остаться безъ отвѣта со стороны Датчанъ; царь не согласился на отпускъ Вальдемара, хотя и сдѣлалъ въ угодность ему нѣкоторую уступку, рѣшившись подвинуть дѣло къ развязкѣ—замѣнить литературную полемику устнымъ состязаніемъ. Живая бесѣда открывала широкій просторъ для всякаго рода аргументовъ, позволяла спорящимъ забыть обязанность логической послѣдовательности и потому несравненно менѣе требовала для себя времени [138]).

ГЛАВА V.

Преніе о св. крещеніи православныхъ богослововъ съ пасторомъ Фельгабером 28 мая и его послѣдствія. Обращеніе протопопа Никиты за разрѣшеніемъ недоумѣнія къ кн. С. Ив. Шаховскому; посланіе послѣдняго къ царю. Ссылка Шаховскаго въ Усть-Колу.—Преніе о св. крещеніи 2—3 іюня 1644 г.; замѣчанія о журналахъ этого преніе; содержаніе спора и характеръ его. Мнѣніе Фельгабера о своихъ оппонентахъ и результатѣ диспута.—Письмо Вальдемара къ царю 2 іюня; выговоръ послѣдняго королевичу чрезъ дьяка Львова.—Письмо Вальдемара къ царю 10 іюня.—Попытка русскихъ склонить на свою сторону Фельгабера; письмо послѣдняго къ Дорпу.—Письма царя къ королевичу и королевича къ царю.—Письмо датскихъ пословъ отъ 16 го іюля; перерывъ наступившій въ полемикѣ русскихъ съ датчанами.

Въ 28 день мая государь Михаилъ Осодоровичъ указалъ „сидѣть для отвѣта“ противъ королевичева попа Матоея благовѣщенскому протопопу Никитѣ, черниговскому протопопу Михаилу Стефанову Рогову [1]) да успенскому ключарю Ивану Васильевичу Насѣдкѣ съ *товарищами* [2]). Все это

[138]) Источниками, при написаніи IV-й главы, для насъ служили: Датскія дѣла 1644 г., №№ 1—4 и Датскія грамоты Моск. А. Мин. Иностр. Д. №№ 25—27; Дворц. разр. т. II, 723—735; Выходы государей, стр. 117 и слѣд.; Извѣстія о поѣздкѣ въ Россію Вальдемара Христіана стрр. 13—18. С. М. Соловьева И. Р., IX, 328—336; Дм. Цвѣтаева: Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ, стрр. 776—787, Русск. Вѣст. т. 172; И. И. Соколова: Отношеніе протестантизма къ Россіи, стрр. 109—117

1) Личность Рогова до сихъ поръ въ литературѣ не выяснена; объ его жизни и дѣятельности сохранилось совсѣмъ мало извѣстій. Нельзя сомнѣваться лишь въ томъ, что это былъ человѣкъ извѣстный во времена патр. Іосифа, къ услугамъ котораго церковно-гражданское правительство прибѣгало въ особенно важныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, въ іюлѣ 1650 г. онъ вмѣстѣ съ прочими избранными людьми отправленъ былъ во Псковъ для усмиренія мятежниковъ. А. И. III, № 74 III—IV; Соловьевъ, И. Р. X, 197.

2) Строевъ, Описан. рукоп. Царскаго № 398, лл. 347. 382 об; Рук. б-ки Общ. истор. и древ. № 13, л. 1; Рукоп. Румянц. муз. (Ундольскаго) № 1327 л. 42; Руко. Е. В. Барсова № 19.

были лица извѣстныя въ то время на Москвѣ: первый былъ духовникомъ царя, два послѣдніе, помимо положенія, выдѣлялись изъ среды духовенства своею ученостію; подъ товарищами всего ближе разумѣть сослуживцевъ Рогова и Насѣдки на Московскомъ печатномъ дворѣ—книжныхъ справщиковъ, *которые въ глазахъ тогдашняго московскаго правительства* были самыми просвѣщенными, *разумничными* людьми своего времени, *знающими грамматику и риторику, подлинно и достохвально* изучившими книжную премудрость [3]). Къ сожалѣнію, этотъ первый диспутъ нашихъ богослововъ съ пасторомъ Фельгаберомъ не оставилъ слѣда въ отечественной полемической литературѣ. Изъ письма королевича къ царю отъ 29-го мая [4]), вызваннаго разсматриваемымъ преніемъ, и датскаго же *Извѣстія о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара Христіяна Гильденлеве* (стр. 18) узнаемъ, что диспутъ, инициативу котораго позднѣе совершенно справедливо наши приписывали датчанамъ [5]), происходилъ въ присутствіи камеръ-юнкера и шталмейстера королевича, въ домѣ извѣстнаго намъ Димитрія Францбекова, при чемъ хозяинъ, должно думать, исполнялъ обязанность переводчика [6]) и даже, къ крайнему неудовольствію лютеранъ, принималъ активное участіе въ преніяхъ. Спорили о православномъ и лютеранскомъ крещеніи; наши, понятно, отстаивали дѣйствитель-

---

3) *Древности*, Труды Моск. археол. общ. 1870, т. 2-й стрр. 12—13.

4) Подлинника этого важнаго для насъ письма не дошло; переводъ его, весьма неуклюжеразумительный хранится въ Датскихъ дѣлахъ 1644 г, № 4.

5) См. письмо царя Михаила къ королевичу отъ 16-го іюня 1644 г. и отвѣтъ на него Вальдемара отъ 18-го іюня, присланный съ кн. Ю. А. Сицкимъ 19-го (Датск. дѣла 1644 г., №№ 2—4, свв. 18—20, ср. „*Отвѣтъ россійскихъ бояръ датскимъ посламъ о дозволеніи въ лютеранскомъ законѣ дацкому королевичу Вальдемару Христіанусовичу жениться на царевнѣ Иринѣ Михаиловнѣ*“ въ Россійскихъ духовныхъ дѣлахъ 7153—1645 года Глав. Московск. Архива Мин. Иностр. д.

6) Францбековъ не былъ изъ числа хорошихъ и честныхъ переводчиковъ. 18-го марта 1644 г. Вальдемаръ былъ у царя, „*а толмачилъ* Дмитрей Фрязбековъ, и королевичъ государю билъ челомъ, что онъ Дмитріева языка мало знаетъ, чтобъ государь велѣлъ толмачить иному. И по государеву указу толмачилъ переводчикъ Борисъ Борисовъ“ (Датск. дѣла 1644 г., № 2, св. 18). Держа все время сторону русскихъ въ дѣлѣ королевича, Димитрій Францбековъ возбудилъ въ Датчанахъ не только недовѣріе, но и прямую непріязнь къ себѣ.

ность и законность лишь своего крещенія въ три погруженія, но пасторъ не хотѣлъ этого допустить и съ своей стороны утверждалъ, что крещеніе во имя Отца и Сына и св. Духа, совершаемое чрезъ обливаніе или окропленіе, столь же добро и согласно съ заповѣдью Христа, какъ и погружательное крещеніе. Фельгаберъ соглашался признать послѣднее лучше и правильнѣе перваго — обливательнаго только въ томъ случаѣ, если ему докажутъ, что въ библіи св. крещеніе обозначается словами: ἐμβάπτω и ἐμβαπτίζω, которыя дѣйствительно въ греческомъ языкѣ употребляются въ смыслѣ погружать, а не глаголомъ βαπτίζω, который значитъ не только погружать, но и окроплять или обливать. Наши не могли этого доказать и вообще были не въ силахъ состязаться въ языковѣдѣніи съ Фельгаберомъ, знавшимъ помимо своего нѣмецкаго — греческій, еврейскій и латинскій языки. О. Иванъ Пасѣдка, разбирая не задолго предъ этимъ письмо королевича къ патріарху, обошелъ, какъ мы видѣли, нѣкоторыя доказательства пастора въ пользу лютеранскаго крещенія и въ томъ числѣ указаніе на двоякій смыслъ глагола βαπτίζω. Самъ онъ, какъ послѣ увидимъ, не зналъ греческаго языка; спросить о значеніи βαπτίζω вѣроятно не у кого было изъ природныхъ москвичей, — иначе онъ не оставилъ бы безъ вниманія доказательства Фельгабера филологическаго характера. Разумѣется, въ теченіе какихъ нибудь шести—семи дней, протекшихъ со времени написанія втораго посланія патр. Іосифа къ королевичу до разсматриваемаго нами преніе о вѣрѣ, о. Иванъ, главный оппонентъ съ православной стороны, не имѣлъ возможности вмѣстѣ съ товарищами ознакомиться съ греческимъ языкомъ настолько, чтобы спорить съ придворнымъ проповѣдникомъ, да едва ли и сознавалъ вполнѣ надобность въ томъ. Датчане между тѣмъ съумѣли воспользоваться въ своихъ интересахъ данныхъ временемъ; королевичъ, вопреки своему письму къ царю отъ 24 мая, приказалъ перевесть второе посланіе Іосифа, а его „подданственный слуга въ словѣ“ успѣлъ изучить послѣднее и опредѣлить его достоинства и недостатки. Читая отвѣтъ патріарха на свой трактатъ, Фельгаберъ не могъ не видѣть, что авторъ его знакомъ съ лютеранствомъ,

знаетъ многія вѣроисповѣдныя его особенности и можетъ разбирать и опровергать нѣкоторыя изъ нихъ; умный и образованный пасторъ понималъ, что не легко такого противника заставить молчать или считать лютеранство ученіемъ — сходнымъ съ православною вѣрою. Не надѣясь убѣдить своихъ оппонентовъ въ истинѣ своей вѣры и сходствѣ ея съ православіемъ и въ то же время желая выиграть время пасторъ измѣняетъ свою первоначальную тактику и съ помощію Вальдемара добивается у русскихъ замѣны не гласной и ни къ чему не приведшей переписки устнымъ открытымъ состязаніемъ. Въ преніи 28 мая Фельгаберъ не затрогиваетъ тѣхъ разностей протестантскаго ученія отъ православнаго, изъ-за которыхъ Русскіе могли успѣшно препираться съ нимъ, а намѣренно съуживаетъ объемъ полемики и останавливается на вопросѣ о крещеніи, на томъ самомъ пунктѣ, который всего менѣе былъ защищенъ во второмъ посланіи патріарха, и который труднѣе всего было отстоять Русскимъ. Какъ ловкій диспутантъ, Фельгаберъ старается привести въ замѣшательство своихъ оппонентовъ, придаетъ спору филологическій характеръ въ полной увѣренности, что если Русскіе въ перепискѣ не могли справиться со словомъ βαπτίζω, то они никакъ уже не найдутся что̀ сказать, если спросить ихъ о томъ же невзначай въ открытомъ диспутѣ. Разсчетъ пастора былъ вѣренъ и удался, какъ нельзя лучше. По словамъ автора вышеназваннаго датскаго Извѣстія, разсужденіе о крещеніи обѣихъ сторонъ кончилось тѣмъ, что православные богословы „не могли ужъ больше говорить о погруженіи въ воду“, и что наше правительство „не сознавало донесенія о преніи въ такомъ видѣ, въ какомъ оно сдѣлано было предъ государственнымъ совѣтомъ русскимъ священникомъ (вѣроятно, Насѣдкой) и придворнымъ пасторомъ“. Вальдемаръ въ письмѣ къ царю отъ 29 мая прямо говоритъ, что Францбековъ съ іереями греческой вѣры немного говорили супротивъ того, что βαπτίζω имѣетъ двоякій смыслъ или толкованіе [7]), что

---

7) Говорить о словѣ βαπτίζω съ пасторомъ могъ только Дм. Францбековъ, знавшій не много греческій языкъ, какъ о томъ дастъ понять самъ Фельгаберъ въ своемъ отчетѣ объ іюньскихъ преніяхъ 1644 г.

про диспутъ 28-го мая царю „не во всемъ подлинно, но такъ объявлено было, что лютеранской вѣрѣ легко могла худая слава отъ того статься“ со стороны тѣхъ людей, которые съ самаго начала противились браку королевича на царевнѣ Ириѣ и всячески пытались разстроить его. Королевичъ доказывалъ, что онъ крещенъ правильно, „*челобительно*“ просилъ царя позволить „*для исповѣдыванья прямой правды*“ двумъ или тремъ священникамъ греческой вѣры, хорошо знающимъ св. писаніе, побесѣдовать, въ своемъ присутствіи, съ его придворнымъ пасторомъ о крещеніи, при посредствѣ *хорошихъ, вѣрныхъ и честныхъ толмачей*. Въ концѣ письма Вальдемаръ выражалъ полную надежду, что послѣ того, какъ Михаилъ Ѳеодоровичъ самъ выслушаетъ доводы обѣихъ сторонъ въ пользу погружательнаго и обливательнаго крещенія, онъ много иначе будетъ разсуждать, нежели какъ ему про лютеранскую вѣру и крещеніе было объявлено.

Напрасно Вальдемаръ разсчитывалъ на перемѣну образа мыслей въ царѣ: Михаилъ Ѳеодоровичъ остался вѣренъ себѣ и существовавшимъ въ то время на Москвѣ воззрѣніямъ на образъ присоединенія къ церкви иновѣрца и условія женитьбы послѣдняго на православной, не смотря на то, что кн. С. Ив. Шаховской [8]) — авторитетъ для многихъ своихъ современниковъ въ истинахъ вѣры, правилахъ и обрядахъ церкви — въ письмѣ къ нему ясно высказалъ и подробно раскрылъ канонически - вѣрную мысль, что королевича можно, не крестивши, ввести въ церковь и женить на Ириѣ Михайловнѣ. Посланіе Шаховскаго, равно какъ обстоятельства, при которыхъ оно сдѣлалось извѣстнымъ царю, весьма любопытны и небезъинтересны для насъ.

Первый и при томъ же неудачный опытъ открытаго состязанія съ датчанами замѣтно повліялъ на нашихъ полемистовъ и смутилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Старшій оппонентъ

---

8) Свѣдѣнія о кн. С. Ив. Шаховскомъ см. у. А. И. Смирнова: Патр. Филаретъ Никитичъ, ч. 2, стрр. 38—39. 113. 124—126 об. и др.; Пр. Макар. И. Р. Ц. XI, стрр. 227—231 и г. Платонова. Древне-русск. сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в., стрр. 231—240.

съ нашей стороны, именно благовѣщенскій протопопъ Никита, обратился послѣ спора съ Фельгаберомъ за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія къ князю Сем. Ив. Шаховскому, голосъ котораго въ данномъ случаѣ могъ быть особенно авторитетенъ, какъ голосъ человѣка, имѣвшаго въ своей жизни не разъ надобность заниматься законоположеніями св. отцевъ и соборовъ, касающимися брака и нѣкоторыхъ догматико-обрядовыхъ вопросовъ. „Напалъ на насъ узолъ", говорилъ прот. Никита кн. Семену, „надобно его развязать". Шаховской: „Какой узолъ"? Протопопъ: „То-де узолъ, что королевичъ креститься не хочетъ". Шаховской: „Узолъ тотъ можно развязать и ввести королевича въ церковь не крещена" [9]). По неосторожности кн. Семенъ проговорился своему собесѣднику, что въ этомъ смыслѣ онъ даже письмо написалъ царю; но когда протопопъ сталъ просить у Шаховскаго письма, послѣдній отказалъ въ немъ. Письмо взялъ у князя думный дьякъ Григорій Львовъ именемъ государя, которому вѣроятно донесъ протопопъ Никита [10]). Въ посланіи къ Михаилу Оеодоровичу кн.

---

9) „Дѣло объ отправленіи въ ссылку къ Соли Вычегодской кн. Семена Шаховскаго за стараніе его, чтобы бывшій въ Россіи датской королевичъ Волдемаръ безъ крещенія могъ остаться въ Россійскомъ государствѣ"; Датск. дѣла 1644 г., № 3. Этотъ любопытный документъ, къ сожалѣнію, дошелъ до насъ безъ начала и конца, которые отъ времени истлѣли.

10) Посланіе кн. С. Ив. Шаховскаго къ царю мы нашли въ рукописномъ сборникѣ Императ. Публичн. библ. за № 1604 (Бычковъ. Описъ. ркпп. сборн., вып. 2, № LXII лл. 428—438). Хотя „Предписаніе посланія" не содержитъ въ себѣ прямаго указанія на принадлежность письма Шаховскому, тѣмъ не менѣе всѣ соображенія говорятъ за это. Авторъ посланія ясно даетъ понять, что онъ свѣтское лицо, взявшееся разсуждать о такихъ предметахъ, о которыхъ ему не слѣдовало бы, которые „паче его силы и сана" и относятся къ обязанностямъ духовнаго чина. Въ письмѣ говорится: „вѣдомо тебѣ, государю, да есть, яко блаженныя памяти отецъ твой, великій государь нашъ Филаретъ Никитичъ, Божіею милостію патр. Московскій и всеа Русіи, воспріялъ отъ грѣшныя руки моея писаніе нѣкое книжное и ни едино, и не прогнѣвался на мое безумное дерзновеніе, но паче изліявъ на мя убогаго за мои труды превеликое свое милосердіе". Въ приведенныхъ словахъ, по нашему, заключается намекъ на два посланія кн. С. Шаховскаго, изъ которыхъ въ одномъ онъ просилъ нѣкогда Филарета Никитича простить ему вину четвертаго брака, а въ другомъ,—по порученію и отъ лица того же патріарха, благодарилъ персидскаго шаха Аббаса за присланную имъ ризу Господню и убѣждалъ его принять св. крещеніе. Авторъ посланія обнаруживаетъ близкое знакомство съ окресностями Троице-Сергіевой лавры и

Шаховской вполнѣ соглашается съ своими современниками, что нельзя выдать благовѣрной и благочестивой царевны за иновѣрца, не принявшаго напередъ православной вѣры, но расходится съ ними въ опредѣленіи чина присоединенія послѣдняго къ церкви. Въ законѣ Божіемъ, разсуждаетъ кн. Семенъ, написано: *„моавитинъ и аммовитъ и всякъ иноплеменникъ да не внидетъ въ церковь Божію;* но развѣ Александръ Македонскій, еллинъ по происхожденію, не былъ въ храмѣ іерусалимскомъ? развѣ Давидъ, убѣгая отъ преслѣдованій Саула, не ѣлъ съ своими спутниками хлѣбовъ предложенія? Богъ не разгнѣвался однако на нихъ и Своимъ благоутробіемъ простилъ имъ грѣхъ законопреступленія. И потому-то великій ап. Павелъ написалъ, что *нужды ради закону премѣненіе бываетъ* (Евр. VII, 12). Но развѣ не нужда заставляетъ тебя, спрашиваетъ Шаховской Михаила Ѳеодоровича, отдать благовѣрную дочь свою за иноплеменнаго государскаго сына? Хорошо и прелюбезно было бы вступить въ супружество съ благочестивымъ и *равночестнымъ вашему царскому достоянію;* но гдѣ найти таковаго теперь, когда всѣ благочестивыхъ странъ цари и князья оскудѣли: одни въ плѣну находятся, другіе — отпали отъ благочестія и послѣдовали еретическимъ ученіямъ? По нуждѣ можно царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ вступить въ бракъ съ иновѣрцемъ, помня изреченіе апостольское: *что вѣси, жено,*

съ лицами, имѣвшими отношеніе къ ней; въ объясненіе этого должно указать на то, что вотчины князя С. И. Шаховскаго находились подъ Москвой, неподалеку отъ Лавры (Платоновъ, Древне—русск. Сказан., стр. 232, прим. 1, 238 прим. 2). Наконецъ, за принадлежность посланія Шаховскому говоритъ сопоставленіе его со стороны содержанія съ упомянутымъ въ предшествующемъ примѣчаніи „Дѣломъ объ отправленіи въ ссылку кн. С. Шаховскаго", а со стороны языка и литературныхъ манеръ—съ другими посланіями кн. Семена, въ достаточномъ числѣ дошедшими до насъ. Представленная нами на основаніи *Дѣла* бесѣда прот. Никиты съ кн. Шаховскимъ есть не болѣе, какъ résumé посланія; съ другой стороны послѣднему, какъ и всѣмъ прочимъ литературнымъ произведеніямъ кн. Шаховскаго, не достаетъ грамматической правильности рѣчи и безыскусственности изложенія.— Списокъ посланія князя Шаховскаго, принадлежащій Импер. Публ. б-кѣ, не чуждъ разныхъ описей и вообще не исправенъ; вѣроятно, съ теченіемъ времени, будутъ открыты другіе *болѣе исправные списки того же посланія.*

яко мужа спасеши? Вполнѣ соглашаясь съ толкованіемъ этихъ словъ, приведеннымъ авторомъ втораго посланія патріарха къ королевичу, Шаховской обращаетъ вниманіе на ученіе апостола о томъ, что невѣрующій мужъ, въ какомъ бы званіи ни призванъ былъ, можетъ освящаться женою вѣрующею и, наоборотъ, жена невѣрующая—мужемъ вѣрующимъ. Основываясь на этомъ, онъ выражаетъ увѣренность, что в. княжна Ирина, по сочетаніи бракомъ, при помощи Божіей, „ласканіемъ и прельщеніемъ“ приведетъ своего супруга къ истинѣ и просвѣтитъ Вальдемара въ благочестіи тѣмъ скорѣе, что онъ будетъ жить не въ своей, а въ русской землѣ. Цѣлымъ рядомъ примѣровъ подтверждаетъ Шаховской возможность и плодотворность смѣшанныхъ браковъ. Когда вел. кн. Владиміръ кіевскій, по взятіи Корсуня, изъявилъ желаніе чрезъ своихъ пословъ жениться на греческой царевнѣ Аннѣ, то развѣ братья послѣдней не уговаривали своей сестры выйти замужъ за нечестиваго, чтобы спасти родину и просвѣтить потомъ вмѣстѣ съ мужемъ землю русскую? Сестра болгарскаго князя Бориса, крестившись при дворѣ греческаго царя Михаила, по возвращеніи домой, обратила въ христіанство брата-идолоноклонника и съ нимъ всю болгарскую страну. Дочь греческаго царя Осодосія Плакида, сочетавшись бракомъ съ готскимъ княземъ Адульфомъ, расположила его принять христіанство. Наша княжна Елена развѣ не была вѣнчана съ Александромъ, королемъ польскимъ? и потомъ великая княжна Марья Владиміровна – съ Магнусомъ датскимъ? Думаю, что можно, заключаетъ Шаховской свои разсужденія, тебѣ, государь, отдать свою благовѣрную дочь за того невѣрца, *понеже не суть еллинъ и измаилтянинъ.., обаче же христіанинъ именуется.* Если нельзя уговорить его омыться въ купѣли въ три погруженія, пусть прокляпетъ свою *нанежскую* вѣру, присоединится къ восточной церкви и исповѣдаетъ вмѣстѣ со всѣми нами св. символъ, иконное поклоненіе и преданные намъ посты.

Все посланіе Шаховскаго носитъ на себѣ явный слѣдъ крайне-робкаго, боязливаго отношенія автора къ обсуждаемому вопросу. Князь Семенъ понималъ, что онъ не ко

времени написалъ свой трактатъ, что выводъ, къ которому онъ пришелъ, слишкомъ не гармонируетъ съ общественнымъ мнѣніемъ и настроеніемъ. Онъ не увѣренъ былъ даже въ царѣ, что тотъ благосклонно отнесется къ его писанію, и потому неоднократно и усердно просилъ Михаила Ѳеодоровича не гнѣваться и не полагать опалы на холопа своего. Зная заранѣе, что государь, безъ того въ размышленіи болѣзнующій", будетъ опасаться за благочестіе и чистоту православной вѣры, Шаховской предлагалъ ему прежде, чѣмъ выдавать благовѣрную дочь за иновѣрца, „пособоровать съ духовными отцы и своими государевыми боярами, самовластно, безъ благословенія патріарха и всего духовнаго чина ничего не дѣлать. Самъ будучи человѣкомъ благочестивымъ, онъ совѣтовалъ царю, повѣнчавши дочь свою, молитвою, постомъ и милостынею къ нищимъ просить у Бога прощенія грѣховъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, мнѣніе князя С. Ив. Шаховскаго не нашло себѣ сочувствія и поддержки въ обществѣ. Бояре, узнавши, что князь *присталъ къ королевичу* и вмѣстѣ съ своими совѣтниками задумалъ обругать православную христіанскую вѣру греческаго закона, послали его на далекое воеводство въ Усть-Колу [11]); самъ царь не спасъ

11) Платоновъ, Древне-русск. сказан. и повѣсти о смутномъ времени XVII в., стр. 238. Протопопъ Никита, вопрошавшій кн. Шаховскаго, больше не участвовалъ въ преніяхъ съ лютеранами, хотя по прежнему продолжалъ состоять настоятелемъ благовѣщенскаго собора и духовникомъ к. Михаила Ѳеодоровича. Протопопомъ благовѣщенскимъ Никита сдѣланъ былъ въ концѣ 1634 г. или въ началѣ 1635 г. (143 г. 31 окт.—143 г. 19 марта), а оставилъ эту должность, вѣроятно, со смертію Михаила Ѳеодоровича. 24 апр. 1645 года онъ былъ еще благовѣщенскимъ протопопомъ, но 28 сент. того же года на его мѣстѣ мы видимъ уже извѣстнаго Стефана Вонифатьева. Во вкладной книгѣ 1673 г., хранящейся въ ризницѣ Троице-Сергіевой лавры за № 3 на л. 746 обор., между 22 декабря 151 года и 29 апрѣля 156 года, записано: „Государевъ бывшей духовникъ благовѣщенскій протопопъ Никита Васильевъ далъ вкладу денегъ сто рублевъ и за тотъ вкладъ постриженъ; во иноцѣхъ Никифоръ (надъ этимъ словомъ: Кавадѣевъ)". Архивъ Оружейной Палаты книги за №№ 290, 300 и 30 (по описан. Викторова); по стар. описи №№ 766, 986, 983 и 988; ср. Матеріалы для исторіи Московск. церквей г.г. Холмогоровыхъ, столбб. 167—169.

отъ ссылки своего доброхота и, разумѣется, не принялъ его предложенія, нерѣшительно и съ разными оговорками высказаннаго. Вмѣсто того Михаилъ Ѳеодоровичъ рѣшился на вторичное преніе своихъ богослововъ съ датчанами. 2-го іюня 1644 года, по его приказанію, ключарь Иванъ Насѣдка и Димитрій Францбековъ, въ домѣ послѣдняго, снова разсуждали о св. крещеніи съ пасторомъ королевича и старались въ этотъ разъ доказать ему, что „въ греческихъ и въ нѣмецкихъ библіяхъ написано погруженіе, а не обливаніе и не окропленіе“. Фельгаберъ, поддерживаемый на этомъ диспутѣ Юрьемъ Лотомъ, комнатнымъ дворяниномъ Вальдемара, по прежнему настаивалъ на равносильности своего крещенія съ православнымъ. Надобно думать, что Насѣдка и Францбековъ, озадаченные пасторомъ на первомъ преніи, не растерялись въ концѣ, подобно протопону Никитѣ. Запасшись кой-какими свѣдѣніями насчетъ значенія и употребленія въ библіи слова βαπτίζω, они надѣялись смѣлостью и ловкостью взять верхъ надъ своимъ противникомъ, но жестоко ошиблись. Послѣ долгихъ препирательствъ съ своими оппонентами, въ жару спора, Фельгаберъ, не стѣсняясь, заявилъ Насѣдкѣ: „ты, Иванъ, *по-гречески неумѣешь говорить*, а Дмитрій меня обманываетъ“, и послѣ того сталъ просить евангелія и апостола на *греческомъ* языкѣ. Тщетно находчивый ключарь старался заговорить съ пасторомъ о правилахъ апостольскихъ и книгѣ Діонисіевой, чтобы предотвратить грозившую опасность; тотъ стоялъ на своемъ, требовалъ, чтобы разсужденіе о значеніи βαπτίζω основывалось на самыхъ книгахъ, а не на одномъ заявленіи православной стороны. Это обстоятельство, предполагаемъ, и было ближайшею причиною того, что на другой день царь Михаилъ Ѳеодоровичъ распорядился, чтобы собрались всѣ иноко-священники и міряне, знающіе греческій языкъ, свящ. писаніе, церковные чины и божественные догматы, и „изыскались къ супротивнымъ еретикамъ о св. крещеніи отвѣщати“. Вслѣдствіе этого указа государя, 3-го іюня, въ квартирѣ Францбекова, помимо лицъ, участвовавшихъ наканунѣ въ диспутѣ, собрались: архимандритъ іерусалимскаго патр. Ѳеофана Анфимъ, архимандритъ всѣх-

святскаго метеорскаго монастыря Пароеній [12]), цесаревъ посолъ князь Дмитрій Альбертосъ да два переводчика, Дементій и Ѳеодоръ [13]). Споръ, прекращенный 2-го іюня, за отсутствіемъ съ нашей стороны людей, знающихъ греческій языкъ, теперь съ силою возобновился и, благодаря свѣжимъ силамъ, окончился сравнительно счастливо для насъ. Но прежде, чѣмъ говорить о послѣдствіяхъ іюньскаго пренія нашихъ съ датчанами и излагать его содержаніе, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о характерѣ журналовъ разсматриваемаго диспута.

Главнымъ источникомъ, при изученіи послѣдняго, для насъ служили: 1) „Переводъ съ писма, что подалъ въ посольскомъ приказѣ діякомъ думному Григорью Львову да Степану Кудрявцову Петръ Марселисъ въ нынѣшнемъ 152-мъ году іюня въ 7 день“; 2) „Рѣчь ключаря Ивана Насѣдкина къ нѣмчину Матвѣю о крещеніи христіянскія вѣры“; 3) „Переводъ з греческаго писма, что прислали въ посольской приказъ думному діяку Григорью Львову архимариты Ерусалимской Анфимъ, да метеорской архимаритъ Пароеней, да князь Дмитрей Альбертосъ Долмацкой въ нынѣшнемъ во 152 году іюня 7 числа“ и 4) Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара Христіяна Гильденлеве [14]).

Письмо, доставленное въ посольскій приказъ Марсели-

---

12) Среди датскихъ дѣлъ (1644 г., св. 20) Моск. архива сохранился слѣдующій, важный въ данномъ случаѣ, документъ: „Лѣта 7152-го іюня (въ) 3 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича указу память ясельничему Баиму Ѳедоровичу Болтину да діаку Григорью Пятово: велѣти имъ послати къ ерусалимскому да къ царегородскому архимаритомъ двѣ лошеди съ сѣдлы и съ узды с мирными, по государеву указу, быти имъ нынѣ у Дмитрія Франзбекова для государева дѣла“.

13) Авторъ датскаго извѣстія говоритъ, что съ русской стороны въ диспутѣ 3 іюня приняли участіе одинъ священникъ, *шесть* грековъ и одинъ отступникъ чехъ.

14) Нѣсколько указаній на этотъ диспутъ можно найти въ перепискѣ русскихъ съ датчанами, завязавшейся послѣ самаго пренія (Датск. д. 1644 г., св. 20; сн. Россійск. духовн. д. 7152—1645 г.), а также въ „*Списаніи богородицкаго ключаря Ивана на королевичева нѣмчина Матвѣя*“ (Рук. Моск. Син. б-ки № 857, лл. 260. 280 об.—281. 401 и др.

сомъ, есть не что иное, какъ обширный оффиціальный отчетъ о данномъ преніи, написанный Фельгаберомъ 4-го іюня 1644 года для королевича. Онъ былъ адресованъ на имя Вальдемара и собственноручно подписанъ пасторомъ. Оригинала этого письма, сколько намъ извѣстно, почти не сохранилось. Славянскій переводъ его, дошедшій до насъ въ *подлинникѣ* и въ нѣсколькихъ спискахъ [15]), состоитъ изъ двухъ одинаковыхъ по объему частей; въ началѣ первой находится вышеприведенное заглавіе, а передъ второю—читаемъ: „Переводъ з греческого письма, что перевелъ князь Дмитрей Альбертусовъ съ еллинского языку на греческой съ письма дацкого попа Матвѣя въ нынѣшнемъ вс 152-мъ году іюня въ 8 день". Присутствіе послѣдняго заглавія, въ сущности замѣчанія, въ Фельгаберовомъ отчетѣ, давшее поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ считать вторую часть его за особый, самостоятельный памятникъ разсматриваемой полемики, объясняется такимъ образомъ. Средина Фельгаберова письма, гдѣ онъ кратко излагаетъ свой споръ съ греками, происходившій „изъ устъ во уста", была написана имъ не понѣмецки, а погречески [16]) и, по порученію

15) Подлинникъ славянскаго перевода Фельгаберова отчета объ іюньскомъ преніи (на 56 столбцахъ) хранится въ Датскихъ дѣлахъ (1644 г., № 6) Гл. Моск. Архива Мин. Ин. Д. Помимо подлинника, отчетомъ Фельгабера мы пользовались еще въ спискахъ: Казанск. дух. Ак. № 604 лл. 105—133, С.-Петерб. дух. Акад № 30 лл 124—155 и Моск. Синод. б-ки № 857 лл. 204—244. Первые два списка обращаютъ на себя вниманіе какъ исправностью своего текста по сравненію съ Синодальнымъ,—такъ въ особенности критическими замѣчаніями, находящимися въ нихъ на поляхъ. Объ этихъ замѣчаніяхъ скажемъ ниже, а здѣсь замѣтимъ, что изъ нихъ только три находятся въ Синодальной рук. № 857, и то не на поляхъ, а въ текстѣ (лл. 214. 216 об. 218).

16) Эта часть Фельгаберова отчета въ *оригиналѣ*, т. е. на греческомъ языкѣ, сохранилась (безъ начала) въ архивѣ и найдена нами въ греческихъ дѣлахъ (К. 122). Составитель реэстра послѣднихъ (1509—1798 гг., № 136), встрѣтившись съ даннымъ отрывкомъ изъ письма Фельгабера, но не зная, къ какому времени это отнести, сдѣлалъ объ немъ такое замѣчаніе на оборотѣ послѣдняго полулиста своего каталога: „Разсужденіе (*неизвѣстнаго сочинителя*) съ евангельскими доказательствами, что слова обливаніе и погруженіе во время бываемаго крещенія значатъ одно и тоже, и что не должно крещаемыхъ обливаніемъ вновь перекрещивать, а только тѣхъ, которые крещены не во имя святыя Троицы (на греч. языкѣ безъ года и числа)".

русскаго правительства, переведена была княземъ Димитр. Альбертосомъ. Кѣмъ былъ переведенъ весь Фельгаберовъ отчетъ на русскій языкъ? незнаемъ и съ своей стороны можемъ только сказать, что переводъ по мѣстамъ теменъ и неудобопонятенъ, по мѣстамъ въ немъ встрѣчаются слова, не позволяющія видѣть въ переводчикѣ природнаго москвича. Съ внѣшней стороны отчетъ пастора носитъ характеръ ученаго богословскаго трактата; авторъ испестрилъ его цитатами, снабдилъ своего рода введеніемъ и заключеніемъ и подраздѣлилъ первую половину на четырнадцать рубрикъ— *основаній* или *оказаній*, какъ обозначилъ ихъ переводчикъ. Впрочемъ послѣднее, то-есть искусственное изложеніе пренія по пунктамъ не спасло Фельгабера отъ повторенія тѣхъ или другихъ доводовъ, приведенныхъ имъ въ пользу обливательнаго крещенія въ спорѣ съ православными, и вообще литературная сторона отчета носитъ на себѣ слѣды спѣшной, на скору руку исполненной письменной работы. Въ отношеніи къ полнотѣ, отчетливости и сравнительной объективности разсказа о диспутѣ, донесенію лютеранскаго пастора по справедливости слѣдуетъ отвести первое мѣсто въ ряду названныхъ источниковъ. Въ немъ Фельгаберъ не только обстоятельно излагаетъ основанія въ защиту обливательнаго крещенія, но иногда воспроизводитъ отвѣты и возраженія своихъ противниковъ съ неоднократнымъ указаніемъ того, что̀ именно въ преніяхъ говорили ему русскіе, греки и другіе участники съ православной стороны, съ чего начался споръ и чѣмъ онъ окончился. Въ началѣ своего отчета насторъ дѣлаетъ справедливый отзывъ о своихъ оппонентахъ, а въ концѣ рѣшительно и далеко нелестно высказывается на счетъ ближнихъ совѣтниковъ царя Михаила. Но при всемъ желаніи Фельгабера быть или по крайней мѣрѣ казаться безпристрастнымъ разскащикомъ не всегда удается ему это, какъ лицу, самому заинтересованному въ дѣлѣ. Тонкая иронія надъ православными сквозитъ во многихъ мѣстахъ его донесенія. Въ послѣднемъ представлена разсуждающею умно одна сторона, говорятъ преимущественно лютеране, православные или совершенно молчатъ, или же, не принимая во вниманіе возраженій и до-

водовъ своихъ противниковъ, твердятъ одно и тоже, часто не впопадъ. Ихъ рѣчамъ искуснымъ въ словѣ пасторомъ намѣренно придается смѣшной ребячески-наивный видъ, а по мѣстамъ даже намѣренно опускаются тѣ спорные предметы, въ разсужденіи которыхъ наши оказались сильнѣе своего образованнаго противника.

Сейчасъ отмѣченный пробѣлъ въ Фельгаберовомъ отчетѣ объ іюнскомъ преніи до нѣкоторой степени восполняется *Рѣчью ключаря Ивана Насѣдкина къ нѣмчину Матвѣю о крещеніи христіанскія вѣры* [17]). Эта послѣдняя есть частная запись состязанія русскихъ съ пасторомъ и его товарищемъ Юріемъ Лотомъ, обстоятельно излагающая доводы, приведенные въ опроверженіе лютеранъ собственно Насѣдкой. Изъ начальныхъ словъ ея видно, что она составлена не тотчасъ послѣ диспута, а спустя бо́льшій или меньшій промежутокъ времени, вѣроятно въ началѣ 1645 года [18]). Предполагаемъ, что въ рѣчи ключаря Ивана, какъ позднѣйшей записи, нѣкоторые отвѣты русскихъ представлены не въ томъ видѣ, въ какомъ они даны были лютеранамъ на диспутѣ. Разсужденія Насѣдки о символѣ вѣры и молитвѣ Господней не столько напоминаютъ собою живую бесѣду, сколько простое заимствованіе изъ книгъ [19]). Это предположеніе тѣмъ вѣро-

---

17) Мы пользовались ею въ четырехъ спискахъ: Казан. дух. Ак. № 604 лл. 92—104, С.-Петерб. дух. Ак. № 30 лл. 108—123, Моск. Синод. № 857 лл. 180—194 и Кіевск. дух. Ак. № 119 (О. л. 47) лл. 7—13 обор. Послѣдній списокъ самый неисправный; помимо равныхъ описокъ, въ немъ Рѣчь ключаря Ивана съ незначительнымъ пропускомъ въ срединѣ и безъ конца. Первые два совершенно одинаковы между собою, старше по времени и лучше другихъ. Во всѣхъ этихъ спискахъ Рѣчь ключаря Ивана безъ конца; не достаетъ всего двухъ фразъ; онѣ приведены А. Ѳ. Бычковымъ въ Описан. рукописныхъ сборник. Импер. публичн. библ. (Вып. 2 стр. 330 л. 78). Въ описи патріаршей казны 1658 г. показана: „Тетрадка преніе ключаря Ивана Насѣдки съ королевичемъ Вальдемаромъ“ (Временн. Общества истор. Ч. XVI. стр. 101), подъ которою вѣроятнѣе всего разумѣть Рѣчь ключаря Ивана о крещеніи.

18) Предполагаемъ, что тотчасъ послѣ диспута Насѣдкой была сдѣлана лишь краткая запись іюньскаго преніе которая, намъ кажется, сохранилась въ рукопи. сборникахъ Петерб. (№ 30 л. 279 об.—280 ср. лл. 108—109 и 115) и Казанской (№ 605 лл. 220, 92 и 97 об.) духовныхъ Академій.

19) Въ ркп. Казанск. дух. Академіи № 604 противъ того мѣста (л. 94), гдѣ авторъ рѣчи защищаетъ правильность совершительныхъ сл въ таинства крещенія

ятнѣе, что разсматриваемая рѣчь составлена самимъ ключаремъ, имя котораго носитъ надъ собою во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ. Достаточно сравнить отзывы автора „Рѣчи“ о Лютерѣ, лютеранскихъ попахъ и киркахъ съ соотвѣтствующими мѣстами *Изложенія на лютеры*, чтобы увѣриться въ этомъ [20]). Пожелавъ скрыть свое имя, Насѣдка говоритъ о себѣ въ началѣ Рѣчи въ третьемъ лицѣ, но потомъ вслѣдствіе забывчивости или невыдержанности всюду замѣчаетъ о себѣ въ первомъ лицѣ множественнаго, а еще чаще единственнаго числа [21]). Передавая въ своей Рѣчи недосказанное Фельгаберомъ и тѣмъ поправляя его, ключарь сообщаетъ иногда цѣнныя свѣдѣнія о характерѣ диспута о поведеніи на немъ споривших сторонъ. „Да по многомъ бездѣльѣ, читаемъ у него, сталъ (пасторъ) говорить: ты де (по) гречески, Иванъ, не умѣешь говорить, а Дмитрей де меня обманываетъ, и учали прошати греческихъ книгъ, евангелія и апостола, хотя бы и на жидовскомъ языкѣ. И язъ имъ греческія книги положилъ, и о томъ греки вѣдаютъ, что они сами съ ними *много шумѣли*, и какъ Дмитрей положилъ ихъ книгу децыпарію, и они въ ней смотрѣли и разсужали, и въ ней написано по гречески и по нѣмецки погруженіе, а не обливаніе, ни окропленіе, и *стали вельми бранитися, и книгу свою децынарію учалъ онъ, нѣмчинъ Матвѣй, о столъ бити*“. Хотя Насѣдка въ своей запискѣ болѣе простодушенъ, чѣмъ пасторъ, однако и у него противникъ не разъ представленъ безотвѣтнымъ. „И нѣмчинъ Матвѣй говорилъ противъ насъ все слова лживыя.., и Матвѣй намъ, Ивану, отвѣту никакова въ божественныхъ книгахъ не

въ православной церкви, помѣчено: *„крыни* (а) *гл. 49 ст. 2, гл. 42 ст. 10“*. Не указываетъ ли означенная помѣта на одинъ изъ источниковъ, которыми пользовался ключарь Иванъ при составленіи своей записки?

20) Рук. Каз. Ак. № 604 лл. 116—117. 113—114; ср. Рук. Моск. Ак. № 178 лл. 254—256 и Рук. Моск. Синод. № 857 лл. 401. 255 и др.

21) „И ево, Матвѣя, ключарь уличалъ евангеліемъ..., и указалъ ему въ Матвеѣ въ главѣ 3-й..., да въ Лукѣ же указали мы..., и язъ ему сказалъ, молвилъ..., и язъ имъ и греческія книги положилъ..., да онъ же Матвѣй сказывалъ намъ, что есть-де у нихъ уставы апостольскіе о вѣрѣ и какъ по многомъ спиранія стали у насъ спрашивать греческихъ книгъ, *я*, Иванъ, воспомянулъ ему Матвѣю..., да яже, Иванъ, говорилъ ему, Матвѣю, что они не крещены“ и т. п.

могъ сыскать.., и во всѣ съѣзды о томъ все приводы лживыми отговаривался",—замѣчаетъ ключарь о своемъ словоохотливомъ, не любившемъ молчать или оставаться въ долгу оппонентѣ.—Еще съ меньшимъ безпристрастіемъ былъ изложенъ споръ въ письмѣ грековъ [22]). Будучи по характеру оффиціальнымъ, донесеніе грековъ содержитъ въ себѣ краткій перечень мѣстъ священнаго писанія, на которыя ссылались греки въ состязаніяхъ съ Фельгаберомъ, и одно-два указанія на возраженія послѣдняго. Письмо написано греками съ явнымъ намѣреніемъ угодить русскому правительству, выставить себя въ хорошемъ свѣтѣ и очернить своего противника [23]). „Новый проповѣдникъ дьявольскій, поганый, неосвященный и безумный еретикъ" Матвѣй то твердитъ у нихъ безъ всякихъ доказательствъ, что погруженіе, окропленіе и обливаніе все одно, то „виляетъ на всѣ четыре стороны", то, не умѣя отвѣтить на вопросъ, „осержается, гнѣвается, злобится и зло зритъ" на нихъ. При всемъ томъ было бы несправедливо отказывать письму грековъ, во всякомъ значеніи и довѣріи; оно съ одной стороны разъясняетъ темныя мѣста въ отчетѣ Фельгабера, пострадавшемъ при переводѣ на русскій языкъ, съ другой подтверждаетъ данныя въ Рѣчи ключаря Ивана касательно характера преній. „И онъ, еретикъ Матоей, не возмогая отвѣтъ намъ дати противъ божественнаго писанія, осердяся, поднялъ божественную книгу и ударилъ объ столъ, а самъ, воздывъ руки на небо, учалъ великимъ гласомъ вопѣть, а что онъ вопѣлъ по своему языку нѣмецкому, мы того не знаемъ". Обстоя-

---

[22]) Оригинала не дошло до насъ, и въ Датскихъ дѣлахъ моск. архива минист иностр. дѣлъ сохранилось лишь начало (3 столбца) *подлинника* русскаго перевода (Датск. д. 1644 г. № 6). Кромѣ того переводъ съ письма грековъ мы имѣли въ трехъ спискахъ: Моск. Синод. № 857 лл. 196—204, Казанск. дух. Ак. № 604 лл. 215 об.—220 и С.-Петерб. дух. Ак. № 30 лл. 274—279. Разница между списками незначительная: списки академическіе исправнѣе, но въ нихъ письмо грековъ не имѣетъ самаго конца и подписей грековъ; въ синодальномъ оно полно.

[23]) Архимандриты Анфимъ и Парѳеній пріѣзжали къ царю за милостыней. Муравьевъ, Сношенія Россіи съ Востокомъ, ч. 2 стрр. 253—256. 261—262; см. Письмо Халкидонскаго митр. Даніила въ Греческ. дѣл. Моск. А. Ин. Д. 7153 г. № 30.

тельство, о которомъ говорится здѣсь и которое случилось среди спора со словаремъ Дасиподія, ошибочно принятымъ греками за божественную книгу, подтверждается отчасти *Извѣстіемъ о поѣздкѣ въ Россію* Вольдемара Христіяна Гильденлеве, въ которомъ кромѣ того находится важное указаніе на время іюньскихъ преній и на лица, участвовавшія въ нихъ.

Изъ сказаннаго не трудно видѣть, что при изложеніи іюньскаго пренія нужно пользоваться всѣми разсмотрѣнными журналами, а не слѣдовать какому-либо одному. Но и при такомъ отношеніи къ источникамъ мы считаемъ невозможнымъ представить богословскій споръ въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ происходилъ, передать возраженія православныхъ и отвѣты на нихъ лютеранъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали одно вслѣдъ за другимъ. Слѣдуя тѣмъ общимъ указаніямъ, которыя находятся на этотъ счетъ въ отчетѣ Фельгабера и запискѣ ключаря Ивана, попытаемся представить содержаніе диспута въ *предметномъ* порядкѣ, при томъ не отдѣляя пренія 3-го іюня отъ происходившаго наканунѣ какъ будто бы это была одна непрерывная бесѣда. Излагать эти пренія раздѣльно невозможно, такъ какъ сами участвовавшіе въ нихъ соединили въ своихъ отчетахъ одно съ другимъ, сказанное 2-го іюня съ тѣмъ, что произошло на слѣдующій день.

Пренія начались съ вопроса о крещеніи; православная сторона на основаніи библіи доказывала, что въ крещеніи нужно погружать всѣмъ тѣломъ, а не обливать или окроплать одну какую-либо часть.

Фельгаберъ отвѣчалъ: если взглянемъ на конечную цѣль крещенія, то изъ слова Божія увидимъ, что насъ крестятъ не для того, чтобы всему тѣлу быть омыту погруженіемъ, но чтобы заключить союзъ доброй совѣсти съ Богомъ. Кто облекся во Христа и пересталъ жить для грѣха, тотъ правильно крещенъ, былъ-ли онъ погруженъ всѣмъ тѣломъ, или облита только часть его. Всякій можетъ понять, что крещеніе не есть омытіе плотской нечистоты, но очищеніе нашего внутренняго человѣка; сила крещенія въ дѣйствіи св. Духа, а вода въ немъ видимый знакъ. Что

же мы смотримъ на одну внѣшность и жестоко споримъ изъ-за воды, когда отъ нея не зависитъ отпущеніе грѣховъ? Водѣ нужно быть, по Христову повелѣнію, только все равно: много-ли будетъ ея или мало. И слѣдуетъ ли осуждать человѣка на погибель за то, что онъ окропленъ или облитъ въ крещеніи, а не погруженъ? Многіе, хотя одной головой погружены были, однако носятъ Христа въ сердцѣ своемъ и въ каплѣ воды больше св. Духа приняли, нежели въ цѣломъ морѣ; а многіе, хотя и глубоко въ водѣ были, однако св. Духа не получили, потому что были погружены безъ вѣры и съ нечистою совѣстію. Но если крещеніе не есть очищеніе *тѣлесной руды*, а украшеніе себя добрыми мыслями, то не слѣдуетъ все тѣло погружать или обливать, какъ вы утверждаете, желая насъ съизнова крестить, и зло научаете государя вашего. Кто во второй разъ крестится, тотъ, по словамъ Дамаскина, снова распинаетъ Христа; по Августину, только тѣхъ должно крестить вторично, которые крещены не во св. Троицу; Кипріанъ погруженіе и обливаніе признаетъ одинаково правильными.

Греки: Когда Іоаннъ Креститель началъ въ пустынѣ проповѣдывать евангеліе и крестить непокорный и преступный народъ еврейскій крещеніемъ покаянія, тогда пришелъ къ нему незванный Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Какъ безгрѣшный, Онъ не имѣлъ нужды въ очищеніи чрезъ крещеніе, но благоизволилъ показать намъ новое духовное обновленіе и Самъ крестился отъ Іоанна, погрузившись во Іорданѣ.

Фельгаберъ: Правда, что Христосъ вмѣстѣ съ Іоанномъ сошелъ въ Іорданъ, какъ и Филиппъ съ евнухомъ въ воду; но погрузился-ли Онъ весь или окропился съ головы— все равно: сила крещенія не въ водѣ заключается.

Насѣдка: Іоаннъ крестилъ всѣхъ, приходившихъ къ нему, въ водѣ, и Христосъ, Матвѣй, крестился въ водѣ же.

Фельгаберъ: Лука въ своемъ Евангеліи и въ Дѣяніяхъ апостольскихъ написалъ, что Іоаннъ крестилъ водою, а не въ водѣ. Креститель сходилъ въ воду съ крещаемымъ, потому что, стоя въ водѣ, ему удобнѣе было черпать воду рукой и крестить. Кто повѣритъ, что мужи и жены, во

множествѣ выходившіе креститься къ Іоанну, снимали платье свое и себя обнажали? право при такомъ обычаѣ немногія бы честныя женщины пошли къ Предтечѣ, и въ библіи про скидываніе и надѣваніе платья ничего не сказано, даже противное тому написано. Во многихъ мѣстахъ св. Писанія Самъ Богъ запретилъ обнажать срамъ свой, и нельзя думать, чтобы Онъ приказалъ мужамъ и женамъ обнажаться при крещеніи; впрочемъ мы не стыдимся крестить дѣтей своихъ чрезъ погруженіе.

Насѣдка: Что можетъ быть хуже такого лицемѣрія? младенцевъ, по вашему, надобно погружать въ водѣ, а совершенныхъ возрастомъ не нужно... Въ Самаріи и въ Римѣ при ап. Петрѣ мужи и жены не обливались, но погружались и не *соромились*, только жены для благообразія отдѣлялись отъ мужчинъ, какъ то было при Константинѣ въ Римѣ или при Владимірѣ въ Кіевѣ и во всей Россіи. И хотя въ срачицахъ крещались, но вода все тѣло ихъ обливала, потому что они сами погружались, какъ немощные въ купѣли силоамской или какъ прокаженный Нееманъ при Елисеѣ въ Іорданѣ.

Фельгаберъ: Если вмѣстѣ съ крестившимися платье въ воду было совано, значитъ не одни люди, но и платье крещено. Говорить такъ богохульно.

Альбертосъ: По словамъ евангелиста, Іоаннъ крестилъ въ Енонѣ, близъ Салима, потому что тамъ было *много* воды; приходившіе къ Предтечѣ крестились, конечно, чрезъ погруженіе, иначе не для чего было замѣчать, что тамъ было много воды.

Фельгаберъ: Еврейское „*енонъ*" значитъ колодезь; въ сирской библіи написано даже: *мутный* колодезь. Чтобы не удивлялись тому, что Іоаннъ крестилъ въ маломъ колодцѣ, гдѣ бо́льшая часть воды была мутная, евангелистъ и прибавилъ, что въ то время тамъ было много воды. Изъ Евангелія и Дѣяній видно, что тогда креститель и крещающіеся, по большей части взрослые, входили въ воду и потому искали такихъ мѣстъ, гдѣ больше было воды. Наконецъ евангелистъ, упоминувъ объ Енонѣ, тѣмъ самымъ объявилъ, что не только въ водахъ іорданскихъ, какъ думали нѣкоторые,

но и въ другихъ мѣстахъ можетъ также совершаться крещеніе.

Греки: У евангелиста Матоея сказано, что Іисусъ Христосъ, крестившись, вышелъ — ἀνέβη изъ воды; ясно, что Онъ весь въ водѣ былъ.

Фельгаберъ: Мы прекрасно знаемъ, что Христосъ въ воду сошелъ и опять изъ нея вышелъ; только отсюда не слѣдуетъ, что онъ весь въ водѣ былъ. По-гречески καταβαίνειν значитъ собственно сойти внизъ; такъ, напримѣръ, въ Дѣяніяхъ апостольскихъ о Павлѣ и Филиппѣ сказано, что они, миновавши Мисію, сошли (κατέβησαν) въ Троаду. Ἀναβαίνειν значитъ не только вылѣзть, но и назадъ идти, войти на мѣсто, гдѣ повыше; въ тѣхъ же Дѣяніяхъ ап. Павелъ разсказываетъ о себѣ: „я взошелъ (ἀνέβην) помолиться въ Іерусалимъ“. Ясно, какъ Божій день, что словами: „взошелъ и вышелъ“ нельзя доказать, что въ крещеніи намъ должно погружаться всѣмъ тѣломъ съ волосами.

Греки: По словамъ евангелистовъ, Христосъ, пришедши изъ Назарета, крестился — ἐβαπτίσθη во Іорданѣ. Βαπτίζειν значитъ погружать, и ты, Матвѣй, неправду говоришь, что Христосъ вошелъ во Іорданъ по поясъ, а Предтеча черпалъ воду рукою и кропилъ ею Христа.

Фельгаберъ: Глаголъ βαπτίζειν, употребленный евангелистами, съ такимъ же правомъ можно толковать въ смыслѣ обливать, окроплять, какъ и въ значеніи погружать. Въ Ветхомъ Завѣтѣ, по повелѣнію Божію, Ааронъ и сыновья его, предъ входомъ въ скинію собранія, должны были умывать свои руки и ноги изъ мѣднаго рукомойника; Моисей окроплялъ народъ кровію молодаго тельца; священники очищали прокаженныхъ чрезъ окропленіе ихъ птичьею кровію; наконецъ, чистые, по закону, окропляли нечистыхъ водою, смѣшанною съ пепломъ рыжей телицы. Всѣ эти омовенія рукъ и ногъ, всѣ окропленія нечистыхъ Павелъ означаетъ словами: βαπτισμοὺς διαφόρους (taufen) — различныя крещенія. Кто станетъ отрицать, что слово βαπτισμος употреблено здѣсь въ смыслѣ обливанія, окропленія или омовенія одной части тѣла? Всякій по мнѣ скажетъ, кто человѣческій смыслъ имѣетъ. И не дерзость ли говорить

послѣ того, что βαπτίζειν всегда значитъ погружать все тѣло въ воду? Впрочемъ, если изъ евангелія и апостола вы покажете намъ, что крещеніе означается въ нихъ словами: βαθύνω или βαθυζω, которыя, какъ ἐμβάπτω или ἐμβαπτίζω, дѣйствительно значатъ погружать, мы признаемъ ваше погруженіе правильнѣе нашего обливанія.

Францбековъ: Слово taufen значитъ погружать.

Фельгаберъ: Не правда. Думаю, что свою рѣчь мы лучше васъ понимаемъ; въ ней слово taufen не употребляется въ смыслѣ проникновенія одной вещи другою, но лишь для обозначенія крещенія. Въ нѣмецкой землѣ никогда не бывало, чтобы люди всѣмъ тѣломъ въ воду погружались, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ведется обычай погружать въ воду одну голову. Для чего же послѣ этого держать нѣмцамъ такое слово, которое значитъ погружать всего человѣка? Слово taufen происходитъ отъ еврейскаго „тава“, которое значитъ: сдѣлать подставу, положить основаніе, такъ какъ крещеніе (taufen) есть основаніе нашего спасенія. Христосъ говоритъ о себѣ: „*крещеніемъ долженъ Я креститься*“; здѣсь ли taufen употреблено въ смыслѣ: „совать въ воду съ волосами?“ Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ, что они „*будутъ крещены Духомъ Святымъ*“, и тутъ ли taufen значитъ покружать всѣмъ тѣломъ въ воду? Всякій разумный человѣкъ пойметъ, что Христосъ въ приведенныхъ словахъ выражалъ мысль, что среди страданій будетъ обильно пролита кровь Его, что на апостоловъ излитъ будетъ свыше Духъ Святый, какъ и сталось съ ними въ день Пятьдесятницы. Слово taufen, стало быть, въ указанныхъ мѣстахъ значитъ изливать или возливать, какъ и у евангелиста Марка, когда онъ говоритъ, что іудеи, „*пришедши съ торга, не поятъ, не омывшись*“.

Димитрій (Альбертосъ): Да въ вашемъ же лексиконѣ Дасиподія [24]) написано, что βαπτίζειν — taufen значитъ по-

---

24) Dasypodius Catholicus, hoc est, Dictionarium latinogermanico—polonicum, germanico—latinum et polono-latino—germanicum. Сочинитель былъ чехъ, Вячеславъ Дасинъ, род. въ Нимбурѣ баккалаврскъ, и священникъ впослѣдствіи въ Праховѣ. Онъ составилъ Dictionarium Latino—Bohemicum, который

гружать, а не окроплять или обливать, потому что въ немъ говорится не объ обливаніи, а о погруженіи въ крещеніи.

Фельгаберъ: Вы ссылаетесь на Дасиподія, а его у насъ, въ нѣмецкой землѣ, считаютъ *„утѣшителемъ не смысленныхъ“*. Мы и сами не отрицаемъ, что βαπτίζειν значитъ иногда погружать, но чтобы оно всегда употреблялось въ этомъ смыслѣ, не согласны. Самъ бѣдный Дасиподій жилъ въ Страссбургѣ — такомъ городѣ, въ которомъ никогда никого не совали въ воду при крещеніи.

Насѣдка: Крещеніе апостолъ называетъ образомъ смерти Христовой; крещающіеся во Христа въ смерть Его крещаются, спогребаются Ему въ купѣли, какъ бы въ землѣ. Но по колѣна-ли, до пояса-ли слѣдуетъ погребать человѣка? весь міръ, всѣ люди знаютъ, что мертвеца всего закапываютъ и не оставляютъ поверхъ земли головы, рукъ, персей или плечъ. И глупые знаютъ, что если оставить человѣка поверхъ земли, погребеннымъ до пояса, то звѣри или собаки всего вытащатъ и съѣдятъ. Крестить человѣка до пояса, освящать однѣ ноги съ тайными частьми „добрѣ не добро“; а пять чувствъ — съ главы до пояса, въ которыхъ умъ, и слово, и духъ, и всего человѣческаго естества животъ и содержаніе? Почему не содрогнуться всему человѣку въ сей банѣ, которая „безъ огня изваряетъ, и извнѣ очищаетъ, и извнутрь просвѣщаетъ“. Если въ видимой банѣ всѣ мы наги измываемся, тѣмъ паче въ духовной не съ ногъ до пояса, по-татарски, должны мы омываться, но свыше просвѣщаться обновленіемъ Св. Духа.

Фельгаберъ: Погребстися со Христомъ въ крещеніи нужно не наружно чрезъ омовеніе водою всего тѣла или части его, но внутренно; въ крещеніи надобно разрушить древняго человѣка и совлечься грѣховнаго тѣла плоти.

Греки: Крещеніе совершается духовно и тѣлесно; тѣлесное омываніе очищаетъ тѣло, духовное—душу и тѣло отъ всякаго грѣха; потому-то и блаж. Павелъ писалъ къ

послужилъ Полякамъ образцомъ для составленія перваго ихъ латинскаго словаря, при чемъ они на мѣсто чешскихъ поставили польскія рѣченія. Онъ издавался нѣсколько разъ въ Варшавѣ и Краковѣ, а въ 1642 г. въ Гданскѣ съ упомянутымъ выше заглавіемъ, послѣ еще не разъ перепечатывался.

Коринѳянамъ: „нѣкоторые изъ васъ были пьяницами, прелюбодѣями..., но омылись и освятились“..., ради дара Св. Духа.

Фельгаберъ: Ап. Павелъ въ посланіи къ Ефесеямъ называетъ крещеніе „*банею водною, посредствомъ слова*“; но всякій знаетъ, что въ банѣ не всѣмъ тѣломъ въ воду погружаются [25]). Въ посланіи къ Титу онъ же говоритъ, что въ крещеніи на насъ обильно изливается Духъ Св.; стало быть и водѣ нужно быть излитой на насъ, потому что въ сакраментахъ наружному съ внутреннимъ, видимому съ невидимымъ, земному съ небеснымъ надобно согласоваться. Когда въ ветхомъ завѣтѣ ѣли пасхальнаго агнца, тогда вѣрою вкушали новую пасху — Христа, закланнаго за грѣхи наши; обрѣзанію крайней плоти у древнихъ соотвѣтствовало обрѣзаніе духовное. Когда въ евхаристіи мы ядимъ хлѣбъ и пьемъ вино, тогда невидимо, „*черезъ природный обычай*“ вкушаемъ тѣло и кровь Христову; такъ и въ крещеніи въ соотвѣтствіе съ изліяніемъ на насъ Св. Духа, возливаютъ на насъ воду, — иначе не было бы тожества видимаго съ невидимымъ.

Насѣдка: Ап. Павелъ сказалъ объ изліяніи на насъ Св. Духа, а о возліяніи воды онъ не упомянулъ.

Фельгаберъ: Если Св. Духъ изливается на насъ, слѣдовательно, и воду надобно возливать, а то соотвѣтствія не будетъ... Въ посланіи къ Колоссянамъ Павелъ называетъ крещеніе обрѣзаніемъ; обрѣзаніе совершалось надъ однимъ членомъ тѣла и однако было совершенно.

Греки и Насѣдка: Въ ветхомъ завѣтѣ прокаженный Нееманъ погрузился во Іорданѣ, по слову пророка Елиссея. Самъ Христосъ указалъ на это, какъ на прообразъ погруженія въ крещеніи.

Фельгаберъ: Палея — дѣйствительно образецъ нашему крещенію. Тамъ Богъ ясно говорилъ про крещеніе новаго завѣта чрезъ пр. Исаію: „*Я изолью воды на жаждущее и потоки на изсохшее, излію духъ Мой на племя твое и благословеніе Мое на потомковъ твоихъ*“, и пр. Іезекіиля: „и

---

25) „И о томъ словѣ Матвѣй много смѣялся“, писалъ послѣ Насѣдка въ своемъ Списаніи обличительномъ (Рукоп. Синод. библ. № 857 л. 260), „да говорилъ такъ: се де не одна баня духовная, но и въ словѣ де бани“.

окроплю васъ чистою водою, и вы очиститесь отъ всѣхъ сквернъ вашихъ". Обѣ эти рѣчи св. отцы: Кириллъ, Кипріанъ, Хризостомъ и другіе разумѣли про крещеніе, — и намъ не слѣдуетъ перечить имъ.

Насѣдка: Слова *изліяти* нѣтъ въ русской библіи.

Фельгаберъ: Но оно есть въ еврейской и въ переводѣ семидесяти.

Насѣдка: Пророки говорили про слово Божіе, а не про крещеніе.

Фельгаберъ: Разумѣть подъ изліяніемъ воды на жаждущихъ слово Божіе не складно. Развѣ не было въ в. Завѣтѣ слова Божія? Пр. Исаія отъ лица Іеговы не могъ такъ говорить: „Я *изолью* воду на жаждущее"; рѣчь у него о будущемъ, а не о настоящемъ..., и для того *надобно грамматику учить.*

Насѣдка: Возможно, что пророки разумѣли иную священную воду.

Фельгаберъ: Другой воды нельзя разумѣть. Исаія говоритъ о водѣ, что съ нею придетъ на потомковъ Израиля благословеніе Авраамово и Іаковлево, и они назовутся людьми Господними. Я хорошо знаю, что Христосъ говорилъ еще о водѣ живой, но Онъ хотѣлъ дать пить ее, но не излить на насъ.

Насѣдка: Ветхому Завѣту нѣтъ дѣла до крещенія: онъ окончился Предтечею.

Фельгаберъ: Это жестоко вами сказано, потому что в. Завѣтъ *основаніе* новаго, а *новый — исполненіе древняго.* Онъ былъ сѣнію будущей благодати и предсказалъ всѣ тайны новаго Завѣта; однѣ изъ послѣднихъ прообразованы въ немъ *подлинными фигурами* и жертвами, другія обѣщаны словесно. Потому то ап. Павелъ и заявляетъ, что онъ ничего не говорилъ, кромѣ того, о чемъ писали Моисей и пророки: Христосъ объяснялъ в. Законъ, уличалъ имъ саддукеевъ и всѣхъ призывалъ испытать писаніе в. Завѣта. Моисей и пророки не для того пророчествовали, чтобы быть отвергнутыми потомъ, но чтобы научить насъ, какъ содержать теперь в. Завѣтъ съ его жертвами и окропленіями. Отсюда всякому не трудно понять, что в. Завѣта никоимъ образомъ нельзя отметать, что тѣло нужно держать противъ стѣни,

что обливаніе или окропленіе во св. крещеніи правильно, такъ какъ образу (τόπος) надобно согласоваться съ прообразуемымъ (ἀντίτυπος). Древніе учители церкви: Кипріанъ, Августинъ и многіе другіе ясно пишутъ въ своихъ книгахъ, что обливаніе въ крещеніи столь же дѣйствительно, какъ и погруженіе. Мы вѣримъ имъ, потому что они учатъ согласно съ словомъ Божіимъ... А вотъ патріархъ вашъ не дѣло написалъ намъ, будто въ крещеніи нужно говорить три *аминь*, при погруженіи, тогда какъ въ евангеліи нѣтъ ни одного *аминь*.

Насѣдка: Такъ положено святыми отцами.

Фельгаберъ Такимъ затѣямъ нечего вѣрить: св. отцы— не апостолы; лучше вѣрить апостоламъ, все слышавшимъ отъ Самого Христа.

Насѣдка: Что дурнаго въ томъ, если при каждомъ Лицѣ св. Троицы говорить *аминь*.

Фельгаберъ: Хорошо такъ, какъ Христосъ научилъ.

Насѣдка: Такъ (т. е. безъ трехъ *аминь*) было до соборовъ св. отецъ, пока не явились еретики: Савеллій, по-жидовски сливавшій три Лица св. Троицы въ одно; Арій, по-эллински учившій о трехъ раздѣльныхъ существахъ и нарицавшій тварью Сына Божія; Евномій, отрицавшій два лица и вѣровавшій во Единаго Бога Отца, Котораго считалъ Сыномъ и св. Духомъ и, наконецъ, Македоній, называвшій тварію св. Духа.

Фельгаберъ: Когда и гдѣ о томъ писано?

Насѣдка: Во времена перваго и втораго вселенскихъ соборовъ. Межъ этихъ двухъ соборовъ о томъ же дѣлѣ и другихъ христіанскихъ уставахъ было еще четыре помѣстныхъ, и на всѣхъ тѣхъ соборахъ были греческіе и римскіе цари и вселенскіе патріархи, а св. отцовъ на нихъ было больше пятисотъ; Аоанасій В. да Григорій Богословъ письменно тѣхъ еретиковъ обличали и цѣлыя книги противъ нихъ написали.

Фельгаберъ: А что у васъ разумѣется въ трехъ *аминь*? какой толкъ или сила содержатся въ ихъ приговариваніи? Почему бы не крестить по заповѣди Христовой: *„во имя Отца, и Сына, и св. Духа“*?

Насѣдка: Самъ Господь не разъ іудеямъ и особенно ученикамъ Своимъ говорилъ: *„аминь, аминь глаголю вамъ“*.

Фельгаберъ: Это значило, что слова Его истинны, а въ вашей прибавкѣ—лишекъ, ложь.

Насѣдка: Не ложь, но истина, потому что Савеллій, сливавшій три лица въ одно, сообразно съ тѣмъ и крестилъ не въ три погруженія. Св. отцы прокляли его, какъ и всѣхъ другихъ еретиковъ, и написали символъ вѣры, въ которомъ Сына Божія и Духа св. исповѣдали Богомъ истиннымъ, а не тварью. И ради еретиковъ, благодаря св. отцамъ, обнаружилась истина. Они прибавили три *аминь* во святомъ крещеніи: во имя Отца, аминь; во имя Сына, аминь; во имя св. Духа, аминь. Это значитъ, что во имя Отца — истиннаго, а „не слитаго составы“, по Савеллію или „непремѣняемаго въ Сына и въ Духа“, по Евномію; во имя Сына — истиннаго, а не тварь, по Арію; во имя св. Духа — истиннаго Господа, а не тварь, по Македонію.

Фельгаберъ: Это хорошо у васъ, а у насъ того нѣтъ; мы обливаемъ во имя Отца, и Сына, и св. Духа, а аминь говоримъ однажды.

Насѣдка: Такъ вы крещаетесь по савелліански... Ты прежде сказывалъ мнѣ, Матвѣй, что у васъ есть апостольскіе уставы о вѣрѣ, а у насъ есть правила и книги Діонисія Ареопагита; положьте теперь здѣсь вы свои уставы, а мы положимъ свои правила апостольскія и книги Діонисіевы и вмѣстѣ разсмотримъ: что у васъ за уставы о вѣрѣ?

Фельгаберъ: Не печатныя у васъ правила, а у насъ книги всѣ печатныя, да теперь ихъ нѣтъ съ нами, а вашимъ письменнымъ книгамъ безъ греческихъ нельзя довѣрять; про книгу Діонисіеву я знаю, что въ ней во многихъ мѣстахъ написана ложь, ей нечего вѣрить, и намъ она негодна.

Насѣдка: Хотя тебѣ негодными кажутся наши книги, а всѣ царства христіанскія на востокѣ, полуднѣ и западѣ, гдѣ ни есть христіане, и начальники ихъ: патріархи, митрополиты, архіепископы и весь чинъ священный нашему царю Михаилу Ѳеодоровичу поклоняются и со слезами просятъ у него не пищи и одежды, но ученія и заступленія

православной вѣрѣ. И государь нашъ, глава христіанская, съ пастыремъ своимъ всѣмъ желающимъ христіанскую вѣру соблюдать, яко единому тѣлу своему, споболѣзнуетъ, и писаніями, и ученіемъ, и духовною пищею всегда веселитъ и прохлаждаетъ всякими потребами, и всѣ церкви во вселенной радуются о владычествѣ его надъ христіанами.

Фельгаберъ: Мы все это знаемъ, только вѣры своей не хотимъ обезчестить.

Насѣдка: У васъ церкви, именуемыя кирки, что́ жена блудница; въ нихъ бываютъ всякіе люди: чистые и нечистые, а вмѣстѣ съ ними псы бродятъ и во мнимой вашей святынѣ скверну всякую кастятъ. Моисеево десятословіе Мартинъ невѣрно вамъ *розвелъ*. Если бы вы со вниманіемъ прочли евангеліе, то нашли бы тамъ все десятословіе, объясненное Самимъ Христомъ. О св. иконахъ, иноческомъ чинѣ, святыхъ таинствахъ и всемъ церковномъ строеніи онъ писалъ вамъ, будто все то затѣяно людьми. Самой библіи въ одномъ вы вѣрите, въ другомъ нѣтъ, одному только Лютеру вы вѣрите во всемъ. Да у васъ и вѣры только: „*Отче нашъ*“... да „*Вѣрую во Единаго Бога*“... Исповѣданіе православной вѣры явилось на первомъ вселенскомъ соборѣ, а до того времени гдѣ была вѣра христіанская? куда дѣлись люди, бывшіе до царя Константина и не слыхавшіе Лютеровыхъ толкованій на „*Вѣрую во Единаго Бога*“ и „*Отче нашъ?*“. Почему вы не поищете, чѣмъ вселенная утвердилась? Вы полагаете, что однимъ царемъ Константиномъ вселенная исправилась и идольство въ ней искоренилось; не думайте, что однимъ царемъ, но многими мучениками, пастырями и святыми отцами, на житіе, мученія и великія чудеса которыхъ вы не только не хотите смотрѣть, но плюете и ругаетесь.

Фельгаберъ: Святыхъ мы высоко почитаемъ и стараемся подражать имъ, такъ какъ они вели христіанскую жизнь, правильно учили слову Божію, и многіе изъ нихъ пострадали за евангеліе; но молиться святымъ Самъ Богъ не велѣлъ. И для чего молиться, когда они не могутъ слышать насъ?

Насѣдка: Живымъ людямъ вы кланяетесь, ихъ вы об-

нимаете и цѣлуете, особенно почитаете земныхъ государей; тѣмъ больше не подобаетъ ли покланяться святымъ и образамъ ихъ?

Фельгаберъ: Большая разница межъ земною и небесною службою. Земныхъ почестей достойны: начальство, старцы; ап. Павелъ всѣхъ приглашалъ другъ друга лобызать и почитать. Согласно съ словомъ Божіимъ, мы готовы каждому оказывать должное уваженіе, но никакъ не согласны у Бога честь отнимать и святымъ ее воздавать.

Юрій Лотъ [26]). Почему насъ не пускаютъ, Иванъ, въ вашу соборную церковь? Если бы пускали, многіе изъ насъ, видя ваше благочестіе, молитвы и чинъ церковный, стали бы принимать православную вѣру.

Насѣдка: Людей благочестивыхъ, пріѣзжающихъ въ Москву съ грамотами отъ своего начальства, въ которыхъ написано, что они правильно содержатъ христіанскую вѣру, у насъ пускаютъ въ соборную церковь служить и молиться; но кто окажется *съ примѣсомъ еретическимъ*, тѣхъ не только что въ церковь Божію, но и въ домъ святительскій не пускаютъ, и таковые съ нами христіанами никакого общенія не имѣютъ.

Юрій Лотъ: Въ книгахъ пророческихъ и въ евангеліи написано: „*храмъ Мой храмомъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ*“.

Насѣдка: Да только не разбойникамъ...

Юрій Лотъ: Мы въ церкви молиться хотимъ, а не разбойничать.

Насѣдка: Мартинъ написалъ вамъ, что всякая церковная красота у насъ: чины, службы и священство, все-де сталось вымысломъ человѣческимъ; онъ велѣлъ вамъ разорять повсюду церкви и монастыри, сѣчь и жечь чинъ иноческій и священническій, и вамъ недосугъ молиться. О благочестіи нашемъ вы можете узнать изъ своего катихизиса [27]) и своими глазами видѣть, какъ мы ходимъ съ молебнами и

---

26) Комнатный дворянинъ королевича въ нашихъ русскихъ документахъ называется различно: Лодомъ, Лоде и Лотомъ.

27) Говоря все это, о. Иванъ имѣлъ въ отд. виду катихизисъ Симона Буднаго.

крестами и освящаемъ воду. Лютеръ на все это велѣлъ вамъ плевать, и намъ пускать васъ въ свою церковь на поруганіе себѣ...

Юрій Лотъ: Вѣдь, мы христіане, и у насъ священники совершаютъ службу Богу и всякое освященіе творятъ надъ народомъ.

Насѣдка: Кто ихъ ставилъ во священство, кто далъ имъ власть всякое священнодѣйствіе совершать надъ народомъ? Вы, Матвѣй, не крещены, архіепископъ вашъ на площади бродитъ и только одно имя архіепископское на себѣ носитъ, а церкви Божіей не предстоитъ. Какъ же ему благословлять, когда самъ онъ не посвященъ? У васъ все люди *воинскіе и простые; что ни дѣлаютъ они, то все мерзость* предъ Богомъ и гибель на вѣки для васъ.

Юрій Лотъ: Какую же мерзость они творятъ и чѣмъ насъ губятъ?

Насѣдка: Не простой человѣкъ былъ Озія, а великій царь и избранникъ Божій во Израилѣ, но когда онъ взялся не за свое дѣло, дерзнулъ покадить во святомъ святыхъ, Господь поразилъ его проказою. Не только самъ онъ пострадалъ, но и пр. Исаія былъ наказанъ Богомъ за то, что не обличилъ царя въ его дерзновеніи. Господь не попустилъ царю Давиду, пролившему много крови, создать себѣ храмъ. Вы поступаете такъ же, какъ зрѣли кровопійцы — римскіе арцыбискупы и бискупы, которые крови радуются и на брани во главѣ своихъ ратей бываютъ. Попы ваши, не поставленные во священство, священствуютъ; вы же молчащіе гдѣ будете?

Фельгаберъ: Наши іереи правильно, чрезъ архіерейское рукоположеніе, поставлены и получили благодать св. Духа пасти стадо Христово, какъ Самъ Христосъ заповѣдалъ.

Насѣдка: Вы масла и хризмы не держите, какъ поповъ своихъ ставите.

Фельгаберъ: Это Богомъ въ библіи не приказано, и въ томъ ущерба нѣтъ, если мы масло и хризму оставили; хорошо соблюдать дѣйствія безразличныя (διαφορα), только не слѣдъ считать ихъ необходимыми. Вмѣстѣ съ поставленіемъ іерею нужно самому умѣть и другихъ научить слову

Божію, раздавать дары Христовы, отпускать грѣхи кающимся и не прощать не покаявшихся.

Насѣдка: Попы ваши ведутъ нечестивую жизнь.

Фельгаберъ: Про всѣхъ насъ нельзя этого сказать; ваши попы, говоря правду, мало знакомы со св. писаніемъ, и имъ весьма не мѣшало бы прежде, чѣмъ учить другихъ, самимъ поучиться. А что касается жизни вашихъ поповъ, то мы нигдѣ не видали такихъ пьяныхъ и бѣшеныхъ; они волочатся у васъ по улицамъ, и близь нихъ ни одному хорошему человѣку нельзя пройти. Какъ хотите, изъ этого нельзя узнать, что ваши попы правильно поставлены и ведутъ себя, какъ подобаетъ священнику.

„Мы, видя безумное его умышленіе и прочее, писали послѣ диспута православные, съ тѣмъ еретикомъ Матоеемъ не похотѣли больше состязаться и *рѣчь свою говорить перестали*“. Наши первые прекратили споръ, уступили Датчанамъ, но вовсе не потому, чтобы побѣждены были послѣдними или признали себя таковыми. Всѣ усилія пастора убѣдить противниковъ въ равносильности лютеранскаго крещенія съ православнымъ или по крайней мѣрѣ взять верхъ надъ ними въ словопреніи были напрасны. Путемъ отвлеченныхъ и отчасти схоластическихъ разсужденій діалектически-развитый пасторъ пытался низвести въ глазахъ православныхъ видимую сторону таинствъ на степень безразличнаго обряда; ничтожными разсудочными доводами, остроумными филологическими объясненіями и текстами св. писанія Фельгаберъ не разъ въ спорѣ желалъ защититься и поразить своего противника; наконецъ, неожиданными встрѣчными вопросами онъ видимо старался привести въ замѣшательство своихъ оппонентовъ. И очень можетъ быть, что ловкому и знающему пастору посчастливилось бы запутать или поймать на словѣ менѣе его образованнаго о. Ивана, если бы послѣдній не былъ поддержанъ въ этотъ разъ греками и кн. Дм. Альбертосомъ. Архимандриты Анфимъ и Парѳеній не только поняли конечную цѣль лже-умствованій Фельгабера, но и весьма удачно выдвинули существенно-важное значеніе обрядовыхъ дѣйствій въ таинствахъ; обратившись къ филологіи, они успѣли въ значительной мѣрѣ ослабить силу аргумен-

тацiи пастора и представить въ пользу погружательнаго крещенiя основанiя, продолжающiя сохранять за собою въ православной догматикѣ первенствующее значенiе. Кн. Дм. Альбертосу удалось лексикономъ Дасиподiя поставить Фельгабера въ непрiятное положенiе и тѣмъ самымъ какъ бы отомстить ему за честь русскихъ богослововъ, осмѣянныхъ въ майскомъ преніи. Вообще нужно замѣтить, что, благодаря участiю грековъ и научно-образованнаго кн. Дм. Альбертоса, споръ о крещенiи принялъ характеръ ученой и серiозной бесѣды и имѣлъ для насъ сравнительно успѣшный исходъ. Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что и Пасѣдка съ Димитрiемъ Францбековымъ не безмолвствовали на диспутѣ; первый, напротивъ, говорилъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, и по обыкновенiю обнаружилъ много знанiй и находчивости. Онъ не безъ основанiя уличалъ пастора въ противорѣчiи, давалъ оригинальное объясненiе библейскимъ текстамъ и искусно устранилъ возраженiе Фельгабера, сдѣланное еще въ посланiи королевича къ патр. Iосифу. Но какъ человѣкъ не вышколенный наукой и неумѣвшiй вслѣдствiе своего сильно-увлекавшагося характера сосредоточиться на главномъ предметѣ разсужденiй, о. Иванъ говорилъ иногда на диспутѣ, что называется, не на тему, не на вопросъ своего собесѣдника, подолгу препирался съ послѣднимъ изъ-за мелочей и, наконецъ, впадалъ въ положительную крайность [28]). Раздосадованный, надо полагать, на Фельгабера послѣ неудачнаго майскаго пренія, уличенный теперь имъ публично въ незнанiи греческаго языка, нашъ престарѣлый богословъ не выдержалъ, послѣ того, какъ его противникъ высказалъ сомнѣнiе въ пригодности славянскихъ книгъ и тѣмъ задѣлъ самолюбiе справщика печатнаго двора. Еще въ то время, какъ писалъ о. Иванъ отвѣтъ на отповѣдь королевича патрiарху, непрiязнь, вражда къ Датчанамъ, загостившимся и безобразничавшимъ

28) На соборѣ 18 іюля 1618 г., защищая вмѣстѣ съ преп. Дiонисiемъ предъ митроп. Iоною дѣло исправленiя Потребника, о. Иванъ, по словамъ Арсенiя, своимъ обвинителямъ, „митр. Iонѣ и архимаритомъ и честнымъ протопопомъ, спираючись, *очи слюнами запрыскалъ*“. Рукоп. Сергiевой лавры № 700 л. 324 обор.

въ Москвѣ, замѣтно говорили въ немъ; но тогда редакторъ посланія зачеркнулъ всѣ колкія и грубыя выраженія, допущенныя авторомъ по отношенію къ лютеранамъ. Теперь на диспутѣ бдительный надзоръ цензуры уже не стѣснялъ Насѣдку, всѣмъ существомъ недолюбливавшаго, какъ мы знаемъ, западныхъ иновѣрцевъ, и онъ позволилъ себѣ высказать все прямо въ глаза Фельгаберу и Лоту, что накопилось у него на душѣ. Не стѣсняясь, откровенно выражаетъ о. Иванъ свой нелестный взглядъ на Лютера и его отношеніе къ церковной обрядности; дерзновенно защищаетъ передъ Юрьемъ Лотомъ характеръ отношеній православныхъ къ иновѣрцамъ и въ концѣ концовъ не щадитъ ученыхъ, но не посвященныхъ и порочныхъ лютеранскихъ пасторовъ, чѣмъ вызываетъ своихъ оппонентовъ на сильныя выраженія и горькіе упреки православному духовенству. Подъ вліяніемъ горячихъ словъ и несдержанныхъ рѣчей нашего о. Ивана и безъ того оживленный диспутъ православныхъ съ Датчанами принялъ подъ конецъ характеръ шумной и, къ сожалѣнію, немирной бесѣды.

Послѣднее обстоятельство не помѣшало впрочемъ Фельгаберу на другой день диспута съ похвалой отозваться о своихъ оппонентахъ и довольно вѣрно опредѣлить результатъ происходившей наканунѣ бесѣды. „Пресвѣтлый и высокородный князь, милостивый государь! доносилъ 4-го іюня пасторъ королевичу Вальдемару. Чтобы вашей княжеской милости подлинно было извѣстно, что въ разговорѣ о вѣрѣ вновь было говорено, о томъ я кратко объявляю въ семъ письмѣ. Изъ него вамъ можно узнать, сколь упрямо стоятъ въ своихъ мысляхъ наши противники. Правда, мнѣ надобно объявить, что старый русскій священникъ (т. е. Насѣдка) искусенъ во многихъ мѣрахъ, потому что онъ, какъ подобаетъ, св. библію за самое слово Божіе подлинно принимаетъ, и почитаетъ, и допускаетъ, что всѣ другія писанія многимъ меньше пророческихъ и апостольскихъ; про еретиковъ, какъ они другъ по другѣ возставали и чему лукаво учили, онъ добрѣ добро и разумно говоритъ и сверхъ того приводитъ многія доказательства, изъ чего можно заключить, что онъ добрѣ искусенъ. Цесаревъ посолъ (т. е. Аль-

бертосъ) во многихъ земляхъ бывалъ и много хорошихъ книгъ прочиталъ, а Францбекъ также гораздо разумѣетъ, что бѣло и черно, только бы онъ захотѣлъ [29]). Еще между греками есть два мужа, одинъ старый, другой молодой, и тѣ своимъ дѣламъ хорошо научились; только я къ тому привесть ихъ не могъ, чтобы они въ статьѣ о крещеніи правду захотѣли сказать. Я въ томъ убѣжденъ, что въ своей совѣсти они пересвидѣтельствованы, что наше крещеніе также правильно, какъ и ихнее; хотя сами они видятъ это, но устами объявить не хотятъ или не смѣютъ. Я слышу, что за моей спиной они лукаво говорятъ, что я не разуменъ и не ученъ. Для меня не важно, какъ судятъ обо мнѣ люди: судія мнѣ Господь. Если бы только они получше прочитали книги и силу слова Божія уразумѣли, то много иначе стали бы разсуждать про людей... Говоря правду, книгъ еврейскихъ, греческихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ я больше прочиталъ, нежели они коли видали или когда-либо увидятъ; только никакого человѣка я хулить не хочу и имѣю ту надежду, что когда царское величество *школы и академіи въ своемъ царствѣ учинитъ*, тогда онъ узнаетъ: кто ученъ или не ученъ. Нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ говорить съ такими людьми, которые языкамъ и свободнымъ наукамъ не учились, потому что правды сокровенной они не могутъ понять". Высказавшись рѣзко и даже съ угрозой въ концѣ донесенія

---

29) Въ письмѣ къ переводчику Ивану Дорну Фельгаберъ съ большею откровенностью и прямо уже неодобрительно отзывается о Францбековѣ, если не ошибаемся, намѣренно подрывавшемъ ученую репутацію придворнаго проповѣдника. „Что вашъ доброй несклееной Франзбекъ? читаемъ въ означенномъ письмѣ. Лутчи бы было, чтобы онъ въ томъ дѣлѣ податнѣе далъ себя видѣть. Мочно-ли слѣпому человѣку повѣрить, какъ слѣпой сказываетъ, что та де краска не добра, а онъ самъ не видитъ? тако же и неученому мочно-ль повѣрить іво словесамъ, а онъ самъ неученъ? Потому правда живетъ по старой пословицѣ: ни сапожникъ мимо крѣпость... Что вашъ Франзбекъ говоритъ, будто я не знаю и коня осѣдлать, не токмо что на конѣ сидѣть,—чаю бъ то мой милостивый князь и государь ему и повѣрилъ, али бобъ вѣру преклонилъ. Коли къ тому дѣлу подлинного свершенья нѣтъ, и то нестаточное дѣло, что онъ той мудрости и умѣнья не смыслитъ; а коли онъ въ тѣхъ статьяхъ хочетъ судимъ быть и разсудъ знать, чево онъ отъ роду не учевался, такъ и всякій тому іво разсуженью съ позоромъ насмѣхатца станетъ„. Датск. дѣла М. Арх. Ин. Д. 1644 г. № 6.

насчетъ ближнихъ совѣтниковъ царя Михаила, поддерживавшихъ будто бы его въ намѣреніи поступить съ Вальдемаромъ вопреки договору, Фельгаберъ усердно просилъ королевича пощадить его, *не позволятъ впередъ такихъ сходовъ, потому что мало добраго изъ нихъ можетъ выйти*“ [30]). И пасторъ былъ правъ: іюньскій диспутъ о крещеніи, какъ и вся предшествующая полемика, ни на шагъ не подвинулъ дѣла Вальдемара и не принесъ пользы Датчанамъ; онъ скорѣе былъ благопріятенъ для Русскихъ, весьма замѣтно пріободрившихся послѣ относительно-счастливаго окончанія его. Наше правительство въ противоположность Датчанамъ непрочь было продолжать пренія и въ своихъ объясненіяхъ съ королевичемъ пользовалось содержаніемъ іюнскихъ преній, какъ новымъ и весьма пригоднымъ для того матеріаломъ.

Переписка между царемъ и королевичемъ во время и послѣ преній продолжалась своимъ чередомъ. 2-го іюня послѣдній прислалъ съ кн. Ю. А. Сицкимъ первому очень рѣзкое письмо, въ которомъ выражалъ удивленіе, что Михаилъ Ѳеодоровичъ все еще продолжаетъ питать себя тщетною надеждою на перемѣну вѣры имъ, королевичемъ, увѣрялъ царя, что онъ ни въ какомъ случаѣ для жены, для денегъ и животовъ не откажется отъ своего крещенія. Жену знатнаго происхожденія онъ могъ безъ особеннаго труда найти дома; въ деньгахъ, чтобы покняжески себя содержать, благодаря Бога, недостатка не имѣлъ и въ будущемъ не будетъ имѣть; онъ пріѣхалъ въ эти страны лишь ради своего любимаго отца, который хотѣлъ оказать дружбу

30) Всѣхъ лучше со стороны датчанъ безполезность преній о вѣрѣ представляли себѣ послы. Требуя себѣ немедленнаго отпуска, доказывая примѣрами Давида, Соломона, Дарія царя Персидскаго, правителей—египетскихъ, греческихъ и римскихъ, что задерживать пословъ нигдѣ не водится, въ письмѣ отъ 7-го іюня они писали: „Да такожъ мы вашему царскому величеству объявляемъ, что мы не хотимъ никакими мѣрами дѣлать или спороватца о вѣрѣ, а что они по ся мѣста споруютца о вѣрѣ, и то все не по нашему хотѣнью, потому что мы своими парсонами не для того пріѣхали, что намъ о вѣрѣ спороватца, и намъ до того дѣла нѣтъ, и для того намъ не за что задержатца, хотя они въ томъ нѣсколько лѣтъ споруютца, а намъ о томъ въ нашемъ наказѣ не написано (Датск. д. 1644 г. № 6 св. 20). Безплодность преній особенно рельефно изображена авторомъ датскаго *Извѣстія о поѣздкѣ въ Россію* Вольдемара, стр. 49.

царю, въ надеждѣ, что „царское величество *все крѣпко держать будетъ, въ чемъ письменно укрѣпился съ нашимъ государемъ отцемъ*. А какъ такая дружба принята, какъ ее толковали и какъ по договорамъ живутъ, и то нынѣ всей вселенной знатно. Если ваше величество теперь не вѣрите, то впредь узнаете, какую заочную славу и честь вы у чужихъ христіанскихъ государей тѣмъ пріобрѣли". Вальдемаръ жаловался на грубое, безчестное обращеніе съ нимъ, *великаго государя сыномъ*, и съ послами его королевскаго величества. „Такъ какъ мы неоднократно жаловались, что намъ отпуска своего нельзя достать, то насъ, какъ и пословъ, спрашиваютъ: чего вамъ еще не достаетъ? развѣ ѣствы и питья не вдоволь даютъ? Только мы приписываемъ это не вашему царскому величеству, а неразумію тѣхъ людей, которые, можетъ быть, безъ вашего вѣдома, отвѣчаютъ и большимъ счастьемъ почитаютъ, чтобъ имъ житье свое на семъ свѣтѣ изнесть ѣствою и питьемъ, какъ мы не привыкли: Въ нашей землѣ и во всей остальной Европѣ людей такъ воспитываютъ, чтобы они съ рапняго дѣтства и до глубокой старости упражнялись въ добрыхъ художествахъ, многихъ вельми надобныхъ языкахъ и рыцарственныхъ добрыхъ чувствахъ, *и для того насъ далече въ чужія страны посылаютъ и дома не держатъ, чтобы тѣло кормить и полнить*". Королевичъ настойчиво просилъ царя не задерживать дольше его и королевскихъ пословъ и отпустить назадъ съ такою же честію, какъ и приняты были. Царь не отвѣтилъ на это королевичу, „потому что и такъ писемъ было много, а дѣла мало". 6-го іюня чрезъ думнаго дьяка Гр. Львова сдѣланъ былъ лишь выговоръ Вальдемару, что такъ грубо писать царю не пригоже было. Мѣшкота произошла отъ королевича, который самъ пожелалъ, чтобъ ему доказали крещеніе чрезъ погруженіе, что и сдѣлали духовные люди, въ присутствіи его дворового попа. „А буде, судомъ Божіимъ, то дѣло и не станется, у царскаго величества зять будетъ: многіе ему. великому государю нашему, служатъ цари и царевичи, *также и изъ*

окрестныхъ государского сына можно ему въ зяти принять мимо тебя“ [31]).

Но привести послѣднее въ исполненіе было не легко, и потому дьякъ, разумѣется, по желанію царя, 8-го іюня пришелъ къ королевичу и сталъ снова уговаривать его принять крещеніе чрезъ погруженіе. Львовъ замѣтилъ при этомъ, что даже въ ихней книгѣ, *Алфавитъ*, про слово βαπτίζω сказано, что оно значитъ погружать; чтобы удостовѣриться въ этомъ лично, онъ предложилъ Вальдемару позволить при себѣ придворному проповѣднику поговорить объ этомъ словѣ съ нашими духовными людьми. Въ концѣ разговора дьякъ намекнулъ, что государь не прежде отпуститъ Вальдемара, какъ получитъ въ этомъ смыслѣ увѣдомленіе отъ Христіана IV-го. „Какъ будто мы не разумѣемъ греческаго языка или не знаемъ, что въ словарѣ написано, отвѣчалъ 10-го іюня королевичъ царю. Ваше всличество сами хорошо понимаете, что не такъ надобно дѣлать, когда хотятъ обратить кого на путь истины. Одно слово Божіе— указатель пути и свѣтъ, который свѣтитъ намъ, а не алфавитъ или неразумныхъ утѣшитель, какъ мы называемъ такія книги. И тѣ книги про ребятъ писаны и для тѣхъ, которые начинаютъ учиться языкамъ, а старымъ и знающимъ такіе утѣшители вовсе не нужны, да и дѣтямъ они пригодны, пока они въ разумъ не пришли. Лучше было бы, если бы вашъ канцлеръ ребячій алфавитъ оставилъ и съ нами о времени отпуска говорилъ.... Если мы въ разное время позволяли нашему попу бесѣдовать не только что по-нѣмецки, но по-латыни и по-гречески съ нѣсколькими священниками вашей вѣры о св. крещеніи, то дѣлали это съ цѣлію засвидѣтельствовать истину. Не ожидали мы, чтобы вашего царскаго величества іерей и другіе, присутствовавшіе при этомъ, такъ безстыдно и лукаво, вопреки правдѣ, осмѣлились говорить про нашу вѣру, нашего дворового попа и про бесѣду. Но разъ случилась такая неожиданность, мы не можемъ уже допустить, чтобы нашъ дворовый попъ или кто-либо младшій изъ нашихъ людей и слугъ вступалъ въ

31) Послѣдняя фраза въ подлинникѣ зачеркнута.

разговоръ о вѣрѣ съ вашими священниками, потому что такія бесѣды устраиваются лишь для продленія времени и нашей задержки, а не для узнанія и обнаруженія правды предъ вашимъ царскимъ величествомъ". Королевичъ изъявлялъ желаніе на другой же день ѣхать на своихъ проторяхъ и просилъ царя, какъ можно скорѣе, послать гонца въ Данію, если ужъ безъ этого царь не рѣшается его отпустить.

Въ то самое время, какъ Вальдемаръ отказывался отъ новаго диспута въ письмѣ къ царю, правительство послѣдняго, не разсчитывая очевидно на однѣ силы и познанія своихъ духовныхъ людей въ борьбѣ съ ученымъ пасторомъ, порѣшило съ помощію русскаго хлѣбосольства склонить на свою сторону Фельгабера—главнаго и почти единственнаго своего оппонента. Иванъ Дорнъ, крещеный иноземецъ, исполнявшій до этого времени разныя порученія нашего правительства и не разъ взысканный за то царскою милостію [32]), 11-го іюня пригласилъ къ себѣ въ гости Фельгабера. Наканунѣ званаго дня государь пожаловалъ Дорна, велѣлъ немедленно выдать ему чрезъ приказъ „въ готовыхъ судѣхъ" пива, меду, романеи, лимоновъ и т. п. Жалованье Ивану было выдано, но гость къ нему не пріѣхалъ и вмѣсто того прислалъ письмо [33]), въ которомъ извинялся, что самъ не можетъ быть у него, такъ-какъ Вальдемаръ, прознавши о приглашеніи, не отпустилъ его. „Надѣется мой милостивый князь и государь, писалъ пасторъ Дорну, что вскорѣ отъ его царскаго величества милостивое прощенье и отпускъ намъ будетъ, и для того своихъ дворянъ къ тебѣ не отпускаетъ, *чтобы съ тобою рѣчей никоторыхъ не разговаривали и въ чемъ не промолвились*". Второй причиной, заставившей королевича удержать пастора отъ поѣздки къ

32) О Дорнѣ у С. М. Соловьева, И. Р. IX, стр. 400; Цвѣтаева: „Протестантство въ Россіи до эпохи преобразованій", стрр. 383—384 и др; Р. И. Б. VIII, № 16. XXXIX.

33) 12-го іюня письмо доставлено было Дорномъ въ посольскій приказъ; русскій переводъ письма, помѣстамъ очень неудовлетворительный, сохранился въ архивѣ. Датск. д. 1644 г. № 6.

Дорну, было будто бы дошедшее до Вальдемара ложное обвиненіе его, Фельгабера, въ томъ, что онъ „*невѣжливъ, неразуменъ и неученъ мужъ*“. Самолюбіе придворнаго проповѣдника, затронутое еще іюнскимъ споромъ, было очевидно раздражено распространявшейся молвой объ его невѣжествѣ. Повторивши въ письмѣ къ Дорну въ сжатомъ видѣ свой журналъ іюньскихъ преній [34]), Фельгаберъ изъявлялъ готовность, съ позволенія королевича и непремѣнно въ присутствіи царя Михаила Ѳеодоровича, дать отвѣтъ о своей вѣрѣ и всѣхъ спорныхъ греческихъ словахъ. Отъ своихъ оппонентовъ пасторъ требовалъ лишь, чтобы они, если въ концѣ концовъ не въ силахъ будутъ отвѣчать на его доводы, признали лютеранское крещеніе такъ же истиннымъ, какъ и православное, и безъ утайки донесли объ этомъ безпокоившемуся и кручинившемуся царю.

Не успѣвши расположить къ себѣ пастора, русскіе не прочь были снова спорить съ Датчанами, хотя желали устроить диспутъ при условіяхъ, какъ разъ противоположныхъ предложеннымъ пасторомъ. „Печатная ваша книга Децынарія, а по русски алфавитъ, отвѣчали наши 16 іюня на письмо королевича, надобна не однимъ ребятамъ и малымъ дѣтямъ, но старымъ и навычнымъ пригодится, потому что въ ней на многія недовѣдомыя статьи писано разрѣшеніе, толкованіе и подлинное указаніе. И то не вина, что по той книгѣ учатъ малыхъ дѣтей истинѣ, а не лжи, чтобъ они впредь, въ старости, истину подлинно знали; а о кре-

---

34) Пасторъ, изложивши свои основныя положенія и главныя доказательства въ пользу обливательнаго крещенія, замѣтилъ впрочемъ: „*То проповѣданіе самъ его княжая милость съ слова Божія выбралъ*“. Нельзя допустить, чтобы средина Фельгаберова письма къ Дорну была написана при участіи Вальдемара; ловкій пасторъ подобнымъ замѣчаніемъ хотѣлъ дать понять русскимъ, что если даже его, Фельгабера, не будетъ при королевичѣ, послѣдній самъ съумѣетъ постоять за себя и защитить свое крещеніе. Авторъ „*Извѣстія о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара...*“ разсказываетъ, что 15 марта 1645 г. братъ царицы С. Л. Стрѣшневъ пытался было чрезъ королевичева камеръ—юнкера удалить пастора отъ Вальдемара, но получилъ будто бы такой отвѣтъ: „*...Графъ самъ по себѣ разуменъ, знаетъ, что ему можно сдѣлать по своей совѣсти, и изъ—за того только, что не будетъ при немъ пастора, онъ все же не согласится принять ихъ вѣру*“. Русск. перев. *Извѣстія*, стрр. 40—42.

щеніи въ ней по-гречески и по-нѣмецки написано погруженіе, а не обливаніе или окропленіе. И тотъ вашъ алфавитъ вамъ на обличеніе! Вы ту печатную книгу ставите ни во что, слѣдуете словамъ попа своего, а не печатныхъ книгъ свидѣтельствамъ... Сами вы, королевичъ Вальдемаръ, къ намъ, великому государю, и къ святѣйшему Іосифу патр. московскому приказывали: если уличатъ васъ и укажутъ, что въ греческой или въ нѣмецкой библіи св. крещеніе написано въ погруженіи, а не въ обливаніи и не въ окропленіи, то вы послушаетесь того и захотите принять. Послѣ того вы посылали своего дворового попа извѣстно испытать о томъ словѣ съ нашими духовными людьми; наши люди и гречане: изъ Іерусалима архим. Анфимъ, изъ Царя-града архим. Парѳеній, да еллинскаго языка князь Дм. Альбертосъ вашему попу Матвѣю Андрееву доказали, что въ греческихъ и въ вашихъ библіяхъ написано погруженіе, а не обливаніе и не окропленіе. Буде вамъ, королевичу, попъ Матвѣй не объявилъ, что наши духовные люди уличили его, и вамъ бы, Вальдемару Христіанусовичу, велѣть нашимъ духовнымъ людямъ съ своимъ дворовымъ попомъ предъ собою говорить о томъ словѣ; какъ подлинно о томъ увѣдаешь, и тебѣ бы, королевичу, божественному писанію и своему обѣщанному слову и язанью повинутися и насъ, великаго государя, послушать, нашу православную вѣру въ погруженіи принять, а въ томъ тебѣ отнюдь никакого безчестья ни отъ кого не будетъ, а будетъ отъ всѣхъ людей честь и повышенье и въ будущемъ вѣкѣ безконечное царство". Царь позволялъ послать гонца къ датскому королю вмѣстѣ съ своимъ посломъ. „Какъ пришлетъ король грамоту, и мы, великій государь, *выразумѣвъ изъ той грамоты*, съ вами, королевичемъ, дѣлать станемъ, какъ о томъ время покажетъ" [35]).

Въ отвѣтъ на это письмо Вальдемаръ 18-го іюня писалъ Михаилу Ѳеодоровичу: „Тотъ младенческій и неученыхъ утѣшитель объявляетъ, что βαπτίζω значитъ *погружать* и

---

35) Посольство это не состоялось; Датск. дѣла 1644 г., № 5, св. 20 „*Отправленіе въ Данію пословъ кн. Петра Волконскаго и дьяка Шипулина*". Датск. дѣла 1644 г., № 6, св. 20; сн. № 2 св. 18.

крестить, и тѣмъ указываетъ, что онъ имѣетъ разное толкованіе, а какой именно смыслъ имѣетъ это слово, о томъ учатъ другіе словари такой величины, что и взрослому мужу едва можно ихъ поднять; въ нихъ о словѣ βαπτίζω сказано, что оно значитъ: крестить, обливать, окроплять, омывать и погружать. Если младенческой Децынаріи дать вѣру, то сколь больше доведется приписать силы другимъ словарямъ на греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ языкахъ потому, что они печатные? Мы не такъ вашему царскому величеству и патріарху писали и устно передать велѣли, какъ про то вамъ сказано и въ вашемъ отвѣтѣ написано. Мы говорили: если на основаніи греческой и нѣмецкой библіи намъ докажутъ, что слово βαπτίζω значитъ погружать, а не окроплять или обливать, то мы хотѣли ваше крещеніе считать правильнѣе нашего, но не думали принимать его или перекрещиваться... И то неправда, что нашъ дворовый попъ уличенъ; насъ нельзя уличить, пока мы пребываемъ при св. Писаніи и словамъ Духа Св. больше довѣряемъ, нежели всѣмъ людямъ, какихъ теперь только можно найти. Мы не такъ уже неискусны, чтобы своему дворовому попу больше вѣры имѣть, чѣмъ спасительному слову Божію; мы сами беремъ въ руки библію и, чтобы быть спокойнымъ въ своей совѣсти, смотримъ: такъ ли въ ней или нѣтъ? Къ тому же съ нами не мало людей, знающихъ языки и св. библію“... Королевичъ находилъ съ своей стороны совершенно излишнимъ и ненужнымъ устраивать новый диспутъ. „Коли вашего царскаго величества люди не хотятъ или несмѣютъ правды сказать, къ чему же сходъ и разговоры надобны?“ Въ заключеніе письма Вальдемаръ увѣрялъ царя, что онъ до послѣдняго издыханія останется вѣренъ своему крещенію и не перемѣнитъ вѣры, „хотя бы, по изволенію Божію, всѣ наши люди, духовные и мірскіе, смертію преставились“.

Русскіе не отвѣтили на послѣднее письмо королевича [37]);

37) Сначала, кажется, наши рѣшили было отвѣчать, но потомъ почему-то передумали. Въ московск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ среди датскихъ документовъ 1644 г. (№ 6, св. 20), сохранилось нѣсколько столбцевъ (безъ начала и конца), содержащихъ въ себѣ не что иное, какъ недоконченный отвѣтъ нашихъ на письмо Вальдемара отъ 18-го іюня.

государь велѣлъ лишь сказать Вальдемару, что маршалкамъ и Николаю Гольмеру съ людьми, отправлявшимся въ Гданскъ, отпускъ, приставъ, кормъ и подводы готовы, ему же спѣшить не куда: такой государственной превеликой чести, какову надъ нимъ ведутъ и впредь вести учнутъ у царскаго величества, ему нигдѣ не будетъ; въ томъ ему придется каяться, и хватится того дѣла, да не во время, а впредь, хотя и захочетъ для того пріѣхать къ царскому величеству, его не примутъ и такова дѣла не учинятъ". Ни эти запугиванія, ни дурныя вѣсти, получавшіяся о войнѣ шведовъ съ датчанами, не дѣйствовали на Вальдемара: онъ не соглашался креститься въ другой разъ. Въ этой мысли, кромѣ придворнаго проповѣдника, поддерживали его отчасти и датскіе послы. О послѣднихъ слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что они, сообразуясь съ инструкціями, полученными отъ Христіана IV, при отправленіи изъ Даніи, хлопотали и о томъ, какъ бы поженить графа Вальдемара на русской царевнѣ и путемъ брака пріобрѣсть для стѣсненной Шведами Даніи могущественнаго воннаго союзника въ лицѣ московскаго государя. Тѣ и другія стремленія свои послы ясно высказали въ письмѣ къ русскимъ отъ 16-го іюня 1644 года. Изложивши въ 10-ти статьяхъ обстоятельства всего дѣла, они просили отпуска и между прочимъ писали про королевича, что ни въ какомъ разѣ онъ не приметъ православія. „Многажды онъ въ томъ заклинался, лучше-де вмѣсто живота смерть принять и имѣнья своего лишиться, нежели вѣру свою перемѣнить, проклинать крещеніе свое и христіанство... Самъ онъ государь отъ Бога добрѣ подаронъ добрымъ разумомъ, цѣломудрствомъ и разнымъ смысломъ; онъ такой добрый князь, что достоинъ велеможную государыню понять. *И потому что то была отца его государя воля и хотѣнье, что ему сюда ѣхать,* и для того онъ, государя отца своего не ослушався, сюда пріѣхалъ". Послы настаивали на дѣйствительности лютеранскаго крещенія и примѣрами прежнихъ лѣтъ—Магнуса Датскаго, герцога Іоанна младшаго и другихъ, которымъ въ вѣрѣ никакой неволи не было, доказывали полную возможность безъ перекрещенія повѣнчать Вальдемара на Иринѣ Михайловнѣ. Не получивши отвѣта на

свое представленіе, они надолго прекратили переписку свою съ русскими и терпѣливо стали ожидать возвращенія въ Москву Генриха Пенца съ грамотою отъ короля; королевичъ Вальдемаръ въ письмѣ къ царю отъ 4 іюля также заявлялъ, что онъ не хочетъ больше утруждать его своими письмами. Какъ бы наскучивши дѣломъ, женихъ отдался разнаго рода удовольствіямъ: ѣздилъ на охоту, смотрѣлъ на церемоніальные въѣзды въ Москву и представленія государю иноземныхъ пословъ, не разъ пировалъ съ царемъ, царевичемъ, русскими боярами и своею свитой. Наше правительство и православные богословы, утомленные непрерывной шестимѣсячной перепиской и вѣроисповѣдными преніями послѣдняго времени, также замолчали. Но затишье, наступившее въ дѣлѣ королевича, не было полнымъ; обѣ стороны собирались съ силами и тайкомъ подготовлялись къ новой борьбѣ. Вальдемаръ съ своими совѣтниками, и король Христіанъ IV, съ помощію Польши, продолжавшей еще безпокоить московское правительство, думали подвинуть дѣло; русскіе усердно трудились надъ разборомъ Фельгаберова отчета объ іюнскомъ преніи и подъискивали людей, способныхъ обличить лютерскую ересь [38]).

---

38) При написаніи пятой главы мы преимущественно пользовались Датскими дѣлами 1644 г., №№ 4, 6 и 7 (свв. 20—21). Въ № 8 заключается: *„Дѣло розыскное надъ смолянином Самойломъ Босицкимъ и прочими, кои хотѣли датскаго королевича Вольдемара черезъ проселочныя дороги изъ Москвы въ Польшу тайно провесть“*. Какъ не относящееся къ нашей задачѣ, мы опускаемъ это дѣло; извлеченіе изъ него сдѣлано С. М. Соловьевымъ, И. Р. IX, стрр. 339—337.

ГЛАВА VI.

Указъ ц. Михаила Насѣдкѣ о составленіи разбора на отчеть Фельгабера.— Изученіе о. Иваномъ чиновъ лютеранскаго и римскаго крещеній.—Замѣчанія, сдѣланныя Насѣдкой на поляхъ отчета пастора объ іюньскомъ диспутѣ.—Списаніе богородицкаго ключаря Ивана отъ божественнаго писанія обличительно на королевичева нѣмчина Матвѣя; его содержаніе, недостатки и достоинства.—Соборъ въ Константинополѣ и рѣшеніе имъ вопроса о присоединеніи лютеранъ и кальвинистовъ къ православію. — Возвращеніе въ Москву пословъ королевича Вальдемара съ грамотами отъ Христіана IV; подача послѣднихъ ц. Михаилу. — Бесѣда послѣдняго съ Вальдемаромъ 29 дек.; письма королевича къ царю 3 и 9 янв. 1645 г.—Выговоръ отъ царя датскимъ посламъ и Вальдемару. — Пріѣздъ въ Москву польскаго посла Гавріила Стемпковскаго; обращеніе королевича къ посредничеству польскаго короля и его легата. — Старанія русскихъ склонить на свою сторону Вальдемара при содѣйствіи Стемпковскаго.—Письмо къ послѣднему королевича отъ 13 іюня. — Посолъ ходатайствуетъ объ отпускѣ королевича. — Приготовленіе Русскихъ къ преніямъ. — Собраніе изъ каноническихъ правилъ на лютеранъ, его содержаніе и характеръ.

10-го августа, т. е. спустя два мѣсяца съ небольшимъ послѣ подачи Марселисомъ въ посольскій приказъ Фельгаберова отчета объ іюньскомъ диспутѣ, государь Михаилъ Ѳеодоровичъ „указалъ богородицкому ключарю Ивану Насѣдкѣ выписать изъ отвѣтныхъ списковъ изъ нѣмецкихъ переводовъ противъ королевичева попа Матвѣя Фильгобра, что онъ нарицаетъ себя іереемъ и сущимъ православнымъ христіаниномъ, будто вѣра ихъ прямая старая апостольская и уложена седмью вселенскими соборами, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ погрузился въ три погруженія, какъ они папежскимъ да и своимъ люторскимъ застарѣлымъ нравомъ вмѣсто погруженія ставятъ обливаніе и окропленіе и все за едино имянуютъ то крещеніе [39])“ ;говоря короче,—царь при-

39) **Рукоп. Моск. Синод. библ. № 857 (по прежн. кат.) л. 248.**

Описанія А. В. Горскаго отд. II. ч. 3, стр. 374. Насѣдкѣ, а не кому-либо другому изъ участниковъ въ преніяхъ, царь поручилъ составить разборъ на Фельгаберовъ от-

казалъ Насѣдкѣ составить опроверженіе на журналъ пастора. Съ успѣхомъ исполнить приказаніе о. Ивану было весьма не легко. Правда, вопросъ о преимуществѣ православнаго крещенія предъ лютеранскимъ, полу-обойденный нашимъ богословомъ во второмъ посланіи патріарха къ королевичу, вслѣдствіе его неразработанности въ предшествующей литературѣ, въ значительной мѣрѣ былъ затронутъ и обсужденъ греками и княземъ Дм. Альбертосомъ въ іюньскихъ преніяхъ; но не слѣдуетъ забывать, что возраженія послѣднихъ противъ доводовъ или „оказаній“ пастора прошли, какъ говорится, межъ ушей Насѣдки, остались неизвѣстны ему. Ключарь Иванъ самъ участвовалъ въ спорѣ, но, не умѣя говорить по-гречески, не понималъ, о чемъ “шумѣли“ греки съ Фельгаберомъ, что они говорили въ защиту православнаго крещенія и въ опроверженіе лютеранскаго. Нашъ богословъ могъ узнать объ этомъ изъ самаго отчета пастора и донесенія грековъ о диспутѣ, но онъ не въ состояніи былъ овладѣть вполнѣ и воспользоваться, какъ слѣдуетъ, всѣми доводами, приведенными православной стороной въ пользу погружательнаго крещенія: доказательства филологическаго характера опять-таки превышали его познанія. О. Ивану приходилось такимъ образомъ однѣми своими силами трудиться надъ разборомъ трактата Фельгабера. Въ годы своей молодости и зрѣлости, какъ мы уже знаемъ, Насѣдка мало о чемъ писалъ самостоятельно, несравненно больше компилировалъ, и потому работать на старости лѣтъ надъ разрѣшеніемъ новаго и къ тому же труднаго вопроса ему было совсѣмъ не подъ силу. Необычайно трудолюбивый, по отзыву современниковъ, посѣдѣвшій за книжнымъ дѣломъ, о. Иванъ не уклонился однако отъ даннаго ему порученія и приступилъ къ нелегкой работѣ, по собственному признанію, послѣ предварительнаго знакомства съ послѣдованіями лютеранскаго и римскаго крещеній [40]).

четъ конечно потому, что самъ пасторъ отозвался объ отцѣ Иваннѣ съ большею похвалою, чѣмъ о другихъ своихъ оппонентахъ.

40) Рукоп. Казанск. дух. Акад. № 604 л. 212 об.—213 и С.-Петерб. дух. Ак. № 30 л. 269 об. „*И смотрихомъ и чтохомъ о семъ*, говоритъ о себѣ На

По какимъ источникамъ изучалъ Насѣдка чины лютеранскаго и римскаго крещеній, и что онъ вынесъ изъ разсмотрѣнія ихъ по отношенію къ своей ближайшей задачѣ? За отвѣтомъ на поставленные вопросы всего естественнѣе обратиться къ тѣмъ анти-лютеранскимъ рукописнымъ сборникамъ, которые содержатъ въ себѣ памятники нашихъ преній о вѣрѣ, и которые были составлены въ свое время нашими предками по опредѣленному плану, а не какъ попало. Въ двухъ такихъ извѣстныхъ намъ сборникахъ (Казанск. Дух. Акад. № 604 и С.-Петерб. дух. Акад. № 30) рядомъ съ документами, относящимися къ полемикѣ, возникшей по дѣлу Вальдемара, помѣщены: „Сказаніе о латынской (лютеранской) вѣрѣ“ и „Крещеніе римского закона [41])“. Это и есть то самое „Римское и люторское дѣйство“ по которому, какъ увидимъ, о. Иванъ знакомился съ образомъ совершенія таинства крещенія у лютеранъ и католиковъ.

„Сказаніе о латынской вѣрѣ“ было написано Мартиномъ Нандельштетомъ, плѣннымъ пасторомъ изъ Кокенгаузена, по желанію Грознаго [42]). Послѣдній, интересуясь лютеранствомъ, приказалъ разспросить „Кусконоскаго попа Мартина“ объ ихъ вѣрѣ и церковной службѣ. Удовлетворяя любопытству царя, пасторъ письменно изложилъ особенности своего вѣроисповѣданія и сообщилъ краткія свѣдѣнія о протестантскомъ

сѣдка въ Списаніи обличительномъ, *въ римскомъ и въ папежскомъ дѣйствѣ, во крещеніихъ; такоже и въ люторскомъ нѣсть писано...*“

41) Рукопп. Каз. дух. Акад. № 604 л. 222—238; Петерб. Акад. № 30 л. 282—301. Оба сборника почти одинаковы по составу, содержатъ въ себѣ одни и тѣже памятники нашихъ преній и по своей цѣнности могутъ идти въ сравненіе лишь съ упомянутою рукописью Моск. Синод. библ. № 857. На первомъ бѣломъ листѣ рукописи Казанск. Акад. помѣчено: *„Дачи старца Сергія, бывшаго архимандрита Ипатскаго монастыря“* (Сергій былъ архимандритомъ костромскаго Ипатіевскаго монастыря въ 1646—1649 гг. П. М. Строева Списки іерарховъ, столб. 853). Списокъ С.-Петерб. дух. Ак., по нашему мнѣнію, старше Казанскаго, бывшаго Соловецкаго. Третій сборникъ, совершенно сходный съ двумя вышеназванными, находился въ Архангельской Семинаріи, но теперь его не имѣется тамъ. А. Е. Викторовъ: Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи, стр. 47 сн. 56—57.

42) Дм. Цвѣтаевъ, Протестантство въ Россіи до эпохи преобразованій, стр. 573—577, сн. его же: Литературн. борьба съ протестантствомъ, стр. 23—27.

богослуженіи. Хотя о совершеніи крещенія Мартинъ въ своемъ отвѣтѣ передалъ подробнѣе, чѣмъ о другихъ предметахъ, тѣмъ не менѣе о. Ивану трудно было составить вполнѣ опредѣленное и цѣльное представленіе о лютеранскомъ крещеніи на основаніи одного только „Сказанія“. Изъ послѣдняго нашъ богословъ могъ узнать, что у лютеранъ, по принесеніи воспріемниками младенца въ церковь, пасторъ вопрошаетъ объ имени крещаемаго, крестнымъ знаменіемъ съ молитвою изгоняетъ изъ него нечистаго духа, читаетъ евангеліе отъ Марка, вмѣстѣ съ воспріемниками отрекается отъ сатаны, при чемъ кумовья читаютъ „Вѣрую во единаго Бога“; затѣмъ освѣдомляется у воспріемниковъ о желаніи младенца креститься, возливаетъ на него трижды воду со словами: „Азъ тебя крещаю во имя Отца и Сына и св. Духа“ и, наконецъ, произноситъ заключительный возгласъ. Никакихъ другихъ указаній касательно молитвъ и обрядовъ крещенія „Сказаніе о латынской вѣрѣ“ не давало и, разумѣется, не могло удовлетворить православнаго священника—тѣмъ болѣе, что самъ Нандельштетъ за болѣе подробными справками отсылаетъ читателя къ печатной книгѣ,—„Римскому церковному чину [42])“. О. Иванъ дѣйствительно не ограничился Сказаніемъ и обратился къ сравнительно-обширному чину римскаго крещенія. Онъ читалъ послѣдній въ переводѣ съ латинскаго языка на русскій Юрьевскаго бискупа Германа и послѣ тщательнаго разсмотрѣнія пришелъ къ тому заключенію, что „и въ томъ еретическомъ крещеніи, въ которомъ лютори были отъ Карула до Мартина“, есть много неладнаго. Что именно неправильно въ римско-католическомъ чинѣ крещенія? Насѣдка поясняетъ это во множествѣ замѣчаній, по обыкновенію сдѣланныхъ имъ въ текстѣ и на поляхъ самаго чинопослѣдованія [43]).

---

43) Рукоп. Каз. дух. Ак. № 604 л. 235 об. Въ спискѣ Сказанія Пет. дух. Академіи противъ того мѣста, гдѣ пасторъ говоритъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и *Сына*, находится замѣтка: *ересь*. Вѣроятно, она сдѣлана Насѣдкой, который, по нашему мнѣнію, испестрилъ замѣчаніями чинъ римскаго крещенія, находящійся въ рукоп. Казанск. № 604 и Петерб. № 30 рядомъ съ разсматриваемымъ *Сказаніемъ*.

44) Всѣхъ замѣчаній въ рукописи С.-Петерб. дух. Академіи до 36. Два изъ нихъ

Критическія замѣтки о. Ивана сами собою распадаются на два обширныхъ класса: однѣ касаются молитвъ крещенія, другія—обрядовой стороны таинства. Въ молитвахъ нашъ критикъ отмѣчаетъ погрѣшности противъ грамматики, неопредѣленныя и даже совсѣмъ непонятныя, вслѣдствіе неправильнаго перевода, мѣста и нѣсколько выраженій, якобы заключающихъ въ себѣ савелліанскія, манихейскія и вообще еретическія мысли. Особенно непріятное впечатлѣніе произвело на православнаго богослова изложеніе латинскихъ крещальныхъ молитвъ отъ лица священнослужителя: „азъ тебя крещаю, благословляю и освящаю, осѣняю главу твою“ и т. п. Насѣдка усматриваетъ въ этомъ властолюбіе римскихъ поповъ и противъ всѣхъ такихъ мѣстъ одинаково замѣчаетъ: „се величаніе“! Сравнивая обряды латинскаго крещенія съ православными, о. Иванъ находитъ, что они во многомъ не сходны. Символъ вѣры читается у латинянъ не Никейскій, а другой, и не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ положенъ у Русскихъ; евангеліе у нихъ также „не по указу“—отъ Матѳея глава XIX и отъ Марка глава X; отрицаніе отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его у нихъ происходитъ въ церкви, а не предъ дверьми церковными. Критикъ указываетъ такія особенности

(№ 30 л. 285 и 292), находящіяся въ текстѣ, не принадлежатъ Насѣдкѣ, сдѣланы лицомъ знающимъ греческій и латинскій языки, вѣроятно, переводчикомъ чина, бискупомъ Германомъ. За принадлежность всѣхъ остальныхъ замѣчаній о. Ивану, помимо самаго пріема критика—дѣлать замѣчанія на поляхъ, говоритъ характеръ ихъ. Нѣкоторыя изъ замѣтокъ по содержанію и языку суть буквальное повтореніе тѣхъ или другихъ выраженій изъ извѣстныхъ сочиненій Насѣдки. Особенно характерно въ данномъ отношеніи замѣчаніе критика на то мѣсто чина, гдѣ переводчикъ его называетъ молитву Господню и Символъ вѣры *псалмами*: *„И то еретики врутъ, не зная, что псалмы? Отче нашъ молитва, а Вѣрую во единаго Бога исповѣданіе“*. Послѣднія слова буквально взяты изъ *Рѣчи ключаря Ивана о крещеніи христіянскія вѣры* (Рукоп. С.-Петерб. дух. Ак. № 30 л. 290 об. сн. 117 об.). Критикъ не разъ ссылается на Діонисія Ареопагита и *Епистолію на Римляны* (С. Петерб. Акад. № 30 л. 282. 291 об. 294 об.), но это любимые источники о. Ивана. Въ рукоп. Казанск. Акад. № 604 (по описан. № 623) замѣчанія, сдѣланныя критикомъ въ текстѣ, сохранились (л. 222. 224. 224 об. 226 об. 229 об.), причемъ нѣкоторыя зачеркнуты; изъ замѣчаній на поляхъ одно ущѣлѣло (л. 230 об.), одно внесено въ текстъ, остальныя при перепискѣ опущены, но за то нѣсколько мѣстъ чина крещенія исправлено согласно съ замѣтками.

въ римскомъ крещеніи, которыя не оправдываются, по его словамъ, ни правилами апостольскими, ни книгой Діонисіевой, и вызываютъ въ немъ одно недоумѣніе. Таковы, напримѣръ, благословеніе соли посредствомъ седмикратнаго крестнаго знаменія, прикосновеніе слюной къ ушамъ и ноздрямъ крещаемаго, чтеніе надъ младенцемъ мужскаго пола одной заклинательной молитвы, а надъ младенцемъ женскаго пола трехъ. Но съ другой стороны нашъ богословъ не нашелъ въ римскомъ крещеніи указаній на муропомазаніе, прихожденіе новопросвѣщеннаго въ теченіе восьми дней къ церкви въ куколѣ со свѣчами.

Что касается замѣчаній о. Ивана на „Крещеніе римского закона“, то слѣдуетъ вообще замѣтить, что далеко не всѣ они заслуживаютъ одинаковаго вниманія. Рядомъ съ подлинно неточными, неясными и неприличными выраженіями критикъ несправедливо указываетъ въ молитвахъ мѣста, не заключающія въ себѣ ничего предосудительнаго или ошибочнаго, обнаруживаетъ явную придирчивость, невнимательность или просто свою недогадливость. Изъ заключительныхъ словъ нѣкоторыхъ молитвъ совершенно напрасно Насѣдка старается извлечь доказательства противъ латинскаго ученія о чистилищѣ; встрѣчаются также у него замѣтки совсѣмъ неудобопонятныя. Болѣе достоинствъ, на нашъ взглядъ, обнаружилъ о. Иванъ въ разсмотрѣніи обрядовыхъ дѣйствій латинскаго крещенія. Особенности послѣдняго отъ православнаго указаны имъ вѣрно, хотя нельзя сказать, чтобы полно и обстоятельно. Не ускользнуло отъ вниманія Насѣдки то мѣсто чина, гдѣ говорится, что „іерей трижды погружаетъ младенца въ купѣли“; не безъ удаленія и удовольствія онъ отмѣчаетъ при этомъ непослѣдовательность лютеранъ, уклоненіе ихъ отъ прежняго своего обычая. Но и въ данномъ отношеніи черезчуръ ревнивый критикъ не избѣгъ нѣкоторыхъ мелочныхъ замѣчаній. Онъ недоволенъ, что число воспріемниковъ у латинянъ несогласно съ Діонисіемъ Ареопагитомъ, что одежда, возлагавшаяся въ древнее время, по крещеніи и елеопомазаніи, на главу младенца, названа митрой, но не „куколемъ, по Петрову указанію, какъ кре-

стилъ весь Римъ[45]), и въ чинѣ даже не показано: какъ ее надѣть и снять". Насѣдка самъ повидимому созпавалъ мелочность и малопригодность замѣчаній для своей прямой цѣли. Послѣднія стоятъ у него какъ-то особнякомъ отъ остальныхъ работъ по части разсмотрѣнія Фельгаберова отчета и цѣнны больше всего, какъ матеріалъ для сужденія о критическихъ пріемахъ и характерѣ отношеній нашего богослова къ возлагавшимся на него литературнымъ порученіямъ.

Непосредственную черновую работу по отношенію къ „Списанію богородицкаго ключаря Ивана... на королевичева нѣмчина Матвѣя" составляютъ замѣчанія, сдѣланныя о. Иваномъ на поляхъ самаго отчета пастора объ іюньскомъ диспутѣ. Они сохранились, какъ нами уже было замѣчено, въ рукописныхъ сборникахъ Казанской (№ 604) и С.-Петербургской (№ 30) духовныхъ Академій и отчасти въ рукописи Московской Синодальной библіотеки (№ 857). Всѣхъ замѣтокъ тринадцать; по содержанію своему онѣ довольно однообразны, по объему—весьма кратки. Слѣдуетъ думать, что о. Иванъ набросалъ ихъ для себя, при первомъ чтеніи Фельгаберова отчета. Провѣряя многочисленныя доказательства пастора изъ священнаго писанія по славянскому тексту Библіи, сличая ссылки его на главы со своими зачалами, Насѣдка нашелъ, что однѣ цитаты придворнаго проповѣдника совершенно справедливы, другія не совсѣмъ точны, а третьи прямо невѣрны. Все это критикъ по своей обычной манерѣ и обозначилъ прежде всего на поляхъ журнала іюньскихъ преній. Нѣкоторыя изъ замѣтокъ нашего богослова пояснительнаго, такъ сказать, характера[46]), но нѣкоторыя имѣютъ прямое отношеніе къ разбору о. Иваномъ Фельгаберова отчета и могутъ быть названы въ строгомъ смыслѣ критическими. Приведемъ три-четыре примѣра послѣднихъ. Доказывая, что βαπτίζειν не всегда значитъ погружать, пасторъ

---

[45]) Ср. эти слова съ *Епистоліей на римляны* (А. Н. Поповъ, Историко литер. Обзор. стр. 209) и первымъ посланіемъ патр. Іосифа къ королевичу.

[46]) Слово *шкода* въ концѣ Фельгаберова журнала объяснено, напримѣръ, въ смыслѣ „*наруганія или убытка*".

писалъ между прочимъ: „Не речетъ ли Христосъ въ Лукѣ во 12-й главѣ: Мнѣ однимъ крещеніемъ крещену быти, и тошно Мнѣ, покамѣста Я то исполню?..., Нашедши разницу между цитатой Фельгаберова отчета и славянскимъ текстомъ даннаго мѣста, зависѣвшую исключительно отъ переводчика, о. Иванъ по поводу ея замѣчаетъ: „Коль люто и смѣло лжютъ на евангеліе!“ Пасторъ писалъ въ своемъ отчетѣ: „Лука въ своемъ евангеліи въ 3-й главѣ и въ дѣяній апостольскомъ въ 1 гл. и въ 11-й главѣ речетъ, что Иваннъ крестилъ водою, а не въ водѣ“. Критикъ противъ этого замѣчаетъ: „Огнь геонскій съ пятьдесятнымъ днемъ мѣшаетъ; то ересь: Марковъ указъ въ водѣ и Иванновъ тожъ“. Пасторъ ссылается на первую главу „Пророчества Хамова“ въ подтвержденіе того, что Богъ жестоко караетъ людей, несоблюдающихъ договоровъ. На полѣ помѣчено: „Нѣтъ тово“. Пасторъ говоритъ, что изъ 3-й главы Матѳея, первой—Марка, третьей—Луки и изъ второй главы книги Дѣяній апостольскихъ не видно, чтобы крестившіеся отъ Іоанна снимали съ себя и складывали платье свое у Іордана. Критикъ выписываетъ на полѣ зачала, соотвѣтствующія названнымъ главамъ, и потомъ замѣчаетъ: „То все выписати“.

Нѣтъ нужды доказывать въ виду представленныхъ примѣровъ, что замѣтки, находящіяся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ на поляхъ Фельгаберова журнала, имѣли въ свое время значеніе подготовительной работы. Что послѣдняя исполнена была нашимъ о. Иваномъ, въ этомъ также нельзя сомнѣваться. Весьма важно въ данномъ разѣ замѣчаніе критика, въ которомъ онъ упрекаетъ пастора за „смѣшеніе геенскаго огня съ пятьдесятнымъ днемъ“. Само по себѣ замѣчаніе это невразумительно. Чтобы понять его смыслъ и появленіе на поляхъ іюньскаго журнала преній, необходимо сопоставить его съ тѣмъ, что говорили и писали преп. Діонисій, Иванъ Насѣдка и старецъ Арсеній Глухой по поводу исключенія ими изъ молитвы на освященіе воды въ навечеріе Богоявленія Господня словъ: „и огнемъ“. Защитники послѣдней прибавки, напримѣръ Антоній Подольскій, основаніе для нея находили въ словахъ Предтечи: „Той вы крститъ Духомъ Святымъ и огнемъ“ (Лук. III, 16), исполнившихся

будто бы на апостолахъ въ день Пятьдесятницы, когда Духъ Св. сошелъ на нихъ въ видѣ огненныхъ языковъ. Противники прибавки, преп. Діонисій съ остальными справщиками, утверждали, что подъ огненнымъ крещеніемъ, о которомъ говорилъ Креститель, согласно со св. отцами, слѣдуетъ разумѣть будущее вѣчное мученіе грѣшниковъ и ни въ какомъ случаѣ не должно смѣшивать геенскій огнь, обѣщанный чадамъ ехидниным, съ даромъ Св. Духа, излившимся на апостоловъ въ пятьдесятый день въ видѣ огненныхъ языковъ. Такимъ образомъ разсматриваемая критическая замѣтка скорѣе всего могла выйти изъ-подъ пера о. Ивана: въ 1644 году онъ одинъ оставался въ живыхъ изъ числа лицъ, трудившихся надъ исправленіемъ Требника въ періодъ между-патріаршества. „Списаніе богородицкаго ключаря Ивана... на королевичева нѣмчина Матвѣя“ или самый разборъ Фельгаберова отчета рѣшительнымъ образомъ увѣряетъ въ томъ. Въ немъ Насѣдка раскрываетъ подробно свое замѣчаніе и при томъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, что̀ и въ защитительной рѣчи къ патр. Филарету и въ сочиненіяхъ противъ Антонія Подольскаго [47]). Это нужно сказать не про одну данную замѣтку, но и про всѣ остальныя. Мѣста Фельгаберова отчета, противъ которыхъ сдѣланы были замѣчанія на поляхъ, приняты во вниманіе при разборѣ и разсмотрѣны тщательнѣе другихъ. Три замѣтки цѣликомъ перешли съ полей отчета въ разборъ послѣдняго [48]) и, очевидно, были сдѣланы не инымъ кѣмъ, какъ Насѣдкой, до составленія имъ „Списанія отъ божественнаго писанія обличительна на королевичева нѣмчина Матвѣя“. Прежде, чѣмъ излагать содержаніе названнаго сочиненія и оцѣнивать его, скажемъ нѣсколько словъ о планѣ, которому слѣдовалъ авторъ при составленіи его [49]).

---

47) Рукоп. Моск. Синод. библ. № 857 л. 281—282 сн. Рукоп. Троице-Сергіевой лавры № 700 л. 238—239. 243 об.—246. 354 об.—357. 395—396.

48) Рукоп. Синод. библ. № 857 л. 250—251. 281. 299 и др.

49) Списаніе богородицкаго ключаря Ивана... на королевичева нѣмчина Матвѣя самый обширный памятникъ занимающей насъ полемики. Въ цѣломъ видѣ онъ имѣется, сколько намъ извѣстно, въ рукописи Синод. библіотеки № 857, гдѣ занимаетъ болѣе двухъ сотъ листовъ мелкой скорописи (л. 248—464); незначи-

Въ Списаніи ключаря нѣтъ дѣленія на главы и вообще какого-либо искусственнаго построенія. Какъ и при разборѣ отповѣди королевича Вальдемара на первое посланіе патр. Іосифа, о. Иванъ выписываетъ въ немъ болѣе или менѣе дословно одинъ аргументъ вслѣдъ за другимъ, а иногда сряду нѣсколько доводовъ или *оказаній* пастора, и потомъ дѣлаетъ на нихъ свои возраженія. По прежнему нашъ богословъ скупъ при этомъ на самостоятельныя разсужденія и соображенія. За выпиской изъ отчета Фельгабера чаще всего у него слѣдуетъ другая выписка, а иногда и нѣсколько таковыхъ изъ свящ. Писанія, святоотеческихъ твореній, правилъ апостольскихъ и соборныхъ, сочиненій Флавія, Евсевія Памфила и др. Приведши, напримѣръ, 13-е доказательство изъ журнала іюньскихъ преній, о. Иванъ замѣчаетъ: „И противъ сего 13-го указанія отвѣты писати изъ Григорья Богослова, изъ втораго слова на крещеніе Господне“ [50]). „А что Матвѣй въ 3-мъ указаніи ко Евреямъ въ 9-й главѣ зачало 321 о обрѣзаніи приводитъ, и на то Иванна Златоуста (на) посланіе Павла апостола Колассаемъ глава 2, листъ 2095, зач. 254, изъ Бесѣдъ апостольскихъ... Да разсмотримъ убо здѣ и отъ словесъ Григорія Богослова, стихъ 52, емужъ начало сице“ [51])... Замѣчаній такого рода не мало въ разсматриваемомъ трудѣ о. Ивана, и послѣ каждаго изъ нихъ слѣдуетъ обыкновенно болѣе или менѣе обширная выдержка откуда нибудь. Списаніе Насѣдки походитъ отъ того болѣе на изборникъ разнаго рода статей, чѣмъ на критическій богословскій трактатъ, представляетъ изъ себя почти сплошной рядъ выписокъ или цитатъ. Напрасно мы стали бы искать внутренняго единства, логической связи между послѣдними; въ Списаніи обличительномъ нѣтъ такой мысли, которую бы авторъ пытался провести отъ начала до конца, черезъ весь свой разборъ. По отрицая единство и цѣльность

тельные сравнительно отрывки изъ него сохранились также въ сборникахъ Каз. дух. Акад. № 604 (л. 46—87 и 201—215) и Петерб. дух. Акад. № 30 (л. 50—100 и 251—273). Значительная часть Списанія имѣется въ рук. Моск. дух. Ак. (безъ номера) лл. 1—41, 119—248

50) Рукоп. Синод. библ. № 857 л. 402 об.

51) Ibid. л. л. 382 об. 386. 390 и др.

въ данномъ произведеніи о. Ивана, мы тѣмъ не менѣе настойчиво утверждаемъ, что въ немъ все же есть въ нѣкоторомъ смыслѣ центральный предметъ, о которомъ съ любовію и больше всего говоритъ нашъ богословъ. Такой излюбленной темой былъ у Насѣдки вопросъ объ отношеніи Ветхаго Завѣта къ Новому. Вопросъ этотъ, поднятый задолго до о. Ивана въ нашей отечественной литературѣ, серіозно интересовалъ нашего богослова. Ему онъ посвятилъ до двадцати главъ своего Изложенія на лютеры, его онъ затрогивалъ въ спорѣ съ пасторомъ 2—3 іюня, имъ же онъ занялся преимущественно и теперь, при разборѣ Фельгаберова отчета объ іюньскихъ преніяхъ.

Вопреки пастору, высказавшемуся о Ветхомъ Завѣтѣ, какъ объ основаніи для Новаго, и доказывавшему ветхозавѣтными пророчествами и прообразами законность, истинность и дѣйствительность лютеранскаго крещенія, о. Иванъ утверждалъ въ своемъ Списаніи обличительномъ, что В. законъ, не исполнявшійся еще многими ветхозавѣтными праведниками, отвергавшійся апостолами и, наконецъ, отринутый Самимъ Спасителемъ, не имѣетъ уже теперь для христіанъ значенія, и, слѣдовательно, ссылаться на него не слѣдуетъ. „Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ умолкъ языкъ Захаріинъ, разсуждаетъ нашъ богословъ, пересталъ существовать и законъ, данный чрезъ Моисея и поддерживавшійся пророками. Съ пришествіемъ Крестителя, отверзшаго уста своему нѣмому отцу и возвѣстившаго спасеніе людямъ, законъ съ пророками миновали, и явилась сама истина—Христосъ. Многіе развратники, желая оставаться въ законныхъ обычаяхъ, говорятъ, что Господь пришелъ не нарушить законъ или пророковъ, но исполнить (Мато. V, 17). І. Христосъ, научивши вѣровать "въ Троицу лицы и Единицу существомъ„ и ниспославши благодать Св. Духа отъ Отца, дѣйствительно многое восполнилъ въ законѣ, но безчисленное въ немъ разорилъ. Не всѣмъ ли видимо теперь: гдѣ законъ, пророки, родъ еврейскій, скрижали богописанныя, священство, царство, пѣсни съ приношеніями и всесожженія по вся дни? Все это разорилъ Духъ Св., излившійся безъ различія на всякую плоть, обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ, и тѣмъ показавшій, что за-

конъ Моисеевъ теперь „ничтоже можетъ.“ Вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ В. Завѣтъ былъ сѣнію другаго и, какъ сѣнь, долженъ былъ прейти и уступить свое мѣсто Новому. Самъ Богъ неоднократно говорилъ Евреямъ чрезъ пророковъ Своихъ: Даніила, Іезекіиля, Амоса и др., что праздники ихъ, субботы и новомѣсячія отринетъ, всю святыню ихъ, жертвенники съ опрѣсноками, которые Самъ же заповѣдалъ, осквернитъ... Весьма многіе праведники, спасшіеся вѣрою во Христа, небрегли закономъ, не соблюдали праздниковъ іудейскихъ и не ѣли опрѣсноковъ. По закону проклятъ всякій, не возставившій сѣмени во Израилѣ, а Мелхиседекъ, Илія, Елиссей и самъ Іоаннъ Предтеча о томъ не заботились; они не прокляты Богомъ, но еще засвидѣтельствованы въ вѣрѣ. Креститель, по словамъ Іосифа Маттафіева, не ходилъ на праздники въ Іерусалимъ, не вкушалъ Пасхи съ опрѣсноками и тѣмъ разрушалъ Моисееву заповѣдь, по которой всякій, не ѣвшій Пасхи въ память Египетскаго избавленія, долженъ былъ умереть. Апостолы, видя Духа Св., сходившаго на необрѣзанныхъ, не полагали различія между іудеями и язычниками, евангеліемъ Христовымъ разоряли весь законъ Моисеевъ и своими посланіями наставляли жить превыше его, но вѣрѣ во Христа. Когда ап. Павелъ возвратился въ Іерусалимъ, научивши многихъ іудеевъ отвращаться отъ обрѣзанія Авраамова и прочихъ дѣлъ закона, Іаковъ и другіе апостолы прославили Бога. І. Христосъ, по словамъ евангелистовъ, ходилъ на праздники въ Іерусалимъ, училъ тамъ народъ и творилъ чудеса, *но нигдѣ не написано:* вкушалъ ли Онъ пасхальнаго агнца съ опрѣсноками? Евангелистъ Іоаннъ говоритъ о Христѣ, что Онъ не вдавалъ Себя въ вѣру жидовскую (II, 23—24), то есть, разорялъ законъ ихъ. Свою тайную вечерю Онъ совершилъ не по закону, *прежде праздника Пасхи, и не въ церкви со множествомъ* людей, но въ простомъ дому, не стоя съ жезломъ въ рукахъ и съ обутыми ногами, но сидя, на обыкновенномъ квасномъ хлѣбѣ, безъ агнца и горькихъ травъ. Не ясно ли, что хлѣбъ, данный чрезъ Моисея, отвергнутъ Имъ? „А вы, іудействующіе, неразъ при этомъ обращается нашъ критикъ къ лютеранамъ, вопреки Самому Христу, служите на опрѣс-

нокахъ, бѣситесь съ органами, женитесь въ родствѣ и пріобщаетесь къ богоубійцамъ жидамъ! [52]). Понятно, что выводы, слѣдовавшіе изъ такого взгляда на значеніе Ветхаго Завѣта въ христіанствѣ по отношенію къ вопросу о крещеніи были совсѣмъ не въ пользу пастора, и критикъ не упускалъ случая отмѣчать ихъ.

Слово βαπτίζειν нѣмчинъ Матвѣй толкуетъ въ смыслѣ обливать, окроплять, часть тѣла въ воду погружать, и приводитъ въ подтвержденіе кровь тельчію, козлію и птичью, которою въ В. Завѣтѣ очищались нечистые; ссылается на ап. Павла и евангелистовъ Марка и Луку. Мы вѣдаемъ, что значитъ руки или ноги омывать, кровію тельчею, козлею и птичьею кропиться. Все это дано было на время въ древнемъ законѣ и не предзнаменовало крещенія. Послѣднее началось съ Іоанна Предтечи, крестившаго, по повелѣнію Божію, народъ Іудейскій, ап. Андрея, брата Петрова, и съ нимъ евангелиста Матѳея, потомъ прочихъ апостоловъ и Самого Іисуса Христа. Апостолы Андрей да Матѳей отъ Предтечи пришли учиться ко Христу и послѣ того крестились во имя Отца и Сына и Св. Духа. Здѣсь же [53]) нѣмчинъ, укрѣпляя свое мудрованіе, *„коль люто и смѣло лжетъ на евангеліе“*, будто въ Лукѣ (XII, 50) Христосъ говоритъ о Себѣ: „Мнѣ однимъ крещеніемъ крещену быти и тошно Мнѣ нынѣ, покамѣста Я то исполню“. У насъ, во всѣхъ русскихъ переводахъ евангелій, въ 69-мъ зачалѣ, нѣтъ того, а писано: Огня пріидохъ воврещи на землю и что хощю, аще уже возгорѣся. Крещеніемъ же имамъ креститися, и како удержуся, дондеже скончаются [54])?

„Во второмъ *основаніи* Матвѣй пишетъ, что слова прор. Исаіи и Іезекіиля объ окропленіи и изліяніи воды св. отцы: Кириллъ въ шестой книгѣ во Иванѣ въ 14-й главѣ, Кипріанъ, Хризостомъ относили ко крещенію, что мы напротивъ видѣли въ нихъ указаніе на другія освященныя воды, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ нихъ нельзя разумѣть

---

52) Рукоп. Моск. Синод. библ. № 857 лл. 256. 262—278. 328—380.

53) То есть въ первомъ *основаніи* отчета.

54) Рукоп. Синод. библ. № 857 л. 248 об.—251.

никакой иной воды, кромѣ воды крещенія, чрезъ которую приходитъ на насъ благословеніе Авраамово и Іаковлево. Что̀ именно Кириллъ писалъ или не писалъ тамъ, нѣмчинъ не объяснилъ, а въ евангеліи Іоанна въ 14-й главѣ мы смотрѣли: тамъ все объ исхожденіи Духа Св. отъ Отца. И то мы впрямь говорили съ греками, что у насъ первая вода богоявленская, которою 6 генваря мы творимъ воспоминаніе крещенія Господня, вторая—въ первый день августа. Ими мы омываемъ мощи мучениковъ, освящаемъ храмы, празднуемъ ежегодно памяти святыхъ, съ ними же совершаемъ обхожденія вокругъ градовъ, святыхъ мѣстъ и всякихъ жилищъ христіанскихъ, ихъ мы пьемъ съ чистою совѣстію. И въ томъ Матвѣй совралъ, будто въ водѣ крещенія приходитъ на насъ благословеніе Авраамово и Іаковлево: въ книгахъ написано, что не объ Авраамѣ, но о Сѣмени его, то есть о Іисусѣ Христѣ, благословятся всѣ народы [55]).

По словамъ Матвѣя, ап. Павелъ ничего не говорилъ помимо того, что писали Моисей и пророки, а Самъ Христосъ объяснялъ древній законъ и приказывалъ всѣмъ людямъ испытать писаніе В. Завѣта. Пусть всякій посмотритъ объ этомъ въ Дѣяніяхъ (XXI, 21), гдѣ лесть Матвѣева обличена ап. Іаковомъ. И о томъ я, попъ Иванъ, вѣдаю, что Мартинъ въ катихизисѣ ихъ о десятословіи къ Моисею все розвелъ на укоризну грекамъ и намъ, на св. иконы, иноческій чинъ, на церковное строеніе и св. службу, и тотъ розводъ Мартинова ученія есть у меня грѣшнаго, и патріарху государю про то вѣдомо, да въ люди ту книгу казать не для чего, потому что толкованіе Мартиново—бѣсовское ученіе, а буде положитъ Матвѣй то ученіе явно предъ людьми, и всей той вражей книгѣ отвѣтъ у меня готовъ [56]). Приводя слова Матѳея (XXII, 29), Іоанна (V, 39) и Павла (Колос. II, 11), нѣмчинъ смѣется надъ нами, будто мы не знаемъ о Христѣ, ничего не разумѣемъ въ книгахъ и не со-

---

55) Ibidem. л. 251—253.

56) Приведенныя слова есть раскрытіе одной изъ замѣтокъ на поляхъ Фельгаберова отчета. Рукоп. Каз. дух. Акад. № 604 л. 112 и С.-Петерб. Акад. № 30 л. 131 об.

влеклись грѣховнаго тѣла плоти. Самъ Матвѣй не спогребся Христу въ крещеніи, все сводитъ къ тому, чтобы обливаться, а въ помощь и подпоръ окропленію своему указываетъ на кровь Христову, приносимую въ божественной службѣ. Указъ этотъ—не у мѣста: иное дѣло тайна крещенія Господня, иное—тайна распятія Его. Христосъ приходилъ къ Іоанну креститься въ водѣ и показалъ Собою примѣръ всѣмъ людямъ ходить путемъ правымъ, по заповѣдямъ Господнимъ—это тайна просвѣщенія (Мато. XXVIII, 19—20), а объ освященіи, Господь дастъ, индѣ скажемъ. Матвѣй льстиво учитъ, что, не крестившись въ три имени св. Троицы, можно надѣяться на причащеніе крови Господней (Евр. IX, 13—14). Что можетъ быть злѣе сего лукавства и прелестныхъ дьявольскихъ обмановъ Матвѣевыхъ, будто кровь Владычняя окропляетъ и даруетъ намъ совершенное очищеніе отъ грѣховъ? Избавится ли кто отъ ада преисподняго, если всецѣло не поступитъ по тому образцу, который вообразилъ Самъ Господь? Онъ крестился, постился, былъ искушаемъ діаволомъ и передъ смертію плакалъ. По-еретически ничего такого не нужно бы дѣлать; всякій скверный и некрещенный будетъ чистъ, по ихъ словамъ, если только надѣется на кровь Христову. „Да приступаемъ со истиннымъ сердцемъ, писалъ апостолъ, во извѣщеніи вѣры, окроплени сердцы отъ совѣсти лукавыя и измовени тѣлесы водою чистою“ (Евр. X, 22); ясно, что только тѣ могутъ имѣть надежду на совершенное освященіе кровію Господнею, которые напередъ омылись св. крещеніемъ [57]).

Матвѣй ссылается на посланіе къ Евреямъ (V, 26), въ которомъ крещеніе названо водною банею, изъ чего всякому будто бы легко понять, что окунуть въ крещеніи не значитъ погрузить въ водѣ всѣмъ тѣломъ съ головою. Какъ окунуться, коли не понырнуть? Да невѣдомо для чего тутъ же нѣмчинъ привралъ про дочь царя Фараона, какъ она купалась въ рѣкѣ [58]).—А что пишетъ Матвѣй, что видимому съ

---

57) Рукоп. Синод. библ. № 857 лл. 253—256. 386 об.—390. 256 об.—259. 261 об.—262.

58) Ibid. л. 259 об.—260.

невидимымъ, земному съ небеснымъ надобно согласоваться въ таинствахъ, мудрованіе о томъ обличено въ *Латинскихъ ересѣхъ*. Онъ говоритъ еще, что какъ ветхозавѣтное обрѣзаніе совершалось надъ однимъ членомъ тѣла и считалось полнымъ, такъ-де и въ крещеніи достаточно облить одинъ составъ. Всей поднебесной извѣстно, что у жидовъ и татаръ надъ однимъ тайнымъ удомъ ножъ ходитъ, а Духъ Св. на нихъ не приходитъ. Обрѣзаніе дано было Израилю не во спасеніе, а въ знакъ того, чтобъ ему не смѣшаться съ язычниками-идолопоклонниками. Какъ господинъ, имѣющій у себя много скота, клеймитъ его на ушахъ или гдѣ прійдется, чтобы на пастбищѣ не перемѣшался съ чужимъ и не погибъ, такъ и Господь положилъ на время знаменіе ножемъ на своемъ народѣ [59]).

Въ седьмомъ указаніи Матвѣй пишетъ объ окропленіи кровію Христовою, пролитою Имъ на крестѣ среди страданій, и утверждаетъ, что намъ такъ окропленью причастнымъ быть нельзя, развѣ въ крещеніи, гдѣ мы вдругъ окроплены бываемъ водою и кровію. Всѣ евангелисты согласно засвидѣтельствовали, что на тайной вечери Господь, взявши чашу съ виномъ, сказалъ ученикамъ Своимъ: „*пійте отъ нея вси: сія бо есть кровь Моя Новаго Завѣта...*“ Слѣдуетъ обратить вниманіе православнымъ христіанамъ на прельщеніе нѣмчина. Господь повелѣлъ пить кровь Его, а не обливаться или окропляться ею. Храня заповѣдь Господню, преданіе Павлово (1 Кор. XII, 23—26) и Іоанново (1 Іоанн. V, 6—9), мы всякій день въ закланіи Агнца Божія предлагаемъ и вкушаемъ съ пречистою плотію и кровію Его святую воду. Когда настанетъ время раздробленія Агнца на службѣ, мы вливаемъ чашу теплоты въ вино и воспоминаемъ кровь и воду, истекшія изъ прободеннаго ребра на крестѣ, призываемъ въ молитвахъ Пресвятаго Духа и вѣруемъ, что хлѣбъ претворяется Имъ въ тѣло Господне, а вино—въ истинную кровь Христову. Вы сказываете и надѣетесь, что въ причащеніи крови Христовой вы паче воды крещенія просвѣщаетесь; а приношеніе воды гдѣ у васъ и

---

59) Ibid. л. 260—261.

зачѣмъ потеряно? Мы хорошо знаемъ, что въ вашей мерзкой службѣ нѣтъ ни студеной, ни теплой воды, изъ которыхъ въ первой Господь нашъ крестился 6 генваря, вторую — источилъ на крестѣ 30 марта. Для чего Мартинъ Лютеръ укралъ у васъ сію студеную и теплую воду и гдѣ схоронилъ ихъ отъ васъ? а безъ воды та кровь вамъ не въ кровь, потому что нѣтъ въ ней жизни, теплоты. Сей ереси вы научились отъ папежниковъ, отъ которыхъ, какъ и отъ васъ, церкви Божіи во вселенной не какъ трубы гремятъ, но какъ громы небесные землю трясутъ. Въ своей службѣ вы еретичествуете съ папой, евангелію Христову и апостоламъ противитесь, со всѣми святыми ратуетесь и уже около пяти сотъ лѣтъ отъ Карла и Ѳормоса и сто сорокъ лѣтъ послѣ Мартина, учителя своего, жадны бродите. Если поищете въ библіи и повѣрите пророкамъ съ апостолами, то узнаете, гдѣ течетъ вода живая, студеная и теплая, напитаетесь отъ нея и не вжаждете во вѣки. Да къ той водѣ припросите себѣ еще хлѣба, дающаго жизнь вѣчную, а не умерщвляющаго по Аполлинаріеву еретичеству. Лютеране причащаются опрѣсноками и въ бесѣдахъ съ православными лицемѣрно сказываютъ, что все-де равно причащаться ли квасным хлѣбомъ или прѣснымъ: сила заключается въ вѣрѣ, а не въ хлѣбѣ. Кто принимаетъ прѣсный хлѣбъ въ надеждѣ и полной увѣренности, что это есть истинное тѣло Христово, тотъ безъ всякаго сомнѣнія и разсужденія получитъ вѣчную жизнь. Папу называютъ антихристомъ, а сами заодно съ нимъ что дѣлаютъ? Въ своемъ письмѣ къ патр. Іосифу лютеране писали намъ, что безъ всякихъ учителей сами собою въ св. библіи разсмотрѣли и путь правый нашли... Но чего у нихъ не бывало, и то гдѣ имъ взять [60])?

По словамъ нѣмчина Матвѣя, Лука въ своемъ евангеліи и въ Дѣяніяхъ написалъ, что Іоаннъ крестилъ водою, а не въ водѣ. Многіе лютеране теперь помышляютъ, что слова Предтечи (Лук. III, 16) сбылись въ пятьдесятый день, когда Духъ Св., по пророчеству Іоиля, излился на апостоловъ огненнымъ видѣніемъ. Прельщаютъ неразумѣющихъ и без-

---

60) Ibid. л. 315—327.

разсудно смѣшиваютъ съ даромъ св. Духа геенскій огнь, предсказанный Крестителемъ ехиднинымъ исчадіямъ: саддукеямъ, фарисеямъ, мытарямъ и блудницамъ(Лук. Ш, 7—17). Въ Дѣяніяхъ написано: „яко носиму дыханію бурну..., явившася апостоломъ раздѣленіи языки яко огненніи“ (II, 2—3); не огнемъ излился Духъ св. на апостоловъ и не сказано: огненные, но какъ-бы огненные... Потомъ ты, Матвѣй, всячески мудрствуешь, что излитіе дара св. Духа на апостоловъ было крещеніемъ ихъ какъ и всѣхъ людей. Отъ неразумія своего прельщаешься, другихъ многихъ прельщаешь и показуешься философъ, что и Мартинъ-же, а того неразумѣешь; для чего были и что означаетъ излитіе отъ св. Духа въ день пятьдесятницы? Книгу Діонисія Ареопагита отвергаешь, а въ ней зѣло истинно написано объ этомъ. Въ тотъ день открылась тайна всей св. Троицы: Бога Отца безначальнаго, Бога Сына отъ Него рожденнаго и Бога Духа св. отъ Отца исходящаго; для язычниковъ *пятьдесятный* огнь былъ *просвѣщеніемъ*—знаменіемъ того, что отсѣлѣ они должны вѣровать въ Единаго Бога въ Троицѣ и поклоняться Троицѣ въ Единицѣ, а для апостоловъ—*преосвященіемъ*. Ради Сына Своего Господь даровалъ имъ силу истребить своимъ ученіемъ идолопоклонство на землѣ и просвѣтить всю вселенную“. Съ цѣлію показать, какой даръ получили апостолы, нашъ богословъ разсказываетъ о томъ, какъ Самаряне, крещенные Филиппомъ во имя Христово, и какъ нѣкоторые изъ Ефесянъ, крестившіеся Іоанновымъ крещеніемъ, вслѣдствіе проповѣди Аполлоса, не приняли Духа св. (Дѣян. XIII, 5—17, XIX, 1—6), потомучто были крещены не двѣнадцатью апостолами, которымъ принадлежала власть низводить св. Духа на увѣровавшихъ. „Если ученикамъ апостольскимъ Духъ св. не дадеся дѣйствовати надъ крещаемыми, то вамъ не поставленнымъ кто далъ власть просвѣщать народы? И то не чудно-ли, Матвѣй, что Іоанново крещеніе, принимавшееся во всей Палестинѣ и Самаріи, въ языческихъ городахъ Коринѳѣ и Ефесѣ, было повторяемо, какъ несовершенное? Хотя оно совершалось чрезъ погруженіе, но не по Господней заповѣди, то есть не

въ три имени св. Троицы и было крещеніемъ покаянія [61]).

Евангелисты Матѳей, (III, 11) и Лука (III, 16), написали, что Іоаннъ крестилъ *водою*; попъ Матвѣй всячески толкуетъ это слово въ смыслѣ: *обливалъ водою*. Если бы это было справедливо, то было бы сказано: „и крестились отъ него всѣ люди *отъ Іордана*“; между тѣмъ Маркъ и Іоаннъ засвидѣтельствовали о Предтечѣ, что онъ крѣстилъ *въ рѣкѣ Іорданѣ, въ водѣ*. Одного указанія на евангельскій текстъ Насѣдкѣ показалось недостаточно; какъ справщикъ церковно-богослужебныхъ книгъ, онъ сличаетъ разные греческіе и славянскіе, рукописные и печатные, *переводы* евангелій, что-бы усилить значеніе своей цитаты [62]). „Въ греческомъ переводѣ въ печатной книгѣ у князя Дмитрія Альбертоса въ Матѳеѣ, Маркѣ, Іоаннѣ, въ двухъ мѣстахъ (1, 26. 33), и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ: *въ водѣ*, въ Лукѣ—*водою*, а у патріарха здѣсь, въ греческомъ же письменномъ въ новомъ завѣтѣ, также у Альбертоса въ восьмомъ зачалѣ Іоанна: „аще кто не родится *отъ воды* Духа“, а въ нашихъ переводахъ: „*водою* и Духомъ“ (III, 5), а въ соборѣ у Богородицы въ старомъ меньшемъ письменномъ евангеліи слово въ слово съ греческимъ патріарховымъ, а что въ нѣмецкихъ книгахъ писано „водою“, и о томъ у нихъ застарѣлая ересь“. Ключарь вспомнилъ при этомъ, надо полагать, слова недовѣрія и упрека, брошенныя ему прямо въ лицо въ квартирѣ Францбекова пасторомъ, касательно неповрежденности русскихъ книгъ. Обиженное самолюбіе заговорило въ посѣдѣвшемъ книжномъ справщикѣ, и онъ въ пылу раздраженія рѣзко высказалъ несправедливое, но общераспространенное въ то время между русскими обвиненіе, будто всѣ греческія книги, напечатанныя въ Венеціи, Римѣ и другихъ западныхъ городахъ послѣ взятія Латинянами Константинополя, испорчены еретиками-грамматиками [63]).

„Статочное-ли дѣло было для Предтечи, толкуетъ нѣмчинъ

---

61) Ibid. л. 281—296 сн. л. 302 -304.

62) Передъ сличеніемъ разныхъ чтеній по спискамъ евангелій замѣчено: „Се перечень“. Рукоп. Синод. № 857 л. 381.

63) Ibid. л. 299. 381— 382 ст. Опис. Синод. рукоп. II. 3,375. Памятн. др. письмен. и иск. 1878 г. № 129. XVII, стр. 17—18. 41. 45.

своимъ вымысломъ, совать въ воду множество народа, трижды его изъ воды вытаскивать и самому при этомъ нагому стоять? Странно и слышать объ этомъ! Креститель никого не совалъ и не вытаскивалъ, но, находясь на берегу, благословлялъ рукою народъ, когда послѣдній, стоявшій по выю въ водѣ, по исповѣданіи грѣховъ, самъ погружалъ главу свою. Такъ изволилъ принять отъ Іоанна крещеніе въ струяхъ Іорданскихъ и Господь нашъ. О томъ, чтобы Предтеча съ Нимъ въ воду сходилъ или обливалъ Его, у евангелистовъ не написано. Я грѣшный попъ Иванъ, не говорю также, чтобы Христосъ крестился въ три погруженія. Въ кого или для чего нужно было креститься въ три погруженія Тому, Кто Самъ всегда былъ во Отцѣ вмѣстѣ со св. Духомъ? Весьма вѣрно и согласно съ евангелистами написалъ о крещеніи Христовомъ Іосифъ Маттафіевъ—не нашъ христіанскій мудрецъ, не латинскій и не люторскій. Въ своей книгѣ: *„О разореніи Іерусалимскомъ и о погибели всехъ Іудей...“*, которая есть на еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ, сербскомъ и болгарскомъ языкахъ, написалъ о Предтечѣ: „тогда нѣкій мужъ дикой явися отъ пустыня во Іудеохъ, въ чюдныхъ одеждахъ, прилѣпивъ власы скотины къ тѣлу своему“ [64]). Евангелисты Матѳей и Маркъ говорятъ о Предтечѣ, что онъ носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса, а Іосифъ: прилѣпилъ власы къ своему тѣлу. Не страшное-ли мученіе было для Крестителя облечься въ сырую кожу верблюжью, которая, прильнувши, обсохла на его тѣлѣ и сдѣлалась неподвижна? Какой смѣхотворецъ станетъ еще говорить послѣ того, что Предтеча снималъ ее съ себя“ [65]).

Доказавши, что Христосъ крестился чрезъ погруженіе, о. Иванъ въ противовѣсъ пастору, видѣвшему въ мѣдномъ морѣ Соломона образъ христіанскаго крещенія, указываетъ дѣйствительныя *проображенія* послѣдняго. Первое крещеніе было потопное, второе—моремъ и облакомъ, третьимъ прообразомъ служило омовеніе, совершавшееся всякимъ нечистымъ,

---

64) Рукоп. Синод. библ. № 857 л. 300 об.—302. 401 об.—402. 279—280 и 282 об.

65) Ср. рукоп. Моск. дух. Акад. № 12 л. 466 об. 471—472.

по закону Моисееву, четвертое—Іоанново крещеніе, пятое—Христово, шестое—крещеніе покаяніемъ и слезами, седьмое—крещеніе кровію и мученіемъ, восьмое—послѣднее убійственное, но не спасительное". Критикъ разъясняетъ послѣ этого смыслъ обрядовъ таинства крещенія, а именно: совлеченія старыхъ одеждъ и облеченія въ новыя, поставленія крещаемаго лицемъ сначала къ западу, потомъ къ востоку, трехкратнаго погруженія, помазанія членовъ тѣла елеемъ и миромъ. Подробно разсказавъ затѣмъ объ образѣ освященія воды и елея для таинства крещенія въ православной церкви, Пасѣдка замѣчаетъ: *мы смотрѣли и читали о семъ въ римскомъ и люторскомъ опйствѣ*; тамъ не писано о соединеніи масла съ водою въ купѣли, нѣтъ также трехъ призываній св. Духа и трехкратнаго дуновенія въ масло и воду. Ради какой вины отвержено папежниками и лютеранами смѣшеніе елея съ водою? Съ цѣлію доказать послѣднимъ незаконность ихъ отступленія отъ апостольскихъ преданій и разъяснить значеніе самаго обряда, нашъ богословъ пускается въ длинныя разсужденія о построеніи первыхъ христіанскихъ храмовъ, объ учрежденіи въ нихъ богослуженія и свящ. купѣлей, а въ заключеніе словами Діонисія Ареопагита, Григорія Богослова, Златоуста и Дамаскина излагаетъ церковное ученіе о воплощеніи Сына Божія. Изъ аналогій видимаго міра, представленныхъ названными отцами церкви для наглядnаго выраженія понятія о неслитномъ и нераздѣльномъ соединеніи двухъ естествъ въ лицѣ Богочеловѣка, вниманіе о. Ивана останавливаетъ на себѣ соединеніе масла съ водою; изъ него нашъ критикъ пытается извлечь доказательство противъ католиковъ и лютеранъ, неправильно дѣйствующихъ надъ водою крещенія. Если бы всѣ „отеческая исправленія о Христѣ" знали лютеране, то не держались бы Аполлинаріевой, Несторіевой, Евтихіевой, Діоскоровой и Савелліевой ереси, а теперь у нихъ совершенное жидовство, *„а христіанства ньсть отнюдь ни единаго въ нихъ"* [66]).

„Нѣмчинъ Матвѣй въ писаніи своемъ часто указываетъ на посланіе (III, 5—6) къ Титу. Кто прочтетъ въ печат-

---

66) Рук. Син. № 857 л. 304 об.—314. 390 об.—395. 300.

ныхъ евангельскихъ бесѣдахъ всю третью главу, тотъ увидитъ, что тамъ писано не объ излитіи Духа св., что вмѣсто воды Матвѣй приводитъ, баню крещенія толкуя. Златоустъ изобразилъ въ ней, какъ старые еллины приносили жертвы бѣсамъ, закалали и сожигали своихъ дѣтей, какой скверный блудъ у нихъ водился, какъ ихнія жонки и дѣвки нагія съ юношами играть ходили, людей побивали, волшебство и чародѣйство скаредное чинили... Отъ сего злодѣйства спасъ ихъ І. Христосъ Своимъ воплощеніемъ. Сый сіяніе славы отчей, Онъ излился и вселился въ насъ.., и исполнились свѣта небо и земля и преисподняя, какъ пишутъ объ этомъ Діонисій Ареопагитъ и Григорій Феологъ [67]).

Буде изъ евангелистовъ и апостоловъ докажутъ намъ, говоритъ Матвѣй, что они называютъ крещеніе словами: ἐμβάπτω или ἐμβαπτίζω, βαθύνω или βαθύζω, которыя дѣйствительно значатъ погружать, то мы согласимся признать погруженіе правильнѣе и лучше обливанія. Въ библіи объ этомъ нѣтъ рѣчи; есть у Діонисія Ареопагита и въ правилахъ апостольскихъ, а всего лучше и яснѣе написано о томъ у Григорія Богослова во второмъ словѣ на крещеніе Господне“ [68]). О. Иванъ выписываетъ при этомъ нѣсколько апостольскихъ правилъ (46. 49 и 50) и послѣднюю половину названнаго слова съ толкованіемъ Никиты ираклійскаго, сопровождая по временамъ разсужденія Богослова разными замѣчаніями [69]).

„Древніе учители: Кипріанъ, Августинъ и многіе другіе

---

67) Ibid. л. 382 об.—386.

68) Ibid. л. 402—464.

69) Эти замѣчанія сохранились въ Рукоп. С.-Петерб. дух. Акад. № 30, Каз. № 604, Моск. Синод. № 857 и М. Д. А. (безъ номера). Въ первой—сполна, въ трехъ послѣднихъ—отчасти (№ 604 л. 48. 52. 58 об. 62. № 857 л. 415 об. 448. 450 и др.). Они находятся на поляхъ Слова на крещеніе Господне; лишь одно изъ нихъ въ рукоп. № 604, при перепискѣ, внесено въ самый текстъ (л. 62 сн. № 30 л. 69 об.); по объему—кратки, по содержанію довольно разнообразны. Весьма немногія изъ замѣтокъ (всѣхъ въ рукоп. № 30 около 20-ти) имѣютъ отношеніе къ 13-му *оказанію* и составляютъ какъ бы его опроверженіе. Таковы, напримѣръ: „Се зри, яко погруженіе, а не обліяніе; зри о потопленіи, а не о обліяніи: о семъ зри во апостольскихъ правилѣхъ 47 и 50“. Рукоп. Петерб. дух. Акад. № 30 лл. 52. 58. 60. 69 об. 76. 82 об. и др.

пишетъ Матвѣй, ясно говорятъ въ своихъ книгахъ, что обливаніе въ крещеніи столь же добро, какъ и погруженіе. Кипріановой книги нѣтъ на Руси; церковь наша учитъ, что онъ вмѣстѣ со св. Устиной пострадалъ за Христа и скончался мученически. Григорій Богословъ, восхвалившій премудрое ученіе Кипріана, никакъ не умолчалъ бы, если бы послѣдній писалъ о погруженіи и обливаніи. А что касается Августина, то ихъ было два и три Іеронима—такъ они называются по-гречески и по-нѣмецки, а по-русски то Абросимы и Герасимы. Одинъ Августинъ былъ ученикъ Оригена еретика, а другой, о которомъ говоритъ здѣсь Матвѣй, былъ Медіоланскій, а не Кесарійскій. На проклятомъ соборѣ во Флоренціи, гдѣ присутствовали Маркъ Ефесскій, Григорій Солунскій и Нилъ Кавасила, многіе не только православные, но и кривомудрые разсуждали о писаніяхъ Августина, нашли ихъ исполненными латинской ереси и отвергли[70]). Прежде, Матвѣй, ты писалъ намъ, что отеческимъ книгамъ вы не вѣрите: то де затѣи старческія..., а нынѣ самъ ссылаешься на Кипріана, Августина и Ивана Дамаскина? Говоря, что вы имъ вѣрите въ семъ дѣлѣ, не явно-ли ругаетесь надъ прочими божественными писаніями? Что есть годнаго для васъ, нѣмцевъ, у какого-либо святаго отца, то вы принимаете и приводите себѣ въ помощь, Матвѣй, а о томъ, что дѣлалъ Предтеча съ народомъ и особенно Христосъ, о чемъ засвидѣтельствовали евангелисты, апостолы и самовидецъ Слова—Діонисій Ареопагитъ, вы и слышать не хочете“ [71]).

Въ порядкѣ слѣдованія *основаній* или *оказаній* въ отчетѣ Фельгабера мы извлекли изъ *Списанія обличительна* все существенное, что собралъ и привелъ ключарь Иванъ въ опроверженіе доводовъ своего противника. Сопоставляя разборъ Насѣдки, хотя бы даже въ нашемъ изложеніи, съ журна-

---

70) Подобный же взглядъ на сочиненія бл. Августина и Іеронима былъ высказанъ Московскими богословами въ февралѣ 1627 года протопопу Лаврентію Зизанію. Памятн. древн. писм. и иск. 1878. № 129, XVII стр. 40—43.

71) Рукоп. Моск. Синод. библ. № 857 л. 399 об.—401.

ломъ пастора, нельзя не видѣть, что о. Иванъ и на половину не исполнилъ возложенной на него критической работы. Указомъ царя ему велѣно было сдѣлать выписки противъ попа Матвѣя изъ „*нѣмецкихъ* переводовъ", то есть разсмотрѣть весь отчетъ пастора, за исключеніемъ развѣ одной средины, переложенной съ греческаго, между-тѣмъ Насѣдка вовсе не разбиралъ второй половины журнала пастора, гдѣ изложенъ былъ споръ о священствѣ, иконопочитаніи, призываніи въ молитвахъ святыхъ и отчасти крещеніи. Всегда ловкій и находчивый, не упускавшій случая пользоваться готовыми трудами, о. Иванъ по непонятной для насъ причинѣ въ этотъ разъ совершенно не пустилъ въ дѣло тѣхъ основательныхъ доводовъ въ защиту погружательнаго крещенія, которые приведены были 2—3 іюня православной стороной и воспроизведены были пасторомъ во второй половинѣ отчета. Порученъ-ли былъ разборъ послѣдней другому лицу, осталась-ли эта часть донесенія пастора почему-либо вовсе неизвѣстною нашему критику, не знаемъ, но только о. Иванъ въ своемъ „Списаніи" ограничился лишь первою половиною журнала да и ту разсмотрѣлъ не всю: изъ 14-ти „оказаній" или доказательствъ два, 9 и 11-е по счету, изъ которыхъ въ первомъ излагается основной взглядъ на значеніе крещенія, были совершенно обойдены имъ [72]). Что касается разбора остальныхъ 12-ти аргументовъ, то и онъ не отличается у нашего критика полнотой. Нельзя указать ни одного почти доказательства Фельгабера, разсмотрѣніе котораго Насѣдка довелъ-бы до конца, но за то найдутся такіе, которыхъ онъ только коснулся мимоходомъ. Въ двухъ-трехъ случаяхъ вся критика ограничилась краткимъ замѣчаніемъ, что объ этомъ-де мудрованіи пастора можно читать тамъ-то [73]).

Отсылая читателя своего „Списанія обличительна" за опро-

---

[72]) Въ рук. № 857 л. 299, въ текстѣ *Списанія*, о. Иванъ замѣтилъ; „*И то солгалъ въ томъ посланіи пять столко главъ*". Замѣчаніе это сдѣлано было предварительно Насѣдкой на полѣ въ отчетѣ пастора, противъ 9-го основанія, и здѣсь только повторено.

[73]) № 857 л. 260 об. 369—об. и др.

верженіемъ того или другаго довода пастора къ работамъ другихъ лицъ, нашъ престарѣлый богословъ, самъ того не замѣчая, обнаруживалъ свое безсиліе. Но ни въ чемъ такъ ясно не сказалось послѣднее, какъ въ манерѣ критика давать словамъ попа Матвѣя совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ какой они имѣли въ дѣйствительности. Сравнительно рѣдко о. Иванъ беретъ „оказанія“ Фельгабера въ ихъ прямомъ, непосредственномъ значеніи, чаще же онъ толкуетъ ихъ по своему. Придворный проповѣдникъ говоритъ, напримѣръ, что не слѣдуетъ слишкомъ много препираться изъ-за воды крещенія, такъ-какъ сила таинства не въ ней заключается. У нашего критика выходитъ, что нѣмчинъ Матвѣй совсѣмъ отвергаетъ воду въ крещеніи, утверждая, что она заключается въ самомъ сообщеніи даровъ св. Духа крещаемому. Слова ап. Петра „объ окропленіи кровію І. Христа“ (1, 2) Фельгаберъ относитъ къ крещенію, а нашему богослову представляется уже, что тотъ евхаристію отождествляетъ съ таинствомъ „просвѣщенія“. Пасторъ отмѣчаетъ, что, по словамъ св. Луки въ евангеліи и Дѣяніяхъ, Іоаннъ крестилъ „водою“. Насѣдкѣ кажется совершенно другое. Чѣмъ объяснить такое перетолкованіе? Думаемъ, что здѣсь прежде всего имѣло мѣсто положительное непониманіе нашимъ критикомъ смысла по мѣстамъ довольно сложной аргументаціи ученаго пастора. Это не одно предположеніе съ нашей стороны. Самъ о. Иванъ не разъ въ своемъ трактатѣ, опровергая то или другое „оказаніе“ Фельгабера, замѣчаетъ: „И тутъ спустился въ мысли своей противъ нашихъ къ нему укоризнъ.., да послѣ дьяволъ перевернулъ ево, Матвѣя, на ину мысль мудровати и привелъ указъ къ Колоссаямъ..., И еще же Матвѣй привелъ иную „перевертку“.. [74]). Не трудно догадаться, что хотѣлъ сказать нашъ доморощенный богословъ этими своеобразными выраженіями о критическихъ пріемахъ своего оппонента. Не выдрессированный, діалектически неразвитый умъ попа Ивана не поспѣвалъ слѣдить за быстрыми и внезапными оборотами вышколенной мысли

---

74) Ibid. л. 253. 256. 259 об. 255 об. 283 об. 324 об. и др.

пастора; полемическія тонкости и уловки послѣдняго не всегда были доступны пониманію бывшаго сына „навозогребца“, казались ему „софистеками“ и мудренымъ „философствомъ“. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что успенскій ключарь, не уразумѣвши разсужденій и доказательствъ Фельгабера, превратно представлялъ себѣ и самое положеніе, защищавшееся противникомъ.

Но изъ указаннаго источника нельзя объяснить всѣхъ перетолкованій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Насѣдка, намъ кажется не понялъ правильно пастора просто потому, что не хотѣлъ понять, то есть прибѣгъ къ давно извѣстному пріему всѣхъ безсильныхъ критиковъ. Попадѣвшись слишкомъ на себя и, быть можетъ, не осмѣлившись отказаться отъ возлагаемой работы, ключарь скоро почувствовалъ, что выполнить послѣднюю, какъ слѣдуетъ, не можетъ, не въ состояніи разбить противника во всѣхъ пунктахъ. Оставалось ему такимъ образомъ пройти молчаніемъ всѣ неопровержимыя *оказанія*, то есть, признать до нѣкоторой степени правымъ пастора или же перевести критику на почву болѣе для себя удобную. Глубокое убѣжденіе въ законности лишь погружательнаго крещенія, интересы царской семьи и, наконецъ, личное самолюбіе, понятно, не позволяли сдѣлать первое, а потому о. Иванъ обратился къ послѣднему средству.

За время продолжительной литературной и справщической дѣятельности Насѣдкѣ не мало пришлось прочитать *божественныхъ* книгъ и о многомъ самому написать. Въ началѣ сороковыхъ годовъ XVII стол. онъ безспорно обладалъ массой богословскихъ знаній. Въ послѣднихъ не было отвѣта на вопросъ о преимуществѣ православнаго крещенія предъ лютеранскимъ, но за то по другимъ соприкосновеннымъ вопросамъ былъ богатый матеріалъ, которымъ неразборчивый полемистъ безъ особеннаго труда могъ всегда воспользоваться. Насѣдка, у котораго не было недостатка въ ловкости и своего рода приспособляемости, попытался употребить въ дѣло свои прежнія произведенія и хорошо извѣстныя ему божественныя писанія. Вмѣсто того, чтобы вникать въ сущность *оказаній* Фельгабера и трудиться надъ ихъ разборомъ, онъ старался понять ихъ такъ, чтобы разборъ не составлялъ

для него затрудненія. Это ему удалось болѣе, чѣмъ съ успѣхомъ. Пасторъ, чтобы усилить значеніе своихъ цитатъ изъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ, высказываетъ и раскрываетъ ученіе о В. Завѣтѣ, какъ основаніи для Новаго. Замѣтивши, что *„объ отриновеніи В. Завѣта указъ и отвѣтъ великъ написанъ* [75])", Насѣдка совсѣмъ не къ дѣлу выписываетъ цѣлый рядъ главъ изъ *Изложенія на лютеры*. Пасторъ цитуетъ евангеліе отъ Луки (III, 16) и книгу Дѣяній (II, 2—3). Насѣдка въ спорѣ съ Антоніемъ Подольскимъ занимался толкованіемъ означенныхъ стиховъ, и это обстоятельство дастъ ему теперь возможность сдѣлать некстати выдержку изъ прежнихъ своихъ рѣчей *о огни просвѣтительномъ* [76]). Примѣровъ такого рода заимствованій въ *Списаніи обличительномъ* не мало. Работа о. Ивана въ подобныхъ случаяхъ состояла въ томъ, что онъ принаровлялъ, такъ сказать, оказанія Фельгабера къ имѣвшемуся у него готовому содержанію, а это послѣднее передѣлывалъ примѣнительно къ доводамъ пастора. Иногда передѣлки ограничивались замѣной одного слова другимъ, вмѣсто *„еретикъ"* поправлялось *„Матѳѣй* [77]),*"* иногда онѣ состояли въ незначительныхъ пропускахъ и дополненіяхъ [78]).

Готовые подходящіе отвѣты находились однако не на всѣ доводы пастора, да и не всегда нашъ богословъ былъ безсиленъ бороться съ послѣднимъ. Вотъ причина, почему рядомъ съ обширными и дословными выписками встрѣчаются въ Списаніи мѣста сравнительно самостоятельныя, носящія на себѣ слѣды Насѣдкиной работы. Впрочемъ подобныхъ мѣстъ не много, и такъ какъ они тоже составлены на основаніи *„божественныхъ"* писаній, то основной характеръ разсматриваемаго сочиненія отъ нихъ мало измѣняется. *Списаніе обличительно* остается въ полномъ смыслѣ компиляціей, въ которой весьма немногіе отдѣлы служатъ опровер-

---

[75]) Ibid. л. 255 об.—256. 263 об. 327 об.

[76]) *„И о томъ много писанія есть"*,—замѣчаетъ и въ этотъ разъ нашъ богословъ. № 857 л. 281 об.

[77]) № 857 л. 268 об.—278 ср. съ Рук. Моск. Д. Ак. № 178 л. 220 об.—228

[78]) Ibidem.

женіемъ оказаній Фельгабера, большая же часть трактуетъ о предметахъ постороннихъ и между собою не вяжущихся [7]). Читая листъ за листомъ Списаніе ключаря, часто недоумѣваешь: о чемъ разсуждаетъ авторъ? опроверженіемъ котораго доказательства онъ занимается? Насѣдка самъ чувствовалъ это и, не желая быть не понятымъ, въ текстѣ и на поляхъ своего труда сдѣлалъ такого рода указанія: „И сіе все противъ Матвѣевыхъ 6 основаній или оказаній отвѣтъ; а се седьмое; а се на 8-е указаніе; о Иваннѣ на 10 указъ; се на 13-е Матвѣево указаніе; о Предтечевѣ крещеніи [80]) и т. п.

Оцѣнивая *Списаніе обличительно* безотносительно къ отчету Фельгабера, слѣдуетъ сказать, что оно составляетъ продолженіе нашей предшествующей полемической письменности. Безпорядочностію своего изложенія [81]), мужицки-грубымъ, иногда оригинальнымъ языкомъ [82]) и вообще характеромъ Списаніе

---

79) Въ составъ Списанія обличительна вошло до десяти главъ изъ *Изложенія на мотеры*, а именно: 37—43, 44 съ незначительнымъ пропускомъ въ серединѣ (Рук. Моск. Акад. № 178 л. 219—220), 45 съ таковымъ же пропускомъ въ концѣ (Ibid. л. 228 об.), и конецъ 46-я (Рук. Синод. № 857 л. 263—278. 310—314. 328—380 сл. Рукоп. Моск. Ак. № 178 л. 216—218. 220 об.—228. 239—243. 189—216). Не мало заимствованій сдѣлано о. Иваномъ изъ *Григорія Богослова* (№ 857 л. 403—462. 383 об.—386. 390 об.—394), *Іоанна Златоуста* (Ibid. 285. 291—296. 320 об.—322. 302—304. 383. 387—390. 395—397), *Учительнаго евангелія* 1639 г. (Ibid. 304 об.—308 сн. Учит. ев. л. 522 об.—525); *Іосифа Флавія* (№ 857 л. 279—281. 282 об. 367 об.—372. 375 379) и другихъ источниковъ. Около *трехъ четвертей* всего Списанія суть дословныя выписки. Мѣста болѣе самостоятельныя, составленныя Насѣдкой при помощи сочиненій противъ Антонія Подольскаго, твореній Іоанна Дамаскина и Діонисія Ареопагита, правилъ апостольскихъ, печатныхъ евангельскихъ и апостольскихъ бесѣдъ, въ Синод. рукописи находятся на листахъ: 248—263. 279—304. 315—327. 398—402 и др.

80) Рук. Синод. б. № 857 л. 262. 278. 279. 281. 282 об. 299. 300 об. и др; Рук. Казанск. Ак. № 604 л. 76 об; № 857 л. 402 об.

81) Хотя въ разборѣ *оказаній* о. Иванъ держался порядка слѣдованія ихъ въ отчетѣ пастора, но весьма нерѣдко сбивался съ принятаго пути и по нѣскольку разъ возвращался къ опроверженію одного и того же довода (см. оказанія: 7, 8, 12, 13 и др.); бывали и такіе случаи, когда въ разборъ одного оказанія попадалъ разборъ другаго.

82) У критика встрѣчаются такія выраженія: привралъ, пріослѣпъ, перевернулся, съ Павломъ ратуется, блядствуетъ, поныряулъ, напутіе, оманокъ и др. под.

напоминаетъ Изложеніе на лютеры. Вся разница въ томъ, что Списаніе ниже по своимъ достоинствамъ Изложенія, какъ написанное Насѣдкою подъ конецъ жизни на спеціальный и притомъ новый вопросъ, написанное по заказу и потому разсчитанное на опредѣленный срокъ. Въ данномъ трудѣ Насѣдки чаще, чѣмъ въ какомъ другомъ его сочиненіи, приходится встрѣчаться съ догматическими, экзегетическими, историческими и другаго рода погрѣшностями. Достаточно припомнить здѣсь, какъ нашъ богословъ раскрываетъ незначимость В. З. въ христіанствѣ, какъ онъ смотритъ на смыслъ ветхозавѣтнаго обрѣзанія, какъ объясняетъ нѣкоторыя мѣста свящ. Писанія (Іоанн. II, 23—24, Дѣян. 1, 5, Тит. III, 5 — 6 и др.), что говоритъ объ Августинахъ, Іеронимахъ и т. д. Нѣкоторые изъ указанныхъ недостатковъ уже извѣстны намъ и перешли въ Списаніе изъ прежнихъ полемическихъ сочиненій. По старому, напримѣръ, нашъ богословъ смѣшиваетъ все законодательство Моисея, не различая въ немъ внутренней стороны узаконеній отъ внѣшней, временныхъ обрядовыхъ постановленій отъ постоянныхъ началъ нравственности. Понятно, что изъ неправильнаго взгляда на законъ Моиссевъ и вообще на отношеніе В. Завѣта къ новой благодати слѣдовали у Насѣдки невѣрные выводы. Но далеко не на всѣ погрѣшности, находящіяся въ Списаніи обличительномъ, можно смотрѣть какъ на литературное наслѣдіе отъ предшествующаго времени. Объясненія нѣкоторымъ неправильнымъ или прямо невѣрнымъ сужденіямъ о. Ивана нужно искать, на нашъ взглядъ, въ томъ умственномъ напряженіи, которое онъ долженъ былъ испытывать. Пока препирательства съ датчанами шли изъ—за общихъ вѣроисповѣдныхъ разностей, Насѣдка, какъ выдающійся въ свое время знатокъ лютеранства и отечественной противолютеранской литературы, безъ особеннаго труда могъ бороться съ пасторомъ; но какъ скоро пренія о вѣрѣ, съузившись въ объемѣ, приняли спеціальный характеръ, нашъ полемистъ оказался по своимъ познаніямъ ниже требованій, предъявленныхъ къ нему противной стороной. Мы уже знакомы съ однимъ непохвальнымъ пріемомъ, съ помощію котораго о. Иванъ пытался выйти изъ критическаго положе-

нія; теперь замѣтимъ еще, что онъ употреблялъ всю силу своего мышленія, чтобы не быть безотвѣтнымъ въ спорѣ съ еретикомъ. Только этимъ мы и можемъ объяснить себѣ нѣкоторыя странности, натяжки и разнаго рода преувеличенія въ Списаніи обличительномъ. Нужно, напримѣръ, Насѣдкѣ доказать Фельгаберу, что Предтеча не сходилъ въ воду съ крещаемымъ, *не снималъ съ себя одеждъ*, и онъ, на основаніи славянскаго перевода Флавія, утверждаетъ, что Креститель даже не могъ этого сдѣлать, такъ какъ „*прильпилъ власы скотинны къ тѣлу своему*“. Требуется нашему богослову оправдать довольно сложную обрядовую обстановку православнаго крещенія,—онъ обращается къ евангельскому разсказу о крещеніи Господа и разсуждаетъ такимъ образомъ: „И аще и въ водѣ погрузися (І. Христосъ), но *по молитвѣ сниде Нань* (Духъ св.), то *кольми паче потреба намъ многихъ молитвъ и надъ водою, прежде погруженія, и, по погруженіи, Духа св. призывати на помазаніе св. мѵра*, имже помазуемся во знаменіе, въ печать пришествія св. Духа“ [83]). Пасторъ говоритъ о бл. Августинѣ, что онъ присутствовалъ на Кароагенскомъ соборѣ, „которой отъ *кесаря* Ѳеодосія втораго собранъ былъ“; у нашего критика выходитъ, что Фельгаберъ называетъ Августина *кесарійскимъ*.

Параллельно съ напряженіемъ въ области мысли выростало и созрѣвало въ нашемъ главномъ участникѣ преній чувство вражды къ лютеранамъ и особенно къ пастору Фельгаберу. Подъ перомъ Насѣдки число религіозныхъ заблужденій и винъ первыхъ увеличивается; Лютори представляются еретиками, отвергающими не только воду крещенія, но и необходимость самаго таинства, единомышленниками Савеллія, Арія, Несторія, Евтихія и Діоскора. Къ своему оппоненту о. Иванъ обращается по мѣстамъ въ весьма оскорбительныхъ выраженіяхъ. „И здѣ, въ семъ зачалѣ, смотри до конца, что о Мелхиседекѣ пишетъ, *смотри же крѣпко своими зѣницами, яко волкъ еси, а не попъ*“ [84])...

---

[83]) Рук. Син. библ. № 857 л. 300 об.

[84]) Ibid. 318.

Сказавши о недостаткахъ *Списанія обличительна*, слѣдуетъ упомянуть и о достоинствахъ его. Цѣль, которую преслѣдовало наше правительство, поручая Насѣдкѣ разборъ Фельгаберова отчета, была практическая. Какъ и прежде, при составленіи и изданіи Кирилловой книги, оно хотѣло заблаговременно приготовиться къ преніямъ съ лютеранами, запасти новыя литературныя средства взамѣнъ прежнихъ, частію израсходованныхъ въ письменной и устной полемикѣ съ пасторомъ, частію вовсе не пригодившихся вслѣдствіе своей неприложимости къ главному предмету спора. Въ этомъ, помимо всякихъ косвенныхъ соображеній, увѣрятъ насъ одно мѣсто изъ Списанія о. Ивана. Сославшись на Іосифа Флавія и замѣтивши, что его сочиненіе существуетъ на разныхъ языкахъ, послѣдній писалъ: „*и сію бѣ книгу сыскати прежъ, чтобы не на русскомъ языкѣ была и чтобъ не свѣдали ни нѣмцы, ни переводчики*“ [85]). Слова эти зачеркнуты въ Списаніи, быть можетъ, даже самимъ спохватившимся авторомъ, но они весьма важны для насъ. На основаніи ихъ легко догадаться, что Насѣдка, критикуя журналъ пастора, готовился къ новому диспуту, на которомъ намѣренъ былъ поразить своего противника Флавіемъ. Сдѣлать этого, какъ увидимъ, не пришлось о. Ивану, но нельзя сказать, чтобы задача, посившаяся предъ его умственнымъ взоромъ при составленіи опроверженій на *оказанія* пастора, не была достигнута. Какъ ни не полонъ, ни тенденціозенъ былъ разборъ Насѣдки, но и онъ сослужилъ добрую службу православнымъ полемистамъ въ послѣдующей устной и письменной борьбѣ съ датчанами. Книжные люди половины XVII вѣка снисходительнѣе насъ отнеслись къ Списанію обличительному, и то, что намъ кажется слабымъ и натянутымъ въ аргументаціи о. Ивана, имъ представлялось доказательнымъ и вполнѣ естественнымъ. Потомъ несправедливо было бы утверждать, что въ своемъ новомъ трудѣ нашъ богословъ ничего не прибавилъ къ тому, что ранѣе приведено было въ защиту православнаго крещенія; многіе изъ прежнихъ доводовъ онъ пополнилъ и раскрылъ на основаніи свящ. Писанія, правилъ

---

[85]) Ibid. 279.

апостольскихъ, святоотеческихъ твореній и другихъ источниковъ. Чтобы подорвать силу доказательствъ, заимствованныхъ пасторомъ изъ В. Завѣта, онъ старался опредѣлить отношеніе послѣдняго къ Нов. Завѣту, то есть, рѣшить вопросъ, остающійся до сихъ поръ не изслѣдованнымъ. Съ должнымъ вниманіемъ останавливается о. Иванъ на главномъ доводѣ православной стороны—образѣ крещенія Самого Христа, при чемъ не довольствуется Флавіемъ, не ограничивается одной ссылкой на евангельскій текстъ, а провѣряетъ послѣдній по разнымъ спискамъ, для чего заглядываетъ въ ризницу своего Успенскаго собора и даже наводитъ справки, разумѣется, при содѣйствіи другихъ, въ греческомъ подлинникѣ. Въ нѣкоторыхъ оказаніяхъ Насѣдка совершенно справедливо уличаетъ Фельгабера въ противорѣчіи себѣ самому, въ намѣренномъ умолчаніи однихъ данныхъ и поставленіи на видъ другихъ. Иногда критическія замѣчанія ключаря весьма кратки, метки и удачны [86]). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось о. Ивану не совсѣмъ кстати пользоваться своими прежними трудами, полемическія манеры его замѣчательно ловки и обнаруживаютъ въ немъ опытнаго и искуснаго борца [87]). Наконецъ къ чести нашего богослова слѣдуетъ сказать, что въ своемъ Списаніи обличительномъ онъ совершенно вѣрно опредѣлилъ: чѣмъ выигрываетъ его противникъ, пасторъ Фельгаберъ, въ спорахъ съ русскими? „А то указуетъ, *смѣючись*, замѣчастъ Насѣдка про послѣдняго, будто мы не вѣдаемъ о Христѣ, и будто *мы ничего не разумѣемъ въ книгахъ*“. Старый ключарь прекрасно чувствовалъ на себѣ всю силу образованія придворнаго проповѣдника и не менѣе хорошо сознавалъ, что ему уже слишкомъ поздно начинать учиться у послѣдняго. „Насъ, овецъ Христовыхъ, не премудряйте софистеками своими, намъ нынѣ неколи философства вашего слушать: уже бо кончина вѣку пріиде, и судъ Господень при дверѣхъ, и всѣмъ время воздаянія есть готово комуждо и по дѣломъ его“. Не скрывалъ о. Иванъ

---

86) *Ibid. л.* 282 *об.* 258 *об.*—260. 399 *об.*—401 *и др.*

87) Ibid. 328.

своей, равно какъ и своихъ товарищей, научной необразованности и открыто, не стѣсняясь, заявлялъ о себѣ, что *„по гречески и по нѣмецки не умѣетъ*[88])". Когда о. Ивану было совсѣмъ не подъ силу состязаться съ пасторомъ, разсуждать наприм. объ отвлеченныхъ матеріяхъ, онъ прямо отсылалъ его къ *южно-русскимъ* полемическимъ сочиненіямъ[89]), давая какъ бы тѣмъ самымъ понять своему церковно-гражданскому правительству, откуда всего скорѣе оно можетъ достать способныхъ борцовъ и вполнѣ надежныя средства для словопреній съ лютеранами.

Въ то самое время, какъ нашъ русскій богословъ единолично трудился надъ разборомъ Фельгаберова отчета[90]), въ Константинополѣ цѣлый соборъ архипастырей занимался рѣшеніемъ въ сущности того же самаго вопроса: признавать ли лютеранское крещеніе и кальвинское, или нѣтъ? Произошло это такимъ образомъ. Датскій король Христіанъ IV, узнавши отъ Генриха Пенца о положеніи дѣлъ въ Москвѣ, самъ крайне стѣсненный въ то время на сушѣ и на морѣ шведскими генералами[91]), обратился съ просьбою къ Владиславу IV помочь такъ или иначе его сыну Вальдемару. Польскій король, съ самаго начала, какъ мы видѣли, принявшій участіе въ поѣздкѣ послѣдняго для супружества съ дочерью московскаго царя, еще до полученія письма отъ Христіана вмѣшался въ дѣло его сына. Лѣтомъ 1644 г. онъ посылалъ въ Москву своего гонца узнать: скоро ли послѣдуетъ отпускъ Вальдемара? Посредничество Владислава крайне озадачило Михаила Ѳеодоровича. „Мы, великій государь, удивились вмѣшательству польскаго короля, писалъ 16 іюня нашъ государь Вальдемару, потому что у насъ ссылки съ нимъ по вашему дѣлу не было. Когда вы ѣхали къ намъ чрезъ польскія владѣнія, король не прислалъ намъ грамоты, не привезъ ее и гонецъ... И вы, королевичъ Валь-

88) Ibid. 255 об. 324 об. 401; см. Описан. Синод. рукопи. II. 3. 376.

89) Рукоп. Синод. библ. № 857 л. 260 об. 369 об.

90) Разумѣется, если не брать въ разсчетъ писцовъ, которые несомнѣнно были у Насѣдки, и тѣхъ лицъ, къ которымъ обращался послѣдній за нужными справками. Рукоп. Синод. № 857 л. 402 об. 317 об.—318. 381.

91) Шлоссеръ. Всемірная Исторія, т. VI стр. 430, Москва 1871 г.

демаръ, видя къ себѣ нашу государскую пріятную любовь и ласку и надъ собою государственную большую честь, и то все забывъ и презрѣвъ, мимо отца своего писали и съ маршалки своими приказывали къ брату нашему Владиславу королю польскому и в. кн. литовскому. И намъ тому какъ не дивиться"? Напрасно Вальдемаръ дважды писалъ царю, что польскій король вступился за него исключительно по любви и дружбѣ къ его отцу, какъ водится у всѣхъ великихъ государей, а не потому, чтобы искалъ случая нарушить миръ съ царемъ. Наше правительство, у котораго дѣла съ Польшей были далеко не покончены, не безъ основанія усматривало теперь въ заступничествѣ Владислава его личныя, корыстолюбивыя цѣли и отпустило гонца ни съ чѣмъ [92]). Польскій король прекрасно понималъ, что онъ ничего прямо не добьется для Христіана IV и его сына отъ московскаго царя, и потому рѣшился дѣйствовать окольнымъ путемъ.

Около этого времени молдавскій воевода Василій Лупулъ (1634—1654), православный по вѣрѣ выдалъ дочь свою за князя Яна Радзивилла. Константинопольскій патріархъ, въ зависимости отъ котораго находилась въ то время молдо-влахійская митрополія, призналъ законнымъ и утвердилъ этотъ смѣшанный бракъ [93]). Обстоятельство это, совершившееся на глазахъ Владислава IV, подало ему надежду достичь брака графа Вальдемара на царевнѣ Иринѣ безъ перекрещиванія перваго. Чрезъ князя Радзивилла онъ писалъ къ воеводѣ Василію, а этотъ—къ цареградскому патріарху Парѳенію II и просилъ его разсудить: признавать ли крещеніе лютеранъ и кальвинистовъ, или слѣдуетъ ихъ вторично крестить? Патріархъ, послѣ разысканій и совѣщаній со многими учеными людьми, въ томъ числѣ со славившимся тогда дидаскаломъ Мелетіемъ Сиригомъ и веррійскимъ митрополитомъ Іоанникіемъ, созвалъ соборъ, на которомъ „въ

92) Пріѣздъ въ Москву и отпускъ польскаго гонца Христофа Елского съ требованіемъ извѣстія о времени выѣзда изъ Москвы чрезъ Польшу въ Данію датского королевича Вольдемара. Польск. дѣла 1644 г. № 12, сн. Датск. д. 1644 г. № 6, ср. № 2. Извѣстія о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара стр. 20.

93) Е. Е. Голубинскаго. Краткій очеркъ истор. православ. церквей, стрр. 344. 386—387.

божественныхъ библіяхъ и канонахъ искали, обрѣли и приговорили, что лютеранское и кальвинское крещеніе не въ крещеніе [94])".

Основанія для такого постановленія были слѣдующія: 1) лютеране и кальвины въ дѣлѣ спасенія придаютъ значеніе не таинству, а вѣрѣ, которая будто бы одна только надобна. О крещеніи, которое они почитаютъ только *знаменіемъ*, говорятъ, что оно ни къ чему не нужно, такъ какъ не сообщаетъ отпущенія грѣховъ крещающимся. Но это ложь: въ крещеніи подаются оставленіе праотеческаго согрѣшенія и благодать. 2) Попы ихъ не освящены и, не будучи апостольскими наслѣдниками, какую власть они имѣютъ говорить: „*азъ крещаю тебя*"?.. Они отрицаются апостольскаго наслѣдія и говорятъ, что самимъ апостоламъ не дано было ни единой власти отъ Христа совершать таинства. Но если бы они не получили власти отъ Христа учить и крестить народы, то и не было-бы истиннаго крещенія, по слову св. Іоанна (III, 5). 3) Крещаются они не водою, какъ мы, но окропляются свороборинною водкою и всякими пахучими жидкостями. Попы ихъ, стоя въ амвонѣ, говорятъ: „*азъ крещаю тебя*"..., а внизу отрокъ окропляетъ младенцевъ. Въ нашей восточной церкви самъ іерей, а не другой кто, въ крещеніи погружаетъ дѣтей. 4) По крещеніи, лютеране

---

94) Соборъ происходилъ послѣ 8 сент. и не позднѣе 15 дек. 1644 г., при патр. Парѳеніи II-мъ. „Да въ тѣхже дняхъ, *какъ сѣлъ новой патріархъ*, писалъ 15 декабря 1644 г. грекъ Иванъ Варда къ ц. Михаилу Ѳеодоровичу, пришли грамоты отъ князь Василья воеводы къ новому патріарху, чтобъ ему сыскъ учинить о вѣрѣ и крещеніи лютеремъ и кальвиномъ"... Въ письмѣ іеромонаха Мелетія Сирига тоже самое: „а въ прошлыхъ дняхъ писалъ князь Василей, молдавской воевода, къ новому патріарху къ Парѳенію"... Подъ *новымъ* патріархомъ Парѳеніемъ никоимъ образомъ нельзя разумѣть Парѳенія *перваго*, возведеннаго на патріаршій престолъ 4 іюня 1639 г. и лишеннаго каѳедры 1 сент. 1644 г. Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ, къ сожалѣнію очень скудныя, заимствуемъ изъ писемъ: Халкидонскаго митр. Даніила, Мелетія Сирига и упомянутаго грека Ивана Петрова Варды. Переводы этихъ писемъ находятся въ греческихъ дѣлахъ Гл. М. Арх. М. Ин. Д. 7153 г. № 30. Извлеченія изъ нихъ у Муравьева (Сношен. Россіи съ восток. 2 ч. стр. 290—308) и свящ. П. Ѳ. Николаевскаго (Къ исторіи сношеній Россіи съ востокомъ въ половинѣ XVII стол. Христ. чтен. 1882 ч. 1-я стр. 245—249).

мѵромъ не помазуются. 5) Посланія св. ап. Іакова не принимаютъ, въ которомъ противъ нихъ написано, что во всякомъ совершенномъ таинствѣ три статьи и, если одна изъ нихъ останется не исполнена, не будетъ таинства. Наконецъ, 6) на соборѣ, бывшемъ при патр. Лукѣ, опредѣлили перекрещивать всѣхъ агарянъ, крещенныхъ въ восточныхъ странахъ простыми мірянами. Конечный выводъ, къ которому пришли отцы собора въ разрѣшеніи вопроса объ отношеніи православныхъ къ лютеранамъ и кальвинистамъ, былъ тотъ, что прежде, чѣмъ принимать ихъ въ нашу вѣру, слѣдуетъ по канонамъ втораго и шестаго вселенскихъ соборовъ съизнова крестить, мѵромъ помазать и потомъ уже „святыми тайнами совершить [95])".

Не обратили вниманія члены собора и на ходатайство кіевскаго митрополита Петра Могилы, къ которому также обращался польскій король съ просьбою написать къ константинопольскому патріарху Могила письмомъ просилъ послѣдняго послать къ московскому государю извѣстнаго Мелетія Сирига и уговорить его не крестить во второй разъ королевича Вальдемара. Не изъ угожденія къ польскому королю дѣйствовалъ такъ въ данномъ разѣ Петръ Могила, но безъ сомнѣнія изъ искренняго желанія остаться вѣрнымъ

---

95) Постановленіе Константинопольскаго собора состоялось, предполагаемъ, отчасти подъ вліяніемъ событій, происходившихъ въ то время на Москвѣ. Греки нетолько знали о горячихъ преніяхъ русскихъ богослововъ съ датчанами изъ-за перекрещиванія королевича, но и подсмѣивались надъ русскими. „Еще, державный царь, извѣщаю царствію вашему, писалъ тотъ-же Варда Михаилу Ѳеодоровичу,— нѣкіи христіане, наша братія гречена что пріѣжаютъ по всякой годъ къ царствію вашему торговати на вашихъ подводахъ и съ приставы для обереганья, и емлютъ ваше царское жалованье—кормъ, и пошлинъ не платятъ, и они то почитаютъ ни во что, а пріѣхавъ, они зѣся во Царьградѣ осужаютъ царствіе ваше предъ бусурманы и гречены и жидами. А учнутъ ихъ спрашивати: что вы измѣшкались на Москвѣ? и они, отвѣчавъ, говорятъ имъ, будто ся настоятель ихъ, Юрій Остафьевъ, училъ царевича вашего древкомъ играть, и сего ради измѣшкались. А иныхъ спрашиваютъ: какимъ обычаемъ татаровя воевали московскую украйну? и они отвѣчаютъ имъ: будто ся при нихъ пріѣзжали татаровя и около Москвы всѣ села и деревни и посады выжгли и взяли полону сорокъ тысячь, и никто противъ ихъ неотходилъ для того, что *царствіе ваше тогда дѣлали тчанъ серебреной, а крестити въ немъ королевича...*" Греческ. д. 153 г. № 30; Муравьевъ, 2 ч. 298—299.

своему взгляду, что лютеранъ и кальвинистовъ „крестить никакоже подобаетъ, понеже крещени суть“. Какъ первосвятитель южно-русской церкви, онъ не считалъ для себя обязательнымъ постановленія помѣстнаго московскаго собора 1620 г. и не устрашился, когда слѣдовало, возвысить свой правый голосъ въ пользу неповторяемости обливательнаго крещенія. Умный и дѣятельный іерархъ, потратившій много времени и силъ на введеніе единообразія въ чинопослѣдованіяхъ греко-россійской церкви, прекрасно понималъ, насколько важно рѣшить такъ или иначе вопросъ о присоединеніи лютеранъ къ православію особенно теперь, когда составлялось знаменитое *Изложеніе вѣры Руссовъ*. Къ сожалѣнію, заявленіе кіевскаго митрополита осталось безъ послѣдствій, и заключеніе константинопольскаго патріарха и созваннаго имъ собора было сообщено московскому правительству.

Мелетій Сиригъ доносилъ Михаилу Ѳеодоровичу, что засѣданія собора продолжались двадцать дней, но соборованье еще не окончилось: хотятъ больше собрать архіереевъ и изъ всѣхъ седьми соборовъ выписать на еретиковъ.

Намъ неизвѣстно: собирались ли вторично константинопольскія власти, Можно съ увѣренностію только сказать, что вѣсти съ востока, въ которомъ многіе русскіе того времени вмѣстѣ съ патріархомъ Іосифомъ видѣли хранителя стараго греческаго православія, должны были пріятно подѣйствовать на московскихъ богослововъ въ ихъ состязаніяхъ съ лютеранами. Пусть основанія, на которыхъ утвердилъ константинопольскій соборъ свое постановленіе о перекрещиваніи протестантовъ, сравнительно немного представляли изъ себя новаго для нашихъ полемистовъ: важно было то, что положеніе, защищавшееся ими, признано было справедливымъ цѣлымъ соборомъ греческихъ святителей. Уже ослабѣвавшія силы должны были снова вернуться къ нашимъ борцамъ, а новыя мысли въ разсужденіяхъ греческихъ богослововъ насчетъ незаконности обливательнаго крещенія могли натолкнуть московскихъ книжниковъ на новые доводы противъ лютеранъ. Но прежде, чѣмъ пришли письма изъ Константинополя, слѣдовалъ цѣлый рядъ событій, не

позволявшихъ падать духомъ и нашему гражданскому правительству.

17 ноября вернулись въ Москву посланные королевича, Пенцъ и Уренъ, съ дурными вѣстями о военныхъ дѣйствіяхъ датчанъ и ихъ союзниковъ противъ шведовъ и двумя грамотами (отъ 26 іюня и 22 августа) къ царю отъ датскаго короля [96]). Съ прибытіемъ своихъ гонцовъ, Вальдемаръ и вся его свита ничего больше не ожидали, кромѣ вѣрнаго избавленія отъ всѣхъ непріятностей, но скоро должны были сильно разочароваться. Въ своихъ грамотахъ, поданныхъ царю датскими послами 29 ноября [97]), семидесятилѣтній король Христіанъ IV, утомленный борьбою съ внѣшними и внутренними своими врагами, дружески и безъ особенной настойчивости просилъ Михаила Ѳеодоровича, чтобы онъ или исполнилъ все по договору Марселиса, или же немедленно съ честію отпустилъ королевича и пословъ. Наши не обращали вниманія на королевскія грамоты и на усиленныя просьбы пословъ и королевича такъ или иначе отвѣтить имъ и отговаривались нездоровьемъ царя. Чтобы узнать намѣренія русскихъ, Вальдемаръ извѣстилъ государя, что онъ желалъ бы съ нимъ видѣться. 29 декабря королевичъ увидѣлся, наконецъ, съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ палатахъ царевича Алексѣя и, въ присутствіи одного лишь боярина Б. Ив. Морозова да переводчика, *съ великимъ упрошеньемъ и прилежаньемъ* упрашивалъ царя исполнить договоръ или же отпустить его. „Свадьбы совершить нельзя, отвѣчалъ царь, пока не соединишься съ нами въ православной вѣрѣ, а ѣхать тебѣ, королевичъ, отъ насъ непригоже, и потому отпуска не будетъ“. Вошелъ въ комнату Григорій Вас. Львовъ и замѣтилъ Вальдемару, что онъ будто бы обѣщалъ прежде принять крещеніе въ три погруженія, если ему докажутъ законность послѣдняго на основаніи греческой или нѣмецкой библіи. Вальдемаръ разсердился на слова надоѣвшаго ему думнаго дьяка и, ничего не говоря, *съ великимъ шумомъ выбѣжалъ* изъ комнаты.

---

[96]) Подлинникъ грамоты Христіана IV отъ 22 августа за № 30 сохранился среди датскихъ грамотъ Моск. Арх. М. И. Д.

[97]) По дворцовымъ разрядамъ (т. 2 ст. 744—745) 30 ноября.

„Скорѣе я соглашусь вѣчно въ аду горѣть, чѣмъ помыслю принять законъ вашего царскаго величества, писалъ королевичъ Михаилу Ѳеодоровичу 3 генваря 1645 г., и ничто, ни любовь, ни дружба, ни имѣнье не въ силахъ побудить насъ отступить отъ такого рѣшенія, такъ-какъ спасеніе души для насъ дороже всего“. Вальдемаръ просилъ царя отвѣтить на королевскія грамоты. Наши молчали и тѣмъ еще болѣе раздражили гостя. 9 генваря послѣдній рѣзко писалъ царю: „Бьемъ челомъ вашему царскому величеству насъ дольше не задерживать: мы самовластнаго государя сынъ и всѣ наши люди не холопы, а свободные; вы не можете сказать, что вамъ насъ и нашихъ слугъ можно силою удержать. Если же ваше царское величество имѣете такую неподобную мысль, то мы говоримъ прямо, что легко отъ этого произойти несчастію,—и тогда вашему величеству какая будетъ честь предъ всею вселенною? Насъ здѣсь немного, грозить вамъ силой мы не можемъ, но говоримъ одно: про ваше царское величество у всѣхъ людей можетъ быть заочная рѣчь, что вы вопреки договору и всякому праву сдѣлали то, что турки и татары только для добраго имени опасаются дѣлать; мы даемъ вамъ ясно понять, что если вы задержите насъ насильно, то мы сами будемъ стараться получить себѣ свободу, хотя бы пришлось при этомъ животъ свой положить“. 18 генваря пристава Борисъ Пушкинъ и дьякъ Іевлевъ ѣздили къ датскимъ посламъ и именемъ царя сказали имъ, чтобы они королевича унимали, чтобъ онъ мысль свою молодую и хотѣнье отложилъ; если же по его мысли учинится ему какое-нибудь дурно, то это будетъ ему не отъ государя и не отъ государевыхъ людей, а отъ самого себя. Послы отвѣчали: „думаетъ королевичъ обо всемъ этомъ съ своимъ домомъ, съ своими ближними людьми, а не съ нами“. На другой день государь посылалъ къ Вальдемару думнаго дьяка „неправды ему выговорить“. Львовъ высчиталъ королевичу всѣ проступки его за время пребыванія на Москвѣ. „Царь оказывалъ тебѣ великую любовь, ласку и честь, а ты, все это забывъ и ни во что поставивъ, чинишь многое дурно, а на всякое дурно наводитъ тебя маршалокъ А. И. Пенцъ, и дѣлаешь все моло-

дымъ умомъ и совѣтуешь съ маршалкомъ". Львовъ уговаривалъ королевича „ни въ чемъ не слушать Пенца, а молодой умъ отставить. А каковъ маршалокъ, можно видѣть изъ того, что, бывъ въ Швеціи, онъ увезъ королеву въ датскую землю, и отъ того началась война шведскаго короля съ датскимъ". Оправдывая предъ Львовымъ свое поведеніе, королевичъ однако умолчалъ о своихъ отношеніяхъ къ маршалку, приходившемуся ему сродни [98]).

Во время послѣднихъ событій, именно 13 генваря, прибылъ въ Москву для окончательнаго рѣшенія вопроса о размежеваніи Путивльскихъ земель польско-литовскій великій посолъ Гавріилъ Стемпковскій, кастеллянъ Брацлавскій. Онъ привезъ съ собою самозванца Лубу, выдачи котораго незадолго передъ этимъ такъ сильно домогалось наше правительство у поляковъ чрезъ своихъ полномочныхъ пословъ кн. А. М. Львова, думнаго дворянина Гр. Пушкина и дьяка Волошенинова [99]). Помимо явной и прямой цѣли польское посольство, какъ послѣ узнали русскіе, имѣло еще другую тайную и второстепенную—хлопотать передъ царемъ объ отпускѣ изъ Москвы королевича [100]). Впрочемъ ни у государя на представленіи (26 генв.), ни у бояръ въ отвѣтѣ (31 генв.), когда той и другой стороной рѣшено было послать гонца на польскій сеймъ насчетъ выдачи русскимъ

98) Датск. дѣла 1644 г. № 9 св. 22; Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара, стр. 28—33.

99) Дворцовыхъ разр. т. 2, ст. 742—744; Соловьевъ, IX стр. 342—350.

100) 12 февр. 1645 г. Яковъ Сидовской, одинъ изъ пріѣхавшихъ съ польскимъ посломъ, желая подслужится къ ц. Михаилу Ѳеодоровичу, тайно отъ своихъ, разсказывалъ въ посольскомъ приказѣ: „Писалъ де дацкой Христіянусъ король къ польскому Владиславу королю, что онъ по брацкой дружбѣ и любви и *по тайному совѣту его* послалъ къ великому государю Михаилу Ѳеодоровичу для законного браку съ его царскою дщерью сына своего королевича Вольдемара Христіянусовича, и нынѣ—де то дѣло по ся мѣста въ совершенье и въ докончанье не пришло, и королю бы де Владиславу попомнить свое къ нему, дацкому королю, писанье и обѣщанье и своимъ великимъ посломъ, которыхъ къ Москвѣ посылаетъ, велѣть о томъ царского величества бояромъ въ отвѣтѣ говорить: есть ли уже на то воли Божіи и сходства не учинились и въ законномъ бракѣ о вѣрѣ развратье чинитца, чтобъ ево королевича какъ приняли любительно, такъ бы его съ любовью и съ честью отпустили, и *о томъ отпускѣ и освобожены королевичевѣ въ наказѣ у посла написано*". Польскія дѣла 1645 г. № 4 св. 55.

Лубы и уступки Трубчевска, Стемпковскій ни единымъ словомъ не упомянулъ о Вальдемарѣ. Надобно полагать, что польскій король, рѣшившись помочь Христіану IV путемъ дипломатическихъ переговоровъ, наученный опытомъ, наказалъ своему легату дѣйствовать, какъ можно, осторожнѣе и во всякомъ разѣ заботиться прежде всего о польскихъ интересахъ, а потомъ уже и объ освобожденіи сына датскаго короля. По крайней мѣрѣ весь образъ поведенія посла на Москвѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ серіозно занимался дѣлами своего государства, а въ судьбѣ Вальдемара принималъ весьма двусмысленное участіе. Чтобы познакомиться съ положеніемъ дѣла королевича, Стемпковскій съ самаго начала своего пріѣзда въ Москву входитъ въ тайныя сношенія съ датскими послами и съ самимъ Вальдемаромъ; у первыхъ онъ предупредупредительно справляется: не испытываютъ ли они какой *скудости* на Москвѣ? а послѣднему самъ лично и чрезъ своего сына Даніила изъявляетъ глубокое сочувствіе и полнѣйшую готовность сдѣлать все для него, что ни прикажетъ ему польскій король. Королевичъ и датскіе послы, испробовавши за время своего годичнаго пребыванія на Москвѣ всякія средства къ своему освобожденію и не получивши отвѣта отъ нашего правительства на свои неоднократныя просьбы (22 и 29 генв.) объ отпускѣ, ухватились теперь за Гавріила Стемпковскаго. Вполнѣ довѣряя легату, датчане устно и письменно знакомятъ его со всѣми подробностями своего дѣла, посылаютъ ему договорныя грамоты и даже „*патріаршеское пріѣніе съ королевичемъ о вѣрѣ нѣмецкимъ письмомъ*“ [10]). Въ самомъ концѣ генваря Вальдемаръ усердно просилъ Стемпковскаго употребить всѣ старанія къ его освобожденію, обѣщая за это признательность и милости своего отца Христіана IV.

---

[10]) Польскія дѣла въ М. А. М. И Д. 1645 г. № 4. Стемпковскому была послана Датчанами собственно копія съ отвѣтной грамоты ц. Михаила Христіану IV отъ 9 іюля 1643 г. Латинскій переводъ ея сдѣланный для легата (Copia Responsi Czarcae suae Maiestatis, quo novissima Regis Maiestalis postulata confirmantur), хранится въ Acta magni Ducatus Lithuaniae № 11 М. Гл. А. М. Ин. Д. Здѣсь тотъ же самый документъ, что и у Бюшинга (Magazin, th. VII, 55. 331 - 335). У послѣдняго грамота въ нѣмецкомъ переводѣ.

6 февраля королевичъ писалъ самому Владиславу, убѣждалъ его вступиться за него и чрезъ своего посла у русскихъ выхлопотать ему почетный отпускъ. Въ томъ случаѣ, если бы польскій король потерпѣлъ какой либо убытокъ отъ своего вмѣшательства, королевичъ предлагалъ ему, при проѣздѣ черезъ Польшу, продержать у себя его, графа, до тѣхъ поръ, пока не получитъ полнаго удовлетворенія отъ Христіана IV.

Письмо Вальдемара находилось еще въ дорогѣ, когда польскій король, вслѣдствіе новой просьбы къ нему отъ Христіана, прислалъ въ Москву (23 февр.) гонца съ письмомъ къ своему послу и съ грамотой къ царю отъ 10 февр. Первому онъ приказывалъ *говорить и радѣть объ освобожденіи* королевича, *особливо же напомнить князю А. М. Львову*, посыланному недавно въ Польшу *его обѣщаніе*, что если не отпустятъ королевича до возвращенія его въ Москву, то сдѣлаютъ это тотчасъ же по его пріѣздѣ, и уговаривать его исполнить это обѣщаніе; втораго — Михаила Ѳеодоровича Владиславъ просилъ отпустить Вальдемара, тѣмъ болѣе что его послы, кн. А. М. Львовъ съ товарищами, обѣщались устроить это. Стемпковскій, посольское дѣло котораго не спорилось, а все болѣе затягивалось, и въ этотъ разъ не заговорилъ съ русскими о Вальдемарѣ, даже не подалъ царю королевской грамоты [102]); онъ лишь сообщилъ содержаніе присланнаго къ нему письма датскому королевичу. Опасаясь новыхъ проволочекъ со стороны русскихъ, еще лѣтомъ 1644 г. заявившихъ, что польскому королю не слѣдъ мѣшаться въ чужое дѣло, Вальдемаръ убѣждалъ теперь Гавр. Стемпковскаго начать, если можно, переговоры съ русскимъ правительствомъ о графскомъ дѣлѣ прежде, чѣмъ о своемъ. Не надѣясь, очевидно, на одно заступ-

---

102) Гонецъ, который нынѣ отъ короля польскаго къ послу пріѣхалъ, доносилъ тотъ-же Сидовской кн. А. М. Львову, во второй половинѣ февраля, привезъ съ собою многіе листы отъ дацкаго короля къ королевичу дацкому и втайнѣ ихъ уже имъ отдалъ... Тотъ же гонецъ привезъ листъ и къ царскому величеству, и посолъ того листа нынѣ показать не хочетъ, аже съ иною королевскою грамотою, которую король съ гонцомъ пришлетъ, тогда думаетъ и ту объявить. Польск. д. 1645 г. № 4.

ничество польскаго посла, королевичъ приглашалъ къ себѣ 24 февр., съ вѣдома царя, знатнѣшихъ русскихъ бояръ: Ѳ. Ив. Шереметева и А. М. Львова, а также Димитрія Францбекова, просилъ ихъ содѣйствія и требовалъ, чтобъ они донесли царю, что онъ, Вальдемаръ, въ виду невозможности брака ничего больше не желаетъ, кромѣ почетнаго отпуска. Бояре уклонялись отъ подобнаго порученія и даже упрашивали королевича исполнить царскую волю, такъ-какъ всѣ они хотятъ ему добра и готовы сложить за него свои головы. Не обрадовалъ королевича и польскій легатъ, отвѣтившій ему въ исходѣ марта, что при всемъ желаніи услужить Вальдемару онъ не можетъ по важнымъ причинамъ разсуждать объ его дѣлѣ съ русскими раньше, чѣмъ вернется посланный отъ него къ польскому королю гонецъ.

Въ концѣ апрѣля пріѣхалъ наскоро отъ Владислава нунцій Григорій Никитинъ и 3 мая, представляясь, подалъ царю королевскую грамоту отъ 10 апрѣля. Владиславъ напоминалъ Михаилу Ѳеодоровичу, что онъ уже не разъ, даже нынѣ въ февралѣ, писалъ къ нему объ отпускѣ *„наяснѣ ишаго княжати“* Вальдемара Христіана и съ послами царскаго величества о томъ же наказывалъ. Ради дружбы и любви король просилъ не удерживать больше Вальдемара, „да и наяснѣйшему королю датскому, который до насъ, великаго государя, о томъ прошеніе свое доносилъ, вещь милая станется“. Владиславъ требовалъ немедленнаго отвѣта и въ случаѣ скораго отпуска королевича ручался предъ царемъ за Вальдемара и его отца, Христіана IV, что они *„никакой смуты про то задержанье чинити не будутъ“*. Наше правительство прекрасно понимало, что отъ датскаго короля или его сына при тогдашнихъ обстоятельствахъ ничего не могло быть худаго и потому не обратило особеннаго вниманія на королевскія грамоты объ отпускѣ Вальдемара. Бояре П. Ив. Одоевскій и Ив. Петр. Шереметевъ, окольничій Гр. Гавр. Пушкинъ и думные дьяки Львовъ и Волошениновъ, бывшіе въ отвѣтѣ съ польскимъ посломъ 17 мая, разсуждали лишь о Трубчевскѣ и Лубѣ и совсѣмъ умолчали о королевской *февральской* грамотѣ, только въ этотъ день поданной Стемпковскимъ царю. Принимая въ

соображеніе, что польскій король не по своей личной иниціативѣ, а главнымъ образомъ по просьбѣ Христіана IV вступился за Вальдемара, что уполномоченный его весьма робко велъ до сихъ поръ дѣло освобожденія послѣдняго, наши осмѣлились перейти изъ оборонительнаго, такъ сказать, положенія въ наступательное и съ своей стороны произвести дипломатическое давленіе на польскаго легата. 22-го мая, въ отвѣтѣ, тѣ-же самые бояре поставили на видъ послу длинный рядъ неправдъ поляковъ въ отношеніи къ московскому государству, жаловались, что государское именованье у нихъ пишется несполна, всякіе разбои царскимъ порубежнымъ людямъ чинятся, что и самъ посолъ ведетъ себя неприлично на Москвѣ. Стемпковскій принужденъ былъ защищать себя и на время забыть о королевичѣ. Ободренные успѣхомъ, наши рѣшились даже обратиться къ помощи легата въ своихъ сношеніяхъ съ королевичемъ. Вполнѣ сознавая, какъ много зависѣлъ исходъ дѣла Вальдемара отъ такого или иного положенія дѣлъ самого Христіана IV и его военныхъ союзниковъ, царь Михаилъ Осодоровичъ съ своими совѣтниками, за все время пребыванія королевича на Москвѣ, не переставалъ при каждомъ удобномъ случаѣ справляться о ходѣ военныхъ дѣйствій шведовъ съ датчанами и цесаремъ римскимъ, количествѣ войска той и другой стороны и т. п. Съ весны 1645 г. наше правительство усерднѣе прежняго стало наводить подобныя справки. Любопытно въ этомъ отношеніи показаніе строителя Соловецкаго монастыря. 29 мая 1645 г. допрашивали его въ посольскомъ приказѣ: „есть ли къ нему изъ монастыря ѣздоки и, буде есть, вѣдомо ли имъ про датскаго короля: гдѣ онъ нынѣ, у себя-ль въ Копногавѣ или гдѣ на войнѣ, и что у него съ Свейскими людьми дѣлается?“ Строитель сказалъ, что „изъ монастыря къ нему никто не пріѣзживалъ и про датскаго короля ничего не вѣдаетъ; слышалъ онъ, что къ черниговскому протопопу Михаилу пріѣхалъ сынъ даньщикъ и сказывалъ, что датскаго короля не стало, а гдѣ не стало? того онъ не слыхалъ. И датскаго де короля сынъ говоритъ, что за посмѣхъ на Москвѣ датскихъ пословъ задержали, *а королевича де хотя и*

не отпустятъ, и о королевичѣ де у нихъ рѣчей никакихъ нѣтъ, а говорятъ о послѣхъ. А протопопа Михаила Рагуева сынъ Никита сказалъ: „въ нынѣшнемъ 153 году, спустя недѣлю послѣ Рождества Христова, былъ онъ для дани и бобровой покупки въ Кольскомъ уѣздѣ, въ Лѣшей Лопи, на Кимосѣ озерѣ, и въ тѣ де поры пріѣзжали лопскіе торговые латыши, а имянъ ихъ не вѣдаетъ, и въ разговорѣ сказывали ему, что датскаго короля не стало, а иныхъ де рѣчей никакихъ онъ не слыхалъ".

Подобныя вѣсти, бывшія отголоскомъ дѣйствительности, какъ нельзя болѣе благопріятствовали цѣлямъ нашего правительства. Твердо увѣренные, что со стороны Даніи и Польши ничто не угрожаетъ, никто не въ силахъ вытребовать изъ Москвы королевича, бояре упрашивали Стемпковскаго, чтобъ онъ съ своей стороны склонялъ Вальдемара къ принятію православной вѣры чрезъ крещеніе, и представляли, что королевичъ получитъ большія выгоды: царь прибавитъ ему земель еще больше, чѣмъ ранѣе обѣщалъ, даже Новгородъ и Псковъ отдастъ ему. Посолъ подавалъ совѣтъ королевичу, что ему не слѣдуетъ отказываться отъ такого брака, съ которымъ связаны почести, земли, города и богатства; но тотъ отвѣчалъ, что на перемѣну вѣры могутъ соглашаться только такіе люди, которые не дорожатъ своею совѣстію для земныхъ благъ. Онъ не намѣренъ дѣлать такого дѣла, которымъ прогнѣвляется Богъ, оскорбляется искренно любимый имъ государь-отецъ, позорится его доброе имя; онъ ничего не желаетъ кромѣ возвращенія на родину. Стемпковскій доносилъ нашимъ, что королевичъ упрямъ и его ничѣмъ нельзя склонить. Бояре стали стращать, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства королевича удалятъ отъ него всѣхъ его людей: однихъ, кто захочетъ, отпустятъ домой, другихъ, кто не пожелаетъ оставить его, сошлютъ въ Сибирь и окружатъ русскими, если же и это не поможетъ, царь заточитъ самого Вальдемара въ какое-нибудь дальнее мѣсто и соединится съ Швеціей противъ Даніи. Конечно, ни о ссылкѣ королевича, ни о военной помощи шведской коронѣ наше правительство и не помышляло; говорили о томъ, лишь *„приводя*

королевича къ государской волѣ.“ Но замѣчательно, что сами датчане въ маѣ и въ іюнѣ добровольно выѣзжаютъ изъ Москвы, нимало не побуждаемые къ тому и, понятно, не задерживаемые русскими. — Бояре еще разъ именемъ царя просили посла уговорить королевича исполнить царское желаніе и согласиться на новый диспутъ о вѣрѣ. Быть можетъ, желая подвинуть дѣло, для котораго пріѣхалъ, легатъ былъ у Вальдемара и поставлялъ ему на видъ, что бракъ его съ царскою дочерью будетъ пріятенъ его отцу Христіану. „Какъ такое великое дѣло совершится, внушалъ Стемпковскій жениху, всѣ государскіе други тому порадуются, а недруги устрашатся. Нынѣ у отца твоего, великаго государя, брань и война съ Свейскимъ королевствомъ, и теперь ссоры между ними еще больше прибываетъ. Если же онъ царскаго хотѣнья не исполнитъ, царь изволитъ помочь шведамъ своими ратными людьми, и тѣмъ онъ, королевичъ, прибавитъ кручины своему отцу. Да хотя государь и не велитъ учинить этого, но задержитъ королевича. Всѣ дворяне и слуги его хотятъ ѣхать домой, и онъ останется одинъ, какъ перстъ; тогда съ тоски можетъ умереть“. Вальдемаръ понималъ, что военный союзъ, въ которомъ съ самаго начала было отказано русскими, и на который намекалъ теперь польскій посолъ, былъ не болѣе какъ уловка, пустое обѣщаніе, и оставался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи. Стемпковскій предлагалъ королевичу съ датскими послами подумать о томъ, „какъ то дѣло къ доброму концу привесть, да не мѣшало бы также о томъ-же *духовнымъ людямъ съ той и другой стороны посидѣть и межъ себя посовѣтовать*“. Царь желалъ бы при самомъ себѣ, боярахъ и при немъ, королевичѣ, устроить бесѣду между своими священниками и его придворнымъ пасторомъ. Вальдемаръ, замѣтивши устно, что его проповѣдникъ много разъ уже ходилъ говорить съ духовными людьми, но что изъ того ничего не вышло, такъ какъ „каждый правилъ и хвалилъ свое крещеніе“, отвѣчалъ послу письменно 13 іюня. Стемпковскій передалъ письмо стольнику С. А. Стрѣшневу и дьяку Львову, при чемъ наши освѣдомились у посла: скоро ли, какъ онъ полагаетъ, королевичъ государскую

волю исполнитъ и съ нимъ вѣрою соединится? „Королевичъ, отвѣчалъ двусмысленно хитрый полякъ, позволилъ своему попу поговорить о крещеніи съ царскими людьми и, смотря по тому, какъ съ обѣихъ сторонъ поговорятъ, посовѣтуютъ и рѣчи запишутъ, онъ будетъ радѣть и промышлять для государской милости и своей славы. Впрямь сказать ему о томъ нельзя, и такъ уже у королевича многіе его не любятъ за то, что онъ съ королевичемъ говоритъ и совѣтуетъ".

Въ виду безплодности преній предшествующаго года и клеветъ, будто бы взведенныхъ тогда на пастора, Вальдемаръ въ письмѣ къ Стемпковскому находилъ безполезнымъ устроять новый диспутъ о вѣрѣ; не ожидалъ онъ также ничего хорошаго отъ присутствія царя и бояръ на немъ. „Ужъ если по сю пору царь не сдержалъ договора съ его отцемъ-королемъ, такъ посмотритъ ли онъ на то, что будетъ приводить придворный пасторъ? Напротивъ, еще предпочтетъ русскую мякину чистому сѣмени божественнаго Писанія". Королевичъ, по прежнему намѣревавшійся отказать русскимъ въ религіозной бесѣдѣ, согласился на нее лишь изъ угодности послу, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ, когда тою и другою стороной будутъ приведены и изложены основанія православнаго и лютеранскаго крещеній, и послѣднее будетъ признано столь-же правымъ, какъ и первое, остановилъ дальнѣйшій споръ. Вальдемаръ готовъ былъ уступить русскимъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ, а именно: крестить дѣтей своихъ по греческому обряду, стараться соблюдать, сколько возможно безъ поврежденія здоровья, обычные посты, по временамъ изъ любви къ государю носить русское платье и дѣлать все, что не противно совѣсти, вѣрѣ и договору. „Больше того не уступлю, писалъ женихъ; великій князь грози, сколько можетъ и хочетъ; пусть молніею или громомъ меня изведетъ, пусть сошлетъ на конечный рубежъ своего царства, гдѣ я жизнь свою съ плачемъ скончаю, и тогда отъ вѣры своей не откажусь; хотя онъ меня распни и умертви: я скорѣе готовъ съ неоскверненною совѣстью честною смертію умереть, чѣмъ жить съ нечистою совѣстью. Бога избавителя

своего въ судьи призываю. А что королю, отцу моему, будетъ плохо, когда царь станетъ помогать шведамъ, до того мнѣ дѣла нѣтъ, да и не думаю, чтобы королевства датское и норвежское не могли справиться безъ русской помощи: они существовали прежде, нежели началось московское государство, и впредь будутъ твердо стоять. Пусть царь дѣлаетъ со мною, что хочетъ, только поскорѣе". Вальдемаръ желалъ знать, какъ намѣрены поступить съ нимъ русскіе, чѣмъ хочетъ наказать его великій князь? Не надѣясь получить отъ послѣдняго скораго отвѣта, королевичъ просилъ посла добиться у русскихъ окончательнаго рѣшенія и сообщить ему.

19 іюня, въ отвѣтѣ съ боярами, Стемпковскій заговорилъ объ отпускѣ королевича. „Какъ были у нашего великаго государя царскаго величества послы, и они слово дали, что царь, не задержавъ, отпуститъ датскаго королевича". Бояре замѣтили на это, что кн. Львову съ товарищами, при посольствѣ въ Польшу, ни устно, ни письменно царемъ не наказано было говорить о королевичѣ. Возвратившись изъ Польши, великіе послы также не говорили государю, что они обѣщались королю бить челомъ предъ царскимъ величествомъ объ отпускѣ Вальдемара. Да и какъ осмѣлились-бы послы говорить царю о томъ, чего въ наказѣ имъ не написано было? Стемпковскій: „Я говорю о томъ *за совѣтъ*, чтобы дружба и любовь между царемъ и датскимъ королемъ не нарушились. Если царское величество опасается какой-либо ссоры со стороны королевича по поводу задержанія его въ Москвѣ, то пусть велитъ взять на немъ крѣпость". Царь ничего не опасается, отвѣчали бояре, и крѣпости брать не для чего, потому что у него съ Христіаномъ королемъ братская дружба, любовь и вѣчное докончанье. Стемпковскій просилъ отпустить датскихъ пословъ. Бояре объяснили ему, что тѣ живутъ на Москвѣ для закрѣпленья, и царь прикажетъ отпустить ихъ, какъ прійдетъ время.

Узнавши о дурномъ исходѣ переговоровъ польскаго легата съ боярами, Вальдемаръ прибѣгнулъ къ хитрости. 25 іюня чрезъ Марселиса дано было знать нашему правитель-

ству, что королевичъ захворалъ сердечною болѣзнію: „сердце щемитъ и болитъ, что̀ ни съѣстъ или чего изопьетъ, все назадъ; если не подать скорой помощи, то можетъ быть ударъ или огневая болѣзнь, и королевичъ можетъ умереть“. Вальдемаръ вѣроятно желалъ устрашить царя, напомнить ему печальную участь датскаго принца Іоанна, жениха Ксеніи Борисовны, но обманъ былъ открытъ. Отъ постельнаго сторожа на королевичевомъ дворѣ, Мины Алексѣева, 26 числа наши узнали, что наканунѣ Вальдемаръ съ своими людьми кушалъ въ саду и потомъ долго гулялъ, а маршалокъ звалъ къ себѣ въ хоромы чашника, дворянъ и всѣхъ ближнихъ людей, потчевалъ ихъ, пили вино, романею, рейнское и иное питье до втораго часу ночи, были всѣ пьяны и играли въ цымбалы. Доктора онъ, Мина, сегодня на дворѣ у королевича не видалъ.

Между тѣмъ, какъ Датчане по обыкновенію пировали, Русскіе спѣшили окончить свои приготовленія къ новому богословскому диспуту. 26 марта пріѣхалъ въ Москву грекъ Иванъ Матвѣевъ съ вѣстями изъ Константинополя. Замѣчаніе въ письмѣ Мелетія Сирига, что соборованье еще не окончилось, такъ-какъ хотятъ *„выписать изъ всѣхъ седьми соборовъ на еретиковъ“*, обратило на себя вниманіе правительства. Дожидаться, пока пріѣдетъ въ Москву извѣстіе о конечномъ результатѣ соборныхъ совѣщаній, было невозможно. Наши рѣшили своими домашними силами исполнить то, что намѣревались сдѣлать греческіе богословы, то есть,— выписать изъ правилъ вселенскихъ соборовъ на еретиковъ. *Списаніе обличительно* Насѣдки, какъ не заключавшее въ себѣ правилъ соборныхъ касательно присоединенія къ церкви еретиковъ, должно было казаться теперь не вполнѣ удовлетворительнымъ. Быть можетъ, правительство въ виду обширнаго объема *Списанія* находило его неудобнымъ для практическаго употребленія при словопреніяхъ. Но кто же долженъ былъ теперь на Москвѣ произвести ту работу, мысль о которой подана была съ востока?

13 мая 1645 года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ своему боярину и дворецкому кн. А. М. Львову „отыскать *кіевлянина* черница Исайю, которой бывалъ въ Генадьевѣ

пустыни игуменъ, а нынѣ въ строителѣхъ на Костромѣ или въ Галичѣ, а вѣдаетъ про нево подлинно, гдѣ онъ нынѣ, изъ Переславля Никитскаго монастыря келарь". Отыскавши, велѣно было прислать чернца въ посольскій приказъ къ дьякамъ Львову и Кудрявцову *„для государева дѣла"* [103]). Въ началѣ іюня строитель Исаакій былъ уже въ Москвѣ и вмѣстѣ съ протопопомъ Михаиломъ Роговымъ (=Рагуевымъ), ключаремъ Иваномъ Насѣдкой и книжнаго печатнаго дѣла справщиками: Шестакомъ Мартемьяновымъ Верещагинымъ да Захарьемъ Ѳѳонасьевымъ Подосеновымъ сидѣлъ за государевымъ дѣломъ въ посольскомъ приказѣ. Пріѣхавши, по указу царя, „съ провожатыми служками, поваркомъ и съ невеликимъ обиходцомъ", строитель билъ челомъ государю, что ему ѣсть и пить нечего, запасовъ монастырскихъ на Москвѣ никакихъ нѣтъ. 16 іюня государь велѣлъ выдавать изъ Большаго Приходу своего государева жалованья поденного корму строителю Исаакію по 6 алт. по 4 деньги, протопопу и ключарю по 5 алт., Верещагину и Подосенову по гривнѣ человѣку на день [104]) „до тѣхъ мѣстъ, покамѣста они у государева дѣла побудутъ. По государеву указу *выписываютъ изъ библіи и изъ иныхъ книгъ, какъ обличити люторскую ересь*". Результатъ работъ этой ученой, такъ сказать, коммиссіи сохранился доселѣ, и мы можемъ знать тѣ книги, изъ которыхъ дѣлались заимствованія, и судить о содержаніи и характерѣ самыхъ выписокъ.

Въ началѣ рукописныхъ сборниковъ С.-Петербургской (№ 30 л. 1—49) и Казанской (№ 604 л. 17—45) духовныхъ Академій, къ которымъ намъ уже не разъ приходилось обра-

---

103) Отысканіемъ чернца спѣшили; на памяти помѣчено: *послана съ нарочнымъ*. „Старецъ Исаакій, строитель костромской Геннадіевой пустыни, объ имени и мѣстѣ жительства котораго правительство сначала не имѣло точныхъ свѣдѣній былъ родомъ малороссъ. Родные братья его, изъ которыхъ одинъ, Богданъ Саомковичъ, былъ даже бурмистромъ, проживали въ Кіевѣ. Проскинитарій А. Суханова, стр. 13. Казань 1870; С.А. Бѣлокуровъ: Статейный списокъ старца А. Суханова, стр. 57 прил. IV.

104) 18 іюня была послана память Тимоѳею Дм. Лодыгину и дьякамъ: Волкову и Ломакину, чтобы поденный кормъ означеннымъ лицамъ присылали въ посольскій приказъ. Жалованье *„сидѣвшимъ у книжные справки"* пошло съ 16 іюня.

щаться, сохранился рядъ выписокъ: изъ *Василія В.* правило 1-е объ еретикахъ, раскольникахъ и составляющихъ самочинныя сборища и различномъ образѣ присоединенія ихъ къ церкви [105]); изъ *Матѳея Властаря* глава объ еретикахъ и о томъ, какъ должно принимать ихъ [106]); небольшая выдержка изъ *Евангельскихъ бесѣдъ* (25-й на Іоанна), объясняющая значеніе воды и трехкратнаго погруженія въ крещеніи [107]) и, наконецъ, изъ *Пандектъ Никона Черногорца* толкованіе на первое правило Василія В. [108]). Не представляютъ-ли поименованныя выписки *случайнаго* собранія, не имѣющаго ровно никакого отношенія къ занимающимъ насъ преніямъ о вѣрѣ? — таковъ вопросъ, прежде всего возникающій въ головѣ при первомъ взглядѣ на эти выдержки. Уже единство содержанія послѣднихъ и строго-антилютеранскій характеръ самыхъ сборниковъ, въ которыхъ онѣ дошли, заставляютъ отрицательно отвѣтить на это. Замѣчанія, попадающіяся среди выписокъ, и ближайшее знакомство съ ихъ содержаніемъ и характеромъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ разсматриваемыхъ выдержкахъ мы имѣемъ одинъ изъ памятниковъ нашей полемики, замѣтно выдѣляющійся изъ ряда другихъ своею формальною законченностію. Выписавши изъ Властаря о богомилахъ, что они признаютъ одну молитву „Отче нашъ“, а остальныя отвергаютъ, авторъ нашего *каноническаго* сборника на полѣ замѣчаетъ: *„тако и лютори глаголютъ“*. Сказавши о северіанахъ, что они ставятъ выше евангелія книгу Севера противъ Халкидонскаго собора, пишетъ: *„такоже и лютори Мартиново ученіе, книгу катихисисъ, паче евангелія хранятъ и почитаютъ“*. Особенно важна для насъ замѣтка противъ того мѣста, гдѣ объ евиніанахъ говорится, что при крещеніи они возливаютъ воду на главу: „такожде и *Матѳѣй, люторской попъ*, учитъ обливати з

---

105) Рукоп. Пет. Ак. № 30 л. 1—2 сл. съ Пандектами Никона Черногорца по рукоп. М. Д. Ак. № 56 л. 787.

106) Ср. Рук. П. Д. А. № 30 л. 3—39 съ Матѳеевыми правилами по рукоп. М. Д. Ак. № 53 л. 23—30 (у Ралли и Потли Т. VI. 56—75).

107) Рук. № 30 л. 40 об.—43.

108) Рук. П Д. А. № 30 л. 43—45 сн. Рук. М. Д. Ак. № 53 л. 787 об.—788

головы до пояса“ [109]). Попъ Матвѣй, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, безъ сомнѣнія нашъ Фельгаберъ.

Разсматриваемыя нами выписки приведены въ порядокъ и представляютъ изъ себя нѣчто цѣльное. Въ началѣ ихъ, вслѣдъ за первымъ правиломъ Василія В., въ видѣ заглавія къ дальнѣйшему, помѣщены слѣдующія риомы:

„Выписано изъ книги правилъ святыхъ отецъ,
Или объявленный винамъ конецъ,
По счиненію перваго *состава* [110]),
А по алфавиту отъ азбучного слова аза
Глава вторая,
Невозбранно ереси побарая.
Како подобаетъ еретиковъ пріимати,
Иже кои отъ ереси учнутъ къ вѣрѣ приступати“ [111]).

Въ концѣ выписокъ подведенъ какъ-бы итогъ всѣмъ выписаннымъ правиламъ [112]). Выводъ, къ которому пришли наши богословы, былъ таковъ: приходящіе къ церкви могутъ быть присоединяемы троякимъ образомъ: чрезъ крещеніе, муропомазаніе и проклятіе прежнихъ лжеученій. Кого же должно крестить? Всѣхъ тѣхъ надлежитъ очищать истиннымъ крещеніемъ въ три погруженія, которые ранѣе крещены были лицами, отступившими отъ церкви и не имѣющими у себя законнаго священства, по недостатку апостольскаго преем-

---

109) Рукоп. Петерб. дух. Ак. № 30 л. 23. 18 об. 9 ср. Рук. Каз. Ак. № 604 л. 27 и 21 об.

110) Славянскій текстъ Ватоея Властаря раздѣленъ на *составы* (στοιχεία) и *главы*; трактатъ о пріятіи еретиковъ составляетъ вторую главу въ первомъ *составѣ*.

111) Рукопи. № 30 л. 2 об.—3; № 604 л. 18.

112) Сходство этого конца со стороны содержанія и выраженій съ *Изложеніемъ на лютеры* (см. Рук. М. Д. Ак. № 178 л. 82—84. 254 и др.) даетъ основаніе думать, что въ составленіи его самое дѣятельное участіе принималъ и Иванъ. Ему же принадлежатъ приведенныя въ текстѣ три замѣчанія на выписки изъ правилъ, представляющія изъ себя не болѣе, какъ извлеченіе изъ другихъ сочиненій Насѣдки (ср. Мірск. Потребн. 1639 г. л. 446 и *Рѣчь его о крещеніи христіянскія вѣры*). Что касается виршей въ началѣ выписокъ изъ правилъ, то онѣ также могли быть написаны имъ. Описаніе датскихъ кирокъ въ Изложеніи на лютеры (Рук. Моск. л. Ак. № 178 л. 255 об.—257) составлено въ стихахъ, приведенныхъ г. Цвѣтаевымъ: Литерат. борьба, стр. 89.

ства. Отсюда само собою вытекало, что лютеранскаго крещенія нельзя почитать истиннымъ крещеніемъ; но одной этой причины нашимъ богословамъ казалось недостаточно. Лютеране, разсуждали они, должны быть перекрещиваемы потому еще, что вмѣстѣ съ ересіархомъ Маркіономъ они не поклоняются образу Христову и другимъ иконамъ; по примѣру николаитянъ сквернятся съ женами во всѣ дни и, яко скотъ, не омывшись, бродятъ; отъ монтанистовъ и епузіанъ взяли обычай весь годъ, даже великимъ постомъ, ѣсть кровь животныхъ съ мукою и яицами; у манихеевъ переняли не творить молитвъ и милостыни по умершимъ; у евноміанъ научились крестить чрезъ обливаніе и собираться на молитву въ тайныхъ мѣстахъ, а не въ церквахъ. Роговъ, Насѣдка и старецъ Исаакій нашли также у лютеранъ слѣды еретическаго ученія валентиніанъ, ереміанъ, маркелліанъ и другихъ еретиковъ, принимавшихся въ церковь первымъ чиномъ.

Приведенная аналогія лютеранскихъ погрѣшностей съ древне-христіанскими ересями своимъ характеромъ невольно напоминаетъ *собраніе изъ правилъ* патр. Филарета Никитича. Основанія, на которыхъ утвердилъ послѣдній свое постановленіе о перекрещиваніи католиковъ, были повторены теперь и примѣнены къ лютеранамъ нашими полемистами. Мысль рѣшить вопросъ объ отношеніи православія къ лютеранству догматико-каноническимъ путемъ, поданную изъ Константинополя, московскіе богословы поняли и осуществили по своему, сообразно съ тѣмъ чувствомъ, какое они питали въ то время къ лютеранамъ. Но такъ-какъ это чувство было прежнее, непріязненное, то, понятно, и взглядъ, высказанный въ этотъ разъ на отношенія къ лютеранамъ, былъ крайній, исключавшій какое бы то ни было общеніе съ ними православныхъ.

Въ концѣ іюня выписки изъ правилъ на еретиковъ, не составившія большаго затрудненія для православныхъ богослововъ, были приведены къ концу, а вмѣстѣ съ ними окончились и приготовленія нашихъ къ диспуту. 29 іюня ц. Михаилъ Ѳеодоровичъ щедро наградилъ польскаго ле-

гата за его усердную службу въ дѣлѣ королевича [113]), а на другой день Стемпковскій уже увѣдомлялъ Вальдемара чрезъ своего врача, что великій князь самымъ настоятельнымъ образомъ проситъ его насчетъ религіозной бесѣды и желаетъ, чтобы королевичъ самъ лично присутствовалъ на ней. Давши еще ранѣе согласіе на диспутъ, Вальдемаръ требовалъ только, чтобы русскіе въ первый же день, не откладывая долѣе, и непремѣнно при царѣ и боярахъ приступили къ преніямъ [114]). Самъ королевичъ отказался быть на диспутѣ, находя свое присутствіе безполезнымъ.

[113]) „153 году іюня въ 29 день указалъ государь царь и вел. князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи съ Казеннаго двора взяти въ Посольской приказъ для своего государева дѣла сорокъ соболей во 12 о рублевъ, два сорока соболей по восьмидесяти рублевъ, сорокъ въ 70 рублевъ, сорокъ въ60 рублевъ, всего пять сороковъ цѣною на 410 р., а дать ихъ государева жалованья тайно польскому послу Гаврилу Стемковскому сорокъ во 120 р., сорокъ въ 80 р., сорокъ въ 60 р.; сыну посольскому Данилу сорокъ въ 80 р., польскому попу сорокъ въ 70 р. „Въ тотъ же день была послана память казначею Богдану Миничу Дубровскому и дьякамъ Панкратьеву и Алмазу Иванову о посылкѣ соболей въ посольскій приказъ.

[114]) Датск. дѣла 1645 г. №№ 1—2; Польск. д. 1645 г. № 4., Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара, стрр. 29. 31—36 и 41—53., Соловьевъ, т. IX, 340—341; т. X. 123—124. С.Петерб. 1860.

ГЛАВА VII.

Преніе Русскихъ съ Датчанами 4 іюля 1645 г.; его содержаніе и замѣчанія о характерѣ диспута по сравненію съ предшествующею полемикой. Новый трактатъ Фельгабера и пять статей Стемпковскаго о неповторяемости облпвательнаго крещенія. Содержаніе, достоинства и недостатки трактата пастора. Замѣчанія о статьяхъ польскаго легата. Apologia послѣдняго ad reverendissimum patriarcham Moschoviticum de non iterando babtismo; ея содержаніе, достоинства и недостатки. Намѣреніе ц. Михаила Ѳеодоровича устроить новую бесѣду Русскихъ съ Датчанами и приготовленія къ ней нашихъ богослововъ. Отвѣтное письмо старца Исаакія, Рогова и Насѣдки на послѣдній трактатъ пастора и статьи польскаго посла; его недостатки, достоинства и характеръ. Болѣзнь и кончина царя Михаила, значеніе послѣдней въ дѣлѣ Вальдемара. Характеръ отношеній новаго правительства къ королевичу; увѣщанія со стороны царя Алексѣя и патр. Іосифа къ принятію православія; отказъ со стороны жениха. Отпускъ изъ Москвы Вальдемара и его дальнѣйшая судьба.

4 іюля 1645 года наши богословы въ четвертый и послѣдній разъ, по приказанію государя, бесѣдовали съ Датчанами по религіознымъ вопросамъ. Этотъ диспутъ происходилъ, по просьбѣ польскаго легата, въ *отвытной* или *посольской* палатѣ и отличался, по сравненію съ предшествующими, многолюдствомъ и торжественностію. Съ нашей стороны въ немъ участвовали протопопъ Михаилъ Роговъ, ключарь Иванъ Насѣдка и строитель костромской Геннадіевой пустыни Исаакій *съ товарищами*, подъ которыми всего ближе разумѣть книжныхъ справщиковъ Верещагина и Подосенова, вмѣстѣ съ названными лицами приготовлявшихъ оружіе для борьбы съ люторскою ересью; кромѣ того царь указалъ быть на преніи своему думному дьяку Григорью Васильевичу Львову. Польскій посолъ Гавріилъ Стемп-

ковскій явился на диспутъ со своею свитой и присутствовалъ на немъ въ качествѣ участника и вмѣстѣ какъ-бы посредника между Русскими и Датчанами. Королевичъ Вальдемаръ, узнавши отъ посланнаго къ нему Стемпковскимъ, что на диспутѣ не будетъ ни царя ни бояръ, отказался сначала послать своихъ людей, но потомъ, уступая настойчивымъ убѣжденіямъ польскаго легата, отправилъ съ своей стороны маршалка Генриха Пентца, чашника Армана Каса (German Kaas), попа Матоея Фельгабера, комнатнаго дворянина Юрья Лода, конюшаго Филиппа Барздорфа, доктора (Völcker) и секретаря. По датскимъ извѣстіямъ, посланнымъ королевича пришлось проходить чрезъ тысячи любопытныхъ, толпившихся на пути въ отвѣтную палату. Когда всѣ участники диспута были на своихъ мѣстахъ, дьякъ Львовъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой говорилось, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ указалъ своимъ духовнымъ людямъ разсуждать съ попомъ королевича о крещеніи чрезъ погруженіе и обливаніе, а ему, думному дьяку, и литовскому послу Гаврилу Стемпковскому велѣлъ государь тутъ же сидѣть и слушать.—„Ради братской дружбы и любви двухъ великихъ государей, отвѣчалъ на слова канцлера легатъ, вашего царя Михаила Ѳеодоровича и польскаго Владислава короля, онъ будетъ слушать духовныхъ людей обѣихъ сторонъ, какъ начнутъ они говорить о томъ, что́ лучше и правѣе“. Маршалокъ королевича замѣтилъ при этомъ Львову: „коли царское величество указалъ быть съ тобою, думнымъ дьякомъ, великому литовскому послу, то велѣлъ-бы онъ, согласно прежнему своему обѣщанью, быть тутъ же, въ палатѣ, и слушать обѣихъ сторонъ духовныхъ людей своимъ государевымъ боярамъ“. Канцлеръ объяснилъ, что про литовскаго посла, чтобъ ему присутствовать на диспутѣ, раньше было договорено и ему, маршалку, объявлено, но о боярахъ царскаго величества и въ поминѣ не было.—„А когда царь не позволилъ быть во время разсужденій о крещеніи своимъ боярамъ, заключилъ Пепцъ свои разспросы, то пусть духовные люди начинаютъ: они станутъ слушать рѣчи безъ царскаго величества и безъ бояръ. „Тогда вышли впередъ двое русскихъ поповъ и двое мона-

ховъ,[1]) читаемъ въ датскомъ извѣстіи, безъ сомнѣнія самые доки въ свящ. писаніи. Когда канцлеръ велѣлъ садиться также и имъ, они не прежде могли сдѣлать то, пока не помолились сначала находившимся напротивъ нихъ нарисованнымъ образамъ и изображеніямъ нашептываньемъ въ четыре голоса, 20-кратнымъ осѣненіемъ себя крестомъ и поклонами [2])".

Въ прошломъ году прислалъ ты, Матвѣй Андре-

---

1) Отсюда слѣдуетъ, что среди товарищей Рогова, Насѣдки и старца Исаакія былъ еще какой-то монахъ.

2) Свѣдѣнія о данномъ диспутѣ сохранились отъ обѣихъ участвовавшихъ въ немъ сторонъ. Въ датскихъ дѣлахъ Главн. Московск. Арх. М. Ин. Д. (1645 г. № 2) находится на 20-ти столбцахъ подлинная *черновая*, какъ намъ кажется, запись или журналъ іюльскаго пренія 1645 г. На оборотѣ перваго столбца — вверху обозначено содержаніе документа: „*О крещеніи, какъ говорили отъ духовнаго чину датцкаго королевича съ маршалкомъ да съ попомъ*". Этотъ документъ вмѣстѣ съ подлиннымъ славянскимъ переводомъ Фельгаберова отчета объ іюнскомъ преніи 1644 г. хранился сначала среди *Приказныхъ* дѣлъ Архива, но потомъ былъ перемѣщенъ. Журналъ написанъ мелкою, неразборчивою скорописью и заключаетъ въ себѣ множество поправокъ, по преимуществу стилистическихъ. Копій съ него мы нисли но гдѣ не встрѣчали; въ самыхъ лучшихъ древнихъ сборникахъ памятниковъ нашей полемики для журнала іюльскаго диспута 1645 г. оставлено порожнее мѣсто (см. рукоп. Синод. библ. № 857 л. 469 и С.-Петерб. дух. Акад. № 30 л. 155) и находятся лишь начальныя его слова: „*Указалъ государь въ нынѣшнемъ во 153 году іюля въ 4 день*". Всѣ описатели нашихъ древнихъ рукописей, а вслѣдъ за ними изслѣдователи принимали за журналъ разсматриваемаго диспута совершенно иной, сюда не относящійся документъ, о которомъ скажемъ немного ниже. Русская запись пренія 4-го іюля отличается полнотой и фактичностью; она передаетъ не только объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ диспуту и лицахъ, на немъ бывшихъ, но и о томъ, что, кѣмъ и въ какомъ именно порядкѣ было говорено. Ниже по своимъ внутреннимъ достоинствамъ разсказъ о томъ же преніи, содержащійся въ *датскомъ* Извѣстіи о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара (Русск. перев. стр. 53—59). Авторъ названнаго Извѣстія, какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь, при описаніи диспута, старается очернить Русскихъ полемистовъ, представляетъ ихъ грубыми невѣждами и наглыми обманщиками и, наоборотъ, превозноситъ и восхваляетъ познанія и діалектическія способности Вальдемарова пастора. Но при всей тенденціозности датскаго сообщенія о диспутѣ было бы несправедливо отрицать за нимъ всякое значеніе. Неизвѣстный намъ по имени авторъ его иногда обстоятельнѣе, чѣмъ русская запись, передаетъ отвѣты и возраженія спорившихъ сторонъ, особенно ошибочныя мнѣнія нашихъ богослововъ. Послѣднее обстоятельство обязываетъ насъ, при изложеніи пренія, обращаться по временамъ и къ датскому извѣстію.

евичъ, сказалъ Насѣдка, обращаясь къ Фельгаберу, письмо къ святѣйшему патр. Іосифу о своей вѣрѣ и крещеніи; послѣ того, по указу царя и патріарха, мы не однажды собирались съ вами, говорили о погруженіи и обливаніи въ крещеніи и нашли, что они различны между себой: первое - правильно, второе - неистинно. Нынѣ мы станемъ разсуждать съ вами о томъ-же отъ божественнаго писанія.

Ценцъ и Фельгаберъ: Обливаніе или окропленіе и погруженіе въ крещеніи нами были объявлены одинаково-правильными.

Роговъ и Насѣдка: Откуда вы взяли, что обливаніе свято и одинаково съ погруженіемъ, или гдѣ о такомъ преданіи написано? Мы не считаемъ за одно обливанія съ погруженіемъ и вѣруемъ, что истинное крещеніе въ троекратномъ погруженіи въ водѣ.

Фельгаберъ и Ценцъ: Равносильность нашего крещенія съ вашимъ мы можемъ доказать божественнымъ писаніемъ, вдохновеннымъ отъ Бога, соборами и св. отцами древней церкви и, наконецъ, издавна принятымъ обычаемъ.

Насѣдка: Что вы разумѣете подъ божественнымъ писаніемъ?

Фельгаберъ: Моисея, пророковъ и вообще весь Ветхій и Новый Завѣтъ.

Насѣдка: Вы приводите во свидѣтельство Библію и на ней стоите, яко на твердой скалѣ. Библію и мы принимаемъ, но раздѣляемъ ее на двое: пророки и иныя книги— тѣ ветхаго закона и были до времени, до Христа, а какъ воплотился Христосъ, настала новая благодать: евангеліе, апостолъ и апокалипсисъ. Ап. Павелъ, которому и вы вѣрите, писалъ къ евреямъ: *„аще бы первый законъ непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣсто“* (VIII, 7), да и евангелистъ Іоаннъ засвидѣтельствовалъ, что *„законъ Моисеомъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть“* (1,17). И потому мы держимся больше новой благодати, что ветхому закону написано *отсѣченіе.*

Фельгаберъ: Королевичъ не велѣлъ намъ спорить съ вами, а приказалъ лишь засвидѣтельствовать, что крещеніе

чрезъ обливаніе или окропленіе правильно [3]). Книги В. Закона мы принимаемъ и ихъ держимся; хулить и отрицать ихъ нельзя, такъ-какъ В. Завѣтъ и новая благодать одинаково добры и отъ Бога даны. Самъ Христосъ изучалъ и изъяснялъ В. Завѣтъ, приводилъ пророковъ и доказывалъ ими свое Божество. Ученикамъ Своимъ Христосъ заповѣдалъ изслѣдовать писаніе, ибо въ немъ вѣчная жизнь. Древняя церковь, слѣдуя примѣру и словамъ Господа, всегда почитала В. Завѣтъ, учила ему въ храмахъ и пользовалась имъ противъ еретиковъ, за которыхъ признавала всѣхъ, его отрицавшихъ. Ап. Павелъ писалъ (Римл. VII, 16), что законъ добръ, а Іоаннъ Дамаскинъ, учитель греческой церкви, отвергавшихъ законъ назвалъ противозаконниками и анаѳемѣ предалъ.

Насѣдка и Роговъ: Книгъ В. Завѣта, находящихся въ Библіи и принятыхъ св. церковію, мы не хулимъ и не отметаемъ. Въ самой Библіи, въ пророчествахъ, написано, что всѣ пророки и законъ окончатся съ Христовымъ воплощеніемъ (Мато. XI, 13), послѣ чего настанетъ *премѣненіе* или *отложеніе* В. Завѣта (Евр. VII, 12, 18), и данъ будетъ Новый. Вѣрите-ли вы, Матвѣй, словамъ пророческимъ?

Фельгаберъ: Вѣримъ, что *„всѣ пророки и законъ до Іоанна пророкли“*, что, съ пришествіемъ Предтечи, своими глазами видѣвшаго Спасителя, всѣ пророчества и прообразованія о будущемъ Мессіи должны были упразднiться, а не весь Моисей и не всѣ пророки. Христосъ, пришедши, исполнилъ и подкрѣпилъ В. Законъ, а не вовсе отринулъ его.

Насѣдка и Роговъ: Весь ветхій законъ, съ пришествіемъ новой благодати, исполнился и на Христѣ вся тайна стала. „Жертвы и приношенія не всхотѣлъ еси, еще Псалмопѣвецъ предсказывалъ, тѣло же свершилъ ми еси: всесожженій и о грѣсѣ не взыскалъ еси“ (XXXIX, 7), и ап. Павелъ писалъ, что В. Законъ былъ только сѣнію тѣхъ будущихъ благъ, которыя теперь стяжалъ для насъ своею

---

3) Говоря это, пасторъ подалъ дьяку Львову письмо, за печатью Вальдемара, въ которомъ запрещалось латчанамъ вступать въ споры съ русскими.

кровію Іис. Христосъ (Евр. IX, 11—12. X, I.). Мы вѣримъ новой благодати больше В. Закона, такъ-какъ въ ней крещеніе въ погруженіи объявлено, а вы чѣмъ подтвердите свое обливаніе?

Фельгаберъ: Первое основаніе въ защиту своего крещенія мы заимствуемъ изъ слова βαπτίζω, которое значитъ погружать, орошать, обливать, въ каковомъ смыслѣ и употребилъ его ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ (IX, 10) [4]).

Насѣдка: На слова апостола нельзя ссылаться: онъ говоритъ о ветхо-завѣтныхъ *омовеніяхъ*, а не о крещеніи; это не одно и тоже.

Фельгаберъ: Справедливо; но онъ употребляетъ при этомъ слово βαπτισμός, которое, стало быть, означаетъ нетолько погруженіе, но и обливаніе или окропленіе.

Насѣдка съ товарищами: Обливаніе по-гречески

---

[4]) Авторъ датскаго Извѣстія (стр. 57—58) сообщаетъ, что русскіе богословы, неумѣвшіе читать по-гречески и тѣмъ менѣе понимать, будто бы призвали при этомъ къ себѣ на помощь одного грека, который пришелъ къ нимъ и принесъ съ собою греческій Новый Завѣтъ, съ превосходными изображеніями и въ красномъ кожаномъ переплетѣ, однакожъ безъ главъ и стиховъ. „Когда потребовали отъ него показать попамъ, *очень смахивавшимъ на пастуховъ свиней*, какъ тамъ (т. е. въ посланіи къ Евр. IX, 10) это (т. е. βαπτισμος) изображено было, онъ прикинулся, будто ничего не понимаетъ, не умѣетъ и читать. Между тѣмъ внимательно замѣчалъ каждое слово, и когда придворный пасторъ сказалъ, что никакъ не думаетъ, чтобы онъ былъ грекъ, коли не умѣетъ даже и прочесть, грекъ засмѣялся, сталъ говорить на ухо съ канцлеромъ, смотря однимъ глазомъ на пастора, показывалъ канцлеру что-то въ книгѣ, безъ сомнѣнія, что это такъ дѣйствительно тамъ и есть. А межъ тѣмъ все, что ни говорилъ и ни приводилъ придворный пасторъ, онъ съумѣлъ замѣтить и пріискать, могъ показать и попамъ, гдѣ найдти это, хотя и не всѣ его просили о томъ“. Сообщенію датчанина нельзя довѣрять; изъ дальнѣйшаго его разсказа о диспутѣ и русской записи видно, что среди оппонентовъ Фельгабера нашлось въ этотъ разъ лицо, не только умѣвшее читать по-гречески, но и вести съ нимъ пренія о значеніи нѣкоторыхъ греческихъ словъ. Стало быть, не было нужды нашимъ богословамъ приглашать къ себѣ грека. Да и невозможное дѣло, чтобы наши, наученные опытомъ, вступили въ состязанія съ Фельгаберомъ, не запасшись греческимъ текстомъ Новаго Завѣта и безъ человѣка, знавшаго по-гречески. Вышеприведенный эпизодъ если не совершенно вымышленъ авторомъ Извѣстія, то во всякомъ случаѣ переданъ не такъ, какъ произошелъ въ дѣйствительности.

εχεζ, а окропленіе обозначается словомъ ραντίζω (Евр. X, 22). По твоимъ словамъ, Матвѣй, кто хотя одну часть *тѣла окропитъ*, весь чистъ будетъ... Но возможно-ли быть чистымъ человѣку, осквернившемуся всѣмъ тѣломъ въ калѣ и омывшему только одну голову, руку, ногу или другой какой членъ?

Фельгаберъ: Слово εὔρεξ употребляютъ, когда хотятъ сказать, что дождь идетъ, а ῥαντισμός дѣйствительно значитъ окропленіе. Въ первомъ посланіи ап. Петра (1, 2) написано: „по прозрѣнію Бога Отца, во святыни Духа, въ послушаніе и *кропленіе* (ῥανυσμόν) *крове* Іисусъ Христовы". Подъ окропленіемъ кровію Хрисовою здѣсь разумѣется крещеніе, въ которомъ невидимо мы окропляемся и очищаемся отъ всякаго грѣха.

Роговъ и Насѣдка: Всякій человѣкъ въ крещеніи чрезъ погруженіе въ водѣ невидимо сподобляется дара св. Духа, а не крови Христовой. Тѣло и кровь Христову можно принимать христіанину лишь въ причащеніи Божественныхъ Таинъ, очистивши напередъ сердце отъ совѣсти лукавой и омывши тѣло водою чистою.

Фельгаберъ: Мы крещаемся водою видимо, а крови Христовой въ крещеніи причащаемся невидимо, какъ древніе: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и другіе ветхозавѣтные праведники, вмѣсто крещенія, невидимо, дѣйствіемъ св. Духа, причащались крови Агнца, закланнаго прежде сложенія міра (Апок. XIII, 8), то есть Христа.

Роговъ и Насѣдка: Христосъ пострадалъ на крестѣ однажды по своемъ крещеніи отъ Іоанна, *въ послѣднія времена*, а на прежде созданія міра, и своею кровію, истекшею на крестѣ, очистилъ естество наше отъ всякаго грѣха.

Фельгаберъ: Свое окропленіе или обливаніе мы доказываемъ еще словами прор. Іезекіиля: „И воскроплю на вы воду чисту, и очиститеся отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ и отъ всѣхъ кумировъ вашихъ, и очищу васъ" (XXXVI, 25), которыя надобно разумѣть про крещеніе.

Роговъ и Насѣдка: Когда Духъ Св. въ день 50-цы сошелъ на апостоловъ, и послѣдніе начали говорить на иныхъ языкахъ, нѣкоторые изъ слышавшихъ думали, что

они напились вина. Тогда Петръ, вставши съ одиннадцатью, засвидѣтельствовалъ, что они вовсе не пьяны, но что на нихъ исполнилось предсказанное прор. Іоилемъ (Дѣян. II, 14—17).

Фельгаберъ: Я говорю о словахъ прор. Іезекіиля, а не Іоиля; это два различные пророка, говорившіе каждый о своемъ: Іоиль пророчествовалъ объ изліяніи св. Духа на апостоловъ, которое совершилось безъ воды, а Іезекіиль въ ясныхъ словахъ упоминаетъ о водѣ, которою окропитъ Богъ. Св. отцы: Кириллъ Александрійскій и особенно Кипріанъ (Lib. IV, Epist. 7 ad Magnum.) относили пророчество Іезекіиля ко крещенію чрезъ обливаніе

Насѣдка: Раньше ты сослался, Матвѣй, на книгу Ивана Дамаскина, теперь ссылаешься на Кипріана; но держишься-ли ты нынѣ Діонисія Ареопагита и Ивана Дамаскина, у которыхъ написано, что истинное крещеніе должно быть въ три погруженія?

Фельгаберъ: Твореніямъ Іоанна Дамаскина и Діонисія Ареопагита мы вѣримъ, пока они согласны съ божественнымъ писаніемъ.

Стемпковскій: Книгѣ Діонисія Ареопашта, у ченика ап. Павла, нельзя не вѣрить: ей вѣрятъ во всѣхъ государствахъ.

Роговъ и Насѣдка: Книгъ Кирилловой и Кипріановой у насъ нѣтъ, а есть правила св. апостоловъ и св. отцовъ. Вѣримъ мы больше апостоламъ Петру и Павлу (Іоанну?), ученикамъ Христовымъ, а не Кириллу и Кипріану, спустя 400 лѣтъ бывшимъ по вознесеніи Господнемъ. Въ посланіи Іоанновомъ написано: „Сей есть Іисусъ Христосъ, пришедшій водою и кровію и духомъ, не водою только, но водою и кровію... И три свидѣтельствуютъ на землѣ: духъ, вода и кровь; и сіи три объ одномъ“. Изъ книги Дѣяній (II, 38, 41; X, 47—48) видно, что ап. Петръ покаявшимся въ день пятьдесятницы, сотнику Корнилію и бывшимъ съ нимъ, велѣлъ креститься во имя Господне“.

Не понявши своихъ собесѣдниковъ, пасторъ самъ не впопадъ замѣтилъ: „то не къ однимъ апостоламъ, но и ко всѣмъ людямъ сказано“, и пересталъ спорить.

Уступку со стороны Датчанъ авторъ „Извѣстія о поѣзд-

кѣ въ Россію Вольдемара“ объясняетъ тѣмъ, что Русскіе на диспутѣ тщательно замѣчали только представленія своихъ и, наоборотъ, не обращали вниманія на доводы своихъ оппонентовъ или принимали ихъ съ насмѣшкой. „По этой-то причинѣ, пишетъ датчанинъ, да и потому еще, что у невѣждъ ничего нельзя было добиться, кромѣ ребяческихъ словъ и мужицкихъ отвѣтовъ, при томъ же очевидно было, что не все передавалось переводчикомъ правильно, мы и рѣшились уступить, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей“. Разсмотрѣніе преній 4 іюля, также обстоятельствъ, ихъ предварявшихъ и сопровождавшихъ, не позволяетъ согласиться съ объясненіемъ лица, учавствовавшаго въ диспутѣ и заинтересованнаго имъ. Въ послѣдній разъ наши богословы бесѣдовали съ Датчанами удачнѣе прежняго; они не молчали, не твердили одного и того же, не говорили не на вопросъ свего противника, а старались его понять и доказательствамъ пастора противопоставить свои. Нѣкоторыхъ разсужденій и замѣчаній нашихъ полемистовъ нельзя не признать вполнѣ справедливыми. Предшествующій опытъ научилъ нашихъ сравнительно успѣшно препираться съ лютеранскимъ пасторомъ; съ другой стороны не мало помогла русскимъ богословамъ въ этотъ разъ ихъ предварительная подготовка къ диспуту. О. Ивану, разбиравшему отчетъ Фельгабера объ іюнскихъ преніяхъ, пришлось болѣе другихъ состязаться съ пасторомъ на послѣднемъ диспутѣ. Основанія, представленныя теперь Датчанами въ защиту своего крещенія, были старыя, и Насѣдкѣ, имѣвшему ранѣе дѣло съ ними, не приходилось уже теперь ломать головы: стоило лишь обратиться къ своимъ прежнимъ письменнымъ работамъ. Онъ такъ и поступилъ. Все, что онъ ни приводилъ съ своими товарищами 4 іюля въ опроверженіе пастора, есть не болѣе, какъ извлеченіе изъ „Списанія обличительна... на нѣмчина Матвѣя“, сокращеніе соотвѣтствующихъ отдѣловъ послѣдняго; даже догматическія погрѣшности *Списанія* повторены были на диспутѣ. Новыми были разсужденія о значеніи словъ: εὑρε и ραντίζω, но они принадлежали кіевлянину старцу Исаакію, который въ этотъ разъ своимъ знаніемъ греческаго языка оказалъ

московскимъ богословамъ такую же услугу, какую за годъ передъ тѣмъ—греческіе архимандриты съ княземъ Дм. Альбертосомъ. Въ общемъ поведеніе нашихъ на послѣднемъ диспутѣ было также много лучше предшествующихъ разовъ. Они не горячились, не взводили на лютеранъ завѣдомо ложныхъ обвиненій, что легко имъ было бы сдѣлать на основаніи *выписокъ* изъ правилъ, только что оконченныхъ передъ іюльскими преніями, а спокойно выслушивали замѣчанія пастора и хладнокровно отвѣчали ему съ своей стороны. Разъ или два, и то подъ конецъ диспута, православные богословы, если вѣрить датскому *Извѣстію*, подняли шумъ и сильно заспорили съ Фельгаберомъ, когда тотъ совершенно напрасно упрекнулъ ихъ въ смѣшеніи двухъ различныхъ пророковъ: Іезекіиля съ Іоилемъ и сталъ отрицать достовѣрность свидѣтельства Іосифа Флавія о Предтечѣ. [5]) которому Насѣдка, какъ намъ извѣстно, придавалъ большое значеніе. Въ виду сказаннаго, намъ кажется, причину уступчивости Датчанъ на послѣднемъ преніи нужно прежде всего искать въ томъ наказѣ, съ которымъ они явились на диспутъ. Королевичъ строго воспретилъ своимъ спорить съ Русскими въ обычномъ смыслѣ этого слова; онъ велѣлъ только привести основанія лютеранскаго крещенія и добиться у Русскихъ признанія его равносильности съ православнымъ. Изъ первыхъ же словъ нашего о. Ивана посланные Вальдемара поняли, что имъ имъ не убѣдить православныхъ въ дѣйствительности обливательнаго крещенія, и потому, представивши два—три доказательства въ защиту послѣдняго и встрѣтивши отпоръ, прекратили пренія. Фельгаберъ подалъ при этомъ дьяку Львову *„тетрадь въ десть“* на нѣмецкомъ языкѣ [6]) и просилъ письменнаго отвѣта на нее.

---

5) Изъ русскаго журнала пренія не видно, чтобы споръ касался Іосифа Флавія, но въ датскомъ Извѣстіи прямо сказано, что Русскіе, говоря о значеніи ῥαντίζω и βαπτίζω, прибѣгали и къ І. Флавію и даже поднимали вопросъ о томъ, христіанинъ ли былъ Іосифъ? Въ этомъ сообщеніи датчанина нѣтъ ничего невѣроятнаго, особенно если припомнимъ, что Насѣдка еще въ *Описаніи обличительномъ* собирался удивить Флавіемъ нѣмцевъ.

6) „Когда подавали бумагу, читаемъ въ датскомъ Извѣстіи, канцлеръ спрашивалъ: вѣруемъ-ли мы, что одною вѣрою, безъ дѣлъ, можно достигнуть блажен-

Одновременно съ пасторомъ польскій посолъ вручилъ нашему канцлеру отъ себя пять *вопросовъ* или *статей* о дѣйствительности и неповторяемости обливательнаго крещенія. Будучи „вѣрою папежникъ“, Стемпковскій прекрасно понималъ, что споръ Русскихъ съ Датчанами касается столько-же лютеранства, сколько и католичества, что принять участіе въ немъ и взять сторону королевича значитъ защитить самого себя. Принявши бумаги, думный дьякъ поднялся *на верхъ*, чтобы доложить государю о послѣдствіяхъ бесѣды. Михаилъ Оеодоровичъ велѣлъ сказать послу, что онъ дастъ отвѣтъ при слѣдующемъ свиданіи съ нимъ.

Послѣдняго *четвертаго* по счету, произведенія Фельгабера, вызваннаго полемикой съ Русскими, не дошло до насъ въ цѣломъ видѣ; въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилась лишь вторая половина „тетради въ десть“ [7]). Судя по уцѣлѣвшему отрывку и русскому сочиненію, составленному въ опроверженіе *трактата* Фельгабера, поданнаго 4 іюля въ посольской палатѣ, послѣдній былъ обширенъ и состоялъ изъ трехъ отдѣленій, соотвѣтственно тремъ *положеніямъ*, въ немъ развивавшимся.

ства? Ему объяснили, что мы вѣруемъ въ спасеніе одною вѣрою безъ дѣлъ, но учимъ, что надобно творить и добрыя дѣла, въ доказательство истинной вѣры, хотя они нисколько не помогаютъ для блаженства. Онъ сказалъ, что это правильно, и желалъ, чтобы вразумили его еще, что мы думаемъ о постахъ? Услыхавъ, что считаемъ ихъ такимъ дѣломъ, которое, согласно съ волею Божіею, свободно каждому исправлять, или нѣтъ, онъ всталъ, чтобы донести обо всемъ ходѣ бесѣды его царскому величеству, и на нѣсколько времени ушелъ...“ Ученіе объ оправданіи вѣрою, далеко не вполнѣ раскрытое въ самой протестантской догматикѣ 40-хъ годовъ XVII ст., не останавливало на себѣ вниманія даже лучшихъ знатоковъ лютеранства, какимъ былъ, напримѣръ, о. Иванъ Насѣка. Невѣроятно поэтому, чтобы нашъ дьякъ Львовъ понималъ всю важность лютеранскаго ученія объ оправданіи, тѣмъ болѣе публично исповѣдалъ его правильность.

7) Сохранилось именно десять нашихъ полулистовъ, исписанныхъ по-нѣмецки весьма мелкою неразборчивою скорописью (Датск. д. 1644 г. № 3). Внизу по листамъ идетъ нѣсколько разъ повторенная подпись: *„Діакъ Степанъ Кудрявцовъ“*. Славянскаго перевода, каковый несомнѣнно тогда же былъ сдѣланъ для нашихъ полемистовъ съ разсматриваемаго трактата Фельгабера, въ архивѣ не имѣется; не встрѣчали мы его и въ описаніяхъ нашихъ отечественныхъ рукописей.

Первое положеніе въ трактатѣ пастора было таково: крещеніе, совершаемое чрезъ обливаніе водою во имя Отца и Сына и Св. Духа, есть совершенное крещеніе; оно такъ-же законно, истинно и дѣйствительно, какъ и крещеніе посредствомъ погруженія. Въ подтвержденіе этой мысли Фельгаберъ привелъ двадцать *аргументовъ*, изъ которыхъ дошли до насъ только послѣдніе пять. Первыхъ пятнадцати доказательствъ, заключавшихся въ первой половинѣ тетради въ десть, не сохранилось, но ихъ весьма легко воспроизвести въ краткомъ видѣ на основаніи русскаго разбора ихъ. Принимая во вниманіе содержаніе послѣдняго, можно усмотрѣть, что первыя тринадцать утраченныхъ доказательствъ въ трактатѣ пастора были повтореніемъ тѣхъ тринадцати *основаній* или *оказаній*, которыя составляли первую половину въ отчетѣ Фельгабера объ іюньскихъ преніяхъ 1644 года [8]), и критикой которыхъ занимался о. Иванъ въ своемъ списаніи обличительномъ. Чтобы не повторяться, мы не станемъ возстановлять здѣсь этихъ 13-ти аргументовъ, представленныхъ пасторомъ королевича въ защиту перваго положенія, а остановимся только на послѣднихъ семи, заключающихъ въ себѣ нѣсколько новыхъ мыслей, посравненію со всею предшествующею аргументаціей Фельгабера въ пользу лютеранскаго крещенія.

„Не трудно доказать, развивалъ Фельгаберъ свое первое положеніе, примѣрами свящ. писанія, что въ прежнія времена возрастные и старые люди, равно какъ и дѣти, были крещены въ городахъ и селахъ. Ананія крестилъ Савла въ Дамаскѣ, въ домѣ Іудиномъ; ап. Петръ—Корнилія со всеми собравшимися въ его домѣ, въ Кесаріи; ап. Павелъ—темничнаго стража со всѣми домашними его. Въ свящ. писаніи не сказано, чтобы упомянутыя лица, какъ и три тысячи людей, крещенныхъ Петромъ въ день пятидесятницы, выходили изъ города на рѣку и, слѣдовательно, они были

---

8) Въ первой половинѣ журнала іюньскаго пренія всего 14-ть основаній; одно изъ нихъ, именно 11-е по счету, пасторъ опустилъ въ своей дестевой тетради' какъ не важное, а три послѣднія оказанія привелъ теперь въ иномъ порядкѣ. Рукоп. Общ. истор. и древн. № 13 л. 82, ср. Рук. Каз. дух. Ак № 604 л. 117·

крещены чрезъ омовеніе главы въ тѣхъ самыхъ домахъ, въ которыхъ приведены были на покаяніе [9]). Ап. Павелъ свидѣтельствуетъ, что въ его время нѣкоторые крестились надъ мертвыми и надъ могилами; можно-ли было такимъ погружаться въ воду? [10]). Мы немало удивляемся, что русскіе такъ настаиваютъ на погруженіи всего тѣла, хотя они во всю жизнь свою ни въ одномъ мѣстѣ, гдѣ говорится о крещеніи, не нашли слова: *погрузить*. Крещая своихъ дѣтей, они говорятъ: я *крещаю* тебя во имя Отца и т. д., а не такъ: я *погружаю* тебя и проч. Слова „погруженіе“ нѣтъ въ чинѣ русскаго крещенія, но, къ удивленію, они считаютъ его необходимою принадлежностію крещенія. Мы согласны съ тѣмъ, что во всѣхъ таинствахъ долженъ быть видимый, чувственный знакъ, но не слѣдуетъ слишкомъ слѣдить за тѣмъ, сколько: много или мало будетъ обрядности. Въ этомъ можно удостовѣриться примѣрами свящ. Писанія. Въ В. Завѣтѣ, при яденіи пасхальнаго агнца, не всѣ получали равныя части, потому что у одного хозяина было больше людей, чѣмъ у другаго, однако таинство у всѣхъ безъ исключенія было полное. Въ св. причащеніи Н. Завѣта не всегда и не всѣ принимаютъ одинаковыя облатки, но это не важно, такъ-какъ сущность таинства не въ хлѣбѣ или винѣ, но въ тѣлѣ и крови І. Христа, Который одинаково можетъ сообщить свою силу въ маломъ количествѣ, какъ и въ большомъ. Также должно разсуждать и относительно крещенія, въ которомъ, отрекшись отъ дѣлъ діавола, мы обѣщаемся жить новою жизнію и становимся чадами Божіими чрезъ присвоеніе себѣ вѣрою заслугъ Христовыхъ. Еслибы вы раздѣляли съ нами такой взглядъ на крещеніе, то не стали бы много спорить о количествѣ воды; мы же съ большею охотою начали бы говорить съ вами о томъ, какъ слѣдуетъ исполнять обѣты крещенія [11]).

Христосъ не былъ весь погруженъ, Іоаннъ крестилъ Его послѣ того, какъ Онъ вошелъ въ Іорданъ. Нисхожденіе въ

---

9) Рук. Общ. истор. № 13 лл. 88—89; аргументъ 14-й.

10) Ibid. л. 90; аргументъ 15-й.

11) Аргументы 16—18.

воду, а обливаніе водою верхней части тѣла Христова составляло именно крещеніе: иначе бы Христосъ частію Самъ Себя крестилъ, частію былъ крещенъ Предтечею. А когда самъ Христосъ принялъ воду крещенія только на верхнюю часть тѣла, то почему вы насъ не одобряете, если мы поливаемъ крестильную воду своимъ дѣтямъ лишь на голову, какъ поступилъ ап. Филиппъ съ евнухомъ? Всякій здравомыслящій можетъ отсюда понять, что не въ омовеніи нижней части тѣла состоитъ крещеніе. Поливаніе водой въ послѣднемъ такъ—же хорошо, какъ и погруженіе. Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій, на вопросъ нѣкоего Магна: что онъ думаетъ о тѣхъ, которые по слабости были крещены чрезъ обливаніе, а не чрезъ погруженіе? отвѣчалъ: я стою за то, что благодѣянія Божіи отъ того не уменьшились и не ослабѣли, если только вѣра соблюдена непорочною. Нечистота грѣховная не такъ омывается въ крещеніи, какъ скверна плотская въ другой какой-нибудь банѣ. Сердце вѣрующаго черезъ вѣру очищается, какъ засвидѣтельсвовалъ о томъ прор. Іезекіиль (XXXVI, 25—26). Св. Августинъ, древній, ученѣйшій и едвали не самый извѣстный учитель церкви, писалъ, что желающаго креститься, по исповѣданіи предъ пресвитеромъ, должно окропить водою или погрузить въ ней. Златоустъ, въ бесѣдѣ на 5-ю главу Іоанна, говоритъ, что въ крещеніи вода сама по себѣ, по своей природѣ не очищаетъ, но лишь по принятіи силы отъ св. Духа, милостію Вышняго, омываетъ всѣ грѣхи. Изъ этого легко усмотрѣть, что все равно: много или мало будетъ употреблено воды въ крещеніи. Солнце стоитъ на одномъ мѣстѣ неба и однако освѣщаетъ весь міръ; насколько больше сила св. Духа просвѣщаетъ всего человѣка, касаясь посредствомъ воды крещенія лишь только части его?

Послѣ этого всякій легко пойметъ, какъ сильно вы, Русскіе, прогнѣвляете Бога, унижая и презирая наше крещеніе, хотя оно основано непосредственно на словѣ Божіемъ, существовало въ христіанской церкви 1400 лѣтъ, если считать даже съ Кипріана, практиковалось въ Азіи, Африкѣ, Европѣ и до сихъ поръ еще употребляется во всей Германіи, Даніи, Норвегіи, Швеціи, Финляндіи, Лифляндіи, Польшѣ,

Венгріи, Богеміи, Италіи, Франціи, Испаніи, Америкѣ, гдѣ—многіе тысячи ученыхъ мужей, которые конечно читали слово Божіе и отцевъ и хорошо понимаютъ каждое слово, чего вы не можите, такъ-какъ *у васъ нѣтъ никакой школы, ни академіи, и вы не свѣдущи въ языкахъ*. Вы не должны думать, что въ религіозныхъ дѣлахъ мы допускаемъ нѣчто противъ совѣсти. Правду говоря, намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что во времена Христа и апостоловъ людей крестили больше чрезъ обливаніе, чѣмъ чрезъ погруженіе[12]).

Доказавши дѣйствительность и равносильность лютеранскаго крещенія съ православнымъ, пасторъ переходитъ ко второму положенію, что не должно крестить вторично крещеннаго однажды правильно. Въ подтвержденіе этой мысли у Фельгабера приведено девять основаній (Grund), изъ которыхъ четвертое, пятое, седьмое и восьмое намъ уже извѣстны и потому безъ всякаго ущерба могутъ быть опущены здѣсь. „Въ вопросахъ вѣры нужно точно слѣдовать свящ. Писанію; но въ Библіи мы не имѣемъ никакого указанія, ни одного примѣра, чтобы разъ крещенный правильно былъ снова крещенъ. Мы прекрасно знаемъ, что ап. Павелъ крестилъ въ Ефесѣ около 12-ти человѣкъ, крещенныхъ ранѣе Іоанновымъ крещеніемъ. Какъ-бы различно ни объясняли это мѣсто изъ книги Дѣяній (XIX, 1—7), но мы, согласно съ Амвросіемъ, рѣшительно думаемъ, что эти мужи, по ихъ собственнымъ словамъ, ничего не знавшіе о св. Троицѣ, крещены были неразумнымъ проповѣдникомъ во имя Іоанново, а не во имя Христово.— Союзъ, заключаемый нами съ Богомъ въ крещеніи, есть вѣчный союзъ, котораго Господь не захочетъ нарушить, потому что Онъ вѣренъ и неизмѣненъ, дары Божіи непреложны. Нѣтъ нужды вторично заключать или подтверждать его. Если мы сами падаемъ, то чрезъ раскаяніе и добрую жизнь, снова получаемъ доступъ къ этому союзу.—Крещеніе есть таинство вступленія или посвященія въ христіанство; въ немъ мы дѣлаемся членами церкви — духовной невѣсты небеснаго Жениха. Но какъ никто и никогда

---

[12]) Аргументы 19—20.

не можетъ два раза быть посвященъ въ какой-нибудь духовный санъ, какъ два супруга однажды вѣнчаются, какъ наши члены только разъ становятся нашими членами, также и мы должны только однажды въ крещеніи тѣсно соединиться со Христомъ и стать на всегда Его членами.

Вы почеловѣчески разсуждаете, отвергая наше крещеніе. Если бы вы принимали во вниманіе лишь то, что относится къ сущности крещенія, то не стали бы отрицать нашего крещенія. Пусть у насъ меньше воды, чѣмъ у васъ, но развѣ не тѣже слова Христовы мы произносимъ? развѣ не согласно съ вами мы вѣруемъ и учимъ о крещеніи и плодахъ его? Крещеніе *„водная баня въ глаголь“*; потому, гдѣ есть вода и слова Господни правильно сказаны, тамъ истинное крещеніе. Всѣ обряды крещенія измышлены людьми и не нужно дорожить ими.

Римскій соборъ, созванный папою Мелхіадомъ въ 313 году, вселенскіе соборы, собиравшіеся въ разныя времена, и древніе св. отцы не разъ разсуждали о томъ, чтобы не перекрещивать правильно крещенныхъ, и проклятіемъ угрожали тѣмъ, кто осмѣлится дѣлать противное“. Рядомъ цитатъ изъ Тертулліана, Кипріана, Епифанія Кипрскаго, Евсевія, бл. Августина пасторъ доказываетъ неповторяемость крещенія. Перекрещивать еретика грѣхъ, писалъ бл. Августинъ, а перекрещивать право-вѣрующаго — великое злодѣяніе. Іеремія II, патр. Константинопольскій, не задолго до Сигизмунда III посѣщавшій русскую церковь, не отвергнулъ нашего крещенія чрезъ обливаніе, но отнесся къ нему съ такимъ же уваженіемъ, какъ и къ вашему. Странно, какъ это вы не знаете объ этомъ, находясь въ церковной зависимости отъ константинопольскаго патріарха? Кириллъ Лукарь въ *Исповѣданіи восточной церкви*, которое сходно во всемъ съ нашимъ ученіемъ, говоритъ о перекрещиваніи, какъ о нелѣпой вещи, отъ которой должно воздерживаться, и употребляетъ о крещеніи слово *омыть*, а не погрузить. За чѣмъ же вы хотите быть умнѣе его? Не только соборы и церковные писатели, но и свѣтскіе государи запрещали перекрещивать. Греческіе цари: Валентиніанъ, Валентъ и Граціанъ закономъ 368 г. угро-

жали лишеніемъ сана пресвитеру, который дерзнулъ бы крестить кого-либо въ другой разъ, а императоры Гонорій и Ѳеодоръ въ 412 г. указомъ постановили казнить смертію обоихъ—перекрестившаго и перекрещеннаго. Вы не можете сказать, что всѣ эти соборы, отцы церкви и цари были крещены чрезъ погруженіе, но они одинаково чтили обѣ формы крещенія и воспрещали повтореніе какъ одной, такъ и другой. Пора вамъ оставить перекрещиваніе людей и не отягощать насъ своимъ крещеніемъ.

Такъ-какъ вы все время оправдываетесь обычаемъ, то мы нѣсколькими примѣрами докажемъ вамъ, что и прежде люди нашей вѣры, не принимая греческой—и не крестясь вторично, женились въ Россіи на вашихъ дочеряхъ". Высказавши эту мысль, составляющую третье положеніе въ трактатѣ, Фельгаберъ указываетъ на извѣстные уже намъ браки Елены Ивановны съ королемъ Александромъ, Маріи Владимировны съ Магнусомъ датскимъ, дочери Василія Лупула съ княземъ Радзивилломъ, и на попытку царя Бориса выдать дочь свою Ксенію за герцога Іоанна. „Если все это было прежде безъ всякихъ споровъ о перекрещиваніи и перемѣнѣ религіи, то мы никакъ не можемъ понять, почему не можетъ это случиться теперь?

Подавая дьяку Львову трактатъ, съ содержаніемъ котораго мы только что познакомились, пасторъ замѣтилъ, что онъ изложилъ теперь письменно все, что ранѣе говорилъ о своемъ крещеніи. Но это не вполнѣ справедливо. Дѣйствительно, многія изъ прежнихъ рѣчей Фельгабера въ защиту лютеранскаго крещенія, какъ мы выше замѣтили, повторены въ послѣднемъ его произведеніи; всѣ болѣе важныя и основательныя доказательства въ пользу дѣйствительности и неповторяемости обливательнаго крещенія нашли себѣ мѣсто въ *дестевой* тетради. Но нельзя сказать, чтобы послѣдняя заключала въ себѣ все, что ранѣе было приведено Датчанами по вопросу о крещеніи. Мы не видимъ въ ней тѣхъ схоластическихъ и мелочныхъ соображеній, которыя необдуманно высказанны были пасторомъ въ отповѣди королевича на первое посланіе патр. Іосифа и въ іюньскомъ преніи съ Русскими. Онъ понималъ, что повторять доводы въ родѣ

тѣхъ, что формула православнаго крещенія несогласна съ заповѣдью Христовою, что Господь пробылъ въ землѣ только тридцать девять часовъ, значитъ ронять достоинство защиты. Какъ-бы взамѣнъ опущеннаго мы встрѣчаемъ въ разсматриваемомъ трудѣ пастора нѣсколько новыхъ аргументовъ и основаній по старому вопросу. По прежнему не всѣ они удачны и одинаково цѣнны; нѣкоторые изъ новыхъ доводовъ ничего не привносятъ въ прежнюю аргументацію и, повидимому, представлены лишь для того, чтобы увеличить собою численность доказательствъ. Но есть и такіе среди нихъ, которыхъ никакъ нельзя считать лишними. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе основанія, представленныя въ защиту втораго положенія, особенно девятое, въ которомъ пасторъ сгруппировалъ свидѣтельства соборовъ, отцевъ и учителей церкви и постановленія греческихъ царей о неповторяемости крещенія. Видно, что время, протекшее съ іюньскаго спора 1644 г., не было потрачено даромъ Фельгаберомъ. Въ то время, какъ нашъ о. Иванъ трудился надъ составленіемъ списанія обличительна, критиковалъ старые доводы попа Матвѣя, этотъ послѣдній запасалъ новыя средства для борьбы, старался путемъ дальнѣйшаго раскрытія догматическаго ученія о крещеніи найти новые аргументы въ защиту дѣйствительности обливательнаго крещенія и подъискивалъ новыя историческія свидѣтельства въ пользу неповторяемости послѣдняго. Зная заранѣе, что слова западныхъ отцевъ церкви не могутъ быть такъ убѣдительны для русскихъ людей, какъ свидѣтельства восточныхъ, пасторъ приводитъ рядомъ съ первыми и послѣднихъ, цитируетъ изъ западныхъ писателей болѣе знаменитыхъ и непремѣнно древнихъ,—когда церкви западная и восточная, по его словамъ, были согласны въ религіозныхъ вопросахъ. Въ тѣхъ же самыхъ видахъ нашъ авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на характерѣ отношеній патр. Іереміи II къ обливательному крещенію и на подложномъ *Исповѣданіи восточной церкви*, изданномъ въ Женевѣ въ 1629 году, на латинскомъ языкѣ, подъ именемъ патр. Кирилла Лукаря, протестантскими друзьями послѣдняго. Старанія Фельгабера, какъ можно тверже, обосновать дѣйствительность и непо-

вторяемость крещенія чрезъ обливаніе были не безуспѣшны. Нѣкоторые изъ его 20-ти argument'овъ и второе положеніе (Ander Satz) трактата почти со всѣми его девятью основаніями не утратили и по настоящее время всего своего значенія: ихъ можно встрѣтить въ любой современной догматикѣ. Вообще послѣдній трактатъ Фельгабера о крещеніи, на нашъ взглядъ, по своимъ внутреннимъ достоинствамъ стоитъ выше разсужденій о томъ же предметѣ, заключающихся въ письмахъ пастора къ п. Іосифу и къ Ивану Дорну. Придворный проповѣдникъ, благодаря своему образованію и имѣя въ своемъ распоряженіи много свободнаго времени, видимо шелъ дальше въ изученіи интересовавшаго его теперь богословскаго вопроса и становился обстоятельнѣе.— Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что разсматриваемое произведеніе Фельгабера не чуждо недостатковъ. Оставляя въ сторонѣ неправильные, чисто лютеранскіе взгляды пастора, напримѣръ на крещеніе, высказанные теперь съ бо́льшею опредѣленностію, чѣмъ въ посланіи королевича къ патр. Іосифу, мы отмѣтимъ здѣсь лишь погрѣшности въ изложеніи. Послѣднее искусственно и крайне растянуто. Авторъ раздѣляетъ свой трактатъ на множество рубрикъ, не вызываемыхъ существомъ дѣла; одну и ту-же мысль, безъ всякой нужды, повторяетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Первые тринадцать аргументовъ могли быть совершенно опущены, какъ уже извѣстные нашимъ полемистамъ изъ отчета Фельгабера объ іюньскомъ диспутѣ. Нельзя также вполнѣ одобрить тона, какимъ написанъ трактатъ. Авторъ его изрѣдка иронизируетъ надъ Русскими, а въ одномъ мѣстѣ даже прямо поставляетъ имъ на видъ, что въ пониманіи словъ они никоимъ образомъ не могутъ идти въ сравненіи съ учеными другихъ странъ, такъ какъ не знаютъ языковъ и не имѣютъ у себя школъ и академіи. Упрекъ въ невѣжествѣ, понятно, не могъ содѣйствовать достиженію авторомъ своей цѣли и только раздражалъ Русскихъ, безъ указанія Датчанъ знавшихъ свои образовательные недостатки и въ лицѣ лучшихъ людей нескрывавшихъ ихъ.

Совершенную противоположность съ разсмотреннымъ сочиненіемъ Фельгабера по характеру представляютъ пять

вопросовъ или статей, поданныхъ Стемпковскихъ дьяку Львову, по окончаніи диспута 4 іюля. Этихъ статей, сколько намъ извѣстно, не дошло въ польскомъ оригиналѣ; въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, среди датскихъ документовъ (1645 г. № 2), имѣется, на четырехъ столбцахъ, *малорусскій* переводъ статей легата, кой-гдѣ непонятый и испорченный великорусскимъ переписчикомъ. Судя по нему, маленькій по объему трактатецъ Стемпковскаго не представлялъ ничего новаго со стороны своего содержанія. Сказавши, что крещеніе должно совершаться однажды чрезъ троекратное обливаніе, окропленіе или погруженіе, въ образъ смерти, воскресенія и трехдневнаго пребыванія І. Христа во гробѣ, Стемпковскій повторяетъ хорошо извѣстную намъ мысль, что сила крещенія содержится не въ водѣ, не въ помазаніи мѵромъ и не въ молитвахъ, но въ произнесеніи словъ: „Я крещаю тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа“. За отсутствіемъ попа, разсуждалъ посолъ, крестить человѣка можетъ какая угодно особа; все равно: совершатъ-ли крещеніе священники греческій и римскій, или учителя лютеранскій и кальвинскій. Въ заключеніе своего трактата, въ подтвержденіе неповторяемости обливательнаго крещенія, Стемпковскій ссылается на соборъ папы Мелхіада, осудившій донатистовъ за перекрещиваніе еретиковъ, крещенныхъ ранѣе во имя св. Троицы, и на поведеніе патр. Іереміи II, въ бытность его въ польскомъ королевствѣ. За исключеніемъ двухъ послѣднихъ доводовъ, все остальное въ вопросахъ легата заимствовано, полагаемъ, изъ переписки патр. Іосифа съ королевичемъ, доставленной, какъ мы видѣли, Стемпковскому Датчанами не въ долгихъ по пріѣздѣ его въ Москву. Даже мысль о томъ, что совершителемъ крещенія въ случаѣ нужды можетъ быть всякій, взята авторомъ изъ 18-й главы отповѣди Вальдемара; брошенная здѣсь мимоходомъ, какъ-бы случайно, она высказана посломъ только болѣе подробно и рѣшительно.

Болѣе любопытнаго и оригинальнаго заключаетъ въ себѣ другой полемическій трактатъ Стемпковскаго, именно его „*Апологія о неповторяемости крещенія*“, присланная къ

патр. Іосифу [13]). Подлинника ея не сохранилось въ нашемъ московскомъ архивѣ; въ документахъ великаго княжества польско-литовскаго уцѣлѣла лишь не совсѣмъ исправная копія съ латинскаго оригинала [14]). Познакомимся съ содержаніемъ апологіи легата, чтобы имѣть наглядное представленіе и потомъ вѣрнѣе судить о ней.

„Достопочтеннѣйшій патріархъ! Самыхъ воздержныхъ людей постигаетъ болѣзнь, сильные подвергаются чахоткѣ, живущіе въ глубокомъ уединеніи не всегда свободны отъ житейскихъ бурь, невинные подпадаютъ наказанію. Гроза предвѣщаетъ бурю, трескъ зданія показываетъ близость его паденія, дымъ служитъ провозвѣстникомъ пожара, часто и въ зимнее время бываютъ внезапныя бури, иногда вдругъ возмущается лѣтняя тишина, часто корабли погружаются въ бездну въ тотъ самый день, когда они смѣялись надъ волнами, иногда среди глубокаго мира овладѣваетъ опасеніе бѣдствій и чувство безопасности смѣняется страхомъ. Все это испытываетъ на себѣ свѣтлѣйшій датскій принцъ, невиннѣйшій Христіанъ Вольдемаръ, который приглашенъ былъ въ Московію для вступленія въ бракъ съ дочерью царскаго величества Ириной Михайловною, но которому достались въ въ удѣлъ вмѣсто радости—печаль, вмѣсто брачнаго ложа—трауръ, вмѣсто супруги—темница и вообще жизнь, исполненная опасеній и страха и окруженная бурями. Такъ-ли обращаются съ друзьями? Это-ли свобода вѣроисповѣданія (fides publica)? Если нужно ее соблюдать въ отношеніи ко врагамъ, то тѣмъ больше въ отношеніи къ приглашеннымъ гостямъ. Конечно трудно представить съ столь помраченнымъ умомъ человѣка, который бы не согласился, что свобода вѣры есть главнѣйшая основа, на которой зиждется благосостояніе государствъ, такъ-какъ если что поддержи-

---

13) Полное заглавіе апологіи слѣдующее: Apologia ad reverendissimum patriarcham Moschoviticum de non iterando baptismo, conscripta ab illustrissimo domino, domino Gabriele Stepkowski, castellano Braclaviensi, magno legato serenissimi regis Poloniarum magnique ducis Lithuaniae in Moschoviam. Acta magni ducatus Lithuaniae № 11.

14) Списокъ съ этой копіи находится среди кабинетныхъ бумагъ кн. М. А. Оболенскаго, карт. 25, св. 40, лит. а.

ваетъ общественную связь жизни и соединяетъ народы союзомъ дружбы, то именно свобода вѣры, это святѣйшее благочеловѣческаго сердца. Уничтожается свобода вѣры, нарушаются разъ заключенные договоры, итотчасъ открывается вѣроломство—страшная бездна всякаго рода золъ. Тогда увядаетъ прежденроцвѣтавшее, приходитъ въ упадокъ достигшее изобилія, гибнетъ тщательно сохраненное. И такъ, ваше достопочтеннѣйшее патріаршество, разсмотрите, размыслите и удостойте взвѣсить на вѣрныхъ вѣсахъ разсудка: сколь великій ущербъ потерпѣла у васъ свобода вѣры, когда свѣтлѣйшій датскій принцъ еще доселѣ не освободился отъ угнетающей его жестокой скорби? И мнѣ кажется, что эту скорбь произвелъ и усилилъ не кто другой, какъ ваше достопочтеннѣйшее патріаршество, потому что вы, вопреки всѣмъ договорамъ и условіямъ, вопреки обычаю и церковной дисциплинѣ, вопреки согласному свидѣтельству св. отцовъ и опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ, хотите принудить принца къ повторенію крещенія, рѣшаетесь вотъ уже другой годъ крестить его не водою только, но и кровію, И этимъ вашимъ домогательствомъ, какъ бы пламенемъвы не только изсушили кости, по повидимому даже вски. пятили самую кровь принца. Но посмотрите, въ какую страшную и гибельную ересь впали вы“!

Постановленіями соборовъ, словами отцовъ и учителей церкви и, наконецъ, мѣстами свящ. Писанія доказываетъ Стемпковскій, что ни подъ какимъ предлогомъ, не должно повторять крещенія. Св. Епифаній свидѣтельствуетъ, что ученіе Маркіона о перекрещиваніи было отвергнуто св. отцами, какъ еретическое и гибельное заблужденіе. По словамъ Евсевія, римскіе папы, Корнилій и Стефанъ, вмѣстѣ съ другими западными и восточными епископами на вопросъ: слѣдуетъ-ли вторично крестить еретиковъ? возникшій въ окрестностяхъ Африки, отвѣчали отрицательно. Второй вселенскій соборъ призналъ *„едино крещеніе* во оставленіе грѣховъ“. Св. Августинъ, по словамъ котораго ученіе о неповторяемости крещенія основано на *апостольскомъ* преданіи, различаетъ крещеніе по праву власти и крещеніе по праву служенія. Крещеніе получаетъ свою силу и значеніе отъ

достоинства лица, давшаго власть преподавать его, а не отъ достоинства посредника, который своимъ служеніемъ совершаетъ его. Даръ Христовъ не можетъ сдѣлаться нечистымъ или потерпѣть вредъ отъ недостоинства служителя. Крещеніе, преподававшееся Іудою Искаріотскимъ, какъ и крещеніе другихъ апостоловъ, было крещеніемъ *Христовымъ* и потому не повторялось; между тѣмъ крещенныхъ Іоанномъ Крестителемъ крестили вновь. Не Іуда Искаріотъ предпочитался святому Іоанну, но крещеніе Христово, преподанное рукою Іуды,—крещенію Іоаннову.

Въ крещеніи, согласно съ ученіемъ св. отцовъ и соборовъ, мы различаемъ: *вещество* таинства, которымъ служитъ простая, чуждая всякой примѣси вода, *слова*, произносимыя при крещеніи и составляющія формулу таинства, *служителя*, которымъ долженъ быть священникъ и только въ случаѣ сильной нужды мірянинъ и даже еретикъ, и, наконецъ, *дѣйствіе* таинства, которое состоитъ въ уничтоженіи вмѣняемости первороднаго грѣха, въ очищеніи отъ грѣховъ дѣятельныхъ, въ освобожденіи отъ наказанія за тотъ и другіе и въ сообщеніи крещаемому благодатныхъ даровъ. Но такъ-какъ датскій принцъ уже принялъ крещеніе *во имя Отца и Сына и св. Духа* и вѣруетъ согласно съ символами: апостольскимъ, вселенскихъ соборовъ и св. Аоанасія, то нельзя требовать отъ него повторенія крещенія. Вы представляете, что принцъ былъ крещенъ не правильно, чрезъ обливаніе; но изъ свящ. Писанія нельзя доказать необходимости троекратнаго погруженія. Слово baptisma означаетъ не одно погруженіе, но и произвольное самоумерщленіе (1 Кор. XV, 29), сошествіе св. Духа (Дѣян. 1, 5), наконецъ, омовеніе или баню (Еф. V, 25—26; Тит. III, 4—5). Не смотря на то, что необходимость троекратнаго погруженія не можетъ быть выведена и доказана изъ Евангелія, мы не осуждаемъ вашего крещенія, признаемъ его не имѣющимъ нужды въ повтореніи. Такъ и вы, достопочтенный патріархъ, благоволите признавать дѣйствительнымъ наше крещеніе чрезъ окропленіе или обливаніе водою. Восточная церковь любитъ, чтитъ и уважаетъ св. отцовъ западной церкви и имѣетъ въ своихъ календаряхъ

папу Климента, Сильвестра, Ипполита мученика, Льва, Григорія Великаго и многихъ другихъ, крещенныхъ тѣмъ самымъ способомъ, который доселѣ употребляется въ Римской церкви.

Написавши это немногое къ вашему достопочтеннѣйшему патріаршеству, заканчиваетъ Стемпковскій свою апологію, я какъ-бы вторгнулся съ серпомъ въ чужую жатву, такъ-какъ на моей обязанности лежитъ собственно изслѣдованіе отеческихъ законовъ и правъ народныхъ, а не испытаніе божественныхъ таинъ. Пусть припишутъ это моей ревности къ истинѣ вѣры Римской церкви, которую, какъ домъ Божій, невѣсту Христову, столпъ и утвержденіе истины, да возлюбитъ отъ глубины сердца ваше патріаршество! Кто не будетъ въ этомъ ковчегѣ, тотъ погибнетъ при наступленіи потопа; кто не вкуситъ пасхальнаго агнца внутри этого дома, тотъ останется не посвященнымъ; кто не собираетъ вмѣстѣ со Христомъ, тотъ расточаетъ, кто не будетъ со Христомъ и Его преемниками, тотъ—антихристовъ".

Въ „Извѣстіи о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара" сохранилось указаніе на то, что бумага, поданная пасторомъ 4 іюля чрезъ дьяка Львова царю, отправлена была на другой день диспута польскому послу, на латинскомъ языкѣ, и что послѣдній, при свиданіи съ Русскими, 6 іюля *воспользовался ею для защиты лютеранскаго крещенія* [15]). Можно догадываться, что въ приведенныхъ словахъ Датчанина рѣчь идетъ объ *Апологіи* польскаго легата и литературной зависимости ея отъ послѣдняго по времени написанія трактата Фельгабера. Покрайней мѣрѣ разборъ апологіи и сравненіе ея съ упомянутымъ сочиненіемъ пастора не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что между тѣмъ и другимъ апологетико-полемическимъ произведеніемъ много сходнаго, по мѣстамъ даже тождественнаго. Почти всѣ доводы, приведенные Стемпковскимъ въ пользу дѣйствительности и неповторяемости обливательнаго крещенія, одни буквально, другіе въ передѣлкѣ, взяты имъ изъ тетради Фельгабера. Ясное дѣло, что авторъ апологіи не только знакомъ былъ съ содержаніемъ послѣдней, но имѣлъ ее подъ руками. Слѣдуетъ впрочемъ замѣ-

15) Русск. перев. Извѣстія стр. 60.

тить, что въ защитительномъ трактатѣ польскаго легата мы находимъ не одни заимствованія, но и самостоятельныя мѣста. Къ числу послѣднихъ относятся замѣчательныя своимъ дѣланнымъ краснорѣчіемъ вступленіе въ апологію и заключеніе къ ней, равно какъ разсужденія Стемпковскаго о существенныхъ сторонахъ таинства крещенія и объ условіяхъ дѣйственности его, словомъ, все то, что мы изложили выше. Говоря о сущности крещенія, утверждая, что цѣлость и совершенство таинства не нарушается недостоинствомъ служителя, авторъ апологіи высказываетъ совершенно правильный взглядъ на дѣло и оставляетъ позади себя пастора Фельгабера. Сужденія его въ этомъ случаѣ отличаются ясностію и раздѣльностію; апологію легата къ патр. Іосифу можно было бы признать послѣднимъ словомъ нашихъ противниковъ по вопросу о крещеніи, если бы авторъ ея всецѣло раздѣлялъ взглядъ Датчанъ, въ частности Фельгабера на крещеніе, а не проводилъ своего особаго, въ сущности православнаго. Но ничѣмъ такъ не обращаетъ на себя вниманіе апологія Стемпковскаго, какъ своимъ смѣлымъ тономъ. Нимало не стѣсняясь, онъ укоряетъ патріарха въ вѣроломномъ и жестокомъ обращеніи съ Вальдемаромъ, просвѣщаетъ его на счетъ значенія религіозной свободы въ жизни народовъ и какъ бы грозитъ нашему первосвятителю наказаніемъ за нарушеніе имъ мірскихъ договоровъ, церковныхъ каноновъ и святоотеческихъ установленій. Трудно сказать: что вызвало стараго посла на такой рѣзкій и во всякомъ разѣ оскорбительный для патр. Іосифа поступокъ? какую цѣль преслѣдовалъ онъ, посылая апологію, день спустя послѣ подачи мирныхъ по характеру статей дьяку Львову? Очень можетъ быть, что объясненіе для всего этого кроется въ какомъ-либо случайномъ обстоятельствѣ, происшедшемъ послѣ диспута 4 іюля. Намъ кажется, что посолъ, послѣ полугодичнаго, безполезнаго для своего дѣла пребыванія на Москвѣ и въ виду далеко небезупречнаго своего поведенія въ отношеніи къ королевичу, долженъ былъ чувствовать себя не хорошо, не спокойно. Малѣйшая неуступчивость и вообще непріятность со стороны Русскихъ могла раздражить его, вывести изъ терпѣнія и изъ угодливаго слуги москов-

скаго государя сдѣлать поборника интересовъ католической вѣры и датскаго принца. Послѣдній споръ нашихъ богослововъ съ Фельгаберомъ долженъ былъ окончательно убѣдить Стемпковскаго въ томъ, что соглашенія между Датчанами и Русскими не можетъ быть, что послѣднимъ не склонить на свою сторону лютеранскаго пастора и его духовнаго сына. Тогда посолъ, самъ обливанецъ, рѣшается заставить патріарха, котораго считалъ виновникомъ несчастія Вольдемара, признать дѣйствительность и неповторяемость обливательнаго крещенія. При помощи тетради Фельгабера онъ спѣшно, какъ бы въ дополненіе къ своимъ статьямъ, пишетъ апологію, въ которой является преданнымъ сыномъ римской церкви и жаркимъ защитникомъ злополучнаго жениха. Чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, дипломатичный полякъ намѣренно умалчиваетъ о томъ: кѣмъ крещенъ королевичъ и какъ онъ вѣруетъ въ исхожденіе св. Духа? Защита легата, какъ увидимъ ниже, не только не нашла сочувствія въ нашемъ патріархѣ, но даже не удостоена была отвѣта съ его стороны.

Получивши письмо Фельгабера и пять статей Стемпковскаго, ц. Михаилъ рѣшилъ дать отвѣтъ на нихъ не письменно, какъ желалъ того пасторъ, а устно, въ присутствіи самого Вальдемара. Царь, намѣренъ былъ устроить новую бесѣду Русскихъ съ Датчанами. Съ своими совѣтниками онъ прекрасно зналъ, что сдѣлать это возможно не иначе, какъ изучивши и разобравши напередъ новый трактатъ пастора и пять статей легата. По указу государя, извѣстная намъ ученая коммисія возобновила свои занятія. Съ 6 іюля строитель Исаакій, протопопъ Михаилъ и ключарь Иванъ снова „сидѣли въ посольскомъ приказѣ за *отвѣтнымъ письмомъ противъ письма* датскаго королевича Вольдемара Христьянусовича *попа Матвѣя*“; съ ними же были книжнаго печатнаго дѣла справщики: Шестакъ Мартемьяновъ и Захарій Аоанасьевъ (Датск. дѣла 1645 г. № 2). Это „отвѣтное письмо“ на тетрадь Фельгабера сохранилось до насъ во многихъ спискахъ [16]) и весьма напоминаетъ собою тѣ пись-

[16]) Намъ извѣстны: Московск. синод. №№ (по прежн. кат.) 857 (лл. 470—553) и 893 (лл. 1—87); Казанск. дух. Акад. № 604 (лл. 134—199); С.-Петерб.

менные наказы, безъ которыхъ наше правительство не отпускало въ то время ни одного своего посла къ иностраннымъ государямъ, не назначало ни одного пристава къ знатнымъ чужеземцамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву.

„1645 года іюля въ 4-й день[17]) государь Михаилъ Ѳеодоровичъ указалъ говорить при датскомъ королевичѣ Вальдемарѣ съ попомъ его Матѳеемъ противъ рѣчей, каковы рѣчи онъ Матвѣй, прислалъ въ посольскій приказъ на письмѣ о вѣрѣ, черниговскому протопопу Михаилу, соборному ключарю Ивану Насѣдкѣ да Костромской Геннадіевой пустыни строителю Исакію съ товарищами..., *а о каковыхъ статьяхъ говорить, и о томъ писано въ сей книгѣ по статьямъ*“. Изъ приведенныхъ словъ, составляющихъ начало „Отвѣтовъ на письмо нѣмчина Матѳея обличительно“, какъ

дух. Акад. № 30 (*лл.* 156—250), Архангельск. д. Сем. № 463 и № 580 (см. Описи рукопп. собраній А. Е. Викторова, стрр. 24, 47 и 56), Царск. № 398 л. 382, Общ. Истор. и др. № 13 (лл. 46—113), Румянц. муз. № 1327 изъ собран. Ундольск. (лл. 90—160) и Е..В. Барсова № 19. Списки не одинаковы; позднѣйшіе, напримѣръ: Общ. истор. № 13, Арх. д. Сем. № 580, Румянц. № 1327, почти тожественные между собою (Рукоп. № 13 л. 82 ср. № 1327 л. 128 об.), значительно отличаются отъ болѣе древнихъ, каковы: Петерб. № 30 Казанск. № 604 и Арханг. № 463. Въ первыхъ трехъ, посравненію съ послѣдними, до девяти пропусковъ, не только нарушающихъ смыслъ рѣчи, но даже измѣняющихъ характеръ самаго памятника, а въ концѣ, въ разборѣ 3-го положенія пастора, два существенныхъ дополненія. Списки: Петерб., Казанск. и Арханг., одинаковые между собою, всего ближе подходятъ къ Синод. № 893. Отличіе состоитъ въ томъ, что въ первыхъ трехъ, среди отвѣтовъ на тетрадь Фельгабера, помѣщено „Обличеніе на письмо литовскаго посла“ (№ 604 лл. 187 об.—193, № 30 лл. 233—243); въ синод. спискѣ № 893 разборъ вопросовъ легата, какъ и во всѣхъ остальныхъ,—слѣдуетъ за отвѣтами на письмо пастора. Объ отличіи синод. списка № 893 отъ синодальнаго же № 857 см. въ Описаніи А. В. Горскаго II. 3, стр. 379. Кромѣ отмѣченныхъ разностей наблюдается не мало другихъ, менѣе важныхъ, напримѣръ, въ однихъ спискахъ, въ текстѣ и на поляхъ, находятся различныя замѣчанія, въ другихъ ихъ совсѣмъ нѣтъ.

17) Эти начальныяслова Отвѣтнаго письма натетрадь пастора, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ спискахъ болѣе древнихъ (Петерб. № 30 л. 156, Казанск. № 604 л. 134), и послужили, намъ кажется, основаніемъ для описателей рукописей (Описан. Горск. и Невостр. II. 3 стр. 379 см. Описан. рукопп. Соловецк. м-ря ч. I. стр. 532 и др.) и изслѣдователей (Пр Макар. И.Ц.Р.XI, стр. 109, г. Цвѣтаевъ, Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 657) считать данный документъ за *журналъ вторичнаго іюльскаго пренія 1645 г.* съ Матвѣемъ Фельгаберомъ.

названъ русскій разборъ послѣдняго трактата Фельгабера въ одной изъ рукописей, [18]) нельзя не видѣть, что разсматриваемый памятникъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ инструкцію, которою хотѣли снабдить нашихъ богослововъ на предполагавшемся устномъ преніи. Содержаніе „Отвѣтнаго письма или отвѣтовъ“ на тетрадь пастора, какъ нельзя болѣе, убѣждаетъ насъ въ томъ. Наши богословы въ своихъ *Отвѣтахъ* выписываютъ изъ тетради оказанія пастора въ защиту лютеранскаго крещенія и потомъ разбираютъ ихъ. Въ этомъ разборѣ приходится встрѣчать такія выраженія:... „И тому указъ у насъ выше писанъ, во второмъ указаніи; 4-й указъ въ прежнемъ дѣлѣ описанъ; а о 12-мъ указаніи въ прежнемъ дѣлѣ отвѣтъ есть.“ [19]) Замѣчанія подобнаго рода могли имѣть значеніе лишь для русскихъ богослововъ, готовившихся къ новой бесѣдѣ съ датчанами, и были вполнѣ умѣстны въ конспектѣ для предположеннаго спора.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе содержанія разбора тетради Фельгабера, [20]) сдѣланнаго Роговымъ, Насѣдкой и

---

18) Рукоп. Моск. Синод. библ № 857. л. 1 об.

19) Въ спискахъ Общ. истор. № 13 и Румянц. муз. № 1327 приведенныя выраженія, какъ неумѣстныя на взглядъ русскихъ книжниковъ исхода XVII и начала XVIII вв., совсѣмъ опущены.

20) Отвѣтное письмо нашихъ богослововъ на трактатъ пастора — единственный памятникъ нашей полемики, который обстоятельно изложенъ г. Никольскимъ въ его Матеріалахъ для исторіи русско-церковной полемики противъ лютеранства въ первой половинѣ XVII в. (Правосл. Собес. 1861 г., ч. II, стрр. 241—276 и 391—418). Названная статья даже для нашего времени не потеряла всего своего значенія. Ею главнымъ образомъ пользовались Преосв. Макарій (Ист. Ц. XI, стрр. 109—112) и гг. Соколовъ (Отнош. Протест. къ Россіи, стрр. 117—123) и Цвѣтаевъ (Литер. борьба съ протест., стрр. 112—120; Протест. въ Россіи, стрр. 657—667), при изложеніи іюльскаго пренія 1645 г. и характеристикѣ занимающихъ насъ споровъ. Въ статьѣ г. Никольскаго мы отмѣтимъ лишь два существенныхъ недостатка: вопервыхъ, онъ ошибочно считалъ данный памятникъ за опроверженіе отвѣтнаго письма пастора Фельгабера на 2-е посланіе патр. Іосифа къ датскому принцу (стрр. 249—250 и 406); во-вторыхъ, онъ соединилъ въ одинъ три различныхъ памятника: отвѣтное письмо на тетрадь пастора, „Обличеніе на письмо литовскаго посла“ и небольшой отрывокъ изъ списанія обличительна о. Ивана. Вторая погрѣшность объясняется тѣмъ, что въ рукописи Соловецкой (нынѣ Казанск. дух. Ак.) № 604, которою пользовался

старцемъ Исаакіемъ, приведемъ изъ него лишь то, что служитъ отвѣтомъ на доводы, основанія и примѣры пастора, представленные нами немного выше. — „О крещеніи Савла, Корнилія, темничнаго стража и 3000 человѣкъ св. Лука въ книгѣ Дѣяній кратко написалъ: „*крестися* или *крестившися*“. Скажи намъ, Матвѣй, обращаются критики къ Фельгаберу: откуда ты взялъ, что они со главы водою облиты были? Надѣемся, что ты не съумѣешь этого доказать, и съ своей стороны думаемъ, что всѣ они крестились такъ же, какъ Іоаннъ крестилъ Христа и народъ во Іорданѣ, то есть, чрезъ погруженіе.

Слова ап. Павла о „крестящихся мертвыхъ ради“ (1 Кор. XV, 29), на которыя ссылались еще послѣдователи Маркіона въ оправданіе своего обычая крестить послѣ смерти не успѣвшихъ креститься при жизни,—св Іоаннъ Златоустъ объясняетъ такимъ образомъ. „Послѣ оглашенія, мы, желающіе креститься, исповѣдуемъ свою вѣру и это исповѣданіе заканчиваемъ словами: вѣрую въ воскресеніе мертвыхъ,—и въ этой вѣрѣ крещаемся. Исповѣдавши это съ другими, мы исходимъ на источникъ священныхъ водъ. Сіе убо воспоминая, Павелъ говорилъ: если нѣтъ воскресенія, почто и крещаетесь для мертвыхъ, сирѣчь, тѣлесъ? ибо сего ради крещаешися, мертваго тѣла воскресеніе вѣруя, яко ктому не пребываетъ мертво. И ты убо словесы глаголеши мертвыхъ воскресеніе, а священникъ якоже въ нѣкоемъ образѣ, яже вѣровалъ еси и словесы исповѣдалъ еси, показуетъ тебѣ и самыми вещми... Како же и коимъ образомъ? И се есть, еже въ водѣ креститися и погружатися и потомъ возникати, и то еже во адъ снитія есть знаменіе и еже оттуду восхожденія. Тѣмъ и гробъ крещеніе Павелъ нарицаетъ, глаголя: спогребохомся ему крещеніемъ въ смерть. Отъ сего и будущее достовѣрно творитъ,

---

г. Никольскій, второй памятникъ помѣщенъ въ срединѣ перваго (лл. 187 об.—193), а третій на концѣ (лл. 201—215), и оба не имѣютъ надъ собою никакихъ надписаній. При пользованіи очеркомъ г. Никольскаго необходимо поэтому имѣть подъ руками самый памятникъ; въ противномъ случаѣ прійдется повторять его ошибки.

тѣлесъ глаголю воскресеніе; отъ еже бо тѣло воскресити много больши есть, еже грѣхи потребити".

Матвѣй утверждаетъ, что Кипріанъ и другіе древніе учители пророчество Іезекіиля (XXXVI, 25—26) толковали о крещеніи, но мы знаемъ, что въ немъ идетъ рѣчъ не объ окропленіи въ крещеніи, а объ ученіи Спасителя и апостоловъ, какъ о томъ же говоритъ Псалмопѣвецъ (LXVII, 10), и объ изліяніи св. Духа. Не въ окропленіи и не въ обливаніи воды, но въ источникахъ и рѣкахъ обѣщалъ Богъ избавленіе и спасеніе, какъ о томъ засвидѣтельствовали прорр. Исаія (49, 10), Іеремія (31, 9) и Іезекіиль (47, 1—13).

Во второмъ положеніи у васъ Матвѣй, сказано, что писаніе, соборы, древніе отцы и законы греческихъ царей запрещаютъ крестить въ другой разъ. Мы также говоримъ, что не возможно крестить вторично принявшаго крещеніе по апостольскому преданію и вселенскихъ соборовъ уложенію. Воистину такъ было, есть и буди; только вы не крещены истиннымъ крещеніемъ такъ-какъ нѣтъ у васъ ни святителя, ни священниковъ. Не отъ себя, но изъ божественныхъ книгъ скажемъ вамъ: откуда первое священство въ новой благодати и гдѣ совершенное крещеніе"? Разсказавши на основаніи апокрифовъ о рукоположеніи ап. Іакова и первыхъ 300 пресвитеровъ и 230 діаконовъ, наши богословы писали: „и съ тѣхъ поръ изъ рода въ родъ, другъ по другѣ, отъ бо́льшаго святителя поставлялись митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты и игумены, протопопы, попы, діаконы и весь причетъ церковный. При царяхъ Василіѣ и Константинѣ, чрезъ Царьградъ святительство отъ Грековъ перешло къ намъ и донынѣ крѣпко, непремѣнно и ненарушимо соблюдается на Руси со всѣми церковными чинами и уставами. А у васъ нѣтъ ни церкви, ни святителя верховнѣйшаго, ни святымъ мощамъ и иконамъ поклоненія съ крестнымъ воображеніемъ, ни кадила, ни церковнаго пѣнія, вечерни, повечерія, утрени, часовъ и св. литургіи, ни крещенія, ни освященія, ни поста, ни колѣнопреклоненія, ни всякаго чина и дѣйства церковнаго. Но когда всего этого нѣтъ, откуда же быть у васъ священна-

го чина поставленію по преданію св. апостолъ и св. отецъ? Ты, Матвѣй, писалъ намъ, что ваши іереи по Божію слову прямо уставлены и въ подкрѣпленіе себя приводилъ многія главы изъ апостола и евангелія. Но развѣ ты не видишь изъ словъ апостола, на котораго самъ сослался, что благодать подается съ возложеніемъ рукъ священства, что только она устрояетъ рукоположеннаго, да будетъ въ своемъ чинѣ и санѣ благопріятенъ и благочуденъ, угоденъ своимъ служеніемъ Богу и церкви (1 Тим. IV, 14)? Мы хорошо знаемъ, что ваши священники, какъ и ты Матвѣй, ни рукоположены, ни крещены. И какъ вамъ другихъ святить, когда вы сами ни отъ кого не освящены? Ваши церкви не святы, потому что въ нихъ нѣтъ антимисовъ съ мощами мучениковъ, которыми именно освящаются церкви во всемъ православномъ мірѣ. Въ В. Завѣтѣ алтари по закону освящались тельчею и козлію кровію, а теперь съ обычною молитвою, по соборнымъ правиламъ (2 Всел. VII), полагаются на престолахъ мощи святыхъ. На верху церквей своихъ мы ставимъ крестъ Христовъ, а не пѣтуха, какъ вы то дѣлаете, вмѣсто Христа почитая пѣтуха. Вы хотя и говорите, что вѣруете во Христа, но показываетесь вѣрными только на словахъ, а на дѣлѣ нимало не слѣдуете тому, что приняла отъ Него церковь іерусалимская, а отъ нея и всѣ прочія. По слову апостола (Іак. 2, 14—26): „вѣра добро съ дѣломъ, а дѣло съ вѣрою“. Вы все пишете въ своихъ писаніяхъ, что стоите въ вѣрѣ прямо при Божіемъ словѣ, а гдѣ у васъ прямость? Всѣ чины, уставы и обычаи церковные у васъ, какъ мы выше показали, отринуты ради слабаго и прелестнаго житія суетнаго сего свѣта. Вы сказываетесь христіанами и правыми въ вѣрѣ, а то ли ваша правость, чтосв. иконы обруговаете, въ св. посты, особенно въ великій, въ среды и пятки мясо и молоко безъ разбора ядите, и потому гдѣ быть въ васъ христіанству? Ради всего этого вашего нечистаго дѣла совершенно велятъ васъ крестить св. апостолъ правила 47 и 50 и перваго вселенскаго собора правила 8 и 19. А крестившись, вамъ слѣдуетъ показать и вѣру правую, въ соединеніи съ дѣлами, безъ которыхъ она мертва. Дѣло же

христіанское — любить Бога всею душею, церкви Божіи освящать, церковное пѣніе по уставу совершать, св. посты, среды и пятки соблюдать, почитать св. образы Христа, Богородицы и всѣхъ святыхъ и покланятьсд имъ не просто, но съ крестнымъ воображеніемъ, съ обычными поклонами или съ колѣноприклоненіемъ, смотря по днямъ".

Въ своемъ разборѣ наши богословы останавливаются на почитаніи св. иконъ и извѣстными уже намъ изъ 2-го послапія патр. Іосифа мѣстами св. Писанія устраняютъ возраженія лютеранъ противъ этого догмата и выясняютъ его смыслъ. Для насъ болѣе интересны и важны въ данномъ случаѣ разсужденія критиковъ о призываніи святыхъ въ молитвахъ.

„Святые въ молитвѣ не могутъ слышать насъ, писалъ ты, Матвѣй, и потому вы не молитесь имъ". Извѣстнымъ сномъ Іуды Маккавея (2 Мак. XV, 12—17), цѣлымъ рядомъ другихъ цитатъ изъ В. Завѣта и словами ап. Петра (1 Петр. 1, 15), въ которыхъ онъ ясно обѣщалъ творить память объ ученикахъ своихъ предъ Богомъ, по своемъ исходѣ, наши критики доказываютъ пастору, что святые могутъ слышать и молятся о насъ. „Говорилъ ты, Матвѣй, что поклоненіе прилично единому Богу, и что святымъ самимъ не любо, чтобы у Бога честь отнимали и имъ воздавали. Познай, Матвѣй, что Господь, говоря: „не дамъ славы Моея иному" (Исх, XLII, 8), разумѣлъ идоловъ, а не святыхъ своихъ, которымъ Онъ далъ славу Свою (Іоан. XVII, 22—24). Посему мы будемъ хвалить Бога, а потомъ и святыхъ Его, будемъ призывать ихъ въ молитвахъ, какъ получившихъ отъ Бога даръ исцѣленій и чудесъ. Пусть будетъ извѣстно тебѣ, что поклоненіе или хваленіе, равно также и призываніе, двояко: едино Божіе, другое же святыхъ Его. Бога мы призываемъ, хвалимъ и благодаримъ, какъ Творца и Избавителя, даровавшаго намъ вся благая и искупившаго насъ честною кровію своею. Святыхъ мы прославляемъ, согласно съ прор. Давидомъ (138, 17; 149, 9), Іисусомъ Сираховымъ (44, 45—48) и ап. Павломъ (Римл. 2, 10), какъ друзей Божіихъ и мужей славныхъ; св. угодникамъ Божіимъ мы молимся и имѣемъ въ нихъ ходатаевъ и молебниковъ о насъ къ Богу.

Въ третьемъ положеніи у васъ писано, Матвѣй, что прежде наши русскіе князья выдавали дочерей своихъ безъ всякаго перекрещиванія за вашихъ князей. Отвѣчаемъ вамъ: наши князья, когда доводилось имъ быть въ сватовствѣ съ литовскими, крѣпко держались своей вѣры и для свадебъ не перекрещивались. А кому случалось приходить къ намъ на Русь отъ римской вѣры, тѣ, зная изъ греческихъ и нѣмецкихъ книгъ о римскихъ заблужденіяхъ, самовольно отступали отъ нихъ и безъ принужденія крестились въ православіе". Примѣрами Довмонта и Андрея, сына Ольгердова, крестившихся въ православную вѣру и княжившихъ потомъ во Псковѣ, и другихъ доказываютъ наши только что высказанную ими мысль. „Царь Іоанъ Васильевичъ выдалъ дочь свою за в. кн. Александра, по просьбѣ польскаго короля, желая быть съ нимъ въ любви и совѣтѣ, выдалъ въ то время, когда въ Литвѣ было не мало еще православныхъ. Король Александръ былъ вѣры римской, а не люторской. Въ прошломъ году вы сами писали къ намъ, что вѣру свою собою учинили, а рискаго папу съ ихъ вѣрою браните. Мы вправду вѣдаемъ, что римскій папа и всѣ римляне еретики и отъ греческой вѣры отпали еще при королѣ Карлѣ, и за это отпаденіе отъ православной вѣры греческаго закона они прокляты святыми отцами и вселенскими патріархами. Послѣдуя имъ, мы не имѣемъ никакого общенія съ Римлянами и съ вами, держащимися тѣхъ же ересей. Да хотя Римляне и еретики и св. отцами прокляты, но, сравнивая ихъ ученіе съ вашею худою вертячею вѣрою, у нихъ вашего лучше. И сіе мы говоримъ не въ похвалу имъ, но хотя вашу еретическую вѣру явно обличить. Хотя ихъ ученіе еретическое, но унихъ есть поставленіе отъ папы, кардиналовъ и арцибискуповъ, а у васъ и того худаго ничего нѣтъ, ни именуется. Царь Іоаннъ Васильевичъ IV выдалъ свою племянницу за герцога Магнуса, потому, что отецъ ея былъ въ опалѣ у государя за то, что ни въ чемъ не желалъ ему добра. Царь Борисъ Оедоровичъ призвалъ князя Ягана для бракосочетанія съ своею дочерью, не договорившись съ нимъ о вѣрѣ и крещеніи. Послѣ того, какъ принцъ пріѣхалъ къ намъ, пос-

лано было во всѣ города, для договора, за митрополитами, архіепископами и епископами; но не успѣли власти собраться въ Москву, какъ онъ, Яганъ, преставился. А что писалъ Матвѣй про бракъ Волошскаго князя, то намъ нѣтъ дѣла до него: какъ хотятъ, такъ пусть и дѣлаютъ въ своихъ земляхъ".

Въ сборникахъ памятниковъ нашей полемики, вслѣдъ за „Отвѣтами" на тетрадь пастора, находится: „*Обличеніе на письмо литовскаго посла каталяра, которое подалъ, помогаючи королевичу*" [21]) или разборъ пяти вопросовъ или статей Стемиковскаго; въ нѣкоторыхъ спискахъ (Петерб. духов. Акад. № 30 лл. 233—243; Казанск. дух. Акад. № 604 огл. 187 об.—193 и Арханг. дух. Семин. № 463) послѣдній помѣщенъ, какъ мы видѣли, даже среди „Отвѣтовъ". Такое близкое сосѣдство въ рукописныхъ сборникахъ названныхъ памятниковъ не случайно и объясняется тѣмъ, что оба они написаны одновременно, одними и тѣми же лицами и составляютъ какъ бы одинъ критическій трактатъ. Вотъ почему мы считаемъ возможнымъ сначала кратко познакомиться съ содержаніемъ „Обличенія на письмо посла", а потомъ уже сдѣлать оцѣнку „Отвѣтовъ" русскихъ бого-

---

21) Моск. синод. № 893 лл. 88—101; № 857 лл. 553—560; Общ. ист. и др. № 13 лл. 114—123; Царск. № 398 лл. 436—446; Румянц. муз. № 1327 лл. 162—169; Е. В. Барсова № 19 л. 198 и слѣд. Не говоря о мелкихъ разностяхъ въ спискахъ, отмѣтимъ здѣсь болѣе важныя. Въ однихъ спискахъ (Синод. № 893, Общ. истор., Е. В. Барсова, Румянц., Царск.) за разборомъ пятой статьи легата слѣдуютъ выписки изъ извѣстнаго уже намъ катихизиса Симона Буднаго (Ср. Рукоп. Моск. дух. Ак. № 223 лл. 204. 209 об.—211. 212 об.) съ замѣчаніями противъ пастора Фельгабера. Въ остальныхъ четырехъ спискахъ этого весьма характернаго прибавленія не имѣется.—Заглавіе разбора статей Стемиковскаго въ разныхъ спискахъ различно. Въ Синод. рукоп. № 983: „А сей списокъ Поляки подали"; въ Румянц. № 1327: „О послѣ полскомъ и о вопросахъ, какъ пособствовалъ лютеромъ"; въ рукопп. Царск. и Общ. ист.: „Въ тоже время подалъ, во Отвѣтенной полатѣ, полской посолъ, кашталяръ Гаврило Стемковской, вѣрою напеженинъ, пять вопросовъ, а во всемъ пособствовалъ лютеромъ"; въ спискахъ Петерб. и Казанск. дух Акад. и Арханг. Семин. разборъ совсѣмъ не озаглавленъ. Заглавіе, выписанное нами въ текстѣ сочиненія, взято изъ рукоп. Синод. № 857 л. 1 об. ср. л. 553.

слововъ на послѣднее по времени произведеніе пастора и статьи легата.

Наши критики соглашались со Стемиковскимъ, что истинное крещеніе неповторяемо. „Ибо не возможно, по словамъ ап. Павла (Евр. VI, 4—6), однажды просвѣщенныхъ и вкусившихъ дара небеснаго... снова обновлять покаяніемъ". Но крещенныхъ еретическимъ крещеніемъ, при вступленіи ихъ въ церковь, по правиламъ св. апостолъ (46—47, 49—50) и соборовъ: перваго вселенскаго (19 пр.) и Лаодикійскаго (7—8), слѣдуетъ крестить вторично и непремѣнно чрезъ троекратное погруженіе въ водѣ. Въ евангеліи, говорятъ, Спаситель не упомянулъ о погруженіи въ крещеніи; но есть много другаго, чего въ немъ не записано (Іоанн. XXI, 47) и что предано было Христомъ устно св. апостоламъ. Устно предано, напримѣръ, церкви муропомазаніе и маслосвященіе. Крещая у васъ попы говорятъ: „азъ тебя крещаю...", но нигдѣ не написано такъ; въ евангеліи сказано: „шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа". Мартинъ Лютеръ въ катихизисѣ своемъ написалъ, что при крещеніи, которое должно совершаться по пему чрезъ погруженіе, нужно говорить: „крестится рабъ Божій" и т. д. Правила апостольскія запрещаютъ крестить не только простымъ людямъ, но и лицамъ священнымъ, если они еретики. Когда ап. Филиппъ крестилъ Самарянъ, то для низведенія на нихъ св. Духа апостолы послали Петра и Іоанна (Дѣян. VIII, 12—17). Не видите ли, что не только простой человѣкъ, но даже ап. Филиппъ не могъ низвести св. Духа? И потому не все равно,—совершатъ-ли крещеніе простые люди, или священники греческіе и римскіе, или учителя лютерскіе и кальвинскіе. Вы пишете про папу Мелхіада, но о немъ въ трехъ помѣстныхъ соборахъ и въ первомъ вселенскомъ ничего не написано; въ лѣтописныхъ книгахъ даже имени его нѣтъ, и невѣдомо: кто онъ былъ? Константинопольскій патр. Іеремія, про котораго вы писали, что онъ запретилъ крестить вторично, и у насъ на Москвѣ былъ, но о томъ ничего не говорилъ. Думаемъ, что онъ не велѣлъ перекрещивать крещенныхъ истиннымъ креще-

ніемъ, а не еретическимъ, потому что Іеремія зналъ, что *„еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе“*.

Сравнивая Отвѣтное письмо съ тетрадью Фельгабера, нельзя не видѣть, что оно, какъ критическій трактатъ, предназначенный къ тому-же служить инструкціей для нашихъ полемистовъ, не отличалось полнотой. Добрая половина тетради пастора не была разсмотрѣна православною стороною. За исключеніемъ 14 и 15-го аргументовъ и незначительной части 20-го, всѣ остальныя (16—19 и большая часть 20-го) *вновь приведенныя* Фельгабером *въ тетради* доказательства въ защиту дѣйствительности лютеранскаго крещенія, почти все второе положеніе его съ девятью основаніями оставлены были безъ опроверженія нашими русскими критиками. По крайней мѣрѣ наши богословы, не знакомые съ произведеніями отцовъ и учителей западной церкви, на которыя часто ссылался ихъ противникъ, необладавшіе основательными свѣдѣніями въ историко-канонической области и, наконецъ, не подготовленные къ отвлеченнымъ догматическимъ разсужденіямъ, не входили въ подробный разборъ каждаго основанія Фельгабера, а ограничились, какъ послѣ увидимъ, мало относившимися къ дѣлу замѣчаніями самаго общаго характера. Изъ 13-ти аргументовъ, приведенныхъ пасторомъ изъ отчета объ іюньскихъ преніяхъ 1644 г., были разобраны въ „Отвѣтномъ письмѣ“ только первые три, 8 и 13-й. О четвертомъ и 12-мъ „оказаніяхъ“ пастора критики замѣтили, что отвѣтъ на нихъ находится *„въ прежнемъ дѣлѣ“*, то есть въ Списеніи обличительномъ о. Ивана, а доказательства 5—7 и 9—11 показались нашимъ богословамъ вполнѣ сходными съ другими разсмотрѣнными и потому были совсѣмъ обойдены ими.

Анализируя содержаніе Отвѣтнаго письма старца Исаакія, Рогова и Насѣдки, мы нашли, что оно не представляетъ изъ себя оригинальнаго, вполнѣ самостоятельнаго произведенія, но стоитъ въ зависимости отъ изученныхъ отчасти нами полемическихъ памятниковъ. Разсматривая старые аргументы пастора, именно: первый, второй, третій и восьмой, разбирая вслѣдъ за этимъ возраженія противъ иконо-

почитанія и призыванія въ молитвахъ святыхъ, сдѣланныя Фельгаберомъ еще въ журналѣ іюньскихъ преній 1644 года, наша ученая коммисія пользовалась преимущественно Списаніемъ обличительнымъ, Изложеніемъ на лютеры или Кирилловой книгой и катихизисомъ Лаврентія Зизанія отчасти твореніями Златоустаго и Дамаскина [22]). Отвѣты на 13—15 доказательства Фельгабера были составлены главнымъ образомъ съ помощію бесѣдъ Іоанна Златоустаго на евангеліе отъ Іоанна и на посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ и Евреемъ [23]), слова Василія В. о крещеніи [24]) и цитатъ изъ Діонисія Ареопагита, Григорія Богослова и Дамаскина [25]). Въ разсужденіяхъ по поводу втораго положенія въ тетради пастора наши богословы слѣдовали прежде всего Епистоліи на Римляны [26]), а потомъ уже Выпискамъ изъ правилъ [27]), ими же самими сдѣланнымъ въ концѣ іюня, по приказанію государя. Опровергая третье положеніе и пять пунктовъ польскаго легата, критики имѣли подъ руками наши лѣтописи и катихизисъ Буднаго [28]). Степень литературной зависимости Отвѣтнаго письма отъ названныхъ сочиненій или характеръ отношенія нашихъ критиковъ къ источникамъ не вездѣ одинаковы. Въ однихъ случаяхъ работа русскихъ богослововъ состояла въ инаковомъ изложе-

---

22) Отвѣтное письмо по рукоп. Общ. истор. и др. № 13 лл. 47—67 ср. съ рукоп. Синод. № 857 лл. 248—402. Рукоп. Общ. ист. № 13 лл. 67 об.—77 ср. съ Излож. на лютеры, глав. 1, 19 и 8, или Кириллов. книг., глав. 10 и 22; Катихиз. Лаврентія Зизанія, по Гродненск. изд. 1787 г. лл. 175 об.—179; Рукоп. Общ. ист. № 13 л. 65 об. и др. ср. Рукоп. Казанск. Ак. № 604 лл. 152—153, 41 и др.

23) Рук. Общ. ист. № 13 лл. 84—85. 90—93.

24) Рукопп. Каз. Ак. № 604 лл. 199—201, Петерб. Ак. № 30 л. 249—250.

25) Рукоп. Общ. ист. № 13 л. 90 и 94.

26) Ibid. лл. 98—99 и 104—105 ср. А. Н. Попова Историко-литер. Обз., стрр. 204—205 и 209—210.

27) Рукоп. Общ. № 13 лл. 106 об.—108 ср. Рукопп. Моск. Син. № 857 л. 202 Казанск. Ак. № 604 л. 45.

28) Рук. № 13 лл. 111 об.—113. 121—122. 123 ср. Рукоп. Моск. Ак. № 223 лл. 204. 209—211. 212. Катихизисъ Буднаго былъ у нашихъ богослововъ какъ въ подлинникѣ, такъ и въ церковно-слав. переводѣ (Рук. Общ. ист. № 13 л. 122 об. сн. съ Катихиз. 1562 г. л. 226 об. и друг.).

ніи готоваго матеріала, въ другихъ—приходилось больше трудиться надъ содержаніемъ, чѣмъ надъ обработкой.

Первая треть отвѣтнаго письма, [29]) гдѣ разбираются аргументы пастора, перемѣщенные въ тетрадь изъ журнала іюньскихъ преній, представляетъ собою въ миніатюрѣ Списаніе обличительно съ его недостатками и достоинствами. Только предпослѣдніе въ Отвѣтномъ письмѣ выступаютъ не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ въ Списаніи Насѣдки, благодаря умѣлому изложенію и вообще обращенію составителя Отвѣтовъ съ обширнѣйшимъ и неуклюжимъ произведеніемъ ключаря. Разсужденія послѣдняго о предметахъ посторонихъ, къ доводамъ пастора не относящихся, также разнаго рода перетолкованія и крайне-натянутыя объясненія мыслей Фельгабера, мелочныя придирки къ нему, все это составитель начала Отвѣтнаго письма старался устранить изъ Списанія какъ совершенно ненужный балластъ [30]). Вслѣдствіе того опроверженія старыхъ оказаній пастора теперь вышли значительно короче, прямѣе идутъ къ дѣлу и гораздо понятнѣе для читателя, а нѣкоторыя доказательства о. Ивана даже приняли ученый характеръ. Послѣднее зависѣло отъ того, что составитель разсматриваемой части Отвѣтнаго письма приводилъ особенно важныя по вопросу о крещеніи мѣста свящ. Писанія не послявянски только, но и погречески. Что вода въ крещеніи существенно необходима, это прежде всего, по словамъ критика, видно изъ словъ Господа къ Никодиму (Іоанн. IV, V): ἐὰν μή τις γεννηθῇ ἐξ ὕδατος καὶ Πνεύματος, οὐ δύναται εἰσελθεῖν εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ Θεοῦ: что Іоаннъ Предтеча крестилъ чрезъ погруженіе, это ясно изъ греческихъ евангелій, гдѣ сказано: εν ὕδατι, гдѣ крещеніе названо словами: βαπτίζω, βάπτισμος, которыя означаютъ именно погруженіе [31]). Пользованіе

---

29) Рукоп. Общ. ист. и др. № 13 лл. 46 об.—67.

30) Возраженіе о. Ивана на 5—7 оказанія попа Матвѣя, разсужденія ключаря о смѣшеніи огня геенскаго съ огнемъ дня пятьдесятницы, объ опрѣснокахъ въ евхаристіи, объ обрядахъ таинства крещенія, объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому, и многое другое оставлены теперь.

31) Рук. Общ. ист. № 13 лл. 65 об. 59. 47. 55 и 62 об.

греческимъ текстомъ евангелій наравнѣ съ славянскимъ говоритъ за то, что лицо, составлявшее начало Отвѣтнаго письма на тетрадь пастора, имѣло свѣдѣнія въ греческомъ языкѣ и умѣло пользоваться ими. Повторяя замѣчаніе Насѣдки на 14-е оказаніе изъ Фельгаберова журнала іюнскихъ преній, оно совсѣмъ опустило невѣрное толкованіе именъ: Августинъ и Іеронимъ [32]). Разумѣется, этимъ лицомъ не могъ быть о. Иванъ, которому всего естественнѣе и удобнѣе было-бы теперь заняться сокращеніемъ своего Списанія обличительнаго. Онъ не зналъ погречески и, сокращая свой трактатъ, никоимъ образомъ не поступился-бы всѣми своими излюбленными, хотя ошибочными и странными, разсужденіями и ужъ конечно не сталъ бы явно противорѣчить себѣ. Между-тѣмъ между Списаніемъ обличительнымъ и Отвѣтнымъ письмомъ въ одномъ мѣстѣ есть крупное противорѣчіе: [33]) авторъ перваго усиленно доказываетъ, что Предтеча, крещая Христа, стоялъ на берегу; составитель втораго, на основаніи Маргарита, рѣшительно утверждаетъ, что Креститель вмѣстѣ со Христомъ сходилъ въ рѣку. Если не составителемъ, то главнымъ участникомъ въ написаніи начала Отвѣтовъ на тетрадь пастора былъ, по нашему мнѣнію, старецъ Исаакій, занимавшій теперь, по указу царя, предсѣдательское мѣсто въ ученой коммисіи. Родомъ *кіевлянинъ*, родной братъ тамошняго бурмистра, стало быть, человѣкъ небѣднаго и не незнатнаго происхожденія, строитель Исаакій, вѣроятно, получилъ болѣе или менѣе правильное образованіе, благодаря которому, безъ особеннаго труда и съ съ успѣхомъ могъ извлечь изъ Списанія обличительно всѣ существенныя возраженія ключаря противъ оказаній или аргументовъ пастора и потомъ сжато и толково изложить ихъ въ Отвѣтномъ письмѣ. Ему же, можно предполагать, принадлежитъ разборъ возраженій Фельгабера противъ иконопочитанія и призыванія въ молитвахъ святыхъ, слѣдующій въ Отвѣтномъ письмѣ непосредственно за опроверженіемъ

---

32) Ibid. л. 55 об.—56.

33) Ibidd. л. 54.

первыхъ 12-ти аргументовъ пастора. [33]) Разсуждая о св. иконахъ, молитвахъ и призываніи святыхъ, составитель имѣлъ подъ руками точно также готовый матеріалъ въ Изложеніи на лютеры, Кирилловой книгѣ и *катихизисѣ* Зизанія, но пользовался имъ разборчиво. Онъ не выписывалъ изъ названныхъ сочиненій всего, что тамъ имѣлось по занимавшему его вопросу, а заимствовалъ только основныя мысли и главныя доказательсва, не пускаясь въ подробности. Отъ себя составитель дѣлалъ лишь небольшія замѣчанія по адресу своего противника. При сравнительно небольшомъ объемѣ, эта часть отвѣтнаго письма досихъ поръ не утратила своего значенія.

Нельзя сказать тогоже про всю вторую половину Отвѣтнаго письма, гдѣ членамъ коммисіи, по ихъ собственному замѣчанію, [35]) пришлось имѣть дѣло не со старыми и ранѣе разобранными оказаніями пастора, а со вновь приведенными послѣднимъ аргументами основаніями, и примѣрами въ защиту дѣйствительности и неповторяемости лютеранскаго крещенія. Нужно впрочемъ замѣтить, что и въ этомъ отдѣлѣ разсматриваемаго произведенія не всѣ опроверженія русскихъ богослововъ слабы, но нѣкоторыя заслуживаютъ

---

34) *Ibidd. лл.* 67 *об.*—77. Могутъ спросить здѣсь: что побудило нашихъ богослововъ защищать догматъ иконопочитанія и призываніе въ молитвахъ святыхъ въ Отвѣтномъ письмѣ на *тетрадь* пастора, когда въ послѣдней не было и помину *объ этомъ предметѣ*? Намъ кажется, что русскіе просто-на-просто пользовались случаемъ, чтобы заплатить давнишній долгъ Датчанамъ. Послѣдній состоялъ въ томъ, что вторая половина отчета пастора объ іюньскомъ диспутѣ 1644 г., *обойденная почему-то о. Иваномъ* въ Списаніи обличительномъ, до сихъ поръ оставалась безъ разбора и отвѣта съ нашей стороны. Фельгаберъ своею дестевою тетрадью, начало которой было дословнымъ повтореніемъ первой половины іюньскаго журнала, невольно напоминалъ теперь объ этомъ. Не желая оставаться *въ долгу*, наши полемисты кстати разсматриваютъ теперь конецъ іюньскаго отчета. Могло имѣть при этомъ значеніе и слѣдующее обстоятельство. Старецъ Исаакій, составлявшій отвѣты на первые 12-ть аргументовъ *тетради* пастора, не имѣлъ *ея подъ руками: передъ глазами у него былъ журналъ прошлогоднихъ преній*. Послѣднее внѣ всякаго сомнѣнія: Исаакій приводитъ оказанія пастора въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали въ журналѣ іюньскаго диспута, а не въ тетради. Рукоп. *Общ. ист. и древн.* № 13 *лл.* 55 *об.*—56 *ср.* 88; *см.* Рукоп. Казанск. дух. Ак. № 604 *л.* 117.

35) Рук. Общ. ист. № 13 л. 81 об.—82 см. Опис. рукопп. Моск. Синод. библ. А. В. Горскаго[II, 3, 379.

вниманія. Въ объясненіи мѣстъ свящ. Писанія, [7]) на которыя сослался Фельгаберъ, наши критики старались слѣдовать святоотеческимъ толкованіямъ и буквальному смыслу книги Дѣяній и посланій апостольскихъ. Хотя имъ не удалось совершенно избѣжать искусственности и натяжекъ въ экзегесѣ, [38]) тѣмъ не менѣе разборъ 13—15 аргументовъ, сдѣланный ими, нельзя признать вполнѣ несостоятельнымъ. Равнымъ образомъ отвѣты, данные нашими на третье положеніе въ тетради пастора и пять вопросовъ польскаго легата, содержатъ въ себѣ нѣсколько вѣрныхъ исторически и догматически мыслей и своимъ отчетливымъ изложеніемъ много напоминаютъ начало Отвѣтнаго письма. Говоря, что вторая половина послѣдняго не имѣетъ для нашего времени особеннаго значенія, мы имѣемъ въ виду собственно отвѣтъ нашихъ полемистовъ на второе положеніе въ тетради пастора.

Русскимъ богословамъ нужно было доказать Датчанамъ необходимость повторенія обливательнаго крещенія и тѣмъ самымъ оправдать постановленіе московскаго собора 1620 г. Сдѣлать это возможно было не иначе, какъ показавши Фельгаберу ошибочность его основнаго взгляда на обливательное крещеніе и несостоятельность тѣхъ девяти основаній, которыя онъ привелъ въ подтвержденіе его неповторяемости. Но это была такая трудная задача, на рѣшеніи которой поткнулся бы любой современный богословъ, такъ какъ и взглядъ пастора на обливаніе былъ правиленъ, да и основанія, указанныя для его неповторяемости, были неопровержимы. Сослаться на опредѣленіе патр. Филарета Никитича, которымъ сами руководились въ преніяхъ съ Датчанами, члены коммисіи не могли по той простой причинѣ, что постановленіе столь недавняго собора изъ однихъ и при томъ немногихъ русскихъ архіереевъ не имѣло обязательности, а тѣмъ болѣе каноническаго авторитета въ глазахъ лютеранъ. Нашимъ критикамъ оставалось такимъ образомъ или пройти молчаніемъ все второе положеніе пастора или же представить въ пользу своего мнѣнія основанія въ родѣ

[38]) Рук. Общ. истор. № 13 лл. 82—95.
[37]) Ibid. лл. 86 об.—87 и 94 об.—95.

тѣхъ, на которыхъ московскій соборъ 1620 г. постановилъ перекрещивать всѣхъ обливанцевъ. Русскіе богословы избрали послѣднее, предпочли лучше говорить что-нибудь, чѣмъ совершенно молчать. „Многая ваша свидѣтельства оставивше, вкратцѣ объявимъ вамъ истину“,—замѣчаютъ они пастору въ началѣ своихъ разсужденій по поводу втораго положенія и далѣе доказываютъ, что у лютеранъ нѣтъ и не можетъ быть истиннаго крещенія, потому что нѣтъ у нихъ священства и всѣхъ прочихъ таинствъ, церкви ихнія не освящены, всѣ богослужебныя формы, церковная обрядность, вся наружная набожность отвергнуты, у нихъ нѣтъ христіанства: они еретики, которыхъ правила апостольскія и соборныя велятъ крестить снова совершеннымъ крещеніемъ въ три погруженія, такъ-какъ первое крещеніе было ихъ осквернѣніемъ. Всѣ эти разсужденія нашихъ богослововъ не представляли въ себѣ ничего новаго. Критикуя катихизисъ Симона Буднаго, о. Иванъ, который, думаемъ, былъ составителемъ разсматриваемаго отдѣла Отвѣтнаго письма (Рук. Общ. ист. № 13 лл. 82—108) [38]), высказалъ тѣже самыя мысли и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Мелетій Сиригъ въ письмѣ къ царю, а затѣмъ и наши богословы въ своихъ *выпискахъ изъ правилъ*, въ доказательство перекрещиванія лютеранъ, указали почти всѣ тѣ причины, которыя приве-

---

38) Предполагаемъ это, во-первыхъ, на основаніи сходства въ содержаніи, языкѣ и полемическихъ пріемахъ разбираемой части Отвѣтнаго письма съ произведеніями Насѣдки; во-вторыхъ — на основаніи одного замѣчанія въ концѣ разбора 13-го аргумента пастора. Приведши слово Василія В. о крещеніи, въ доказательство троекратнаго погруженія, составитель говоритъ: „А сіе выписано изъ минеи-четьи *пречистыя Богородицы, изъ собора, что на Москвѣ*, изъ мѣсяца августа, а написано сіе слово послѣ книги Козмы Индикоплова“ (Рук. Петерб. дух. Ак. № 30 л. 250). Всего естественнѣе и удобнѣе было сдѣлать означенную выписку изъ великихъ Макарьевскихъ четьихъ-миней о. Ивану. Какъ ключарь большаго Успенскаго собора, онъ завѣдывалъ „книгохранительницей великія первыя церкве“, зналъ ее хорошо и, какъ человѣкъ книжный и любознательный, пользовался своею библіотекой. Составляя Списаніе обличительно и потомъ дополнительныя статьи къ житію препод. Діонисія, онъ ссылается на евангеліе, евангельскія и апостольскія бесѣды Успенскаго собора. Рук. Синод. библ. № 857 л. 381; Житіе преп. Діонисія, изд. 1834 стр. 120 (по рук. Сергіевой лавры № 700 л. 118).

дены были теперь въ отвѣтномъ письмѣ. Повторяя старое на новые лады, наши богословы, очевидно, не въ силахъ были, вслѣдъ за Фельгаберомъ, идти впередъ въ раскрытіи и обоснованіи занимавшаго ихъ вопроса; утомленная продолжительной и непосильной работой богословствующая мысль отказывалась защищать неправильный взглядъ на совершаемое у лютеранъ и лютеранами крещеніе. Каждая новая попытка, новое усиліе съ нашей стороны оправдать во чтобы то ни стало себя, неминуемо вели къ новымъ заблужденіямъ, заставляли преувеличивать дѣйствительныя погрѣшности и вины лютеранъ, отыскивать и видѣть въ протестантствѣ то, чего въ немъ не было.

Не смотря на недостатки въ критическомъ отношеніи, Отвѣтное письмо нашихъ богослововъ на послѣдній трактатъ пастора весьма важно. Въ немъ православная сторона, усердно готовившаяся къ послѣдней борьбѣ съ Датчанами, старалась сгруппировать по возможности всѣ доводы за и противъ, подвести какъ бы итогъ полуторалѣтнему спору и сказать послѣднее слово о своихъ отношеніяхъ къ лютеранамъ. И нужно замѣтить, что ни въ одномъ изъ памятниковъ занимающей насъ полемики отечественные богословы не высказались такъ опредѣленно и рѣшительно о протестантствѣ, какъ въ Отвѣтномъ письмѣ, и нигдѣ столь рельефно не выступаетъ на видъ *церковнообрядовой* характеръ нашихъ преній съ Фельгаберомъ, какъ именно въ названномъ произведеніи.

Въ посланіяхъ патр. Іосифа къ Вальдемару споръ нашъ съ Датчанами обнялъ значительную часть вѣроисповѣдныхъ разностей между православіемъ и протестантствомъ. Нашими полемистами въ самомъ началѣ преній были подняты и обсуждаемы вопросы догматическіе и обрядовые. Письменно препирались не только о постахъ, почитаніи святыхъ, мощей и иконъ, о внѣшнихъ дѣйствіяхъ таинствъ: крещенія, причащенія и священства, но и по такимъ вопросамъ, какъ ученіе о свящ. Писаніи и св. преданіи, соборахъ и св. отцахъ, отношеніи Ветхаго Завѣта къ Новому и др. Но на первыхъ уже порахъ весьма замѣтно обнаружилась склонность нашихъ богослововъ говорить больше объ обрядахъ

вѣры, чѣмъ о догматахъ ея. Въ обоихъ посланіяхъ п. Іосифа не только количественный, но и качественный перевѣсъ былъ на сторонѣ разсужденій обрядовыхъ, а не догматическихъ. Наши явно уклонялись отъ бесѣдъ о возвышенныхъ истинахъ христіанской религіи; предметы догматическаго свойства они *разсматривали* съ внѣшней стороны. И чѣмъ дальше заходилъ споръ нашихъ богослововъ съ Фельгаберомъ, тѣмъ все больше и больше отступали на второй планъ догматическіе вопросы, уступая свое мѣсто культовымъ пререканіямъ. Говоря о таинствахъ, *наши* съ увлеченіемъ защищали малѣйшія обрядовыя подробности, какъ *будто бы отъ нихъ исключительно* зависѣло освященіе. Чѣмъ сильнѣе пасторъ доказывалъ равносильность обливанія съ погруженіемъ, тѣмъ ревнивѣе становились наши въ отношеніи къ послѣднему, тѣмъ жарче отстаивали они превосходство погруженія. *Послѣднее защищалось* ими не потому только, что того требовало дѣйствующее церковное право, но потому еще, что въ погруженіи наши видѣли нѣчто существенное, безъ чего, по ихъ мнѣнію, таинство крещенія было не дѣйствительно. Видимая сторона таинства *какъ бы* уравнивалась съ невидимою и существенною въ представленіи *нашихъ богослововъ*, обрядъ становился въ ихъ глазахъ столь же дорогимъ, какъ и самый догматъ. Эта сверхдолжная привязанность отечественныхъ полемистовъ къ внѣшней обрядовой формальности самымъ сильнымъ образомъ обнаружилась въ ихъ *отвѣтномъ письмѣ на послѣднюю* тетрадь пастора. Здѣсь, особенно въ срединѣ трактата, [39]) они какъбы забываютъ о главномъ существѣ христіанства и высматриваютъ крайними приверженцами наружной набожности и церковной обрядности. Въ виду того, что лютеране не почитаютъ иконъ, мощей и святыхъ, не соблюдаютъ постовъ, *на молитвѣ не ограждаютъ* себя крестнымъ знаменіемъ и не кладутъ ни поясныхъ, ни земныхъ поклоновъ, въ церквахъ не имѣютъ ни ризъ, ни кадилъ, ни антиминсовъ, на киркахъ своихъ вмѣсто креста поставляютъ пѣтуха и т. д., наши набожные *богословы отказываются* считать

[39]) Рук. Общ. ист. и др. № 13 лл. 100 - 104. 106. 77 об.—80.

ихъ христіанами. По отсутствію у лютеранъ извѣстныхъ церковно-обрядовыхъ формъ и крайней *бѣдности внѣшнихъ* дѣйствій богопочтенія наши судили о внутренней сторонѣ ихъ религіи. Оцѣнивая лютеранство главнымъ образомъ съ точки зрѣнія церковной обрядности и наружной набожности, наши не могли быть высокаго мнѣнія объ немъ, особенно по сравненію съ православіемъ. „Наша христіанская вѣра греческаго закона—истинная, православіемъ отъ всѣхъ вѣръ сіяетъ свѣтло, аки солнце подъ небесемъ, и законъ намъ, православнымъ христіанамъ, преданъ отъ самого содѣтеля нашего Бога св. Его учениками, богодухновенными св. отцами и седмію вселенскими соборами; и стоимъ въ сей православной вѣрѣ, *въ богопреданномъ законѣ твердо и непоткновенно*, по св. отецъ нашихъ ученію, и заповѣданная ими законоуставная положенія соблюдаемъ. А люторская вѣра — новозаконеніе христіанохульника Лютора Мартина еретика, что̀ онъ по своей самохотной прелести узаконилъ, чего ему отъ Бога, учениковъ Его апостоловъ, св. отецъ *и вселенскихъ соборовъ не предано*, и отъ православной вѣры та люторская — отметна и ни въ чемъ не пріятна“. Она хуже римской вѣры и „сквернавѣе“ всѣхъ ересей. Послѣдователи Лютерова ученія „чужи и пусты всякаго чина и дѣйства церковнаго и только на словахъ сказываются вѣрными, а на дѣлѣ до того ослѣплены безвѣріемъ, что едвали и возстаніе имъ будетъ“. [41])

И такой низкій взглядъ на лютеранство члены коммисіи высказали не въ пылу увлеченія, безъ всякаго гнѣва и хладнокровно. О характерѣ изложенія Отвѣтнаго письма, слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что онъ не отличается ровностію. Въ *общемъ можно сказать, что письмо написано спокойнымъ* тономъ. Наши богословы, проникнутые чувствомъ своей правоты, не выходятъ изъ себя даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ не подъ силу *отвѣчать на доводы и возраженія* сильнаго по своему образованію и діалектикѣ противника. Сдержанно они вели себя и тогда, когда приходилось выслушивать отъ пастора горькія истины и правди-

---

40) Рукоп. Общ. ист. № 13 лл. 46. 110 об. 100 об. 79 об. и др.

вые упреки. „А что ты, Матвѣй, писалъ (въ журналѣ іюньскихъ преній), что попы у насъ безчинны и пьяны, и не видали-де вы нигдѣ такихъ бѣшеныхъ, и то вѣдомое дѣло, безчинно то и есть. Вѣжды же и се: божественное писаніе во многихъ мѣстахъ воспоминаетъ о томъ, что Духъ Св. дѣйствуетъ какъ достойными іереями, такъ и недостойными; только послѣднихъ гнѣвъ Божій ожидаетъ въ день суда. Ты не хочешь, Матвѣй, знать, что писалъ ап. Павелъ Тимоѳею: „на попа хулы не принимай и несуди его“ (V,15), или что нѣкогда сказалъ Христосъ: „лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ твоего глаза...“ И ты, Матвѣй, не будь судія помышленіямъ человѣческимъ: Богъ имъ судія. Но если и грѣшны наши священники, отъ Бога они не отлучаются и закона Его не отвращаются, а за согрѣшеніе свое во время слезы и исповѣданіе Богу приносятъ. Во священство они рукоположены истиннымъ поставленіемъ отъ большихъ святителей; отъ нихъ же за безчиніе свое и казни пріемлютъ, дондеже исправятся“. [41]).

Въ одномъ только случаѣ самообладаніе покинуло нашихъ критиковъ, когда имъ нужно было сдѣлать отзывъ о своемъ главномъ оппонентѣ—пасторѣ Фельгаберѣ. Попъ Матвѣй, по сужденію нашихъ богослововъ, „не послушникъ евангелію, христоратникъ и святохульникъ, собирающій себѣ гнѣвъ Божій въ день страшнаго пришествія Его“. Не удивительно, что при такомъ взглядѣ на своего противника наши не стѣсняются въ выборѣ выраженій по отношенію къ нему. „Всѣмъ православнымъ извѣстно, что явная блядь ересь люторская; но законоучитель ихъ, Мартинъ Люторъ, правильно написалъ въ своей книгѣ о погруженіи въ крещеніи. Матюша же попъ, еретикъ, сынъ самого сатаны, ратуется о погруженіи не только со св. апостолами и от-

---

41) Подробная, но, добавимъ, не совсѣмъ вѣрная характеристика разсматриваемаго произведенія представлена г. Никольскимъ (Прав. соб. 1861 г. ч. 2, стрр. 410—418). Невѣрность зависѣла главнымъ образомъ отъ того, что подъ руками автора былъ неполный, безъ конца, списокъ отвѣтнаго письма нашихъ богослововъ на тетрадь пастора и пять вопросовъ Стемпковскаго, а потомъ онъ не принялъ во вниманіе двухъ-трехъ фразъ, бранныхъ и о скорбительныхъ для пастора.

цами, но и учителя своего Мартина не слушаетъ и ложнымъ его ученіе признаетъ. Сатана, какъбы сказать, сатану охуждаетъ, а оба законопреступники и враги креста Христова, вѣдомые во всѣхъ концахъ вселенной. Лютеръ римскую церковь укарялъ и всячески охуждалъ, а попъ Матвѣй папу антихристомъ назвалъ и проклялъ. Прилично здѣсь помянуть слова Григорія Богослова: адъ и смерть единъ діаволъ; и сіе Богословъ въ троицу полагаетъ трехъ ради именъ счисленія. Мысль моя понуждаетъ нынѣ положить здѣсь второе счисленіе: римскій папа, Мартинъ Люторъ и Матюша попъ — се есть явно бѣсовская тричисленица; аще и другъ друга попосятъ, но вси въ пагубу совходятъ“ [42]).

Чтобы объяснить столь сильную неровность въ изложеніи отвѣтнаго письма и понять: откуда такая желчь въ заключительныхъ строкахъ его, нужно представить себѣ всѣ тѣ хлопоты и непріятности, которыя пасторъ причинилъ нашимъ богословамъ, въ частности о. Ивану. Предложивши королевичу побесѣдовать отъ книгъ съ духовными людьми, царь съ патріархомъ не предполагали встрѣтить съ его стороны сильнаго отпора и ужъ конечно не думали о томъ, что возникнутъ столь упорныя и продолжительныя пренія. Но послѣ того, какъ возникъ жаркій религіозный споръ, наши попытались отыскать его главнаго виновника. Такимъ виновникомъ оказался придворный проповѣдникъ Вальдемара, попъ Матвѣй, успѣшно диспутировавшій съ православными богословами и тѣмъ самымъ еще болѣе укрѣплявшій своего духовнаго сына въ мысли не креститься. Съ самаго начала преній должно было зародиться въ душахъ всѣхъ и особенно нашихъ полемистовъ нелюбье къ пастору. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разгорался споръ, усиливалось напряженіе нашихъ богослововъ въ области богословствованія, а съ нимъ одновременно росло и чувство нерасположенія въ нихъ къ дворовому попу. Наши приступами къ преніямъ съ мыслію склонить пастора на свою сторону, заставить его признать

---

42) Рукоп. Общ. ист. № 13 лл. 80 об.—81, 77. 122—123; Рукоп. Каз. Ак. № 604 л. 159 об.

законность только погруженія въ крещеніи, но вмѣсто того на первыхъ же порахъ имъ пришлось убѣдиться въ тщетности своихъ надеждъ, а главное въ трудности бороться съ Фельгаберомъ. Послѣдній заставилъ ихъ усиленно работать лишь только для того, чтобы защитить православіе. Большая часть этой работы, этого непосильнаго труда тяжелымъ гнетомъ легла на плечи стараго ключаря. Никому изъ нашихъ полемистовъ не довелось такъ много трудиться въ спорѣ съ пасторомъ, какъ Насѣдкѣ, и никому не пришлось вынести такъ много насмѣшекъ послѣдняго, какъ ему же. Не мудрено послѣ этого, что о. Иванъ въ концѣ отвѣтнаго письма не церемонился съ своимъ обидчикомъ и произнесъ надъ нимъ суровый приговоръ [43]). Много конечно значило при этомъ и время, въ которое писалъ Насѣдка заключеніе къ отвѣтному письму. Большая часть отвѣтовъ на тетрадь пастора и пять вопросовъ Стемпковскаго была составлена, полагаемъ, еще при жизни царя Михаила Ѳеодоро-

43) Конецъ Отвѣтовъ на тетрадь пастора и пять статей Стемпковскаго составляютъ выписки изъ катихизиса Буднаго, именно изъ „тайны крещенія“, сопровождаемыя укорительными замѣчаніями противъ Фельгабера. Ихъ сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, Насѣдка. Критикуя названный катихизисъ, послѣдній, какъ мы замѣтили въ 3-й главѣ своего изслѣдованія, обратилъ особенное вниманіе на то мѣсто его, гдѣ говорится о погруженіи въ крещеніи. Теперь слишкомъ черезъ двадцать лѣтъ, о. Иванъ вспомнилъ это мѣсто изъ катихизиса и воспользовался имъ въ качествѣ сильнаго аргумента противъ пастора. Характеръ замѣчаній, сопровождающихъ выписки, вполнѣ подтверждаетъ высказанное. Они написаны грубымъ мужицкимъ языкомъ и содержатъ въ себѣ почти тѣже бранныя слова и жестокія, оскорбительныя фразы, что и въ 35-главомъ сочиненіи Насѣдки противъ Антонія Подольскаго или въ *Свиткѣ укоризненомъ* Кириллу Транквилліону-Ставровецкому (Рукоп. Общ. истор. № 13 л. 122—123 ср. рук. Сергіевой лавры № 700 лл. 213 об.-221 и др.; Рукоп. сборн. Моск. Синод. библ. № 294 лл. 13 об.-14, 30 об. 29 об. 33 об. 27 и многіе др.; см. также нашу статью „Судьба евангелія учительнаго Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго“ въ Чтен. Общ. любит. дух. просвѣщ. 1890 г. апрѣль стра. 546—548). Въ нѣкоторыхъ спискахъ Отвѣтнаго письма (С.-Петерб. дух. Ак., Московск. Синод. № 857 и др.), на поляхъ и въ текстѣ, встрѣчаются замѣчанія, частію критическія, частію пояснительныя, служащія какъбы заглавіемъ къ тексту, находящемуся противъ нихъ. Своимъ содержаніемъ и характеромъ они много напоминаютъ тѣ помѣтки, которыя любилъ дѣлать о. Иванъ. Очень можетъ быть, что послѣднему и принадлежатъ эти замѣчанія.

вича, когда говорить о Датчанахъ и обо всемъ, что относилось къ дѣлу королевича Вальдемара, можно было не иначе, какъ въ миролюбивомъ тонѣ и крайне осмотрительно; оканчивать же отвѣтное письмо пришлось о. Ивану въ правленіе Алексѣя Михаиловича [44]), когда свободнѣе можно было разсуждать о томъ, о чемъ ранѣе нужно было молчать.

Новому диспуту, предположенному царемъ, не суждено было состояться, и отвѣтное письмо на тетрадь пастора осталось такимъ образомъ безъ употребленія, какъ и апологія польскаго легата о неповторяемости крещенія— безъ всякаго отвѣта со стороны патр. Іосифа. Причиной тому, на нашъ взглядъ, была смерть Михаила Ѳеодоровича, положившая конецъ преніямъ о вѣрѣ нашихъ съ Датчанами.

Еще въ началѣ 1639 года царь пораженъ былъ семейнымъ горемъ: въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ лишился двухъ сыновей, царевичей Ивана и Василья Михайловичей [45]). Послѣднее время жизни Михаила Ѳеодоровича прошло въ мучительныхъ хлопотахъ объ устройствѣ судьбы своей „первороженной и вящей“ дочери. Разныя непріятности, которыя при этомъ приходилось испытывать царю, а главное неувѣренность въ счастливомъ окончаніи начатаго сватовства, дурно повліяли на нѣжно-любящаго отца. Съ конца 1644 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ по болѣзни сталъ рѣдко выходить изъ своихъ палатъ. Датскимъ посламъ и польскому легату, не разъ жаловавшимся въ началѣ 1645 г. на проволочки, пристава обыкновенно отвѣчали, что царь въ скорби, боленъ, „а какъ его величеству Богъ дастъ облегченье, то думный дьякъ станетъ ему докладывать о всѣхъ дѣлахъ, и

---

[44]) О времени написанія Отвѣтовъ мы судимъ главнымъ образомъ по времени уплаты жалованья членамъ коммисіи. Протопопа Михаила и ключаря Ивана успѣлъ пожаловать царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, приказавши имъ выдать по *охобню*. Насѣдкѣ тотчасъ же былъ данъ охобень въ 9 рубл. 30 алтынъ, съ казеннаго двора, а Рогову велѣно было сдѣлать въ туже цѣну. Старца Исаакія, быть можетъ, позднѣе другихъ окончившаго свой трудъ по составленію отвѣтнаго письма, пришлось награждать царю Алексѣю Михаиловичу. 20 іюля 1645 г. послѣдній велѣлъ выдать ему 10 рублей изъ новгородской чети (Датск. д. 1645 г. № 2).

[45]) Дворц. разр. т. 2, стлбб. 931 и 963.

царь велитъ посламъ видѣть свои очи“ [46]). Но напрасно ждали облегченія: болѣзнь постепенно усиливалась. Иностранные врачи, лѣчившіе царя, предполагали, что недугъ, постигшій его, произошелъ отъ многаго сидѣнья, холодныхъ напитковъ и „*меланхоліи*, сирѣчь кручины“. Въ ночь на 13 іюля Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался. Благословляя передъ *смертію сына на царство*, онъ *поручилъ* своего юнаго преемника боярину Б. Ив. Морозову, тринадцать лѣтъ безотлучно бывшему дядькою царевича Алексѣя Михайловича и пользовавшемуся любовію своего питомца [47]).

За смѣною правителя государства слѣдуетъ въ большинствѣ случаевъ перемѣна въ управленіи. Такъ было и теперь. многимъ дѣламъ, касавшимся внутренняго состоянія московскаго государства и международныхъ отношеній, послѣ смерти Михаила Ѳеодоровича, дано было иное направленіе; въ частности и занимающее насъ сватовство королевича Вальдемара за царевну Ирину получило совершенно другой оборотъ. „*Безъ ихъ государей* (царица Евдокія Лукьяновна скончалась 18 августа 1645 г., т. е. вскорѣ послѣ своего мужа) *не ихъ воля стала, но новая благодать возсіяла*“,— такъ объяснилъ современникъ перемѣну въ дѣлѣ Вальдемара. „Сія отрасль ихъ, благовѣрный царевичъ князь Алексѣй Михайловичъ, нареченный царемъ, *своимъ умомъ и разумомъ началъ быть*, а съ нимъ отецъ его и богомолецъ, святѣйшій Іосифъ, патр. московскій, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, князья, бояре и всѣ люди не захотѣли, чтобъ невѣрному жить съ вѣрнымъ и благочестивымъ“ [48]). Вмѣстѣ съ любовію къ дочери и приглашенному для нея жениху Михаилъ Ѳеодоровичъ унесъ съ собою въ могилу

---

[46]) Такой именно отвѣтъ данъ былъ въ концѣ генваря 1645 г. дворянамъ, пріѣхавшимъ въ Москву съ польскимъ посломъ. Дворяне жаловались приставамъ, что ихъ держатъ точно въ тюрмѣ, никуда не пускаютъ, и требовали, чтобы Гавріилу Стемпковскому какъ можно скорѣе быть на посольствѣ у царя. Туже самую просьбу заявилъ посолъ въ началѣ февраля. Польскія дѣла 1645 г. № 3, С. М. Соловьевъ, IX, 350—351.

[47]) Ibid. стрр. 351—352, Костомаровъ, отд. 2, вып. IV, стр. 58.

[48]) Повѣсть о внезапной кончинѣ ц. Михаила Ѳеодоровича, по рукоп. В. М. Ундольскаго № 1327 л. 22 об.—23 сн. рук. Е. В. Барсова № 19 л. 27 об.

и традиціонное въ домѣ великихъ князей и царей московскихъ стремленіе „не выдавать дочерей за своихъ изъ царскаго синклита, ни за ихъ синклитскихъ сыновъ, но принимать въ зяти королевичей или царевичей изъ чужихъ земель и ордъ“ [49]). Шестнадцатилѣтній царь Алексѣй Михайловичъ, разумѣется, не могъ быть продолжателемъ дѣла своего отца, потому что не понималъ хорошенько соображеній, руководившихъ послѣднимъ въ вызовѣ королевскаго сына для брака съ царевною Ириною. Духовенство, во главѣ съ патр. Іосифомъ, и бояре рады были случаю, чтобы покончить съ тяжелымъ для всѣхъ и обременительнымъ для царской казны дѣломъ королевича Вальдемара. Царскій опекунъ, бояринъ Б. Ив. Морозовъ, въ рукахъ котораго была теперь вся власть, менѣе всѣхъ былъ склоненъ къ тому, чтобы насильно удерживать въ Москвѣ жениха и всѣхъ, пріѣхавшихъ съ нимъ. По словамъ нашихъ историковъ [50]), онъ былъ человѣкъ умный, ловкій, по тому времени образованный, понимавшій новыя потребности государства и пристрастный къ иноземцамъ. Такъ какъ молодой государь находился подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ своего воспитателя, то послѣднему весьма не трудно было повернуть теперь дѣло Вальдемара въ другую сторону.

Лишь только скончался Михаилъ Ѳеодоровичъ, царевичъ Алексѣй черезъ думнаго дьяка Львова приказалъ извѣстить Вальдемара о постигшемъ его горѣ, изъявлялъ ему свое расположеніе и обѣщалъ покровительство королевичу и всѣмъ его людямъ. Датчане прекрасно понимали, какого сильнаго защитника лишились они въ лицѣ покойнаго государя, и на первыхъ порахъ серьезно боялись послѣдствій неожиданной для нихъ смерти царя. Опасенія ихъ, какъ нельзя лучше, сказались въ двухъ письмахъ королевичева маршалка, Генриха Пенца, къ пастору Матоею Фельгаберу и комнатному дворянину Юрію Лоту, написанныхъ въ пятомъ часу утра 13 іюля, спустя три часа послѣ смерти Михаила Ѳеодоро-

---

49) Рук. Ундольск. № 1327 л. 3 об., ср. рук. Барсова № 19 л. 6.

50) Соловьевъ, X, 121 — 122. 153; Костомаровъ, отд. 2, вып. IV, стрр. 106—108.

вича. Извѣщая того и другаго о послѣднемъ событіи, маршалокъ просилъ ихъ отдать строжайшій приказъ всѣмъ людямъ, пріѣхавшимъ съ датскими послами и съ Вальдемаромъ, держаться на дворахъ въ наступающій день и на улицы не ходить, „чтобы мірскимъ людямъ, которые при такихъ нечаянныхъ перемѣнахъ не воздержательны и мятежны бываютъ, соблазна или причины не было. Слышно было, что прежде при такихъ невзгодахъ всякое помышленье противъ иноземцовъ паче иныхъ чинилось“ [51]). Напрасно Датчане страшились за свою судьбу и приводили себѣ на память участь, не однократно постигавшую у насъ иноземцовъ въ смутное время. Новое правительство предпринимало свои мѣры къ предупрежденію безпорядковъ и къ обезопашенію своихъ гостей. 15 іюля, по приказанію царя Алексѣя Михайловича, князю С. Ив. Козловскому и дьяку Алексѣю Іевлеву, состоявшимъ приставами при датскихъ послахъ, данъ былъ подробный письменный наказъ, какъ имъ вести себя въ отношеніи къ Датчанамъ. Приставамъ предписывалось, въ случаѣ нужды, безъ задержки отпускать въ торгъ посольскихъ людей, а для охраны велѣть ходить съ ними дѣтямъ боярскимъ и стрѣльцамъ. Если кто изъ Русскихъ или иноземцовъ будетъ приходить на посольскій дворъ безъ государева указа, тѣхъ приказывалось осторожно задерживать, „чтобы посламъ, дворянамъ и посольскимъ людямъ про то было не знатно“. Князь Козловскій съ товарищами должны были отвѣчать Датчанамъ, „смотря по дѣлу и по ихъ вспросу, вымышляя гораздо остерегательно, чтобы государеву имяни было къ чести и повышенью, а московскому государству къ доброй славѣ и похвалѣ, и смотрѣть накрѣпко за тѣмъ, чтобы во всемъ было бережно и честно“ [52]). Уже изъ первыхъ распоряженій можно было видѣть, что правленіе дѣлами перешло въ руки человѣка, дорожившаго честію Россіи и рѣшившагося держать себя съ достоинствомъ въ отношеніяхъ къ иностраннымъ представителямъ.

---

[51]) Датск. дѣла 1645 г. № 2.

[52]) Кн. Козловскій съ товарищами былъ назначенъ на мѣсто Б. Ив. Пушкина еще задолго до смерти п. Михаила Ѳеодоровича, 18 апрѣля 1645 г. Датск. дѣла 1645 г. № 2.

16 іюля королевичъ прислалъ Петра Марселиса въ посольскій приказъ сказать, что онъ желалъ-бы, по обычаю другихъ государствъ, посѣтить молодаго царя, утѣшить его въ горѣ и поздравить со вступленіемъ на царство. На другой день Вальдемара позвали къ государю, который принялъ его весьма ласково и посадилъ вмѣстѣ съ собою. Послѣ того, какъ королевичъ поздравилъ Алексѣя Михайловича съ восшествіемъ на престолъ, послѣдній пожелалъ, чтобы люди Вальдемара, за исключеніемъ маршалка и Марселиса, вышли изъ комнаты. Оставшись съ своими ближними людьми, царь усердно просилъ королевича припомнить любовь къ себѣ отца его, Михаила Ѳеодоровича, не покидать его въ сиротствѣ, соединиться съ нимъ въ вѣрѣ, принять св. крещеніе и законнымъ бракомъ сочетаться. Царь просилъ Вальдемара сдѣлать это ради своей матери, которая непрестанно плачетъ. „А какъ онъ, королевичъ Вальдемаръ, то исполнитъ, и то превеликое дѣло будетъ Богу угодно, а его царскому величеству и всѣмъ людямъ россійскаго государства радостно“. Затѣмъ всѣ бояре, вставши, били челомъ королевичу о томъ-же. Вальдемаръ съ клятвою увѣрялъ, что онъ никогда не перемѣнитъ своей религіи. „Если бы васъ кто началъ призывать въ иную вѣру, развѣ вы согласились бы? а мнѣ какъ то сдѣлать? не сталъ бы я жить здѣсь полтора года, если-бы можно было поступить такъ“. Подъ конецъ бесѣды королевичъ настаивалъ на отпускѣ. Въ тотъ же день онъ и датскіе послы письмами просили царя отпустить ихъ всѣхъ съ почетомъ и тѣмъ самымъ на первыхъ порахъ снискать себѣ добрую славу въ глазахъ всѣхъ христіанскихъ государей, избавить себя отъ излишнихъ проторей и заслужить дружбу и любовь королевскаго величества. Датское извѣстіе передаетъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, какъ-бы въ отвѣтъ на просьбу королевича, 3-го августа, въ присутствіи патріарха, высшаго духовенства и большихъ бояръ, вторично склонялъ Вальдемара принять греческую вѣру и крещеніе. Патр. Іосифъ съ своей стороны убѣждалъ королевича не противиться волѣ государя и не дѣлать порухи великому дѣлу. Получивши рѣшительный отказъ, царь замѣтилъ королевичу, что онъ посовѣтуется

съ матерью, духовенствомъ и боярами и потомъ увѣдомитъ его о своемъ рѣшеніи [53]).

„Еще бѣ живѣ сущи царицѣ и на одрѣ слежащи", читаемъ въ русской *Повѣсти о внезапной смерти ц. Михаила Ѳеодоровича*, „благовѣрный царевичъ Алексѣй Михайловичъ, нынѣ же государь-царь, благоумнѣ умысли со своимъ отцемъ и богомольцемъ святѣйшимъ Іосифомъ, патр. Московскимъ и всея Россіи, и со всѣми своими богомольцы: съ митрополиты, и со архимандриты и игумены, и со всѣмъ священнымъ соборомъ, и съ своими князи, и съ боляры, и со всею землею, что тому нечестивому королевичу Вальдемару отказать, яко нѣсть ему у насъ, въ нашей русстѣй земли, части ни жребія, да идетъ во свою невѣрную землю со всѣми сослужащими ему, съ погаными же нѣмцы" [54]). 16 августа отправленъ былъ въ Данію гонецъ Василій Апраксинъ [55]) съ грамотою (отъ 9 авг.), въ которой Алексѣй Михайловичъ извѣщалъ короля о кончинѣ своего отца, своемъ вступленіи на престолъ и скоромъ отпускѣ королевича Вальдемара съ датскими послами, а также увѣрялъ Христіана, что желастъ быть съ нимъ въ доброй братственной дружбѣ и любви. На другой день послѣ отъѣзда Апраксина королевичъ со своею свитой и послами были на отпускѣ у государя. Думный дьякъ Гр. В. Львовъ, изложивши обстоятельно дѣло Вальдемара, отъ имени царя объявилъ послѣднему, что такъ какъ брака нельзя совершить безъ соединенія въ вѣрѣ, а онъ, королевичъ, не захотѣлъ соединиться вѣрою съ государемъ, то, согласно съ его прошеніемъ, отпу-

---

53) Датскія дѣла 1645 г. № 2, ср. Извѣстіе о поѣздкѣ Вальдемара, стрр. 62—64.

54) Рукопп. Ундольскаго № 1327 л. 21 об., Барсова № 19 л. 26. Узнавши о своемъ отпускѣ, Вальдемаръ 5 августа чрезъ Датскихъ пословъ возвратилъ царю Алексѣю Михаиловичу *договорныя обязательства* (pacta matrimonalia), а нѣсколькими днями позднѣе отдалъ канцлеру Львову и *„отвѣтныя письма къ себѣ покойнаго государя и патр. Іосифа"*. (Русск. перев. датскаго извѣстія, стрр. 65—66). Этимъ обстоятельствомъ достаточно объясняется, почему документы, относящіеся къ дѣлу королевича Вальдемара, почти всѣ сохранились въ нашемъ главномъ московскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

55) Съ Апраксинымъ поѣхали Юрій Заблово да толмачъ Нечай Дрябинъ.

скаютъ его обратно къ отцу съ такою же честію, какъ и принятъ былъ. На прощаніи царь щедро одарилъ Вальдемара и всѣхъ его служилыхъ людей, не исключая и придворнаго проповѣдника [56]). 20 августа, около двухъ часовъ пополудни по Москвѣ, въ направленіи къ Тверскимъ воротамъ, двинулся огромный поѣздъ королевича, въ сопровожденіи тысячи полторы стрѣльцовъ и массы любопытныхъ. „И тако пойде окаянный, замѣчаетъ авторъ вышеназванной повѣсти, со всѣми своими служащими нѣмцы во свое наслѣдіе“... Съ дороги, изъ Вязьмы Вальдемаръ письмомъ благодарилъ государя за великую любовь и сердечную подвижность, которыя все время онъ оказывалъ ему и теперь явилъ въ томъ, что отпустилъ его, королевича, и датскихъ пословъ со всякою честію, а также просилъ Алексѣя Михайловича пожаловать Петра Марселиса, едва-ли не болѣе всѣхъ причинившаго зла несчастному принцу.

Вальдемару не суждено было возвратиться въ отечество. Въ Даніи были весьма недовольны дѣйствіями новаго московскаго правительства и потому приняли Апраксина очень сухо. Гонца встрѣтилъ въ Копенгагенѣ одинъ приставъ пѣшій и поставилъ его на мѣщанскомъ дворѣ. На другой день пріѣзда (23 окт.) Апраксинъ въ разговорѣ узналъ отъ него, что „король Христіанъ и большой его бояринъ, Рыксъ (Корфицъ Улефельдъ) гофмейстеръ, гораздо сердиты на него, Василья, за то, что царь отпустилъ изъ Москвы сына его, королевича Вольдемара, тогда какъ послѣдній уѣхалъ изъ датской земли со всѣмъ надѣленный“. Слова пристава вполнѣ оправдались. Король, принимая грамоту отъ Апраксина, про государево здоровье не спрашивалъ, къ рукѣ

---

56) Въ подарокъ королевичъ получилъ отъ царя 17 августа 20 сороковъ соболей на 3515 рублей; на служилыхъ людей, на дворовой чинъ и въ дорогу на всякія издержки Вальдемару дано было государева жалованья 7000 рублей. Ближнимъ людямъ королевича: маршалку, чашнику, комнатному дворянину, конюшему и другимъ придворнымъ, всего 17-ти человѣкамъ, царь пожаловалъ 1610 рублей; придворный проповѣдникъ получилъ 80 рублей. Московск. Арх. Мин. Юстиціи, Сибирск. приказа столб. № 141 лл. 360—366; Моск. А. Ин. Д., Датск. дѣла 1645 г. № 2 св. 23; см. Русск. пер. датскаго Извѣстія. стрр 70—71. См. три памяти. изъ Посольскаго приказа въ Сибирскій Русской въ Старинѣ 1890 г. т. 66, стрр. 343—344.

гонца не позвалъ, къ столу не пригласилъ и даже отвѣтную грамоту прислалъ къ нему съ секретаремъ, не смотря на заявленіе Апраксина, чтобы самъ король отпустилъ его [57]). Въ своей грамотѣ отъ 2 ноября Христіанъ писалъ между прочимъ царю: „хотя мы имѣемъ сильную причину жаловаться на неисполненіе договора о бракѣ нашего сына съ вашею сестрою, но такъ какъ отецъ вашъ скончался, то мы все это дѣло предаемъ забвенію и хотимъ жить съ вами въ такой же дружбѣ, какъ жили съ вашими предками". Датскіе вельможи, во главѣ съ Корфицемъ Улефельдомъ, въ 1643 году старавшіеся всѣми силами объ удаленіи королевича Вальдемара изъ Даніи, теперь явились противниками возвращенія въ нее принца, или какъ выразился Апраксинъ въ своемъ *статейномъ спискѣ*, „датскаго короля всею землею не послушали и сына его, королевича Вальдемара, принять опять не похотѣли" [58]). Престарѣлый и слабый Христіанъ IV не въ силахъ былъ бороться съ деспотизмомъ

---

[57]) Въ Стокгольмѣ, наоборотъ, встрѣтили Апраксина, возвращавшагося въ Москву, весьма любезно. Шведская королева Христина, благодарная московскому государю за невмѣшательство его въ распрю Даніи съ Швеціей, приняла на *себя издержки (200 ефимковъ за корабль), сдѣланныя гонцомъ въ дорогѣ*. При заключеніи Оснабрюкскаго трактата, установившаго миръ Швеціи съ Германіей, *представители королевы Христины дали понять, что въ числѣ ея союзниковъ* находится и „великій князь Московскій". Это былъ первый случай, когда *на европейскомъ конгрессѣ было упомянуто имя московскаго царя*. Датск. дѣла 1645 г. № 3; Датск. грамоты № 31. О сношеніяхъ Россіи съ Франціей П. В. Безобразова въ Русск. Обозр. за янв. 1891 г., стр. 215.

[58]) Въ то время, какъ Корфицъ Улефельдъ уговаривалъ короля не возвращать въ Данію графа Вальдемара, будто бы за непригодностію выпровоженнаго изъ Россіи, супруга его Элеонора, родная сестра нашего королевича, желала дѣйствовать въ пользу послѣдняго и вообще была недовольна поведеніемъ своего супруга. Переводчику Нечаю Дрябину пришлось хлопотать о назначеніи пристава Апраксину и быть по этому случаю въ квартирѣ Рыкса гофмейстера Нечаю довелось быть свидѣтелемъ небезынтересной въ данномъ разѣ семейной сцены. „А жена де, доносилъ Апраксину толмачъ о своей бытности въ домѣ Корфица, ево (Рыкса) въ тѣ поры при немъ (Нечаѣ) говорила гораздо сердито непригожія слова: почто-де они пріѣхали, и ч...ъ ли де тѣхъ русскихъ людей привезъ? Пріѣхали де по другово графа Вальдемара, и другово де Вальдемара графа нѣтъ. И такъ де меня сдѣлали безъ брата, а брата де сдѣлали безъ отчины и безъ городовъ". Датск. д. 1645 г. № 3.

датскаго дворянства, вынужденъ былъ уступить своеволію своего временщика, Корфица Улефельда, и никакихъ мѣръ не предпринялъ къ улучшенію участи изгнанника-сына. Отвергнутый своими родственниками, лишенный родины, молодой принцъ долженъ былъ скитаться по Европѣ, служилъ польскому королю, принималъ участіе въ войнѣ Швеціи съ Польшей и умеръ въ Люблинѣ въ 1656 году. По словамъ Шлоссера, королевичъ Вальдемаръ *не былъ человѣкомъ на всѣ руки*, подобно другимъ дѣтямъ Христіана IV и Христины Мункъ, и по своимъ качествамъ заслуживалъ лучшей судьбы, чѣмъ какая его постигла [59]).

ГЛАВА VIII.

Какое значеніе имѣло для нашихъ предковъ дѣло Вальдемара? — Поведеніе Датчанъ въ Москвѣ и характеръ отношеній ихъ къ русскимъ по документамъ главнаго Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и датскому Извѣстію о поѣздкѣ въ Россію Вальдемара Христіана Гильденлеве. Замѣчанія объ авторѣ, достоинствахъ и недостаткахъ датскаго извѣстія.— Впечатлѣніе, вынесенное русскими изъ совмѣстной жизни съ Датчанами и сватовства королевича Вальдемара за царевну Ирину. Повѣсть о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича, личность автора и содержаніе повѣсти.—Отношенія къ нѣмцамъ простаго народа, гражданскаго и церковнаго правительствъ во время пребыванія Датчанъ на Москвѣ и послѣ ихъ отъѣзда.—Какое значеніе имѣли для православныхъ полемистовъ и вообще передовыхъ русскихъ людей пренія о вѣрѣ? Чувство превосходства противниковъ и сознаніе своихъ образовательныхъ недостатковъ, вызванныя послѣдними въ лучшихъ московскихъ людяхъ.—Какими послѣдствіями сопровождались пренія о вѣрѣ въ послѣдующей исторіи духовнаго просвѣщенія на Руси? Изданіе въ Москвѣ грамматики Смотрицкаго съ предисловіемъ къ ней; кому принадлежала мысль объ изданіи первой и составленіи послѣдняго?—Заботы церковно-гражданскаго правительства объ устройствѣ въ Москвѣ правильной школы съ помощію грековъ и ученыхъ кіевлянъ.

Познакомившись съ дѣломъ королевича Вальдемара и вызванными имъ преніями о вѣрѣ, естественно спросить: какое же значеніе первое и послѣднія имѣли для современнаго рус-

---

59) Датскія дѣла 1645 г. №№ 2 — 4; Извѣстіе о поѣздкѣ Вальдемара, стрр. 65—72; Соловьевъ, X. 122—123; Шлоссеръ, Всемірн. Истор. т. V, 523.

скаго общества? какое впечатлѣніе вынесли наши предки изъ совмѣстной полуторалѣтней жизни съ Датчанами и къ какому заключенію пришли православные великорусскіе богословы послѣ жаркаго и продолжительнаго религіознаго спора съ образованнымъ пасторомъ? Предъ пріѣздомъ королевича Вальдемара въ Москву русскіе люди, какъ мы уже имѣли случай говорить о томъ, были весьма невысокаго мнѣнія объ иноземцахъ, въ частности о нѣмцахъ, и ко всѣмъ вообще иновѣрцамъ, не исключая лютеранъ, относились непріязненно. Казалось бы, что близкія непосредственныя сношенія, въ какія неминуемо пришлось стать Москвичамъ къ Датчанамъ, съ прибытіемъ Вальдемара, должны были смягчить враждебный взглядъ нашихъ предковъ на иновѣрцевъ, измѣнить отношенія первыхъ къ послѣднимъ въ лучшую сторону; но этого на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, не случилось. Виновниками того были, на нашъ взглядъ, не столько русскіе, сколько гостившіе у насъ Датчане.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, желавшій во что бы то ни стало окрестить въ православіе Вальдемара и потомъ женить его на своей дочери, всячески ухаживалъ за королевичемъ, окружилъ его почетомъ и всѣми житейскими удобствами, а главное совсѣмъ не вмѣшивался въ его домашній образъ жизни. Предоставленный самому себѣ и щедро взысканный царскимъ жалованьемъ молодой принцъ, живя на Москвѣ, велъ праздную и разгульную жизнь. Авторъ русской „Повѣсти о внезапной кончинѣ Михаила Ѳеодоровича“, описавшій намъ исторію сватовства Вальдемара за царевну Ирину по личнымъ наблюденіямъ и со словъ очевидцевъ, говоритъ, что королевичъ со своими людьми „повседневно бѣсновался по своему беззаконному обычаю и вѣрѣ; въ трубы и органы и прочіе различные писки не переставали играть на его дворѣ, а объ иномъ срамъ и писать [1])“. Датчане, пріѣхавшіе съ королевичемъ въ качествѣ его слугъ, не сдерживаемые своимъ господиномъ, вели себя еще хуже. Одни изъ нихъ, руководимые желаніемъ наживы, поотрывали на своихъ подворьяхъ кабаки и такимъ путемъ стали опорожнять

[1]) Рукоп. В. М. Ундольскаго № 1327 л. 9.

кошельки своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ, а еще больше русскихъ людей; другіе, привлеченные въ Россію жаждой приключеній, любившіе попировать, вели пьяную и нравственно-распущенную жизнь. Но всѣ безъ исключенія Датчане, начиная съ самого Вальдемара и высшихъ придворныхъ офицеровъ и кончая какимъ-нибудь „нѣмцемъ-малымъ“, сходились въ одномъ, въ насмѣшкѣ надъ всѣмъ русскимъ и русскими, дававшими имъ въ избыткѣ содержаніе натурой и деньгами. Королевичъ съ своими дворянами подсмѣивались надъ царемъ и патріархомъ, боярами и духовенствомъ; низшіе слуги Вальдемара, поощряемые худымъ примѣромъ, грубо издѣвались надъ простыми русскими людьми: стрѣляли глиняными пульками по нашимъ стрѣльцамъ, приставленнымъ къ нимъ для ихъ-же береженья, словомъ и дѣломъ оскорбляли русскихъ женщинъ, гонялись со шпагами и кинжалами за проходившими по улицамъ Москвы, а въ ночь на 10 мая, во главѣ съ своимъ господиномъ, они произвели, какъ намъ уже извѣстно, настоящую рѣзню у Тверскихъ воротъ. Заносчивые и высокомѣрные гости по временамъ до того забывались, что позволяли себѣ издѣваться надъ внѣшними проявленіями набожности своихъ хозяевъ и православною святынею. Они ругались надъ русскими, когда тѣ ограждали себя крестнымъ знаменіемъ или молились предъ св. иконами, сбрасывали эти послѣднія на землю со стѣнъ зданій, всячески кощунствовали надъ ними, а 21 мая 1645 года нѣмцы начали даже стрѣлять съ королевичева двора въ образа, поставленные на вратахъ церкви Соловецкихъ чудотворцевъ.

Въ такихъ непривлекательныхъ чертахъ представляется поведеніе Датчанъ на Москвѣ по русскимъ оффиціальнымъ документамъ, разсѣяннымъ въ массѣ датскихъ дѣлъ (1644—1645 гг.) Московскаго архива [2]). Заподозривать эти документы въ исторической недостовѣрности нѣтъ основаній. Нарисованная нами картина отношеній Датчанъ къ русскимъ вполнѣ подтверждается дошедшимъ до насъ *датскимъ* „Извѣстіемъ о поѣздкѣ въ Россію Вальдемара Христіяна Гиль-

---

2) Датск. дѣла 1644 г. №№ 1. 2. 4. 6 и 7, свв. 17. 18. 20 и 21. 1645 г. № 2, св. 23 и др.

деплеве, графа Шлезвигъ-Голштинскаго, сына датскаго короля Христіана IV отъ Христины Мункъ, для супружества съ дочерью царя Михаила Ѳедоровича Ириною" [3]). Авторъ названнаго сочиненія неизвѣстенъ по имени, но что онъ былъ спутникомъ Вальдемара лицомъ весьма близкимъ къ нему, въ этомъ удостовѣряетъ содержаніе и характеръ его разсказа [4]). Послѣдній заключаетъ въ себѣ такія подробности и мелочи, которыя могъ передать только очевидецъ описанныхъ въ Извѣстіи событій [5]). Впрочемъ послѣднее составлено не по од-

3) Подлинное заглавіе извѣстія слѣдующее: Nachricht von Woldemar Christian Guldenlowe Grafen von Schlesswig-Holstein, Sohn des dänischen Konigs Christian des Vierten, von der Christina Munk, Reise nach Russland zur Vermählung mit des Zaren Michael Fedrowitsch Tochter Irene. Оно издано было Бишингомъ въ Magazin für die neue Historie und Geographie Theil X, ss. 211—276, съ поврежденной и, какъ кажется, далеко неисправной рукописи. Послѣдней, по словамъ издателя, недоставало заглавія, начала и приложеній-документовъ, на основаніи которыхъ написано было извѣстіе о поѣздкѣ. Что текстъ рукописи былъ неисправенъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ множество *хронологическихъ* несообразностей и явныхъ погрѣшностей. За неимѣніемъ Magazin'a Бишинга, мы пользовались извѣстіемъ въ русскомъ переводѣ, помѣщенномъ въ Чтеніяхъ императ. Московск. общества истор. и древн. за 1867. IV. Ошибки противъ хронологіи въ русск. перев. на страницахъ: 2, 13, 15, 18, 19, 20, 28, 31, 46, 51 и 66.

4) Г. Цвѣтаевъ высказалъ (Литер. борьба съ протест., стр. 120) мнѣніе, что „повѣствованіе о поѣздкѣ въ Россію принца Вальдемара написано однимъ изъ его свиты и при очевидномъ участіи пастора". Участія пастора доказать нельзя. Фельгаберъ любилъ поговорить о своихъ научныхъ познаніяхъ, о своихъ преніяхъ съ русскими; между тѣмъ полемика въ датскомъ извѣстіи—на второмъ планѣ. О первомъ посланіи патр. Іосифа и отповѣди на него королевича ничего не сказано; о второмъ посланіи патріарха, майскомъ и іюньскомъ преніяхъ 1644 г. сказано весьма кратко. Болѣе подробно передано въ извѣстіи содержаніе іюльскаго дисцута 1645 г., но на немъ кромѣ пастора изъ придворныхъ Вальдемара присутствовали: маршалокъ, чашникъ, комнатный дворянинъ, конюшій, докторъ и секретарь. Полуобошедши церковную сторону въ дѣлѣ Вальдемара, авторъ Извѣстія обстоятельнѣйшимъ образомъ трактуетъ о гражданской сторонѣ его, съ замѣтнымъ интересомъ разсказываетъ о томъ, какъ при проѣздѣ чрезъ Пруссію и Польшу, а за тѣмъ въ Москвѣ встрѣчали и провожали королевича, чѣмъ угощали и дарили его, какъ обращались съ Вальдемаромъ на охотѣ. Церемоніальное шествіе Вальдемара и датскихъ пословъ по Москвѣ, торжественный пріемъ ихъ царемъ и потомъ царскій обѣдъ описаны весьма тщательно, съ знаніемъ дѣла и любовію ко всякаго рода парадамъ. На основаніи всего этого предполагаемъ, что Извѣстіе написано однимъ изъ высшихъ офицеровъ королевича.

5) Русск. пер. извѣст. стр. 5. 38. 8. 48 и др. мног.

нимъ наблюденіямъ, а главнымъ образомъ на основаніи подлинныхъ документовъ. Авторъ Извѣстія имѣлъ у себя подъ руками не только обширную переписку русскихъ съ королевичемъ и датскими послами, но и секретныя письма Гавріила Стемпковскаго къ Вальдемару; оттого онъ сообщаетъ по мѣстамъ такія свѣдѣнія, какихъ мы напрасно стали бы искать въ своемъ московскомъ архивѣ. Въ общемъ разсматриваемое Извѣстіе есть первый по времени опытъ систематическаго изложенія дѣла королевича Вальдемара и царевны Ирины по оффиціальнымъ документамъ и можетъ служить не только источникомъ для всякаго занимающагося даннымъ предметомъ, но и прекраснымъ руководствомъ при ознакомленіи съ нашими архивными матеріалами по занимающему насъ вопросу [6]). Къ сожалѣнію, авторъ датскаго Извѣстія не обладалъ безпристрастіемъ, столь необходимымъ для историка, и старался всячески возвысить своихъ соотечественниковъ и вообще иноземцевъ и унизить всѣхъ русскихъ и русское, начиная съ царя и патріарха и кончая дюжиной полотенцевъ, присланныхъ царицей въ подарокъ Вальдемару 31 янв. 1644 г. [7]). Онъ намѣренно опускаетъ въ своемъ повѣствованіи все то, что говоритъ не въ пользу королевича и пріѣхавшихъ съ нимъ Датчанъ; совсѣмъ умалчиваетъ, напримѣръ, о *препирательствахъ, возникшихъ изъ-за словоря* Дасиподія, о неудавшемся бѣгствѣ Вальдемара говоритъ лишь мимоходомъ. Всюду онъ стремится выставить на видъ знатность Вальдемара, его разсудительность, честность, а главное недолимую стойкость въ религіозныхъ дѣлахъ. Прид-

---

[6]) Датскія дѣла 1640—1645 гг., заключающія въ себѣ главный матеріалъ для исторіи сватовства Вальдемара за царевну Ирину, по совершенно справедливому замѣчанію г. Цвѣтаева (Русск. Вѣстн. т. 172, стр. 754—755, прим.), во многихъ мѣстахъ перепутаны и далеко не всегда расположены въ связкахъ въ хронологическомъ порядкѣ. Датское извѣстіе весьма помогаетъ ориентироваться въ массѣ разбитыхъ и перемѣшанныхъ столбцевъ.

[7]) Тенденціозность автора датскаго Извѣстія была, намъ кажется, причиною того, что изслѣдователи, занимавшіеся дѣломъ королевича Вальдемара, различно относились къ его разсказу: одни довѣряли ему, другіе—нѣтъ. Н. И. Костомаровъ и А. Фехнеръ (Chronik d. Evangelischen Gemeinden in Moskau B. I, ss. 250—266) нерѣдко пользовались имъ. Венделистъ Сибелиста, лейбъ-медикъ ц. Михаила Ѳеодоровича, самъ бывшій свидѣтелемъ описанныхъ въ Извѣстіи

верный пасторъ представляется въ извѣстіи высокообразованнымъ и великодушнымъ, а всѣ остальные Датчане невинными и мужественными страдальцами за истину [8]). Совершенно иначе относится составитель Извѣстія къ нашимъ предкамъ. Онъ старается отмѣтить и выдвинуть всѣ темныя стороны ихъ жизни, не жалѣетъ черныхъ красокъ для характеристики русскихъ, съ которыми ему пришлось познакомиться въ Москвѣ. Царя Михаила Ѳеодоровича, оказывавшаго все время любовь, уваженіе и покровительство Вальдемару и всѣмъ Датчанамъ, онъ изображаетъ самовластцемъ, дѣйствующимъ по произволу, не соблюдающимъ договоровъ съ иностранными государями. Говоря о свиданіи королевича 3 авг. 1645 г. съ русскимъ первосвятителемъ, нашъ авторъ пишетъ: „Патріархъ былъ въ бѣлой шапкѣ съ длинными и широкими наушниками, которые съ ушей спускались по щекамъ на грудь къ нему и придавали ему нѣкоторое сходство съ охотничьей собакой съ большими отвислыми ушами“. Описывая извѣстный обрядъ шествія на осляти въ недѣлю Ваій, онъ представляетъ патріарха въ видѣ

событій, въ концѣ рукописи, съ которой Бишингъ издалъ его въ своемъ Magazin'ѣ замѣтилъ о немъ: „Въ этомъ извѣстіи много насказано лжи, много произошло не такъ, а иначе, многое опущено. *Не вѣра была причиною несостоявшагося брака, а только предлогомъ*: бракъ былъ бы совершенъ давно, еслибы побѣдоносные шведы, предупредивъ его, не завладѣли Даніей, и еслибы съ великаго горя не скончался царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, потому что царь искренно любилъ принца Вальдемара“ (Русск. пер. Извѣст., прел. I). Мнѣніе Сибелисты раздѣляетъ авторъ „Отношенія протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв.“ (стр. 121—123). Мы согласны съ тѣмъ, что въ датскомъ извѣстіи найдутся опущенія и историческія невѣрности (помимо мѣстъ, отмѣченныхъ нами въ своемъ сочиненіи, укажемъ здѣсь на вымышленный разсказъ Датчанина объ искусѣ патріарха на Москвѣ предъ его избраніемъ; Русск. пер. стр. 31), но въ общемъ фактическая сторона его подтверждается нашими архивными документами и заслуживаетъ полнаго вниманія историка. Ложь извѣстія заключается въ неправильномъ освѣщеніи событій и лицъ, какъ о томъ даетъ понять и самъ Сибелиста. О путешествіи Вальдемара отъ Копенгагена до Москвы, о тайномъ посѣщеніи королевича царемъ (25 генв. 1644 г.) и царевичемъ (30 генв.), о секретной бесѣдѣ Стрѣшнева съ камеръ-юнкеромъ 15 марта 1645 г., о вмѣшательствѣ польскаго легата и многомъ другомъ авторъ Извѣстія сообщаетъ больше, чѣмъ мы можемъ узнать изъ отечественныхъ источниковъ. Русск. пер. Изв. стрр. 2—6, 9, 12, 40—42, 48—51, 60, 63 и др.

8) Ibid. Стр. 20, 17, 16, 45. 60 и др.

„вола ѣдущаго на ослѣ“ въ церковь, называемую Новымъ Іерусалимомъ, остритъ надъ вторымъ письмомъ п. Іосифа къ принцу, „чуть не въ 48 саженъ съ пустою и безполезною болтовней“. Избранныхъ духовныхъ лицъ, спорившихъ съ пасторомъ, онъ сравниваетъ съ жалкимъ, разбитымъ войскомъ, съ пастухами свиней; называетъ ихъ ложными доносщиками и полными невѣждами, отъ которыхъ будто бы ничего нельзя было добиться, кромѣ ребяческихъ словъ и грубыхъ мужицкихъ отвѣтовъ. Авторъ Извѣстія глумится надъ темными рясами нашего духовенства, а православное ученіе, ими защищавшееся, считаетъ за одно съ русскою мякиной. Досталось отъ него, хотя и не въ одинаковой степени, всѣмъ тремъ приставамъ, бывшимъ при королевичѣ. Кн. Ю. А. Сицкій-Ярославскій представляется смирнымъ, но недалекимъ и подозрительнымъ русакомъ; С. Л. Стрѣшневъ—человѣкомъ безчестнымъ и тупоумнымъ, а канцлеръ Гр. В. Львовъ, по отзыву Датчанина, „хоть и вовсе неученый, какъ и всѣ русскіе, однакожь былъ хитрая лисица, да и нахалъ къ тому же, набившій руку на всѣ московскія грубыя плутни, считавшіяся у нихъ большою тонкостью и мудростью“. Даже наши толмачи не оставлены въ покоѣ и изображены лукавыми соглядаями, способными на всякую ложь и продѣлки. Нечего и говорить, что авторъ Извѣстія мрачными красками обрисовалъ всѣхъ вообще русскихъ людей, изобразилъ ихъ крайне невѣжественными, упрямыми, ненадежными, хитрыми, дѣйствующими подарками да посулами, а гдѣ нельзя, то насиліемъ и обманомъ, преданными пьянству и многимъ другимъ порокамъ. Русскіе, по его словамъ, лишь умѣютъ безъ толку и безъ счету креститься и кланяться предъ иконами и справлять славною попойкой праздники Благовѣщенія и св. Николая [9]). На всемъ протяженіи довольно длиннаго датскаго разсказа о поѣздкѣ въ Россію Вальдемара мы можемъ указать всего три—четыре выраженія сочувствія или одобренія, да и тѣ относятся не прямо къ нашимъ предкамъ, а къ военнымъ порядкамъ, русскимъ

---

9) Ibid. стрр 3, 7, 10, 14—18, 24, 31—32, 34, 37—38, 40—42, 44, 46, 48—49, 54—55, 57—59, 63—65.

книгамъ съ превосходными изображеніями и русскимъ соболямъ [10]).

Въ виду сказаннаго можно себѣ представить, какъ должны были подѣйствовать на нашихъ предковъ, въ связи съ полной неудачей въ сватовствѣ царевны, заносчивыя, насмѣшливо-презрительныя отношенія къ нимъ Датчанъ. Нѣтъ надобности въ данномъ случаѣ входить въ отвлеченныя разсужденія и дѣлать предположенія: отъ 1647 года дошло до насъ русское сочиненіе, въ которомъ современникъ описанныхъ событій прекрасно высказалъ мысли и чувства Москвичей, вызванныя въ нихъ долговременнымъ пребываніемъ нѣмцевъ на Москвѣ и печальнымъ исходомъ всего дѣла. Въ рукописныхъ сборникахъ сочиненіе это надписывается такъ: „Повѣсть и писаніе извѣстно о еже случися быти въ нашей Рустѣй земли, въ нынѣшнихъ настоящихъ лѣтѣхъ, осмыя тысяци во второмъ стѣ, въ пятой десятерицѣ, во второмъ и третіемъ лѣтѣ, есть же убо и слезамъ достойно“ [11]). Въ общемъ оглавленіи статей сборника, принадлежащаго Е. В. Барсову, заглавіе измѣнено: „Повѣсть о внезапной кончинѣ государя Михаила Осодоровича, случившейся по безуспѣшному дѣлу супружества княжны Ирины Михайловны съ Вальдемаромъ королевичемъ“ [12]). Повѣсть написана въ Москвѣ „рукою многогрѣшнаго простаго монаха, а не ермонаха“, по просьбѣ какого-то „благоразумнаго и честнаго мужа, добраго и великаго рачителя и разумителя божественнаго писанія“. Намъ неизвѣстны имена сочинителя повѣсти и лица, хлопотавшаго о составленіи ея. По нѣкото-

---

10) Ibid. стр. 7, 57, 70 и др.

11) Повѣсть намъ извѣстна въ трехъ спискахъ: И. Н. Царскаго № 398 лл. 308—346, Моск. Румянц. музея (изъ собр. В. М. Ундольскаго) № 1327 лл. 1—39 и Е. В. Барсова (Русскіе писатели) № 19 лл. 3—42. Небольшое извлеченіе изъ повѣсти по рукоп. Е. В. Барсова сдѣлано было г. Дм. Цвѣтаевымъ въ статьѣ: „Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ“... Русск. Вѣстн. т. 172 стр. 755. 791. 792.

12) Заглавіе позднѣйшее, но болѣе опредѣленное, и потому мы придерживаемся его. Въ общемъ оглавленіи статей сборника В. М. Ундольскаго № 1327 заглавіе Повѣсти: „Повѣсть о Россійстей земли убо слезамъ подобно о дацкомъ королевичѣ“.

рымъ выраженіямъ можно догадываться, что послѣднее находилось не въ дальнемъ разстояніи отъ автора повѣсти, вышедшаго изъ *худородныхъ* или *простородныхъ*. Составитель повѣсти, при раскрытіи и доказываніи своихъ мыслей, нерѣдко прибѣгаетъ къ народнымъ пословицамъ, образы для сравненій заимствуетъ изъ сельскаго быта, что также даетъ основаніе видѣть въ разсматриваемой *исторіи*—[13]) произведеніе монаха изъ крестьянъ. Хотя самъ о себѣ нашъ авторъ говоритъ, что „въ философскихъ училищахъ не бывалъ и риторскихъ ученій не навыкъ“, что онъ не философъ, не риторъ и не витія, но грубый и неразумный, однако нельзя не видѣть, что это былъ человѣкъ умный, по тому времени образованный и хорошо владѣвшій книжнымъ языкомъ. Онъ начитанъ былъ не только въ „книгахъ благодатнаго закона“, какъ тогда говорили, но и въ свѣтской литературѣ, выражаясь по теперешнему. Въ повѣсти весьма замѣтны слѣды знакомства ея автора со свящ. Писаніемъ, св. отцами, прологами, хронографами, Степенною книгою, сказаніями о смутномъ времени, азбуковниками; есть даже выдержки изъ естествословныхъ книгъ и сочиненій философа Платона и другихъ „благоумныхъ и мудрыхъ“ мужей, которыхъ составитель не называетъ по имени. Впрочемъ всѣмъ этимъ сочинитель пользовался умѣло, лишь въ аргументаціи своихъ сужденій, основанныхъ главнымъ образомъ на личномъ наблюденіи или на показаніяхъ другихъ лицъ. Какъ человѣкъ любознательный отъ природы, онъ ко всему присматривался, разспрашивалъ про поведеніе королевича и Датчанъ у русскихъ людей, жившихъ съ ними на однихъ дворахъ; отъ лицъ бывавшихъ за границей онъ зналъ кой-что объ иноземныхъ обычаяхъ [14]). Получивши отъ какого-то книголюбца порученіе описать пріѣздъ въ Москву и пребываніе въ ней королевича Вальдемара, нашъ авторъ рѣшился „начертать сію исторію явственно и просто“, такъ-

---

[13]) Такъ обозначена наша повѣсть въ рукописи В. М. Ундольскаго № 1327 на полѣ 3-го листа.

[14] Ibid. лл. 37. 31. 35 об—36. 2. 33. 34. 15. 23. 22. 1 об. 10. 29. 30. 9. 14 об. 26. 3—4. 7 об. 27 об. 12. 19. об. 21. 32.

какъ не всегда бываетъ полезно, по его словамъ, „мудростно, витійно и потаенно писать и вѣдомостныя дѣла закрытать“ [15]). Говоря это, онъ конечно разумѣлъ современныхъ ему писателей, быть можетъ, составителей повѣстей и сказаній о событіяхъ смутнаго времени, заботившихся, какъ извѣстно, не столько о безхитростной передачѣ фактовъ на память грядущимъ поколѣніямъ, сколько о соблюденіи литературныхъ пріемовъ своего времени, и охотно поступавшихся историческою полнотою и точностью ради фразы и условной правильности внѣшняго изложенія. Авторъ нашей повѣсти, не пускаясь въ разсужденія о посторонннихъ предметахъ, видимо пытался наглядно и послѣдовательно разсказать исторію сватовства, но совершенно отрѣшиться отъ литературныхъ вкусовъ своего вѣка и взглядовъ, существовавшихъ тогда на причины и происхожденіе историческихъ событій, онъ былъ не въ силахъ. Его повѣсть съ внѣшней и внутренней стороны тѣсно примыкаетъ къ подобнымъ же сказаніямъ того времени и страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, какимъ страдаетъ вообще наша историческая литература первой половины XVII в. Составитель разсматриваемаго произведенія, по примѣру своихъ современниковъ, старался писать красивѣе — риомованною прозой, для чего нерѣдко передѣлывалъ слова, прибѣгалъ часто къ оборотамъ и формамъ церковно-славянскаго языка, подбиралъ слова и фразы и повторялъ излюбленныя выраженія. Все это вредило по мѣстамъ правильности и простотѣ рѣчи и какъ-бы заслоняло собою сущность дѣла—фактическую сторону въ разсказѣ. Послѣдній производитъ на читателя впечатлѣніе не столько исторической повѣсти, сколько нравственно-назидательнаго трактата.

Высказавши въ предисловіи къ повѣсти взглядъ на событія въ человѣческой жизни, какъ на дѣло высшаго Промысла, руководящаго поступками людей во исполненіе своихъ предначертаній, авторъ проводитъ его чрезъ все свое произведеніе, примѣняетъ къ сватовству нечестиваго королевича за благовѣрную царевну. У него въ произведеніи

---

15) Ibidd. л. 31 и об.

гораздо больше разсужденій, чѣмъ фактическихъ указаній. Разбираемая повѣсть важна не со стороны историческаго матеріала, въ ней заключающагося; по ней мы можемъ судить главнымъ образомъ о томъ, какъ отразилось въ сознаніи русскихъ сватовство иновѣрнаго принца за благовѣрную княжну, и въ какомъ настроеніи вынли наши предки изъ описанныхъ событій.

Дѣло королевича Вальдемара и царевны Ирины, длившееся около пяти лѣтъ, стоившее многихъ нравственныхъ и матеріальныхъ жертвъ съ нашей стороны и окончившееся смертью двухъ самодержавныхъ лицъ, произвело весьма непріятное и тяжелое впечатлѣніе на громадное большинство русскихъ людей. По суду автора повѣсти, „нерадостное, но печальное, скорбное и непохвальное случилось“ въ русской землѣ. „Тотъ окаянный королевичъ живъ и здоровъ остался и никакой тщеты не сотворилось ему, а намъ, православнымъ христіанамъ, не благо явилось: царя и царицы лишились. Точно по смерть самодержца и самодержицы приходилъ окаянный“. Второе зло авторъ видитъ въ томъ, что королевичъ, обогатившись на нашъ счетъ, надъ нами же насмѣялся и наругался. „Нечего удивляться, если злые агаряне, поганые нѣмцы и другіе супостаты приходятъ иногда войной на нашу русскую землю и берутъ насъ въ плѣнъ..., но сей нечестивый врагъ не съ войною къ намъ приходилъ, а не менѣе иной рати царскую казну истощилъ и всѣмъ людямъ вреда причинилъ. Могъ бы царь много войска поднять противъ своихъ враговъ, что онъ, окаянный, живя на Москвѣ полтора года, изгубилъ въ своихъ обиходахъ. Золото, серебро, дорогіе подарки и почести отъ царя, царицы и прочихъ людей принималъ, а во благочестіи не сталъ, царской воли не исполнилъ и нашимъ русскимъ крещеніемъ не крестился. Набравшись царской милости, съ великимъ богатствомъ ушелъ окаянный, цѣлый и невредимый, въ свое наслѣдіе. Если вѣрою и нечестивъ онъ, но счастіемъ одаренъ былъ отъ Бога“. Не одинъ царь съ царицею, но и всѣ русскіе люди, по словамъ повѣсти, чувствовали себя осрамленными и обезчещенными, сильно скорбѣли и стужали о ве-

ликой тщетѣ, нанесенной землѣ русской погаными нѣмцами. [16])

Коснувшись „исторіи слезъ достойныя“, „многогрѣшнѣй монахъ“ понималъ, что его произведеніе преждевременно, что оно можетъ разбередить еще не зажившую рану въ его соотечественникахъ, а потому въ концѣ своей повѣсти счелъ нужнымъ объяснить тѣ побужденія, по которымъ онъ взялся разсказать о недавномъ, „вельми жалостномъ“ событіи. „Если кто спроситъ: зачѣмъ сія писать и нелѣпая воспоминать? отвѣчай ему, что нелѣпо говорить такъ“,—наставляетъ авторъ повѣсти того честнаго мужа, по просьбѣ котораго сочинилъ ее. „По нашему же убогому уму и неразумію, не подобаетъ Божіяго посѣщенія, или какого либо смотренія или гнѣва въ забвеніе или въ презрѣніе полагать“. По мнѣнію автора повѣсти, слѣдуетъ все предавать письмени, если что гдѣ и неладное случится. Въ оправданіе своего взгляда онъ указываетъ на Библію, древніе хронографы, прологъ, Степенную книгу и повѣсти о смутномъ времени на Руси, въ которыхъ не одно только радостное и стройное писано, но весьма много скорбнаго, мятежнаго и стропотнаго. „Въ странахъ нѣмецкихъ пишутъ и печатаютъ въ книгахъ и на листахъ о военныхъ дѣйствіяхъ; почему же мы лѣнимся, боимся или срамимся писать или печатать о томъ, что случается въ русской землѣ не отъ человѣческой храбрости или хитрости, но по Божію посѣщенію? Также и сего дѣянія не должно въ презрѣніе или забвеніе полагать, но достоитъ писанію предать, да престанемъ невѣрныхъ въ дружбу призывать и съ ними любитися, паки да накажемся и удивимся Божію смотренію и удивленію, како строитъ Своими непзреченными судьбами“. Благочестивый инокъ взглянулъ на событія, связанныя съ пріѣздомъ королевича Вальдемара въ Москву и пребываніемъ въ ней, съ религіозной точки зрѣнія, какъ на наказаніе Божіе за грѣхи рускихъ людей, и пожелалъ сохранить нѣкоторыя изъ нихъ въ памяти соотечественниковъ, какъ поучительный для нихъ примѣръ. Авторъ повѣсти передавалъ исторію сватовства *„вѣдомости ради въ предыдущія лѣта“*;

---

[16]) Ibid. лл. 28. 21. 30 об. 16—17. 12 об. 23 и друг.

его конечною цѣлію было показать, что намъ, русскимъ, не слѣдуетъ дружиться, тѣмъ больше вступать въ родственныя связи съ иновѣрцами [17]).

Не путемъ апріорныхъ разсужденій пришелъ московскій книжникъ къ такому заключенію на счетъ будущихъ отношеній русскихъ къ иноземцамъ; оно явилось у него само собою, лишь только онъ взялся за описаніе неудавшагося сватовства царской дочери за датскаго принца. Пренебрежительныя отношенія датчанъ къ русскимъ въ теченіе полутора лѣтъ, ихъ кощунственное обращеніе съ православною святыней невольно воскресали въ памяти автора повѣсти и вызывали въ немъ непріязненныя мысли и чувства. Онъ смотритъ на иновѣрцевъ также не высоко, относится къ нимъ также недружелюбно, какъ смотрѣли и относились къ нимъ русскіе люди раньше его. Считая своихъ соотечественниковъ единственнымъ въ мірѣ православнымъ народомъ, онъ называетъ нѣмцевъ невѣрными, нечестивыми, погаными; королевича Вальдемара находитъ хуже пса и лютѣе льва, сравниваетъ его съ сатаною, а въ пріѣхавшихъ съ нимъ датчанахъ усматриваетъ сходство съ демонами. „Хотя видомъ, образомъ и составомъ они люди, но одѣяніемъ и волосъ роженіемъ они какъ бы демоны, вся бѣсовская и еретическая содѣваютъ, во всемъ бѣсамъ угождаютъ и такъже, какъ послѣдніе отпали отъ лика ангельскаго, они отверглись отъ нашей православной вѣры, чужды намъ во всемъ и прокляты соборами, св. отцами, благочестивыми римскими папами и православными восточными патріархами". Лютеранскую вѣру авторъ повѣсти признаетъ злою, богомерзскою и омраченною прелестью, положенною Мартиномъ Лютеромъ къ самой грѣховной слабости и сладости. Что удивительнаго послѣ сказаннаго, если „многогрѣшный монахъ" спрашиваетъ себя и другихъ словами апостола: „кое убо пріобщеніе свѣту ко тмѣ? кое же согласіе Христови съ веліаромъ, или кая часть вѣрному съ невѣрнымъ?" и цѣлымъ родомъ болѣе или менѣе мѣткихъ сравненій

[17]) ibid. лл. 28—33.

доказываетъ невозможность общенія русскихъ съ нѣмцами. „Какъ два звѣря не уживаются въ одномъ логовищѣ, такъ и благочестивому не ужиться съ нечестивымъ въ одномъ царствѣ; православному быть вмѣстѣ съ невѣрнымъ также нелѣпо, какъ незлобивой овцѣ—съ волкомъ. Не слѣдъ быть травѣ въ чистой пшеницѣ: заглушитъ ее, или мутной водѣ вступать въ чистую: возмутитъ ее; такъ нельзя входить нечестію во благочестіе: смятетъ его и будетъ великая бѣда и крамола всѣмъ православнымъ христіанамъ“ [18]).

Общеніе русскихъ съ западными иновѣрцами авторъ повѣсти допускаетъ лишь подъ условіемъ принятія послѣдними православной вѣры черезъ перекрещиваніе, но самое условіе считаетъ трудно исполнимымъ, почти невозможнымъ для нѣмцевъ. „Издавна они любили, говоритъ онъ о лютеранахъ, свою еретическую прелесть, хвалили ее больше всѣхъ вѣръ и укрѣплены въ ней Мартиномъ Лютеромъ съ его клевретами, будто нелѣпыя храмины, водруженныя на твердомъ камнѣ. Они не отступятъ отъ своей проклятой вѣры: затекло сердце ихъ по еретическому ученію во глубину нечестія... „Въ подтвержденіе своихъ мыслей нашъ авторъ ссылается на то, что Вальдемаръ, несмотря на всѣ старанія царя крестить его по русскому обряду, не пожелалъ безчестить своей вѣры, своего отца Христіана и вообще датской короны и устоялъ въ своемъ невѣріи. „Какъ волка не корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ; такъ и того окаяннаго колико кормихомъ. колико поихомъ, колики чести воздавахомъ, колико многими и драгими дарми дарихомъ, и многую свою царскую казну истощили, и всей земли велія тщета учинися, а добра не получихомъ и въ чувство окаяннаго не приведохомъ... А намъ то и туне, и паки реку туне, паче же рещи радостно и обрадованно, что невѣрный обезумѣ, и не прінде въ чувство и не пріялъ на лицѣ дара Духа Св., якоже есть писано: да не дадите святаго псамъ; святое же толкуется тѣло и кровь Христова, а пси—они невѣрніи“. Сочинитель повѣсти объясняетъ далѣе причины своей радости. „Да не будемъ раздорниками

18) Ibid лл. 7—8. 25. 27 об.—28. 37. и др.

и противниками царской радости; если бы она была, еслибы нечестивый королевичъ отъ всего сердца восхотѣлъ креститься по нашему русскому обычаю и законнымъ бракомъ сочетаться съ царскою дочерью, то и мы всѣ были бы благодарны и радостни царской радости, царь съ царицею были бы безъ печали и все было бы мирно и безкручинно... Но не напрасно провидецъ Богъ не допустилъ такого нечестиваго врага до нашего крещенія! Если бы онъ крестился и женился на царской дочери, то вправду велика была бы бѣда и крамола всему православному христіанству и всему великому государству смута и раздоръ. Послѣ смерти Михаила Осодоровича тотъ нечестивый, хотя бы и зятемъ былъ нынѣшнему государю Алексѣю Михайловичу, не сталъ бы благая мыслить, а захотѣлъ бы съ своими погаными нѣмцами большимъ властцемъ быть и царствомъ владѣть. По крещеніи и женитьбѣ, сей невѣрный, врагъ Божій и человѣческій, не отсталъ бы отъ своего яда, держалъ бы его внутри себя тайно до времени, чтобы потомъ снова обратиться къ своему невѣрію. Да и всѣ они окаянные, хотя и крестятся нашимъ крещеніемъ, въ злодѣйскихъ сердцахъ своихъ не то помышляютъ и, какъ несмысленные псы, принимаютъ даръ Св. Духа, а иные изъ нихъ, получивши царское жалованье за крещеніе, предаются бѣгству". Въ чувствѣ невыразимой радости „многогрѣшный монахъ" призываетъ всѣхъ возблагодарить Бога, безъ всякой смуты и крамолы избавившаго русскую землю отъ нечестиваго врага и поставившаго надъ нею царемъ истиннаго государскаго сына [19]).

Высказавши впечатлѣнія отъ пережитыхъ событій и раскрывши въ повѣсти свой взглядъ на характеръ послѣдующихъ отношеній русскихъ къ иноземцамъ, авторъ желалъ возможно бо́льшаго распространенія своего произведенія въ обществѣ. Въ этихъ видахъ онъ просилъ „благоразумнаго мужа", по порученію котораго написалъ повѣсть, не только самому читать ее, но и другимъ давать, „да вѣдомо будетъ и всякому православному христіанину, яко *не добро есть со иновѣрными свататися*", какъ говорилъ еще Іисусъ Навинъ

---

[19]) Ibid. лл. 12—16. 24—27 и др.

Израильтянамъ (XXIII, 11—13)[20]). Сочинитель повѣсти не просто желалъ подѣлиться впечатлѣніями со своими соотечественниками, а хотѣлъ возобновить въ нихъ прежнія чувства къ иновѣрцамъ. Но послѣднее произошло само собою, безъ всякаго воздѣйствія на Москвичей со стороны повѣсти.

Дурное поведеніе и разнаго рода безчинства Датчанъ напомнили о бѣдствіяхъ смутнаго времени не одному автору повѣсти, но и другимъ жителямъ Москвы. Простой народъ, мало знавшій о дѣлѣ Вальдемара и не вникавшій въ планы своего правительства, ранѣе другихъ началъ выказывать свое нерасположеніе къ своевольнымъ, *„весьма озарничавшимъ въ Москвѣ“* людямъ королевича. Не всѣ наши предки могли терпѣливо переносить насмѣшки и издѣвательства надъ ними Датчанъ и никто изъ нихъ конечно не могъ равнодушно смотрѣть на кощунственное обращеніе послѣднихъ съ православною святыней. Многіе изъ Москвичей не хотѣли прощать своимъ обидчикамъ и оскорбителямъ и платили Датчанамъ тѣмъ-же, что отъ нихъ получали. Среди датскихъ дѣлъ нашего московскаго архива сохранилось не мало документовъ о враждебныхъ столкновеніяхъ нашего простаго народа съ людьми Вальдемара. По этимъ памятникамъ можно прослѣдить, какъ отношенія между гостями и хозяевами, въ началѣ довольно сдержанныя, постепенно обострялись, становились враждебными, а подъ конецъ даже нетерпимыми. Количество ссоръ нашего простаго народа съ Датчанами съ каждымъ мѣсяцемъ возрастало; отъ *„позорнаго обычая“*—бранныхъ словъ онъ все чаще сталъ переходить *„къ дѣлу“* и нерѣдко собственно-ручно расправлялся съ погаными. Въ этомъ самосудѣ принимали участіе крестьяне, извощики, а еще больше лавочники, стрѣльцы и казаки. На допросѣ, слѣдовавшемъ обыкновенно послѣ такихъ случаевъ, Датчане неоднократно заявляли, что „гнались-де за ними“ или „били ихъ *міромъ всякихъ чиновъ люди*, и изъ русскихъ людей никто не пойманъ, потому что *ихъ было многолюдно*“. Свидѣтели, вызывавшіеся въ судъ, по большей части отзывались незнаніемъ происшедшаго или же показы-

[20]) Ibid. лл. 35 об.—36.

вали въ пользу своихъ; наши приказные дьяки, разумѣется тоже держали сторону русскихъ и нерѣдко признавали зачинщиками въ ссорѣ людей королевича [21]). Снисходительное отношеніе нашего суда къ виновнымъ русскимъ, безнаказанность послѣднихъ и были, предполагаемъ, главною причиною слуховъ, ходившихъ по Москвѣ и весьма пугавшихъ Датчанъ, будто у высшихъ бояръ и простаго народа былъ умыселъ „учинить надъ нѣмцы великую бѣду и кровопролитье“ [22]). Никакого заговора противъ свиты Вальдемара, понятно, не было у нашихъ, и распространявшаяся въ обществѣ молва была справедлива развѣ въ томъ отношеніи, что отмѣчала дѣйствительную непріязнь къ зажившимся въ царственномъ Кремлѣ иновѣрцамъ подавляющаго большинства русскихъ людей.

Но, пока живъ былъ ц. Михаилъ Ѳеодоровичъ, искренно любившій королевича и въ силу обстоятельствъ покровительствовавшій Датчанамъ, открытаго возстанія на нѣмцевъ не было. Ближніе бояре царя, зная о страстномъ желаніи его имѣть Вальдемара своимъ зятемъ, боялись въ чемъ-либо обнаруживать свое нерасположеніе къ Датчанамъ и во все время пребыванія ихъ на Москвѣ старались по возможности устранять поводы къ враждебнымъ столкновеніямъ гостей съ хозяевами. Въ этихъ между прочимъ видахъ дьяки Львовъ и Волошенниновъ 30 марта 1644 г., именемъ государя, свели королевичевыхъ и посольскихъ людей со дворовъ русскихъ и нѣмецкихъ женъ въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ; тѣ-же цѣли преслѣдовали отчасти и наши духовныя власти, подъ разными предлогами просившія ц. Михаила Ѳеодоровича освободить монастырскія и архіерейскія подворья въ Москвѣ отъ постоя на нихъ нѣмцевъ [23]). Правительство

---

21) О разнаго рода враждебныхъ столкновеніяхъ Русскихъ съ Датчанами 26 марта, 14 мая, 1 іюня, 7 іюля и 25 ноября 1644 года, 10 и 30 генваря, 11 и 20 февраля, 2 и 16 марта, 18 мая, 18 и 19 іюля 1645 года см. въ Датскихъ дѣлахъ М. Гл. А. М. И. Д. 1644 г. №№ 2. 4. 6—7 и 9, свв. 18. 20—21; 1645 г. №№ 1—2, свв. 22 -23; Датскомъ Извѣстіи стрр. 36—59; Актахъ Истор. т. III. № 302.

22) Датск. дѣла 1644 г. № 4 св. 20; Датск. извѣст. стр. 40, 63.

23) О сведеніи королевичевыхъ нѣмцевъ со своихъ подворій били челомъ ц. Михаилу: въ іюнѣ 1644 года — Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря игумена

охотно исполняло подобныя челобитныя, находя разъединеніе одинаково полезнымъ для нѣмцевъ и своихъ подданныхъ. — Со вступленіемъ на престолъ ц. Алексѣя Михайловича, затаенная вражда къ нѣмцамъ начала быстро и съ силою обнаруживаться въ разныхъ сословіяхъ. Въ 1646 году торговые люди всего государства, продолжавшіе тяготиться льготами, предоставленными иностраннымъ купцамъ, жаловались новому царю, что иноземцы въ прошлое царствованіе наводнили собою все государство, не только ихъ сдѣлали безъ промысловъ, но и всю русскую землю оголодили, увозя къ себѣ хлѣбъ, мясо и всякій харчь изъ Москвы и другихъ городовъ; обвиняли нѣмцевъ въ томъ, что они привозятъ всякіе товары хуже прежняго, заговоромъ возвышаютъ на нихъ цѣны, у русскихъ товаровъ покупать не велятъ или платятъ за нихъ меньше, чѣмъ слѣдуетъ, и вдобавокъ насмѣхаются надъ ними. Русскіе торговцы умоляли молодаго царя „не дать имъ, природнымъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, быть отъ иновѣрцевъ въ вѣчной нищетѣ и скудости“, запретить иноземцамъ торговать въ московскомъ государствѣ, кромѣ Архангельска, и не отдавать имъ на откупъ промысловъ. Просьба купечества по прежнему не была исполнена, и народная ненависть обрушилась тогда на боярина Б. Ив. Морозова, правившаго дѣлами государства и обнаруживавшаго расположеніе къ иноземцамъ и иноземнымъ обычаямъ. Торговые люди и простой народъ были до того озлоблены на Морозова за потачку иновѣрцамъ и за разные новые налоги, что пытались убить его вмѣстѣ съ прочими ненавистными людьми. Самъ царь долженъ былъ со слезами на глазахъ просить народъ о помилованіи своего пріятеля. Но и послѣ этого несчастное имя Морозова продолжало повторяться въ устахъ недовольныхъ. Въ началѣ 1650 г. начались возстанія во Псковѣ и Новгородѣ противъ

Анастасія Сабурова и келарь старица Пелагѣя Уварова, въ февралѣ 1645 г.— архимандритъ Казанскаго Преображенскаго м-ря Сильвестръ, въ апрѣлѣ—Рождественскаго Пафнутіева игум. Іосифъ, 23 іюня—Вологодскій архіеп. Маркелъ, въ 1645 году — Нижегородскаго Печерскаго м-ря—архим. Рафаилъ и келарь Германъ. Датскія дѣла 1644 г. №№ 2 и 6, свв. 18 и 20; 1645 г. №№ 1 и 2, свв. 22—23.

нѣмцевъ и всѣхъ, имѣвшихъ съ ними сношенія, причемъ мятежники толковали и писали, что молодой царь ничего не знаетъ, правятъ всѣмъ государствомъ бояре, которые о русскихъ людяхъ не радятъ, дружатъ иноземцамъ, деньгами подмогаютъ и русскимъ хлѣбомъ кормятъ нѣмецкія земли, а между тѣмъ шведы мирный договоръ во всемъ нарушили, православную вѣру у русскихъ зарубежныхъ людей отняли, церкви Божіи осквернили, поповъ на Руси ставить не даютъ, христіанскихъ дѣтей крестятъ въ своихъ киркахъ и хотятъ идти войной подъ Новгородъ и Псковъ [24]). Насколько несправедливъ былъ упрекъ со стороны псковскихъ и новгородскихъ бунтовщиковъ боярамъ вообще, будто они покровительствуютъ нѣмцамъ, свидѣтельствуетъ „Дѣло объ отправленіи въ ссылку къ Соли-Вычегодской кн. С. Шаховскаго...“

Вступивши на престолъ, царь Алексѣй Михайловичъ позаботился не объ одномъ Вальдемарѣ, но и о русскихъ людяхъ, пострадавшихъ въ прошлое царствованіе за свое участіе въ дѣлѣ королевича. 17 іюля 1645 года онъ приказалъ дать жалованье стрѣльцамъ, которые были избиты и переранены Датчанами у Тверскихъ воротъ 9 мая, а потомъ вспомнилъ и кн. С. Ив. Шаховскаго. Въ апрѣлѣ 1646 г. князя перевели изъ Усть-Колы въ Устюгъ, а въ концѣ года царь позволилъ ему возвратиться въ Москву и даже „видѣть свои государскія очи“. Въ бытность свою у царской руки Шаховской, оправдываясь, неосторожно замѣтилъ, что онъ „то все дѣлалъ“, т. е. писалъ извѣстное намъ посланіе, исполняя повелѣнье покойнаго государя. Царь Алексѣй указалъ боярину кн. А. Н. Трубецкому и дьяку Мих. Волошенинову разспросить Шаховскаго: какое повелѣнье было ему отъ государя Михаила Ѳеодоровича, самъ-ли онъ лично приказывалъ князю или другой кто сказывалъ ему государевъ указъ? На допросѣ 1 янв. 1647 года Шаховской сознался, что онъ виноватъ передъ царемъ Алексѣемъ Ми-

---

24) Подробнѣе см. у С. М. Соловьева: И. Р. X, стр. 143—204 изд. С.-Петерб. 1860 г., сн. Костомарова Русск. Истор. въ жизнеописаніяхъ, отд. 2, вып. IV стр. 105—121.

хайловичемъ, говорилъ о покойномъ государѣ безпамятно, государевыхъ очей не видалъ, никто къ нему съ указомъ отъ царя не приходилъ и письмо написалъ собою. Несчастный князь передалъ при этомъ свой разговоръ съ Благовѣщенскимъ протопопомъ Никитой и въ концѣ своего показанія замѣтилъ, что „за то де (письмо) къ нему государевой немилости и опалы не бывало". 3 января бояре, выслушавши дѣло, приговорили Шаховскаго къ смертной казни за то, что онъ православную вѣру хотѣлъ обругать, своимъ письмомъ соединился съ проклятою люторскою вѣрою и, затѣявъ своимъ воровствомъ, говорилъ непристойныя рѣчи про покойнаго государя Михаила Осодоровича. На другой день дьякъ Волошенниновъ приказалъ приставу Шаховскаго, Моисею Плещееву, дать князю Семену духовнаго отца поновить его, но не причащать, какъ еретика, а послѣ исповѣди привести въ посольскій приказъ. Передъ послѣднимъ, въ присутствіи боярина Трубецкаго, дьякомъ Волошенниновымъ были перечислены вины Шаховскаго и объявлено ему окончательное рѣшеніе. „Сенька Шаховской! какъ былъ на Москвѣ датскій королевичъ Вальдемаръ, и ты, забывши Бога, св. православную христіанскую вѣру и государево крестное цѣлованье, пристадъ къ королевичу и съ своими совѣтниками во всемъ ему добра хотѣлъ, безпрестанно мыслилъ и дѣлалъ еретическое и богомерзкое дѣло, говорилъ многажды и въ письмѣ своемъ писалъ, что можно некрещенному королевичу ходить во святую церковь и пріобщить еретика люторскія вѣры къ православнымъ христіанамъ; и за твои великія вины бояре приговорили было тебя сжечь, но вел. государь Алексѣй Михайловичъ, по своему милосердому обычаю, сжечь тебя не велѣлъ, а приказалъ сослать къ Соли-Вычегодской [25]). Конца любопытнаго слѣдственнаго дѣла, къ сожалѣнію, не сохранилось, но и уцѣлѣвшаго вполнѣ достаточно для того, чтобы видѣть, какихъ взглядовъ держались на лютеранство и общеніе православныхъ съ лютеранами бояре, судившіе князя Шаховскаго. Подобно автору повѣсти они рѣшали вопросъ объ отношеніи къ иновѣрцамъ отрицательно и самую

---

[25]) Датск. дѣла 1644 г. № 3.

мысль о присоединеніи лютеранъ къ православію безъ перекрещиванія считали еретическимъ и богомерзскимъ дѣломъ.

Молодой царь Алексѣй Михайловичъ въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ касательно лютеранъ согласовался съ настроеніемъ своихъ подданныхъ. Задумавши жениться въ началѣ 1647 года, онъ не сталъ уже искать себѣ невѣсты въ иныхъ государствахъ, какъ то дѣлали его предшественники, а рѣшился, не нарушая дѣдовскихъ обычаевъ, избрать себѣ жену изъ дѣвицъ всей русской земли. Впечатлѣніе отъ неудавшагося сватовства царевны Ирины было слишкомъ тяжело и живо чувствовалось всѣми, чтобы можно было снова поднимать царю вопросъ о заграничной невѣстѣ. Вопросъ о бракахъ съ иновѣрцами надолго послѣ этого замолкъ въ нашемъ царствующемъ домѣ, вплоть до крестника Ирины Михайловны, Петра Великаго, который, какъ послѣ увидимъ, устранилъ главную помѣху (перекрещиваніе) къ заключенію смѣшанныхъ браковъ и въ 1721 г. предложилъ святѣйшему Сѵноду разрѣшить иностранцамъ неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій вступать въ супружество съ лицами православной церкви [26]). Но въ первые годы правленія царя Алексѣя было далеко до такого явно-покровительственнаго отношенія къ протестантамъ, какъ показываютъ нѣкоторыя правительственныя мѣропріятія.

Кирка, построенная нѣмцами въ 1643 году на огородѣ Никиты Зюзина, съ разрѣшенія Михаила Ѳеодоровича, допустившаго ее исключительно въ угодность жениху своей дочери, если вѣрить сообщенію Грота [27]), просуществовала всего три года. Любопытенъ поводъ, по которому эта кирка, съ крестомъ и колокольней, вынесена была изъ черты города. Черезъ три года послѣ сооруженія случилось проѣзжать мимо нея ц. Алексѣю Михайловичу, который принялъ ее за православную церковь и, по русскому обычаю, перекрестился. Духовникъ открылъ ошибку царю, а покорный духовный

---

26) О бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными разсужденіе, въ св. правительств. Сѵнодѣ сочиненное. С.-Петерб. 1721 г.; Полн. собр. зак. росс. импер. т. VI №№ 3798 и 3814.

27) Bemerkungen über die Religions—Freiheit d. Ausländer im Russischen Reiche, Th. 1. 239—240.

сынъ счелъ свой поступокъ грѣхомъ, велѣлъ кирку перенести за городъ и запретилъ на будущее время ставить при киркахъ колокольни и на нихъ кресты. Вѣроятно, что причина перенесенія была иная—болѣе существенная и важная, чѣмъ это происшествіе; во всякомъ разѣ приведенный разсказъ любопытенъ для характеристики отношеній царя Алексѣя и его окружающихъ къ лютеранству. Въ знаменитомъ Уложеніи 1649 г. изъ распоряженій предшествующаго царствованія, направленныхъ къ ограниченію правъ иноземцевъ на Москвѣ, были приведены и подтверждены два самыхъ важныхъ указа (1628 и 1643 гг.), изъ которыхъ первымъ повелѣвалось „взять съ иноземскихъ дворовъ православныхъ христіанъ, служившихъ у невѣрныхъ некрещенныхъ иноземцевъ и впредь имъ тамъ не жить“, вторымъ приказывалось „сломать нѣмецкія ропаты на Москвѣ въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ“... [28]). Примѣчательно въ данномъ случаѣ не то, что лица, занимавшіяся составленіемъ Уложенія, помѣстили въ своемъ законодательномъ памятникѣ означенныя распоряженія, такъ-какъ по указу царя они должны были „все собрать и въ докладъ написать“ [29]), а то, что они усилили ихъ строгость. Уложеніе не только запрещало русскимъ жить у иноземцевъ, по крѣпостямъ и добровольно, но и грозило ослушникамъ жестокимъ наказаніемъ, „чтобъ не повадно было такъ дѣлать“; кирки же въ Китаѣ, Бѣломъ и Земляномъ городѣ предписывалось не только сломать, но и впредь имъ тамъ, на нѣмецкихъ дворахъ, не быть, а быть имъ за Земляннымъ городомъ отъ церквей Божіихъ въ дальнихъ мѣстахъ. Около половины XVII стол. иноземцамъ, носившимъ русское платье, во избѣжаніе ругательствъ и оскорбленій при встрѣчѣ съ простымъ народомъ, приказано было снять его и ходить въ одеждахъ, свойственныхъ ихъ странѣ [30]). Указомъ ц. Алексѣя отъ 4 окт. 1652 года предписывалось всѣмъ некрещеннымъ иноземцамъ, жившимъ въ Москвѣ, выселиться изъ города на вновь отведенныя для нихъ мѣста

28) Уложеніе, XX стр. 197—198; XIX стр. 179—180 изд. 1737 г.

29) Ibid. стр. 2.

30) Русск. перев. Олеарія стр. 163—164. 370.

„за покровскими воротами, за Земляным городомъ, подлѣ рѣки Яузы, гдѣ были напередъ сего нѣмецкія дворы при прежнихъ великихъ государяхъ, до московскаго раззоренія“ [31]). Въ чертѣ города дозволялось остаться лишь тѣмъ нѣмцамъ, кои пожелаютъ перейти въ православіе. Удаляя кирки отъ православныхъ церквей, а самихъ нѣмцевъ отъ природныхъ русскихъ, стараясь отличить иноземцевъ въ самой одеждѣ, ц. Алексѣй въ сущности шелъ на встрѣчу тѣмъ непріязненнымъ въ отношеніи къ иновѣрцамъ мыслямъ и чувствамъ, съ которыми вышли Москвичи изъ совмѣстной жизни съ Датчанами, которыя съ силою обнаружились въ событіяхъ первыхъ лѣтъ его царствованія и были высказаны многогрѣшнымъ монахомъ въ извѣстной намъ повѣсти. Изолируя иноземцевъ отъ коренныхъ жителей, правительство хотѣло тѣмъ самымъ устранить всякіе поводы къ новымъ народнымъ возстаніямъ противъ нѣмцевъ и по возможности уменьшить нравственный и матеріальный вредъ, причинявшійся послѣдними русскимъ людямъ. Образовавши изъ западно-европейскихъ выходцевъ Ново-иноземскую Слободу, правительство не порывало съ нею сношеній, продолжало пользоваться на благо страны знаніями и умѣніями ея жителей, болѣе или менѣе щедро награждало послѣднихъ за службу государю, но въ то же время оно внимательно слѣдило за взаимными сношеніями русскихъ и нѣмцевъ и смертію грозило тѣмъ изъ послѣднихъ, которые насильно или обманомъ осмѣлились бы совращать православныхъ въ свою вѣру [32]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда надзоръ со стороны свѣтскихъ властей ослабѣвалъ, когда нѣкоторые изъ ближнихъ бояръ царя начинали дружить явно съ иновѣрцами, увлекаться иноземными обычаями въ ущербъ родному русскому, на охрану и защиту вѣры и народности выступала власть духовная во главѣ съ своими іерархами.

Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и въ свою очередь вызвавшія на усиленную ученолитературную дѣятельность наше духовенство, не произвели перемѣны во взглядахъ послѣдняго на иновѣрцевъ. Въ

---

31) Ibidd. 370—371. П. С. Зак. т. 1, № 85.

32) Уложеніе, XX. 71. стр. 198. XXII. 24 стр. 239.

трактатѣ: „Объ светом крещценю“ Юрія Крижанича сохранилось любопытное указаніе на характеръ отношенія къ дѣлу Вальдемара патр. Іосифа, крайняго блюстителя русскаго православія въ то время. „Об Ермогену и об Іосифу патрнархех, писалъ тайный агентъ римскаго престола, къ истине прилично се кажет: яко они обливанье обхудиша болье и веще из ради никих политичних и мирских, неже из ради духовних, причин, а то ест: да быху были тим легльe могли избыти никих ненадобних гостей: Владислава и Волмара кральевичьев“ [33]). Весьма вѣроятно, что патр. Іосифу, какъ и громадному большинству русскихъ людей, былъ не по душѣ бракъ царевны Ирины съ Вальдемаромъ, обѣщавшій неизбѣжно повлечь за собою увеличеніе нѣмцевъ на Москвѣ; но ужъ никакъ нельзя согласиться съ Крижаничемъ въ томъ, будто патріархъ потому главнымъ образомъ не признавалъ обливанія и требовалъ перекрещиванія королевича, что хотѣлъ избавиться отъ нежеланнаго гостя. Патр. Іосифъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ православные полемисты настаивали на вторичномъ крещеніи Вальдемара на основаніи церковной практики и дѣйствовавшаго въ то время права. Правда, они ни разу не ссылаются на опредѣленіе московскаго собора 1620 года, но основная мысль соборнаго изложенія патр. Филарета, что латинское и вообще „еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе“, проведена у нихъ послѣдовательно чрезъ всю полемику, начиная съ патріаршихъ посланій и кончая „Отвѣтнымъ письмомъ“ на послѣднюю тетрадь пастора. Какъ ни трудно приходилось нашимъ полемистамъ при отстаиваніи перекрещиванія, но они остались при своемъ и еще болѣе убѣдили своихъ современниковъ въ томъ, что нѣмцы злые еретики, съ которыми не слѣдуетъ имѣть общенія православнымъ христіанамъ. Старый непріязненный взглядъ на лютеранство, раскрытый и доведенный нашими до крайности въ спорахъ съ Датчанами, въ теченіе всего XVII вѣка жилъ во многихъ русскихъ людяхъ и раздѣлялся всѣми нашими патріархами, начиная съ Никона, публично обличав-

33) Описан. рукоп. Синод. библ. А. В. Горскаго 11. 3, № 284 л. 69 стр. 403.

шаго новыя развращенныя иконы и отбиравшаго ихъ у вельможъ-западниковъ [34]). Обширная полемическая литература, возникшая во время нашихъ преній о вѣрѣ, долго послѣ того служила русскимъ богословамъ и казалась имъ настолько удовлетворительною, что они сами почти не писали болѣе противъ лютеранъ и ограничивались простою перепискою ранѣе написаннаго [35]). Но особенною живучестію заявила себя мысль о перекрещиваніи латинъ и вообще всѣхъ крещенныхъ обливательнымъ крещеніемъ, составлявшая центральный предметъ нашего спора. Что обливательное крещеніе не истинное, а еретическое, объ этомъ говоритъ авторъ извѣстной намъ повѣсти [36]). Печатая въ 1648 г. книгу о вѣрѣ игумена Кіево-Михайловскаго монастыря Пафанаила, справщики московскаго печатнаго двора, споривше ранѣе съ пасторомъ Фельгаберомъ, помѣщаютъ въ концѣ ея „*главу о св. крещеніи, яко погружати подобаетъ, а не обливати*“, которая представляетъ собою извлеченіе изъ втораго посланія патр. Іосифа къ королевичу [37]). Въ іюнѣ 1650 г. старецъ Арсеній Сухановъ доказываетъ грекамъ, что католиковъ слѣдуетъ перекрещивать, а на другой годъ въ Москвѣ перепечатываютъ при Потребникѣ соборное изложеніе Филарета Никитича о крещеніи латынь [38]). Московскій соборъ 1667 г., тщательно разобравши послѣднее, нашелъ его несогласнымъ съ духомъ и буквою древнихъ церковныхъ правилъ, равно какъ съ практикою восточной церкви [39]), и, по настоянію

---

34) Преосв. Макарій, Патр. Никонъ въ дѣлѣ исправл. церковныхъ обрядовъ, стр. 63—64; А. А. Э. IV № 200; Виблioѳика, ч. IV стрр. 125—128 изд. 1774 г.

35) Памятниками преній о вѣрѣ особенно сильно пользовались наши предки въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣт., въ эпоху преобладавшаго тогда у насъ вліянія протестантовъ, что доказывается множествомъ списковъ, относящихся къ означенному времени.

36) Рукоп. В. М. Ундольскаго № 1327 л. 23 об.—24.

37) Книги о вѣрѣ лл. 283 об.—288 сл. съ Рукоп. М. Д. Акад. № 338 лл. 100 об.—105.

38) Преосв. Макарій, И. Р. Ц. т. XI стр. 154—156. Сахаровъ, Обозрѣн. слав.-русск. библ. т. I, кн. 2 № 527, стр. 171.

39) Вопросъ о неперекрещиваніи католиковъ былъ поднятъ въ 1655 году антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ. По словамъ Павла Алеппскаго, патр. Никонъ постоянно просилъ патр. Макарія отмѣчать ему все, что онъ найдетъ до-

патріарховъ антіохійскаго и александрійскаго, отмѣнилъ его. Но, устранивши юридическое основаніе для перекрещиванія католиковъ и вообще всѣхъ обливанцевъ, соборъ не въ силахъ былъ уничтожить въ дѣйствительности самаго перекрещиванія. Практика, создавшаяся цѣлыми столѣтіями и узаконенная постановленіемъ собора 1620 г., не могла исчезнуть быстро и продолжалась, какъ показываютъ свидѣтельства иностранцевъ и факты перекрещиванія, во всю вторую половину XVII в., вплоть до Петра Великаго, который усиленно хлопоталъ объ искорененіи ея [40]). Но въ то время, какъ православная церковь, согласно опредѣленію большаго

стойнымъ порицанія въ русскомъ церковномъ чинѣ, чтобы все это можно было исправить. Патр. Макарій, исполняя волю Никона, между прочимъ указалъ на то, что въ Москвѣ незаконно допускаютъ перекрещиваніе поляковъ при переходѣ ихъ въ православіе. Никонъ дважды, по убѣжденію Макарія, подвергалъ вопросъ соборному разсмотрѣнію, и каждый разъ отцы собора соглашались съ мнѣніемъ антіохійскаго патріарха. Но обычай перекрещиванія латинянъ оставался въ полной силѣ и вызвалъ со стороны ц. Алексѣя Михайловича 15 марта 1667 г. слѣдующій вопросъ къ членамъ большаго московскаго собора: правильно ли повелѣно было крестить приходящихъ отъ римской вѣры къ православной церкви на соборѣ 1620 года? „ . . . Днесь прочитавше оного собора дѣянія выписку, бывшаго при святѣйшемъ Филаретѣ Никитичѣ, патріархѣ московскомъ и всея Россіи, обрѣтохомъ, отвѣчали члены большаго московскаго собора на вопросъ царя, яко неправедно списателе предложиша собору оному указанія правильная и не суть прилична на покрещеніе латинъ. Еще же въ ономъ соборномъ дѣяніи обрѣтохомъ и правила правиломъ не сличны, указанія же ихъ, сирѣчь приводы, ни мало къ правиламъ согласны, якоже то самое соборное дѣяніе являетъ.. И согласно судихомъ вси, яко неподобно латинъ покрещевати, но точію, по проклинаніи своихъ имъ ересей, и по исповѣданіи согрѣшеній, и по даяніи рукописанія, помазовати ихъ святымъ и великимъ муромъ, и сподобляти святыхъ и пречистыхъ таинъ, и тако пріобщати святѣй соборнѣй и апостольстѣй восточнѣй церквѣ, по священнымъ правиломъ...“ Преосв. Макарій: Патр. Никонъ въ дѣлѣ исправ. церковныхъ книгъ и обрядовъ, стр. 86 – 89; свящ. П. О. Николаевскій: Изъ исторіи сношеній Россіи съ востокомъ, Христ. Чтен. 1882 ч. I, стрр. 754—755. 764—765; Матер. для истор. раскола Н. И. Субботина т. II, стрр. 343—345, 359—360.

40) Дм. Цвѣтаевъ: Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, стр. 390—391. Въ 1720 году, по приказанію Петра В., Ѳеофаномъ Прокоповичемъ было написано и потомъ напечатано „Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ неправедно же и злобно“. Полн. собр. зак. россійск. импер. т. V ст. 3225, стр. 386.

Московскаго собора 1667 г., отказалась принимать латинянъ и протестантовъ чрезъ перекрещиваніе, соборное изложеніе патр. Филарета осталось дѣйствующимъ у нашихъ раскольниковъ. Начиная съ самыхъ древнихъ и кончая новѣйшими раскольническими сочиненіями, встрѣчается обвиненіе православной церкви въ еретичествѣ за то, что она не перекрещиваетъ католиковъ и всѣхъ другихъ западныхъ сектантовъ. Упорно защищая каноническое достоинство соборнаго изложенія, расколъ имѣетъ по этому вопросу обширную литературу, цѣль которой—доказать, что постановленіе собора 1620 г. должно быть единственнымъ руководствомъ въ принятіи людей неправославныхъ вѣроисповѣданій въ православную церковь. Любопытно въ раскольническихъ сочиненіяхъ, относящихся къ данному предмету, то, что въ нихъ употребляются тѣже доказательства, какими пользовались православные русскіе богословы 40-хъ годовъ XVII стол. въ спорѣ о крещеніи съ Датчанами. Въ раскольническихъ трактатахъ и сборникахъ о поливательномъ крещеніи встрѣчаются буквальныя и довольно значительныя выдержки изъ памятниковъ нашей полемики [41]).

Раскрывая подробно ту мысль, что дѣло Вальдемара и пренія о вѣрѣ не только не измѣнили взглядовъ и отношеній нашихъ предковъ къ западнымъ иновѣрцамъ, а напротивъ воскресили въ нихъ старыя враждебныя мысли и чувства къ послѣднимъ, мы имѣемъ въ виду не всѣхъ русскихъ людей, но собственно подавляющее большинство. Лучшіе и передовые люди, составлявшіе незначительное меньшинство, могли вынести изъ пережитыхъ событій иное впечатлѣніе и въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи Русскихъ къ западнымъ иноземцамъ могли прійти къ иному выводу. Дѣло королевича Вальдемара и особенно жаркій и продолжительный богословскій споръ, все время глубоко интересовавшіе царскую семью и весь придворный міръ, высшее московское духовенство и всѣхъ книжныхъ людей, были крупными явленіи-

41) Мечь духовный, ч. I. пред. 2, гл. 19, л. 102 и сл.; Поморск. отв. 50 ст. 36; Объявленіе перемѣнъ и новинъ въ россійск. церкви, ст. 140, л. 220 и далѣе; см. Рук. Общ. ист. и др. № 13 лл. 111—112.

ями своего времени и для лицъ болѣе другихъ образованныхъ и развитыхъ могли имѣть не столько отрицательное, сколько положительное значеніе. Пренія о вѣрѣ, съ одной стороны, вызвали нашихъ книжниковъ на усиленную дѣятельность въ области православной обрядности и вѣроученія и тѣмъ самымъ расшевелили московскіе умы, вывели ихъ изъ состоянія неподвижности; съ другой—они представили признаннымъ на Москвѣ ученымъ авторитетамъ рѣдкій случай испытать свои силы въ борьбѣ съ ученымъ лютеранскимъ пасторомъ, испробовать свои образовательныя средства, словомъ сравнить доморощенную великорусскую ученость-начитанность съ настоящею школьною западно-европейскою наукой. Сравненіе было не въ пользу первой.

Предъ пріѣздомъ Вальдемара въ Москву справщики московскаго печатнаго двора занимались, какъ мы уже знаемъ, составленіемъ изъ произведеній южно-русскихъ авторовъ и разнаго рода „божественныхъ писаній“ полемическихъ сборниковъ „для хотящихъ о вѣрѣ прѣтися съ латинами, лютерами и кальвинами“, готовили, выражаясь словами послѣсловія къ Кирилловой книгѣ, „щитъ и заграду на злые еретики“. Съ этими обширными изборниками въ рукахъ, къ которымъ сведена была вся подготовка къ преніямъ, въ которыхъ русскіе книжники того времени полагали всю сущность просвѣщенія, наши избраннѣйшіе, извѣстные своею ученостью на Москвѣ протопопы и попы вступили въ религіозную борьбу съ Датчанами въ полной увѣренности, что своимъ „духовнымъ оружіемъ, предобрыми книгами, они посѣкутъ нечестивыхъ суностатъ и заградятъ еретическая уста“. На первыхъ порахъ, пока разсужденія шли на бумагѣ объ общензвѣстныхъ вѣроисповѣдныхъ разногласіяхъ, пока предметъ для бесѣды намѣчали наши полемисты, споръ шелъ довольно успѣшно для насъ. Съ помощію Кирилловой книги, Изложенія на лютеры и другихъ сборниковъ весьма прилично были составлены патріаршія посланія къ королевичу, въ которыхъ наши обнаружили значительную начитанность и знакомство съ лютеранствомъ; но этимъ и ограничилась почти вся польза подготовки къ преніямъ. Чѣмъ дальше заходилъ споръ, тѣмъ ощутительнѣе становилась

малопригодность заготовленнаго для борьбы оружія. Образованный пасторъ, опредѣливши слабыя стороны своихъ противниковъ, поспѣшилъ перевести полемику съ бумаги на устное состязаніе, выдвинулъ вопросъ о крещеніи, о которомъ и надлежало главнымъ образомъ разсуждать, и постарался придать спору спеціальный и ученый характеръ. Послѣдствія новаго направленія въ преніяхъ незаставили себя долго ждать: въ первой же живой бесѣдѣ съ Фельгаберомъ, когда зашла рѣчь о значеніи βαπτίζω, наши протопопы, не знавшіе по гречески, пораженные неожиданностію, принуждены были замолчать, уступить своему противнику. Одинъ Насѣдка, которому не разъ приходилось въ жизни препираться по вопросамъ религіознымъ съ русскими и нѣмцами, не растерялся въ концѣ, и съ вѣдома государя, при содѣйствіи Францбекова, рѣшился поправить дѣло, доказать пастору, что въ греческихъ и въ нѣмецкихъ библіяхъ написано погруженіе, а не обливаніе и не окропленіе. За свою смѣлую попытку ключарь Иванъ съ ДимитріемъФранцбековымъ поплатились тѣмъ, что перваго Фельгаберъ уличилъ въ незнаніи греческаго языка, втораго публично обозвалъ обманщикомъ и въ заключеніе потребовалъ отъ нихъ апостола и евангелія на греческомъ языкѣ. Чтобы избавить себя отъ новой непріятности, Насѣдка предложилъ пастору сравнить *уставы апостольскіе* (апостольскій символъ вѣры), о которыхъ тотъ писалъ въ первой главѣ посланія къ патріарху, съ имѣвшимися у русскихъ на славянскомъ языкѣ правилами апостольскими и сочиненіями Діонисія Ареопагита, ученика ап. Павла. На предложеніе искуснаго борца Фельгаберъ рѣзко замѣтилъ, что *рукописнымъ русскимъ книгамъ безъ греческихъ нельзя довѣрять*, а въ книгѣ Діонисіевой, которою такъ дорожилъ нашъ богословъ, много лжи и потому она негодится.

Послѣ того, какъ доброкачественность русскихъ книгъ была подвергнута сильному сомнѣнію, а наши избранныя духовныя лица были осмѣяны датчанами, какъ ничего неразумѣющія и не знающія по-гречески, нашему правительству оставалось пригласить къ участію въ спорѣ людей, говорившихъ по-гречески, которые въ состояніи были бы

состязаться съ пасторомъ на основаніи греческихъ книгъ. Царь на другой же день приказалъ собраться всѣмъ инокосвященникамъ и мірянамъ, какіе случились въ то время въ Москвѣ и были настолько знакомы со священнымъ писаніемъ, церковною обрядностію и еллинскимъ языкомъ, что могли „къ супротивнымъ еретикамъ о св. крещеніи отвѣщати". Два греческихъ архимандрита, пріѣхавшіе за милостыней, кн. Димитрій Альбертосъ, цесаревъ посолъ, и другіе, исполняя волю царя, разсуждали 3-го іюня съ пасторомъ. Греки, хорошо знавшіе свой языкъ, основательно доказывали Фельгаберу, что онъ совершенно напрасно ссылается на греческій текстъ, который говоритъ больше за погруженіе, чѣмъ за обливаніе; князь Димитрій Альбертосъ указывалъ пастору, что даже въ книгахъ, нѣмцами изданныхъ, напримѣръ въ словарѣ Дасиподія, βαπτίζω переводится словомъ погружать въ примѣненіи къ крещенію. Но споръ по прежнему окончился ничѣмъ: греки и цесаревъ посолъ, подобно русскимъ богословамъ, не въ силахъ были разубѣдить пастора въ справедливости положенія, имъ защищавшагося. Фельгаберу, напротивъ, казалось, что его противники въ душѣ своей твердо увѣрены въ одинаковой правильности погружательнаго и обливательнаго крещенія, но что они только не хотятъ или не смѣютъ признаться въ томъ. Находя дальнѣйшіе споры съ русскими безцѣльными, пасторъ просилъ Вальдемара не допускать ихъ больше и его пощадить. „Нѣтъ ничего тяжелѣе, писалъ Фельгаберъ въ отчетѣ о диспутѣ, какъ говорить съ такими людьми, которые языкамъ и свободнымъ наукамъ не учились". Умный пасторъ не унижалъ явно своихъ противниковъ, воздавалъ должное ихъ познаніямъ, восхвалялъ начитанность о. Ивана, но въ тоже время неизмѣримо выше ихъ ставилъ себя въ образовательномъ отношеніи. Отстаивая предъ королевичемъ свою репутацію, какъ ученаго, подвергнутую сильному сомнѣнію православными полемистами, Фельгаберъ писалъ въ своемъ отчетѣ о послѣдняхъ: „слышу я, какъ они лукаво говорятъ, что я не разуменъ и неученъ... Не стану собою хвалиться, скажу я съ Павломъ (2 Кор. XII, 1, 5), развѣ только немощію своею... Но то я съ правдою говорить хочу, что книгъ

еврейскихъ, греческихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ я прочиталъ больше, нежели они коли видали или увидятъ. Только никакого человѣка я хулить не хочу и имѣю ту надежду, что, когда царское величество школы и академіи въ своемъ царствѣ также учинитъ, тогда они узнаютъ, кто ученъ или неученъ". Въ другомъ мѣстѣ тогоже отчета пасторъ прямо заявляетъ, что русскимъ богословамъ *надобно грамматику учить*, чтобы правильно судить, о какомъ времени: будущемъ или настоящемъ идетъ рѣчь у пр. Исаіи, когда отъ лица Іеговы онъ говоритъ народу Израильскому: „я изолью водѣ на жаждущее"... Подобный же упрекъ въ невѣжествѣ только съ бо̀льшею колкостію былъ высказанъ всѣмъ Русскимъ ранѣе Фельгабера самимъ королевичемъ. „Въ нашей землѣ и во всей остальной Европѣ, писалъ послѣдній царю 2 іюня, людей такъ воспитываютъ, чтобъ они съ ранняго дѣтства до глубокой старости упражнялись въ добрыхъ художествахъ, многихъ вельми надобныхъ языкахъ и рыцарственныхъ добрыхъ чувствахъ, и для того насъ далече въ чужія страны посылаютъ и дома не держатъ, чтобы тѣло кормить и полнить",—тогда какъ на Руси только тѣмъ и занимаются, что въ ѣствѣ и питьѣ всю жизнь свою проводятъ.

Когда наши богословы вмѣстѣ съ греками оказались безсильными заградить уста попу Матвѣю словомъ убѣжденія, нѣкоторые ближніе люди государя, не стѣснявшіеся въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, порѣшили путемъ русскаго гостепріимства склонить на свою сторону Фельгабера, тормозившаго, по ихъ мнѣнію, все дѣло обращенія королевича въ православіе. Но и эта мѣра не принесла пользы: Датчане дали сильно почувствовать нашимъ, что причина нежеланія королевича креститься во второй разъ не въ придворномъ проповѣдникѣ, что среди ихъ, помимо пастора, не мало найдется научно образованныхъ людей, да и самъ женихъ въ состояніи постоять за себя и свою вѣру.

Не смотря на неудачи, наши не хотѣли складывать оружія. Но чтобы съ успѣхомъ полемизировать съ Датчанами, имъ слѣдовало напередъ найти людей, изучавшихъ языки, грамматику и вообще свободныя науки, прошедшихъ школу

и академію, словомъ—запастись научными средствами для борьбы. Русскому правительству приходилось теперь серіозно подумать надъ тѣмъ, къ кому обратиться за послѣдними, гдѣ искать такихъ лицъ, съ какими желалъ имѣть дѣло пасторъ? Московскіе богословы, занимавшіеся предъ пріѣздомъ Вальдемара составленіемъ на различныя ереси сборниковъ отъ различныхъ св. отецъ, прекрасно знали, откуда они доставали матеріалъ для своихъ предобрыхъ книгъ, чьими трудами они секретно пользовались при этомъ. Ключарь Иванъ Насѣдка, одинъ изъ лучшихъ богослововъ своего времени, не считалъ даже нужнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ скрывать источниковъ своей учености. Разбирая журналъ іюньскихъ преній Фельгабера, онъ называетъ по именамъ сочиненія южнорусскихъ авторовъ, давая тѣмъ понять своему правительству, откуда оно можетъ добыть готовое и вполнѣ надежное оружіе для борьбы съ лютеранами. Слѣдуя, быть можетъ, подобнаго рода косвеннымъ намекамъ, или же руководясь прямыми указаніями и совѣтами своихъ ближнихъ людей, имѣвшихъ представленіе о состояніи и характерѣ южнорусской образованности, государь Михаилъ Ѳеодоровичъ рѣшается обратиться къ помощи малороссійскаго ученаго. Весной 1645 года царь усердно разъискиваетъ старца Исаакія, который хотя былъ строителемъ Костромской Геннадіевой пустыни, но происходилъ изъ Кіева, получилъ тамъ образованіе и, живя на сѣверѣ, не прерывалъ сношеній со своею родиной. Этотъ старецъ Исаакій, по волѣ государя, вмѣстѣ съ великорусскими богословами собираетъ правила, касающіяся способа принятія еретиковъ въ церковь, разсуждаетъ 4 іюля о значеніи греческихъ словъ съ пасторомъ и разбираетъ сочиненіе послѣдняго въ защиту дѣйствительности и неповторяемости обливательнаго крещенія. Ни откуда не видно, чтобы во всемъ этомъ образованному кіевскому выходцу, стоявшему теперь, по указу государя, во главѣ московскихъ книжниковъ, принадлежала главная роль, но то намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что, исключительно благодаря участію старца Исаакія въ преніяхъ, послѣднія приняли подъ конецъ болѣе упорядоченный видъ, чѣмъ это было ранѣе.

Неизвѣстно, чѣмъ окончился бы споръ, еслибы не умеръ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, но теперь та и другая сторона осталась при своемъ мнѣніи; православнымъ полемистамъ не пришлось убѣдить пастора и его духовнаго сына въ недѣйствительности и, слѣдовательно, повторяемости лютеранскаго крещенія. Полемика съ научно-образованнымъ придворнымъ проповѣдникомъ, напротивъ, какъ нельзя лучше, убѣдила ихъ, какъ и передовыхъ московскихъ Русскихъ въ томъ, что не имѣя у себя школъ и академіи, не зная языковъ и свободныхъ наукъ, съ одними объемистыми сборниками въ рукахъ, съ одними, хотя бы и весьма обширными, познаніями въ божественныхъ писаніяхъ, они не въ силахъ заграждать уста врагамъ православія. Недостатковъ своего домашняго образованія, самымъ сильнымъ образомъ давшихъ себя почувствовать въ борьбѣ съ ученымъ пасторомъ, не могли не сознавать теперь наши предки. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ съ своими ближними людьми, приглашавшій грековъ и кіевлянина на помощь своимъ избраннымъ духовнымъ лицамъ, пытавшійся угощеніемъ пріобрѣсть благорасположеніе къ себѣ пастора, очевидно, прекрасно видѣлъ безсиліе своихъ богослововъ состязаться съ послѣднимъ. Да и сами наши полемисты, какъ ни тяжело имъ было признавать себя побѣжденными въ глазахъ общества, привыкшаго видѣть въ нихъ авторитетъ учености, не разъ принуждены были соглашаться съ своимъ противникомъ, что они дѣйствительно „убоги, по-гречески и по-нѣмецки не умѣютъ говорить“. Научная несостоятельность московскихъ книжниковъ, малопригодность оружія, съ которымъ они вышли на борьбу съ еретиками, были замѣчены даже людьми, непринимавшими участія въ преніяхъ, но слѣдившими за ними издали, со стороны. Авторъ извѣстной намъ повѣсти говоритъ между прочимъ, что сколь ни препирались наши богословы съ пасторомъ королевича „отъ божественнаго писанія, священныхъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ и отъ прочаго ихъ писанія“, они не могли склонить его на свою сторону. „Лютъ бо бѣ окаянный той попъ“, какъ-бы въ объясненіе неудачи преній замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ

тотъ-же авторъ, „и *грамотамъ разнымъ учень*... и многія еретическая своя писанія о вѣрѣ предложи“ [4]).

Но не одинъ придворный проповѣдникъ превзошелъ въ спорѣ московскихъ богослововъ своимъ образованіемъ; послѣдніе оказались даже ниже грековъ и особенно кіевлянъ по своимъ познаніямъ. Всматриваясь въ исторію преній, наши предки не могли не видѣть и по достоинству не оцѣнить того обстоятельства, что они такъ долго и сравнительно успѣшно состязались съ Датчанами исключительно благодаря поддержкѣ своихъ единовѣрцевъ. Не будь подъ руками сборниковъ, составленныхъ изъ сочиненій южно-русскихъ авторовъ, они не написали-бы патріаршихъ посланій къ королевичу и разбора на журналъ пастора; не случись на Москвѣ грековъ, кн. Димитрія Альбертоса и старца Исаакія, они въ самомъ началѣ прекратили-бы диспутъ съ позоромъ для себя. Всѣ лица, близко стоявшія къ преніямъ, начиная съ царя и кончая Насѣдкой, разумѣется, прекрасно понимали это и должны были иначе отнестись къ тѣмъ, на которыхъ доселѣ смотрѣли съ предубѣжденіемъ, какъ на людей, утратившихъ чистоту истиннаго православія. Не сторониться грековъ и кіевлянъ, не преслѣдовать ихъ книги, какъ еретическія, слѣдуетъ теперь московскимъ русскимъ, а учиться у первыхъ и изучать послѣднія — таковъ былъ выводъ, слѣдовавшій изъ всего хода преній. Въ лучшихъ людяхъ послѣднія могли вызвать не одно только сознаніе недостатковъ своего образованія, но и настоятельную потребность изученія вѣры, языковъ и свободныхъ наукъ, могли пробудить въ нихъ мысль о необходимости ввести у себя настоящее образованіе съ помощію ученыхъ грековъ и кіевлянъ. Для передовыхъ личностей, стоявшихъ и имѣвшихъ стать во главѣ управленія государствомъ, обидные и неоднократные упреки русскимъ со стороны Датчанъ въ невѣжествѣ, въ неимѣніи школъ и академіи не прошли, полагаемъ, безслѣдно, но имѣли значеніе руководящихъ указаній, своего рода программы для ихъ будущей дѣятельности въ области просвѣщенія.

---

42) Рукоп. В. М. Ундольскаго № 1327 л. 13.

Какими именно послѣдствіями сопровождались наши пренія въ послѣдующей исторіи русскаго образованія, не легко опредѣлить, такъ-какъ прямыхъ данныхъ для рѣшенія поставленнаго вопроса не сохранилось и приходится судить объ этомъ на основаніи разнаго рода распоряженій и мѣропріятій церковно-гражданскаго правительства, касающихся просвѣщенія.—Центромъ тогдашней великорусской учености служилъ, какъ показываетъ изученный нами споръ, московскій печатный дворъ, точнѣе—правильня при немъ. Здѣсь сосредоточивались извѣстнѣйшіе представители тогдашней образованности и происходили первоначальныя приготовленія къ религіозному спору; отсюда прежде всего были взяты царемъ четыре избранныхъ лица для борьбы съ Датчанами и сюда-же возвратились они, по окончаніи преній. Естественно поэтому думать, что если послѣднія имѣли какое либо вліяніе на ходъ послѣдующихъ событій въ исторіи московскаго просвѣщенія, то оно неизбѣжно и главнымъ образомъ должно было отразиться на дѣятельности московскаго печатнаго двора. Такимъ образомъ самъ собою является вопросъ о томъ, не осталось-ли въ книгахъ, вышедшихъ изъ московской типографіи, какихъ-либо слѣдовъ отъ того умственнаго движенія, которое было вызвано преніями въ передовыхъ московскихъ людяхъ, въ частности въ книжныхъ справщикахъ, полемизировавшихъ съ пасторомъ королевича? Не помѣстили-ли послѣдніе, разумѣется, по волѣ и приказанію властей, въ приготовляемыхъ ими для печатанія книгахъ какихъ-либо наблюденій или выводовъ изъ полемики съ лютеранами?

Изучая дѣятельность московскаго печатнаго двора, по окончаніи нашихъ преній, нельзя не видѣть, что она была чрезвычайно оживленная. Съ сентября 1645 г. до смерти патр. Іосифа († 15 апр. 1652 г.) типографія выпустила болѣе восьмидесяти пяти изданій [43]). Такое значительное количество

[43]) Въ Описаніи славяно-русскихъ книгъ И. Каратаева (изд. СПБ. 1883 г.) за это время указано до семидесяти изданій (см. №№ 584—587. 604—620. 622—631. 636—645. 647—654. 660—665. 668—677. 688—689. 691—693); но это число прот. П. Ѳ. Николаевскій въ своей статьѣ: „Московскій печатный дворъ при патр. Никонѣ“ (Христ. Чтен. 1891 г. янв.-февр., стр. 147 прим.) пополняетъ указаніемъ еще на 16-ть изданій.

книгъ вышло, конечно, благодаря главнымъ образомъ передѣлкамъ и улучшеніямъ на печатномъ дворѣ, оконченнымъ 30 іюня 1645 года [44]), то есть ко времени окончанія полемики Датчанами; но много тутъ значила и дѣятельность книжныхъ справщиковъ. Не отвлекаемые ничѣмъ отъ своего прямаго дѣла послѣдніе работали теперь въ правильнѣ втрое болѣе того, какъ они занимались въ первые годы патріаршества Іосифа [45]), стараясь восполнить тѣ упущенія, какія имъ неизбѣжно пришлось допустить въ книжной справѣ за время подготовки къ преніямъ и самыхъ преній. Впрочемъ въ данномъ случаѣ для насъ важна не столько численность книгъ, изданныхъ московскою типографіей, сколько ихъ характеръ и особенности въ связи съ причинами, ихъ обусловливавшими. Большая часть книгъ, какъ и прежде, относилась къ отдѣлу богослужебныхъ, но не мало (до 32-хъ) за это время было выпущено изъ типографіи *учительныхъ* и особенно *учебныхъ* книгъ. Въ теченіе шести лѣтъ и восьми мѣсяцевъ, прошедшихъ современи отпуска Датчанъ до смерти патр. Іосифа, въ Москвѣ трижды (7155, 7157, 7159 гг.) издавали азбуку, въ количествѣ 9600 экземпляровъ [46]), восемь разъ учебный часословъ (1646—дважды, 1649, 1651—трижды, 1652—дважды) [47]), девять разъ учебную псалтирь (1645—дважды, 1647, 1648—дважды, 1649, 1650, 1651—дважды) [48]) и по одному разу: Славянскую грамматику (1648 г.), Символъ рекше исповѣданіе о вѣрѣ и о богословіи (7156 г.) и Собраніе краткія науки о артикулахъ вѣры (1649 г.) [49]).

---

[44]) Христ. Чт. за 1890 г. янв.—февр. стр. 118—119.

[45]) За время отъ избранія Іосифа на патріаршество до отъѣзда Вальдемара изъ Москвы (апр. 1642—августъ 1645) въ описаніи Каратаева указано всего 25-ть изданій (№№ 531—532. 534—536. 539—540. 550—553. 556—557. 562—569. 580—583), да еще два у прот. Николаевскаго (Хр. Чт. 1891 г. янв.—февр. стр. 147).

[46]) Приходо-расходн. записи Моск. печатн. двора, кн. № 34 лл. 201 и 312. № 47 л. 669—671; сн. Христ. Чтен. 1891 г. янв.—февр. стр. 147—148.

[47]) Каратаевъ, Описан. славяно-русскихъ книгъ, №№ 609. 612. 651. 669. 670. 673. 692—693.

[48]) Ibidem №№ 585. 587. 631. 638. 642. 653. 664. 676; Христ. Чтен. 1891 г. янв.—февр. стр. 148 примѣч.

[49]) Каратаевъ, Опис. книгъ №№ 637 и 648; Христ. Чтен. 1891 г. Янв. — февр. стр. 147.

Первыя три книги: азбука, часовникъ и псалтирь, изученіемъ которыхъ ограничивалось до того времени почти все образованіе великорусскихъ людей, издавались, хотя не въ такомъ большомъ количествѣ, и ранѣе на московскомъ печатномъ дворѣ и не представляли теперь изъ себя совершенно новаго, тѣмъ болѣе характернаго явленія въ исторіи духовнаго просвѣщенія московской Руси. Нельзя сказать тоже самаго про славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго и Собраніе краткія науки о артикулахъ вѣры или малый катихизисъ митр. Петра Могилы. Уже одинъ фактъ перепечатки въ Москвѣ, по повелѣнію государя и по благословенію патр. Іосифа, названныхъ сочиненій, сравнительно быстро, по своемъ выходѣ, расходившихся въ продажѣ, былъ весьма важнымъ событіемъ, свидѣтельствовавшимъ о сильной перемѣнѣ въ отношеніяхъ церковно-гражданской власти къ южно-русскимъ авторамъ и о народившейся въ обществѣ потребности учиться и изучать истины вѣры. Скажемъ болѣе: изданіе славянской грамматики съ ея замѣчательнѣйшимъ предисловіемъ было, на нашъ взглядъ, началомъ новаго направленія въ исторіи московскаго образованія, въ частности московской книжной справы, служило предвѣстникомъ имѣвшаго въ скоромъ времени послѣдовать введенія на Москвѣ правильно-научнаго, школьнаго образованія и исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ на основаніи греческаго текста съ помощію ученыхъ кіевлянъ и самихъ грековъ.

Необходимость и пользу знанія грамматики передовые московскіе люди начали сознавать много ранѣе изданія ея на Москвѣ. Еще преп. Діонисій Троицкій, Антоній Подольскій и особенно старецъ Арсеній Глухой, сами знакомые съ грамматическимъ ученіемъ, въ своихъ апологетическихъ и полемическихъ сочиненіяхъ, вызванныхъ исправленіемъ потребника, указывали на важность изученія грамматики въ дѣлѣ образованія и исправленія богослужебныхъ книгъ [50]). Въ азбуку

---

50) Рукоп. Сергіевой лавры № 700 лл. 235 об.—237. Прав. Соб. 1862 г. ч. 2 стрр. 366—368, статья объ „Исправленіи богослужебныхъ книгъ при патр. Филаретѣ". Преосвящ. Филаретъ Черниговскій (Обзоръ дук. литер. стр. 309) и архим. Леонидъ (Свѣдѣніе о слав. рукоп. М. Д. Акад. вып. 2 стрр. 353—354.

Василія Оедорова Бурцова-Протопопова (изд. 1634 и 1637 гг.) уже входили знаки надстрочные и знаки препинанія, съ названіями тѣхъ и другихъ, образцы измѣненія глаголовъ, склоненія именъ, пишущихся преимущественно подъ титлами, и т. п. Въ часовникѣ 1643 г. въ первый разъ, сколько намъ извѣстно, на первыхъ пяти листахъ, была напечатана статья: „Наказаніе ко учителемъ, како имъ учити дѣтей грамотѣ". Чтобы обученіе грамотѣ, разсуждали въ ней издатели, послужило не къ посрамленію учениковъ, а въ наученіе и извѣщеніе ихъ разума, для этого учителямъ необходимо напередъ самимъ научиться различать ять съ естемъ и неписать одного вмѣсто другаго, знать верхніе надстрочные знаки и знаки препинанія, умѣть ихъ ставить, выговаривать и въ мѣру останавливаться на нихъ голосомъ. Учителямъ, если они окажутся мало свѣдущими во всемъ этомъ, рекомендуется заглянуть въ самую грамматику, въ которой обо всемъ подобномъ можно найти подробно. Перепечатывая „Наказаніе ко учителемъ" въ псалтири 1645 г., издатели сочли нужнымъ дополнить его и помѣстили въ началѣ и концѣ книги два прибавленія. Въ первомъ изъ нихъ они убѣждаютъ не говорить множественнымъ числомъ вмѣсто единственнаго, напримѣръ: сердцá моего вмѣсто сѐрдца моего; во второмъ— научаютъ православныхъ христіанъ вписывать имена умершихъ въ синодики родительнымъ надежемъ, а не винительнымъ, причемъ представляютъ примѣръ склоненій существительнаго Николай съ мѣстоименіемъ той. Въ послѣсловіи апостола 1644 г., предупреждая читателей на счетъ исправленія разныхъ погрѣшностей въ текстѣ, издатели говорятъ, что то или другое измѣненіе или поновленіе въ книгѣ зависѣло не отъ личнаго ихъ произвола, а отъ грамматическаго любомудрія, сирѣчь отъ осмочастнаго разумѣнія и правленія въ родѣхъ, въ числѣхъ, въ падежѣхъ, во временѣхъ, въ лицѣхъ, въ наклоненіяхъ... А грамматическаго, сирѣчь осми частей слова и разума вѣденіе, трудно, но внятельно и смыслу сердецъ нашихъ просвѣтительно; безъ сего убо, кто

---

358) Полагаютъ, что старцемъ Арсеніемъ Глухимъ были составлены грамматика и алфавитъ, доселѣ сохраняющіеся въ рукописяхъ.

и мняся вѣдѣти, ничтоже вѣсть, того ради учайся и внимаяй, да внимаетъ и о прочихъ“ [51]).

Изъ приведенныхъ выдержекъ легко видѣть, что хотя лучшіе московскіе книжники и сознавали пользу изученія грамматики въ дѣлѣ грамотности и книжнаго исправленія, но они не представляли себѣ ясно во всей глубинѣ и широтѣ великаго общеобразовательнаго значенія этой науки. Взглядъ ихъ на грамматику, какъ и вообще на образованіе, былъ узкій и односторонній. Понимая послѣднее въ смыслѣ начитанности въ божественныхъ писаніяхъ, въ книгахъ благодатнаго закона, первую, то есть, грамматику наши лучшіе предки предназначали не для всѣхъ, а лишь для избранныхъ лицъ, напримѣръ для учителей, въ качествѣ вспомогательнаго средства обучить дѣтей грамотѣ, пріучить ихъ къ сознательному, осмысленному чтенію книгъ. Съ иными, болѣе широкими взглядами на образованіе и въ частности на значеніе грамматики мы встрѣчаемся въ первый разъ въ предисловіи и послѣсловіи къ грамматикѣ 1648 года. Здѣсь говорится, что грамматика издается „*въ наученіе православнымъ, паче же дѣтемъ сущимъ*“, что она *первая и начальная изъ седьми свободныхъ наукъ*, „еюже и къ прочимъ, аще кто восхощетъ, яко дверію благолѣпотнѣ и безтруднѣ восшествіе сотворитъ; безъ сея бо приходити дерзая кто къ симъ или и въ писаніихъ покушаяся изслѣдити, аще и зѣло преимѣя разумомъ будетъ, всячески погрѣшити имать. Како бо кому взыти возможно на послѣднія степени, первыхъ не причащшуся? или како разрѣшити возможно въ писаніихъ обрѣтаемыя творческія силлогизмы, аще не сей кто первѣе пріобщився? Яже въ сочиненіихъ вскорѣ изобличитъ злѣ расположенное, и избытное отринетъ, недостаточное же исполнитъ, паче же писати и читати добрѣ научитъ“... „Грамматика, по словамъ Максима грека, есть начало и конецъ всякому любомудрію..., сію имѣяй никогда въ разумѣ ея глаголаніи погрѣшаетъ, сія руководитель неблазненъ во всякое благочестіе, о сей прогоняется отъ тоя любящихъ ю всяко мрако-

---

51) Строевъ, Опис. старопеч. книгъ Царскаго № 131.

видное неразуміе, сія вождь къ боговидному смотренію и предивному неприступному богословію, сія копіе и мечь на чюжеименное еретичествующихъ бляденіе..., юже бо добрѣ водяй и риторикійствовати начинаетъ и логичествуетъ..., се уже и блаженныя и всечестнѣйшія философіи открытіе и всеродное тоя проразумѣніе. Сія бо есть мати и порода всѣмъ свободнымъ хитростемъ". Составитель предисловія къ грамматикѣ величаетъ ее *блаженною и святою* книгою, благодаря которой всѣ мудрые витіи, риторы и философы славы и почестей достигли. И не только древніе мудрецы любили заниматься грамматикой, но и въ новой благодати ни одинъ изъ тѣхъ, которые въ изученіи божественныхъ писаній и философскихъ наукъ упражнялись, не миновалъ ея. На основаніи житій святыхъ доказываетъ нашъ авторъ, что знаменитые отцы церкви и учители благочестія: Аѳанасій В., Григорій Богословъ, Василій В., Іоаннъ Златоустъ, Козьма Асинкритъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Козьма Маіумскій, Стефанъ Сурожскій, Андрей Критскій, Аѳанасій Аѳонскій, Ѳеодоръ Едесскій, Исидоръ Пелусіотъ, Николай Студійскій и другіе многіе прилежно и подолгу изучали грамматику, риторику, софистику, философію, богословіе, землемѣріе, астрономію, ариѳметику, греческій языкъ и вообще всю еллинскую мудрость. Ради изученія послѣдней нѣкоторые изъ нихъ оставляли на время свою родину, путешествовали изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, слушали знаменитыхъ языческихъ ученыхъ, „*сицевъ образъ любомудрія и намъ оставиша искати*" [52]).

Всячески восхваляя достоинства грамматики, предлагая новый учебный курсъ своимъ соотечественникамъ, составитель предисловія понималъ, что его рѣчи о научномъ образованіи покажутся странными московскимъ книжникамъ, относившимся до сихъ поръ подозрительно и даже пренебрежительно къ еллинской мудрости, вызовутъ въ нихъ сильное недоумѣніе, и потому спѣшилъ предупредить возраженія своихъ современниковъ. „Внѣшнее образованіе, замѣчаетъ онъ словами Григорія Богослова, мнози отъ христіанъ ненавидятъ и отмещутъ, яко пакостно и навѣтно и отъ Бога разлу-

---

52) Грамматика 1648 г. лл. 387, 353, 356, 41 об.—42, 1 и др.

чающе, ибо понеже нѣціи отъ внѣшнія премудрости повредишася умомъ, восхотѣвше смыслити о небеси и земли и о прочихъ тварехъ. Се же глаголютъ, злѣ разсуждающе. Мы же о сихъ добрѣ разумѣвающе, елика потребная къ животу и наслажденію, сія плодствимъ, елика же вреждающая, отметаемъ... Тако убо и о елинскихъ ученіи, елико есть испытательно и зрительно сущихъ по естеству, сія пріяхомъ; елика же лестна и пагубна, сирѣчь боготворенія бѣсовомъ, и другая подобная симъ, отвергохомъ. Тѣмже не подобаетъ укаряти и бесчествовати наказанія, якоже мнится нѣкимъ неискуснымъ сущимъ и неимущимъ разума, еже раздѣлити лучшее отъ горкаго. Азъ убо глаголю, яко, иже бесчествуютъ наказаніе, тіи сами не наказани суще и велятъ всѣмъ не наказаннымъ быти, даже отъ нерадѣнія злая творяще не обличаеми будутъ, по реченному, яко отринуша чювство и обличающаго во вратѣхъ возненавидѣша. Вси бо исповѣдуемъ, яко *честнѣйше есть ученіе въ насъ и наказаніе сущихъ благъ*“ [53]). Съ цѣлію наглядно доказать своимъ соотечественникамъ необходимость и пользу внѣшняго образованія авторъ предисловія подробно останавливается на интересовавшемъ тогда Русскихъ вопросѣ о книжныхъ переводахъ и исправленіяхъ и на томъ громадномъ значеніи, какое имѣетъ въ рѣшеніи его знаніе грамматики, греческаго языка и другихъ свѣтскихъ наукъ. Въ разсужденіяхъ по этому дѣлу нашъ авторъ является горячимъ поклонникомъ „великаго въ разумѣ божественныхъ писаній и сильнаго въ преводѣ и исправленіи книжномъ“ инока Максима грека. Изъ сочиненій послѣдняго онъ дѣлаетъ обширныя извлеченія, сущность которыхъ сводится къ тому, что русскія церковныя и богослужебныя книги, „въ нихъ же растлѣшася ово убо отъ преписующихъ ихъ, ненаученныхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ и хитрости грамматикійстѣй, овоже и отъ самѣхъ исперва сотворшихъ книжный преводъ приснопамятныхъ мужей, нѣгдѣ не полно разумѣвшилъ силу еллинскихъ рѣчей“, могутъ и должны исправлять только лица, въ совершенствѣ изучившія греческій

---

[53]) Ibidem *л.* 6—7, 8, 13, 19 *об.* и др.

языкъ, грамматику и прочія свободныя науки. „И аще кто недовольнѣ и совершеннѣ научился будетъ яже грамматикіи и піитикіи и риторикіи и самыя философіи, говоритъ Максимъ грекъ, не можетъ прямо и совершенно ниже разумѣти писуемая, ниже преложити я на инъ языкъ... Вѣдомо есть, яко еллинскій языкъ, сирѣчь греческій, зѣло есть хитрѣйшій, не всякъ сице удобь можетъ достигнути силы его до конца, аще не многа лѣта просидѣлъ кто будетъ у нарочитыхъ учителей, и той аще будетъ грекъ родомъ и умомъ остръ, еще же и охочь, а точію не таковъ, учится убо отчасти, а въ совершеніе его не дошелъ, якоже обрѣтаю случшееся и приснопамятныхъ преводниковъ святыхъ писаній отъ греческаго языка на русскій во многихъ пословицахъ“... „Вѣмъ бо, вѣмъ многихъ отъ тщеславія въ таково безуміе пришедшихъ, пишетъ о томъ же старецъ Силуанъ, ученикъ Максима грека, яко не вѣдѣти ничесого грамматичнаго устроенія, ниже родовъ, ниже временъ, ниже окончаній и прочихъ таковыхъ, яже изложиша премудрѣйшіи учители, таже съ таковымъ неразумѣемъ шатающихся прелагати неудобь разумная и исправляти, да не реку сопротивная творити, ихъ же бѣду вѣсте вси, иже писаніе прочитающіи. Аще ли кто отъ ученыхъ обрящетъ разумъ разуму не согласующь, той да вручитъ первообразную ону богодохновенную исторію еллинскую, самую ту матерь сея, и тако отъ тоя сумнѣніе свое и иныхъ многихъ да разрѣшаетъ и неисправленое исправляетъ безъ сомнѣнія всякого; сія и намъ пріятна и зѣло желательна, кромѣ же сея да не прельстится починити, да не реку испортити [54]).

Мысль о томъ, что русскимъ людямъ по примѣру св. мужей, изучавшихъ вмѣстѣ съ божественнымъ писаніемъ и еллинскую мудрость, слѣдуетъ учиться свободнымъ наукамъ и языкамъ и исправлять свои богослужебныя книги по греческимъ съ помощію лицъ научно-образованныхъ, смѣло высказанная и обстоятельно раскрытая въ предисловіи къ грамматикѣ, была во всякомъ случаѣ новою для москвичей. Кому

---

[54]) Грамматика 1648 г. лл. 23 - 24, 26, 33 об.—34.

принадлежала эта благая мысль и какими историческими явленіями вызвана была она къ жизни? на это мы не можемъ дать вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Несравненно легче было бы рѣшить поставленные вопросы, еслибы извѣстенъ былъ авторъ предисловія и послѣсловія къ грамматикѣ. Къ сожалѣнію имени его доселѣ не открыто, а въ самомъ предисловіи къ послѣдней мы находимъ лишь указаніе на то, что нашъ авторъ писалъ предисловіе на основаніи житій святыхъ и другихъ писаній [55]), „*повинуясь повелѣнію* Богомъ почтенныхъ“ мужей [56]). Остается такимъ образомъ судить предположительно о составителѣ предисловія. Нѣтъ основаній полагать, чтобы послѣднее написано было кѣмъ-либо изъ книжныхъ справщиковъ, которыхъ ближе всего касалось это дѣло. Подъ вліяніемъ преній съ Датчанами, въ силу сознанія своихъ образовательныхъ недостатковъ, Насѣдка, Роговъ и товарищи ихъ по службѣ могли сочинить и помѣстить въ предисловіи или послѣсловіи къ какой-либо книгѣ „наказаніе ко учителемъ, како имъ учити дѣтей грамотѣ и како дѣтемъ учитися божественному писанію и разумѣнію“, выпустить массу букварей, учебныхъ часовниковъ и псалтирей: все это было имъ по силамъ и въ духѣ древне-русскаго образованія. Но не совсѣмъ вѣроятно будетъ думать, чтобы книжные справщики, сами не прошедшіе правильно-устроенной школы, не изучившіе свободныхъ наукъ и языковъ и пре-

---

55) Источники, которыми пользовался авторъ при составленіи предисловія, почти всѣ имъ самимъ указаны. Больше всего заимствованій имъ сдѣлано изъ пр. Максима Грека. Грамат. лл. 19 об — 33 сн. Сочиненія преп. Максима Грека по изд. Казанск. 1859 г. ч. I стрр. 24—25, 37—38, ч. 3 стрр. 126—127, 145, 147, 148, 60—63, 64—65, 66—67, 80—85, 86—91.

56) Говоря это, разумѣемъ слѣдующее мѣсто въ предисловіи: „Мое убо, якоже рѣхъ, ничтоже, но яже изящнѣйшими отъ учителей потруженая воедино собравъ, елика сила, сокращено слово сотворю, по всему повинуяся вашему повелѣнію; но милостиви ми будите, Богомъ почтеніи, молюся, вашимъ заповѣдемъ покорившуся и пріемлющу послушаніе, молитвъ поданіе воздаяніе“ (л. 18 об. сн. 1). Хотя слова эти взяты авторомъ предисловія изъ посланія Іоанна Дамаскина къ Козьмѣ, епископу Маіумскому, Рук. Флорищевой пустыни № 61 л. 144 об. однако мы думаемъ, что, приводя ихъ, авторъ имѣлъ въ виду себя самого и компилятивный характеръ своей работы; иначе не понятна будетъ цѣль, для которой онъ привелъ ихъ.

дубѣжденные противъ греческихъ книгъ, стали горячими защитниками и смѣлыми проповѣдниками всего этого. Писать предисловіе къ грамматикѣ 1648 г. въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ его теперь, имъ значило идти противъ своихъ взлядовъ, признавать себя болѣе неспособными для книжныхъ исправленій. Намъ кажется, что, при изданіи грамматики, книжнымъ справщикамъ приходилось играть нестолько активную, сколько пассивную роль. Предисловіе, надо предполагать, было составлено кѣмъ-либо на сторонѣ, по мысли и порученію тѣхъ-же самыхъ лицъ, которые вслѣдъ за напечатаніемъ славянской грамматики приступили къ изданію книги о вѣрѣ игумена Кіево-Михайловскаго монастыря Нафанаила [57]), въ которой какъ бы въ дополненіе къ сказанному въ грамматикѣ о значеніи греческаго языка и греческихъ книгъ въ дѣлѣ книжнаго исправленія проводилась не менѣе новая для Москвы мысль, что греки, не смотря на турецкую неволю, въ цѣлости и чистотѣ сохраняютъ у себя вѣру Христову. Книга о вѣрѣ была напечатана по настоянію царскаго духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича, и, быть можетъ, не безъ вліянія передовыхъ людей, сосредоточившихся около молодаго государя и задавшихся, съ началомъ новаго царствованія, разнаго рода преобразовательными планами [58]). Инициатива изданія грамматики съ предисловіемъ къ ней принадлежала, полагаемъ, тѣмъ изъ совѣтниковъ и сотрудниковъ царя Алексѣя, которые держались новыхъ взлядовъ на просвѣщеніе и отношенія Русскихъ къ западно-европейской цивилизаціи. Въ числѣ вельможъ новаго направленія историки не безъ основанія указываютъ на Б. Ив. Морозова, учившаго своего царственнаго питомца посредствомъ „потѣшныхъ листовъ“ или гравированныхъ въ Германіи картинокъ, князя А. М. Львова, не разъ бывавшаго въ качествѣ посла за границей и неоднократно, по

---

[57]) Грамматика окончена печатаніемъ 2 февр. 1648 года, а книга о вѣрѣ начала печататься 1 марта того же года.

[58]) Матер. для истор. раск. Н. И. Субботина т. VI. 113 св. Чтен. общ. истор. и древн. 1887 г. кн. IV, стрр. 19. 30 и 31.

окончаніи посольства, дарившаго царевичу Алексѣю то грамматику, то лексиконъ литовской печати, Ѳ. М. Ртищева, любимца царя, извѣстнаго ревнителя церковнаго благолѣпія и духовнаго просвѣщенія, и нѣкоторыхъ другихъ. Кто-либо изъ названныхъ лицъ предполагаемъ, и возбудилъ вопросъ объ матики и введеніи на Москвѣ настоящаго образованія, возбудилъ *подъ вліяніемъ событій недавняго прошлаго*: неудачныхъ преній съ Датчанами и обвиненій со стороны послѣднихъ Русскихъ въ незнаніи языковъ и свободныхъ наукъ, въ неимѣніи у себя школъ и академіи и вообще въ невѣжествѣ. Въ такого рода мысли завѣрятъ насъ непрерывный рядъ попытокъ церковно-гражданскаго правительства завести у себя на Москвѣ, съ помощію ученыхъ грековъ или кіевлянъ, правильно-организованную школу-попытокъ, изъ которыхъ первая была сдѣлана до отъѣзда Датчанъ изъ Москвы, подъ живымъ впечатлѣніемъ отъ безуспѣшно-окончившейся полемики съ ними.

Въ апрѣлѣ 1640 г. пріѣзжалъ въ Москву намѣстникъ Кіевскаго митрополита Петра Могилы, іеромонахъ Игнатій Оксеновичъ Старушичъ за милостыней на монастырское строеніе и съ двумя замѣчательными челобитными къ царю Михаилу и патр. Іосифу. Въ первой изъ нихъ просвѣщеннѣйшій пастырь южно-русской церкви, движимый исключительно любовію къ наукѣ, „изряднѣе, паче всѣхъ прошеній своихъ“ убѣждалъ государя устроить въ Москвѣ монастырь, въ которомъ стали бы жить старцы кіевскаго общежительнаго монастыря и учить боярскихъ и простаго чина дѣтей славянской и греческой грамотѣ. Примѣромъ Волошскаго воеводы Василія, заведшаго у себя училище, побуждалъ Могила Михаила Ѳеодоровича на дѣло, „которое Богу угодно, царскому величеству честно и во всѣхъ странахъ преславно“, и съ своей стороны изъявлялъ полнѣйшую готовность прислать старцевъ съ учителями для предполагаемаго монастыря [59]). Михаилъ Ѳеодоровичъ, только что передъ этимъ усиленно зазывавшій на службу къ себѣ саксонскаго профессора астрономіи и

---

[59]) Акт. 10 и З. Россіи т III, №№ 17, 33, 44.

географіи, требовавшій отъ своихъ губныхъ старостъ, вѣрныхъ головъ и десятскихъ цѣловальниковъ, чтобы они грамотѣ умѣли, разсылавшій своихъ подъячихъ для изученія языковъ по разнымъ городамъ Россіи [60]), по не совсѣмъ понятной для насъ причинѣ не воспользовался предложеніемъ Могилы. Ровно черезъ пять лѣтъ Михаилу Ѳеодоровичу было сдѣлано новое предложеніе завести у себя училище. Въ мартѣ 1645 г., во главѣ торжественнаго посольства, прибылъ въ Москву экзархъ константинопольскаго патріарха, палеопатрасскій митрополитъ Ѳеофанъ, и въ половинѣ апрѣля представилъ царю грамоту Паисія II, въ которой послѣдній объявлялъ о своемъ возведеніи на патріаршество и просилъ милостыню для своего престола. Поживши въ Москвѣ, митр. Ѳеофанъ 25 іюня подалъ на имя царя уже отъ своего лица замѣчательную челобитную, въ которой подробно и яркими красками описывалъ порчу греческихъ книгъ врагами православія. Паписты и лютеране, извѣщалъ митрополитъ государя, имѣютъ у себя греческія типографіи, въ нихъ они печатаютъ богословскія сочиненія и творенія св. отцовъ церкви, въ которыхъ проводятъ свою поганую ересь. Съ помощію этихъ книгъ они борются въ странахъ, гдѣ нѣтъ древнихъ рукописныхъ книгъ, изобличающихъ ихъ лукавство, опоясываются нашимъ оружіемъ и являются мужественны. Самимъ грекамъ турки, подкупленные нѣмцами, не дозволяютъ печатать въ Царьградѣ греческихъ книгъ. Когда патр. Кириллъ Лукарисъ завелъ свою типографію и началъ печатать въ ней греческія книги, треклятые нѣмцы оклеветали патріарха передъ турками, хотѣли его убить и печать испортили. Въ виду всего этого не только нѣмцы-лютеране, но даже армяне и евреи смѣются надъ греками, что они не имѣютъ у себя царства и потому не достойны имѣть своей печати. Митр. Ѳеофанъ убѣждалъ царя открыть на Москвѣ греческую типографію и школу: „да повелиши, государь, быть греческой печати и пріѣхать греческому учителю учить русскихъ людей философства и богословія греческому языку

---

60) Собр. грам. и догов. т. III № 110, Акт. Истор. III, № 301; Временникъ Общ. ист. и др. кн. XXIV стр. 83—84.

и по русскому; тогда будутъ переводить многія книги греческія на русскій языкъ, которыя не переведены, и будетъ великое надобе на обѣ стороны и великая доброта, да и гречане освободятся отъ лукавства еретиковъ". Въ случаѣ согласія царя на это митр. Ософанъ обѣщался послать грамоту константинопольскому патріарху Парѳенію, который не замедлитъ прислать въ Москву благочестиваго учителя съ нужными для дѣла книгами [61]).

На первый взглядъ представляется непонятнымъ и даже нѣсколько страннымъ, что наѣзжій митрополитъ, не отличавшійся твердымъ характеромъ, дважды за свое непостоянство лишавшійся мѣста на своей родинѣ и присланный теперь къ московскому царю лишь за милостыней, становится дерзновеннымъ поборникомъ чистоты православнаго ученія и, какъ говорится, ни съ того ни съ сего бьетъ челомъ царю о заведеніи на Москвѣ греческой школы и типографіи [62]). Чтобы объяснить поступокъ митр. Ѳеофана, намъ кажется, слѣдуетъ допустить нѣкоторую связь между подачею челобитной и тѣмъ, что происходило тогда въ Москвѣ. Митр. Ѳеофанъ пріѣхалъ въ послѣднюю въ то самое время, когда русскіе, съ трудомъ выдержавъ первый натискъ Датчанъ въ преніяхъ о вѣрѣ, разсуждали о прошлыхъ спорахъ и усердно приготовлялись къ новымъ, имѣвшимъ быть въ самомъ близкомъ будущемъ; это была пора, когда наши передовые люди уже вполнѣ сознавали спра-

---

61) Муравьевъ, Сношен. Россіи съ востокомъ ч. II, стрр. 309, 332—337, 300, 317; ч. III л. 535. Христ. чтен. 1882 г. ч I стр. 250, ст. свящ. П. Ѳ. Николаевскаго: Изъ исторіи сношеній Россіи съ востокомъ.

62) Что мысль объ устройствѣ въ Москвѣ типографіи и школы возникла въ головѣ митр. Ѳеофана уже по пріѣздѣ его въ Москву, это ясно видно изъ его челобитной (Муравьевъ, Сношен. Россіи ч. II, стр. 335—336); а что она принадлежала ему одному и совсѣмъ чужда была грекамъ, это можно усматривать изъ письма къ ц. Михаилу грека Ивана Варды отъ 15 декабря 1644 г., доставленнаго въ Москву 25 марта 1645 г. Варда хлопоталъ передъ царемъ не объ устройствѣ на Москвѣ греческой типографіи, а о присылкѣ денегъ въ Константинополь для напечатанія тамъ „нѣкоего оглашенія. на еретиковъ, на Лютера и Кальвина", имѣвшагося у учителя Мелетія Сирига и вельми надобнаго православнымъ христіанамъ (ibid. стр. 293).

ведливость замѣчаній пастора королевича касательно того, что русскимъ нужно учить грамматику и учиться по-гречески, что имъ необходимо завести у себя школы, академіи и типографію, чтобы печатать книги по-гречески. Пробывши около трехъ мѣсяцевъ среди москвичей и ознакомившись съ настроеніемъ и желаніями лучшихъ изъ нихъ на счетъ просвѣщенія, митр. Ѳеофанъ написалъ челобитную къ царю, въ которой, представивши треклятыхъ нѣмцевъ врагами всего христіанскаго рода, въ устройствѣ на Москвѣ греческой школы и типографіи указалъ ц. Михаилу Ѳеодоровичу оружіе бороться съ общимъ опаснымъ врагомъ. За неожиданною смертью государя отвѣчать на просьбу Ѳеофана пришлось новому правительству. Хотя время смѣны одного царя другимъ и не благопріятствовало подобнаго рода занятіямъ, тѣмъ не менѣе новые совѣтники юнаго государя, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неудачно для насъ окончившагося религіознаго спора, обратили вниманіе на предложеніе митр. Ѳеофана и, отпуская его изъ Москвы въ самомъ началѣ сентября 1645 г., поручили ему отыскать человѣка, знакомаго съ печатнымъ дѣломъ, способнаго переводить книги съ греческаго языка на русскій и учить дѣтей. На обратномъ пути изъ Москвы Ѳеофанъ встрѣтился въ Кіевѣ со своимъ давнимъ знакомцемъ, цареградскимъ архимандритомъ Венедиктомъ, занимавшимся преподаваніемъ греческаго языка въ коллегіи митр. Петра Могилы, и склонилъ его отправиться въ Москву „для ученія и печати“. Въ письмѣ къ царю отъ 18 окт. 1645 года Ѳеофанъ рекомендовалъ Венедикта, какъ премудраго учителя и ученаго богослова, который вполнѣ можетъ „исправить всю греческую печать“. Въ мартѣ 1646 г. Венедиктъ прибылъ въ Москву, перевелъ здѣсь латинскую книгу объ индійскомъ царствѣ, а главное своимъ учительскимъ самохвальствомъ, гордымъ характеромъ, постоянными просьбами о прибавкѣ жалованья и разными неблаговидными своими поступками успѣлъ надоѣсть москвичамъ.

Первый неудачный опытъ устроить школу въ Москвѣ и найти лицъ для перевода греческихъ книгъ на русскій языкъ не остановилъ правительство отъ дальнѣйшихъ хлопотъ по

этому дѣлу и не разочаровалъ лучшихъ людей. Отпуская Венедикта домой въ маѣ 1647 года, патр. Іосифъ поручилъ ему прислать съ востока грамоту о книжной печати и объ ученіи еллинскаго языка. Въ 1648 году Ѳ. М. Ртищевъ, имѣвшій близкія сношенія съ югомъ вообще, съ Кіевомъ въ частности, осуществляетъ предложеніе Петра Могилы царю Михаилу, устраиваетъ на свои средства, съ согласія царя и благословенія патріарха, въ двухъ верстахъ отъ города по кіевской дорогѣ, на берегу рѣки Москвы, Андреевскій монастырь и населяетъ его учеными южно-русскими монахами, у которыхъ самъ учится по-гречески, а другихъ молодыхъ людей заставляетъ учиться по-латыни. По примѣру своего любимца царь Алексѣй Михайловичъ вызываетъ въ 1648—1649 гг. изъ Кіева *„для справки библіи греческія на словенскую рѣчь“* священно-иноковъ Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, „божественному писанію вѣдущихъ и еллинскому языку навычныхъ и съ еллинскаго языка на словенскую рѣчь перевести умѣющихъ и латинскую рѣчь достаточно знающихъ“. Уѣзжая изъ Москвы 10 іюня 1649 года, іерусалимскій патр. Паисій, по желанію и просьбѣ самого правительства, оставляетъ здѣсь своего дидаскала и уставщика, старца Арсенія грека, *„для риторическаго ученія“* [63]). Нѣтъ надобности упоминать здѣсь объ остальныхъ попыткахъ московскаго правительства завести у себя правильную школу, относящихся къ половинѣ XVII вѣка; сказаннаго выше, думаемъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы видѣть, что мысль о необходимости введенія на Москвѣ настоящаго образованія съ помощію ученыхъ грековъ или кіевлянъ, пробужденная въ лучшихъ московскихъ людяхъ нашими преніями о вѣрѣ, не пропала безслѣдно, но осуществлена была на дѣлѣ. Говоря это, мы далеки отъ мысли утверждать, что переходъ отъ старой московской учености къ настоящей южно-русской наукѣ,

---

[63]) Христ. Чтен. 1891 г. январь-февраль, стр. 162—163; іюль-августъ, стр. 172—173, статья П. Ѳ. Николаевскаго: Московскій печатный дворъ при патр. Никонѣ; Житіе милостиваго мужа Ѳеодора Ртищева въ Виліоѳикѣ, Ч. IV, стрр. 37—70 изд 1774 г.; Собр. госуд. грам. и догов. т. III № 136.

совершившійся въ половинѣ XVII в., произошелъ, исключительно благодаря нашимъ преніямъ о вѣрѣ; послѣднія были лишь одною изъ причинъ, подготовившихъ этотъ поворотъ, весьма важный въ исторіи просвѣщенія московской Руси.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Челобитная о. Ивана Наседки къ патр. Филарету Никитичу, въ которой онъ говоритъ о составленіи имъ Изложенія на лютеры.

Великому государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всеа Русіи, бьетъ челомъ богомолецъ вашъ государевъ, Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, что у васъ, государей, на сѣняхъ, попъ Иванъ. Былъ я, нищій вашъ государской богомолецъ, по вашему государскому указу, посланъ въ Датскіе нѣмцы съ вашими государевыми послами, и, по вашему государеву указу, что видѣлъ скверната закона ихъ, или что слышалъ гдѣ въ нѣмца(хъ) зломудрство ихъ и противъ ихъ многихъ ересей что гдѣ говорилъ, и сколько мнѣ грѣшному Господь Богъ открылъ разумѣти, и поколику отъ тебя, государя, просвѣщенъ и наученъ, и то все отъ божественнаго писанія собравъ, отвѣты 47 главъ, да написавъ, отдалъ тебѣ, великому государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всеа Русіи, и да ты, великій государь, разсмотривъ, исправиши и просвѣтиши мое недовѣденіе или омраченіе уму. И аще, государь, то списанецо мое исправишъ, идѣже аще что будетъ погрѣшилъ или за скудость ума недоразумѣхъ, и твоимъ государевымъ исправленіемъ впредь вамъ же, государемъ, тѣ отвѣтцы приготовятся (пригодятся?) противу многоразличныхъ ересей нѣмецкихъ, понеже, государь, отъ юности Лютори и Кальвини учатъ книгу у себе, глаголемую катихизисъ, иже на православную нашу вѣру христіанскую. Самъ сатана первыхъ научилъ начальниковъ злобѣ ихъ такъ

выложити, юже отнюдъ православнымъ не подобаетъ ни зрѣти въ ню, ниже мало что слышати отъ нея: есть бо прелести исполнена великія. Списаньецо жъ се, яже у тебе, великаго государя, яже твоимъ государевымъ святительскимъ повелѣніемъ и ученіемъ намороковалъ, во всемъ той еретической книгѣ, катихизису, противится и обличаетъ ю. А мнится мнѣ, государь, наудачу, та книжица не пригодится ли впредь въ посольскомъ приказѣ держати для нашей братіи, поповъ крестовыхъ, которымъ лучается ѣздити съ вашими государевыми послами во Полшю, въ нѣмецкія земли, или будетъ и мірскимъ людемъ, либо о чемъ нѣмцы лютори или папежники вопросятъ или посмѣютъ по своей ереси, и въ той, государь, книжкѣ многіе отвѣты собраны отъ божественныхъ писаній противъ ихъ прелести, а наипаче, государь, какъ тебѣ, государю, Богъ извѣститъ о ней, гдѣ она пригодится или нѣтъ. Да у меня, государь, грѣшного есть и иные отвѣты противъ же ихъ закона и злаго ученія, но за настоящую нужду, яже къ тебѣ, государь, отъ всей земли, отъ всего народа россійскаго, исправленія, не могу, государь, времени улучити, чтобъ тебѣ, государь, таковые отвѣты самому извѣстны были, и мнѣ бы безъ твоего государева исправленія не погрѣшити и не погибнути душевнѣ и тѣлеснѣ [1]).

II. Грамота отвѣтная (въ извлеченіи, безъ начала и конца) царя Михаила Ѳеодоровича Христіану IV, отъ 9 іюля 1643 г., содержащая, въ пяти статьяхъ, обоюдныя брачныя условія.

1.

...А что наше царьское величество дружно обявляемъ, что ево (т. е. Христіана) любителному сыну и его всему двору и слугамъ въ вѣрѣ и въ законѣ никакой неволи не будетъ, и королевское величество не отчается, что поволено

---

[1]) Челобитная издана была нами въ первый разъ въ Прибавл. къ Твор. св. от. (1888 г. III. стр. 158—160) съ копіи К. Ив. Невоструева.

будетъ мѣсто, гдѣ кирку поставить, гдѣ Божью службу совершати, чтобъ все достойнымъ обычаемъ и съ прилежаньемъ дѣлалося и совершилося.

И на то отвѣтъ: королевичю графу Волдемару и ево всему двору и слугамъ въ вѣрѣ и въ законѣ неволи никакой не будетъ, а о томъ, чтобъ поволено было мѣсто, гдѣ кирку поставить, договоръ будетъ королевского величества съ послы, которые будутъ съ ево королевскимъ сыномъ къ нашему царьскому величеству къ Москвѣ, гдѣ киркѣ быть. А у предковъ нашихъ, у великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ, и нынѣ у насъ, великого государя, многихъ окрестныхъ государствъ иноземцы, розныхъ вѣръ люди, которые у насъ великого государя и въ подданствѣ, и мы, великій государь, и у тѣхъ въ ихъ вѣрахъ и въ законѣ воли не отнимаемъ, и кирки по ихъ вѣрамъ есть, и моленье свое совершаютъ по своимъ вѣрамъ и по закону.

ѕ.

Также королевское величество не отчается, что мы, великій государь, наше царское величество, по нашему обявленію, какъ Богъ небесный изволитъ, законный бракъ совершитца, чтобъ мы, великій государь, указъ учинили, какъ помянутой его королевской любителной сынъ въ государства наши пріѣдетъ, чтобъ ему во всемъ государствѣ ото всѣхъ, высокого и нижнего, духовного и мірского чину почтенну быти нашего царсково величества зятемъ, и чтобъ ему надъ собою никакова началу не имѣти, опричь насъ, великого государя, и сына нашего государя царевича; а насъ, великихъ государей, подобаетъ ему почитати своими государи, а иново никово.

И на то отвѣтъ: какъ ажъ дастъ Богъ, помянутой ево королевского величества любителной сынъ граѳъ Волдемаръ Христіянъ въ наши царьсково величества російскіе государства пріѣдетъ и учнетъ жити, и ему во всемъ нашемъ государствѣ ото всѣхъ высоково и нижнего, духовного и мірского чину почтену быти нашимъ царьского величества зя-

темъ, государскимъ сыномъ; надъ собою ему никакова началу не имѣти, опричь насъ, великого государя, и сына нашего, государя царевича князя Алексѣя Михайловича. А мы, великій государь, и сынъ нашъ, государь царевичь князь Алексѣй Михайловичь, учнемъ его королевского величества любителного сына, королевича графа Волдемара, имѣти въ ближнемъ пріятельствѣ и въ государьской въ болшой чести, потому что онъ государьской сынъ, а намъ, великому государю, будетъ зять, и опричь насъ, великихъ государей, иному никому не достоитъ надъ нимъ началникомъ и выше его быти.

Г.

А что о земляхъ, о людѣхъ и о доходѣхъ, что мы, великій государь, обявили, что помянутому любителному его королевскому сыну указати хотимъ два великіе города: Суздаль и Ярославль, со всѣми ихъ уѣзды и з доходы и съ волостьми и подлежащими селы и з деревнями, и какіе еще ины городы и села, которые мы, великій государь, сами его королевскому любителному сыну къ его обиходомъ и содержанью обявили, и королевское величество не отчаетца, что наша государьская мысль и язанье такъ, а не инако будетъ, что его королевскому любителному сыну и его прямымъ наслѣдникомъ то во вѣки въ (при)своенье безъ помѣшки имѣти. А будетъ помянутой его королевской любителной сынъ безъ наслѣдія преставится, и тогда благовѣрной и благородной царевнѣ и великой княжнѣ послѣ ево смерти, покамѣста она, государыня, жива будетъ, тѣмже со всѣмъ государствомъ владѣть и имѣть, чтобъ ей, государынѣ, такого своего законнаго браку было чѣмъ памятовать и утѣшатися и вѣкъ свой тѣмъ прожити. А будетъ мы, великій государь, приданое денежное, какъ у такихъ великихъ государей ведетца, опричь тѣхъ помянутыхъ городовъ и земель дать речися изволимъ, и то честнѣе и славнѣе будетъ.

И на то отвѣтъ: тѣ два городы великіе, Суздаль и Ярославль, со всѣми ихъ уѣзды и доходы и съ волостьми и подлежащими селы и з деревнями, со всякими нашими госу-

дарьскими доходы и угодьи, и иные городы и села и волости со всякими жъ нашими доходы, которые королевичю графу Волдемару будутъ годны, и ему и ево наслѣдникомъ то все въ (при)своенье во вѣки безъ помѣшки имѣти. А будетъ праведнымъ судомъ Божіимъ помянутой ево королевской любителной сынъ безъ наслѣдія преставитца, и тогда благовѣрной и благородной дщери нашей царевнѣ и великой княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ послѣ іво смерти, покамѣста она, государыня, жива будетъ, тѣмже со всѣмъ государствомъ владѣть и имѣть. А будетъ королевского величества у любителного сына, у графа Волдемара, послѣ ево останутца наслѣдники, и которые городы и имѣнья за нимъ, королевичемъ графомъ Волдемаромъ, въ датцкой землѣ, и тѣмъ всѣмъ городамъ и имѣньямъ быти за нашею жъ государьскою дщерью благовѣрною и благородною царевною и великою княжною Ириною Михайловною и за ево королевичевыми наслѣдники. Также мы, великій государь, и приданое всякіе утвари и денгами, всего на ₵ рублевъ, дати изволили есмя. И то дано будетъ опричь тѣхъ преже помянутыхъ городовъ и земель.

А.

А потому что его королевскому любителному сыну на его дворовой обиходъ и чѣмъ ему людей и слугъ своихъ жаловати и содержать не малое надобье надобно, королевское величество дружно проситъ вѣдать: мы же, великій государь, того дворового чину росходъ на себя переймемъ платить и содержать или подлинное указное на то укажемъ и уставимъ, или наша мысль то, что изъ тѣхъ помянутыхъ дву великихъ городовъ доходовъ его любителному сыну весь свой дворовой чинъ содержати? И королевское величество не вѣдаетъ, какъ ему подлинно на то обявити, потому что не обявлено и не именовано: какіе доходы съ тѣхъ помянутыхъ дву великихъ городовъ и съ ихъ уѣздовъ, и сколко погодно збираетца и доходитъ? И для того братственно и дружно надежны, что наше царьское величество укажемъ его любителному сыну подлинное и честное на ево

дворовое содержанье. А что о тѣхъ дву городѣхъ и о ихъ доходѣхъ, и то его королевскому любителному сыну на иные его надобья и къ достойному чину и чести содержанью опричь того останетца.

И на то отвѣтъ: съ тѣхъ великихъ дву городовъ, съ Суздаля и съ Ярославля, съ уѣзды и съ волостьми збираютца доходы болшіе, и з дворовой росходъ и людемъ на жалованье королевского величества любителному сыну графу Волдемару тѣхъ доходовъ будетъ, опричь пріѣзду ево. А будетъ королевичю, графу Волдемару, тѣхъ доходовъ покажетца мало, и мы, великій государь, наше царское величество, къ тѣмъ городомъ велимъ прибавить ины городы и волости и села. И во всемъ у насъ, великого государя, его королевской любителной сынъ, графъ Волдемаръ, будетъ обдаренъ: городы и села и волости и денежная казна будетъ у него многая.

ѳ.

Да его жъ королевское величеество ни которыми мѣрами не отчается, что мы, великій государь, не будемъ супротивно, что его любителной сынъ свой дворовой чинъ въ платьѣ и въ иномъ по своей волѣ и по своему обычею держать и уставливать будетъ, и чтобъ нашему царскому величеству указъ учинить, чтобъ ему въ томъ никакіе помѣшки и супротивности не было, также какъ онъ и слугъ своихъ похочетъ изъ земли вонъ послать, или которые здѣ далѣ жить не похотятъ, а похотятъ выные страны ѣхать, также и тѣ, которые похотятъ къ его любителному сыну ѣхать и служить, чтобъ имъ также безъ помѣшки поволно было ѣхать.

И на то отвѣтъ: брата нашего любителного, его королевского величества сыну, графу Волдемару, свой дворовой чинъ въ платьѣ и выномъ по своей волѣ и по своему обычаю держать и уставливать поволно, и въ томъ ему никакіе помѣшки и супротивности не будетъ, также какъ его королевской сынъ изъ слугъ своихъ похочетъ изъ земли вонъ послать, или которые здѣ, въ нашемъ въ московскомъ государствѣ, далѣ жить не похотятъ, а похотятъ выные страны ѣхать, также и тѣ, которые похотятъ къ его лю

бителному сыну ѣхать и служить, и имъ также безъ помѣшки поволно ѣхать [1]).

III. Переводъ з грамоты, что писалъ ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи дацкой Христіянусъ король, а прислалъ ту грамоту ко государю королевичъ Волдемаръ Христіянусовичь з думнымъ дьякомъ з Григорьемъ Львовымъ въ нынѣшнемъ во рїв-мъ году марта въ кѣ день, а привезъ ту грамоту изъ дацкой земли капитанъ Миколай Голмеръ [2]).

Мы, Христіянъ четвертый, Божіею милостію, дацкой, норвецкой, вендѣнской и готцкой король, арцухъ шлезвицкой, голстенской, стормарской и детмарской, граѳъ олденбурской и делмангорской, объявляемъ тому велеможнѣйшему и высокорожденному князю, нашему особнолюбителному брату, другу и сосѣду, государю Михаилу Федоровичю, царю и великому князю, всеа Русіи самодержцу, Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, царю Казанскому, царю Астараханскому, царю Сибирскому, государю Псковскому и великому князю Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иныхъ, государю и великому князю Новагорода, Низовскіе земли, Черниговскому, Резанскому, Ростовскому, Ярославскому, Бѣлоозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому и всея сѣверныя страны повелителю и государю Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскіе земли, Черкаскихъ и горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ государю и обладателю, наше особно дружное и брацкое и сосѣдственное поздравленье, такожде всякой доброй любви, что намъ возможно воздавать отъ Бога Всемогущаго всегда и впередъ!

---

1) Датскія дѣла 1642—1643 гг., № 8.

2) Подлинникъ грамоты (на пергаминѣ) объясняющей побужденія, руководившія Христіаномъ IV при отправленіи Вальдемара въ Москву для бракосочетанія, хранится въ главномъ моск. архивѣ М. И. Д.; Реэстоъ датскихъ грамотъ съ 1574 г.—1700, № 24. На столбцахъ, съ которыхъ издается переводъ, сдѣлана помѣта: „*Государю чтена*“ (Датск. дѣла 1644 г. № 2).

Велеможнѣйшій и высокорожденный князь и любителный братъ и сосѣдъ и особно добрый другъ! Мы причину имѣемъ вашей любви сосѣдственно объявить и вѣдомо учинить, какимъ обычаемъ свейской короны генералъ Торстенсонъ, которой въ нѣмецкихъ земляхъ долгое время свейскимъ войскомъ владѣлъ, а нынѣ онъ изневѣсть вналъ въ княжство Голштенской земли, а послѣ того въ наше княжство, въ Шлезвицкую землю, со всѣми людми вшелъ и нашу крѣпость и городъ Кристьянъ при (?) изгономъ взялъ, а послѣ того не въ долгихъ дняхъ также въ наши земли Ютлантъ вшелъ, и люди наши, которые тамъ для береженья поставлены, недружно на нихъ нашли. А до того они съ нами не ссылалися, какъ ведетца отъ недруговъ; толко тово они ищутъ и умышляютъ нашему королевству погибели и разоренія, а мы никакіе недружбы отъ свейской коруны не начаялися, но и мнили тово не чаяно, что имъ на насъ войною итти. И во всей вселеннѣй у великихъ государей, которые правду любятъ и честь свою остерегаютъ, николи того не повелося, такъ изневѣсть такою силою-неправдою война весть и зачинать. А мы съ свейскою короною въ такомъ въ крѣпкомъ въ вѣчномъ докончаньѣ и въ мирномъ постановленьѣ, которое цесаревою и королевыми и княжскими руками подписано, что на семъ свѣтѣ нелзѣ того крѣпчае быть; а въ томъ докончаньѣ написано: будетъ которая ссора учинитца, которая межъ сосѣдей часто живетъ, и о томъ ссылатца о управѣ и о исправленьѣ. А нынѣ наши послы съ великими проторми стоятъ въ городѣ Осенбрюгѣ, и хотѣли мы свейскую коруну съ цесаремъ римскимъ мирить, а нынѣ мы свѣдали, что старые договоры и вѣчное докончанье нынѣ болши не почитаютъ, которое отъ роду не учинено и межъ крестьянскихъ государей и мусулманскихъ содержано было, и того не слыхано, что не отказавъ миру, война зачинать и мирное постановленье нарушить, что нынѣ исперва отъ нашихъ сосѣдей, Свеянъ, надъ нами учинилося. Для того намъ добро показалось и надобно, смотря тоѣ вѣрные старые дружбы, что межъ нами и нашими государствы и землями велась, и нынѣ въ ближнемъ союзѣ и укрѣпленьѣ свыше того прибавлено съ вашею лю-

бовью, о томъ извѣстить вашей любви, чтобъ ваша любовь поранѣе отъ такихъ сосѣдей себя остерегалъ, а сколько вашей любви возможно, подумалъ на которыя мѣры, чтобъ такихъ не праведныхъ и страховитыхъ сосѣдей сила, какъ вашей любви впредь вѣдомо будетъ, иныхъ порубежныхъ сосѣдей не одолѣла, отъ которой Господь Богъ соблюди, а ихъ Господь Богъ сокруши и смири, чтобъ имъ и въ вѣкъ тово не забыть за ихъ неправду. И посемъ дожидаемся сосѣдственно и дружно отъ вашіе любви въ нынѣшнее время въ такихъ мѣрахъ вскорѣ, какъ возможно, объявленья о великой дружбѣ, что ваша любовь насъ всегды о томъ обнадеживалъ, и чтобъ ваша любовь свое хотѣніе и мысль поранѣе объявилъ, а мы противъ тово вашей любви въ такихъ и въ ыныхъ мѣрахъ учинимъ, какъ есть вѣрныи други и постоянные сосѣди и учнемъ оказыватца. А что нынѣ отъ вашей любви учинитца, и у насъ тово въ вѣкъ въ забытьѣ не будетъ. И потомъ желаемъ вашей любви сохраненія отъ всемогущаго Бога и счастія въ новый годъ и многолѣтного здоровья и счасливого владѣнья.

Писанъ въ нашемъ городѣ Оттенсый мѣсяца генваря въ і҃ день ҂ах҃мд-го году.

А у грамоты припись, рука королевская:

Христіянъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
17	20 снизу	дурнаго.	Буднаго.
30	9 сверху	*и обѣ*	*чтобъ*
—	14 „	стравлена	сравнена
32	6 снизу	частныхъ	частыхъ
53	23 сверху	станемъ,	станетъ,
58	10 „	*повелено*	*поволено*
61	9 „	*вчинать“.*	*всчинать“.*
62	14 снизу	докончательной	докончальной
65	1 „	№ 171.	№ 117.
77	7 „	дб-кѣ М.	б-кѣ М. д.
81	16 „	якожа и	якоже и
82	7 „	Христосъ	Христомъ
131	1 „	лѣстѣ	листѣ
137	23 сверху	*Епистонія*	*Еппстолія*
142	6 „	*втыкютъ*,	*втыкаютъ*;
179	7 „	*исповѣдыванья*	*извѣдывания*
186	9 снизу	чреческихъ	греческихъ
188	15 „	рапыхъ	разныхъ
195,238	4 сверху	βαθύνω, βαθύζο	βυθίνω,βυθίζω
199	2 „	τόπος	τύπος
235	18 „	Духа“,	и Духа“,
236	20 „	дикой	дивной
252	3 снизу	неотходилъ	не выходилъ
273	23 „	нисли по гдѣ	нигдѣ
277	1 сверху	εσεζ,	εὕρεξ,
—	8 „	α μράντισμός	а ῥαντισμός
—	11 „	ῥανυσμόν	ῥαντισμόν

279	3	снизу	εὕρε	εὕρεξ
290	1	сверху	Стемпковскихъ	Стемпковскимъ
308	12	снизу	ἠἠτις γσννηθἠ	μή τις γεννηθῆ
318	13	„	жестокія	жесткія
341	16	сверху	м	и
362	4	„	Датчанами	съ Датчанами
371	5—6	„	объ матики	объ изданіи грамматики

Къ стр. 170. Въ приходо-расходной книгѣ Московскаго печатнаго двора (библ. М. Син. типогр.) № 40 л. 418 об. записано: „153 года окт. 22 по челобитной подписной, за помѣтою дьяка Івана Ѳедорова, Успенія преч. Богородицы ключарю Івану Насѣтке дана книга Кирила Іерусолимского въ тетратехъ, цѣна рубль 23 алтына 4 деньги, за то, что въ прошломъ во 152 году былъ въ отвѣтной полате, за кормъ противъ ево товарищей справщиковъ, а товарищей ево кормъ было по гривнѣ на день". Далѣе слѣдуетъ собственноручная росписка Насѣдки въ полученіи книги. Въ 1644 г. поденнаго корму по гривнѣ человѣку выдавалось *въ началѣ мая* книжнымъ справщикамъ Шестаку Мартемьянову и Захарью Аоанасьеву. Слѣдовательно бытность ключаря Ивана въ отвѣтной палатѣ (въ 1644 г.) относится къ означенному времени. Что дѣлалъ Насѣдка въ началѣ мая 1644 г. въ отвѣтной палатѣ съ двумя своими младшими сослуживцами? Полагаемъ, что писалъ отвѣтъ на отповѣдь пастора или составлялъ второе посланіе патр. Іосифа къ Вальдемару.

Издательство православной богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:
www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru